

ГЛУБИННОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ: СТРАТЕГИЯ СПАСЕНИЯ ПЛАНЕТЫ

Арик МакБей, Льер Кит, Деррик Дженсен

*Я обнаружила, что всегда лучше бороться,
чем не бороться. Всегда и несмотря ни на что.*

Андреа Дворкин

От переводчика

Все сноски в конце страниц являются примечаниями переводчика и необходимы, т.к. понятийная база по данной тематике в языке оригинала значительно более развита. Также сноски добавлены, чтобы сделать прочтение комфортным для людей, которые не являются профессиональными активистами и не владеют политической или экологической терминологией. Слово «бог» в основном тексте намеренно пишется с маленькой буквы, чтобы случайно не выделить какого-то одного из нескольких тысяч обожествляемых людьми объектов. Сноски авторов и ссылки на материалы [&] размещены в конце книги. Официальный сайт ГЭС¹ – <http://www.deepgreenresistance.org/ru>.

Исправления и критику можно отправлять по адресу jh@aktivix.org

От авторов

Еще до написания этой книги мы, три ее соавтора, Эрик, Льер и Деррик, решили, что каждый из нас будет работать над определенной темой, поэтому у каждой части свой автор. И получается, что слово «я» в каждом из разделов относится к одному основному автору конкретной главы. В конце каждой главы имеются ответы на часто задаваемые вопросы о сопротивлении, которые написал Деррик.

Предисловие

Деррик Дженсен

*Кому-то, в конце концов, нужно быть первым. В то, что мы говорим и пишем,
верят многие. Просто у них не хватает смелости сказать об этом так же открыто,
как это делаем мы. — Софи Шу, Общество Белой Розы*

Эта книга о том, как бороться и давать отпор. Доминирующая культура – цивилизация – убивает планету, и те, кому небезразлична жизнь на Земле, уже давно должны что-то предпринять, чтобы не позволить этой культуре убить все живое.

Мы все в курсе современной статистики и тенденций: мировой океан уже лишился 90% большой рыбы, пластика в нем в 10 раз больше, чем фитопланктона, 97% девственных лесов вырублены, 98% девственных лугов распаханы, стремительно уменьшаются популяции земноводных, перелетные певчие птицы исчезают, популяции моллюсков резко сокращаются... Ежедневно бесследно исчезают двести видов живых существ. А если эти факты и тренды нам еще не известны, то это нужно исправить.

Цивилизация разрушает природу Земли, ее способность поддерживать жизнь. Если вспомнить Ирак, то первое, что приходит в голову, так это кедровые леса, которые были настолько густыми, что свет солнца не пробивался сквозь ветви. Один из самых ранних мифов был о том, как Гильгамеш вырубил леса на холмах и в долинах Ирака, чтобы построить великий город. Аравийский полуостров когда-то был дубовой саванной. Ближний Восток был весь густо покрыт лесами (мы все слышали о ливанских кедрах). Греция была очень лесистой. И Северная Африка тоже.

¹ Оригинальное название книги и организации - DGR (Deep Green Resistance) – общественная организация, основывающая свою деятельность на данной книге и преследующая описанные здесь цели. Философия глубинной экологии опирается на один принцип: интересы живой природы важнее финансовых и экономических интересов.

Повторим: цивилизация уничтожает природу. И она не прекратит это делать, даже если мы вежливо попросим.

Мы не живем в демократии. И прежде чем Вы возмутитесь наглости этого утверждения, спросите себя: чему служат правительства – корпорациям или жизни на Земле? Выносят ли суды приговоры главам корпораций за их убийственные, разрушительные действия?

Вот пара, в общем-то, не очень веселых загадок.

Вопрос: что получится от сочетания закоренелой наркомании, крутого нрава и пистолета?

Ответ: двойное убийство и тюремный срок, как минимум лет на 11.

Вопрос: что даст комбинация из двух государств, гигантской корпорации, сорока тонн яда и по меньшей мере 18 тысяч человеческих трупов?

Ответ: солидная пенсия и бонусы (Уоррен Андерсон, глава Юнион Карбид, который убил массу людей в Бхопале).

Богатые отвечают перед законом так же, как вы и я? Жизнь на Земле получает в суде такую же защиту, как и корпорации?

Все мы знаем ответы на эти вопросы. Мы прекрасно понимаем, и умом, и сердцем, что эта культура добровольно не трансформируется и не начнет здоровый, устойчивый² образ жизни. Мы – Эрик, Льер и Деррик – спрашивали тысячи и тысячи людей разных социальных слоев и профессий, от активистов до случайных знакомых, верят ли они, что эта культура сможет добровольно трансформироваться. Почти никто не сказал «да».

Если вам небезразлична жизнь на Земле, и если вы считаете, что эта культура добровольно не перестанет уничтожать природу, то как это убеждение влияет на ваши методы сопротивления? Многие этого не знают, потому что мало кто об этом говорит.

Эта книга именно об этом – об изменении тактики и стратегии. Она о том, как давать отпор.

Мы должны плечом к плечу встать между индустриальной системой и жизнью на планете. Мы должны нанести ответный удар. Те, кто придет после нас, когда эта культура будет остановлена, те, кому в наследство достанутся остатки планеты, когда эта культура исчезнет либо из-за кризиса нефти, либо в результате экономического, экологического коллапса или благодаря усилиям смелых людей, сопротивлявшихся в союзе с миром живой природы, будут судить о нас по здоровью земель, по тому, что мы оставим после себя.

Им будет неважно, как я или вы прожили свою жизнь.

Им будет неважно, насколько тяжело мы трудились.

Им будет неважно, приятными ли людьми мы были.

Им будет неважно, применяли мы насилие или нет.

Им будет неважно, оплакивали ли мы убиение планеты.

Им будет неважно, были ли мы просвещенными.

Им будет неважно, какие извинения мы находили, чтобы бездействовать (вроде «я слишком устал», «у меня стресс, и я не могу об этом думать», «это все так сложно, и я боюсь» или «власти нас поубивают, если мы будем эффективно бороться» или «применяя силу мы станем такими как они» или «но я же сортирую мусор» или любые из тысяч других таких привычных извинений).

Им будет неважно, насколько мало мы потребляли.

Им будет неважно за кого мы голосовали – демократов, националистов, либералов, зеленых и голосовали ли вообще. Неважно, были ли мы сами воплощением той жизни, которую хотели видеть.

Им будет плевать на «сострадание» к главам корпораций и политикам, руководящим убийственной системой.

Им будет важно лишь одно: смогут ли они дышать воздухом и пить воду. Мы можем сколько угодно фантазировать о каком-то великом событии, которое все изменит, но если люди и другие живые существа³ не смогут дышать воздухом и пить воду, то это все неважно.

~~~~~

С каждым новым исследованием оказывается, что глобальное потепление надвигается еще быстрее, чем считалось ранее. Уважаемые ученые весьма консервативного толка предсказывают реальную возможность смерти миллиардов людей от Климатического Холокоста. По данным недавнего исследования, к 2100 году температура повысится на 6 °C (30 °F).

² Здесь и далее понятие «устойчивый» относится к экологической устойчивости, т.е. к свойству явлений, продуктов, процессов и пр., которое означает, что их существование, производство, доставка, распределение, использование, утилизация не истощают невосполнимые ресурсы.

³ Тут авторы используют понятие *nonhuman people*, т.е. люди, которые не относятся к виду *homo sapiens*, намеренно описывая других живых существ как людей, делая не менее важными, чем люди, противопоставляя это антропоцентризму.

Мы ведем речь не о том, что современная цивилизация убьет людей, а по сути и всю планету, в каком-то далеком будущем. Это будущее, которое рожденные сегодня дети увидят и в котором будут страдать. Подумайте, стоит ли эта наша культура больше, чем жизни наших детей?

~~~~~

В книге «Нацистские доктора» Роберт Джей Лифтон (Robert Jay Lifton) исследовал, как люди, давшие клятву Гиппократу, применяли свои навыки в концлагерях, где заключенных принуждали работать до изнеможения и смерти на сборочных линиях. Он обнаружил, что многие из врачей искренне заботились о своих подопечных и делали все, что было в их силах, но по сути ничтожно мало, чтобы облегчить жизнь узников. Если заключенный заболел, то они могли дать ему полизать аспирин, например. Они могли прописать заключенному постельный режим на один-два дня, но не больше, так как их могли отобрать на уничтожение. Если у пациента обнаруживалось заразное заболевание, врачи могли убить пациента, чтобы предотвратить распространение заразы. Все это имело смысл в рамках реальности Аушвица. Опять же, доктора делали все возможное, чтобы помочь заключенным, кроме самого главного: они ни разу не усомнились в самом существовании Аушвица. Они воспринимали как данность изнуряющий и убивающий труд заключенных. Они не задумывались, почему эти люди находятся в заточении, испытывают голод и подвергаются пыткам. Они не подвергали сомнению само существование той культуры, которая вела ко всем тем жестокостям. Они никогда не оспаривали логику, которая неизбежно вела к электрическим заборам, газовым камерам и простреленным черепам.

Защитники окружающей среды, по сути, занимаются тем же. Мы боремся изо всех сил, пытаемся защитить то, что мы любим, используя инструментарий экономической и социальной систем, которые убивают изможденный грабежом мир. И при этом мы не делаем самого важного: не сомневаемся в самом существовании этой смертельной культуры. Мы не ставим вопрос о сущности экономической и социальной систем, которые убивают этот мир, лишают его свободы, насилуют его. Мы не критикуем саму логику, которая неизбежно ведет к массовой вырубке лесов, мертвым океанам, безжизненной почве, задушенным плотинами рекам, отравленным водоносным горизонтам.

И, конечно же, мы бездействуем, вместо того, чтобы стремиться прекратить эти ужасы.

Как остановить глобальное потепление, которое в основном вызвано сжиганием нефти и газа? Если спросить об этом у нормально развитого семилетнего ребенка, то он даст очевидный ответ. Но если задать этот вопрос в меру образованному 35-летнему консультанту, работающему на высокотехнологичную «зеленую» компанию, то скорее всего получите ответ, который выгоден самой компании, но не реальному физическому миру.

Когда большинство современных людей спрашивают: как нам остановить глобальное потепление, они на самом деле только притворяются, будто их волнует эта проблема. На самом деле их беспокоит, как остановить глобальное потепление, не прекращая сжигание нефти и газа, не останавливая промышленность, не прекращая работу этой убийственной системы? Ответ: это невозможно.

И все же, есть еще один взгляд на все это: что бы мы сделали, если бы инопланетяне захватили планету и начали опустошать океаны, заживо сдирать покровы лесов, устанавливать дамбы на каждой реке, менять климат, отравлять диоксином и десятками канцерогенов материнское молоко каждой матери, плоть наших детей, любимых, отцов, матерей, братьев, сестер? Вы бы стали сопротивляться? А если бы существовало движение сопротивления, то вы бы к нему присоединились? Если нет, то почему? Насколько разрушительным должен быть нанесенный ущерб, чтобы вы решили остановить тех, кто убивает нашу планету, наших любимых, нас самих?

В мировом океане уже исчезло 90% крупной рыбы. Когда вы начнете сопротивляться? Когда этот показатель достигнет 91%? 92%? 93%? 94%? Подождете пока не истребят 95%? 96%? 97%? 98%? 99%? Как насчет 100%? Вот тогда дадите отпор?

Задавая эти вопросы, мы не подразумеваем, что люди не должны стараться затормозить разрушительность системы, работая внутри нее. Сейчас ведущая энергетическая корпорация, федеральное правительство и власти американских штатов, местные племена американских индейцев, помимо различных социальных групп (от природоохранных до рыбаков и фермеров), ведут переговоры о ликвидации в ближайшие 15 лет пяти дамб на реке Кламат (Klamath) (выживет ли лосось, остается под вопросом). Это уже что-то. Но в одних только США существует 2 миллиона дамб, из которых 60 тысяч выше 4 метров, а 70 тысяч – около 2 метров. Если мы будем убирать по 70 тысяч дамб в день, то нам потребуется 200 лет на их полное уничтожение. Ни у лососевых, ни у осетровых нет столько времени.

Если бы лосось вышел на демонстрацию, что бы он сделал?

Эта книга о том, как дать отпор.

Что мы подразумеваем под словами «дать отпор»? Далее мы детально проанализируем, почему нужно прежде всего научиться чувствовать и мыслить самостоятельно, понять, что и кого мы любим, понять, как защитить их, используя необходимые и адекватные методы. Стратегия Экологического Сопротивления, [3], начинается с признания и принятия того факта, что жизнь на нашей планете оказалась в ужасающей ситуации, спровоцированной промышленным лобби. Цель ЭС – лишить богатых возможности грабить бедных, лишить власть имущих возможности уничтожить планету. Также это означает защиту и восстановление справедливых и устойчивых общин людей, проживающих на восстановленных землях. Это грандиозное начинание, но оно выполнимо. Индустриальную цивилизацию можно остановить.

~~~~~

Люди регулярно обращаются к нам, авторам этой книги – Арику, Льер и Деррику, и рассказывают о том, как надежда и отчаяние слились в их сердцах в нечто единое. Они больше не хотят делать всё, что в их силах, чтобы защищать то, что они любят, причем под «все» они не подразумевают уничтожения самой культуры. Они хотят перейти из обороны в атаку. Они хотят остановить деятельность доминирующей культуры, но не знают, как это сделать.

Наша книга о том, как создать культуру сопротивления. И еще она об организации самого сопротивления. Прочитав ее, вы узнаете о том, как сделать так, чтобы лосось вернулся в реки, певчие птицы – в леса, земноводные – в свою среду обитания.

Эта книга о том, как дать отпор. Эта книга о том, как победить.

Прямые атаки против стратегических узлов инфраструктуры – это основная тактика как военных, так и повстанцев по всему миру. Причина тому проста: это эффективно. Но сами по себе такие действия недостаточны для того, чтобы следствием их стала победа справедливости. Это означает, что любая стратегия, нацеленная на достижение справедливого будущего, должна включать в себя призыв к построению прямой демократии на основе прав человека и устойчивой материальной культуры (т.е. культуры, которая не зависит от использования ограниченных ресурсов). Различные подразделения движения сопротивления должны работать слаженно: открытое и подпольное, военизированное и мирное, активисты на передовой и активисты культуры. Нам нужны все.

И нам нужно быть мужественными. Во многих языках слово «мужество» восходит к корню «сердце». Нам потребуется все мужество, на которое способно человеческое сердце, ставшее и мечем и щитом на защиту того, что еще осталось от планеты. А сама суть мужества – это, конечно же, любовь.

И хотя эта книга о том, как дать отпор, она, в конце концов, о любви. Певчим птицам и лососю нужны наши сердца, и не суть важно, насколько они истерзаны, потому что даже разбитое сердце соткано из любви. Им нужно твое сердце потому, что они исчезают, ускользают в бесконечную ночь небытия, а сопротивления нигде не видно. Нам надо создать сопротивление из всего, что попадется под руку: шепот и молитвы, истории и мечты, смелые слова и смелые дела. Будет трудно. Придется заплатить свою цену. И не раз в неумолимом закате или в беспросветной ночной тьме рассвет будет казаться невозможным. Но мы должны это сделать так или иначе. Так что укрепи твое сердце и стань на сторону всех живых существ. Если нами руководит любовь, то неуязвимо возможно поражение?

Часть I: СОПРОТИВЛЕНИЕ

Глава 1

Проблема

Льер Кит

Невозможно жить политической, нравственной жизнью, если вы не готовы открыть глаза и смотреть на мир с любовью. Рассмотрите хотя бы часть происходящей в нем несправедливости. Попробуйте осознать то, что происходит в мире. А когда поймете, у вас появится ответственность действовать.

—Билл Айерс, сооснователь Подполья Погоды

Чёрная крачка весит около 50 грамм. Имея запас энергии, равный маленькой упаковочке M&M⁴, и крылья размахом 30 сантиметров, она пролетает тысячи километров в поисках болот, где сможет вырастить потомство. С каждым годом ее путешествие становится все длиннее, поскольку болота осушаются ради потребностей людей. Из года в год крачка, отчаянная и голодная, проигрывает, в то время как цивилизация, бесконечная и кровавая, побеждает.

Нормальный вес белой медведицы 300 кг. Ей нужен запас энергии, чтобы на протяжении девяти долгих темных месяцев выносить медвежат в берлоге, а затем в ходе выкармливания их молоком отдать иссякающие остатки голодным ртам продолжателей ее рода. Однако в некоторых регионах вес самки до ухода в спячку уже упал до 230 кг [1]. А между тем, льда не стало, как и болот. И когда она просыпается, воды простираются до невозможного далеко, и нет у нее медвежьего бога, который бы раздвинул для нее эти воды, как для Авраама.

Улитки Альдабра (*Rhachistia aldabrae*) должны что-то весить, но весу в них осталось лишь на скелеты, кусочки скорлупы цвета апельсина и индиго. Эта улитка не просто исчезла, она была провозглашена первой жертвой глобального потепления. В засушливые периоды улитка впадала в спячку. Молодые особи всегда более уязвимы, поскольку у них меньше запасов. В этом случае репродуктивная «победа» взрослых особей была «провальным поражением». Проще говоря, дети умирали и умирали, а от вида, которому миллионы лет, остались лишь скорлупки их раковин.

Сколько лично вы сможете вынести печали, гнева и отчаянья? Сегодня исчезновение составляет 200 видов в день. Или 73 тысячи в год. Наша культура не замечает их исчезновения, считает, что ей предназначены все ниши погибших видов и в вечерних новостях никто не зачитывает списки умерших.

У сметающей все живое волны цунами есть имя: момент вымирания Холоцен. На этот раз не будет астероида, только поведение людей, поведение, которое мы можем при желании остановить. Адольф Айхман оправдывал себя тем, что никто не сказал ему, что концентрационные лагеря – это плохо. Мы все видели фотографии тонущих белых медведей. Неужели мы настолько морально огрубели, что нам нужно говорить, что это плохо?

Люди озабочены, даже остро переживают о бедственном положении планеты, вырывании из ее лона целых видов живых существ. «Только абсолютное прекращение выбросов может предотвратить потепление на планете», объявила одна пара климатологов. [4] Джеймс Лавлок (James Lovelock), отец гипотезы Гайя (the Gaia hypothesis), прямо заявляет, что глобальное потепление перешло критическую отметку, что возмещение углерода – блеф, а изменения образа жизни отдельных людей⁵ – «бредовая фантазия» [5]. Это все правда и причем очевидная. «Простая жизнь»⁶ должна начинаться с простого наблюдения: если сжигание полезных ископаемых убивает планету, тогда их нужно перестать сжигать.

Но такой вывод, при всей его кристальной простоте, не для всех очевиден. Как только «ответственные лица» начинают озвучивать способы решения проблемы, они тут же прекращают говорить правду, неудобную или какую-то еще. Спросите Google о решениях проблемы глобального потепления (global warming solutions). Первое платное объявление в 2010 году, Campaign Earth, вдохновляет: «Прочь панику и отчаянье! Разве может депрессия помочь вам? Мы готовы воодушевить вас действенными приемами и историями успеха». Под «действенными» они не имеют в виду решения, которые действительно соответствуют масштабу проблемы. Подразумеваются заурядные тканевые сумки для шопинга, кружки вместо пластиковых стаканчиков, опрометчивые советы по питанию... Словом, все то, что никоим образом не остановит «святую» троицу: индустриализацию, капитализм и патриархат, которые заживо сдирают кожу с нашей планеты. Как уже отметил Деррик Дженсен, даже, если бы каждый американец выполнил все действия, которые рекомендует Эл Гор (Al Gore), то это снизило бы выбросы парниковых газов на 21 процент [6]. Подобным же образом, даже если бы благодаря «простой жизни» и тщательной вторичной переработке удалось сократить объем пластикового

⁴ Т.н. «ММ Денс».

⁵ Здесь и далее речь идет о так называемых «решениях» глобальных проблем за счет перемен в потребительских предпочтениях на индивидуальном уровне (англ. lifestyle solutions): использования энергосберегающих лампочек, многоразовых сумок вместо пластиковых пакетов, бумажной упаковки и перерабатываемых материалов.

⁶ Простая жизнь – термин, описывающий образ жизни, который характеризуется сниженным потреблением, минимизацией навязанных рекламой потребностей.

мусора на 750 килограмм на каждого жителя, то удельная доля в промышленном мусоре США осталась бы на уровне 26 тонн в год на человека. А это в 33 раза больше мусора, чем все 100% видимого потребителю мусора [7]. Для радикальных перемен должна остановиться сама промышленность. И не существует какой-то более доброй, более зеленой версии промышленности, которая волшебным образом сохранит нам жизнеспособную планету. Проще говоря, индустриализация – это процесс превращения целых живых сообществ в товары и мертвые поля, реки, океаны, болота... Можно ли сделать этот процесс более «эффективным»? Конечно, мы могли бы использовать немного меньше горючих ископаемых, но конец все тот же: свалка на землях, мусор в воде и дым в небе. Мы смогли бы протянуть еще лет двадцать, но планета все равно умирает. Проследите каждый артефакт промышленности к его созданию (что весьма нетрудно сделать, поскольку остаются кровавые следы) и вы обнаружите все то же разорение: добыча ископаемых, сплошная вырубка леса, дамбы, промышленное земледелие. А сейчас еще и гудронные пески, снос горных вершин, ветровые электростанции (которые лучше было бы называть станциями мертвых птиц и летучих мышей). Нет такого количества возобновляемых ресурсов, которое компенсирует использование горючих ископаемых или изменит саму суть добычи, так как оба этих явления обязательны для доминирующего образа жизни. Ни горючие ископаемые, ни любые другие ресурсы не являются экологически устойчивыми, а их количество по определению ограничено. Гудронные пески не остановить ни холщовой сумкой для походов по магазинам, ни рекламными шлепанцами против глобального потепления. Но поскольку эти действия, в свою очередь, не принесут неудобства ни одному человеку, то они могут быть восприняты и как действенные, так и успешные.

На следующем сайте на странице «Берись за дело» содержатся рекомендации бытового характера: покупай энергосберегающие лампочки, накачивай шины, полностью загружай посудомойку, меньше проводи времени в душе и переставь стулья у стола. Кроме того, предлагаются жизненно важные браслеты «Остановим глобальное потепление» и, что еще важнее, шлепанцы. Ух-ты! Белые медведи плачут от счастья.

Первый некоммерческий сайт – Союз Встревоженных Ученых (Union of Concerned Scientists). Как и предполагалось, никаких восклицательных знаков. Вместо них четкое утверждение: «Сжигание одних только горючих ископаемых (нефти, угля и природного газа) приводят к выбросам 75 процентов годовых объемов CO₂». Затем следуют Пять Разумных Шагов. Шаг первый? Нет, не прекращение сжигания горючих ископаемых, а «Производить машины лучшего качества». Давайте не будем обращать внимание на тот факт, что машины сами по себе являются источником загрязнения, требуя при этом места, скорости и топлива – а это полная противоположность потребностям как сообщества людей, так и живой природы. Как и все другие, ученые отказываются ставить под вопрос саму промышленную цивилизацию. Ведь мы можем жить на жизнеспособной планете и одновременно потреблять, убивая ее, не так ли?

Тут принцип очень прост. Как писал Деррик, «любая социальная система, базирующаяся на невосполнимых ресурсах, неустойчива по определению» [8]. Внесем ясность, невосполнимые ресурсы – это те, которые рано или поздно закончатся. Как только понимаешь эту сложнейшую идею, можешь переходить на новый уровень: «любая культура, основанная на невосполнимом использовании восполняемых ресурсов, настолько же неустойчива». Деревья возобновляемы. Но мы используем их быстрее, чем они растут, и леса превращаются в пустыни. Именно этим цивилизация и занималась на протяжении всей своей миссии длиной в 10 000 лет. Переходя от почв к рекам, от лесов и металлов к углю и нефти. А сейчас океаны почти мертвы, количество планктона уменьшается, лишая океаны еды, а планету кислорода. Что наполнит наши легкие, когда их не станет? Пластик, которым индустриальная цивилизация замещает планктон? В некоторых районах Тихого океана соотношение пластикового мусора и планктона превышает 48:1 [9]. Представьте, что это ваше сердце, ваша кровь, переполненная токсичными материалами, – и не просто материалами, а физическим мусором, да еще так сильно, что этого мусора в 10 раз больше, чем вас самих. С чем еще можно сравнить умирающий планктон? Рак? Удушье? Распятие?

Но океанам не нужны наши метафоры. Им нужны поступки. Им нужно, чтобы промышленная цивилизация перестала разрушать и разорять. Иными словами, им нужно, чтобы мы остановили цивилизацию.

Именно поэтому мы написали эту книгу.

~~~~~

Большинство людей, по крайней мере многие из тех, у кого бьется сердце, уже умножили два на два, добавили в уравнение наглость, садизм, тупость, отрицание⁷ и подвели итог: мертвая планета. Некоторые из нас тащат на себе этот итог как тяжелый труп. У других от такого результата сердце превращается в груды тлеющих углей. Но отчаянье и ярость уже давно стали скрытыми и неясными чувствами в душах «духовных воинов», которые настаивают, что они спасут планету, «исцеляя» себя сами. Как такая деятельность на деле остановит выбросы парниковых газов и вырубку лесов, никто объяснить не готов. Ответ лежит где-то посередине между теми переменами, которые мы хотим видеть, и надеждой на «сотую обезьяну»⁸, которая больше похожа на детскую надежду на чудо, чем на реальную возможность.

Учитывая, что культура развитых стран основывается на индивидуализме и насквозь пропитана привилегированностью, неудивительно, что конечным продуктом является нарциссизм.

7 Отрицание (англ. denial) – осознанное или неосознанное вымещение, игнорирование некоего полностью или частично осознаваемого образа, идеи. Является методом компенсации когнитивного диссонанса.

8 Теория о «сотой обезьяне» предполагает, что некий навык способен распространяться в популяции и со временем может стать основой нового образа жизни, мышления. Предлагается надеяться на этот механизм, как на путь к коренным изменениям доминирующей культуры, которую авторы данной книги определяют, как «промышленная цивилизация».

Социальные восстания шестидесятых раздробились кривыми линиями ответственности и гедонизма, справедливости и эгоизма, жертвенности и привилегий. Нам в наследие досталась альтернативная культура, небольшой мирок обращенных, довольных лишь своим существованием на фоне заразной попсы. Тут можно найти и тренинги по «сознанию нищеты», так будто бедность – это состояние ума, а не основная опора капитализма. Эта культура почти не готовит нас к кризису, который неотвратимо надвигается на нас и в итоге уничтожит жизнь на всей планете. Факты не способствуют восхищенному изумлению. Чтобы принять правду как взрослые люди, а не искусственно выращенные дети, требуется зрелая сила и мужество, опирающиеся на взрослую ответственность перед миром. Требуется потому, что ситуация ужасающая и жить с такой правдой больно. Между тем, мне удалось побывать на тренингах, где глобальное потепление рассматривалось как возможность для личностного роста и никто из присутствующих, кроме меня, не видел в этом никакой проблемы.

Слово «экологичный» – это что-то вроде «Восхваляем Иисуса!» для эко-оптимистов – служит наихудшим примером тенденций альтернативной культуры. Это слово – уловка корпоративных маркетологов, тщательно спланированный подъем «зеленых» чувств в сочетании с неизменным отрицанием в среде привилегированных. Я с трудом выношу это слово, настолько сильно его затаскали оптимистичные прорицатели грядущего технотопного царства потребления. Нужно поставить под сомнение это размытое обещание, ныне уже надежно укоренившееся в нашем мире, обещание того, что мы якобы можем сохранить и наши автомобили, и корпорации, и потребление, и планету тоже – это и предательство, и ересь, удобная для эмоционального комфорта большинства прогрессистов. Но вот вопрос: мы хотим хорошо себя чувствовать или быть эффективными? Мы сентименталисты или воины?

Для того чтобы слово «экологичный» (т.е. «экологически устойчивый») имело хоть какой-то смысл, мы должны принять, а затем отстаивать простую истину: планета прежде всего. Кропотливая работа миллионов видов созидаящая жизнь – это и есть земля, воздух, вода... Все то, от чего мы зависим. Нет такой деятельности человека, ни праздной, ни возвышенной, которая значила бы больше, чем работа этой сети жизни. И раз уж на то пошло, эта работа сети жизни имеет большую ценность, чем любая человеческая жизнь. Если мы говорим «экологичный» а подразумеваем нечто иное, тогда мы лжецы высшей пробы, те, кто своим бездействием поощряют жестокость.

Даже если бы у нас была возможность достучаться до нарциссизмов, у нас нет на это времени. Если мы признаем, что нужно двигаться вперед без них, то это выход из избалованной детскости левой политики с ее розовыми очками, это взрослое принятие фактов. При всем уважении к Yeats: «Знание обязывает». Этой книгой мы обращаемся к вам, зрелым, охваченным печалью и гневом.

~~~~~

Подавляющее большинство людей не станет делать ничего, если их не вести, не упрашивать и не принуждать. Если структурно все построено так, что люди должны жить, не причиняя никому вреда, например, как в племенах охотников и собирателей с уважаемыми старейшинами, тогда так все и выйдет. А если все вокруг создано для машин, образование промышленного стандарта обязательно, неуплата налогов на войну приводит к тюрьме, еда доступна лишь благодаря гигантским корпорациям, которые повсеместно насаждают корпоративную деградацию, женоненавистническая порнография доступна круглосуточно, то тогда добро пожаловать в ад. Эта культура, по сути, проводит на нас массовый эксперимент Милгрема, вот только электрошок реальный, он убивает планету, один вид живых существ за другим.

Но где угнетение – там и сопротивление. Так было всегда. Сопротивление строится из очень немногих, стойких борцов, смелых, решительных, готовых сопротивляться власти и общественной цензуре. Мы прогнозируем, что массового движения не будет, во всяком случае не так быстро, чтобы спасти планету, наш дом. Но даже горстке сознательных и сплоченных граждан, как писала Маргарет Мид⁹, удавалось в прошлом изменить как культурное самосознание, так и основы власти в сторону большей справедливости. Разумно желать массового движения, однако независимо от того, насколько сильно желание, мы умом понимаем, что в данном случае надеемся на чудо. Теоретически, человечество могло бы трезво оценить существующую ситуацию и принять какие-то решения, непростые решения, но честные, которые помогли бы равномерно и справедливо распределить ресурсы с учетом их ограниченности. Но ни одна из организаций или сообществ, которые руководят нашей жизнью, от экономических до религиозных, не выступает за справедливость и экологическую устойчивость. Теоретически, эти общественные институты можно заставить измениться. История каждого движения, боровшегося за права человека, стала свидетельством того, как мужество и самопожертвование способны разрушить власть и восстановить справедливость. Но опять-таки, нужно время. Если бы у нас в запасе была тысяча лет или хотя бы сотня, то мы, как движение, ставили бы перед собой цель изменить существующую систему управления. Но у западных черных носорогов нет времени. У золотой жабы, у карликового кролика тоже нет времени. Никто не спасет их, кроме нас.

Так какие же у нас варианты? Обычный подход – медленные институциональные изменения – нам заказан, и многие из нас знают об этом. По умолчанию, защитники окружающей среды выбирают «стратегию» персонального выбора. Это очень предсказуемо, так как идеально вписывается в систему капитализма, в особенности в ту его версию, где каждый порыв человека превращается в прибыль. Но невозможно предотвратить экологический кризис потреблением, поскольку само потребление и является проблемой. Нам простительно поначалу поддаться на увещевания о «простой жизни», как предполагаемого решения проблемы потребления, особенно учитывая, что

---

9 Один из переводов знаменитой цитаты Маргарет Мид такой: «Никогда не сомневайтесь в том, что небольшая группа думающих, самоотверженных людей способна изменить мир. На самом деле только они его и меняют».

ведущие природоохранные организации и медиа объявили перемены в образе жизни нашей Первой Заповедью. Вы уверовали в энергосберегающие лампочки, как в Вашего личного спасителя? Вот только дело в том, что изменения образа жизни не являются решением проблемы, так как не затрагивают источник проблемы.

Мы верили таким смехотворным решениям потому, что наше видение было затуманено отрицанием и отчаянием. Подобные чувства понятны, и я никого не пытаюсь переубедить. Но чего же мы хотим: разработать стратегию управления нашим эмоциональным состоянием или спасти планету?

Мы поверили в «решения» через изменения образа жизни потому, что все вокруг уверяют, что они работают: зомбирование постоянным повторением слов «возобновляемый», «вторичная переработка», – так нас тупо втягивают в общую веру. Как и Айхману, нам никто не сказал, что это ошибка.

Но все это уже в прошлом. Сейчас наступил тот момент, когда тебе нужно решить: ты хочешь участвовать в серьезном проекте по спасению планеты? Не в масштабном коллективном самообмане, не в решительной попытке почувствовать себя лучше, а в реальной стратегии, которая остановит разрушение всего, что заслуживает любви. Если твой ответ такой же однозначный, как инстинкт, то читай дальше.

Вопрос: Разве мы не приходим к переломному моменту в результате изменения общественного мнения?

Деррик Дженсен: В 2004 году Джордж Буш получил более 62 миллиона голосов в США. Нужно признать, что демократы – это лишь «хороший полицейский» в сценарии типа «хороший полицейский – плохой полицейский», но это не меняет того факта, что 62 миллиона людей проголосовали за Джорджа Буша. Сегодня есть люди, ночующие в палатках, чтобы получить автограф от попсовой певички. В небольшом графстве, где я живу, есть несколько проблем, ради решения которых люди готовы штурмовать офис местного бюрократа. Одна из них – возможность выращивать для себя лично небольшое количество марихуаны. Другая проблема – это право ездить на ORV везде, где взбредет в голову.

Люди не бунтуют против нежелания правительства оказывать бесплатную медицинскую помощь. Люди не восстают против отравления всего в окружающей среде и смертей близких от рака. Они не организуют мятеж из-за того, что Соединенные Штаты тратят миллионы и миллиарды для уничтожения людей по всему миру. Да и вообще, один из бесприкрытых приемов любого политика – это ратовать за увеличение военного бюджета. Это чрезвычайно популярно.

Такую культуру нужно оставить в прошлом. Полностью. Это совершенно необходимо. Человечество прожило без промышленности большую часть своей истории. Промышленность убивает нашу планету, а люди не выживут без планеты. Планета (и существование людей без использования природных ресурсов) важнее промышленности.

Конечно, добровольные преобразования, достижение критической массы осознанности и/или недовольства гораздо предпочтительнее. Но этого не происходит, и нам нужен план Б.

Нет-нет, цивилизация не трансформируется сама по себе и не превратится вдруг в нечто экоустойчивое. Это физически невозможно, поскольку цивилизация функционально неэкоустойчива. И тот факт, что идеи типа «эффекта сотой обезьяны» часто публично озвучивают, говорит о том, что нам предстоит преодолеть долгий путь к свершению необходимых изменений. Один тот факт, что люди все еще обсуждают подобное, говорит о высокой степени физической отделенности от настоящей физической реальности, само по себе является свидетельством того, что добровольной трансформации не произойдет. Нет, импульс огромен. Что нам нужно сделать, так это остановить эту культуру до того, как она убьет планету. За вас я говорить не буду, но я не стану полагаться на мифическую сотую обезьяну, чтобы она сделала за меня работу, которую я могу сделать сам.

Вопрос: Я поклонник Даниэля Куина (Daniel Quinn), который говорит, что нужно просто уйти. Что вас не устраивает в его стратегии?

Деррик Дженсен: Тут есть две проблемы. Имея цивилизацию, которая пустила метастазы по всему миру и бомбардирует Луну, куда вы собираетесь уйти? В тающую Арктику? В просторы океана, где пластикового мусора в 48 раз больше, чем фитопланктона? Куда ты хочешь уйти? Диоксин можно обнаружить в грудном молоке каждой матери, так что даже грудного молока не выпить без дозы диоксина. Канцерогенами заражены все реки мира. Куда ты уйдешь?

Некоторые в ответ говорят: «Ну нет, это должно быть состояние ума. Мы должны отстраниться эмоционально». Но реальный физический мир – это основа всей жизни, и отстраниться от этой основы не получится.

Самоустранение перед лицом моральных сложностей – это вообще не решение. Удалиться при виде жестокости – не решение. За сегодняшний день исчезли 200 видов живых существ. Сталкиваясь с совершающими жестокое насилие, ты становишься ответственным за его прекращение любыми средствами. Если бы тебя пытали в каком-то подвале, и я знал об этом, то ты бы хотел, чтобы я ушел? Ты бы принял ответ в стиле: я ухожу – таково мое решение. Кем бы ты меня назвал? Полагаю, что «трус» – самое доброе слово, из тех, которые бы ты использовал.

Цивилизация и другие опасности

Арик МакБей

Единственное оправдание этого чудовищного абсурда звучит так: «Вы правы, но поезд уже в пути». Если поезд уже в пути, то лучше бы ему сойти с рельс, иначе наша планета и все мы окажемся по уши в дерьме.

—Джеймс Хенсен, климатолог

*попробуй убедить себя,
что ты не несешь ответственности
за жизнь твоего племени
и дыхание твоей планеты.*

— Эдриэн Рич, феминистка, поэтесса

Итак, против чего мы боремся?

Задумайся лишь на секунду об экологическом наследии доминирующей культуры, массовом уничтожении целых биосфер (так называемом «влиянии на окружающую среду» в сладких устах проповедников индустриализма).

Аральское море между сегодняшними Казахстаном и Узбекистаном – очень показательный пример. Арал означает «море островов» из-за тысяч островов, разбросанных между когда-то плодородными водами. В 1950-х годах СССР начал реализацию программы интенсивной ирригации огромной плантации хлопка за счет вод бассейна Арала. В те времена море было гигантским, большим по размеру, чем Дания, Шри-Ланка и Доминиканская Республика вместе взятые. Но начиная с 1960-х из-за отвода воды море стало резко мелеть, а возрастающая соленость воды убила рыбу и прочую живность. На сегодня осталось лишь 10 процентов моря. Смягчающего эффекта моря уже нет: лето стало слишком жарким и сухим, а зимы слишком долгими и холодными. Там, где раньше было море, наполненное жизнью, сейчас мертвая пыльная равнина, токсичная из-за скопившихся удобрений и промышленных отходов. Остров Возрождения (ну, когда-то он был островом) хранит останки советского завода биохимического оружия. Брошенные корабли, разбросанные по ядовитой равнине, стоят как памятники тому времени, когда море было морем полным жизни, рыбы...

В данном случае самое точное определение – «постапокалиптический», лучше не придумашь. Но апокалипсис еще не «пост». Остатки моря все еще высыхают. Раньше было три отдельных соленых озера. Но пока я писал эти строки, одно из них окончательно высохло и исчезло. Ныне от «моря островов» остались лишь два крохотных токсичных пятна.

То, что случилось с Аральским морем, сегодня происходит повсюду, причем быстро. Если на исчезновение Аральского моря потребовалось 50 лет, то сейчас такая же площадь нашей планеты становится пустыней ежегодно. Нетрудно обнаружить целые биомы, уничтоженные нашей культурой: прерии (степи) запада Северной Америки, древние леса Среднего Востока... Сегодня сложнее найти биомы, которые сохранились.

А в некоторых местах власть имущие только начинают. Так происходит, например, с «месторождением» битуминозных песков Атабаска, залежи которых сконцентрированы в основном на севере штата Альберта. Битуминозные пески – это отложения смол вперемешку с песком, большая часть которых находится под таежным лесом. (Если поискать наименее разрушенный биом, как минимум в периоде до глобального потепления, то тайга – хороший пример). Чтобы добраться до песков, нефтяные компании буквально снимают с лица земли живой лес и почву. Затем они добывают песок из расчета 2 тонны песка на один баррель производимой нефти. Потом с помощью воды из ближайших рек вымывают песок из смолы. Побочный продукт переработки – вода токсичная для рыб, птиц и всего живого. И объем этой воды в несколько раз превышает полученный продукт. Если бы кто-то яростно ненавидел землю и хотел ее уничтожить, ему пришлось бы очень постараться, чтобы придумать еще более беспощадный способ.

Для превращения смолы в синтетическое масло используется огромное количество природного газа. Расходуемая энергия дает в пять раз больше парниковых газов, чем обычная нефть. Если кому-то хотелось придумать самый ужасный способ расходования ископаемых углеводородов, то поздравляем, это удалось.

Все это работает по четкому шаблону. Доминирующая культура пожирает целые биомы. Хотя нет, это слишком лестное определение, поскольку «пожирать» подразумевает некую естественную биологическую

потребность. А эта культура не поглощает экосистемы, а стирает их одну за другой. Современная культура – это серийный экоубийца, и давно пора разоблачить ее методы.

Постигшие планету кризисы происходят потому что такие люди, а, как мы уже говорили, потому что так организовано общество. Такой способ организации общества называется «цивилизация». Что же нам нужно знать о цивилизации, чтобы ее свергнуть?

Цивилизация глобализована. Она опоясывает весь мир, несмотря на поверхностные политические границы, она инфраструктурно и экономически интегрирована. Любое местное сопротивление наталкивается на оппонента, в распоряжении которого ресурсы всего мира. Поэтому эффективные стратегии должны применяться по всему миру. Однако цивилизация приближается к моменту истощения ресурсов: 83% биосферы находятся под прямым влиянием человека.

Цивилизация механизирована. Для производства ей нужны машины. Механизация очень сильно централизовала политическую и экономическую власть. Общество людей не может жить в равенстве и демократии уже потому, что обычные люди вообще не имеют доступа к средствам производства. Цивилизация спровоцировала гигантский демографический взрыв, благодаря промышленному земледелию. Цивилизация вызвала уничтожение природы по всему миру за счет промышленного вылова рыбы, масштабной вырубки лесов и т.д. Большинство людей сегодня зависит от промышленного «производства»¹⁰. А сама система полностью зависит от ограниченных запасов минералов и энергоемкого топлива из горючих ископаемых [4].

Цивилизация очень молода на фоне культуры, экологии, геологии, но очень стара с точки зрения отдельного человека. Истории цивилизации всего несколько тысяч лет, история человека насчитывает несколько миллионов лет, а история экологии – несколько миллиардов. При этом, знания о том, как жить без цивилизации, утеряны. А зачастую традиционный уклад жизни намеренно уничтожают правители, чтобы прославить самих себя, или чтобы люди привыкли к угнетению и считали его естественным. Они стараются прославить цивилизацию и не допустить мысли о традиционном укладе жизни, нам кажется, будто цивилизация стара как мир.

Цивилизация – это прежде всего городское явление. Цивилизации возникают вместе с городами и способствуют их развитию [6]. Города дают массы рабочих, которые, проживая в тесноте и в отрыве от земли, должны тяжело работать, чтобы выжить. Территории городов находятся под усиленным наблюдением и постоянным вниманием полиции. Во времена падения цивилизаций, территории городов становятся эпицентрами вражды. Как писал Льюис Мамфорд (Lewis Mumford): «Любая цивилизация в истории начинается с живого ядра города, полиса, а заканчивается братской могилой пыли и костей, некрополисом, городом мертвых: обожжённые руины, разрушенные здания, пустые цеха, горы бессмысленного хлама, потонувшее в крови и проданное в рабство население [8].

Для цивилизации характерна развитая специализация труда и высокая степень расслоения общества. Специализация труда способствует высокой производительности. Но занимаясь чем-то одним, человек перестает критически воспринимать систему цивилизации в полном объеме. Людей слишком волнует их повседневная жизнь и насущные проблемы, чтобы они могли формировать широкие взгляды. Расслоение общества способствует централизации власти и сохранению низшего класса людей для выполнения непрестижных работ. Современная цивилизация, обладающая огромной производственной мощью, породила в богатых странах средний класс – уникальное явление в истории. И хотя такие люди не хотят рисковать своими достижениями, бросая вызов индустриальной цивилизации, углубляющийся кризис обязательно лишит их не только привилегий, но и гораздо большего.

Цивилизация милитаризована. Не может не расширяться, не пожирать окружающее, не конкурировать яростно. Военщина имеет высокий приоритет в политике, промышленности, науке. И часто это проявляется как неприкрытый фашизм. Контроль граждан осуществляется благодаря полиции. Как писал антрополог Стэнли Даймонд (Stanley Diamond): «Цивилизация заключается во внешней агрессии и внутренних репрессиях» [9]. Прославление милитаризма приводит к тому, что люди идентифицируют себя с государством и его поразительной жестокостью, демонстрируя тем самым, что ждет сопротивляющихся.

С милитаризмом связано также и то, что, несмотря на достижения феминизма, цивилизация в сущности своей патриархальна и прославляет маскулинность. Она системно подавляет женщин и превозносит торжество власти и насилия.

Цивилизация основывается на крупномасштабном земледелии. Охота, собирательство, садоводство, огородничество не могут ее прокормить. Только интенсивное, крупное земледелие способно дать «избыток», чтобы поддерживать города и специализированные элиты. В разные периоды истории земледелие зависело

---

¹⁰ Слово взято в кавычки, т.к. на самом деле происходит превращение накопленных природой за миллионы лет ресурсов в товары и дешевую энергию. Правильнее было бы называть процесс «производства» уничтожением.

от рабства, феодализма, жестокости. Промышленное земледелие зависит от нефти, но такая расстановка сил долго не сохранится.

С момента своего зарождения цивилизация вынуждена постоянно расти. Этот рост неотделим от земледелия и поселений. Поселения требуют земледелия, что приводит к росту населения и милитаризованным элитам, которые контролируют ресурсы. А это перегружает и разрушает природу региона.

В краткосрочной перспективе, общества, культуры, компании, которые расширяются за счет медленно растущих сообществ (а то и вовсе не растущих), делают это, несмотря на долгосрочные последствия. Иными словами, для цивилизации характерно краткосрочное мышление. Цивилизация вознаграждает тех, кто мыслит краткосрочными перспективами, и тех, кто берет больше, чем дает. Поскольку власть имущие берут больше, чем отдают, они часто выигрывают в краткосрочной перспективе. Но земля не может давать бесконечно, и в долгосрочной перспективе они проигрывают.

Постоянно пребывая в состоянии войны, занятая разрушением природы и беспрестанным расширением в не бесконечном мире, цивилизация исторически движется к коллапсу. Все цивилизации прошлого либо распались, либо завоевывались, а их завоевателей ждала или одна, или другая участь. Распад – типичный, а не исключительный исход для цивилизации. Как писал Гиббон о Риме: «История распада проста и очевидна. Вместо того, чтобы спрашивать, как развалилась Римская империя, стоило бы удивиться другому, как ей удалось так долго просуществовать» [10].

Цивилизации присуща иерархия и централизация – как политически, так и инфраструктурно. И эти свойства усиливают друг друга: правители хотят больше власти и располагают средствами для ее получения. На первый взгляд кажется, будто власть в мире контролируют правительства различных государств. В свою очередь, они сегодня полностью зависят от крупного капитала. С точки зрения общественного строя, иерархия цивилизации вездесуща и стандартизована, большинство политических лидеров заменяемы, как шестеренки в механизме. Централизация власти имеет последствия (например, уничтожение жизни на планете). При любой возможности, такие последствия стремятся переложить на живую природу и на бедных, чтобы богачи не испытывали неудобств.

Иерархия и централизация дают в результате усиление контроля над поведением и введение режима. Разрушаются традиционные родовые системы и уничтожаются методы разрешения конфликтов. Цивилизация разрастается и появляются густонаселенные города. Правители учреждают собственные законы и правила для углубления иерархии и зарегулированности.

Также, чтобы усилить иерархию и зарегулированность, цивилизация вкладывает значительные средства в монументальную архитектуру и пропаганду. У цивилизаций прошлого были пирамиды, коллизии, крестовые походы, с помощью которых усмирялось и устрашалось население. И хотя современная цивилизация все еще располагает монументальной архитектурой (особенно в виде гигантских торговых центров), более зажиточная часть людей уже погружена в виртуальную архитектуру круглосуточного цифрового спектакля, состоящего из шума и пропаганды.

К тому же цивилизация нуждается в огромных трудовых ресурсах. Она должна или прямо принуждать к наемному труду, или систематически устранять все реальные альтернативы жизнеобеспечения. Нам часто говорят, что цивилизация – это шаг вперед, освободивший людей от отчаянной борьбы за выживание. Если бы так было на самом деле, то в истории цивилизации не было бы столько рабства, завоеваний, распространения религии и политических систем огнем и мечем. Провести свою жизнь, работая на психопатов, – это благо только тогда, когда равноправные общины, живущие на земле, и сама земля разорены. Иными словами, цивилизация способна продолжать свое существование только потому, что преднамеренно создает бедность и лишения.

Цивилизация способна сделать Землю непригодной для людей и большинства видов. Цивилизации прошлого приходили к своему упадку еще до того, как успевали причинить планете вред глобального масштаба. Но всемирная промышленная цивилизация оказалась куда разрушительнее, чем все ее предшественницы. У нас больше нет возможности переждать, пока она умрет. Нам больше некуда спрятаться. Цивилизация падет в любом случае, а наша задача – сделать так, чтобы сохранилось хоть что-то после ее падения.

Доминирующая культура – не просто серийный убийца, она к тому же страдает амнезией. Целые виды и биомы были не просто стерты с лица земли, но и забыты. Более того, они были преднамеренно стерты, вычеркнуты из истории. Люди не в состоянии опознать в этой культуре серийного эко-убийцу, потому что они не оплакивают потерянное, уничтоженное.

Все знают, кто такие пингвины, не так ли? Но так не всегда называли симпатичных антарктических птиц. Это слово буквально означает «жирный», и когда-то оно относилось к бескрылой гагарке (*Pinguinus impennis*), в огромных количествах гнездившейся на островах Атлантики. Сначала бескрылую гагарку истребили и забыли, а потом название сместилось к Южному полюсу.

Еще один пример – треска. Ее огромные косяки плавали у берегов Ньюфаундленда и Маритимских островов. Рыбы было так много, что на ее истребление ушло очень много времени. Тем не менее, мы можем и сегодня купить треску в магазине. Почему? Потому что название было взято из маркетинговых соображений. Покупая что-то, называемое треской, мы получаем не настоящую атлантическую треску (*Gadus morhua*). Вместо нее мы покупаем то, что умышленно получило ложный ярлык: морского ерша (*Sebastes* spp.), минтая (*Theragra chalcogramma*) или ядовитую рыбу-масло (*Ruvettus pretiosus*). Так постоянно происходит в рыбной промышленности: один вид истребляется и заменяется другим, переименованным или неверно названным видом. Затем и тот вид истребляется. И цикл продолжается.

Посетителям магазинов и потребителям продуктов кажется, что все нормально. Они, возможно, слышат в новостях, что с рыбой что-то не так, но раз еда из магазина не исчезла, то в чем же тогда проблема? Но если вдуматься, то подобная практика с наименованиями вызывает немалую озабоченность. Это как прийти домой и обнаружить, что твоих родных убил маньяк, а потом заменил их случайными прохожими из толпы, предварительно назвав их именами умерших. Убийца сидит в твоём доме и, улыбаясь, настаивает, что все в порядке.

Нам не нужно знать обо всех жертвах системы, чтобы дать отпор (хотя каждая, про которую я узнаю, наполняет меня жаждой действия). Но мы не сможем понять, насколько близка и страшна нависшая угроза, а также сформулировать адекватный план действий, без хотя бы частичного понимания кризиса.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОКСИЧНА И НЕСОВМЕСТИМА С ЖИЗНЬЮ

Глобальное потепление вызвано парниковыми газами от сжигания горючих ископаемых, а также другими вредоносными промышленными выбросами. Концентрация метана в атмосфере выросла в 2,5 раза по сравнению с доиндустриальным периодом. Если доиндустриальный уровень CO₂ составлял примерно 280 ppm (частиц на миллион), то в 2005 году этот показатель достиг 379 ppm. В 2010 году зафиксировано 392 ppm. Межправительственная группа по климатическим изменениям (IPCC) прогнозирует, что к 2100 году концентрация углекислого газа может достигнуть 541–970 ppm. Это при том, что, по мнению многих климатологов, уровень не должен превышать 350 ppm во избежание «необратимых климатических последствий» [12].

Эксперты по климатическому моделированию считают, что в течение XXI столетия температура повысится на 2,4–6,4 °C [13]. Такой рост температуры будет катастрофическим, но при этом само повышение не будет равномерным. Некоторые зоны будут подвержены меньшим колебаниям, в то время как другие регионы испытают резкое повышение температуры вплоть до 8 °C. Будут также регионы с годовыми колебаниями на несколько градусов. В совокупности эти факторы усугубят предполагаемые крайние показатели. Редкие (раз в 10 лет) погодные события, такие как сильные бури, могут происходить каждый год. Катастрофы, ожидаемые раз в столетие, будут происходить каждое десятилетие.

Последствия глобального потепления наступят не сразу, поскольку для аккумуляции тепла в атмосфере требуется время. Мы только начали ощущать последствия произведенных на протяжении десятилетий выбросов парниковых газов. А последствия нынешних выбросов полностью проявятся еще через десятилетия. Даже если выбросы прекратятся немедленно, существующие газы будут продолжать влиять на глобальное потепление и повышение уровня моря на протяжении не менее тысячи лет [14]. Кроме того, спустя какое-то время глобальное потепление начинает поддерживать само себя. Когда начнет оттаивать тундра, таяние органики выпустит невероятный объем парниковых газов. Резкие климатические перемены нанесут вред многим таким биомам и снова вызовут выброс углекислого газа.

Одно дело просчитывать климатические модели, но совсем другое – выводы палеонтологов, которые винят в доисторических массовых вымираниях именно глобальное потепление [15]. Самое массовое вымирание, также называемое «большое вымирание», произошло около четверти миллиардов лет назад и стерло с лица земли 96% всех морских позвоночных и 70% всех позвоночных на суше [16]. Причиной считают резкий и сильный выброс метана со дна океана. Сегодня Арктический океан выбрасывает метан огромными, бурлящими потоками [17]. NASA считает, что переломный момент, который может привести к «катастрофическим последствиям», будет достигнут к 2017 году [18]. Другие же говорят, что такой поворотный момент, или, возможно, один из нескольких, скорее всего уже наступил [19]. Действительно, для многих видов и культур, находящихся на грани или за гранью исчезновения, такой переломный момент уже наступил.

Глобальное потепление – это наиболее безотлагательная проблема, но еще более коварные формы загрязнения планеты прячутся в тени. Исследователи из университета Корнелла считают, что в 40% случаев люди умирают от загрязнения воды, воздуха и почвы [20]. Опираясь на собственный медицинский опыт и личные переживания от столкновения со случаями рака и подобных заболеваний у близких и друзей, я могу сказать, что смерть от загрязнения – это жуткая гадость. Она не быстрая и безболезненная, она как затяжной спуск в медленное удушье (в случае с болезнями, вызванными загрязнением воздуха). Такая смерть даже хуже, чем миф о «бесчеловечной жестокости» животных. Когда тебя съедает медведь или тигр, это быстро и милостиво по сравнению с жуткой смертью от силикоза легких. Проанализируйте хотя бы невероятную статистику смертности. Ежегодно по разным причинам умирают около 57 миллионов людей, а это означает, что примерно 23 миллиона из них расстаются с жизнью от загрязнения окружающей среды. Получается 63 тысячи человек в день, или 21 атака террористов, такая как была 11 сентября.

В основном, бремя убийства природы несут на себе бедные. В разрастающихся городах Китая дым угольных печей и кипящего масла убивает 300 тысяч человек в год [21]. И уже давно известно, что брызжащие токсическими отходами города размещают там, где живут цветные, а не там, где живут белые.

Известно, что земледелие и проблемы с канализацией провоцируют загрязняющие утечки, но главным виновником загрязнения является промышленность. Если промышленность придет в упадок или остановится, то уровень загрязнения снизится немедленно. Когда в 2003 году на северо-западе США случилось аварийное отключение электричества, уровень загрязнения воздуха резко упал. Через 24 часа после прекращения подачи электричества уровень диоксида серы снизился на 90%, уровень озона в стратосфере изменился на 50%, а доля светорассеивающих частиц – на 70% [23].

Эти формы загрязнения более коварны, а их последствия ощущаются не сразу. Устойчивые органические соединения, яды, которые аккумулируются в жировой ткани, стали повсеместными. Эти токсины не разлагаются веками, а при разложении вырабатывают еще более токсичные побочные продукты. Чтобы предотвратить дальнейшее развитие этого кризиса, нужно действовать немедленно. [24].

Базовая динамика цивилизации – это централизация власти и проявление последствий. В последние 50 лет мы наблюдаем безудержный рост власти корпораций, милитаризма и систематическую эксплуатацию бедных как внутри своей страны, так и за рубежом. Для дальнейшей централизации власти, роста капитализма и добычи ресурсов правящие кланы должны уничтожить культуры традиционного уклада, основанные на зависимости от земли, и усилить социальный контроль.

Разрушение традиционных самобытных культур упорно не прекращается. Показательный пример – языки. Существует примерно 6800 языков, из которых 750 уже исчезли или находятся на грани исчезновения. По прогнозам, из 300 языков коренных народов Северной Америки к 2050 году останется лишь 30. Около половины языков находятся в опасности исчезновения [25].

Резко растет пропасть между бедными и богатыми. Доход 1% самых богатых людей планеты, равен тому, что получают беднейшие 57% населения [26]. Три богатейших человека владеют богатством, превышающим состояние 10% беднейших людей. Неравенство существует как в самих странах, так и между странами. В 1992 году топ-менеджеры корпораций получали в 42 раза больше, чем среднестатистический американский рабочий. В 2000 году их доходы соотносились уже как 525:1 [26].

Цивилизация – это не просто единая иерархическая система. Она совмещает в себе несколько взаимосвязанных иерархий и систем угнетения на основе гендера, расы и класса. Например, женщины совершают 2/3 работы на мировом рынке труда, но зарабатывают менее 10% общего объема заработной платы и владеют менее чем 1% мировых богатств [27]. Подобное неравенство мы можем наблюдать и в отношении рас и классов.

Некоторые утверждают, что сегодня даже бедные стали богаче, но ведь, по сути, все дело в том, как мы измеряем богатство. Впрочем, это вранье, если экономика основана на исчерпаемых ресурсах, а будущее обеднение нивелирует подобное «богатство». Оставим в стороне следующие 50 лет, статистика прошедших 50 лет гораздо нагляднее. Так, в 1950 году недоедали 20% из 2,5-миллиардного населения Земли, а в 2007 году – плохо питаются 57% из уже 6,5 миллиардов людей [28].

Этот разрыв в уровне богатства и благосостояния в какой-то мере является побочным продуктом стремления обогатиться любой ценой. Но еще одна причина этого – в умышленных попытках навредить обедневшим слоям населения, чтобы маргинализированные люди не могли сопротивляться оккупации и добыче ресурсов. Как скандально советовал Нобелевский лауреат и военный преступник Генри Киссинджер: «Снижение населения должно быть важнейшей стратегией во внешней политике в отношении стран третьего мира, так как экономика США потребует огромных и растущих запасов минералов из-за рубежа, особенно из развивающихся стран».

Международные программы типа «Программы Структурных Коррективов» (SAPs) – это просто новейшая форма колониализма. ПСК вынуждают бедные страны повышать налоги и сборы и урезают расходы правительств, продают общинную или коммерческую землю частным корпорациям, устраняют ограничения на торговлю и получение прибыли. Отменяют неудобные нормы в трудовом законодательстве и в политике по охране окружающей среды. ПСК критикуют за то, что они вызывают резкий рост бедности и неравенства, за откат земельных реформ, за вытеснение людей с земли в городские трущобы [29].

Страны третьего мира вынуждены брать в долг у развитых стран и покупать оборудование и заказывать постройку инфраструктуры у самих кредиторов, что, наряду с другими приемами, существенно увеличивает их долги. В некоторых странах, таких как Кения и Бурунди, выплаты по внешним долгам намного превышают затраты на здравоохранение и прочие социальные затраты. При этом аннулирование долга могло бы способствовать быстрому и заметному росту социальных выплат [30]. Каждый час бедные страны мира выплачивают по своим долгам около 4 миллионов долларов.

Какими бы огромными нам не казались эти суммы по сравнению с цифрами внутреннего бюджета, они несопоставимы с ежечасными 58-ю миллионами долларов, которые США тратит на собственные военные нужды. По данным Стокгольмского исследовательского института мира, сегодня общемировой военный бюджет превосходит 1,3 триллиона долларов. В конце холодной войны эти отчисления снизились, но с появлением угрозы терроризма тут же резко возросли и теперь цифры уже приближаются к пиковым показателям холодной войны. Большую часть своего бюджета США тратят на военные нужды, а это почти столько же, сколько все остальные страны вместе взятые. Если сделать поправку на инфляцию, то недавно они превзошли свой рекорд военного бюджета времен холодной войны.

В прошлом столетии наблюдалось развитие в социальной сфере, особенно в области гражданских прав цветных и женщин. Но по большому счету люди зависят от земли, а повсеместное уничтожение жизни угрожает обратить эти достижения вспять, вплоть до их полного нивелирования. Экономические кризисы станут более частыми и глубокими, но их трудно спрогнозировать, так как система денежных отношений существует лишь в воображении людей. Состояние реального мира, напротив, не нуждается в каких-либо спекуляциях.

В книге «Перенаселение: Экологические основы революционных перемен» Вильям Каттон (In Overshoot: The Ecological Basis of Revolutionary Change, William R. Catton Jr.) трактует «истощение» как «по сути своей временно эффективный прием, при помощи которого жизненные возможности (например, емкость среды) для конкретного вида временно возрастают благодаря использованию накопленных ресурсов, которые восполняются не так быстро, как расходуются». Истощение означает расходование накопленных запасов, а не создаваемых ресурсов для покрытия годовых потребностей. Индустриальное истощение наращивает как население, так и «косвенные» издержки управления промышленным обществом.

Доминирующая культура тотально зависит от истощения, причем такого, что уже трудно понять, что она не истощает с катастрофической скоростью. Наиболее важные составляющие промышленного общества и человеческой жизни – почва, вода, дешевая энергия, запасы еды – именно они истощаются быстрее всего. И, как пишет Каттон, прибегая к истощению, мы попадаем в «неизбежно тупиковый» сценарий.

Дешевая нефть является основой всех аспектов индустриального общества. Без нефти фермеры не смогут в промышленных масштабах выращивать еду, потребительские товары не будут доставляться по всему миру, супердержавы не смогут воевать с далекими странами. Уже сегодня пик нефти уже приводит к сбою работы систем по всему миру, что вызывает каскадные последствия во всех сферах: от пищевой промышленности до глобальной экономики.

Пик нефти уже прошел и в дальнейшем ее добыча будет только снижаться. На сегодня не существует адекватных ей заменителей. Ричард С. Дункан в своей работе об индустриальной цивилизации «Теория Олдувай» предсказал постепенное снижение доли энергии на душу населения в период между 1979-м и 1999-м (так называемый «уклон»). После него наступит «сползание» в показателях выработки энергии, которое «начинается в 2000 году и сопровождается эскалацией военной агрессии на Ближнем Востоке», и это будет моментом абсолютного пика нефти во всем мире. Далее следует «обрыв», который «стартует в 2012 году, после чего эпидемия отключений энергии распространяется по всему миру, например, сначала идут волны частичных и временных отключений, а затем устаревают сами электросети» [34]. Согласно Дункану, 2030 год станет концом промышленной цивилизации и возвращением к «глобальному равновесию», а точнее, к каменному веку.

Природный газ также находится на околопиковой точке. Другие виды топлива, такие как гудронные пески и уголь, более затратны в добыче и обладают меньшей энергоотдачей. Экологические последствия добычи и переработки таких видов топлива (уже не говоря о последствиях их сжигания) будут катастрофичными, даже на фоне ничтожных рекордов сжигания нефти.

Сможет ли пик нефти предотвратить глобальное потепление? Скорее всего нет. Действительно, у дешевой нефти нет адекватных альтернатив для промышленности. Однако до нефти широко использовался уголь. Даже после коллапса сохраняется возможность использования огромных объемов угля, битуминозного песка и других грязных горючих ископаемых.

Несмотря на то, что пик нефти – это кризис, его последствия по большей части благотворные: уменьшение объемов сжигаемых полезных ископаемых, снижение объема производимого мусора, уменьшение способности супердержав к глобальной власти, переход к более органическим видам выращивания продуктов питания, повышение значимости сильных сообществ людей и т.д. Наихудшие эффекты пика нефти будут вторичными – они не станут результатом самого кризиса, а лишь следствием реакции властей.

Страдаем из-за недостатка топлива? Начнем превращать еду в топливо или вырубать леса, чтобы из древесины синтезировать горючее. Экономический спад вынуждает людей отказываться от выплат по ипотеке? Слишком высокие цены, чтобы работали некоторые агрегаты? Капиталисты придумают способ убить двух зайцев одним выстрелом, создав тюрьмы для должников, которые к тому же станут трудовыми лагерями. В США и по всему миру уже широко используют мизерно оплачиваемый труд заключенных. Массовое рабство, ГУЛАГи и подобные им учреждения – обычное явление для доиндустриальной эпохи. В общем, вы понимаете, о чем идет речь.

Промышленная цивилизация тотально зависит от множества различных ограниченных ресурсов и материалов, что делает ее бесконечный рост невозможным. В частности, запасы некоторых металлов весьма скудные. Если закончится дешевая платина, то значимых экологических последствий не будет. Но недостаток более важных веществ, таких как медь, повредит способности цивилизации справляться со своим же кризисом. Жесткий дефицит и высокие цены ухудшат и без того ужасные социальную и экологическую политику добывающих компаний. Недостаток ресурсов также усугубит неспособность цивилизации выполнить свое базовое и лживое обещание расширяться и приносить блага всем людям на планете. Согласно данным одного исследования, обновление инфраструктуры развивающихся стран до уровня развитых потребовало бы, по сути, все запасы меди и цинка и, возможно, платины, находящиеся в земной коре, а также почти идеальной вторичной переработки [36].

Нарастающий глобальный продуктовый кризис – это результат безжалостного наслоения экономических, политических и экологических факторов. Сегодня производится очень много еды, но по экономическим причинам она не распределяется равномерно. Если на самой высокой точке производства мы не можем обеспечить всех, то представьте себе, что будет, когда все обрушится. Цены на кукурузу и рис уже резко растут, частично из-за биотоплива, хотя биотопливо на сегодня не является ведущей отраслью.

Продовольственный кризис углубится, но это будет не «Мальтузианский кризис», при котором экспоненциальный рост населения опережает наращивание объемов сельскохозяйственного производства. Наш кризис, скорее всего, достигнет своего апогея в ходе снижения объемов производства продуктов земледелия, обусловленном дефицитом в энергетике и ростом производства биотоплива на фоне ухудшения климата и экологических условий. Экоустойчивые способы выращивания пищи требуют больших трудозатрат, так как они орто- и поликультурные, а не

агропромышленные и не монокультурные. (Т.е. экоустойчивые методы отличаются малыми масштабами и экологическим разнообразием.) Как категорически заявляет Питер Салониус, «интенсивное посевное земледелие для большого народонаселения неустойчиво». Чем дольше человечество затягивает с переходом на устойчивые источники получения пищи и снижением роста населения, тем больше несоответствий будет между емкостью среды и населением.

Продовольственный кризис тесно связан с двумя другими экологическими кризисами: дефицитом воды и эрозией почв. Потребление воды промышленностью иссушает реки и буквально проглатывает целые водоносные слои по всему миру. Неглубоко залегающие водоносные пласты могут постепенно пополняться за счет дождей, но, когда их запасы истощаются, многие предприятия и фермы используют глубокие скважины с мощными насосами, чтобы брать воду из водоносных слоев прошлых геологических эпох, которые не восполняются дождевой водой. Этот переход к промышленному бурению для получения воды – по сути, добыча воды – стал причиной значительного снижения уровня воды в безнапорных водоносных слоях. В Индии, например, скважины, добывающие воду из глубоко залегающих водоносных слоев при помощи электронасосов, используются для коммерческих монокультурных урожаев, что вызвало критическое снижение уровня воды в безнапорных слоях. Так, небольшие фермы и самостоятельно обеспечивающие себя фермеры¹¹, пользующиеся ручными насосами, лишаются запасов воды, что вызвало, в свою очередь, рост самоубийств [38]. Примерно половина вручную вырытых колодцев в Индии и 95% всех колодцев в некоторых регионах уже сухие, что ведет к запустению деревень.

В производящих зерно центральных областях Китая вода в безнапорных слоях падает примерно на 3 метра в год, что в два раза быстрее, чем в других регионах [39]. В период с 1998 по 2005 год урожаи пшеницы в Китае снизились на 34 миллиона тонн, т.е. на объем больший, чем весь годовой объем производства Канады [40]. В Саудовской Аравии (как и в других странах) технология бурения артезианских скважин представляет собой видоизмененную технологию нефтедобычи – чтобы дойти до чистой воды, бурить приходится глубже километра.

Доступ к подземным водам всегда позволял аграриям использовать в нужное для них время больше воды, чем выпадало осадков в конкретный год. Но сегодня земледелие по всему миру оказалось в абсолютной зависимости от чрезмерного потребления. И не заблуждайтесь: истощение водоносных слоев глубоким бурением вызвано исключительно высоко индустриализованной культурой и полностью зависит от нее. Без промышленного оборудования даже самое несдержанное в потреблении общество было бы ограничено ровно тем количеством, на которое водоносный слой восполнялся каждый год. Кроме того, объемы воды, используемые в промышленности и земледелии, намного превышают бытовые потребности, на питье, например, уходит менее 1% используемой воды.

Один из самых грозных кризисов – кризис истощения почв и опустынивания. Земле требуются тысячи лет, чтобы создать несколько сантиметров грунтового слоя. А мы сегодня теряем почву в 10–20 раз быстрее, чем она может восстановиться. Геолог Давид Монтгомери в своей книге «Грязь: эрозия цивилизаций», отслеживая взаимосвязь между крахом предыдущих цивилизаций и разрушением ими почвы, оценивает потери грунтового слоя в размере 1% в год [41]. Согласно исследованиям Университета Объединенных Наций, в Африке к 2025 году останется лишь 25% земли, необходимой для обеспечения пищей ее населения [42].

Опустынивание обусловлено, прежде всего, интенсивным земледелием, вырубкой лесов, чрезмерным выпасом скота и климатическими изменениями. Около 30% поверхности Земли находятся под угрозой опустынивания, включая 70% засушливых земель.

Ежегодно 52 тысячи квадратных километров суши превращаются в пустыню, или примерно площадь Гонконга каждую неделю. В Отчете ООН прогнозируется, что из-за опустынивания один миллиард людей в 110 странах могут лишиться места для жизни [43].

За три десятилетия после 1950 года люди превратили в сельскохозяйственные угодья больше земли, чем за 15 десятилетий после 1700 года [44]. Обрабатываемые земли сегодня занимают четверть поверхности земли, причем плодородность около 40% из них значительно снизилась за последние 50 лет [45]. Дальнейшая экспансия новых земель просто невозможна: люди уже занимают 98% территории, где есть условия для выращивания риса, пшеницы, кукурузы [46]. По мнению канадского ученого-исследователя Петера Салониуса, как только запасы нефти иссякнут, почвы будут разрушены настолько, что Земля сможет прокормить от 100 до 300 миллионов людей [47].

По сравнению с 1950 годом потребление морепродуктов утроилось [48]. Из-за избыточного вылова в 1950–2003 гг. 90% крупной рыбы в океане исчезло, а оставшаяся мельчает [49]. Промышленный вылов продолжается и с каждым днем его объемы растут. По оценкам ученых, к середине XXI столетия запасы океанской рыбы исчезнут [50]. Из-за донного траления (протягивание тяжелых сетей по дну моря) уничтожается придонная жизнь, что является наихудшим из всего, что человек делает в океане [51]. Каждые полгода траулеры прочесывают площадь океанского дна, равную площади США.

Австралийский ерш – лишь одно из существ, которые были практически истреблены в результате такой практики. Жизненный цикл этой рыбы 100–150 лет, а в длину она может достигать одного метра. Поскольку ерши так долго живут и так медленно растут, в период зрелости они вступают очень нескоро, а икры по сравнению с другой рыбой откладывают мало. В результате их популяция очень медленно выкарабкивается из любых неприятностей. Грабеж в виде донного траления не прекращается. Косяки австралийского ерша, обнаруженные недавно около берегов Австралии, сократились в десять раз за десять лет.

Австралийские ерши очень много времени проводят в больших косяках. Недавнее научное исследование подтвердило, что они очень разумные и социализированные существа. Д-р Кулум Браун (Dr. Culum Brown) из

---

11 Авторы используют слово subsistence, которое одновременно описывает деятельность по обеспечению себя необходимым и противопоставляет ее промышленному подходу, когда производство следует за искусственно раздутым спросом и получает значительное финансирование.

университета Эдинбурга пишет: «...во многих отношениях, таких как память, их когнитивные способности превосходят или находятся на уровне способностей высоких позвоночных и приматов» [53]. Д-р Браун совместно с д-ром Кевином Лаландом (Kevin Laland) и Дженсом Краузом (Jens Krause) продолжают: «Эти рыбы – носители социального интеллекта, они будто последователи учения Макиавелли о манипуляциях, наказании и примирении демонстрируют неизменные культурные традиции и сотрудничают в деле оценки хищников и лова пищи» [54]. Кроме того, они способны распознавать своих «друзей по косяку», т.е. вступают в долговременные взаимоотношения, ценят престиж в обществе и взаимосвязи между другими, строят сложные группы. Конечно же, богатая «общественная» жизнь рыб (упомянутые исследователи используют слово «культура») не очень интересует тех, кто истребляет их в промышленных масштабах.

Подобно большинству ресурсозатратных индустрий, масштабная рыбная ловля была бы невозможна без существенных правительственных субсидий. Экономисты подсчитали, что стоимость ловли и рекламы рыбы почти вдвое превышает вылов по всей планете [55]. Ни одна из этих цифр, конечно же, не учитывает реальные экологические потери от разрушения биомов, покрывающих большую часть поверхности планеты.

Не будем забывать и об обезлесении. Мягкие зимы, вызванные глобальным потеплением, способствуют распространению вредителей из мягких климатических зон, таких как лубоед сосны горной (*Dendroctonus montanae*). Массовое уничтожение деревьев этим вредителем, а также вырубкой лесов превратило канадские леса из поглотителя углерода в его источник [56]. Сегодня эти леса вносят свой вклад в ускорение глобального потепления, что опять-таки способствует распространению вредителей.

Уже половина зрелых тропических лесов стерта с лица земли, причем некоторые зоны пострадали особенно сильно. Так, Филиппины потеряли 90% лесов, Гаити – 99%, Нигерия в период с 1990 по 2005 год лишилась 80% своих первобытных лесов. Без принятия кардинальных мер в мировом масштабе к 2030 году неприкосновенными останутся только 10% тропических лесов, а еще 10% будут серьезно повреждены. Если мы не помешаем, то сотни тысяч видов исчезнут, глобальное потепление, засухи, эрозия почв, оползни – все резко ухудшится.

Тропические леса уничтожаются со скоростью 160 тыс. квадратных километров в год, причем спрос на биотопливо постоянно растет [59]. Чтобы воочию представить себе эту трагедию, вообразим полосу леса шириной от горизонта до горизонта и длиной в 16 тыс. километров [60]. Для того чтобы пройти такое расстояние по земле, нужно начать путь в Кейптауне, пройти всю Африку до Каира, затем всю Азию до Каспийского моря и дойти до Берингова моря на Камчатке. Если эту полосу растянуть по Южной и Северной Америке, то наш путь по этому шраму на теле Земли протянется от самого южного мыса Аргентины вплоть до Аляски. Пешее путешествие займет 18 месяцев, в течение которого мы увидим лишь пеньки, пепел, пыль и смерть. А поскольку сама трагедия произойдет всего за 12 месяцев, то всю мы ее не увидим.

2005 год стал рекордным в лесозаготовке [61]. Вырубка леса для топлива и древесины – лишь один из факторов. В пойме Амазонки леса вырубает в основном для создания пастбищ для скота. Среди других факторов – правительственные субсидии для поселенцев, строительство дорог, развитие инфраструктуры, коммерческое земледелие – как правило, экспортная соя. Согласно одному из исследователей: «Часть вырубки соевые фермы осуществляют напрямую. Но по большей части они становятся причиной обезлесения, поглощая саванны, переходные леса, свободные поля и тем самым вытесняя животноводов, фермеров, выжигающих себе поля все дальше к границе леса. Выращивание сои также становится экономической движущей силой, ведущей к строительству новых автомагистралей, инфраструктурных проектов, которые ускоряют обезлесение по остальным причинам» [62].

Как и во многих других формах промышленно и финансово мотивированного уничтожения природы, аналитики заметили, что обезлесение Бразилии «тесно коррелирует» со «здоровьем» экономики. Периоды замедления экономического роста соответствуют низким показателям обезлесения. Быстро растущая экономика дает высокие показатели вырубки лесов. Рет Батлер пишет: «В периоды экономического голода скотоводы и девелоперы не имеют средств для быстрого расширения своих пастбищ, а правительству не хватает денег для субсидирования строительства дорог и программ колонизации, налоговых льгот и уничтожителей лесов» [63]. Иными словами, экономический рост вредит планете, а экономический спад благотворно сказывается на здоровье планеты.

Большая часть оставшихся на Земле тропических лесов находится в районе Амазонки. Эти гигантские джунгли создают такой необходимый для них влажный климат, испаряя огромные объемы воды и влияя на воздушные потоки над всем континентом. Обезлесение пресекает испарение и способствует опустыниванию. Оно может стать причиной самоускоряющегося процесса засухи и массового вымирания даже очень больших деревьев, что в свою очередь вызывает засуху. Многие экологи полагают, что после достижения определенного переломного момента цикл станет необратимым и Амазонка превратится в пустыню [64]. Некоторые прогнозировали катастрофу уже в 2007 год, что означает, что меры нужно было предпринимать еще вчера (или как минимум немедленно). Мы располагаем обширными данными, которые подтверждают, что ухудшающаяся засуха уже взялась за дело [65]. Ее каскадный характер означает, что засуха не ограничится Южной Америкой: «Ученые говорят, что это явление может распространиться на северное полушарие, включая Британию, и резко ускорить глобальное потепление с непредсказуемыми и необратимыми последствиями, которые сделают мир непригодным для жизни» [66].

В масс-медиа экологические кризисы преподносятся как отдельные проблемы. Но они таковыми не являются. Они неразрывно связаны между собой и с культурой, порождающей их. Все перечисленные проблемы имеют общие черты и в значительной степени определяют нашу стратегию сопротивления.

Эти проблемы срочные, насущные и усугубляющиеся. Наиболее негативными являются следующие характеристики.

Они нарастают, а не случаются с некоторой вероятностью. Они усугубляются. Это не гипотетические проблемы, надуманные или просто «потенциальные», как «проблема 2000 года», падение метеоритов, извержение супервулканов

или ядерная война. Эти угрозы не «вероятны» и не «нависают», они уже в процессе развертывания. Вопрос лишь в том, как быстро они наступят и, следовательно, как много времени у нас осталось для реагирования.

Они быстры, но не мгновенны. Эти кризисы возникли быстро, но недостаточно быстро, чтобы вызвать резкий ответ: люди привыкают к ним – феномен, названный «синдромом смещения стандартов». Например, популяции диких животных часто сравнивают с показателями 50-летней давности, но не с доисторическими показателями. Как результат, ущерб природе не представляется таким значительным [67]. Даже тренды, кажущиеся медленными на первый взгляд (например, глобальное потепление), на самом деле являются очень резкими на длинной временной шкале, такой как время существования человека как вида или даже время существования цивилизации.

Они нелинейные, иногда самоускоряющиеся и самоподдерживающиеся. Опасности со временем становятся более грозными и обрушиваются часто непредсказуемым образом, со скачками и перерывами. Повышение концентрации парниковых газов может стать причиной 10-процентного потепления или намного большего потепления. Также различные кризисы взаимодействуют между собой, создавая наслаивающиеся кризисы, превосходящие по разрушительности любой из них взятый отдельно. Ураганы (такие как «Катрина») могут усиливаться глобальным потеплением и уничтожением среды обитания на своем пути (последствия урагана «Катрина» усугубились уничтожением болот). Влияние человека может усугубляться бедностью и использованием полиции, военных, наемников (например, Blackwater) [68], чтобы не дать бедным доступа к жизненно важным ресурсам.

Для этих кризисов характерны долгие периоды зарождения и замедления. Часто проблемы появляются задолго до того, как мы их заметим. Кроме того, они нарастают экспоненциально, поэтому для эффективной борьбы с кризисами действия должны предприниматься со значительным опережением. И хотя меньшинство обычно находится в курсе проблемы, она может укорениться и усугубиться прежде, чем она, как минимум, окажется в центре внимания или, как максимум, станет причиной для активных действий большинства. Пик нефти был предсказан с достаточной точностью в 1956 году [69]. Парниковый эффект был открыт в 1824 году, а глобальное потепление как следствие развития промышленности было предсказано ученым Сванте Аррениусом в 1886-м [70].

Опасности таят в себе значительную инерцию. Эти кризисы коренятся в самом базисе цивилизации и в ее инфраструктуре. Устои общества, концентрация власти, главенствующие экономические системы – все противится необходимым изменениям. Если бы я руководил корпорацией и стремился к истинной экологической устойчивости, то компания проиграла бы в конкурентной борьбе и обанкротилась [71]. Если бы я был политиком и запретил вредные производства, то меня, скорее всего, лишили должности (или, что вероятней, устранили бы физически).

Кризисы движимы промышленностью. Практически всегда промышленность – главный их виновник. Потому что она или сама поглощает ресурсы (нефть, уголь и т.д.), или делает возможной добычу ресурсов и мировую торговлю, которые без нее были бы чрезвычайно сложными (например, донное траление). Кроме того, промышленный капитализм и развитые страны субсидируют уничтожающие природу виды деятельности, поскольку без финансовой поддержки были бы экономически невыгодны. Все другие факторы, например, такие как перенаселение (как мы скоро увидим), являются вторичными.

Кризисы приносят выгоды богатым и убытки бедным. Приводящие к этим кризисам действия – все традиционные экономические модели – дают краткосрочные преимущества богатым и власти. А их вредные факторы являются наиболее опасными и пагубными для самых бедных и бесправных.

Эти риски способствуют временным победам и перманентным потерям. Ни одно из наших возможных достижений не проживет столько, сколько существует индустриальная цивилизация. Проще говоря, все, что мы теряем, мы теряем навсегда – вымершие виды не воскресить. Истощенные водоносные горизонты не восстановятся в сроки, приемлемые для человечества. Уничтожение культур, связанных с природой, и искусственно создаваемое обеднение большей части человечества приведут к значительным потерям и долгосрочным социальным травмам. Приложив достаточно усилий, можно решить большинство насущных проблем, но, если ничего не предпринять, последствия станут необратимыми.

Нередко предлагаемые «решения» только ухудшают положение. Вследствие вышеперечисленных свойств анализ рисков оказывается весьма поверхностным, основанным на краткосрочных перспективах. Даже несмотря на то что аналитики для своих мировых прогнозов используют громадные массивы данных, они, как правило, отказываются задаваться глубинными и неудобными вопросами. И мы их в этом «поддерживаем», поспешно радуясь появлению биотоплива. Биотопливо было воспринято как идеальная замена нефти. Но тут много проблем, главная среди которых та, что у планеты нет лишней земли, чтобы наполнять баки автомобилей. Плантации сои, пальмового масла и сахарного тростника для производства масел и этанола стали причиной уничтожения тропических лесов в Амазонке и Юго-Восточной Азии. Критики, такие как Джейн Гудол (Jane Goodall) и «Сеть Защитников Джунглей» (Rainforest Action Network), считают, что плантации на месте джунглей уничтожают среду обитания и круговорот воды, уничтожают и загрязняют почву, изгоняют племена, живущие на этих землях [72]. Это так называемое «решение» нефтяной катастрофы оказывается таким же ужасным – если не хуже – как и сама нефть.

Опасности не являются следствием какой-то одной программы. Они, как правило, результат внутренней структуры и самой сути цивилизации, а не конкретной отрасли промышленности, отдельной технологии, отдельно взятого правительства или особых социальных устоев. Даже глобальное потепление, вызванное сжиганием горючих ископаемых, – это итог деятельности множества различных отраслей промышленности и использования различных типов горючих ископаемых, а также обезлесения и земледелия.

Итак, как для построения нашей стратегии и тактики мы можем использовать имеющиеся у нас знания о структуре промышленной цивилизации и о тех неотложных проблемах, которые она создает? Несомненно, некоторые «решения» можно немедленно сбросить со счетов или поставить в конец списка приоритетов, так как в приемлемые сроки они не

сработают, а времени терять нельзя. К сожалению, большая часть предлагаемых сторонниками власть имущих решений относятся именно к этой категории.

Неэффективные или мало эффективные решения можно определить по одному или нескольким признакам.

Такие решения усиливают существующее неравенство с точки зрения власти. Практически все решения проблем, основанные на власти корпоративного капитала, скорее всего попадают в эту категорию. Когда «Монсанто» создает ГМО-растение, требующее меньше пестицидов, то они делают это с целью получения большей выгоды и власти. Наглядный пример – схемы торговли квотами на выбросы CO₂, которые позволяют капиталистам скрыто получать еще большие прибыли, избегая при этом реальной ответственности, а затраты переложить на простых людей. (Если вам еще непонятно, как это работает, то просто вспомните, сколько в среднем люди платят налогов каждый год и почему General Electric заплатила ровно ноль долларов) [73].

Неэффективные решения также подавляют автономию и экоустойчивость, которые мешают прибыльности. Так было и так есть сейчас. Иными словами, любые решения, которые требуют от власть имущих действовать против своих интересов или привычных схем, будут обязательно неэффективными, так как добровольно такие решения чиновники реализовывать не станут.

Решения, базирующиеся на технологических изобретениях или действиях политических и технократических элит в масштабе всей промышленной инфраструктуры, не могут быть эффективными. Соответствующие технологии уже существуют (например, ручные водяные насосы в Индии) и удовлетворяют потребности людей. Но такие решения либо игнорируются, либо отвергаются в угоду более вредным технологиям. Более того, предлагаемым решениям отдается предпочтение в ущерб существующим, что еще больше увеличивает зависимость от разрушительных технологий. Так, солнечные панели рассматриваются как решение проблемы, созданной промышленной цивилизацией, но производство этих панелей опять-таки требует новых технологий и не решает проблемы в целом.

Решения, способствующие росту потребления и населения, также не работают. Раз уж мы дошли до этого, то мы скорее всего согласимся, что любое решение, толкающее людей на еще большее потребление – даже если это прогрессивный гибридный автомобиль, вряд ли станет адекватным решением наших проблем. Разрешение проблем человечества через увеличение населения планеты – это, конечно же, глупая идея. Она предполагает, что большее число людей принесет больше креатива. Однако удвоение населения планеты вряд ли позитивно скажется на качестве и количестве предлагаемых решений. При этом, вдвое большее количество людей точно потребуют вдвое больше еды, воды, энергии и пр.

Попытки решить одну проблему без учета других также неэффективны. В основном, такие сложности с «решениями» возникают как ответ на энергетические кризисы. Например, этанол многие рассматривают как замену нефти. Но широко распространенное использование этанола из кукурузы отбирает среду обитания у животных и ухудшает ситуацию с почвой и водой. Кроме того, этанол из кукурузы лишь незначительно перекрывает энергетические затраты на ее выращивание и переработку.

То же касается и тех решений, которые характеризуются существенными задержками в своей реализации или откладывают решение на далекое будущее – например, добровольное сокращение выбросов к 2050 году. Почти невозможно спрогнозировать последствия таких отсрочек. Каждый день выбросов означает еще больше уничтоженных культур, еще больше исчезнувших видов, пройденных точек невозврата. Каждый день означает нарастающий разрыв между населением планеты и емкостью среды, разрыв, с которым нам очень скоро придется столкнуться.

В мире действительно растет интерес к экологии и экоустойчивости. Но как бы мы его не измеряли, нельзя с полной ответственностью утверждать, что трансформация психики произойдет быстрее, чем наступят последствия от промышленной цивилизации. Рост интереса к органическому земледелию восхищает, но вместе с тем миллионы людей, проживающих в странах третьего мира, изгоняются со своих земель и теряют свое пропитание. Органические фермеры развитых стран – лишь тонкий ручеек по сравнению с тем потоком. До Второй мировой войны и изобретения химических пестицидов все земледелие было органическим. Нельзя сказать, что мы что-то отвоевали.

Подобная проблема существует и в технологической плоскости. Некоторые люди утверждают, что нужно просто переждать, пока инновационные «зеленые» технологии не обгонят неустойчивую современную технологию. Но такая позиция лишена здравого смысла: у неустойчивых технологий есть экономический аспект – они берут больше, чем отдают. Возьмем для примера истощенные водные горизонты Китая, где уровни воды падают на несколько метров в год. В этих регионах все еще можно использовать ручные насосы. Допустим, мы решили подождать пару лет, пока не появятся дешевые солнечные панели, а насосы не станут доступными деревенским жителям Китая. К этому моменту уровни воды упадут так низко, что насосы на солнечных панелях станут обязательными для выживания, поскольку ручные насосы уже перестанут доставать до воды. Цель этих насосов – компенсировать нанесенный природе вред за период, необходимый на их разработку. Таким образом, добыча воды не станет легче, но потребуются ресурсы и расходы на оборудование. Шаг вперед и два назад. И поскольку вред наносится быстрее, чем происходит восстановление, а последствия вреда тяжелее самых многообещающих технологий восстановления, то значительные задержки (в реализации плана противодействия кризисам) неприемлемы.

Решения, заключающиеся в смене образа жизни отдельными взятыми людьми, также не относятся к эффективным. Как мы уже говорили в этой книге и не только, наши проблемы прежде всего не индивидуальные, а системные по своей сути. Кроме того, решения проблем, основанные на изменении образа жизни, способствуют тому, что люди воспринимают себя как потребители и действуют как таковые. Это очень ограниченный подход, который отвлекает нас от понимания себя как людей, живущих в сообществах, и как просто живых существ. Мысль о том, что значительные массы людей покинут капиталистическое общество, – всего лишь фантазия. Если бы у нас было достаточно преданных

сторонников, чтобы хоть как-то выделиться на фоне глобального потребления, то мы были бы в силах организовать мощное политическое сопротивление наиболее разрушительным организациям.

Взаимосвязанными являются и многие предлагаемые неэффективные решения, базирующиеся на символической, тривиальной деятельности и поверхностном подходе. Уильям Каттон называл такие походы «косметизм», т.е. «вера в то, что относительно поверхностные изменения в наших делах» позволят индустриальному веку продлиться дольше. Они приводят к тому, что будет осознание того, что промышленная цивилизация уничтожает мир, но не будет признания полноты всех последствий. Меняя лампочки на энергосберегающие, мы можем в какой-то мере приглушить чувство вины, но считать это значимым шагом в решении проблем – значит, игнорировать саму суть положения, в котором мы оказались.

Некоторые люди фокусируют внимание на вторичных причинах, а не на важнейших факторах. Например, в центре внимания некоторых людей является перенаселение. Однако вред наносится прежде всего чрезмерным потреблением, а не перенаселением. Если исходить из того, что один человек в развитой стране может потреблять в 30 раз больше ресурсов, чем бедняк за океаном, то перенос внимания на проблему перенаселения позволяет сместить ответственность за ряд проблем на «тех людей». Так игнорируется тот факт, что даже огромная семья в развивающейся стране потребляет меньше, чем один гражданин развитой страны. Более того, уже существующее перенаселение вызвано по большей части неустойчивой промышленной технологией и истощением ресурсов, как завоевание несуществующей, фантомной емкости среды.

Аргументы, касающиеся перенаселения, часто заворачивают в обертку расизма, что перекладывает вину на цветных третьего мира. Кроме того, в проблемах плохого питания или голода в странах третьего мира винят отсталость, недостаток промышленных технологий и особых знаний. Конечно же, ключ к снижению вреда заключается (и давно уже) в снижении уровня потребления и в уменьшении способности существующего населения истощать ресурсы и захватывать новые земли и места обитания других.

Учитывая это, тот факт, что перенаселение не является наибольшей проблемой, не освобождает нас от последствий рождения еще большего количества людей. На планете больше людей, чем планета может прокормить (в промышленном и в другом смысле). Если механизмы истощения ресурсов перестанут работать, то мы и особенно дети, которых мы, возможно, родим, должны будем разгребать последствия. Так что, чем меньше будет людей на тот момент, чем меньше испытаний выпадет на их долю.

В целом, наихудший недостаток большинства предлагаемых решений заключается в том, что они не соответствуют тяжести проблемы, необходимости своевременного реагирования или количеству людей, которые должны участвовать. Решение не должно зависеть от предположения, что его должны воплощать в жизнь массы людей, пренебрегая своими естественными наклонностями, кроме тех случаев, когда этого действительно разумно ожидать. Если бы мы поддерживали идею того, что глобальное потепление можно преодолеть, если всем вместе добровольно отказаться от горючих ископаемых, то нам пришлось бы обоснованно полагать, что это реалистичный сценарий. К сожалению, он таким не является.

Напротив, для эффективных решений (или, как минимум, более эффективных) характерно следующее.

Они направлены на искоренение проблемы и основываются на более широком видении ситуации. Такие решения включают долгосрочный анализ, критику цивилизации и перспективный план.

Как следствие, предлагаемые решения должны соответствовать строгим нормам стратегического планирования. Они должны быть основаны не на размытых предположениях о том, каким должен быть более справедливый мир, а исходить из физически реализуемой стратегии, нацеленной на конкретный результат.

Эффективные решения позволяют различным людям работать сообща на преодоление проблемы. Следовательно, вместо того чтобы зависеть от элиты, предлагаемые решения должны давать возможность множеству людей стать участниками процесса. Это не означает принуждения людей к участию в развале цивилизации или требования, чтобы большинство людей действовало не так, как им свойственно. Это значит, что наша стратегия должна предоставить всем возможность принять участие в любой роли: от воинственной до самой сдержанной.

Эффективные решения соответствуют масштабу проблемы, учитывают время запуска и необходимые человеческие ресурсы. Если мы можем рассчитывать только на небольшое количество людей, которые согласятся на решительные действия, то наши планы должны быть выполнимы малочисленными группами.

Они подразумевают немедленные действия и планирование дальнейших долгосрочных программ. Кризисы типа глобального потепления нельзя вписывать в свои планы слишком рано. В первую очередь нужно заняться наиболее опасными факторами каждой из опасностей и сделать это как можно скорее. Последующие действия должны быть нацелены на менее критичные объекты.

Они должны использовать имеющиеся рычаги и усилители. Таким образом, они должны усиливать наши преимущества в противовес слабостям тех, кто стремится уничтожить наш мир. Каждый акт должен наносить как можно более ощутимый удар по как можно большему количеству проблем.

И наконец, эффективные решения, естественно, должны прямо или косвенно работать на разрушение цивилизации.

Вопрос: Почему вы решили, что цивилизацию нельзя сохранить?

Деррик Дженсен: Оглянитесь вокруг, 90% большой рыбы в океанах уже нет. Популяция лосося стремительно сокращается. Перелетных голубей не стало. Эскимосских кроншнепов нет. 98% девственных лесов исчезли, как и 99% болот и лугов. Какие еще цифры нужны? Что еще нужно для того, чтобы признать, что цивилизацию не спасти?

В книге «Язык старше слов» (A Language Older Than Words) я объяснял, как мы все страдаем от того, что Джудит Херман (Judith Herman) называла «сложное посттравматическое расстройство» (Complex Post Traumatic Stress Disorder). Джудит Херман спрашивает: «Что происходит, если тебя вырастили в неволе? Что происходит, если тебя долго держат в неволе, как политического узника, как жертву домашнего насилия?» Ты начинаешь искренне верить, что все отношения основаны на власти, что власть дает право, что равных взаимоотношений вообще не существует. Это, конечно же, раскрывает всю эпистемологию нынешней культуры и все возможные виды отношений в ней. Коренные народы, описывая фундаментальную разницу между западным и их собственным образом жизни, говорили, что западные люди, даже с самым открытым мышлением, прислушиваются к миру природы как к метафоре, а не как к реально, физически живущему по своим законам организму. Следовательно, для них мир состоит из ресурсов, которые можно использовать, а не из существ, с которыми они вступают в отношения. Мы настолько травмированы, что неспособны понимать, что настоящие отношения возможны. Это одна из причин, по которым эту культуру невозможно сохранить.

Вот еще один ответ. В книге «Культура иллюзий» (Culture of Make Believe), я написал о том, насколько эта культура несправедлива, ведь все социальные системы непременно вознаграждают жестокость. Эта культура основана на конкуренции, а не на сотрудничестве, что неизбежно ведет к войнам за ресурсы.

Рут Бенедикт (Ruth Benedict), антрополог, пытался выяснить, почему некоторые культуры «хорошие» (тут мы используем ее слово), а другие «нехорошие». В хорошей культуре мужчины обращаются с женщинами с уважением, люди в целом счастливы и нет большой конкуренции. Она обнаружила, что хорошие культуры имеют одну общую черту. Это было нечто очень простое: они воспринимали человека как эгоистичное, но социальное существо, и они смешивали эгоизм и альтруизм, одобряя поведение, которое благотворно для группы в целом, и не допускали поведения, которое благотворно для отдельного человека за счет группы в целом. Плохие культуры на социальном уровне вознаграждают поведение, которое выгодно одному за счет группы. Если одобрять поведение, полезное группе, то такое поведение и получается. Если вознаграждать эгоистичное, потребительское поведение, то такое и будет на выходе. Это азы науки о поведении.

Эта культура¹² поощряет максимально потребительское, психопатологическое поведение, и именно его мы и наблюдаем. Это неизбежно.

Нужен еще какой-то ответ? В книге "Эндшпиль" (Endgame) я объяснил, что культура, нуждающаяся во ввозе ресурсов, не может быть [экологически] устойчивой. Чтобы быть устойчивой, она должна помогать земле, а ввоз ресурсов означает, что земля лишается конкретного ресурса. Рост города сопровождается все большим импортом и потерями. Такой образ жизни не может быть устойчивым. По мере своего роста города требуют все больших ресурсов, отбирая их у все новых и новых регионов, тем самым уничтожая их. Следовательно, культура, зависящая от поступления ресурсов извне, по сути своей неустойчива.

Подобный образ жизни неизменно основан на насилии. Если культура требует ввоза ресурсов, то торговля никогда не будет достаточно надежной. Если соседи за рекой владеют нужным ресурсом, он будет взят как необходимый. Мы можем все стать буддистами, а армия США все равно должна быть огромной: как иначе можно получить доступ к нефти для своей экономики, если эта нефть оказалась на чужой территории. Цивилизация не может быть спасена просто потому, что она так функционирует, вне зависимости от того, что мы думаем о психологии масс или о том, как эта система распределяет бонусы.

Мы можем бесконечно рассуждать о технологиях, но до тех пор, пока этим технологиям требуется медная проволока, будет нужна и промышленная инфраструктура, а она нуждается в добыче полезных ископаемых, что само по себе экологически неустойчиво.

Вот вам еще примеры невозможности сохранить цивилизацию: сегодня США тратят 100 миллиардов долларов в год на оккупацию Афганистана. Или по 3,5 тысячи долларов на каждого афганца, включая женщин и детей. В то же время все, от мудрых экспертов правого крыла до зомби на национальном радио, задаются вопросом: «Как дорого нам обойдутся меры по остановке глобального потепления?» То есть, деньги, чтобы убивать людей, есть всегда, а на поддержание жизни денег никогда нет.

Я придирчиво анализирую действительность и не вижу ни малейших признаков того, что эту культуру еще можно спасти. Реальный, физический мир убивают, причем делают это постоянно и по одному и тому же шаблону. Нам нужно выявить этот шаблон и остановить тех, кто убивает нашу планету.

---

¹² Здесь, как и везде в этой книге, говоря «эта культура» авторы подразумевают доминирующую, современную культуру потребления, технологий... цивилизацию.

Либералы и радикалы

Льер Кит

Исходя из элементарного здравого смысла, пацифизм объективно поддерживает фашизм. Если ты борешься с военными действиями одной стороны, то автоматически помогаешь таким же действиям другой стороны. И нет вариантов остаться в стороне от нынешней войны – некоторые до сих пор фантазируют, что можно было «победить» германскую армию лежа на спине. Ну что же, пусть продолжают тешить себя иллюзиями и заодно время от времени задаваться вопросом: а не утопия ли это из-за безопасности, избытка денег и примитивного незнания того, как устроен мир. Деспотичные правительства будут мириться с «моральным давлением» до свиста рака на горе, а вот чего они боятся, так это физической силы.

- Джордж Оруэлл, писатель и журналист

Так ли это фантастично – остановить индустриальную цивилизацию? Теоретически, все придуманное человеком сам же человек может разобрать на части. В теории это кажется очевидным. Но что реально возможно в наших условиях, в отведенное нам время?

В данном случае левые политические силы уходят в сторону. А истинно верующие настаивают, что Все Будет Хорошо. Они эмоционально играют в наперстки с новыми технологиями и надеются, как велит им вера. Когда все три наперстка оказываются пусты, они прибегают к запасному плану, согласно которому люди не в состоянии убить планету. Если не останется ничего, то останутся бактерии, как будто это может утешить тонущих медведей и исчезнувших улиток. Между тем, факты дают нам совсем другую картинку. Метан – парниковый газ, который в 20 раз губительнее CO₂, – уходит в атмосферу с суши и моря, где он был связан отрицательными температурами. Это может привести к катастрофическому потеплению земли. «Катастрофическое» в данном случае означает, что будет слишком жарко для жизни, вообще для какой-либо жизни. Поцелуйте на прощание ваших микроскопических бактерий. Да, мы способны убить планету.

Так или иначе, это проигрышный подход. Попробуем по-другому: допустим, у меня есть нож, а у Вас – нет. Предположим, я отрежу у Вас один палец, потом еще один и еще... Когда Вы возразите (а Вы будете возражать изо всех сил), я скажу Вам, что я Вас не убью, я Вас изменю. Сустав за суставом, убивая Вас, я буду продолжать лишать Вас конечностей живо. Вы будете протестовать, пытаться спасти свою жизнь, а я буду Вам говорить, что на самом деле Вы не умрете, что наверняка останутся бактерии. Как Вам такой сценарий?

Конечно, можно надеяться, что надвигающееся массовое уничтожение побудит нас начать искать что-то большее, чем эмоциональное утешение, завернутое в псевдодуховные банальности. Но решительные, действенные стратегии – оскорбление для верующих, которые верят в индивидуальные стратегии. Эта вера – лишь развернутый либерализм. Одно из главных различий между либералами, упорно верящими во «все будет хорошо», и истинными радикалами заключается в понимании того, что является базовой составляющей общества. Этот разрыв – гигантская пропасть. Либералы полагают, что общество состоит из отдельных людей и индивидуализм для них настолько священен, что причисление к группе или классу для них является оскорблением. Для радикалов, напротив, общество состоит из классов (по оригинальной классификации Маркса – экономических классов) или любых групп и каст. В понимании радикала, принадлежность к группе – это не оскорбление. Наоборот, принадлежность к группе – это первый шаг к политической осознанности и, как результат, к эффективной политической борьбе.

Однако классический либерализм был основополагающей идеологией США, и ценности классического либерализма, хорошо это или плохо, распространились по всему миру. Идеология классического либерализма развилась в противостоянии господствовавшей теократии. Король и церковь имели все бразды правления: экономические, политические, идеологические. Свергая эту власть, либерализм проложил путь последующим радикальному анализу и политическим течениям. Но у идеологии есть пределы, как в прошлом, так и в нынешнем наследии.

Отцы-основатели США не стремились к утопии верховенства прав человека. Они были капиталистами-торговцами, которые устали от жестких рамок старых порядков. Старый Свет характеризовался очень четкой иерархией, и этот базовый паттерн повторялся во всех последующих цивилизациях. Есть верховный бог (иногда один, иногда несколько), который прямо назначает королей и главных священников. Бывало, что функции этих ветвей власти совмещал один человек. Ступенью ниже стоит знать, священники, военные. Опять же, иногда эти группы объединены в одну, а иногда они изолированы. За ними идут торговцы, менялы, ремесленники. В основе пирамиды – все прочее население: рабы, крепостные, люди с каким-то незначительным статусом. Все это считается нормальным и «по воле божьей», что делает сопротивление практически невозможным психологически. Оказать сопротивление обидчику, будь то одному человеку, будь то разветвленной системе власти, всегда нелегко. Сопротивление всевышнему вообще требует иного уровня мужества, что объясняет, почему это явление так распространено во всех цивилизациях и так непреодолимо.

На Западе один из первых ударов божественному праву короля был нанесен в 1215 году, когда отдельные аристократичные землевладельцы вынудили короля Иоанна Безземельного подписать Великую Хартию Вольностей. Она предполагала отказ короля от некоторых своих привилегий и утверждала уважение к юридическим правилам. Так, было установлено правило «Хабеас корпус» (обоснование законности ареста) и «Надлежащая правовая процедура» (правовые

гарантии). Самым знаменательным был основной принцип: король и церковь связаны законом, т.е. верховенство закона, и право граждан действовать против своего правительства. Этот документ погрузил Англию в гражданскую войну – Первую баронскую войну. В нее оказался вовлечен и Папа Иннокентий, который отказал королю в праве наделять законной силой Хартию Вольностей, но не потому, что короля вынудили ее подписать, а потому что сама Хартия была богохульством. Нужно понять, что в те времена требования или вопросы к королю считались преступлением перед богом.

Еще одним баронским восстанием можно считать Американскую революцию. Только на этот раз гнев восставших был направлен против английского короля и его наместников. Они хотели списать короля и аристократов со счетов, чтобы поток власти низвергался от бога сразу к владельцам собственности. Когда они сказали «все люди равны», они подразумевали исключительно белокожих владельцев собственности мужского пола. А собственностью считались белокожие женщины, негры и все прочие работники, которые были нужны, чтобы превратить живой организм континента в частную собственность. По исходной версии конституции, голосовать могли менее 5% населения. Согласно набравшей популярность протестантской этике, накопление богатства считалось знаком божьего благословения и благосклонности. Бога еще можно было реанимировать, но теперь он оказался не на стороне наследной власти, а растущего класса торговцев.

У зарождающегося класса имелись новые приоритеты в служении богу – данное богом право накапливать богатства. Запад опирался на рыночную экономику на протяжении тысяч лет, она же лежит в основе роста цивилизации. Товарами нужно торговать, сначала они поступают из глубинки, а потом из колоний (а колонии есть всегда), чтобы соответствовать постоянно растущему спросу раздутго центра власти. Пустыня Сахара когда-то кормила римскую армию, что дает нам полную картину того, насколько цивилизации голодны и что происходит в результате с питающими их экосистемами.

Эта особенная рыночная экономика Запада, да и всего мира, оказалась внутри моральной экономики, основанной на заботе, опеке и ответственности. Владельцы собственности и земли были ограничены нормами сообщества и влиянием таких неформальных лидеров, как старейшины, целители, священники. Общественное устройство держалось на личных связях, полных заботы и взаимных обязанностей. Именно эти связи должен был уничтожить растущий класс капиталистов. Их понимание свободы означало свободу от таких обязанностей и ответственности. В их понимании, индивидум свободен от традиционных моральных и коммуитарных ценностей, равно как от короля и его приближенных, чтобы преследовать свои финансовые интересы. Этот социальный уклад опирается не на заботу и обязательства, а на обезличенные контракты, которые составлены в пользу богатых, нанимателей, землевладельцев, кредиторов, обирающих бедных, наемных работников, арендаторов, рабов и должников.

В 1776 году половина иммигрантов, приехавших в Америку, были обязаны служить по контракту. Три четверти людей в Пенсильвании, Мериленде и Виргинии вынуждено работали по контракту (indentured), 20% населения были рабами, а 10% владели половиной богатств. Самым богатым человеком в Америке тогда был Джордж Вашингтон.

Группы людей не могут бесконечно выносить притеснения, кто-то обязательно даст отпор. Так было всегда. В то время в Америке существовали многочисленные и конструктивные народные движения, формировавшие видение истинной демократии, до которого нам еще предстоит дойти. Например, простые люди, взявшие под свой контроль правительственный дом Пенсильвании, написали следующее в своей конституции: «Огромная доля собственности находится в руках небольшой группы людей – это опасно для благополучия человечества, и посему каждый вольный штат имеет право своими законами препятствовать владению такой собственности».

Известны еще несколько фактов, которые в обычных школах не преподают. В период с 1675 по 1700 год в результате вооруженных столкновений были свергнуты власти Массачусетса, Нью-Йорка, Мериленда, Виргинии и Северной Каролины. За 1760 год произошло 18 восстаний против колониальных властей, 6 восстаний негров и 40 крупных бунтов. «Свобода от всех чужих и своих олигархов!» – таким был лозунг восставших. «Своих» относилось к Джорджу Вашингтону и его друзьям, торговым баронам. Люди знали, кто был их врагом, кто буквально был их хозяином. Сравните их призыв со словами Джона Джея, председателя Первого континентального конгресса и главного судьи Верховного суда: «Люди, владеющие страной, должны ею руководить». Обычные солдаты неоднократно атаковали штаб-квартиру Континентального конгресса в Филадельфии, но никто из них не вошел в правительство, предложенное торговыми баронами.

Торговым баронам нужно было централизованное правительство страны, способное подавить внутреннее сопротивление, регулировать торговлю, защищать частную собственность, субсидировать инфраструктуру, развивая таким образом экономику. По сути, они хотели устранить помехи на своем пути, чтобы выпотрошить живой континент, превратить его в собственное богатство. Именно по этому пути шла цивилизация все свои 10 тысяч лет, с самого начала земледелия. Единственное, что менялось, так это те, кто получал выгоду от разрушения.

Для понимания самой сути левых политических сил сегодня нужно понять противоречивую сущность либерализма. Любая политическая идея, способная свергнуть теократию, монархию, религиозный фундаментализм, представляет собой интерес. Но идеология, которая ставит препоны для глубокой (радикальной) трансформации других, не менее жестоких систем власти, должна быть подвергнута строгому анализу и, в результате, отвергнута.

Классические ценности либерализма – это суверенность личности, экономические права и право собственности, как основополагающая часть такого суверенитета. Джон Лок, которого называют отцом либерализма, доказывал, что индивидум, а не сообщество, является основной единицей общества. Он полагал, что правительство существует при согласии подданных, а не по божественному праву. Но причиной существования правительства он считал необходимость защищать частную собственность, чтобы воспрепятствовать людям красть друг у друга. Эта идея очень импонировала богатым – ведь они хотели сохранить свои богатства. С точки зрения бедных, все выглядело совсем наоборот. Богачи

накапливают богатства, присваивая труд бедных и превращая общественную собственность в частную. Таким образом, система, не имеющая никаких моральных ограничений, защищала накопление богатства, или, по сути, была защитой воровства, а не защитой от воровства.

Классический либерализм, начиная с Лока и далее, в основе своей содержит противоречие. Один из основных постулатов – это суверенность человека, как его естественное и неотделимое право, но распространяется это право лишь на власть монарха или другой гражданской тирании. Ослабляя этические ограничения для богатых, классический либерализм подчинил бессильных власти экономически сильных, просто поменяв монархов на баронов-торговцев. Книга Адама Смита «Достояние наций», опубликованная в 1776 году, обеспечила этическое оправдание для безудержного капитализма. Как мы уже упоминали, стремление к богатству ради богатства считалось грехом и ограничивалось целым рядом социальных устоев. Но Смит считал, что «невидимая рука» рынка предоставит обществу все необходимое, а любое вмешательство правительства лишь навредит.

В соответствии с идеями классического либерализма правительство должно воздерживаться от какого-либо участия в экономической сфере, кроме гарантирования исполнения контрактов. Преданность классического либерализма гражданским правам основывалась на идеях так называемых «отрицательных свобод». Правительство не должно вмешиваться в сферу свободы слова и вероисповедания, чтобы гарантировать свободы отдельных граждан. Билль о правах – это, по сути, список отрицательных свобод (свобод от вмешательства). В реальности, отрицательные свободы означают: если у тебя есть власть, то ты ее сохраняешь, если у тебя есть подконтрольные СМИ и деньги на них, то у тебя есть свобода «слова». А если нет, то, что ж, правительство не может вмешиваться. Большинство граждан не имеют возможности быть услышанными так, чтобы это что-то изменило. Вот таким образом классический либерализм усилил права сильных по сравнению с правами обездоленных.

В 1880 году растущие монополии крупных трастов (корпорации) указали на неизбежность конца такого принципа невмешательства в экономике. Реформисты видели в правительстве единственный возможный способ избавиться от удушающей хватки крупных трастов. Либеральные мыслители начали отрицать классическую приверженность к принципу невмешательства, но остались верны индивидуализму и либеральным воззрениям на гражданские права.

Серьезные различия между либералами и истинно левыми возникли в 1940-х: либералы встали на антикоммунистическую позицию, а истинные левые были изгнаны из либерализма, в особенности из профсоюзов и из «Коалиции нового курса». Начиная с истоков либерализма, либералы поддерживали капитализм. И действительно, классический либерализм стал фундаментом капиталистической экономики. Вследствие этого в США, в отличие от Европы, нет настоящего левого движения, поскольку истинно левая политика начинается с критики капитализма. Конгресс США, по сути, наполнен представителями двух крыльев капиталистической партии.

После Великой Депрессии либерализм сместился к идее о регулировании бизнеса правительством, чтобы гарантировать конкуренцию, безопасность и стандарты труда. Однако это была попытка заставить капитализм заработать, а не покончить с ним. Такой подход существенно отличается от государственного социализма, где государство владеет (а не регламентирует) средствами производства (что стало причиной других нарушений прав человека и природных катаклизмов).

Эта, более современная, версия либерализма называется социальным либерализмом. Она сохраняет верность гражданским правам, в особенности свободам от вмешательства, а капиталистическая система под руководством правительства поддерживает и регулирует.

В настоящее время либеральная основа большинства прогрессивных движений ограничивает возможности нашей деятельности индивидуально и коллективно. Индивидуализм либерализма, и американского общества в целом, делает слишком многих из нас неспособными ясно анализировать наше нелегкое положение. Действия одного человека не могут ничего противопоставить власти, потому что общество людей политическое, оно по определению состоит из групп, а не из отдельных людей. Это не значит, что отдельные акты физического и интеллектуального мужества не могут стать острием массовых движений. Но не Роза Паркс положила конец сегрегации в автобусах города Монтгомери, штат Алабама. Это была Роза Паркс плюс стойкая решимость и стратегическая мудрость всего чернокожего сообщества.

Либерализм отходит от радикального анализа в понимании сути социальной реальности. Либерализм идеалистичен, его сторонники верят в то, что реальность – это умственный процесс. Угнетение, как следствие, состоит из личного отношения и идей, а перемены в обществе происходят благодаря разумным доводам и образованию. Напротив, материализм – это понимание того, что общество организовано физически существующими системами власти, а не идеями и мыслями, а решение проблемы угнетения заключается в последовательном устранении этих систем. Все это никоим образом не подразумевает, что отдельно взятые люди должны пересмотреть свои привилегии и вести себя более достойно. Однако это все же означает, что тренинги, посвященные антирасизму, никогда не победят расизм, но покончат с политической борьбой по фундаментальному изменению расстановки сил.

Между либералами и радикалами существуют три базовых различия. Поскольку либерализм игнорирует существование власти, он может объяснить подчиненное положение угнетенных групп биологически или другими причинами, ссылаясь на натурализм. Радикальный анализ расы рассматривает цвет кожи как некий континуум, а не различие, т.е. биологически расы не существуют. Одри Смедли (Audrey Smedley) в своей книге «Расы в Серверной Америке: происхождение и эволюция взглядов» пишет:

«Раса появилась как субъективный перенос системы оценочных суждений на факты биологических (фенотипических) вариаций среди людей... Наложившиеся значения имели социальную значимость, но по сути своей не имели связи с самим биологическим разнообразием. Раса... была выдумана как некая экзистенциальная реальность из сочетания внешних физических различий и неоспоримых социальных явлений: завоевание коренных народов, доминирование над ними и их эксплуатация, импорт уязвимых и подконтрольных людей из Африки как потакание

ненасытной жадности некоторых европейских предпринимателей. Физические различия стали основным способом, при помощи которого доминирующие белые создали и сохраняли социальные барьеры и экономическое неравенство, т.е. они намеренно стремились создать расслоение в обществе на основании внешних различий».

Ее мысль: суть расы во власти, а не в физических различиях. Радикальная идеология была инструментом англичан против ирландцев и нацистов против евреев, т.е. у групп, которые невозможно было отличить по фенотипическим различиям, именно поэтому евреев заставляли носить желтые звезды.

Консерваторы активно хватаются за биологические объяснения расового и гендерного угнетения. Белые либералы обычно умнее и избегают заявлений о биологическом превосходстве над цветными, однако без системного анализа, который есть у радикализма, они застряли в размытых аргументах о том, что цветные люди... другие, а сама разница становится фетишем или чем-то сексуальным, либо вырождается в снисходительное отношение.

Гендер – это самый изощренный пример власти, прикрывающейся биологией. Существуют социобиологические объяснения всего на свете, начиная с того, как тратят деньги мужчины, до изнасилований. Все они базируются на тезисе, что различия между мужчинами и женщинами биологические, а не, как полагают радикалы, социально обусловленные. Превращение политических явлений в биологические делает их бесспорными: бессмысленно опровергать четыре миллиона лет эволюции. Это так же бесполезно, как воевать с богом, атаковать женоненавистнические бастионы правых сил или расслоение общества.

Первейшая цель такой рационализации – убрать власть из уравнения. Если бог предопределил рабство или изнасилование, значит тому и быть. Жестокое обращение становится естественным. А когда эти формы «естественности» изобличаются как рационализация самооправдания, то запасной вариант – это аргумент о якобы полезности жестокого обращения для самой жертвы. В настоящее время многие из самых ярких защитников капитализма считают, что коренные народы и фермеры, ведущие натуральное хозяйство, хотят «развития» (странно, что под дулами пистолетов), многие мужчины считают, что женщины «сами этого хотят» (странно, что под дулами пистолетов), лесники считают, что лесам полезно их управление (хотя леса существовали и без них тысячи лет).

Если власть изъять из уравнения, то все выглядит так, как будто люди сами хотят жестокого обращения, что стирает факт социального подчинения. Либералы не понимают, что 90% угнетения происходит по согласию. Как писала Флоринс Кеннеди (Florynce Kennedy): «Система угнетения с тотальным проникновением невозможна... без согласия угнетенных» [4]. Это не означает, что вина лежит на нас, что система обрухнется, если мы перестанем поддерживать ее согласием, или угнетенные ответственны за свое угнетение. Это означает лишь то, что правители – капиталисты, белые «высшей расы», колониалисты, маскулинисты – не могут круглые сутки контролировать всех на свете, приставив нам дуло к виску.

Психологически люди переносят угнетение тремя способами: отрицанием, приспособлением и согласием. Любой, над кем доминируют, быстро учится не высовываться, чтобы не испытать на себе последствия репрессий.

Чтобы возыметь эффект, эти последствия должны наступать лишь иногда: травмированная психика сама станет себе жандармом. В сообществах женщин, пострадавших от насилия, принято считать, что одно избиение в год держит женщину под контролем.

Считая оскорбительной принадлежность к группе или классу, белые либералы полагают, что такая принадлежность превращает человека в жертву. Я же вижу, что личность – гораздо более сложное явление. Конечно же, вполне возможно претендовать на принадлежность к группе угнетенных и при этом придерживаться либеральных взглядов на свой личный опыт. До меня это дошло, когда я, сидя в очереди к врачу, вынужденно смотрела по телевизору комедию об офисных работниках. По сюжету, один из черных героев узнал, что его взяли на работу в рамках позитивной дискриминации (программа для предоставления равных прав различным группам). Его это так подавило и унизило, что он уволился. Когда девушка-менеджер узнала о повышении по той же программе, она впала в депрессию. Эмоциональная составляющая была для меня просто неуловима. Учитывая все, что подавляет цветных и женщин, – насилие, бедность, постоянные насмешки, то позитивная дискриминация – это наименьшее, что наше общество может сделать, чтобы исправить несправедливость системы. Но тот факт, что эти профессионалы среднего класса оказались на таких должностях из-за успешной стратегии борцов за социальную справедливость, был понят широкой аудиторией как оскорбление, а не как пример успеха отдельного человека или движения.

Заметьте, что в миропонимании либерала люди становятся жертвами не физических условий жизни, а самого выявления таких несправедливых условий, как попытки что-то сделать с этим. Но радикалы никого не делают жертвой. Мы верим, что несправедливую систему можно изменить, что угнетенные могут влиять на ситуацию и бороться за контроль над материальными условиями своей жизни. Мы не воспринимаем предположений, будто бог или природа защищают наше доминирование, и мы настаиваем на том, что человека за занавесом нужно назвать по имени. Ясное понимание того, кто, кому, на кого и как влияет – первый шаг к сопротивлению.

И последнее отличие между либералами и радикалами – в их подходах к справедливости. Поскольку в либеральной системе власть невидима¹³, то для справедливости нужно придерживаться абстрактных принципов. Например, в США абсолютизм Первой Поправки (право на свободу слова) означает, что группы людей, объединенные ненавистью к кому-то или к чему-то, могут организовываться и активно набирать новых членов, поскольку свобода слова, в том числе высказывание ненависти, дает им такое право. Принцип свободы слова перевешивает то, что происходит в материальном мире, когда такие группы ненависти так или иначе поступают с реальными живыми людьми.

¹³ Имеется в виду власть, как физически существующий аппарат угнетения, насилия над слабыми и бедными. Авторы всегда вкладывают в слово «власть» именно этот смысл. Следовательно, либералы «не видят» ни угнетения, ни его системных причин.

Для радикалов справедливость не может быть слепа. Для того чтобы что-то поменять, нужно разобраться в конкретной ситуации. Доминирование может быть устранено, только если у власти отобрать права и перераспределить социальные права между всем населением. Порой люди говорят, что если цель феминизма будет достигнута, то половина гендиректоров компаний будут женщинами. Но это не феминизм. Прочитайте Катарин МакКиннон: «Феминизм – это либерализм применительно к женщинам». Феминизм победит не тогда, когда достаточное количество женщин получат свою долю в системе угнетения, пропитанной потом наших сестер, а когда все доминирующие иерархии, включая экономические, будут устранены.

Наиболее точное определение угнетения принадлежит *Мерилин Фрай*. В своей книге «Политика реалити» она пишет:

«Угнетение – это взаимосвязанная система сил и ограничений, которые ослабляют, тормозят и принуждают людей, принадлежащих к одной группе, делая их подчиненными другой группе» [5].

Весь радикализм в одном элегантном предложении. Угнетение – это не внутреннее отношение к чему-то, а система власти. Одна из негативных сторон угнетения заключается в том, что оно продуцирует не только несправедливость, эксплуатацию и жестокое обращение, а еще согласие.

Свое определение угнетению дала и Андреа Дворкин, которая перечислила его четыре компонента [6]:

Иерархия

Иерархия означает, что существует «группа наверху и группа внизу». Группа «внизу» имеет меньше прав, ресурсов и считается «низшей» по статусу.

Овеществление

«Овеществление происходит тогда, когда человека с помощью общественных инструментов лишают человеческих свойств, превращают в вещь, товар, продают, покупают... Те, кого можно использовать так, будто они не вполне люди, с точки зрения общества не являются полноценными людьми» [8].

Подчинение

Если ты стоишь ниже других и тебя сделали вещью, то подчинение обязательно для выживания... Подчинение, к которому принуждают нижестоящие овеществленные группы людей при помощи иерархии и овеществления, считается доказательством (имманентной) неполноценности, более низкого положения как внутреннего свойства и слишком слабых для нормального человека способностей [9].

Насилие

Совершается членами вышестоящей группы. Насилие «систематично и достаточно распространено, чтобы быть незаметным и нормальным, обычно воспринимается как неотъемлемое право того, кто совершает насилие» [10].

Все четыре элемента работают сообща, создавая почти герметично изолированный мир – как психологически, так и политически, где угнетение нормально и важно, как воздух. Любое проявление сопротивления наталкивается на целый спектр воздействий: от осмеяния до грубой силы. И все же сопротивление существует. Несмотря ни на что, люди упрямо настаивают на том, что они люди.

Обретение политической осознанности – не безболезненно. Чтобы преодолеть отрицание, нужно каждый день видеть ставшую нормальной жестокость всего общества. Общества, состоящего из миллионов людей, которые принимают участие в этой жестокости, пусть даже не активно, но с выгодой. Одна моя подруга, выросшая в тотальной нищете, вспоминала свою политизацию в первый год колледжа – год невыносимой муки от осознания простого факта, что «есть бедные и богатые и между ними есть связь». Возможно, и вам придется испытать болезненные переживания, которых вы избегали, чтобы выжить, и даже унижение от своего собственного тайного согласия. Но понимание угнетения начинается с полного осознания того, что угнетение – это плохо, а сопротивление возможно. Полученный опыт анализа поможет освободиться психологически и даже духовно.

Как только приходит определенное понимание угнетения, у большинства людей появляется побудительный мотив к действию. В целом, существуют четыре вида действия: юридические решения, прямое действие, неучастие и духовность. Эти категории могут сочетаться в благоприятный или даже определяющий для движения сопротивления способ. Но также они могут стать и тупиками отчаяния. Очень важный момент: все эти виды действия могут быть как либеральными, так и радикальными.

Юридические меры.

Большая часть групп активистов сосредоточены вокруг законных (юридических) решений конкретных проблем. И у них есть на то веские причины. Как указывает Катарин МакКиннон, «закон организует власть». Законодательные инициативы и судебные разбирательства могут представлять собой широкую палитру: от бестолковой мольбы до потенциальных структурных перемен. Радикалы без раздумий отвергают такой вид действия, как реформистский по своей сути. Действительно, по большей части юридические меры являются реформистскими, а основная цель этой книги – предложить активистам методы, выходящие за рамки обычного юридического процесса. Но если мы хотим распределить власть эгалитарно, нам придется вступить в схватку с законом. И фокус в том, чтобы радикально ответить на следующие вопросы:

– эта юридическая процедура нацелена на перераспределение власти или просто на замещение одного человека другим на вершине пирамиды?

– отбираем ли мы власть у угнетателей и возвращаем ли мы права угнетенным?

– даем ли мы людям больший контроль над материальными условиями своей жизни?

– определяем ли мы конкретный источник зла и искореняем ли мы его?

Мы можем стоять в стороне с самым радикальным на свете отношением, но такая позиция не поможет ни одному задыхающемуся лососю, ни одной изнасилованной девочке. Это не призыв вести себя хорошо и просить по-доброму. Я уверена, что нарушать закон нужно, поскольку вся эта колоссальная система поддерживается конституцией, на которой и зиждется порочная система власти. Конституция была написана белыми мужчинами, которые владели белыми женщинами как крепостными и неграми обоих полов как рабами, а конституция была нужна им как способ защитить свою власть. У нас нет никаких моральных обязательств уважать ее, скорее наоборот. Я также уверена, что нам нужно низвергнуть все это строение – поверьте мне, иначе я бы не стала соавтором этой книги. Кроме того, существуют законодательные победы и решения судов, такие как «Акт о гражданских правах» 1964 года и «Дело Роя против Уэйда», повернувших власть в сторону справедливости. Дальнейший переход к прямой демократии, построенной как на основании прав человека, так и на человеческом участии в жизни планеты, теоретически сложным не является. Закон существует не только для либералов. Вопрос лишь в том, какие действия нужны, чтобы нынешнюю ситуацию трансформировать в желаемую. Ни презрительные насмешки, ни отчаяние не доказали своей эффективности. Радикальным быть легко, но одного лишь состояния ярости недостаточно. Должны произойти структурные перемены. Радикальный анализ начинается с осознания именно этого факта. Как вынудить систему к переменам? – вот стратегический вопрос.

Прямое действие.

Иные активисты игнорируют юридические методы и концентрируются на прямом действии. Порой они сочетают прямое действие с юридическими мерами, как, например, в случае, когда акты гражданского неповиновения совершаются с целью повлиять на законодателей в конкретном вопросе. Сколько женщин приковывали себя к забору Белого дома или испытывали на себе пытки насильственного кормления в тюрьме Холлоуэй, чтобы добиться права голосовать? Автобусный бойкот в Монтгомери – наглядный пример применения экономических методов давления вместо политических. Как и в случае с законодательными мерами, цели прямого действия могут быть как радикальными, так и либеральными.

Ни одно отдельно взятое действие ни внутри ни извне системы власти не будет решающим. И серьезное движение сопротивления это прекрасно понимает. Вместо того чтобы блокировать целые сектора властных организаций, успешное движение целится в слабые места с учетом имеющихся ресурсов. Активисты, находящиеся как внутри системы, так и вне нее, должны воспринимать свою совместную деятельность как часть работы по достижению глобальной цели. Нужны и первые, и вторые. Многие люди «снаружи» системы за всю свою жизнь так ничего толкового и не совершают, целая субкультура таких людей объявляют изменения своего личного образа жизни и стиля мышления собственной политической стратегией, а «работа» у них – это посещение семинаров по личностному росту. Более либерального взгляда не найти. Хотелось бы подчеркнуть, что работа внутри системы и вне ее не является той точкой, в которой деятельность становится радикальной или либеральной (так как радикальной или либеральной может быть, как работа внутри системы, так и снаружи). Так же ошибкой было бы считать, что наиболее воинственные стратегии являются наиболее радикальными. Это не так: наиболее воинственные стратегии – просто наиболее воинственные. Я говорю так не из-за моего добропорядочного стремления к ненасилию. В книге «Эндшпиль» Деррик 900 страниц посвятил опровержению пацифистских доводов, широко распространенных среди левых сил, да и большая часть этой книги написана, чтобы вдохновить читателя на серьезный милитаризованный подход. Но мы должны подвергнуть призывы к насилию строгому анализу феминизма, который критически относится к маскулинности. Многие воинствующие группы являются лишь оправданием, когда мужчины упиваются дешевым адреналином, питающим мужское эго, освобожденное от социальных ограничений наличием больших и мощных «пушек» для настоящих мужчин. В сочетании с неэффективной стратегией и целеполаганием, а зачастую и с неистово маскулинным поведением, такие группы «схлопываются» в ходе перестрелок между ее членами. Майкла Колинза убили свои же ирландские националисты, Троцкого – сталинские наемники, а Малькольма Икса – черные мусульмане. Левые революционеры часто наделяли властью харизматичного диктатора и переходили на новый виток безумной жестокости. Социалисты и анархисты, многие из которых верили в СССР как в грядущий рай на земле, были в шоке от сделки между Сталиным и Гитлером, а также последовавшим за нею геноцидом со стороны Иосифа Сталина. Насилие в плохих руках ни в коем случае не свержает систему угнетения, а напротив, восстанавливает в ней патриархат. Теодор Росзак отмечает, что «эта фракция мужчин левых убеждений принимает насилие как самореализацию». Часто ссылаются на книгу «Презренные земли» Франца Фенона или на предисловие к ней, написанное Сартром, где насилие считается не только потенциальным приемом, его настоятельно рекомендуют как психологическую необходимость для подавленной мужественности. «И тут, – пишет Росзак, – все становится не просто ужасным, а еще и глупым. Ни с того ни с сего тотальная убежденность превращается в абсолютную эффективность, с которой человек лезет в драку с первым попавшимся полицейским». Такой подход ничем не лучше беготни по тренингам: цель – внутренняя эмоциональная удовлетворенность (и не особо освобождающая), а не общество, построенное на принципах равенства, или движение сопротивления, способное нас к нему привести. Привилегия женоненавистнического поведения, которой себя наделяют мужчины, привела к возрождению феминизма в 1960-х. Женщины научились мыслить политически, участвуя в движениях за права человека, за мир, в студенческих

движениях, и затем проанализировали сложившуюся ситуацию. Поведение их соратников-мужчин ничем не отличалось от поведения мужчин из истеблишмента – оно не было «ни на грамм менее подавляющим, ни на йоту менее сковывающим», как писали трое из ветеранов движения «Студенты за демократическое общество» [12]. Это касалось всех без исключения движений радикального толка. Бывшая «Женщина Погоды» Кэти Вилкерсон писала, что многие женщины покидали движение за мир из-за сексизма: «левое движение было непроницаемо, как каменная стена» [13]. Историк Джереми Верон отметил, что «частью этой печально известной кампании против моногамии был приказ Везермена расстаться тем парам, в которых обнаруживалась недопустимо собственническая и эгоистичная близость». В итоге началась насильственная ротация половых партнеров, определявшаяся лидерами по большей части по идеологическим основаниям, но, как подозревали, присутствовали и личные мотивы (обвинение заключалось в том, что мужчины-лидеры переводили отдельных женщин из группы в группу, чтобы спать с ними), случались и вспышки группового секса, во время которых на фоне либидного воодушевления нарушались различные табу. Для кого они были воодушевляющими – вот вопрос, на который Варон отвечает излишне аккуратным наблюдением: «жизнь в коллективе могла быть очень тяжелой для женщин... и также способствовала сексуальной эксплуатации женщин в организации». Коллективы «Подполья Погоды» были «психологически жесткими и вознаграждали самоуверенных и даже агрессивных, при этом съедали с потрохами менее уверенных в себе и более незащищенных» [16]. Даже профессиональные активистки «были ведомы вынужденной мужественностью мачизма», что ожидаемо «не способствовало ни истинной автономии, ни солидарности между женщинами» [17]. Подпольные газеты типа Free Press, Berkeley Barb и Rat зарабатывали на рекламе с применением изображений женщин как объектов, продавали женскую внешность как товар. Уже в 1969 году на конференции Синдиката Подпольной Прессы женщины предложили поддержать резолюцию, согласно которой газетам запрещалось использовать изображения овеществленных женщин для продажи аудиозаписей и прочих товаров, а также рекламу секса, поскольку использование секса как товара особенно сильно угнетает женщин [18]. В результате особенно откровенный в своей жестокости и полный порнографии выпуск Rat со статьями, опошляющими женщин, настолько разъярил сотрудниц издания, что они, объединившись с другими группами феминистов, взяли журнал под свой контроль. Робин Морган была участницей переворота в редакции. Ее фундаментальная статья «Прощай все это», полная обоснованной ярости и разочарования, была опубликована в обновленном Rat. Новые левые силы выглядели как совсем не новый патриархат, что, по сути, лишь усугубило проблему левых сил, поскольку они приняли порнографию как часть свободы. Свобода для кого? Свобода для чего? Свобода чья? – вот три неудобных вопроса, на которые левые мужчины-активисты не хотели отвечать. Фактически целый класс женщин подвергался жестокому обращению и находился в услужении, что резко противоречило любым заявлениям, которые левые делали в защиту всеобщих прав человека. Наглядные примеры такого противоречия продемонстрировали лидеры движения «Силы Черных». Эддридж Кливер открыто писал, что изнасилование черных женщин было «тренировкой» перед изнасилованием белых [19]. В результате его арестовали и посадили и за то, и за другое. Хьюи Ньютон, сооснователь «Черных Пантер» и их министр обороны, насиловал многих женщин при поддержке своих вооруженных громил. По его словам, «изнасилования бывают двух видов: в первом случае ты просто овладеваешь ее телом, а во втором – делаешь так, чтобы она наслаждалась своим изнасилованием» [20]. Он был арестован и осужден за растрату денег «Черных Пантер», предназначенных на школьное образование и питание, которые, скорее всего, были потрачены им на наркотики. Второй раз его судили за убийство 17-летней проститутки Кэтлин Смит. Малькольм Икс был ненамного лучше. Он избивал своих подопечных проституток и ужасно относился к лесбиянкам, а потом принял ислам. Впоследствии он сформировал свою идеологию о превосходстве мужчин в рамках мусульманских принципов для черных мусульманских семей, что подобно всем фундаменталистским религиям давало мужчинам полную убежденность в том, что доминирование над женщиной – план всевышнего. Важно отметить, что и в то время и сегодня были мужчины и женщины, которые отвергали подобное поведение как эксплуататорское и неприемлемое. Радикальная группа «Молодые лорды» из Пуэрто-Рико прекрасный тому пример. С самого начала лидерами в группе были только мужчины, а главным постулатом их платформы было «Мачизм должен быть революционным». Ирис Моралес вспоминает, что «мужчины на руководящих позициях злоупотребляли своим положением и новобранцы среди женщин должны были спать с ними. Таких женщин должно было быть две или три, поскольку они, конечно же, были супермачо и считали, что это очень круто. Когда обнародовали список особо отличившихся их товарищей, мы были возмущены, женщины были возмущены» [21]. Женщины начали проводить свои собрания отдельно от мужчин и выступили со списком требований. Он включал в себя повышение статуса для женщин, присмотр за детьми на встречах и их участие в министерстве обороны. Женщины получили поддержку наиболее прогрессивных мужчин, потому что те «понимали, что революция без женщин невозможна» [22]. На протяжении потрясающих шести месяцев были удовлетворены все их требования и даже принят слоган «Прочь мачизм!» Феминизм был воспринят настолько серьезно, что «почти каждый член центрального комитета был понижен в должности за шовинизм и им пришлось изменить образ жизни, даже главе организации» [23]. Для обсуждения проблемы мачизма мужчины даже учредили свое отдельное собрание. Эта трансформация была задокументирована в фильме Моралеса «Паланте, опять Паланте» [24].

Моралес также рассказывает и о «печальной странице в истории движения», разбивавшей сердца во множестве движений. «Была одна-две женщины, которые всех старательно избегали, а позднее нагло воспользовались движением, за которое мы так боролись. Это важный урок, потому что не каждая женщина мне сестра, не каждая пуэрториканка моя сестра» [25]. Солидарность между людьми – это очень ценно и случается она гораздо реже, чем всеобщее сопротивление против угнетателя. Внутренняя вражда в движении побеждает движение без усилий угнетателя. Выражение «реакционный черный национализм» принадлежит Норму Р. Аллену-мл., он использовал его для описания «фанатизма, нетерпимости, ненависти, сексизма и гомофобии», отвергнуть которые он просил сообщество черных [26]. Марк Антони Нил написал труд «Новый черный человек», который представляет собой увлекательный образец

нравственной миссии и построения сообщества в условиях угнетения (он афроамериканец) и привилегии (он также гетеросексуал и мужчина). Даже в столь краткой дискуссии сложность проблемы насилия становится очевидной. Понятно, что люди, для которых важна справедливость, хотят отвергнуть насилие, и многие из нас пережили его. Все мы слишком хорошо знаем, насколько привилегированными считают себя мужчины и как они используют такую свою психологию против женщин. И каким бы ни был жизненный опыт каждого из нас, мы все видим жестокость как плод империализма, расизма и женоненавистничества, приведших к бездумному уничтожению и травмированию на протяжении бесконечных, изнурительных тысячелетий. Многие думающие люди осознанно придерживаются этики ненасилия по очень весомым причинам.

Насилие – широкое понятие, и нам нужно четко определить, о чем конкретно мы говорим, обсуждая его как движение. Я бы хотела разделить следующие понятия: насилие иерархии и насилие самозащиты, насилие против людей и насилие против собственности, насилие как способ самоутвердиться и насилие в политическом сопротивлении. Трудно встретить человека, который был бы противником всех и каждого из этих явлений. Если четко разъяснить в контексте, то абстрактное понятие «насилие» распадается на конкретные и отличимые действия, которые можно судить по заслугам. Возможно, некоторые люди в конце концов отвергнут все виды насилия, это наша прерогатива, поскольку у нас есть нравственность. Но солидарность все же возможна и даже является необходимостью, учитывая серьезность и безотлагательность проблемы. Всякий раз, когда сталкиваешься с проблемой насилия, предельно важно понимать и принимать его потенциальную пользу в достижении наших общих радикальных и феминистских целей.

Насилие иерархии против насилия самозащиты

Насилие иерархии – это насилие, которое власти используют против бедных, чтобы держать их в повиновении. Например, насилие, совершаемое ради наживы, остается невидимым для общества или происходит достаточно далеко, чтобы выгодоприобретатели не знали о нем. Этот тип насилия является определяющим фактором любой империалистической войны за «природные ресурсы» для корпораций, которые превращают их в дешевые товары потребления, лежащие в основе образа жизни развитых стран. Людей, которые воюют, пытаются защитить себя и свою землю, убивают. И это мало кто замечает. У властей есть армии, суды, тюрьмы и удобное налогообложение. Они также владеют мировыми СМИ, а посему контролируют не только информацию, но и само информационное поле. У привилегированных свои «удобства и изыщества» (как выразился один из защитников рабства), которыми они в той или иной степени наделены богом, и роскошью неведения [27]. Вся структура глобального капитализма построена на насилии (насилие – еще один вид ископаемого горючего?). Насилие, используемое властями для сохранения иерархии, – это одно из тех явлений, которые мы, возможно, вместе посчитаем неправильными.

Противоположностью можно считать насилие самозащиты, т.е. набор действий, предпринимаемых теми, кому причиняют боль, против агрессора. Каждый имеет право защищать свою жизнь против нападающего. Многие левые расширяют понятие самозащиты до права целого народа на оборону. Например, многие политические активисты поддерживали сандинистов в Никарагуа, даже рискуя собой, сотрудничая в постройке школ или сборе кофе. Некоторые люди даже откажутся называть эту коллективную самозащиту «насилием», считая насилием только те жестокие действия, которые поддерживают иерархию. Полагаю, что будет честнее назвать это насилием и принять, что не всякое насилие одинаково или одинаково плохо.

Насилие против собственности и насилие против людей.

Опять же, многие люди отвергнут определение уничтожения собственности как насилие. Поскольку предметы не ощущают боли, то такие инструменты, как краска в баллончиках и воспламенители, не могут считаться оружием, а их использование не является насильственным? Полагаю, что разница между чувствующими существами и неживыми объектами чрезвычайно важна. Итак, уничтожение собственности – это насилие или нет? Этот вопрос является как практическим (нужно же дать какое-то определение), так и экспериментальным. Разрушить собственность, можно не причиняя ущерба ни одному чувствующему существу и при этом нанести значительный урон несправедливой системе. Станет ли кто-то возражать против того, что французское Сопротивление взрывало железнодорожные пути и мосты, чтобы остановить нацистов?

Но насилие против собственности также может быть использовано для устрашения. Именно по этой причине многие прогрессисты и радикалы с тяжелым сердцем думают о разрушении собственности. Если вы подвергались таким угрозам, то вы знаете, насколько это эффективно. По сути, если бы насилие против собственности не было настолько эффективным, то к нему бы никто не прибегал, чтобы вселить страх и подчинение. Если разбить все тарелки об пол, то результат будет тем же. Одна подруга, которая испытала на себе нападение террористов правого толка на здание, где она работала, была госпитализирована с диагнозом острый посттравматический синдром. Разрушение собственности может сильно травмировать человека.

Какое бы мы ни дали определение разрушению собственности, нам нужно взвесить последствия и стратегические выгоды, чтобы принять обдуманное решение. Опять же, «насилие» – это не плохое слово, а описательное. Очевидно, что большинство людей намного лояльнее воспримут атаку на витрину, стену или пустующее здание, чем насилие против человека, именно так и должно быть. Но какими бы ни были ваши личные убеждения в данном вопросе, фундаментальное уважение друг к другу и к нашему движению в целом требует признания различий между людьми и собственностью в вопросах насилия.

Насилие как самореализация и насилие в политическом сопротивлении.

Социализация мужчин – это воспитание в них военной иерархии. Психология маскулинности – это психология, обязательная для солдат и подразумевающая подконтрольность, эмоциональную отстраненность, стремление и способность доминировать. Объектом такого доминирования является некая референтная группа, «другие», «низшие» люди. В патриархате, первая презируемая группа – девочки. Франц Фенон (Franz Fanon), конечно же не критикуя, цитирует молодого алжирского бойца, который напевал: «Я не трус, я не женщина, я не предатель» [28]. Но более страшное оскорбление, чем что-то наподобие «девчонки», обычно – название женских половых органов в высказывании полном ненависти.

Вместе с привилегиями у мужчин обязательно появляется стремление нарушать границы, будь то сексуальные границы женщин, культурные границы других народов, физические границы других стран, генетические границы других существ или биологические границы экосистем. Для психики привилегированных единственный смысл существования ограничений – это эротическое возбуждение от их насильственного преодоления. Робин Морган предельно колко описывает ситуацию женщин Тамилла: «Для женщин приход партизан или армии – это катастрофа. Они жалуются, что и те, и другие грабят, мародерствуют, насилуют женщин и девочек. Они ненавидят армию правительства за то, что они так поступают, но их не меньше страшит и приход повстанцев, которые насмерть бьются за их свободу. О своих тамильских мужчинах они устало говорят, что если наши парни вернутся, то принесут с собой то же самое. Мы хотим, чтобы нас оставили в покое.» Как заявил Элдридж Кливер, «мы либо получим наше мужское, либо сотрем планету в пыль, попытаюсь». Для планеты это безвыигрышная ситуация, равно как и для женщин и детей, стоящих на пути потребностей маскулинности. Вьетнамцы об этом говорят: «Когда дерутся слоны, страдает трава».

Из примеров видно, что как с точки зрения феминисток, так и с точки зрения мира, возникает оправданная озабоченность по поводу того, что, прибегнув к насилию, мы потенциально подвергаем себя и нашу культуру опасности. Многих солдат война покалечила. Приюты для бездомных наполнены солдатами прошлых войн, которые слишком травмированы, чтобы быть частью социума. Ситуации, угрожающие жизни, оставляют шрамы, как у совершавших жестокости, так и у переживших их.

Но насилие очень широкое понятие, его можно применять разрушительно и мудро. Мы можем решить, в каких ситуациях оно приемлемо, против каких физических объектов применимо и какие риски понесут гражданские лица. Мы можем решить, приемлемо ли прямое насилие против людей. Мы можем построить такое движение сопротивления и культуру сопротивления, где жестокость будет всегда неприемлема, где наказание за жестокость будет быстрым и строгим, где насилие не прославляется как понятие, а понимается как конкретные действия, к которым нам придется прибегнуть и которые мы можем прописать как правила наших сообществ. Именно эти моменты мы можем включить в культуру нашего сопротивления. Такая культура должна включать в себя феминистскую критику маскулинности, серьезное понимание основ абюзивного поведения и понимание посттравматического синдрома. Нам придется установить нормы поведения, которые будут останавливать жестоких, а не наделять их властью, оказывать сетевую поддержку узникам и воинам, страдающим от посттравматического синдрома, а все, за кем замечено жестокое и насильническое поведение, должны отстраняться от серьезной подпольной деятельности. Подпольные группы должны проверять новых рекрутов на наличие значительных эмоциональных инцидентов в их прошлом. Как злоупотребление наркотическими веществами, так и насилие в обществе и в семье должны стать основанием для отказа такому новобранцу. Во-первых, очень важно с самого начала формировать движение из людей, характер которых не оставит места в движении насильникам. Во-вторых, самая суть жестокого поведения – в привилегиях. Человек с такой структурой личности почти наверняка станет источником проблем там, где активистам потребуется самопожертвование, дисциплина и надежность. Люди, до такой степени наделяющие себя привилегиями, способны оправдать любые поступки. Им комфортно жестоко обращаться со своими близкими и родными, так что имея вооружение или любую другую форму власти, они с готовностью пойдут на изнасилования, пытки и грабеж. Нам нужны бойцы с непогрешимым имиджем, для эффективности наших подпольных ячеек и для нового общества, которое мы стараемся построить. «Нашу войну мы ведем не ради грабежа, не ради удовлетворения наших страстей, это борьба за свободу», – так Нэт Тернер говорил своим новобранцам, которые не совершали жестоких поступков и брали только то, что им было нужно. К насилию можно допускать только тех людей, которые его ненавидят. Наделение властью психопатов или восстановление могущества маскулинности в глобальном патриархате – это ошибки, которых нам надо избегать любой ценой.

Нам нужно всем вместе и каждому в отдельности решить для себя вопрос о разрушении собственности с точки зрения тактической целесообразности. Способствует ли такое разрушение делу спасения жизни на планете? Или мы просто хотим что-то делать, чтобы чувствовать себя лучше? Я бывала на демонстрациях, где молодые люди разбивали витрины семейных магазинов и поджигали случайно выбранные машины в квартале. Это, по сути, насилие ради самовыражения, наделенного привилегиями эго. Такие спорадические акты разрушения против людей, которые не являются врагами, не должны иметь места в нашей стратегии и в нашей культуре. По сути, это дело мужчин – воспитывать в мужчинах наше коллективное неприятие маскулинного насилия.

Самоустранение или неучастие

Еще одним видом реакции на условия угнетения является неучастие. Оно включает в себя широкий спектр возможных действий. На одном конце спектра – акты индивидуального самоотчуждения или отказа от участия со стороны отдельных людей. Целые социальные анклавы – наследники богемской традиции – полны таких людей. Их цель – не привести к значимым социальным или политическим переменам, а жить «аутентично». Потенциальные проблемы такой стратегии в некоторых синонимах слова «неучастие»: покидание, отречение, самоустранение, отшельничество, отказ, отставка.

На другом конце спектра – неучастие, как часть политической тактики, воздействующей на конкретные экономические, политические или социальные процессы, или учреждения. Как и в случае с юридическими мерами и прямым действием, неучастие может быть радикальным и успешным в стремлении завоевать свободу. Оно также может быть и тупиком политической бесполезности и враждебности внутри организации (горизонтальной враждебности – horizontal hostility). Понятие горизонтальной враждебности было введено Флоринс Кеннеди (Florynce Kennedy) в 1970 году [30] и описывает тот разрушительный эффект, который имеет место внутри угнетенных групп, когда они начинают бороться между собой, а не с угнетателем (см. рис 3-1). Это предсказуемое поведение и нам стоит его опасаться. Если не воспользоваться возможностью вести борьбу с властной верхушкой иерархической пирамиды, то такая тенденция становится очень сильной, поскольку людям только и остается, что воевать друг с другом.

Если неучастие тесно связано с политической борьбой, то оно является частью успешной стратегии, а если оно воспринимается, как нечто самодостаточное, то это провальная стратегия. И это самый главный отличительный признак. Часто разница между радикализмом и либерализмом может проявляться глубоко. Помните, что либерализм идеалистичен: он исходит из понимания общества, состоящего якобы из идей, а не физически существующих учреждений. Прежде всего, стратегия простой неприверженности доминирующей системе, личной психологической, интеллектуальной позиции, считается либералами революционной. И хотя проблемы (само)идентификации и приверженности жизненно важны для построения классового сознания, необходимого для движения сопротивления, одного этого недостаточно. Неучастие должно идти дальше эмоционального, интеллектуального, психологического, и оно должно означать, что его цель – фактическая победа справедливости. «Миры внутри миров» могут утешать, но в результате ничего не меняется. Нам нужно быть осторожными с такими порывами, какими бы заманчивыми они ни казались. Простая идея о том, что все мы можем полностью погрузиться в себя и свое сообщество, может быть очень привлекательной, но такие действия результата не дадут. Если отказаться от глобальной цели – свободы; и стратегии – прямой конфронтации с властью, то «самоустранившиеся» сообщества в лучшем случае окажутся бессмысленными, а в худшем – станут скопищем распрей и культов.

Часто «неучастники» видят неучастие и прямую конфронтацию с властью как две противоположности, а не первое как важный элемент второго. Но жизнь в окружении немногих обращенных – это слабая альтернатива свободе, и такой мир не спасет планету. Различие между просто альтернативной культурой и культурой сопротивления является настолько важным, что мы посвящаем этому вопросу целую главу.

3. 1. Горизонтальная враждебность

Сейчас позитивным примером для изучения является Американская Революция (Война за Независимость). Исходная стратегия колонистов заключалась в неучастии и последующем формировании индивидуальных предпочтений в пользу американских колоний в противоположность британской короне. Экономическое неучастие и бойкоты всего на свете – от чая до шерсти; культурное неучастие и предпочтение американского искусства, товаров, вкусов; политическое неучастие, построенное вокруг колониальной судебной системы и управляющих конгрессов штатов и колоний.

Все эти формы неучастия слились в культуру сопротивления, которая создала, воодушевляла и поддерживала революцию. Люди начали осознавать себя гражданами своей собственной страны, и в результате эти штаты

объединились. Они также стали новой политической единицей как патриоты, как «Сыны свободы», а не как сыны и дочери Англии.

Эти политические самоопределения слились с культурным и экономическим бойкотами. Из всех бывших британских колоний только в США пьют больше кофе, чем чая. Это результат сопротивления колонии налогу на чай, которое стало новой мифологией, увековеченной в виде Бостонского Чаепития. Ни один из патриотов не пил чай, а Сыны свободы были готовы на все, чтобы остальные присоединились к бойкоту.

Наше исследование, возможно, нужно сопроводить пояснениями по той эпохе. Британская конституция утверждала, что налоги с британских подданных могли собираться только с согласия народа. Такое согласие, как предполагалось, давалось Парламентом, как представительским органом народа. Этот же принцип был перенесен и в конституцию США, утверждающую, что только Конгресс США обладает властью облагать налогами, а не президент. Сэмюэл Адамс писал, что уплата налогов без представительства – это превращение свободных граждан в налоговых рабов. Британские налоги все больше воспринимались как оскорбление, потому что колонисты имели представительство в ассамблеях своих штатов, которые, считалось, имели право на сбор налогов.

Локальные восстания – то, что сегодня считают уличными беспорядками, – были обычным делом как в Англии, так и в колониях, так как в XVIII столетии полиции не было. Со Средних веков «полиция» унаследовала обычаи типа «Держите вора» (жители должны были громко кричать, чтобы на них не возложили убытки от преступления), что, по сути, предполагало, что преступника ловили сами граждане. К XVIII столетию было запрещено использование милитаризованных сил для правоприменения (утверждения закона на практике), предпочитали, чтобы магистрат или шериф имел право призвать на службу любое нужное количество годных мужчин. Следующим рубежом была милиция. Историк Полин Майэр поясняет: «Как шерифы, так и милиция рассчитывали на местных, в том числе на тех, кто участвовал в уличных беспорядках. Это означало, что восстания могли сами собою становиться законными явлениями, поскольку повстанцы по привычке действовали с относительной сдержанностью и ответственностью».

По сути, это означало, что если большинство населения симпатизировало восстанию или прямо принимало в нем участие, то местный магистрат был практически беспомощен» [2]. Такие события регулярно повторялись перед войной за независимость по мере того, как политика имперской Британии вызывала все большее возмущение населения.

Началом организованного сопротивления стал налог на марки. Соответствующий закон был принят парламентом в 1765 году для облегчения финансового бремени семилетней войны. Большая часть официальных документов, таких как судебные записи и земельные документы, а также печатные материалы, такие как газеты и плакаты, должны были иметь марку, а марки стоили денег. Этот акт ненавидели в колониях и колониальные правительства отправляли свои ноты протеста в Англию. Но более значимым событием стал конгресс по этому поводу. Это была первая попытка целой колонии предпринять общие усилия против Британии. Группы активистов на местах создали «комитеты корреспонденции» – сеть, охватившую все 13 колоний. Эти комитеты стали жизненно важной структурой для политической деятельности и движения революционного сопротивления, которое переросло в последующую революцию. По словам Ричарда Бушмана, «существование сети активистов означало, что к 1773 году революционный язык звучал в ушах каждого взрослого жителя Массачусетса и имел место непрерывный диалог в бостонской прессе и в городских собраниях, на встречах и в тавернах по всему штату».

Налог на марки так и не был введен из-за сопротивления рядовых граждан. Сопротивление обычно проявлялось как разрушение собственности и угрозы тяжких увечий. Для продажи марок требовались продавцы, т.е. официальные дистрибьюторы. Такие люди являлись точками влияния, т.е. легко идентифицируемыми целями в глазах желающих остановить нашествие ненавистных марок. Уличные протесты начались в Бостоне, а затем быстро распространились по соседним колониям. Чучела дистрибьюторов вздергивали на виселице, сжигали или обезглавливали. Затем толпа приходила к дому дистрибьютора, жильцов выгоняли, забирали из дома все ценное или разбирали дом на куски. Часто дистрибьютору приходилось публично отказываться от должности. Как результат, никто не соглашался выполнять эту работу. По мнению Майэр, такое решение проблемы распространилось так же быстро, как заразное заболевание. Без дистрибьюторов налог на марки не мог вступить в силу, так что давление на «марочников» казалось рациональным, даже эффективным [34]. Дистрибьютор марок в Массачусетсе ушел с должности 15 августа 1765 года. 29 августа то же случилось в Род-Айленде, а оказавшаяся эффективной стратегия была с готовностью подхвачена в остальных колониях. Последним был дистрибьютор из Джорджии – его пришлось выслать в Англию. Со времени приезда из Англии он успел лишь публично отказаться от должности. К марту 1766 года налог был отменен из-за невозможности его взимать.

Бойкоты против британских товаров трансформировались в официальную Континентальную ассоциацию, которая запомнилась своим документом из 14 пунктов, статей ассоциации. Этот документ являлся, по сути, соглашением между колониями по сопротивлению против нарушения Британией колониальных прав. Основной целью был широкомасштабный бойкот. Приведем цитату: «соглашение о не-импортировании, не-потреблении, не-экспорте, если его добросовестно соблюдать, окажется наиболее быстрым, эффективным и мирным фактором». Особенно это касалось запрета на чай.

«Удивительно то, что соглашение ассоциации не имело законодательной силы. В отличие от Британской Короны, они не могли арестовать, оштрафовать или лишить свободы нарушителей порядка. Их можно было только объявить нарушителями бойкота и подвергнуть публичному ostracismu, как врагов американской свободы», –
Вальтер Х. Консер и др.

Если колониальные торговцы шли против настроений народа и продолжали импортировать бойкотируемые товары, то люди не просто отказывались покупать их, но и разговаривать с торговцами, сидеть рядом с ними в церкви, продавать им какие-либо товары. Временами колониальные активисты вели обычный бизнес в нарушение британских законов, используя документы без обязательных марок, улаживая юридические споры вне суда, посылая апелляции в Англию без разрешения королевского губернатора. Они организовывали местные комитеты, комитеты графств и штатов, и служили в этих комитетах, основанных для расширения, поддержки и укрепления сопротивления законодательно. В 1774–1775 гг. многие из этих органов взяли на себя функции правительства, выступая в роли внеправовых органов власти с полномочиями большими, чем у остатков колониального правительства.

Континентальная Ассоциация пыталась противостоять экономическим сложностям, которые могли возникнуть в колониях в результате бойкота. Для этого члены ассоциации стремились «поощрять бережливость, экономию, промышленность, сельское хозяйство, искусство и мануфактуры своей страны, особенно шерстяной мануфактуры». В некоторых районах народные собрания обдумывали экономические последствия и намеренно поощряли местное производство следующих товаров: «шерсть, хлопок, фланель, простыни, коврики, чулки, мешковина, краски, лен, конопля, соль, селитра, порох, гвозди, проволока, сталь, бумага, стекло, медные изделия, спиртные напитки на основе солода». Массачусетс добавил «оловянную посуду, оружие и пуговицы» – Консер и др. Часто настоящая работа сопротивления велась в деревнях и городах, куда не заглядывали патриоты. Безвестные люди, которые присоединялись к бойкоту британских товаров, пряли, ткали и носили самодельную одежду и мотивировали своих соседей поступать так же и делать это неуклонно. Многие собирались на массовые акции и митинги, работали в комитетах сопротивления или поддерживали их. Они отказывались повиноваться указам и представителям Британской Короны, которые незадолго до того имели всю полноту власти. Именно эти разнообразные акты сопротивления и несотрудничества больше всего ударили по королевской власти.

Патриоты также отказывались размещать у себя солдат, печатали газеты без требуемых марок, продолжали работать в правительственных учреждениях, которые британцы объявляли упраздненными.

В Массачусетсе ситуация накалилась до предела. Парламент принял Акт о правительстве Массачусетса, которым, по сути, лишил граждан контроля как над судами, так и над правительством. Согласно первой статье судей назначал губернатор, а его – король, а не подконтрольный населению совет. Постановление должно было вступить в силу 1 августа 1774 года, но произошло то, что называют Первой Американской Революцией [8].

Патриоты Питтсфилда, штат Массачусетс, столицы Беркширского графства, «предложили новый и более прямой способ сопротивления политике Британии: почему бы не закрыть суды? Поскольку прямой гнет власти правительства ощущался чаще всего через судебную систему, то закрытие судов свело бы к нулю действие Акта о правительстве Массачусетса» [59]. Комитет связи Питтсфилда распространил информацию о стратегии. Вскоре Бостон ответил: «Признаём, что мы в бесконечном долгу у вашей мудрости... ничто, по нашему мнению, не может быть задумано лучше, чем такие меры по препятствованию заседанию суда» [40].

Суд округа Беркшир так и не открылся до того дня, когда США не стали независимой нацией. 16 августа полторы тысячи безоружных патриотов – фермеры, ремесленники, мелкие бизнесмены – взяли контроль над зданием суда. По описанию одного из свидетелей, «шериф приказал пропустить суд, но они дали ему понять, что не признают никакой суд, кроме древних законов и обычаев их страны, и только этому они подчинятся и только это допустят» [41]. То же происходило по всему штату. Любой, согласившийся на должность судьи или магистрата, сталкивался с угрозами и моральным давлением в церкви, дома, на улице, где толпа могла достигать тысяч, и в результате уходил с должности, причем часто делал это публично и письменно. Эти встречи были, по большей части, сдержанными и уважительными. По словам историка Рея Рафаэля,

Граждане на улицах особенно старались дистанцироваться от любых намеков, что они якобы являются «толпой». По их мнению, они вели себя как образцовые граждане. Толпа проводила собрания согласно строгим демократическим принципам: делегаты для переговоров выбирались на месте, все решения выносились на голосование всех присутствовавших. Не было ни одного «лидера», уполномоченного спускать приказы сверху. Люди были очень организованными, порой даже голосовали, не стоит ли собираться в субботу, – писал наблюдавший событие Абигейл Адамс, «а то в воскресенье вечером все проходило в дурном настроении» [45]. Их стратегия неучастия – экономического, политического – неотожествления себя с Британией, создали истинную культуру сопротивления, которая стала основой дальнейших актов сопротивления. Рафаэль пишет: «В то время как группа известных адвокатов, торговцев и рабовладельцев обсуждали на встрече Континентального конгресса в Филадельфии возможное сопротивление британскому правлению, обычные фермеры и ремесленники Массачусетса, ревностно оберегая свои свободы и голоса при каждой возможности, вырвали власть у самой мощной империи на планете» [44]. К тому моменту, когда выстрел был услышан во всем мире, Корона уже потеряла контроль над колонией. Марш Красных Сюртуков в Лексингтоне был последней попыткой восстановить контроль над вооружением. А теперь сравните революционное движение колонии с нынешней стратегией, которую предлагают многие лидеры радикальных экологических движений. У этих людей можно многому поучиться. Некоторые из них добры и заботливы, и все они мужественны в своем упорстве, когда говорят правду массам людей, зараженных неведеньем. Мы соглашаемся с ними в таких базовых ценностях, как справедливость, сострадание, экоустойчивость, снижение населения, неизбежность конца промышленной цивилизации.

А вот в чем у нас нет согласия, так это в вопросе сопротивления. Дениэл Куинн, например, очень доступно объясняет, почему цивилизация неустойчива (не экологична) и основывается на эксплуатации. Он четко заявляет, что мы, люди, обречены на тяжелые испытания уже в ближайшие десятилетия, а для 200 видов живых существ, исчезающих каждый день, времени не осталось совсем. Однако, в основе предлагаемой им стратегии – неучастие, которое он называет «уходить прочь». Куда? Вообще-то, он имел в виду не какое-то конкретное место, а скорее состояние ума. Как

если бы патриоты из Массачусетса решили, что они будут свободны внутри, а реальная свобода (от несправедливых налогов и продажных судов, недемократического правительства, расквартированных солдат, призыва в армию, экономического рабства) была бы не важна и даже недостижима. Люди в колониальной Америке избегали участия, но их неучастие выходило далеко за рамки умственного и эмоционального переориентирования своих предпочтений. Они принимали участие в акциях прямой конфронтации с властью, чтобы уйти от экономических и политических учреждений, которые ставили их в подчинение. В результате их неучастие было настолько успешным, что оно привело к войне, хотя некоторые историки считают, что независимость можно было обрести, продолжая применять ненасильственные техники, которые были так успешно опробованы в Массачусетсе [45].

Куинна стоит цитировать, т.к. его точка зрения широко распространена среди левых:

Поскольку революция в нашем обществе всегда представляла собой атаку на иерархию, она всегда подразумевала восстание – буквально движение снизу-вверх. Но восстание не имеет никакого значения для выхода за пределы цивилизации. Если с самолетом проблемы, то не нужно стрелять в пилота, нужно хватать парашют и прыгать. Нет смысла в свержении иерархии, мы просто хотим оставить ее в прошлом [46].

Метафора неисправного самолета плохо подходит к ситуации, с которой столкнулась наша планета. Больше похоже на то, что маньяк вот-вот дотянется своими пальцами до красной кнопки. Неужели кто-то считает, что в этой ситуации лучше всего уйти?

Чтобы преобразовать образ самолета с учетом нынешнего кризиса, нужно включить в уравнение планету. А Куинн вычеркивает ее из уравнения:

«Когда мы говорим о спасении мира, то о каком мире мы говорим? Не о голубом шаре, конечно же. Но и не о мире живого, биологическом мире. Миру живого, к удивлению, ничего не угрожает (хотя тысячам и, возможно, миллионам видов угрожает). Творя самое ужасное и разрушительное, мы оказались бы неспособны лишить планету жизни. Сейчас считается, что целых 200 видов живых существ исчезают каждый день в результате нашей деятельности. Если мы продолжим убивать наших соседей с такой же скоростью, то обязательно наступит день, когда одним из 200 видов будет наш вид... Спасение мира может означать лишь спасение мира как среды обитания человека» [47].

Во-первых, люди действительно могут лишить планету жизни. Посредством ядерной войны. А выбросы метана в тающей «вечной» мерзлоте Арктики приведут к такому разогреву планеты, что она не сможет поддерживать жизнь.

Во-вторых, и это еще важнее: разве не стоит бороться за те вымирающих каждый день 200 видов? От маленьких улиток, создающих свои идеальные дома в виде логарифмических спиралей, до больших медведей, величественных в материнской ярости. Почему жизни этих созданий не вызывают яростную нежность единства и защиты? Их ценность лишь в том, что они – «среда обитания» человека?

Я слышала вариации на эту тему повсюду: мы не способны уничтожить планету; потерянные виды жаль, но это неизбежно; мы максимум можем учиться пермакультуре и обеспечивать себя и своих близких едой, когда придет кризис. Я нахожу такую позицию настолько морально предосудительной, что ничего доказывать не нужно, а только оплакивать. Где-то в сердце человека все еще живет сочувствие, верность, любовь. В чем иначе смысл его существования? Мы же не просто насос, качающий кислород.

Давайте, напротив, представим, что самолет Куинна набит ядерным оружием, которого достаточно, чтобы уничтожить все до единого живого существа на планете, и что пилот намерен этим оружием воспользоваться. В таком воображаемом эксперименте убийство пилота становится безотлагательным моральным обязательством.

У нас есть примеры недавних событий. Люди на борту четвертого самолета в день атак 11 сентября понимали, что самолет намеревались использовать как оружие. Им так или иначе предстояло умереть. Тогда их обязанностью стало крушение их самолета прежде, чем он нанес бы вред кому-то еще. Именно в такой ситуации мы находимся, но только в гораздо большем масштабе: на кону жизнь на Земле, исчезающие 200 видов в день. Парашютирование с целью спасения себя не должно быть целью политического движения, достойного называться политическим движением, даже если бы безопасное место, куда возможно парашютировать, существовало.

Единственная, помимо этой, стратегия Куинна – информирование людей о природе цивилизации: «*Научи сотню людей тому, что ты узнал, и проси каждого из них научить сотню*» [48]. Как мы уже поняли, это глубоко либеральное понимание социальных перемен. Конечно же, радикалы принимают стратегическую важность обучения, но обучения ради реального преобразования физических условий социально обусловленного подчинения в физически, материально обусловленную справедливость. Эта книга, например, попытка передать знания, но она же, в конце концов, призыв к прямой конфронтации с властью. Куинн продолжает:

«Я знаю, что ничего не изменится, пока не изменятся мысли людей, пока люди не увидят необходимости в новых законах» [49].

Это утверждение зиждется на таком глубоком незнании, что оно граничит с сумасшествием. Начиная с Тринадцатой поправки, Акта о гражданских правах и заканчивая законами против приставаний, изнасилований и Актом о

чистой воде, законы кардинально меняли общество, вынуждая людей изменять свое поведение и отвечать за последствия при неподчинении законам. Кроме того, полностью игнорируя законы, Георг Эльзер в одиночку почти что остановил Вторую мировую войну. Он совершил это, не обучая людей и не меняя законы, а совершив покушение на Гитлера. Он пытался изменить реальные (физические) условия, не души и умы людей, и почти спас миллионы жизней.

Похожая идея «спасательной шлюпки» принадлежит Ричарду Хайнбергу. Он, возможно, сделал наибольший вклад в повышение информированности людей о нефтяном кризисе и исчерпании ресурсов. Работа Хайнберга бесспорна и убедительна, полна сострадания. Однако мы расходимся с ним в вопросе необходимости сопротивления. Он предлагает «спасательную шлюпку» как план действий, которую он определяет, как «путь солидарности общин и сохранения» [50]. Предполагается, что частями плана станут освоение базовых навыков выращивания еды и обеспечения других потребностей, сохранение научных, исторических и культурных знаний, развитие новых общественных норм демократического принятия решений. Все эти задачи очень актуальны и во многом соответствуют нашему пониманию культуры сопротивления, являются нашей надеждой в лучших вариантах развития событий. Но также, как и в случае с Куинном, этого мало. Эти действия должны быть связаны с теоретической и публичной защитой сопротивления, материальной поддержкой активистов. Если вернуться к примеру колониального Массачусетса, у фермеров уже были базовые навыки выживания, они уже были носителями знаний своего времени и уже жили в условиях развитого местного народовластия. Однако все это не помогало им избавиться от гнета Британии. Чтобы стать свободными, требовалось сопротивление. Впрочем, Хайнберг не считает, что сопротивление промышленной культуре возможно и разумно. Он пишет: «Попытки преждевременного свержения индустриализма кажутся упорными и бессмысленными заблуждениями: гибель сама придет вскоре. Лучше вкладывать силы и время в подготовленность свою и общины» [51]. Я не знаю, по какой причине он считает спасение нашей связи с нашими древними предками растениями и грибами, с нашими родными и двоюродными птицами и млекопитающими бессмысленным упорством. И в самом деле, что во всей истории человеческих предприятий может иметь большую ценность, чем сохранение самой жизни? А гибель уже стала участью восточного белого носорога и каролинского длиннохвостого попугая. Сколько еще видов ушли за ними во тьму небытия с того момента, как вы начали читать эту книгу?

Мы также можем сравнить фаталистскую позицию и позицию членов немецкого сопротивления Гитлеру. После вторжения союзных войск во Францию члены Сопротивления размышляли о возможном отказе от активных действий против нацистов: война для них была проиграна и их режим ожидал неизбежный крах. И все же они решили рисковать своими жизнями, сотни из них подверглись пыткам за их поступки. Они шли на риск, так как, как писал Хеннинг фон Трешков, «каждый день [немцы] убивали по 16 тысяч людей». Это была не математика, а скорее беспощадное уравнивание морали, и Сопротивление выбрало попытку спасти те жизни.

Хорошо запомните еще одно высказывание фон Трешкова: «Как история оценит немецкий народ, если даже у горстки людей не хватило мужества покончить с этим преступником?» История будет судить о нас точно так же, особенно если хоть что-то, что можно назвать будущим, переживет наш недостаток мужества в борьбе против этой преступной культуры.

Я буду первой, кто признает, что мы противостояли системе с огромной властью, глобальной в своем масштабе, и не можем рассчитывать на симпатии населения в плане бойцов и поддержки. И все же, если безграмотные фермеры, вооруженные вилами, смогли восстать против самой мощной в истории империи и победить, мы точно так же можем нацелиться на что-то большее, чем создание великолепных садов.

Духовность

Позиция неучастника часто является смесью либерализма и отчаянья. Либерализм предлагает решения лишь на личном уровне, а отчаянье угрожает отсутствием решений. Такие системы угнетения, как капитализм и патриархат, могут казаться непобедимыми в их размахе и жестокости. Приятно тешить себя иллюзией, что стратегия перемен на уровне отдельно взятых людей сможет в своей совокупности стать политической переменой. Понятна привлекательность такого мышления, особенно потому, что план действий, хотя и не всегда легкий, но обычно понятный. По сути, всю жизнь, включая понимание самого себя, можно построить вокруг таких действий. Так лекарство от отчаяния, основанное на вере, а не на стратегии остается решением эмоциональным, но не материальным.

Нам нужно мыслить, выходя за рамки наших эмоциональных потребностей. Решения проблем, основанные на вере, не выдерживают проверки логикой. Если поставить под сомнение веру адептов, то они ощущают себя в опасности и вынуждены отступить под защиту затертых банальностей и обнадеживающей компании единомышленников. Именно такую позицию занимает большинство прогрессивного сообщества. И ныне существует целая субкультура самоустраниющихся неучастников, которые достигли истинного миллениаризма (хилиазма).

Миллениаризм – это любое религиозное движение, которое предсказывает крушение привычного нам мирового порядка и последующий переход к «тысячелетнему царству», периоду справедливости, равенства, спасения и пр. Движения миллениаристов считаются крайним случаем использования религии для «побега» от социальных потрясений и последующей аномии [52].

Прискорбным примером миллениаризма был культ убийства скота народом зоза. Проживающие в Южной Африке зоза занимались скотоводством. Их первая встреча с европейской культурой состоялась в начале XVIII столетия. События всего последующего столетия были вполне предсказуемы: выдворение с исконных земель, сопротивление, война. После стольких лет стресса в 1854 году начался падеж скота от легочного заболевания, отчего люди стали еще более уязвимы.

В апреле 1856 года 15-летняя девочка по имени Нонгкаузе рассказала о своем видении, во время которого ей было сказано, что зоза должны убить свой скот, уничтожить урожай, выбросить запасы еды, а также сломать свои

кухонные принадлежности и садовые инструменты. Если так поступить, то мертвые вернутся, исчезнут старость и болезни, еда будет сама расти из земли, материализуется откормленный и плодящийся скот, а вся община восстанет из мертвых, чтобы изгнать британцев.

Слухи о пророчестве распространились очень быстро. Предводитель зоза Сархили поверил рассказу девочки и приказал заколоть скот. По мере того как распространялась молва о пророчестве, у других людей тоже начались видения, во время которых они видели, как мертвые восставали из моря и висели в воздухе. Это мотивировало людей уничтожать все больше скота и запасов пищи. Было истреблено столько животных, что падальщики не успевали их поедать и трупы животных гнили. Всего было резано около 400 тысяч животных. Зоза построили большие новые хлева для обещанного скота и сшили огромные кожаные меха для переработки молока.

Наступил первый предсказанный срок – и ничего не произошло. Дату перенесли. И опять ничего. Разочарованные в своих надеждах люди предсказуемо набросились на неверующих: остатки скота, необходимого для повседневных нужд, должны были быть уничтожены. И они были уничтожены. Но снова никакого чуда не произошло. Последовал массовый голод с присущей ему жестокостью и канибализмом. Люди ели фураж, траву и своих детей. Верующие так и не отказались от своих убеждений, они во всем винили скептиков. Голод и сопровождавшие его болезни уменьшили численность населения со 106 тысяч до 26-ти. Многие из выживших были вынуждены уехать. За 150 лет империализм так и не смог уничтожить народ зоза, а вот два года милленарной горячки почти справились с этой задачей.

Есть похожий пример с другого континента: движение под названием «Общество праведной гармонии», также известное как Восстание боксеров. Это была тайная религиозная секта в Северном Китае, адепты которой верили, что сочетание боевых искусств, диеты и молитвы даст им способность летать и защитит от пуль и мечей. Кроме того, они верили в армию «небесных воинов», которая прогонит чужеземцев. Одновременные потопы и засуха стали причиной невзгод и голода среди фермеров и беженцев, а отчаявшиеся люди легко становятся адептами. Естественно, общим контекстом происходившего был британский империализм и нарастающая эксплуатация и унижение вследствие опиумных войн, вынужденная торговля, потеря Гонконга.

Члены «Общества праведной гармонии» (ОПГ) сумели сделать козлами отпущения китайских христиан и европейских христианских миссионеров, обвинив их в голодоморе. Страсти достигли апогея в момент Тайуанской резни, когда боксеры убили более 18 тысяч китайских христиан. В июне 1900 года члены ОПГ сконцентрировались в Пекине, чтобы взять в осаду зарубежные посольства. Блокада дипломатического квартала привела к тому, что в Пекин прибыли международные войска шести европейских государств, а также войска России и Японии, всего около 20 тысяч солдат, так называемый альянс восьми стран. Осада была снята, Пекин оккупирован, а император вынужден выплачивать репарации. Солдаты большинства стран вели себя омерзительно, они мародерствовали и насиловали, подбадриваемые своими командирами. Как всегда, паны бранятся, а у холопов чубы трещат.

Нас в этой истории интересует то, что члены ОПГ не получили помощь со стороны «духовных воинов», так и не научились летать и не стали пуленепробиваемыми. Тысячи людей хотели в это верить, но эта вера привела лишь к бессмысленной жестокости и к их собственной смерти.

Милленарные культы регулярно возникают даже среди людей, не переживающих стресс переселения и геноцида. Миллериты, например, верили во второе пришествие Христа и несколько раз устанавливали дату. Это стало наваждением: люди отказались от посевной, они крушили собственную мебель, раздавали ценные вещи. За всем этим последовало так называемое «большое разочарование» – Христос не пришел. Те, кто еще сохранил надежду, вышли из движения миллеритов и назвались адвентистами седьмого дня. Они верят, что пришествие Христа уже близко, но мудро воздерживаются от указания конкретной даты. Еще один осколок движения миллеритов – Свидетели Иеговы, которые выбрали последовательность дат: 1874, 1878, 1881, 1910, 1914, 1920, 1925... Вторая мировая война была настолько однозначно воспринята как Армагеддон, что люди, даже несмотря на зубную боль, отказывались от услуг дантистов: так сильно они верили в то, что вскоре воспарят на небеса. Один из бывших членов этого религиозного культа писал: «До сих пор запах гвоздики [средство от зубной боли] напоминает мне о приближающейся катастрофе» [54].

В 1970-х «Сторожевая Башня», официальная организация Свидетелей Иеговы, обнародовала очередную дату пришествия Христа – 1975 год. Одна из членов организации вспоминала, как ее брат раздавал свои пожитки и учил своих маленьких детей, куда им прятаться, если они услышат вопли. Когда второе пришествие так и не состоялось, ее брат был госпитализирован с диагнозом суицидальная депрессия [55].

Леон Фестингер, вместе с коллегами Генри Рикеном и Стенли Шахтером, сформулировали понятие когнитивного диссонанса, чтобы объяснить поведение людей, которые продолжают верить в милленаризм (хилиазм) и остаются адептами сект даже после того, как предсказанная катастрофа или утопия не реализуется. Их книга «Пророчества не сбываются» – это психологическое исследование культа, возникшего вокруг Мариан Кетч, женщины, заявлявшей, будто бы она находилась в контакте с пришельцами. Упомянутые пришельцы предсказывали катаклизмы и предлагали спасение в обмен на веру. Когда предсказание не сбылось, верующие еще сильнее ухватились за свою систему верований, что обычно и происходит в среде разочарованных последователей. Для объяснения такого феномена Фестингер и предложил термин «когнитивный диссонанс». Когда люди пытаются верить в противоречащие друг другу понятия, то последующий дискомфорт требует разрешения. Чем сильнее убеждение, чем сильнее мотивация к улаживанию конфликта. Разрешение внутреннего конфликта часто выражается в активном проповедывании. Фестингер пояснял это следующим образом:

«Диссонанс слишком важен, и, хотя они могут попробовать его скрыть даже от самих себя, верующие знают, что пророчество – ложь, и что все их приготовления были напрасны. Диссонанс невозможно полностью устранить

отрицанием или рационализацией неподтверждения пророчества. Но есть способ ослабления остаточного диссонанса. Если убедить как можно больше людей в верности идей, породивших диссонанс, то они, конечно же, должны быть верными. Рассмотрим крайний случай: если все люди на земле поверят в нечто, то не будет никаких сомнений в верности убеждения. Именно по этой причине мы наблюдаем рост проповедничества после неподтверждения. Если проповедничество проходит успешно, то аккумуляция большего числа адептов и окружение себя единоверцами помогает верующему ослабить диссонанс до терпимого уровня [56].

Это обычный психологический процесс, и нам полезно его четко обозначать и противостоять ему, если он будет охватывать наши общины.

Когда чума свирепствовала по всей Европе, еще никто не видел микроба. Средневековых людей можно простить за веру в приближающийся судный день. У нас таких оправданий нет. Мы знаем, что является причиной массового исчезновения видов и катастрофического изменения климата. Да, эти системы огромны, всеисильны и опасны, но в отличие от *Yersinia pestis* они видны невооруженным взглядом. Скорее всего, именно поэтому милленарные учения левых политических движений склоняются к решениям, а не к объяснениям. Мы будем спасены, но не благодаря второму пришествию. Явятся силы Вселенной, как в древних мифах племен. «Век Водолея» угас, но его оживил Гаромонический Собор в 1987 году, когда восемь планет, равно как и все люди, объявившие себя друидами, выстроились согласно Майянскому календарю, предзнаменуя Неопределенный Новый Мир необычайного мира, света и осознанности. Но только ничего не случилось. Последовавшие за этим пророчества касались уже неповторимого 2000 года. Некоторые мои друзья буквально свирепели от того, что я не запасалась едой и водой. Одна женщина из моих далеких контактов в соцсетях раздала всю свою собственность и даже пристроила своего кота: настолько она была уверена в своей скорой кончине. Опять же, ничего не произошло. Но не бойтесь: еще один конец света грядет по календарю майя в 2012 году.

На сегодняшний день милленаризм Нового Века (Нью Эйдж) не принесет так много терзаний, как продуктовые склады для военных. Но в глобальном масштабе духовный подход альтернативной культуры вредит нашему движению. Вместо того чтобы подводить людей к осознанию реальности угнетения и уничтожения окружающей среды, вместо того чтобы давать им духовную и эмоциональную поддержку в борьбе сопротивления, предлагается поверить в ряд героических образов и знаковых событий, которые по божественной воле спасут планету.

Вот пример из жизни. В ходе вполне рационального обсуждения глобального потепления за обедом, один из гостей пытается самым серьезным образом убедить окружающих в том, что Существа [существа?] с равнины Акаша никогда не позволят этому случиться.

«Внезапное молчание прерывает мужчина с окладистой седой бородой: «Я не хочу спасать китов», – говорит он, – «это их карма». У него был врожденный порок или поврежденные синапсы? Забудем о его совести.

Еще один мужчина подключился к обсуждению. Своим елейным голосом, который должен был означать духовное просветление, он сказал: «Нам предназначено быть сознанием планеты. Сейчас этап детства. Если люди не дорастут до чистого намерения, то Святые вступятся».

Первый из упомянутых собеседников повел разговор так, что разговор в культурном смысле пошел ко дну: «Ах да! Разве вы не слышали о предсказаниях коренных народов Америки?»

Милленарные убеждения способны разрушать общины и заодно уводить податливых людей в тупики. К счастью, мало кто слышал о Существах из Акаши. Но что если участники того обеда опирались лишь на тот контекст, который я знала, на то единственное место, куда я приношу мою отчаянную любовь к жизни. Истории и мифы культуры становятся основой возможного. И только выдающиеся личности вырываются за пределы окружающего их контекста.

И существует последний уровень сложности – доказать божественное руководство невозможно. Мистические видения убедительны и являются индивидуальными переживаниями. Обе эти характеристики делают мир мистики потенциально опасным для мистики и для людей в сообществе. Убедительные, сверхреальные религиозные видения порождают безоговорочную верность по отношению к провидцу или провидице, а верность наделяет соблазнительной харизмой кого угодно. Если источником видений является болезнь, а не «дружелюбная вселенная», то последствия могут быть ужасными. Индивидуальность видений означает, что полученное руководство нельзя проверить, а можно только испытать на себе. Но если большое количество людей переживают одинаковые видения, то их истинность не нуждается в доказательствах. Подтверждается лишь то, что мозг человека способен генерировать экстаз. Одержимость религией распространена, например, среди шизофреников, а психические заболевания еще никогда не становились здоровой основой для политической стратегии. Таким образом, мистические видения являются противоречием, где человек должен применить логику к своему, по сути, нелогичному переживанию.

Три следующие примера из истории того самого движения указывают как на надежды, так и на провалы мистицизма: Джон Браун, Нэт Тернер и Геризет Табмен. Браун был лидером рейда на Харперс Ферри. Он и его последователи напали на склад оружия США в попытке вооружить поработенных и поднять восстание. Браун верил, что бог сказал ему предпринять рейд и что ему будет дана божественная защита. Но если бог обещал ему защиту, то бог солгал, так как рейд закончился плачевно. Такая же история произошла и с человеком по имени Нэт Тернер. Раб, поднявший людей на восстание, был пламенным проповедником, которому его последователи дали прозвище «Пророк». Он слышал голоса, имел видения и заявлял, что второе пришествие Христа положит конец рабству. Некоторые историки вполне обоснованно считают его шизофреником. Полагая, что затмение Солнца было знаком от бога, он повел 75 человек против армии. Это восстание, как и рейд на паром Харперс, завершилось трагично. Тернер был схвачен и повешен, а толпы белых избивали, пытали, а затем убили 200 черных. В южных штатах были приняты законы, запрещавшие собрания черных, как рабов, так и свободных, а также другие ограничения гражданских прав.

Противоположностью этим примерам выступает Геризет Табмен. В подростковом возрасте она получила серьезную травму головы, когда пыталась защитить беглых рабов. Травма привела к тому, что у нее всю жизнь были видения, спазмы и гиперсомния. Геризет уверяла, что видения и сны у нее от бога. Некоторые историки считают, что у нее была эпилепсия височной доли. Но никто не может оспаривать ее невероятный успех. Она 11 лет проработала в Подземке и вывела на свободу 300 рабов, включая своего отца-инвалида, которого она тащила на наскоро склепанной самодельной повозке через болота. Она ни разу не была схвачена и не потеряла ни одного пассажира. Она также служила скаутом и шпионом во время Гражданской войны, руководила успешным рейдом на реке Комбаи, в результате которого были освобождены 700 рабов. Когда ей нужны были подсказки-пророчества, она ложилась и теряла сознание на 10 минут, она это называла «посоветоваться с Богом». Ее видения, даже на первый взгляд нелогичные, никогда ее не подводили.

Духовные устремления и сила истинной духовной практики могут играть важную роль в общественных движениях. Возможно, существует руководство из других измерений, но почва тут зыбкая: еще никто не разработал простой список признаков, который позволил бы отличить мистицизм от отчаянья и психического заболевания. Несмотря на длившиеся столетиями страдания геноцида и депрессию, ни один «духовный воин» так ни разу и не явился во спасение. Повторяю: НИ РАЗУ! Ни одно особое одеяние не спасало от пуль, кроме кевлара, подарка Пентагона. И я полагаю, что они не Святые Духи. Сколько бы верующие ни молились, угнетение не стало легче ни на грамм. Не существует диеты, которая могла бы дать нам особые силы. Единственное чудо, которое нас может спасти, — это мы сами.

Четыре основные категории действия, которые мы здесь обсуждали, — прямое действие, юридические меры, неучастие и духовность — могут быть частью плана как либералов, так и радикалов. Радикальными или либеральными эти действия становятся в зависимости от того, как они применяются. Стратегическое использование приемов продиктовано конечной целью, а она может быть либо радикальной, либо либеральной.

Основной тезис этой главы заключается в том, что поскольку в истории преобладал либерализм, мы получили в наследство определенный набор приемов, которые урезают наши возможности, хотя могли бы их расширять. Все четыре перечисленные категории деятельности могут быть реализованы при свержении цивилизации и создании справедливой и устойчивой культуры, но лишь при условии, что их сильные и слабые стороны будут поняты и приняты. Такое понимание придет только тогда, когда мы примем то, чему нас учит радикализм.

Помните, что либерализм — это сочетание идеализма и индивидуализма. С точки зрения либералов, общество состоит из отдельных личностей, что для них делает общество, по сути, интеллектуальным явлением. Угнетение заключается не в конкретных системах власти, а в идеях и отношении к ним. Поэтому на повестке дня стоят только образование и моральные доводы.

Это завело левых активистов в гущу тактических приемов, палитра которых варьирует от неэффективных до смешных. Всем плевать зажигаем ли мы свечи, чтобы остановить глобальное потепление: вежливые просьбы не будут услышаны. Такого рода мольбы также вынуждают нас вечно оставаться в положении зависимых детей. Если мы ведем себя хорошо, послушны, тихи и прилежны, то кто-то властный прислушается и позаботится. А между тем, властным плевать. Власть реагирует лишь тогда, когда ей что-то угрожает. При этом ни одна из стратегий левых не несет в себе никакой угрозы именно потому, что либерализм неверно понимает природу власти.

Давайте рассмотрим спектр «политических акций», который нам предлагают. Сперва юридические действия, обычные петиции, демонстрации, иски в защиту тех осколков мира, которые система разрешает защищать. Многие люди посвятили свои жизни спасению животных, рек, различных регионов, кого-то или чего-то, что они имеют мужество любить и любят достаточно сильно, чтобы защищать. Я вовсе не хочу оскорбить их чувства или посмеяться над их страстью. Но это не дает результата — планета умирает. Мы делаем что можем, а планета продолжает умирать. Но что же мы можем сделать? Дороги, открытые для нас, — петиции, иски — не бросают вызов основополагающим процессам цивилизации: разрушающей и добывающей деятельности, от которых зависит этот образ жизни. Именно этого видения лишены активисты благодаря не только власти и бесконечной пропаганде, но и субкультуре левых.

Прямое действие, даже ненасильственное, тоже пустили под откос либерализмом. Я родилась в 1964 году. В год, когда был принят Акт о гражданских правах. Через 25 лет я смотрела по телевизору, как люди разбирали Берлинскую стену. Ненасилие — это тоже форма сопротивления, но оно эффективно только, если понимать его правильно.

Джин Шарп — выдающийся ученый, изучающий ненасильственное сопротивление. Его трехтомник «Политика ненасильственного действия» должен быть обязательным к прочтению, как введение в суть политической борьбы. Он начинается с разъяснения:

«Широко распространено мнение, что любое политическое действие должно быть четко насильственным или ненасильственным. Этот простой дуализм ведет к серьезным искажениям реальности, и самое главное из них то, где некоторые люди называют «ненасильственным» что угодно, что они воспринимают позитивно, а «насильственным» то, что воспринимается негативно. Следующее существенное искажение — это когда люди по ошибке принимают ненасилие за пассивность, так, как и в том и в другом случае не используется физическое насилие. Тщательный анализ фактических откликов на общественные и политические конфликты требует исходного деления всех откликов на конфликтные ситуации на две категории: «действия» и «бездействие», а не на насильственные и ненасильственные. При таком распределении ненасильственное действие займет свое законное место как один из видов активного отклика» [57].

Ненасильственное прямое действие — это вид борьбы, который использует политическое, экономическое и социальное давление, чтобы вынудить структуры власти к изменениям, вплоть до полного их устранения. Шарп продолжает:

«Некоторые писатели указывали на общие сходства ненасильственного действия и гражданской войны. Ненасильственное действие — это способ сражения, также, как и война. Требуется сравнение сил и ведение «баталлий»,

требуется мудрая стратегия и тактика. Требуется мужество «солдат», дисциплина и самопожертвование. Такой взгляд на ненасильственное действие, как на активное сражение, диаметрально противоположен распространенному предположению, будто ненасильственное действие опирается на переубеждение противника разумными доводами, зачастую оно заключается в пассивном подчинении» [59].

Если вы из тех, кто выбирает этику ненасилия, то вам нужно понять, каким образом техника ненасильственного прямого действия приносит плоды при условии правильного ее применения. Радикальный анализ приведет вас к умозаключению, что справедливость можно завоевать только в борьбе; угнетение – это не ошибка, и разумные просьбы не способны его остановить. Как говорил Фредерик Даглас, «власть ничего и никогда не отдает без требования, не отдавала и не отдаст». Как только мы это поймем, задачей активиста становится одна простая стратегия: власть нужно принудить силой: как лучше всего применить силу?

Левые политсилы опирались на элегантную сентиментальную веру в то, что ненасилие работает при помощи личного, нравственного примера. Не работает. Итак, существует некое нравственное ядро, которое исторически было полезно в эпизодах ненасильственной борьбы. Когда борцы придерживаются ненасильственности в то время, как их атакует полиция или военные, часто в обществе поднимается волна мощной поддержки. Шарп называет этот феномен неким политическим джиу-джитсу. Если вы строите массовое движение, то уже по одной этой причине правило ненасильственности – хорошая техника. Но нам нельзя упускать из виду истинную природу власти и природу борьбы для ее изменения. Против власти работает только сила. Прогрессисты не раз отказывались это понимать, начиная от аболиционистов, которые думали, что грядущее духовное просветление положит конец рабству, Ганди, написавшего письмо Гитлеру с просьбой остановиться (потом он был шокирован, что ничего не вышло), и заканчивая белыми и черными в движении за гражданские права, которые думали, что обеденные забастовки были слишком жестким методом борьбы.

Сейчас культура большей части левых сил объявила табу на любое действие, кроме «ненасильственного», что даже не обсуждается. Я пишу «ненасильственный» в кавычках потому, что подавляющее большинство людей не понимает технику ненасильственного прямого действия. Правильнее было бы называть их пацифистами – людьми, которые по нравственным и духовным причинам «противятся войне как способу разрешения споров». Конечно же, в этом понимании я пацифистка, поскольку я против войны как способа разрешения споров. Но здесь меня волнуют не споры, а глобальные системы угнетения, в особенности система под названием «цивилизация», которая пожирает нашу планету живо. Между прочим, я слышала от некоторых сторонников так называемого ненасилия, что высказывания от первого лица носят насильственный характер. Это просто смешно.

Индивидуальная приверженность отрицанию насилия может быть достойным и осмысленным действием. Но если такое действие ведет к неспособности прямо посмотреть на то, что из себя представляют системы власти с ее насилием, бескомпромиссностью, социопатической деструктивностью по отношению ко всему и всем на ее пути, и, если это действие ведет к неспособности понять, что требуется для изменения этих систем, тогда полное принятие такого пацифизма будет лишь подрывать нашу способность к завоеванию справедливости и спасению остатков нашей планеты.

На системы власти нельзя повлиять нравственными призывами. Им плевать, насколько хорошо вы себя ведете, верите ли в силу исцеления или как сильно вы хотите, чтобы ребенок внутри преступников и глав корпораций почувствовал любовь, которой он якобы никогда не получал. Их внутренний ребенок – социопат. А в реальном внешнем мире они направляют брандспойты и немецких овчарок на ваших реальных детей. Ненасильственных протестантов хладнокровно расстреливали, пытали, гноили в тюрьмах. Даже краткий экскурс в историю любого политического сопротивления покажет жестокую правду. Кровавое воскресенье на площади Тяньаньмэнь тому наглядный урок: ненасильственные методы не работают убеждением, и не предоставляют защиту. Левым нужно забыть о слезной уверенности по поводу первого и второго. Применять ненасилие нужно не по этим двум причинам.

Ненасилие работает благодаря ясному пониманию природы угнетения, выявлению его столпов и использованию прямого действия для прекращения потока власти и, возможно, даже уничтожению какой-то части ее фундамента. Вместо оружия, техника использует людей, обычно большое число людей готовых на прямое столкновение с властью, что означает, что они рискуют умереть. Чем скорее левые поймут реальность этой опасности, тем лучше мы успеем подготовиться к стратегическим и тактическим решениям лично и коллективно.

Различные виды неучастия – еще одно распространенное предложение левых. В большей степени оно касается личного «роста». Один американский буддист пишет: «Что я делаю для мира и справедливости, так это колю дрова» [59]. Объявлять такое политическим действием – это безумный уровень нарциссизма. Ты – не мир. И угадай вот что: то, как ты себя чувствуешь, мир не изменит. И не важно, как много дров ты нарубишь и насколько умиротворенным будешь чувствовать себя в процессе их рубки.

Гипериндивидуализм делает этот метод бесполезным. Для эффективности неучастия требуются массы людей. Нам нужно думать о создании общественных институтов, а не о личностных изменениях, что очень четко размежевывает либералов и радикалов. Альтернативные социальные институты, такие как местные сети по обеспечению едой, коммунальные детсады, непромышленное образование, прямая демократия, патрулирование дружинами и общественное правосудие, принципиально важны как для культуры сопротивления, так и для выживания в мире после нефти. Если один человек станет покупать один продукт вместо другого, то толку не будет почти никакого. По сути, выбор потребителя ничего не меняет: производство этанола требует больше энергозатрат, чем он сам дает энергии, а солнечные панели требуют больше энергии на их производство, чем они сэкономят за срок своей эксплуатации. И опять же, индивидуализм либерального мышления становится на пути серьезной политической стратегии.

Нам рекомендуют потребительские решения во всем – от диеты и «зеленых свадеб» до пригородных экодеревень, которые используют чуть меньше ресурсов, но при этом все равно расходуют немало [60]. Опять же, это, по

сути своей, подход неучастия. Все это никоим образом не бросает вызов системам власти, которые активно расчленяют нашу планету. Помните: не существует ни одного индивидуального решения политических проблем, ни одного. В лучшем случае, эти попытки преисполнены благих намерений, хотя они и ошибочны. В худшем случае, они усыпляют реальную озабоченность и отчаяние любого, хотя бы наполовину проснувшегося человека, давая ему ложное чувство надежды.

Духовность, последняя категория, которую мы обсуждаем, играла важную роль во многих движениях за социальные перемены. Так, церкви черных называют колыбелью движения за гражданские права; Теология освобождения играла центральную роль в борьбе за демократию в Латинской Америке, а христианские священники помогали устранению системы каст в Керала, оставив после себя живущее и поныне наследие в виде прав человека. Но духовность в сопротивлении может предлагать и абсолютно обратное тому, о чем говорил вышеупомянутый американский буддист. Во-первых, духовность становится морально-мифической основой для хладнокровного и дерзкого преодоления власти, как это было с исходом евреев из Египта или как Иисус изгнал торговцев из храма. Напротив, гипериндивидуалистический «мир внутри» в качестве конечной цели не предлагает ничего, кроме нравственной и политической отстраненности. Во-вторых, духовность в сопротивлении дает связь с чем-то намного большим, чем мы сами. Назовите это как хотите – Великое Таинство, Богиня, Высшая Сила, но этот источник силы способен помочь нам найти путь от наших страданий, потерь и истощения и даровать нам силу и мужество, чтобы бороться за справедливость. Ключевые слова здесь – это «намного больше, чем мы сами». Это не значит, что наши собственные страдания должны остаться без внимания, напротив, такие обстоятельства, как депрессия, пристрастия, посттравматический синдром, могут угрожать жизни, а страдающие в наших общинах нуждаются в нашем сострадании и помощи. При этом духовная система, достойная называться духовной, должна вывести нас из такой ситуации, а не завести в нее, поскольку она дает переживание любви и благодати, выходящие за пределы нашей индивидуальной боли, она соединяет нас с большим миром – с миром людей, миром планеты, с миром Вселенной, которые призывают нас к действию.

Основательная стратегия спасения планеты должна учитывать каждое из возможных направлений работы. Давайте еще раз четко скажем: НАША ПЛАНЕТА УМИРАЕТ. Не может быть более сильного призыва к ответственности, чем призыв прекратить уничтожение жизни. Искренняя вера в доброту человека – это не политическая стратегия. Духовный рост и нравственная чистота тоже не заменяют стратегию. Нам нужно лишь решить, какие действия предпринимать можно, а какие нельзя. Как в любом стоящем деле, здесь слово «нельзя» абсолютно. Это должно быть само собой разумеющимся. Существует возможность, а по сути и необходимость, участвовать в этом проекте на любом уровне. Давно пора перестать притворяться и верить в иллюзии по поводу угроз нашей планете, адекватных мер против этих угроз, мужества и самопожертвования, которые нужны для обрушения системы.

Итак, реально ли остановить промышленную цивилизацию? Теоретически, в этом нет ничего сложного. Индустриализация зависит от очень хрупкой инфраструктуры, она требует значительных объемов горючих ископаемых, поступающих из немногочисленных источников и централизованно доставляемых в крупные порты или на обрабатывающие предприятия, а затем транспортируемых по уязвимым каналам поставки, включая транспортную систему. Промышленная цивилизация полностью зависит от электричества, а электросети простираются на миллионы уязвимых километров. Система также зависит от Интернета: глобализация невозможна без организованной системы перемещения информации и капитала. И наконец, есть сам капитал, который ежедневно перетекает по двадцати основным фондовым рынкам – вот это точно **не** много объектов.

Любой из этих элементов может быть подвергнут атаке множеством способов. Серьезные активисты могут блокировать порты, перерабатывающие предприятия, фондовые рынки, основные магистрали вокруг крупных городов. В Манхеттен, например, ведут всего 16 основных мостов. Для продолжительного блокирования системы потребовались бы множество людей, готовых смириться с последствиями. Есть ли у нас так много людей? Нет? Сколько времени нам потребуется, чтобы найти достаточное количество таких людей, сколько придется вложить в их политическое образование? Во что обойдется повышение их сознательности на фоне сладко отупляющего сна конформизма и дешевых товаров потребления? Можно ли рассчитывать на столь медленное возмужание, при том что планета продолжает терять живые организмы и с каждой минутой все больше нагревается.

Человечеству в целом не помешала бы адекватная оценка разрушений обязательных для цивилизации, и, взаимосвязанного с ними значительно раздутого народонаселения. Мы могли бы принять ряд серьезных решений, реорганизовать наши общества экономически, духовно, политически, сексуально, восстановив тем самым наше скромное положение среди живых биомов и других видов, воскреснув из монокультуры асфальта и земледелия. Индия и Китай, наоборот, устремились в индустриализацию со всей скоростью добычи угля, а США и дальше наслаждается привилегией непревзойденности, производя по 1800 кг стали на каждого гражданина плюс расходуя газ на ее перевозку. Мы находимся не на пороге «Великого Поворота», а зависли на краю пропасти.

Подобным же образом можно было бы использовать ненасильственное прямое действие, чтобы уничтожить промышленность. Но произойдет ли это, если большинство экологов отказываются понимать основы политической власти и, следовательно, принципы, на которые опирается стратегия? К тому же, гораздо важнее располагать значительными людскими ресурсами, необходимыми для достижения результата.

Сколько же видов живых существ исчезло с тех пор, когда ты открыл эту книгу? Мне хотелось бы, чтобы надежда опиралась на что-то более значимое, чем фундаменталистское упорство. Мне нужно доказательство того, что-либо значительная часть человечества готова отказаться от благ цивилизации немедленно, либо достаточное число людей готовы рисковать жизнями для свержения цивилизации ненасильственными методами.

Реальность говорит об обратном. Это означает, что мы стоим перед решением, каждый из нас и все мы, как движение сопротивления. Немногие люди способны атаковать инфраструктуру, а еще меньше готовы проявить настойчивость и, хотя бы теоретически, ее разрушить.

Вопрос: Я верю в историю про сотую обезьяну, где одна обезьяна освоила новый навык и научила ему другую обезьяну, а та еще одну. И так до тех пор, пока не образовалась критическая масса обезьян, например, 100, и тогда все обезьяны осваивают этот навык, даже на других островах. Если изменится сознание людей, разве цивилизация не превратится в нечто экоустойчивое?

Деррик Дженсен: Во-первых, история о сотой обезьяне – это неправда, выдумка каких-то товарищей из движения нью-эйдж. Глупо основывать стратегию спасения планеты на придуманной истории. Если и разрабатывать стратегию, основанную на выдумках, то почему бы просто не вспомнить о Санта-Клаусе, который подарит устойчивую культуру на Рождество?

Цивилизация не преобразуется и не станет чем-то устойчивым, это физически невозможно. Цивилизация функционально неустойчива. И тот факт, что идеи типа сотой обезьяны часто появляются в общественном дискурсе, показывают нам то невероятное расстояние, которое нам еще предстоит пройти, чтобы необходимые явления стали возможны. Тот факт, что все еще говорят о подобных вещах, сам по себе свидетельствует, что добровольной трансформации не будет.

Что нам нужно, так это остановить эту культуру, прежде чем она убьет планету. Не знаю, как вы, но я не стану полагаться на фикцию про сотую обезьяну, которая должна выполнить за меня мою работу, когда я могу сделать ее сам.

Глава 4

Культура сопротивления

Льер Кит

Скажите мне, что вы планируете сделать с вашей дикой, драгоценной жизнью?

Мэри Оливер, поэтесса

Культура левых (политических сил) требует серьезного пересмотра. В лучшие и самые отважные моменты нашей жизни мы – те самые люди, кто верит в справедливый мир, борется с властью со всей отвагой и преданностью, на которые способны женщины и мужчины, мы те, кого невозможно подкупить или сломить жестокостью, кто отказывается предавать друг друга. Истории борьбы за справедливость воодушевляют, даже делают нас более нравственными, и они должны мотивировать нас удвоить усилия сейчас, когда на кону весь мир. Многие движения пошли по ложному пути, на то есть исторические причины и нам стоит понять эти причины, пока не поздно.

История блужданий начинается в Средние века, когда разнообразные секты стали появляться по всей Европе. Среди них были как классические религиозные, так и политико-утопические. Адамиты, например, появились в Северной Африке во II столетии, а последние из неоадамитов были насильственно подавлены только в 1849 году в Богемии. Они хотели достигнуть состояния первородной невинности и безгрешности, практиковали нудизм и экстатические ритуалы перерождения в пещерах, отрицали брак, владели всем совместно. Такие группы как Диггеры (Истинные Уравнители) были более политизированы и выступали за эгалитарную¹⁴ структуру общества на основе небольших аграрных общин, проповедующих экологические принципы. Один историк пишет: «Они утверждали, что если бы обычные люди Англии организовались в самодостаточные общины, то исчезла бы возможность для существования правящих классов».

Не все неконформистские¹⁵ группы имели политические цели. Многие альтернативные секты отвергали накопление материальных благ, но им не хватало либо ясного понимания, либо эгалитарной программы. Такие субкультуры постоянно возникали по всей Европе, группируясь вокруг привычного круга тем:

- критика догм, иерархии и коррупции в официальной религии;
- отвержение морального разложения городской жизни и вера в превосходство деревенской жизни;
- романтическая и даже сентиментальная притягательность прошлого: Эдем, Золотой век¹⁶, донормандская Англия;
- милленарные наклонности;
- духовные практики на основе мистицизма, прямое, а не опосредованное переживание священного, иногда в рамках христианского мировоззрения, иногда с отрицанием христианства. Часто духовные практики подразумевали экстатические и измененные состояния сознания;

¹⁴ Эгалитарный – равноправный. Имеется в виду общество без расслоения на классы или сословия.

¹⁵ Неконформисты – несогласные, придерживающиеся мнения, идущего в разрез с общепринятым, легальным.

¹⁶ Золотой век (1558-1603); в английской истории – годы царствования королевы Елизаветы I

– пантеизм¹⁷ и поклонение природе, часто одновременно с соблюдением принципов экологии, что способствовало формированию аграрных общин;

– отрицание брака. Иногда секты практикуют целибат, иногда полигамность, свободную любовь или групповой брак.

В среде нонконформистов давно наблюдается напряженное несогласие между двумя группами: теми, кто считает общество в целом порочным, испорченным, безнравственным, и теми, кто считает его несправедливым¹⁸. Эта напряженность присутствовала на протяжении 1000 лет. Группы, критиковавшие общество как вырождающееся и по большей части распутное, и стремились отдалиться от него. Они хотели создать рай на Земле здесь и сейчас, покинуть внешний мир. «В мире, но не от мира» – говорили шейкеры. Многие из этих групп были и остаются сугубо пацифистскими, поскольку согласно своим нравственным убеждениям внешний мир и все, что относится к политике, воспринимается ими как развращенное и коррумпированное. Группы, выступавшие против безнравственности, не всегда были левыми или прогрессивными. По сути, все течения правого крыла и реакционные элементы формировали секты и основывали общины. В таких группах грехом считался гедонизм¹⁹, а не иерархия²⁰. Фактически, в них царила строгая иерархия: молодые подчинялись старшим, а женщины – мужчинам. Ими часто руководили харизматические лидеры, а в среде проявлялись миллениаристские²¹ склонности.

С другой стороны, группы, выступавшие за справедливость, определяли общество как несправедливое, а организованную религию воспринимали как еще одну иерархическую структуру, подлежащую уничтожению. Они выказывали широкие политические цели, такие как земельная реформа, плюрализм демократии, равенство полов. Такие, более политизированные, группы преодолевают напряжение между самоотчуждением и участием²². Они старались создавать сообщества, удобные для ежедневных духовных практик, материального неучастия в несправедливых системах власти и способствовали политической активности для реального прихода Нового Иерусалима. Современные группы, подобные Католическим Рабочим, – это попытки совершить нечто аналогичное.

Этот древний тренд критики и утопических взглядов получил новое развитие благодаря романтизму, культурному и художественному течению, зародившемуся во второй половине XVIII столетия в Западной Европе. Как минимум, это была реакция на Век Просвещения, когда ценились рациональность и наука. Образом Просвещения была машина, а живую Вселенную низвели до заводного механизма. В процессе нарастания промышленных революций образ жизни людей в деревнях разрушался, а городские трущобы наполнялись страданиями. Сатанинские мельницы Блейка уничтожили реки, луга и леса из общинной собственности перешли к тому, кто больше заплатит, а угольная пыль настолько плотно окутывала Лондон, что ту эпоху можно без преувеличения назвать Веком Туберкулеза. В Германии Рейн и Эльба были отравлены красящими химикатами и другими промышленными отходами. Вместе с сообществами природы были разорены и сообщества людей.

Романтизм вращался вокруг трех основных тем: тоска по прошлому, воспевание природы как чего-то чистого и истинного, идеализация героической и отверженной личности. Германия, где элементы древней языческой народной культуры были все еще живы, стала своеобразным центром романтизма.

Действительно ли тевтоническое поклонение природе имело дохристианские корни и было ли оно простым воссозданием романтизма – не предмет для рассмотрения в этой книге. Достаточно сказать, что романтики создавали на достаточно обширной культурной основе.

В 1774 году немецкий поэт Гёте завершил поэму «Страдания юного Вертера», в которой молодой человек, приехав в восхитительную деревню и безответно влюбившись там в неприступную девушку, кончает жизнь самоубийством. Поэма пользовалась небывалой популярностью, и вскоре молодые люди по всей Европе начали подражать депрессивному и страстному художнику. Добавим к этому сверхъестественные и оккультные фрагменты из произведений Эдгара Аллана По – и вот уже к XIX столетию романтики во многом напоминали сегодняшних гóтов. Мой друг любит говорить, что история – это одни и те же герои, но в разных одеждах. В данном случае одежды тоже не слишком разнятся [4].

Еще одно течение романтизма, которое существенно повлияло на нашу нынешнюю ситуацию, было развито философом Жан-Жаком Руссо [5], который описывал «природное состояние», в котором жили люди до появления общества. Он не был создателем образа благородного дикаря, эта сомнительная заслуга принадлежит Джону Драйдену и его пьесе 1672 года «Завоевание Гранады». Однако именно Руссо популяризировал один из ключевых моментов, который со временем превратился в клише: между истинной природой человека и человеческим обществом существует огромная пропасть. Идея такой пропасти очень проблематична, поскольку она оставляет нецивилизованные культуры за границами человеческого общества. Идет ли речь о примитивных дикарях или о кровожадных варварах, основополагающее понятие «природное состояние» помещает собирателей, охотников, огородников, пастухов-кочевников и даже некоторых земледельцев за пределы культурной деятельности человека. Вся культура – дело людей. Не существует людей, живущих в «природном состоянии» [6]. В рамках идеи «природного состояния» масса

¹⁷ Пантеизм – религиозно-философское учение, отождествляющее Бога и природу, Вселенную.

¹⁸ Первые считают, что проблема нравственная, моральная, а вторые, что дело в самой структуре общества, в материальных институтах власти.

¹⁹ Гедонизм – философия, считающая получение чувственного, плотского удовольствия важнейшим в жизни.

²⁰ Иерархия – подчинение одного класса людей другому как характеристика структуры общества.

²¹ Хилизм (или миллениаризм) – религиозное учение о тысячелетнем царствовании Христа на Земле, которое должно наступить после его пришествия и победы небесных сил над силами зла; миллениаризм. Также любое движение, основанное на иррациональном ожидании проявления некой внешней силы, которая якобы должна стать источником справедливости и процветания.

²² Имеется в виду активное участие в политическом процессе.

разнообразных сообществ низведены до образа «примитивных», и образ этот сохранился в неизменном состоянии, несмотря на ход истории и человеческие старания.

Одним из ответвлений романтизма был примитивизм. Это течение стало точкой отсчета для возникновения отдельного направления в музыке, литературе, искусстве. Романтизм в целом и примитивизм в частности воспринимали европейскую культуру как слишком рациональную и подавляющую естественные импульсы. Так называемые примитивные культуры, напротив, воспринимались как эмоциональные, по-детски непосредственные, невинные, сексуально незакомплексованные, находящиеся в единстве с естественной природой. Романтики придерживались убежденности, что «примитивные» культуры якобы были мирными, а примитивисты считали их склонными к насилию. Любое из этих клише могло быть оправдано, так как общий образ был лишь интеллектуальной моделью, не связанной с громадным разнообразием туземных культур. Различные культуры – это некий набор вариантов, политических вариантов, выбираемых социальным животным в соответствии со своими моральными обязательствами. Как «благородный дикарь» так и «кровавый дикарь» – это модели овеществления²³, снисходительности и расизма.

Романтизм затрагивал совершенно реальные струны недовольства. Урбанизм²⁴ изолирует, делает людей чужими друг другу. Индустриализация разрушает общины – как человеческие, так и биологические сообщества. Конформист требует от иерархического общества, чтобы наша эмоциональность оставалась искусственной и парализованной, а культура, ненавидящая живость наших тел, изгоняет нас из наших единственных обителей. Понимание того, что ни одно из этих свойств не присуще человеку и обществу, дает огромное облегчение. Кроме того, существование культур, которые уважают землю, дарят детям доброту вместо общеобразовательной школы, поровну делят радость и еду, возможно, даже прибегают к мистическим техникам экстаза, могут быть как вдохновением, так и свидетельством преступлений, совершенных против наших сердец, нашей культуры, нашей планеты. Но те моменты, в которых романтизм потерпел крах, все еще преследуют культуру левых и должны стать предупреждением, если нам суждено создать культуру сопротивления, как основание истинного движения сопротивления.

В Германии совмещение романтизма и национализма спровоцировало повышенный интерес к мифам. Они дали толчок к популярной тогда тоске по древней, даже первобытной, связи с природой Германии. Молодежь всегда недовольна и мятежна, а в конце XIX столетия немецкая молодежь объединилась вокруг своей собственной контркультуры. Их называли Вандерфогель²⁵, или странствующие духи. Они отвергали строгие ограничения морали и производственную этику своих родителей, наделяли романтизмом образ крестьянина и бродили одетые в грубые туники по сельской местности с гитарами. Вандерфогель началось с городских учителей, которые предлагали своим ученикам прогулки по сельской местности как участие в движении Лебенсреформ (реформа жизни). Это общественное движение подчеркивало важность хорошей физической формы и естественного здоровья, экспериментируя с разнообразными альтернативными подходами вроде гомеопатии, натуральной пищи, травничества и медитации. Лебенсреформ создало собственные клиники, школы, международные сообщества – все вокруг идеи восстановления связи с природой. Короткие прогулки стали уикендами, те, в свою очередь, превратились в образ жизни. Вандерфогель стремились к природному и противопоставляли его искусственному: деревенское важнее городского, эмоции важнее рациональности, солнце и диета важнее медицины, спонтанность важнее контроля. Молодежь организовывала «гнезда», или «антидома», в своих городах и занимала покинутые замки в лесах. Вандерфогель основало молодежное движение хостелов. Они пели народные песни, экспериментировали с голоданием, сыроедением, вегетарианством и придерживались экологических идей – все это еще до 1900 года. Они были анархистами, веганами и сквотерами своих дней.

Экологические идеи были базовой частью этих движений. Природа, как источник духовности, была основой романтизма и руководящим принципом Лебенсреформ. Адольф Юст и Бенедикт Луст были врачами, которые в 1896 году написали «библию» Лебенсреформ – книгу «Возвращение к природе». В ней они высказывали порицание:

«Человек в своем заблуждении очень сильно вмешался в природу. Он разорил леса и этим изменил атмосферные условия и климат. Некоторые виды растений и животных полностью исчезли из-за деятельности человека, несмотря на то что они были основой природы. Повсюду чистота воздуха пострадала от дыма и подобных ему элементов, а реки осквернены. Это и другие вещи являются вторжением в природу, которое люди нашего времени вовсе не замечают, но которое имеет громадное значение и моментально оказывает свое болезненное влияние не только на растения, но и на животных, а они не обладают способностью сопротивляться власти человека».

Вскоре по всей Европе появились альтернативные общины. Небольшая деревня Аскон в Швейцарии была противокультурным центром в 1900–1920 гг. Эксперименты включали в себя «сюрреализм, современный танец, дадаизм²⁶, язычество, феминизм, пацифизм, психоанализ и природное целительство [8]. Вот лишь некоторые из тех, кто прошел через Аскон: Карл Юнг, Айседора Дункан, Михаил Бакунин, Петр Кропоткин, Владимир Ленин, Лев Троцкий и искавший исцеления алкоголик Герман Гессе. Конечно же, перемены в обществе, даже революция, были предметом обсуждения в Асконе. Хаотичность альтернативных духовных, культурных и политических трендов начала просачиваться в США. 20 августа 1903 года, например, анархистская газета в Сан-Франциско опубликовала длинную статью, в которой описывались проводимые в Асконе эксперименты.

²³ Объективизация, или овеществление – отношение к человеку как к вещи, как к объекту с точки зрения субъекта, что автоматически означает неравенство, почти всегда отражающееся на реальных физических условиях жизни «объекта».

²⁴ Урбанизм – свойство предмета или явления, связанное с городом и культурой городской жизни.

²⁵ Wandervogel (нем.) – странствующая птица. Также vogel в немецком языке означает легкомысленного, ветреного человека, чудака-пройдоху.

²⁶ Дадаизм – направление в западноевропейском искусстве начала XX в.; характеризуется иррациональностью, бессистемностью, отрицанием стандартов.

Как мы увидим далее, связь между Лебенсреформ, молодежью Вандерфогель и контркультурой хиппи 1960-х годов в США является на удивление прочной. Немец Эдуард Бальтцер написал пространное пояснение об естественном образе жизни и основал вегетарианскую общину. Бальтцер воодушевил художника Карла Вильгельма Дифенбаха, который также организовал несколько альтернативных общин и обучающих центров, посвященных религии, искусству и науке – все на основе идей Лебенсреформ. В конце XIX – начале XX столетия художники Густо Гразер и Фидус создали, по сути, художественный стиль немецкой контркультуры. Людей, созерцающих их работы, можно простить, если они подумают, что полотна психоделической гаммы, с выющимися растениями и голыми телами обнимающихся людей – это обложки альбомов 1960-х годов. Фидус даже использовал в своих работах культовый символ мира.

Гразер был учителем и ментором Германа Гессе, и позже его подхватили Битники. «Сиддхартха» и «Степной Волк», написанные в 1920-х, были проданы миллионными тиражами в 1960-х в США. Один из историков заявляет: «Истинная историческая наука укажет на Гессе, как на самую важную связь между европейской контркультурой его (Гессе) молодости и его потомками в Америке» [9].

В начале XX столетия наряду с несколькими миллионами европейцев в США иммигрировали и сторонники движения Вандерфогель и Лебенсреформ. Самым знаменитым иммигрантом из движения Лебенсреформ был доктор Бенджамин Луст, которого считают отцом натуропатии и которого мы уже цитировали. Гордон Кеннеди и Коуди Райан пишут: «Все, от массажа и травничества до сыроедения и движения против вивисекции, от гидротерапии до восточных влияний вроде йоги и аюрведы, охватили американскую аудиторию благодаря Лусту» [10]. В книге «Возвращение к природе» он выступал против загрязнения воды и воздуха, вивисекции, мяса, курения, алкоголя, кофе и общеобразовательной системы. Ничего не напоминает? Ганди, будучи его поклонником, вдохновился принципами Луста и открыл клинику «Природное исцеление» в Индии.

Особый упор на солнце и натурализм привел многих из последователей Лебенсреформ в теплые и солнечные Калифорнию и Флориду. Поклонение солнцу было в равной степени частью Тевтонской религии, паллиативного восстановления здоровья и принятия своего тела. Было намного легче жить на улице и выпрашивать еду там, где температура никогда не опускалась ниже нуля. Их прозвали «ребята природы» (Naturemenschen), или современными примитивистами: они разбили лагерь и начали привлекать последователей и учеников. Немецкий иммигрант Адольф Ерет, например, написал ряд книг о голодании, сыроедении, пользе загорания голышом – книги, ставшие каноническими для хиппи Сан-Франциско. Джипси Бутс был еще одной связью между Лебенсреформ и хиппи. Родившийся в Сан-Франциско, он стал последователем немецкого иммигранта Максимилиана Зикингера. После стандартных голодания, пеших походов, йоги и ночевки в пещерах он открыл собственную «Хижину здоровья» в Лос-Анджелесе, которая, к удивлению многих, имела успех. Он также выступал за деньги на музыкальных фестивалях типа Монтеррей и Ньюпорт в 1967–1968 гг. вместе с Jefferson Airplane, Jimi Hendrix и Grateful Dead.

Список личных связей между Вандерфогель с его «ребятами природы» и хиппи очень обширный и представляет собой непрерывное культурное наследование. Но прежде чем мы перелистнем повествование до 1960-х, важно понять, что случилось с Лебенсреформ и Вандерфогель в Германии во времена распространения нацизма.

В конце столетия Германия была охвачена вихрем идей и перемен. Существовала массовая и политически сильная социалистическая партия SPD, которую один историк называл гордостью Второго Интернационала. В 1880 году она получила больше голосов, чем любая другая партия, а в 1912-м имела большинство в парламенте. SPD помогла введению первой парламентской демократии, включая полное признание избирательных прав женщин, способствовала сокращению рабочего дня, создала юридические советы рабочих и сеть социального обеспечения. С точки зрения этих серьезных активистов, Вандерфогель и Лебенсреформ, «в особенности наиболее идиотические из этих культов», были мелкими аутсайдерами. Основой соцпартии были рабочий класс и беднота, озабоченные выживанием и справедливостью, а участники Лебенсреформ со своей йогой, духовностью, диетами были почти сплошь средним классом.

Здесь мы видим, как эти утопичные идеи принимают зловещие формы. Легко найти противоречия в статье о движении Фолькиш (volkisch – нем. народный) в Википедии, где утверждается: «Движение Фолькиш – это немецкая интерпретация народного движения с уклоном на фольклор и «природно связанные»... Краткое определение подразумевает, что понятие может относиться только к тем группам людей, которые считают, что людей формирует их «кровь» или, другими словами, их унаследованный характер.

Сразу же возникают проблемы. Статья о Фолькиш обозначена, как относящаяся к нацизму. Один из авторов Википедии заявляет: «Лично я считаю оскорбительным, что этническое определение «народный» приравнивают к понятиям «национализм» и «расизм». Другой автор указывает на то, что основатели Фолькиш были мыслителями левого толка. Еще один полагает, что «идея фолькиш вполне искренно нерасистская и люди вроде Ландауэра и Михзама (ведущие немецкие анархисты своего времени) были представителями антирасистского течения Фолькиш. Понятно, почему немецкая версия страницы фокусирует внимание на расистской версии: это культура вины за то, что романтизм воспринимается как одно из наследий Гитлера. Но нужно рассматривать и другие аспекты».

Кто прав? Культура, этническая принадлежность, фольклор и национализм – это все ленточки, вплетенные историей в наш мир. Но у фолька все же есть первый философ – Иоганн Готтфрид фон Хердер, которому принадлежит сама идея фольклора, культуры простых людей, которую нужно ценить, а не презирать. Он побуждал немцев гордиться своим языком, сказками, искусством, историей. Популистская привлекательность его идей и их важность для любого народного движения, возможно, покажутся нам очевидными сейчас – 200 лет спустя – но в те времена идея высоко ценить народную культуру была новой и радикальной. Его личная коллекция фольклора и поэзии стала толчком для общенационального увлечения фольклором, одним из прямых результатов влияния Хердера было творчество братьев Гримм. Он также считал, что все, от короля до крестьян, относятся к народу: принципиальный отход от царившего тогда

мнения, что только знать может быть носителем культуры, а сама она должна подражать древнегреческой. Он верил, что его понимание фолка (народного искусства) приведет к демократии, и поддерживал Французскую революцию.

Хердер отдавал себе отчет в том, насколько опасны крайности национализма, и выступал за полноправие евреев в Германии. Он отвергал принципы расизма, говоря, что значение имеют различия в языке и культуре, но не в расе, и утверждал, что все люди являются одним биологическим видом. Он писал: «Ни один народ не является единственным, богоизбранным. Мы должны прежде всего искать истину и взращивать сад всеобщего блага» [4].

Еще одним идеологом левого коммунитаризма был Густав Ландауэр, немецкий еврей. Он был одним из выдающихся анархистов эпохи Вильгельма вплоть до своей смерти в 1919 году, когда он был арестован Фрайкорп и забит до смерти. Он был мистиком, политическим писателем и активистом. Его биограф, Евген Лунн, описывает идеи Ландауэра как «сочетание романтизма фолькиш и либертарного социализма» и, следовательно, как «романтический социализм» [5]. Он также был пацифистом, отвергавшим насилие как коллективный и индивидуальный инструмент революции. Он верил, что создание либертарных общин сможет «постепенно освободить людей от их детской зависимости от властей», государства, официальной религии и других форм иерархии [6]. Его целью было построение «радикально демократических общин, основанных на совместном участии» [7].

Ландауэр обращался к левым писателям, художникам, интеллектуалам и молодежи, которые чувствовали себя отвергнутыми современностью и урбанизмом и высказывали очень реальную потребность – эмоциональную, политическую, духовную – в обновлении общин. У него была полноценная программа революционной трансформации общества. Сельские общины были первым практическим шагом к концу капитализма и эксплуатации. Такие общины должны были объединиться в федерации и, работая совместно, создать инфраструктуру нового общества, основанного на принципах равенства. Это был полностью прописанный маршрут, ни на секунду не терявший из виду реальных условий угнетения реальных людей. После Первой мировой войны в Германии было сформировано примерно сто общин, тридцать из которых были левого толка, основанные либо коммунистами, либо анархистами. Было также молодое женское движение, цель которого состояла в создании автономной феминистской культуры, подобной современному лесбийскому земельному движению в США [8].

В чем была ошибка этого утопического движения сопротивления? Проблема была в том, что, как выразился историк Петер Вайндлинг, оно было «политически амбивалентным» [8]. Вайндлинг писал: «Взрывная волна утопического социального протеста пошла в противоречащих друг другу направлениях художественности, немецкого фолькиш, технократизма» [9]. Некоторые из этих направлений отклонились от идей социальной справедливости, были использованы правыми и в результате оказались частью нацистской идеологии. Любимые занятия *Лебенсреформ* наподобие пеших походов и употребления в пищу цельнозернового хлеба воспринимались как способ укрепления политического организма и популяризировались нацистами. «Радикальное видение здоровья было в центре национал-социализма», писал Вайндлинг. А вот геи, лесбиянки, душевнобольные и анархисты воспринимались как «болезни», которые ослабляли немецкую расу в целом.

Экологические идеи также были частью нацизма. Здоровье и физическая форма немецкого народа стали навязчивой идеей нацистской культуры и зависели от их связи со здоровьем земли, от связи как физической, так и духовной. Нацизм был странным сочетанием романтизма и модернизма, как озирающиеся традиционалисты, так и футуристические техноутописты увлекались этой идеологией. Идеи нацистов в равной степени сочетали в себе науку и эмоциональность.

Историк Дэвид Блекберн писал: «Национал-социализм²⁷ удалось примирить, как минимум в теории, два мощных и противоречивых импульса конца XIX столетия и получить выгоду от обоих. Одним из импульсов была влюбленность в современное и технократическое, где наблюдается продолжение эпохи Вильгельма: от нацистских евгенистов до дорожных рабочих. Другим импульсом был культурный переворот против современности и машинной цивилизации, настойчиво навязанный нацистами как в образовании элит, так и обывателей» [20].

Давайте вспомним еще одного политического активиста тех времен. Эрих Миихзам, немецкий еврей, анархист, писатель, поэт, драматург, эстрадный исполнитель. Он был ведущим радикальным мыслителем и агитатором Веймарской республики и получил международное признание за театральные постановки, сатирически высмеивавшие Гитлера. Он с большим интересом относился к возможности сочетать анархизм, теологию и общинную жизнь, проводил время в общине Асконы. Как и другие левые, он был арестован нацистами и прошел концлагеря Зонненбург, Бранденбург и Ораниенбург. Интеллектуальная элита всего мира протестовала и требовала освобождения Миихзама, но безуспешно. Когда его жене Зензль разрешили его повидать, то она не узнала мужа, настолько было изувечено его лицо. Охранники избивали и пытали его на протяжении 17 месяцев. Они заставляли его копать собственную могилу, выбивали ему зубы, выжигали свастику на голове. Они даже заставляли его петь нацистский гимн, а он вместо этого пел «Интернационал». Последняя попытка закончилась проломленным черепом и смертельной инъекцией. Потом его тело повесили в туалете.

Неодолимая бесцельность и бледный нарциссизм огромной части современной контркультуры не может даже приблизиться к непобедимому мужеству и выдержке этого человека. Тщательно анализируя эти материалы, я вынуждена допустить некоторую долю отчаяния: найдется ли место нашему движению между жестоким фашизмом и тщетной беспомощностью? Существование Эриха Миихзама – вот достойный ответ. Также, если пролистать историю в обратном порядке и допустить, что нацисты предопределили идеи фолькиш, то эта мысль будет оскорбительной для наследников этой идеи, которые сопротивлялись фашизму с мужеством Миихзама. Существовали немецкие левые,

---

²⁷ Национал-социализм – идеологическая платформа, ставшая основой построения фашистского режима.

боровшиеся за радикальную (т.е. полную) демократию и справедливость не несмотря на их коммунитарность, а благодаря ей.

Современное экологическое движение может многое почерпнуть из следующей истории. Дженет Бил и Петер Штауденмайер (Janet Biehl, Peter Staudenmaier) в своей книге «Экофашизм: уроки немецкого опыта» [21] исследуют идею того, что фашизм и другие реакционные политические явления являются «вероятно неизбежной траекторией любого движения, которое признает существование общественных и социальных проблем и борется с ними, но не признает того, что корни проблем уходят в саму систему, и не оказывает активного сопротивления политическим и экономическим структурам, порождающим проблемы. Уклонение от социальных перемен в пользу индивидуальной трансформации, упрямая аполитичная неприязнь во времена кризиса могут привести к ужасным последствиям».

Самое страшное, к чему может привести современная альтернативная культура, – это глупость. Так, в США фашизм с большой вероятностью сформируется из существующих правых идеологий, опирающихся на недовольство слабого и бедного большинства, а не из среды посетителей тренингов нью-эйдж. А друзья Мери Джейн известны своим отвращением лишь к регулярному мытью. Немецкие иммигранты привезли в США Лебенсреформ и Вандерфогель и не посеяли семена фашизма. Ни одно из движений не ведет непременно к фашизму. Но мы должны внимательно отнестись к тому, как исходно прогрессивные идеи типа экологии и прав животных переплетаются с фашистским движением.

Альтернативная культура, сосредоточенная на внутренних индивидуальных переживаниях, будь они психологическими или духовными, не способна создать движение сопротивления и не важно сколько общественных устоев она игнорирует. По сути, Вандерфогель заявляли: «Мы с неодобрением смотрим на всех, кто называет нас политическим движением» [23], а их слоган был «Отсутствие цели – наша сила». Но, как указывал Лакёр,

«Отсутствие интереса к общественным делам – это не гражданская благодетель, а неспособность мыслить политическими категориями и не помогает людям избежать участия в политических катастрофах. Вандерфогель пришел к полному краху: они не подготовили своих членов к активной гражданской позиции. Как социалистическая молодежь, так и католики стояли на более крепком фундаменте, у каждой из групп был ряд идей, которые они разделяли. Но в обучении вольной молодежи существовал опасный вакуум, слишком открытый для морального релятивизма²⁸ и нигилизма» [24].

Мы стоим перед еще одной катастрофой и, если не исполним нашу миссию, то будущего, в котором мы сможем научиться на своих ошибках, у нас уже не будет. Такое же «отсутствие интереса» – часто являющееся позицией самодовольной отчужденности – уничтожает наш последний шанс на сопротивление. Мы не готовимся к движению за активное гражданское общество и за все, что оно подразумевает: самоотверженность, мужество, самопожертвование, которые необходимы для истинного сопротивления. Те, кто может посоветовать лишь самоустранение и индивидуальное самоуспокоение перед лицом жестокости, не имеют моральной опоры. Современные последователи Вандерфогель приходят точно к такому же нигилизму, повторяя, что всему конец, род людской прошел свой путь и Земля останется в наследство бактериям. Параллели точны. Какой итог?

Вандерфогель ушли на Первую мировую, где они «канули во Фландрии и Вердуне» [25]. Среди тех, кто вернулся с войны, небольшое, но сильное меньшинство стали коммунистами. Чуть большая часть сформировала профашистские группы правого крыла. Но в основном последователи Вандерфогель стали аполитичными и апатичными. «Это было не случайным развитием событий», писал Лакёр [26].

Теперь пришла пора реальному миру кануть в своей Фландрии и Вердуне – в бессмысленном потоке крови видов, исчезающих из дня в день. Пока еще живы лесные дрозды, маленькие коричневые ангелы лесных чащоб. Все еще живы считанные экземпляры северной леопардовой лягушки. Возможно, уже не стало бирманской звездчатой черепахи с ее панцирем, подобным золотой пуанзетте: в последний раз после 400-часовых поисков с помощью специально натасканной собаки удалось обнаружить лишь пятерых. Если большинство из нас останутся апатичными и аполитичными, то они точно умрут.

Вот она, история, лежащая в основе современной альтернативной культуры. Эта культура вбирает в себя черты романтизма, Вандерфогель, Лебенсреформ, просачивается через Битников и хиппи, и распадается на ряд субкультур, каждая из которых акцентирует внимание на чем-то своем – психологической самопомощи, на вере в 12 шагов или на духовных практиках нью эйдж. Сформировался ряд идей и поведенческих норм, которые едва осознаются, но основательно доминируют в левой среде. Сейчас моя цель – полноценно изучить данные течения, чтобы мы могли совместно решить, какие из них полезны, а какие пагубны для культуры сопротивления.

В рамках нашего обсуждения я противопоставляю «альтернативную» культуру культуре «оппозиции», хотя прекрасно понимаю, что в реальной жизни все совсем не так однозначно. Многие из этих норм и поведенческих шаблонов формируют целую гамму, в рамках которой люди перемещаются с относительной легкостью.

Мой опыт показывает, что между этими противоречащими друг другу течениями временами происходят лобовые столкновения абсурда и смелости, часто в рамках одного вечера. Праведный ужин веганов, состоящий из еще более праведно подобранных продуктов, заканчивался доблестной атакой на забор военной базы, который мы раскрашивали краской из баллончиков под песни в стиле Викка²⁹, как будто это могло развалить тот забор.

Ах, молодость!

²⁸ Моральный релятивизм – восприятие всех моральных и этических норм как относительных, а значит, несущественных.

²⁹ http://en.wikipedia.org/wiki/Celtic_Wicca

Я была приобщена к некоторым из этих культурных понятий и практик в подростковом возрасте. Я хорошо знаю, что такое круг любви³⁰, женский круг и очищение чакр. По понятным причинам я увлекалась множеством направлений альтернативной культуры. В 16 лет ты воспринимаешь борьбу с властями как вопрос жизни и смерти, а всю иерархию – как самоочевидное доминирование³¹.

А между тем, на различных конференциях и встречах люди говорят, что индивидуальные перемены – это перемены политические, или даже настаивают, что изменения возможны ТОЛЬКО в этой сфере. Я точно знала, что такая позиция ошибочна, но споры с направлением нью-эйдж заканчивались моим поражением – духовным самодовольством и клише Ганди. Тот факт, что у меня дегенеративное заболевание, эти люди оборачивали против меня. Споры с воинствующим политическим направлением (а важно ли вообще, что кто-то ест пиццу с жидким мясом, известным также под названием «сыр»? Я что, становилась продажной, если виделась с семьей на Рождество?) приводили к обвинениям в недостаточной преданности. Имея очень слабое руководство старших и полное отсутствие культуры сопротивления, я принимала эти доводы, несмотря на мои дурные предчувствия.

Слишком много потенциальных активистов, которым не хватило ни мужества, ни самоотверженности, потерялись в таком же бардаке. Следующую критику я предлагаю в надежде, что вместе мы способны на большее.

Упор на индивидуальных переменах – яркий признак либерализма. Индивидуализм подается под разными соусами, настолько разными, что их сторонники даже не догадываются о том, что все они принадлежат к одной группе. Но под поверхностными различиями проступает общность форм индивидуализма, что формирует целую гамму направлений. Гамма начинается с ожесточенно аполитичных посетителей воркшопов: только личность является достойным проектом и только личности способны меняться. Далее мы смещаемся в сторону общественной осознанности, включающей в себя людей, которые признают угнетение, но искренне верят в либеральные меры: в основном, образование, психологические перемены и «личный пример».

Альтернативная и Оппозиционная культура

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ КУЛЬТУРА	ОППОЗИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
Воспринимает участие в политике враждебно или апатично	Осознанно участвует в сопротивлении
Воспринимает перемены как психологические и культурные	Воспринимает перемены как экономические и политические
Целью является сознание отдельного человека	Целью являются реальные учреждения
Подростковые ценности молодежного движения	Зрелые ценности проницательности и ответственности
Всякий авторитет отвергается сразу	Культивируется разумный авторитет
Атакуют общественные устои. Считает правильным атаковать все ограничения. Ценит впечатления.	Твердая приверженность нравственному кодексу на основе всеобщих прав человека
Отвержение нравственных норм.	Атакуют структуры власти
Ценит одиночку-изгоя	Ценит верность и солидарность
Цель – чувствовать себя «настоящим», непосредственные переживания	Цели – заботы зрелых людей: ведение общества, обучение молодежи, утверждение норм, участие в общем стремлении сделать мир лучше
Политика эмоций, где чувственные состояния перевешивают эффективную стратегию и тактику	Общинная политика, которая ценит ответственность, взаимопомощь, этику труда — опирается на самоконтроль и зрелых взрослых людей
Политика – это то, кто ты есть	Политика – это то, что ты делаешь
Отношения между людьми искажаются политическим сопротивлением. Победить может только просвещенное сознание.	Отношения между людьми искажены системами власти и угнетения. Победить должна справедливость, даже если на это уйдет несколько смен поколений
В качестве обобщенной стратегии использует неучастие\самоустранение	Не поддерживает системы угнетения и угнетателей, но активно участвует в борьбе против несправедливости
Нравственная сила молодости отрезана от действительности - внутренней враждой - вопросами принадлежности к группе	Идеализм сдерживается опытом
Присвоение культурных ценностей	Возвращение культурных ценностей и их защита (группа угнетенных) Уважение к культуре, политическая солидарность (союзники)

³⁰ Mosh Pit – духовная практика, опосредованно реализующая телесно-ориентированный подход – выглядит как множество прикосновений участников группы к каждому из них по очереди.

³¹ Автор имеет в виду, что доминирование как таковое является злом, а зрелый человек способен различать доминирование и иерархию и способен принимать необходимость подчинения.

В самом конце гаммы наблюдаем, как образ жизни одного человека становится личностной чистотой, а сама личность объявляется политическим актом. Такие люди зачастую способны на убедительный радикальный анализ угнетения, который они завоевали кровью и защищают с яростью. Тут имеем разнообразные группы типа веганов, лейсбийских сепаратисток и практикующих анархо-примитивистов. Каждый из них был бы до глубины души оскорблен, если бы мы назвали его либералом. Но если они предлагают решения только в рамках индивидуальных мер (и при этом отвергают политическое сопротивление как «участие в системе угнетения»), то их программа, в конце концов, либеральна и обречена на провал, несмотря на системный анализ и преданность последователей.

Определяющая характеристика оппозиционной культуры, с другой стороны, в том, что она объявляет себя колыбелью сопротивления. Там, где альтернативная культура стремится к личным переменам, оппозиционная подпитывает серьезное движение политической трансформации институтов контроля общества. Она понимает, что необходимо физическое свержение существующих систем власти, и что такое предприятие потребует громадного мужества, посвящения, риска и, возможно, жертв. Словами Андреа Дворкин:

«Итак, говоря о сопротивлении, я говорю об организованном политическом сопротивлении. Я говорю не о чем-то, что приходит и уходит. Я говорю не о чувствах. Я говорю не о том, как положено заботиться о повседневной жизни и наполнении ее достойными, хорошими, восхитительными идеями. Я говорю о том, когда человек рискует собой и отдает всего себя годам борьбы ради перемен в обществе, в котором живет. Это означает не только изменение манер знакомых нам людей, хотя это тоже не помешало бы... Но это не то, что можно назвать политическим сопротивлением. Политическое сопротивление не прекращается ни днем ни ночью, идет открыто и подпольно, публично и скрыто. Его передают из поколения в поколение. Ему обучают, его поощряют и восхваляют. Оно находчивое. Оно сообразительное. Оно преданное. И придет день его победы. Оно победит» [27].

Как видим, между романтизмом и сопротивлением есть принципиальное отличие, возраст которого – века. Как романтизм, так и сопротивление начинаются с отрицания определенных норм установленного общественного порядка. Но они по-разному определяют своих врагов и, начиная с этого момента, они идут в разных направлениях. Опять же, это различие формирует целый спектр³² человеческих переживаний: от посещения занятий йогой они переходят к созданию продуктового кооператива, а далее к закрытию местной атомной электростанции. Но мы должны понимать разницу между двумя крайними точками гаммы, даже если посередине – непроглядный туман. Эти различия скрывают от нас две победы либерализма: ему удалось спутать личностные перемены с политическими и добиться общепринятого отрицания реального сопротивления. Но просто альтернативная культура – это не культура сопротивления, и нам нужна ясность в том, чем они отличаются.

Альтернативная культура – наследница романтического движения – видит врага в ряде ограничивающих ценностей и устоев, обычно представляемых как буржуазные. Их решение – «создать альтернативный мир внутри западного общества» на основе «чрезмерного индивидуализма» [28]. Например, богемцы были прямыми потомками движения романтизма. Основные черты движения богемцев определяются как «неповиновение, невоздержанность, сексуальный произвол, эксцентричное поведение, ностальгия и бедность» [29]. Они придавали особое значение творческой личности как восставшей личности, что было недопустимо в Средние века, когда художники и ремесленники занимали определенное место в структуре общества. Век промышленности нарушил эту структуру, и творческий изгой стал мятежником. Но его мятеж крутится вокруг его же чувств, внутри него самого. Стивен Спендер описал это в своих очень удачно озаглавленных мемуарах «Мир внутри мира»: «Мне было жаль безработных, я сетовал на социальную несправедливость, жаждал мира и придерживался социалистических взглядов. Эти взгляды были эмоциональны» [30]. Элизабет Уилсон верно определяет Богемию как «уход от политики» [31]. Она пишет: «В 1838 году Дельфин де Жижардин описывала, с какой вольностью популярные писатели и художники проводили время на балах и танцах, поскольку они заняли позицию «внутренней миграции». Они отвернулись от политики, встали в позицию «внутреннего изгнанника», свойственную диссидентам Восточной Европы после 1945 года» [32].

Героизация личности, находящейся в состоянии страдания и отчуждения, смешанных в разных пропорциях, формирует основу романтической враждебности к политике. От такого индивидуализма отходят еще две другие траектории. Первая – придание ценности эмоциональной насыщенности, которая отвергает самоанализ, рациональность и исследование. Например, Руссо писал: «Для нас существовать означает жить, и наша чувственность бесспорно важнее разума» [33]. Вторая траектория – вера в то, что «полис» (политическая жизнь общества) – это еще одна скучная и глупая система, которую романтическому герою нужно отвергать:

Романтики отвергали возможность реальных перемен через политику. Романтики скептически относились к организационной реформе, к потенциальным результатам простого переустройства общественных институтов. Романтики восставали не во имя равенства и не ради экономических перемен, а для развития «внутреннего Я». В этом

³² Подразумевается, что различные стратегии могут не попадать в «черно-белые» категории, а находится где-то между двумя предложенными полюсами.

смысле они противились буржуазии и радикалам. Буржуазные устои отвергались, так как были поверхностны и искусственны, а радикальная программа социальных и экономических реформ отклонялась, поскольку не имела никакого отношения к свободному духу человека [34].

Наследниками этой традиции были Битники. Их основным проектом было «отвергнуть... конформизм и материализм среднего класса», в основном, благодаря экспериментам с сексом и наркотиками, претендовать на непосредственный доступ к запредельным эмоциям и искусству. Но битники были незначительным культурным явлением. Они не стали движением хиппи до тех пор, пока демографические показатели бэби-бума и среднего класса не предоставили им достаточно потерянной молодежи в 1960-х.

Молодежное происхождение альтернативной культуры предельно важно для ее понимания. Как мы отмечали выше, Вандерфогель было молодежным движением. И действительно, в 1911 году «было больше молодых немцев старшего подросткового возраста, чем когда бы то ни было в XX столетии» [36]. Семя той исходной молодежной культуры было пересажено в США, где оно спало до тех пор, пока критическая масса молодежи не достигла подросткового возраста. Привычная нам альтернативная культура является, по большей части, продуктом подросткового мозга.

Поскольку мозг подростка такой же по размеру, как и мозг взрослого, ученые пришли к выводу, что в период полового созревания он уже достигает полного развития. Благодаря таким новым технологиям, как МРТ и ПЭТ-сканирование, мы можем буквально увидеть, как структурируется мозг подростка [37].

Во-первых, надлобная кора не используется в мозгу подростка в полной степени, как в зрелом мозгу. Дэвид Уолш в своей книге о подростковом мозге «Почему они так себя ведут?» называет надлобную кору «совестью мозга». По мнению Уолша, эта зона «отвечает за долговременное планирование, оценку последствий и управление эмоциональными состояниями» [38]. Кроме того, способность человека оценивать ход времени не развивается полностью до 21 года. Подростки буквально не способны понимать причинно-следственные связи и долговременные последствия так, как их способны понимать взрослые.

Надлобная кора – это «исполнительный директор мозга» [39]. Когда возникают импульсы в других зонах мозга, надлобная кора должна их контролировать. Но, поскольку в мозгу подростка «ведутся строительные работы», им не хватает способности контролировать импульсы. Откладывание удовлетворения³³ никак не является даром людей в этом возрасте, когда их поведение постоянно описывают как грубость, безответственность и лень. И все это оказывается в зоне ответственности частично функционирующего РС. Мнимая «лень» усиливается некоторыми другими процессами развития мозга. Желудочковый стриарный узел отвечает за мотивацию, в подростковом возрасте он уходит в спячку. Также мозг подростков претерпевает значительные изменения паттернов сна. Под влиянием оказывается количество сна и время сна. Большая часть этого процесса сложна и все еще исследуется. Возможно, участвуют до пятидесяти нейротрансмиттеров и гормонов. Но точно известно два момента: тинэйджерам нужно больше спать, и они часто не могут заснуть ночью. Когда их вынуждают подчиняться общепринятому режиму сна, они часто испытывают смертельную усталость днем, усталость, основанную на их биологии, а не на нравственных падениях.

Миелинация – это жизненно важный процесс в развитии мозга. Миелин – это особый вид жира, защищающий и изолирующий аксоны наших нервов, которые являются нитевидными структурами в нейронах. Миелинация – это процесс накопления нейронами защитного жира. Без него электрические импульсы будут проходить по аксонам примерно в сто раз труднее. Незащищенные аксоны также открыты для помех со стороны других близлежащих аксонов. Не так давно ученые считали, что миелинация завершается в 7-летнем возрасте, но эта оценка оказалась очень далекой от истины. В организмах подростков миелинация не только не завершается, но и «усиливается на 100 процентов» [41]. Одна из зон, ответственных за управление эмоциями, проходит миелинацию на протяжении подросткового периода, которая, словами Дэвида Уэлша, «отвечает за запуск коротких вспышек гнева», которые характерны для молодежи.

Гормональные перепады являются еще одним фактором, способным наращивать интенсивность эмоций, что приводит к рисковому поведению, гневу, импульсивному поведению и повышенной эмоциональности у подростков.

Уэлш однозначно утверждает: хотя «подросток не несет полной ответственности за то, что не может полностью контролировать свой мозг, но это его ответственность подчинить его себе» [43]. Роль родителей или замещающих их лиц заключается в том, чтобы помочь молодым людям достичь зрелости. Если взрослые не высказывают ожиданий и не объясняют последствия, то развивающийся мозг никогда не сможет связать те нейроны, которые нуждаются в связке на данном этапе жизни. Именно эту задачу выполняли успешные сообщества людей на протяжении тысяч лет: взрастить новый урожай взрослых людей.

Для каждого периода развития мозга существует ограниченный период времени. Уэлш приводит высказывание неврологов: те нейроны, которые запускаются вместе, связаны вместе. Это касается всех периодов: от детства, когда закладываются базовые нейробиологические паттерны таких функций, как слух и зрение, до подросткового периода, когда формируется наша способность к саморегуляции, оценке последствий, бондинга в отношениях, и либо остается с нами на всю жизнь, либо увядает и отмирает.

Кроме биологии подросткового мозга, есть еще и психология подросткового возраста. Психолог Эрик Эриксон говорит, что важнейшей задачей этих лет является формирование личности, индивидуальности. Именно в этот момент вопрос «кто я?» стоит острее, чем в любой другой период жизни.

Я вспоминаю мои отношения с моей лучшей подругой из старшей школы. Мы встречались перед занятиями, во время обеда, на общих занятиях. Когда мы приходили домой, мы моментально повисали на телефоне, хотя расстались

³³ Способность к отложенному удовлетворению (другими словами, способность мотивированно прилагать усилия, результат от которых проявится со временем) является показательной характеристикой зрелости.

меньше часа назад. Мы должны были сказать друг другу очень много важного. После обеда мы снова должны были поговорить. На следующее утро все повторялось в те пять минут у ее шкафчика в холле. Оглядываясь назад, я удивляюсь: о чем таком мы могли говорить? Но именно в этом и заключается задача подросткового возраста: взросление, открытие себя, исследование. Все было так ново, так насыщено, так убедительно. Мы говорили о наших чувствах, и еще о наших чувствах, а также о наших чувствах. К моменту, когда мне исполнилось 20 лет это не вызывало во мне и половины бывшего интереса. К 30 годам это было скучно. В 35 у вас бы денег не хватило заставить меня участвовать в подобных разговорах.

Но именно на этом безнадежно застряла альтернативная культура – продукт подростковой биологии и психологии. Подростковые заботы – ее дары и ее недостатки – основа альтернативной культуры, и именно эти общественные нормы и привычки оказались принятыми в левых политических движениях в том, что Теодор Розак назвал «прогрессирующая «подростковость» в культуре и мышлении диссидентства» [44]. Основной ее заботой является «Я», его исследование, его выражение, причем до такой степени, что многие последователи относятся к идее участия в политике с неприкрытой враждебностью. Одно из общепринятых объяснений – это признание того, что какие-то социальные перемены необходимы, но изменить мы можем лишь себя. Так несправедливость становится оправданием нарциссизма. Как один бывший активист объяснял социологу Кейту Мелвилу:

«Я позанимался политикой какое-то время, но я пришел к выводу, что не могу больше выступать за перемены в обществе, а должен стать переменной сам. Перемена не произойдет где-то там или там и не будет самовлюбленным поиском максимального контроля над другими. Она тут, – постучал он себя в грудь. – Вот с чего я должен начать, если хочу изменить всю эту гребанную систему» [45].

Тимоти Лири, корифей психоделики, постоянно призывал молодежное движение «завестись, настроиться и отпасть». Он верил, что активисты и психоделическое движение были полностью несовместимы [46]. Джон Леннон и Джон Хойланд спорили о конфликте между переменами на уровне личности и на уровне общества в публичной переписке в 1968. При этом Леннон аргументировал свою позицию, опираясь на текст песни «Революция»:

*Ты говоришь, что поменяешь конституцию,
Ну что ж, а мы хотим перемен в твоей голове.
Ты говоришь, что дело в учреждениях,
А ты лучше освободи свой разум.*

На что Хойланд отвечал: «Что заставляет тебя думать, что многие из нас не изменились ментально именно так, как ты рекомендуешь, и после того осознали, что этого мало, просто потому, что человек не может быть возбужденным и счастливым в то время, как его детей насмерть поджаривают во Вьетнаме?» [47].

Задача бесконечного самосовершенствования подходит человеку в 15 лет, если он окружен сообществом взрослых, которые создают основу для физического и психологического развития, важную для воспитания зрелой личности. Но любой, кто вышел из подросткового возраста, должен ставить перед собой взрослые задачи: заботиться о подрастающем поколении и о слабых, поддерживать и вести общину в целом. С точки зрения культуры сопротивления, эти задачи выполняются с пониманием того, что сопротивление важнее всего, к каким бы задачам не призывали нас наши таланты. Мы никогда не отделяемся от глобальной цели создания движения, которое борется за справедливость.

Наследие романтизма особенно заметно в политике, которой придерживаются разнообразные направления альтернативной культуры. Эмоции воспринимаются как нечто чистое, не навязанное обществом, обществом, чье главное преступление – подавление этих истинных чувств. Вершина эмоционального состояния описывается по-разному: для хиппи и нью-эйджа – любовь, для панков – ярость, для готов – утонченное страдание; но основная цель – достичь выбранного эмоционального состояния и сохранить его. Такие субкультуры не всегда четко определяют эти эмоциональные состояния как цель, но такие устремления принимаются за норму без осознанного анализа.

Под влиянием терапии и мастерских «личностного роста» выражение эмоций достигло статуса близкого к правам человека. Если сказать кому-то, что ты отказываешься «отработать» на группу или попросить ее вернуться в дискуссию и принимать решения, то это вызовет взрыв гнева. Любое проявление нормального чувства границ и здравомыслия считаются не признаком зрелости, а требующим преодоления последствием влияния общества на человека (иначе обусловленность). Мы должны быть способны и жаждать поделиться самыми сокровенными моментами с незнакомцами, и чем более зрелищным будет откровение, тем лучше.

Индивидуалистская позиция стала общепринятой политической позицией контркультуры в 1960-х. Она достигла максимального подъема в Абби Хоффмане и Йиппиз. Название книги Хоффмана «Революция или черт с ней» – это новая версия старого «В отсутствии цели наша сила» и она в равной степени «полезна» для политического движения. Давайте отставим в сторону женоненавистничество (Хоффман приставал к стюардессам), гомофобию («движение за мир – это педики») и агрессивный расизм.

Также трудно критиковать его книгу, поскольку Хоффман был биполярным и совершил самоубийство. Со страниц нам в лицо кричит психическое заболевание:

«Диггеры ушли после того, как мы проговорили всю ночь. СДсы крепко спали всю ночь. Им было не о чем говорить ранним утром, когда ты непрерывно постукиваешь до тех пор, пока не начнется невербальный диалог. Ты находишь связь! Ты планируешь! Ты думаешь! Ты избит камнями! Ты чувствуешь! Тебе требуется литий и заботливая система поддержки».

По всей книге разбросаны жалобы на авторитарность власти, которые претендуют на накал эмоций, но от них веет постановочной театральностью, и они же являются конечной целью:

«Стань на углу с пятью сотнями листовок и взорвись... Найди человека, чтобы он читал листовку вслух во время всей этой раздачи. Бегай вокруг и разрывай листовки, продавай их, меняй их. Разорви одну на две половины и дай по

половине двум разным людям, а потом попроси их заняться любовью. Делай все быстро. Как в дешевых фильмах. Пусть всем будет весело. Людям нравится смеяться – это восстание. Мятаж – это интересное слово для игры в слова» [49].

Это яркое представление сильно контрастирует с серьезным движением сопротивления. Сравнить театральность с мужеством, глубокой духовностью и чувством собственного достоинства Эриха Миихзама или рядовых членов движения за гражданские права без отвращения не выйдет.

То, насколько близки биполярное расстройство и подростковый мозг, четко видно по Хоффману: безрассудство, бесконтрольная эмоциональная насыщенность, привилегированность, автоматическое отрицание всех ограничений, даже сонливость – все это трагически усугубляется маниакальными состояниями из-за его болезни. Молодежная культура без руководства взрослых произвела бы на свет именно то, что рисовал в своем воображении Хоффман. Эта культура также окажется неспособной распознать откровенную болезненность под маской радикальной позиции, и не поможет людям, которых пожирает такая болезнь. Такая помощь может быть оказана только стабильной, активно заинтересованной общиной. По иронии судьбы, такие общины должны иметь в своей среде людей, обладающих качествами, которые Хоффман и молодежная культура отвергают: ответственность, преданность, уважение.

За личной трагедией стоит политическая трагедия, приключившаяся с левым крылом. Культура неучастия охватила охладевшую молодежь и не дала ей построить серьезное движение сопротивления против реальных систем угнетения: капитализма, патриархата и расизма; не позволила создать культуру сопротивления, которая способна поддерживать такое движение. Вместо этого их враг – так называемые «заскоки среднего класса», т.е. неудобства, стоящие на пути любого порыва, а освобождение – это достижение внутреннего эмоционального состояния, идеализм и завоевания 1960-х скатились до «Я-поколения» 1970-х [50]. Сейчас осталась лишь размытая либеральная альтернативная культура, которую можно распознать по их урокам медитации и недоваренным бобам, по ее озабоченности собственной психологией и «духовной» банальности нью-эйджа. Ничего плохого не случится, если держать в чистоте свой разум, толстую кишку и ауру, что ставит верующих в глупое положение, заставляя их перекладывать вину на жертву, когда случается болезнь, горе или снаряды с лазерным наведением³⁴. Это ни в коем случае не попытка отвергнуть решимость стойких борцов, которые никогда не теряют верности идее более справедливого мира и продолжают борьбу. Это плач по утраченной надежде, погибшей в недрах целого поколения, которой теперь нужно возродиться.

Радикальные организации склонны попадать в собственные специфические ловушки. Первая из них касается иерархии, как в теории, так и на практике. Отрицание авторитета (власти) является одним из ярких признаков подростковости, и это автоматическое отрицание власти просочилось во множество политических групп. Они думают: «Всякая иерархия – это инструмент в руках человека, патриархата, нацистов». Этот подход обязывает к принятию решений через достижение консенсуса любой ценой и часто вызывает пространственные дискуссии на тему распределения власти в группе. Это также запускает волну «критики» любого, кто достигает публичного и узнаваемого положения. Обычно эта критика – не более чем зависть, замаскированная под политическую праведность. «Буржуазность» – вечное и излюбленное обвинение, равно как и разнообразные характеристики типа «продажный», подобранные в соответствии с приоритетами группы. Все это часто сопровождается суперглубоким анализом речи жертвы нападок и его образа жизни. Левые не зря изобрели выражение «политически корректный».

У этого изничтожения есть название. Как известно, Флоринс Кеннеди назвала это явление «горизонтальная враждебность» [51]. А еще это воспринимается как девятый класс школы, и в сущности так оно и есть. Это могут быть гротескные сплетни из-за ожесточенного соперничества или тотальная дискредитация человека. В более воинственных группах нападки могут принимать форму параноидальных обвинений. В худших случаях, группы, поддерживающие мачизм, вступают в перестрелки. В конце концов, причиной является борьба в горизонтальной плоскости, а не в вертикальной (см. рис. 3-1). Если мы можем изменить лишь себя или если лучший способ изменить общество заключается в образе жизни, тогда действительно наблюдение и критика мелочей личной жизни людей воспринимается как праведное занятие. А если вы не намерены бороться против власть имущих, то остается лишь воевать друг с другом. Денис Томпсон пишет:

«Горизонтальная вражда может означать, что кто-то один запугивает пока не добьется повиновения другого, который имеет более низкое положение в иерархии социальных отношений, характерных для мужского превосходства. Она может подразумевать попытки запятнать репутацию того, кто имеет ограниченный доступ к высоким уровням власти, чем тот, кто распространяет скандальную информацию. Она может заключаться в обвинении кого-то в собственном угнетении, даже если этот человек тоже угнетен. Она может выражаться в завистливых требованиях прекратить использовать свои способности, потому как чужой успех в низшем, чем твое положение, заставляет тебя чувствовать себя безмозглым ничтожеством. Или это могут быть попытки заглушить критику атакой против критикующего. В целом, проблема заключается в неверном понимании источника угнетения, определении его в среде тех, кто не ведет себя доминирующе» [53].

Подобное поведение разрывает в клочья дружеские отношения, кружки активистов и политические движения. Подвергшиеся нападкам часто получают травмы и, в конце концов, самоустраниются. Посторонние люди могут воспринять культуру как неприятную и даже коррумпированную. А большинство злейших нападавших, после того как сожгут свой адреналин, вернутся к прежней жизни в рамках общепринятых большинством взглядов. В военных конфликтах больше солдат могут погибнуть от «дружественного огня», чем от огня противника, что хорошо иллюстрирует как радикальные группы часто проявляют способность к саморазрушению.

³⁴ Когда «верующие» в чистоту ауры, прямой кишки или разума видят, как страдают другие люди, они автоматически склонны не помогать и тем более не включаться в классовую борьбу бедных против насилия власть имущих, а обвинять жертвы насилия в их собственных бедах.

Чтобы реально сохраниться и работать, серьезное движение нуждается в культуре поддержки. Требуется время, чтобы понаблюдать, как такого рода поведение концентрируется в деструктивные паттерны, которые снова и снова появляются в радикальных движениях, нужно время, чтобы обозначить их, научиться их останавливать. Успешные культуры сопротивления способны развивать здоровые нормы поведения и соответствующие процедуры для отработки ситуаций. А молодежная культура не обладает накопленным опытом и никогда его не накопит.

Культура сопротивления также нуждается в способности мыслить долговременными категориями. Одно исследование студентов-активистов из «Движения за свободу слова» из Беркли включало в себя интервью с участниками сидячей забастовки через 5 лет после события. Многие из них ощущали, что движение – а, следовательно, и политический активизм – не имело успеха [54]. Пять лет? А как насчет пяти поколений? Движения за серьезные перемены в обществе требуют времени. А молодежное движение останется навеки оторванным от поколений.

Давайте посмотрим на резкий контраст между поведением бывших активистов (в основном белых) и отношение пуллмановских проводников, чернокожих, которые работали проводниками на железной дороге. Они были как связью поколений, так и политической связью между движением за освобождение рабов и движением за гражданские права. Они накапливали доходы, самоуважение, политический опыт, которые им потребовались в ведении долгой борьбы за упразднение сегрегации. Самыми первыми пуллмановскими проводниками были освобожденные рабы. Джордж Пуллман нанял их потому, что они (что, кстати, весьма трагично) были способны вести себя достаточно услужливо, чтобы белые пассажиры были довольны. (Когда Пуллман пытался нанять черных учеников колледжей на время летних каникул, результаты были зачастую ужасны). И все же у этой работы были два преимущества: она давала финансовую стабильность (несмотря на ужасный график работы) и расширение кругозора. Историк Лерри Тай пишет:

«Важность образования вдолбили в проводников спальных вагонов, где они вплотную увидели американскую элиту, что могли себе позволить немногие черные, что помогло снять покров таинственности с белой расы, увидеть ее преимущества, как еще более несправедливые и заманчивые. Именно поэтому они так сильно старались ради чаевых, шли на еще одну работу дома, сносили унижение разделенных по расовому признаку спальных вагонов. Признано, что они произвели на свет больше выпускников колледжей, чем кто бы то ни было. И эти дети, независимо от того, стали ли они знаменитыми или нет, выросли с верой в то, что они могут добиться всего. Результатом было то, что проводники Пуллмана помогли родить профессиональные классы афроамериканцев» [55].

Проводники знали, что в своей жизни они немногого добьются. Но их дети получили образование, позволившее им продолжить борьбу. Семьи проводников Пуллмана дали миру впечатляющий список светил: от Джона О'Брайнта (первый черный мэр Сан-Франциско) до Флоринс Кеннеди и судьи Тургуда Маршала. Адвокат по гражданским правам Элайн Джоунс, чей отец работал проводником, чтобы оплатить учебу своих трех детей в престижных университетах, говорил об этом так: «Все, чего он ожидал в ответ, это то, что мы были обязаны добиться успеха и отплатить. Отец говорил: «Я делаю это, чтобы они могли что-то изменить». Он победил через нас» [56].

Одной из причин, по которым борьба за гражданские права имела успех, заключается в том, что между поколениями была сильная связь, непрерывная цепь решимости, силы характера, мужества, которые поддерживали поступательный ход движения по мере накопления политической мудрости.

Дары юности – идеализм и мужество. Это мужество может вырождаться в твердолобость из-за неспособности молодого поколения к оценке долговременных последствий, но мужество молодых было главной движущей силой в общественных движениях на протяжении всей истории. Например, Сильвия Пенкхерст так описывает то, что произошло, когда движение суфражисток «Общественный и политический союз женщин» (WSPU) взяло на вооружение поджоги:

«В июле 1912 года под руководством Кристabelle Пенкхерст начались тайные поджоги. Когда такая политика уже набрала обороты, некоторые уполномоченные участники получили в качестве основной задачу обучения и поставки зажигательных смесей и компонентов, инструментов для взлома и других необходимых материалов. Некая весьма женственная особа могла оказаться на встрече с вооруженными людьми в неожиданных общественных местах, чтобы договориться об опасных поставках. Женщины, а большинство из них были очень молоды, шли ночью по незнакомой сельской местности, несли тяжелые ящики с бензином и парафином. Иногда они терпели неудачи, но порой им удавалось поджечь пустующее здание, и если это было поместье знати, церковь или исторический экспонат, то тем лучше».

Не забывайте, что они взбирались на здания, заборы, убегали от полиции, будучи одетыми в корсеты и тяжелые многослойные юбки. Потрясающе, на какие риски для собственной физической безопасности готовы идти молодые.

Великолепным примером рабочих взаимоотношений между молодежью и старшим поколением является фильм «Канехсатке: 250 лет сопротивления». В нем документально отображен кризис Ока (см. главу 6), во время которого народ могавков защищал кладбище своих предков от превращения его в поля для гольфа. В нарастающем конфликте защитники перегораживали дороги, на смену местной полиции пришла армия. Аланис Обомсавин была на баррикадах, так что ее фильм не постановка, а съемка реальных событий. Важно отметить, что в кадр часто попадали старейшины (обладавшие полностью сформированными префронтальными зонами мозга), которые, встав между молодыми людьми и солдатами, просили их успокоиться и отойти. Без армии блокады бы не было, а без старейшин, скорее всего, произошла бы резня.

Нравственный пыл молодежи и неприятие лицемерия часто приводят к линейному мышлению или раздорам, а серьезным движениям нужно иметь постоянный приток идеализма, который продуцируют молодые. Психологические задачи среднего возраста сводятся к тому, чтобы помнить, что идеализм помогает во времена жестоких разочарований. С взрослением также приходит ответственность, которую молодые часто не понимают. Если у активиста есть дети, то это налагает серьезные ограничения на его деятельность. Нельзя покидать престарелых родителей, нуждающихся в

поддержке и заботе. И потом есть базовые потребности самого активиста: кров, еда, здоровье. Старшим нужно, чтобы молодые приносили в движение свой идеализм и мужество.

Женское движение суфражисток началось с женщин, которые просили по-хорошему. Во времена, когда женщина не имела права просить ничего, они старались изо всех сил. Борьба, подобная той, что вели проводники Пуллмана, и последующая борьба за гражданские права, была передана следующему поколению. Эмелин Пенкхерст вспоминает детство, когда она постоянно занималась сбором пожертвований для только что освобожденных черных рабов, первый раз в 14 лет попала на встречу суфражисток, а еще чтение «Хижин дяди Сэма» на ночь. Она писала:

«Повезло тем, кто родился во время великой борьбы за свободу человека. Особенно везет тем, чьи родители лично принимают участие в великих движениях своего времени... Я была очень маленькой, должно быть не старше 5 лет, но я точно знала значение слов «рабство» и «эмансипация» [59].

Эмелин вышла замуж за доктора Ричарда Пенкхерста, автора первой редакции Билля о женских правах и акта о собственности замужних женщин, который был принят в 1882 году и дал женщинам возможность контролировать свою зарплату и собственность. До того момента женщины не владели даже собственной одеждой: она принадлежала мужчинам. (Когда вы в следующий раз будете покупать себе блузку за свои деньги, не забудьте поблагодарить всех героинь вроде Пенкхерст: от известных до рядовых). Дочери Эмелин и Ричарда, Сильвия и Кристабель, были третьим поколением, рожденным, чтобы стать активистами. Борьба суфражисток получила свою силу из молодого идеализма и мужества. Эмелин писала:

«Всю свою жизнь они были заинтересованы в женском суфраже³⁵. Кристабель и Сильвия, еще будучи маленькими девочками, плакали, чтобы их взяли на встречи. Они помогали в художественной комнате так, как только могли помочь дети. Когда они росли, мы вместе говорили о суфраже, и я порой испытывала страх от их молодой уверенности в успехе проекта, в успехе движения. Однажды Кристабель напугала меня такой ремаркой: «Сколько женщины уже борются за право голоса? Что касается меня, я намерена получить его».

Я размышляла: была ли какая-либо разница между попытками получить право голоса и собственно его получением? Есть старая французская поговорка «Если б молодость знала, если б старость могла». Мне пришло в голову, что если бы умудренные опытом борцы суфража могли как-то объединить усилия с молодыми, неутомимыми, находчивыми суфражистками, то движение возродилось бы к новой жизни и с новыми возможностями. После я вместе с дочерьми стала искать способы для реализации союза старших и молодых, с помощью которого появились бы новые подходы, новые пути» [60].

Эмелин воспитывала своих девочек в серьезной культуре сопротивления. Как стратег, она мудро понимала, что пришло время молодых, которые должны переключить движение на новые методы борьбы. Так был сформирован WSPU – «Социальный и политический союз женщин». «Мы решили... удовлетвориться лишь действием по нашему вопросу. «Дела – не слова» стало нашим постоянным девизом» [61]. Дела выглядели как преследование правительственных чиновников, акты гражданского неповиновения, протестные голодовки и поджоги. И все это имело успех.

Переход от одного поколения к другому и растущее применение методов прямого столкновения редко проходит гладко. Старшие активисты могут препятствовать инициативе молодых, что часто провоцирует раскол в движении. Когда WSPU перешла к агрессивным методам, некоторые основательницы движения были вынуждены его покинуть. Эмелин Петик Лоуренс писала:

«Миссис Пенкхерст объявила нам при встрече, что она и Кристабель определились с новым способом ведения кампании. «Отныне, – заявила она, – будут массовые нападения на объекты, находящиеся в частной и общественной собственности, которые суфражистки будут совершать тайно, не сдаваясь добровольно полиции, избегая по возможности правосудия». В мере того как наши умы развернулись в совершенно другом направлении, этот проект стал для нас обеих шоком. Мы считали это полным сумасшествием... И хотя мы с миссис Пенкхерст были заодно в ее стремлении к политической эмансипации женщин и шли одним путем на протяжении 6 лет, между нами всегда существовало не проявлявшееся ранее, прежде всего по причине близости умов и целей, различие... мы впервые обнаружили себя посреди того, что напоминало семейную ссору» [62].

Организации и движения могут переживать болезненные моменты, что неизбежно. В целом, правило таково, что этому не стоит сопротивляться, а работать с этим. Чаще всего трансформации будут связаны с вопросами ненасилия. А что касается подобного несогласия, нам нужно найти способ построить движение сопротивления, несмотря на наши разногласия.

Построение радикальных движений осложнилось после появления молодежной культуры. Нарушение естественных связей (а может ли существовать более глубокая связь, чем связь между поколениями, связь между матерью и ребенком?) между молодыми и старшими означает, что политической мудрости негде накапливаться. Это также означает, что молодые никогда не воспитываются в настоящей культуре сопротивления. Ценности молодежной культуры – подростковое стремление отвергнуть все ограничения – предотвращают как развитие «культуры», так и развитие «сопротивления». Нет культуры, способной существовать без общественных норм, основанных на ответственности друг перед другом и некоторых принятых обществом способов применения этих норм. А «сопротивление» никогда не сподвигнется на большее, чем несколько разбитых окон, этот заманчивый плод подростковой стратегии и ее эмоциональной насыщенности.

Сегодня есть молодые люди, наделенные смелостью отчаянного бесстрашия, готовые на воинственные дела. Я постоянно получаю от них сообщения, каждый из них как вселяет в меня надежду так и опустошает меня. Потому что,

---

³⁵ Суфраж - наделение женщин избирательными правами.

несмотря на их шатания в поисках деятельности, у них нет руководства и поддержки. В этом глубокая ирония истории: контркультура романтиков, Вандерфогель, хиппи, созданные молодежью, оставила нашу молодежь на мели.

В то время как альтернативная культура «прославляет политическую отстраненность», она атакует общественные устои, мораль и ограничения. Все сводится к простому вопросу: мы ищем эмоции или справедливость? Проблема заключается в ограничивающих ценностях или в материальных условиях угнетения?

Помните, что одним из ключевых моментов либерализма является реальность, состоящая из идей и идеалов, а не реальность, состоящая из взаимоотношений власти и угнетения. Так что получение эмоций – это не только цель, свойственная подростковому уму, но и либеральная цель.

Политическая программа, заключающаяся в атаке на ограничения, а не на несправедливость, привела к серьезным последствиям в левых политических кругах, да и в общей культуре в целом отражаются «завоевания» этой атаки. Когда мужчины решают стать восставшими беззаконниками, от богемцев до Ангелов Ада, одна из первейших свобод, которые они себе присваивают, – это женщины. Маркиз де Сад, подвергавший женщин, девушек и мальчиков пыткам, которых он либо похищал, либо покупал, был воспет Гийомом Аполинером, основателем движения сюрреалистов, как «самый свободный дух в истории» [63].

Триумф порнографов – это победа власти над справедливостью, жестокости над эмпатией, барышей над правами человека. То же самое можно сказать об Уоллмарте и МакДональдсе, прогрессисты со мной радостно согласятся. Мы все понимаем, что Уоллмарт уничтожает местную экономику, неустанно подталкивая города и поселки по всем США к уже близкому концу. Уоллмарт также зависит от почти рабского труда китайцев, которые производят дешевое дерьмо, которое продает Уоллмарт. В конце концов, обязательность бесконечного роста прибыли, заложенная в капитализме, уничтожает наш мир. Никто среди левых не утверждает, что куча дешевого дерьма из Уоллмарта равняется свободе. Никто не защищает Уоллмарт, говоря, что рабочие, американские или китайские, хотят там работать. Левые понимают, что люди просто выживают, что любая работа лучше, чем никакой, что минимальная зарплата без бонусов – это причина для революции, а не повод защищать сами эти условия. Так же и с МакДональдсом. Никто не защищает то, что МакДональдс делает с животными, с землей, с рабочими, со здоровьем людей, с сообществом людей, а также то, что люди целыми днями, простаивающие над кипящим жиром, согласились потеть целыми днями или что нищие фермеры добровольно подписали контракты на работу почти без заработка на жизнь. Проблема не в согласии, а в социальных последствиях несправедливости и иерархии, в том, как корпорации становятся, по сути, оружием массового уничтожения. Сколько бы мы не сосредотачивали внимание на индивидуальном выборе, это нас никуда не приведет.

Проблема в материальных условиях, которые делают приобретенную слепоту лучшим вариантом для тех, кто работает на производстве микросхем в Тайване. Эти люди – живые существа. Левые заявляют, что права человека – это наш фундамент, наша Полярная звезда: мы знаем, что женщины на Тайване ничем от нас не отличаются, и если бы нашим лучшим вариантом была работа за гроши без перерывов на естественные надобности, то мы оказались бы в печальной ситуации.

А как насчет женщины, которой в задний проход засунули два члена? Это не преувеличение и не концентрация внимания на худшем, как в этом часто обвиняют феминисток. Двойной анал – это нынче стандартная штука в гондзо-порнографии; порнографии, ставшей доступной благодаря интернету; порнографии без претензий на сценарий; порнографии, которую предпочитает абсолютное большинство мужчин. Эта женщина, как и та, что собирает компьютеры, скорее всего получит пожизненные проблемы со здоровьем. На самом деле, женщина в среднем выдерживает три месяца гондзо-порно: вот насколько болезненные половые сношения там применяются. Любой, у кого есть мозг, а не только эрекция, поймет это с первого взгляда. Если провести пару минут наблюдая это, не мастурбируя, а действительно наблюдая, то вы, возможно, согласитесь с Робертом Дженсенем, что порнография – это то, «как выглядит конце света».

Но я не думаю, что порнография приведет к концу света, у меня нет апокалиптических заблуждений. И я не утверждаю, что порнография – самая страшная из наших нынешних социальных проблем. Напротив, предлагаю честно взглянуть на современную порнографию: мы увидим – показательно и образно – последствия угнетения в нашей системе. Порнография выглядит так, каким будет конец света, если мы не изменим ход нашей истории, погрязшей в патриархате, белом превосходстве, хищническом корпоративно-капиталистическом обществе. Представьте себе мир, в котором эмпатия, сострадание и солидарность – все то, что делает человеческое общество порядочным – полностью замещены эгоцентричным, эмоционально отстраненным поиском удовольствия. Представьте себе, что эти ценности первостепенны в обществе, образованном множественными иерархиями, где доминирование и субординация являются основным способом отношений и взаимодействий. С каждым годом углубляется мое чувство отчаяния, когда я вижу, куда направляется порнография и порнографическая культура. Это отчаяние исходит не из того, что множество людей способны на жестокость или что некоторые из них осознанно извлекают из жестокости удовольствие. Люди всегда имели дело с этим аспектом нашей психологии. Я прихожу в отчаяние от того, что люди больше не способны различать жестокость, жестокость стала нормой и, следовательно, невидимой для подавляющего большинства людей. А что происходит, когда для значительной части мужчин в нашем обществе подобная жестокость становится частью повседневной сексуальности, определяющей самые интимные моменты жизни [64]?

Все левые должны сопоставить эти факты и видеть целостную картину угнетения женщин, как делается во всех других случаях угнетения. Материальные условия, создаваемые мужчинами как классом (мир – это патриархат), означают, что избиение – это наиболее распространенное насильственное преступление в США. Каждая третья женщина подвергается изнасилованию, а каждая четвертая – иной форме сексуального насилия еще до 14 лет. Преступник номер 1 в сексуальном насилии над детьми носит имя Папа. Андреа Дворкин, одна из самых смелых женщин всех времен, понимала, что это все носит системный характер, а не индивидуальный. Она видела, что изнасилования, избиения,

инцест, проституция, репродуктивная эксплуатация – это все компоненты, работающие сообща и создающие «баррикаду сексуального терроризма» [65], внутри которой женщинам приходится жить. Перед нами, феминистками и членами культуры сопротивления, стоит задача не эротизировать эти компоненты, а разрушить эту стену.

В действительности, правые и левые вместе создают уютный мирок, который становится для женщин гробницей, построенной из раболепия и насилия. Критика мужского превосходства вызовет ответные обвинения в цензуре и скучном жеманном морализме, что характерно для правого крыла. Но с точки зрения женщины, правые и левые создают непробиваемую гегемонию.

Гейл Дайнс пишет: «Когда я критикую МакДональдс, никто не называет меня противником еды» [66]. Люди понимают, что критике подвергается ряд несправедливых общественных устоев вместе с экономическими, политическими и идеологическими компонентами, которые только углубляют проблему. МакДональдс не производит еду вообще, а производит промышленную капиталистическую еду ради прибыли.

Порнографы точно такие же. Они построили индустрию на сто миллиардов долларов в год, продавая не просто секс как товар, что уже само по себе омерзительно для нашей человечности, а предлагая сексуальную жестокость [67]. Это глубинная часть патриархата, то место, куда левые боятся заходить: мужское превосходство пользуется угнетающими действиями и превращает их в секс. Может ли быть большая награда, чем оргазм?

И, поскольку это все чувствуется нутром, порнографию и подобные явления защищают, называя их «природными», кроме тех редких случаев, когда феминистка имеет возможность защитить себя. Даже в обертке расизма порнография остается неузнаваемой формой угнетения для многих левых. Little Latina Sluts (маленькие шлюшки латиносы) или Pimp My Black Teen (поимей мою черненькую малолетку) вызывают не возмущение, а возбуждение у мужчин, потребляющих такой продукт. Основанное на сексе эротизированное обесчеловечивание, доминирование и иерархия тяготеют к другим иерархиям и находят уйму материала в расизме (многие эпизоды эротического и порно контента основаны на уже существующих формах подчинения и доминирования: образование, начальник-подчиненная, медицина...). Что из этого никогда не получится, так это равноправный мир, полный заботы и уважения, мир, которого якобы хотят левые.

В глобальном масштабе, обнаженное женское тело – слишком худое, чтобы вынашивать детей, и часто очень молодое – продается повсюду, является символом нашего времени и жестокой реальностью: женщины и девочки – номер один в продажах на глобальном черном рынке. Де-факто, целые страны строят свои бюджеты, учитывая прибыль от продажи женщин [68]. Рабство – это нарушение прав человека или сексуальное приключение? На что годится движение за социальные перемены, которое не способно решить этот вопрос?

Нам нужно настаивать на наших требованиях; нам это нужно, как людям, которых волнует свобода, причем не свобода ради угнетения, эксплуатации, обесчеловечивания, а свобода от унижения, насилия, от прославления такого насилия окружающей нас культурой.

Это моральное банкротство культуры, построенной на насилии (нарушении границ) и на лежащих в его основе привилегиях. Это легкая вариация на тему романтизма, где сексуальные желания заменяются на эмоции, как на состояние непосредственности, природности, привилегированности. Сексуальная версия – это прямое наследие богемцев, которые наслаждались публичными проявлениями «неповиновения, неводержанности, сексуального произвола». Большую часть этой этики можно отследить до маркиза де Сада, мучителя женщин и детей. И несмотря на это, его называют вдохновителем и образцом для таких писателей, как «Бодлер, Флобер, Швинберн, Лотремонт, Достоевский, Кокто и Аполлинер», а также Камю и Бартеса [69]. Камю писал: «Опередив на два столетия свое время... маркиз де Сад наложил крест на тоталитарные общества во имя необузданной свободы» [70]. Саду также принадлежат ранние формулировки по поводу стремления к власти у Ницше. Его этика в конечном счете стала «эротическими корнями фашизма» [71].

Ну что ж, пришло время выбирать. Предупреждения уже звучат, и их пора услышать. У студентов колледжей на 40% меньше эмпатии, чем 20 лет тому назад [72]. Если левые хотят поднять истинное сопротивление, сопротивление силе, разрушающей сердца, ломающей кости, уничтожающей реки и жизнь, то им придется послушать и наконец-то понять смелое пророчество поэтессы Адрианы Рич: «Без нежности мы в аду» [72].

Альтернативная культура 1960-х предлагала всеобщее восстание против общественного строя, ответственности и морали. Поскольку культура была молодежной и следовала примеру богемцев и битников, такой результат был ожидаемым. Но отрицание любого общественного устройства и ответственности в конце концов дает атомизованное общество, состоящее из отдельных людей, мотивированных исключительно собственным интересом, что выглядит как Номо есопотісис из капиталистической сказки. Полное отрицание понятий нравственности – это территория социопатов. У такого плана нет будущего.

Давайте возьмем сторонников альтернативной культуры в левом крыле. Добавим к этому уродство и авторитарность «семейных ценностей» правого крыла. Неудивительно, что левые перестали претендовать на нравственность. Но и это – ошибка. У нас тоже есть ценности. Война – это вопрос нравственности и нравственная проблема. Бедность – это нравственная проблема. Двести видов живых существ, исчезающих каждый день, – это нравственная проблема. За каждой несправедливостью стоит нарушение того, что мы воспринимаем как правильное. Неограниченная свобода личности на фоне отрицания нравственности и прославления произвола не может быть опорой движения за справедливость и не построит культуру, в которой стоит жить. Она даст властным еще больше привилегий: например, власть имущие станут богаче, а бедных как бы не станет, они будут лишь ресурсом. «Если приятно, делай» – это даже не территория подростков, а мораль карапуза. Для личности, наделенной привилегиями под любого рода соусом – Номо есопотісис, Номо боһемісис или Номо садеус – удовольствие сводится к дешевым волнениям, в то время как глубочайшие из человеческих радостей – близость, принадлежность, участие во всем от общины до Вселенной

– невозможны. Эти радости возможны только, если мы понимаем нашу потребность в других людях и существах, в конце концов во всей ткани жизни, а все они заслуживают нашей защиты и уважения. В ответ мы получаем награды, закономерно формирующие глубочайшее удовлетворение: от довольства общинной жизнью и дикого сексуального экстаза до благодного участия в таинстве.

Сегодня правые возлагают вину в разрушении семьи и общины на либералов. Истинным же виновником является, конечно же, капитализм; в особенности капитализм корпораций и массмедиа. Но до тех пор, пока левые отказываются бороться за наши ценности как за ценности (и воплощать эти ценности в наших жизнях и движениях), правые силы будут частично правы в таких своих обвинениях. И у них также будет потенциал для набора сторонников, который мы растрачиваем: люди знают, что гражданская жизнь и базовые общественные нормы вырождаются.

Капитализм наслаждается триумфом, когда правые побеждают в культурной войне, обвиняя левых в разложении общества. Но правые стремятся занять позицию нравственности, даже если за занавесом стоит не Содом и Гоморра, а корпоративный капитализм. И хотя левые, возможно, и видят проблему в капитализме, они отвергают нравственную позицию³⁶.

В США правят корпорации. Демократы и республиканцы – вот два крыла одной капиталистической партии. Ни одно из них не станет критиковать хозяев. На нас, на людях, которые превыше всего ставят права человека и жизнь на планете, лежит тяжелая обязанность – говорить правду. Нам нужно подняться над индивидуализмом и жить с пониманием того, что мы – единственные, кто защитит доброе в человеке от жесткой хватки капитализма, патриархата и индустриализма.

Мы можем начать с того, что соберем остатки общинности и гражданственности в США. Люди поколения моих родителей справедливо оплакивают исчезновение общинного доверия и участия, которое они когда-то переживали. Как пишет Роберт Путнам в своей книге «Боулинг в одиночку», «общественное доверие связано как с гражданским, так и с политическим участием таким образом, что они взаимно усиливают друг друга или ослабляют. Моя мама и ее подруги помнят наизусть адреса своих конгрессменов. Двадцать лет разницы – и я в лучшем случае знаю их имена. А как насчет поколения нынешних студентов? Они искренне рассказывают, как работает правительство: «Президент говорит конгрессу, что делать, Конгресс говорит Верховному Суду, что делать». Пройдет два поколения, и мы растеряем весь прогресс, достигнутый благодаря Магна Карта»³⁷.

С каждой минутой мы становимся все более тупыми, жестокими и подавленными. Оливер Джеймс называет ценности корпоративных медиа – афлюэнца³⁸, уподобляя их вирусу, который распространяется по всему обществу. Он указывает, что беспокойство, депрессия и пристрастия возрастают вместе с ростом неравенства в стране. Ценности, которые нужны, чтобы узаконить неравенство – это ценности, разрушительные для человеческого счастья и общин. Несправедливость требует, чтобы мы низводили людей и самих себя до «удобных товаров» [74]. Джеймс пишет: «Если ты смотришь на другого человека как на объект манипуляций, удобный для твоих целей, то близости уже нет, как в работе, так и в личной жизни. Так человек становится одиночеством, обуреваемый жаждой эмоционального контакта, восприимчивостью к депрессии» [75].

Как так вышло, что людям стало безразлично? Одно из объяснений марксистского культурного теоретика Антонио Грамши таково: чтобы угнетение срабатывало гладко, нужно передать идеологию угнетателей угнетаемым. Они не могут стоять над нами круглые сутки с оружием в руках. Такая передача идеологии должна быть добровольной и активно восприниматься, чтобы иметь влияние на все общество. Если доминирующий класс может сделать идеологию приятной, то тем лучше. Ничто не может справиться с задачей лучше, чем стимулирование пассивности, вызывание зависимости, технологии, изолирующие людей друг от друга: сперва телевидение, а затем Интернет.

Корпорациям удалось вынудить огромную часть населения забыть о ценностях и обычаях, которые делают людей счастливыми, действовать против собственных интересов, внушая нам новые мифы и ряд вариантов компульсивного поведения. Нет сомнения в том, что телевидение и другие СМИ вызывают привыкание, ведут к «приобретенной невосприимчивости, привыканию и растущему уровню возбуждения... необходимому для продления удовольствия» [76]. Очевидно, что людей захватывает кратковременное удовольствие, а долгосрочные потери громадны. Буквально тысячи исследований задокументировали вред телевидения для детей, и вот уже целая коалиция профессионалов, включая Американскую медицинскую ассоциацию и американскую академию педиатрии, в 2000 году обнародовали совместный доклад, в котором заявляют, что насилие в СМИ является серьезной угрозой общественному здоровью детей «с прогнозируемыми и долговременными эффектами» [77]. Американская академия педиатрии пишет в отчете: «Результаты детальных исследований однозначно указывают на то, что массмедиа вносят свой вклад в агрессивное поведение, ночные кошмары, страх получения травмы» [78]. Исследования связывают телевидение с депрессией подростков, расстройствами в питании и самоубийствами. Если уничтожение наших детей недостаточная причина, чтобы дать отпор, то что тогда должно ею стать? Как культура в целом, мы активно передаем воспитание молодежи в руки корпоративной Америки с ее, по сути, аморальными ценностями. В среднем ребенок проводит с родителями 2000 часов, а перед экраном 40 000 часов. Зачем вообще брать на себя заботу о детях?

Если культура – это ряд историй, которые мы все вместе пересказываем, то сейчас эти истории превратились в краткие звуки прибиты, подаваемые в виде мучительной и вызывающей привыкание досады, которая отгораживает нас от нас самих и даже от наших душ. Мегги Джексон пишет: «Наш образ жизни размывает способность к глубокому,

³⁶ Отвергают свой моральный долг вступаться за угнетенных искореняя угнетение.

³⁷ Первый исторический документ западной цивилизации, описывающий права человека.

³⁸ Афлюэнца – разновидность депрессивного состояния, присущего преуспевающим молодым людям; среди симптомов - потеря мотивации, чувство вины, одиночества.

постоянному, восприимчивому вниманию – основе близости, мудрости и культурного прогресса» [79]. Для молодых эта блокада может быть перманентной. Детям нужно переживать связь с родителями (бондинг), иначе они получат искажение личности³⁹, будут жить с нарциссизмом, как отшельники или психопаты. Они должны усвоить основные ценности, такие как сострадание, щедрость, обязанность стать функциональными членами общества. Они должны обладать мозгами, способными учиться, наблюдать, сомневаться, чтобы не только иметь богатый внутренний мир, но и быть способными что-то предложить миру в качестве участника демократического общества. У развивающегося ребенка бондинг, ожидания и ценности создают неврологические паттерны, которые остаются у него на всю жизнь. Их отсутствие оставляет невосполнимую пустоту. У мозга есть только одна возможность построить себя, только одна.

Работа родителя – воспитать ребенка как члена общества. До недавнего времени родители и дети находились в рамках общей социальной системы, где одни и те же ценности исповедовались как в обществе в целом, так и дома. Сейчас родителям говорят защищать своих детей от культуры в целом, что является невыполнимой задачей. Общество – это место, где все мы живем, разве что кроме тех, кто мечтает жить в Антарктике. Даже если вам удастся устранить все худшие излишества потребительства, насилия и женоненавистничества из ближайшего окружения ребенка, ему все равно придется покидать дом. Если культура настолько сильно отравляет, что ее влиянию нельзя подвергать своих детей, то нужно менять культуру.

Ценности, передаваемые через массмедиа, воспитывают в людях худшее. Если люди – объекты⁴⁰, то ни близость, ни общность невозможны. Если мы – лишь образ, то нам всегда будет нужно оказаться на экране, на виду. Невидимость для общества – своеобразная смерть для творений общества. Мы покупаем все больше, будь то машины с высоким клиренсом или блузки с глубоким вырезом, чтобы получить больше шансов быть увиденными как событие дня. Люди, окруженные культурой, состоящей из массы образов (как противоположность реальным людям), чувствуют себя обезличенными, отстраненными, раздробленными. Именно это подпадает под описание посттравматического синдрома. Добавим к этому сексуальное овеществление и унижение этих образов и получим девушек с посттравматическим синдромом, даже без эпизодов изнасилования в их прошлом [80]. Сама культура стала преступником.

Да, мы можем попытаться сделать себе и своим детям прививку против массовых медиа: как против их сообщений, так и их процессов. Но должно ли быть так, чтобы человек защищался от культуры, в которой живет? И что толку в добросердечных разговорах и придающих силу феминистских сказках, когда твой ребенок окружен не фанатами Gaia Girls⁴¹ а Girls Gone Wild⁴²?

Как смело пишет Тэт Мерфи [81],

«утверждать, что медиа являются в целом вредными и должны быть устранены (или предлагать значительное сокращение времени потребления контента) поначалу кажется абсурдом. Но это не больший абсурд, чем утверждать, что эпоха нефти и других горючих ископаемых прошла. Медиа, энергетика и корпоративный контроль развивались вместе. Нам нужны новые понятия и новые взгляды на мир, чтобы уйти от корпоративной инфраструктуры, построенной вокруг нефти, которая включает в себя и медиа».

Опять-таки, правые не обладают монополией на ценности. Мы можем отвергать авторитарность, конформизм, социальную иерархию, анти-интеллектуальность и религиозный фундаментализм. Мы можем защищать равенство, справедливость, сострадание, умственную вовлеченность, гражданскую ответственность и даже любовь от корпоративного джихада⁴³. Это наша обязанность.

В прошлом движения за социальную справедливость настойчиво требовали от своих рекрутов честности, верности и целостности в характере. Культура сопротивления, созданная испанскими анархистами, ценила нравственное поведение. Мюррей Букчин пишет: «Они были рабочими, мужчины и женщины, сознательно воздерживавшиеся от курения и алкоголя, избегавшие борделей и корриды, очистившие свою речь от грязных слов, и своей неподкупностью, достоинством, уважением к знаниям, воинственным духом старались дать нравственный пример целому классу» [82]. У нас может выйти хуже. Правые продолжают успешно винить левых в разрушении культуры и общины до тех пор, пока левые не смогут или не захотят твердо встать на защиту своих ценностей.

Возможно, пришло время защищать понятие нравственной ценности труда⁴⁴. Альтернативная культура 1960-х частично была реакцией на конформизм 1950-х и его покорность авторитетам. В 1959 году моя мама и ее друзья решили

³⁹ Особого рода паттерн поведения, характеризующийся глубокой интеграцией, плохо поддающийся влиянию, обычно проявляется в подростковом возрасте и в долгосрочной перспективе делаящий невозможной интеграцию личности в общество.

⁴⁰ Субъект – тот, кто воздействует, вершитель, активная сторона взаимодействия, по отношению к объекту является манипулятором. Объект – тот, на кого оказывается воздействие, жертва манипуляций, низший по отношению к субъекту. Тут также подразумевается овеществление, субъективация.

⁴¹ Гайя – женское имя души нашей планеты согласно различным легендам.

⁴² Girls Gone Wild – одичавшие девочки – образ, встречающийся, в частности, в одной из песен Мадонны, проповедующей насилие, индивидуализм, месть.

⁴³ Автор ссылается на священную войну мусульман против немусульман, подобную той, которую ведут корпорации против всех неугодных, неудобных и уж тем более несогласных.

⁴⁴ Work ethic – исходно религиозный принцип, согласно которому труд сам по себе является благодетелью и достоин награды.

основать подпольную газету в своей школе. Каким был их первый шаг? Они пошли просить разрешения у директора. Он отказал. Они оставили затею. Неудивительно, что случились 1960-е.

Альтернативная культура основывалась на той предпосылке, что, по сути, никто не должен делать ничего, чего ему не хочется делать. Основная часть их восстания была отрицанием нравственной ценности труда, всегда представляемой как протестантская ценность. Но если довести этот принцип до его логического конца, то (альтернативная культура) это позиция паразита. Молодые люди-недоучки получали деньги на образование либо от родителей, либо от друзей, которые, в свою очередь, получили их от родителей или от государства. Я видела немало таких протестов и альтернативных общин, выживавших на «халаяве». Я сидела на диванчиках с крысами, ела блюда, от которых заработала гастроэнтерит, и узнала (хорошо, что не лично), что если задница чешется на закате, то это острицы. Я видела, как огромные ресурсы тратились понапрасну – дома рушились от старости, землю отбирали – все за простой отказ выполнять простые взрослые действия вроде уплаты налогов. Я не знаю, что хуже: привилегии, которыми себя наделяет эта культура, или глупость, запах сараев, немытых тел или марихуаны.

Восстание против нравственной ценности труда – это еще одна типичная черта молодежной культуры. Желудочковый стритарный узел, являющийся центром мотивации в мозгу человека, не очень хорошо работает в подростковом возрасте, из-за чего подростков часто обвиняют в ленности. Это означает, что нормы в молодежной культуре всегда тяготеют к беспорядочным дням без ожиданий и целей. Это также означает, молодежная культура и марихуана – плохое сочетание.

Война против наркотиков отвратительна. Она с особой силой разрушает сообщества цветных и усложняет жизнь тех, кто действительно борется с болью при помощи марихуаны [83]. Применение конопли в медицинских целях при целом ряде заболеваний, некоторые из которых, такие как аутоиммунные заболевания, угрожают жизни. Те, кому нужна конопля, должны иметь возможность ее получить, а общество в целом жило бы лучше, если бы ее легализовали.

Но наркотики и алкоголь давно стали страшным изъяном как для культуры активизма, так и для угнетенных обществ. Я видела, как моих любимых разьедала зависимость, медленная смерть, которую мне не остановить. Я с большой симпатией отношусь к панкам стрейт-эдж (ответвление панк-культуры, пропагандирующее отказ от вредных привычек и вегетарианство). В свои 14 лет я уже четко понимала, что для борьбы мне будет нужно две вещи: светлый ум и сердце воина. Наркотики разрушают первое и отупляют второе. Я зареклась от употребления наркотиков и никогда не пожалела о своем решении.

Зависимость от наркотиков и алкоголя разрушающе воздействует на угнетенные сообщества и на культуру сопротивления. Результаты такого влияния достигают такого размаха и такой глубины, что проявляются самовлюбленность, недостаток мотивации, а разорванные синапсы формируют целую прослойку общества из людей, почти постоянно прикованных к дивану. Наркотики и алкоголь никак не помогают нам, когда требуется самоотдача, упорный труд и самопожертвование – основы любой культуры сопротивления. Наркоманам не место на передовой сопротивления, так как наркоман всегда ставит на первое место свою зависимость. Всегда!

Я стала совершеннолетней в лейсбийской общине уже после Стоунвола⁴⁵, в общине, которая признавала ту роль, которую алкоголь играл в разрушении жизней геев и лесбиянок. Мы старательно избегали баров как мест встреч и нас часто называли «воздержанки». Это и были акты общинной самопомощи, которые связывались с выживанием и сопротивлением. Это была важная часть этики, ее понимали и принимали. Группы активистов коренных народов Америки также призывают к подобному: наркотики и алкоголь приносят так много вреда, что их можно считать оружием геноцида. Радикальные левые тоже могли бы последовать этим свежим примерам и считать этику трезвости как коллективной заботой о себе, так и сопротивлением. Нам нужны мозги каждого. Если наша цель – это серьезное сопротивление, то нам нужна целеустремленность, надежность и преданность. Нам нужно знать, что наши товарищи на передовой непоколебимы как скала. Нам нужна культура с нравственными и поведенческими нормами, чтобы построить сообщество, способное выжить. Простого понимания того, что такое пристрастие, какие его симптомы и варианты лечения, недостаточно, чтобы помочь страдающим и обезопасить силу наших групп.

Связанная проблема – это общая апатия, усталость, вызываемые плохим питанием на фоне вегетарианских и веганских диет. Один исследователь альтернативных общин пишет: «...деятельность многих деревенских групп ограничена частичной занятостью в роли фермеров. Часто их вольная атмосфера способствует ослабляющему гипотиреоидному ничегонеделанью, которое выглядит как полная противоположность фанатичной занятости их родителей» [84].

Именно таким и бывает состояние, вызываемое диетой, популярной в левых кругах. Этика еды, лишенной белков и жиров, возможно, и удовлетворяет идеологию, но не биологические потребности, обусловленные строением человеческого тела. Наши нейротрансмиттеры (передатчики нервных импульсов) – химические соединения мозга, дающие нам ощущение спокойствия и счастья, синтезируются из аминокислот, а аминокислоты – это белки. Например, серотонин производится из триптофана. Мы не способны производить триптофан, мы можем лишь употреблять его в пищу. Та же ситуация и с эндорфинами и катехоламинами (катехоламины – органические соединения класса фенолов, играющие роль медиаторов биохимических процессов в живых организмах). Чтобы наш мозг вообще функционировал, нам нужно есть белок. И без жиров нам тоже не обойтись. Вы, возможно, замечали, что в природе белок и жир «упакованы» вместе. Чтобы ваши нейротрансмиттеры работали, обязательно нужно употреблять в пищу жиры. Именно поэтому люди, сидящие на диетах с низким содержанием жира, в два раза больше рискуют заболеть депрессией, покончить жизнь самоубийством или умереть насильственной смертью. Если вам нужны еще причины, чтобы начать есть

---

45 Stonewall Inn Riots – бунты, являвшиеся частью борьбы за права ЛБГТ.

настоящую пищу, то учтите, что все половые гормоны синтезируются из пищевых жиров⁴⁶. Прошу вас, употребляйте их в пищу хотя бы понемногу. А диета, основанная на постоянном употреблении углеводов, напротив, вгоняет людей в депрессию, страх, раздражительность из-за скачков сахара в крови, что, по сути, резюмирует всю мою юность. Автор очень уместно упоминает слово «гипотиреоидный»: описание как раз в точку. Соя чаще всего является единственным приемлемым видом белка в меню⁴⁷. В достаточно больших количествах, как например в случае употребления в качестве источника белка, а не в качестве приправы, она может подавить и даже уничтожить щитовидную железу.

Я побывала на слишком многих обедах вскладчину, где поедали темный рис, выловленные на мусорках манго, вечные чипсы и хумус (паста из нута). Я чувствую, как моя прабабушка в ужасе переворачивается в могиле: почему мы кормим друг друга едой для бедных? Это как раз тот редкий случай, когда я жалость жалость к мужчинам, когда смотрю, как они постоянно, не меньше 4–5 раз, подходят к моему столу с говядиной, выращенной на траве с луком и просят добавки. Они в отчаянии. Они, возможно, и получают свою суточную дозу калорий, но они голодают. Мужчины склонны испытывать особую тягу к белкам, так как их потребность в белке выше: тестостерон означает, что у мужчин больше мускулов, чем у женщин, а мускулы строятся из белков. Женские тела тянутся к жиру, поскольку они построены так, чтобы накапливать жир для беременности и кормления. Нынешние анорексические стандарты красоты являются эффективным инструментом патриархата и капитализма, указывающим на глубоко укоренившееся в нашей культуре стремление к смерти. Люди поклонялись женской полноте – а поклонение было как духовным, так и эстетическим – с тех пор как мы создали искусство и религию. Первые творения человеческого искусства почитали те жизни, которые обеспечивали нашу возможность выживать: крупных жвачных животных и женщин, выносивших нас.

Мы должны перестать ненавидеть тех животных, которыми мы сами являемся. Только идеологические фанатики (а я была фанатичной веганкой на протяжении почти 20 лет и могу позволить себе такие высказывания) способны придерживаться такого телесного наказания, и не важно как долго. Любой другой будет «срываться» и чувствовать себя виноватым в собственных нравственных и даже духовных падениях, не понимая причин этих «падений». Ответ прост: наши тела были сформированы в период палеолита и остаются таковыми, а значит, нам нужна палеолитическая еда. В борьбе с эволюцией нам не победить. Вы не просто так хотите жиров и белков, не просто так чувствуете усталость в мышцах, а в голове туман, не просто так переживаете серую тяжесть депрессии. Растительная пища не обеспечивает тело и мозг веществами для поддержания и исцеления в долговременной перспективе. Этот фактор уже несколько поколений тяжело сказывается на рядах левых сил.

Последнее различие между альтернативной культурой и культурой сопротивления – проблема духовности.

Вспомните, что движение романтиков (романтизм), возникшее из сопротивления индустриализации, восхваляло природу как идеал и оплакивало потерю людьми «природного состояния».

Преимущество отдавалось эмоциям, непосредственным и аутентичным. Считалось, что люди вне цивилизации жили в том самом чистом природном состоянии. Вандерфогель идеализировал средневековых крестьян, поощряя любовь к туникам, народной музыке и замкам. Кейт Мелвил писал:

«Как и ожидалось, такое влечение так никогда и не стало надежным союзом. Со всеми их размытыми понятиями о солидарности с народом, немецкая молодежь недолго оставалась с крестьянами и не вступилась за них на политической арене. Кем крестьяне стали, так это символом и примером, который отточил несогласие немецкого молодежного движения против массовой культуры, против современности, против индустриализованного города и прогресса» [86].

Когда субкультура была перенесена в США, уже не было никаких крестьян, примеру которых Ребята Природы могли бы следовать. Крестьянские блузки и другие элементы одежды нашли себе применение, а реальное бремя эксплуатации легло на коренные народы Америки и негров. Примитивизм, ответвление романтизма, формирует имидж коренных народов так, будто они вне времени и истории. Как я уже описывала в начале главы, такая позиция не наделяет коренные народы человеческим обликом, игнорируя тот факт, что они тоже создают культуру. Примитивизм видит в «диких» племенах детскость, сексуальную разнузданность, единство с миром естественного мира природы. Коренные народы могут быть либо мирными, либо непринужденными в своей жестокости, в зависимости от склонностей белого наблюдателя. Именно по этой причине Джек Керуак мог написать:

«Сиреневым вечером я шел, несмотря на боль в каждом мускуле, среди огней 27-й и Уэлтона в цветных кварталах Денвера, желая быть черным, чувствуя, что лучшее, что белый мир мог мне предложить, не могло принести мне восторга, мало жизни, радости, ударов, тьмы, музыки, недостаточно музыки, недостаточно света» [87].

Он предпочел бы быть черным? Правда? Он предпочел бы иметь больше шансов попасть в тюрьму, чем в колледж? Он предпочел бы рассчитывать на 1/38 часть богатства белых? Он предпочел бы водометы и линчевание за право голосовать? Это романтизм в самой агрессивной его форме, полное стирание болезненной реальности жизни угнетенного общества, которое оно вынуждено переносить ради умственных зарисовок привилегированных. В крайней степени отвратительно, что это слишком распространено в альтернативной культуре.

Присвоение религиозных практик американских индейцев стало таким распространенным, что в 1993 году старейшины выступили с заявлением про «Объявление войны против эксплуататоров духовности народа Лакота». Декларация получила единогласную поддержку среди 500 представителей племен и групп Лакота. Заявление было

⁴⁶ Здесь и в других местах автор имеет в виду насыщенные жиры животного происхождения, богатые жирными кислотами Омега-3, что обеспечивает баланс, невозможный при употреблении любых растительных масел. В другой своей книге автор основательно развеивает миф о вреде холестерина, так называемую «липидную теорию», согласно которой холестерин является виновником сердечно-сосудистых заболеваний.

⁴⁷ Речь идет о политических и нравственных убеждениях вегетарианцев, которые полагают, что они могут избавить животных от страданий, а мир от несправедливости, если они лично воздержатся от употребления мяса.

предельно четким: белые, злоупотребляющие духовными практиками Лакота, настолько деструктивны, что это можно назвать геноцидом Лакота. Старейшины говорили ясно и отчетливо, и даже повторно утвердили свое заявление. Нам нужно было усвоить это уже в детсаду: не брать чужого. Культуры других народов – это не супермаркет, куда привилегированные могут прийти и выбрать.

Американцы живут на ворованной земле. На земле, принадлежащей людям, все еще пытающимся выжить, несмотря на непрекращающийся геноцид. Эти люди – не какие-то остатки далекого и таинственного доисторического состояния природы. Они живут тут, и их атакуют каждый день. Среди коренных народов Америки наблюдается самый высокий процент алкоголизма, самая низкая рождаемость, самый высокий процент самоубийств, самая низкая средняя продолжительность жизни. Их разрывают на части со всех сторон.

Давайте учиться на ошибках Вандерфогель. Их интерес к крестьянам не имел никакого отношения ни к реальным условиям их жизни, ни к такой востребованной солидарности и преданности сельской бедноты. Этот интерес имел непосредственное отношение к их собственным привилегиям и аппетитам. Исходя из многолетнего опыта современной альтернативной культуры, мало что изменилось. Люди, перенимающие священные символы коренных народов Америки (трубка мира, инипи), делают это для удовлетворения своих субъективных нужд, даже вопреки открытым протестам индейцев. Такие евроамериканцы могут даже претендовать на антирасистскую сущность своих действий. Поразительно, как им удается вывернуть реальность наизнанку. Не важно, сколько людей испытывают на себе притягательность какой-то своей вариации на тему духовности коренных народов, и не важно, насколько они ценят ритуалы омовения паром (которые, скорее всего, проводят пластиковые шаманы).

Ни одна из субъективных потребностей не перевешивает желаний владельцев культуры. Они ответили отказом. Уважение начинается с восприятия отказа и, по сути, невозможно без такого восприятия. Просто потому, что что-то тебя сильно трогает, задевает болезненную пустоту в твоей жизни, не дает тебе разрешения (брать это). Как и в случае с Вандерфогель, современная альтернативная культура практикует подход, который никак не назовешь солидарностью и политическим участием в жизни индейцев. Напротив, суть ее в том, чего хотят белые люди, на что они дают себе право. Они хотят получить переживания от омовения паром. Они не хотят заниматься тяжелой и часто скучной работой ради восстановления и справедливости. А если, совершая такую работу, старейшины пригласят тебя принять участие в их религии, то это будет их решение.

У многих людей есть тяга к духовным практикам и духовному сообществу. Очевидных и достойных ответов на эту потребность у евроамериканцев нет. Большую часть радикалов отпугивают авторитеты, милитаристское женоненавистничество авраамических религий. В левом крыле каждой такой религии часто собираются радикалы, такой вариант есть и нет необходимости проверять себя на трезвость мышления на входе туда: ты сразу видишь рабочее сообщество. Но многих из нас основы этих религий все же слишком отталкивают и они воспринимаются как, откровенно говоря, неподдающиеся реформированию. У этих религий за столетия накопились доказательства того, какого рода культуру они могут создать, а результаты доверия не внушают.

Далее следуют язычники и поклонение Богине⁴⁸. В отличие от авраамических религий, они предлагают видение мира, которое больше подходит радикалам. Некоторые из них верят в пантеон сверхъестественных существ и обнаруживают вызывающую тревогу степень внимания к мелочам жизни верующих. Другие язычники верят в анимистические силы: все сущее живет, имеет сознание и священно. Но там, где теология подходит, практика не оставляет от этих религий камня на камне. Возможно, они и основаны на древних рисунках, однако духовные практики язычества – новые и созданы урбанистами в современном контексте. Ритуалы дают ощущение неловкости и даже растерянности. Нам не стоит отказываться от этого проекта: в конце концов нам нужна новая легенда о Вселенной и религиозные практики, помогающие людям сохранять связь с нею. А вот новые религиозные практики не обладают ни глубиной традиций, ни живыми сообществами, где бы они могли со временем развиваться.

Чтобы понять, почему заблудились язычники, возможно, стоит обсудить значение духовных традиций. Существуют, по всей видимости, три компонента: связь с божественным, связывание общины воедино и подкрепление присущей культуре этики. Какие формы священного ищет субкультура и какими путями намеревается их достигнуть? Достаточно большая община, чтобы включать в себя все от исцеления кристаллами до кельского викканства^[41], даст множество разнообразных и конкретных ответов. Но в целом, духовный импульс оказался перенаправленным из мира духовного в мир психологии, что является полной противоположностью религиозного опыта.

Но как его ни назови, священное – мир, не поддающийся описанию человека, что Вильям Джеймс корректно описал как «невыразимое». Религиозный опыт заключается в «преодолении привычных ограничений между индивидуумом и Абсолютом... в мистических состояниях мы как бы вступаем в связь с Абсолютом, так и приходим к осознанию своей отдельности» [88]. Он описывает этот опыт как «рост, единство и освобождение» [89]. Джеймс предлагает потрясающе точное определение этого неопишуемого опыта. Но духовный рост, единство и освобождение не приходят от сосредоточения на психологии. Мы испытываем эти три чувства, когда покидаем темницу нашей личной боли и радости и соединяемся с таинством, оживляющим все. Стрела, духовный путь, нацелена наружу, а не внутрь. Однако, как все способное дать нашим жизням силу и смысл, духовная жизнь (равно как и духовные сообщества, которые она жаждет и созидает) была уничтожена диктатурой капитализма. Наше внимание направлено исключительно на нас самих, как будто на какой-то проект, дает в результате не только предсказуемый нарциссизм, но и противостоит любой достойной религии. Весь смысл духовных практик – переживание чего-то, находящегося вне наших потребностей, страданий и чаяний.

⁴⁸ http://en.wikipedia.org/wiki/Goddess_movement

Десять лет назад я посетила воркшоп под названием «Возвращение Великой Богини». Уже тогда я с подозрением относилась к таким мероприятиям, но там был один ученый, которого я хотела послушать. Описание, во всем множестве слов, предлагало то, что многие люди хотели услышать: поддержку, общину, облечение силой, облегчение после боли и отчуждения, связь с собой, с друг другом, со Вселенной. Это нормальные потребности, и я не хочу унижить никого, кто борется с одиночеством, изоляцией или травмой. Моя критика направлена против типичных для неоязычества ложных путей.

Музыка из СД-проигрывателя мягко отбивала ритм в затемненной комнате.

Сотне людей сказали закрыть глаза и представить путешествие назад во времени к древней праматери в пещере. Мне, по правде сказать, был не понятен смысл всего этого, но я не хотела «становиться в позу» по отношению к духовности еще практически не начав практику, так что я визуализировала. Нам выдали по маленькому кусочку глины. Было запрещено разговорами прерывать священный техноритм. Нам предложили слепить что-то из глины. Ладно. Сейчас март, а я садовница: я сделала стручок. Время размеренно бежало вперед. Ритм музыки вызывал скорее путаницу, а прозрение. И вообще, сколько времени нужно, чтобы сформовать что-то из кусочка глины размером с кексик. Я ждала, ритмичная музыка продолжала стучать. Наконец, нам сказали разломать наши изделия на крошки. Ладно. Я превратила мой стручок в крошки и вернулась к ожиданию и моей внутренней борьбе с демонами занятой мной позиции. Скука раздражает. А еще, скука очень сильно раздражает. Я не хотела глядеть по сторонам – все сидели согнувшись с такой серьезностью, что меня это сбивало с толку – но меня вся эта ситуация уже больше озадачивала, чем раздражала. Я что, пропустила тот момент, когда они сказали: «Разружьте вашу скульптуру кусочек за кусочком»? Наконец наступил момент восторга: дальнейшие инструкции. «Снова слепите вашу скульптуру», донесся приглушенный голос. Что? Зачем? Я не особо хотела делать мой первый стручок. Я должна слепить его еще раз? А между тем, барабаны все били и били, отбивая ритм моей нарастающей скуки, и опять, все головы вокруг меня склонились над кусочками глины, будто в Шестой день в саду. Я снова сформировала стручок, примерно за 6 секунд, и прождала еще вечность. Я вознамерилась «серьезно поговорить» с тем товарищем, который изобрел барабан.

Затем свет понемногу стал ярче, озаряя ночь скучающей души. Нас быстро разделили на группы и дали следующие инструкции: «Поговорите о том, что вы только что пережили».

Поговорить о... чем? Я сделала мой стручок. Я раздавила мой стручок. Я снова его сделала. Затем свет стал ярче, а я старалась не сойти с ума от скуки.

К счастью, я была седьмой в круге, что дало мне возможность понять правила и логику происходящего. Обитатели Страны Психологических Ритуалов отлично знали, чего от них ждут. Первой была женщина за пятьдесят. Не помню, что она сделала из своего кусочка глины. Помню, что она сказала: уничтожение фигурки всколыхнуло в ней воспоминания о самой страшной потере в ее жизни, смерти ее маленькой дочки. Она плакала над своей глиной, рассказывая об этом нам, группе совершенно незнакомых людей.

Следующая сказала, что это был ее развод, что разламывание фигурки означало конец брака. Она тоже плакала.

Для третьей разламывание глины было уничтожение ее детства, когда брат изнасиловал ее в возрасте пяти лет. Она дрожала, но не плакала.

Для четвертой женщины все вращалось вокруг ее борьбы с раком.

Дальше я уже не слушала, я стала думать о том, что я расскажу этим людям [90]. Я тоже дошла до критической перегрузки. Не из-за боли в тех историях (за годы активизма и борьбы против насилия мужчин я выработала эмоциональный навык справляться со вторичной травмой), а из-за того, что боль их жизни заслуживала уважения, которое тот воркшоп активно уничтожал. Это было театрализованное представление боли, удешевлявшее горе и утраты, что я находила отвратительным. Насколько неподдельными были переживания тех женщин, если их реакции были чуть ли не на рефлексорном уровне, как у собак Павлова, но вместо слюны у них текли слезы. Разломай фигурку – почувствуй горе. Не зная ожиданий, не натренировавшись в воспроизведении эмоций по команде, я чувствовала себя ничтожной, вне себя от досады во время упражнения, а во время «обратной связи» чувствовала некую смесь беспокойства, неловкости, жалости и отвращения. Мне не было дела до таких историй. Мы не были знакомы. Я не просила их о ранимой открытости и не заслуживала ее. Откровенничать про наихудшие печали своих жизней – значит, оскорблять как саму боль человека, так и природные связи человеческого общества. Это не было фактическим раскрытием фактов: «Я потеряла своего первого ребенка, когда она была еще очень маленькой» – это полноформатное высказывание скорби и оно неправильное.

Истинная близость с собой и другими померкнет при таком обнажении. Близость требует медленного накопления взаимного здоровья между людьми, которые соглашаются на взаимоотношения, непрерывная связь из заботы и внимания. Шоу боли – это, по сути, бондинг, психическая привязка на основе травматического опыта, а люди склонны к зависимости от эндорфинов. Это что угодно, но не духовный опыт. Это даже не хорошая психотерапия, так как она напрочь отделена от рефлексии и ведения. Если вы намерены изучить то, как сформировалось ваше прошлое и как оно влияет на ваше будущее, то как раз для этого существуют друзья, и ради этого работают сертифицированные профессионалы.

Этот «ритуал» был, опять-таки, продуктом подросткового мозга и альтернативной культуры 1960-х, что отчетливо отразилось во всей культуре воркшопов ею порожденной. Никогда стук барабана не превратит одержимость собой и эмоциональную насыщенность в опыт, который Рудольф Отто назвал «непостижимое». Он никогда не создаст жизнеспособную общину. «Мгновенная община» так же противоречива, как и «быстрая еда», и в такой же степени питательна.

Я ходила за покупками для человека, недавно перенесшего операцию, отвечала на звонки в 2 часа ночи, чтобы предотвратить первый глубокий запой у друга и приглашала гостей умирающих друзей. А еще я праздновала все на

свете – от свадеб до выхода очередной книги о Гарри Поттере. Истинная община создается временем, уважением, участием; это означает, попросту говоря, заботу о тех людях, которым ты предан. Этика сценического представления, напротив, является самоописательным нарциссизмом, что противоположно этике общины, а ее сценарная насыщенность – лишь гонка за ощущениями. Почему кто-то вообще может захотеть превратить это в религиозную практику?

Я знаю массу подобных примеров, чтобы все еще надеяться. От наихудших примеров меня коробит (белые люди получили приглашение на инии, а я – лишь это жалкое оскорбление?). Меня делали участником индейских ритуалов, и я наблюдала мерзкое поведение неоязычников и альтернативщиков. Вообразите, что вас пригласили на католическую мессу. Стали бы вы кататься по полу и благим матом звать маму в тот момент, когда католики приближаются к месту причастия? И стали ли бы вы оправдывать свое поведение, как якобы самоочевидный «катарсис» или «разрядку» и «исход силы»? Когда это поп-психология вознеслась до уровня обязательной части любой религиозной практики? Неужели мне действительно нужно объяснять, почему обычные люди никогда не стали бы вести себя так во время своих или чужих священных ритуалов. Они бы скорее предпочли умереть, чем делать подобное гольшом. Их чувство собственного достоинства, долгие паузы тишины, смирение перед лицом таинства, все ведет к активной восприимчивости духовного мира и того, что его населяет. Эндорфиновая гонка сценического толка – это попытка ухватить пустую насыщенность, которая никогда не выведет человека из его «я» в вездесущее. Такая попытка никогда не усилит этику общины или межличностные связи, разве что кроме тех случаев, когда это этика строится вокруг самодовольного и все более помпезного гедонизма, что уже само по себе обрекает ее на неизбежный провал.

Итак, мы остались наедине с некоторыми реальными и насущными потребностями людей и невозможностью их удовлетворить. Многие из нас прошли свой путь через серию духовных сообществ и практик и обнаружили, что ни одно из них нас не устраивает. Моя попытка изобличить присвоение культуры в альтернативных течениях была встречена враждебно. Мое огорчение уступило место принятию. Силы сбивающие с толку попытки сделать евроамериканцев и других коренным народом Америки работали еще со времен Вандерфогеля. Мне не удастся обнаружить или создать подлинную и достойную духовную практику или общину, пока я жива. Я успею лишь изложить мое видение проблем и, возможно, какие-то подсказки и надежду, что со временем появится нечто лучшее.

В людей на генетическом уровне зашита потребность в духовном экстазе. Мы – голодные животные, которых нужно учить скромному и уважительному участию в циклах смерти и возрождения, от которых зависят наши жизни. Мы – общественные животные, которым нужны воспитывающие и направляющие нас нормы поведения, чтобы формировать наше мышление и направлять поведение, при условии, что мы хотим жить как часть достойной культуры. Мы – страдающие индивидуумы, подверженные лишениям и смерти, предсказуемо ищущие утешения и благодати. А еще мы ищем красоту. «Музыка полета» вызывает у большинства людей выработку эндорфина. И чтобы согласиться с большей частью вышесказанного, не обязательно верить во что-либо большее, чем физиологию.

Некоторые белые люди говорят, что они хотят «вновь стать коренным народом», хотят духовной связи с землей, на которой живут. Это требует построения отношений с этой землей. А это место, по сути, является миллионами творений, большая часть из них скрыта от невооруженного глаза, работающих все вместе, чтобы творить жизнь, больше жизни. Некоторые из них создают кислород, другие почву, кто-то созидает среду обитания, как бобры создают заболоченные территории. Возвращение к природе (превращение в коренного жителя) означает предложить им всем дружбу. А это означает, что нужно познакомиться с ними, с их историей, радостями и печалью. Это значит – уважать их границы и преданно защищать их. Это значит – научиться слышать, что требует выключения внутреннего диалога и статичности собственного эго. Возможно, тогда они ответят нам и даже предложат помощь. Сейчас все они под ударом: каждый биом, каждое живое сообщество разрывают на куски по 200 видов за раз. Я уже 30 лет пытаюсь вникнуть в тайну того, как неоязычники якобы поклоняются природе и, за редкими исключениями, безразлично относятся к ее защите. Есть лишь размытый либерализм и нет громогласного призыва к действию. Тут требуются перемены, если эта неоперившаяся религия претендует хотя бы на какую-то нравственную опору в священности земли. Если священное не заслуживает защиты, то что тогда заслуживает.

Опять-таки нам, отдельным личностям и движению в целом, предстоит сделать выбор. Если наша задача – создать культуру сопротивления, тогда каждый ее элемент должен поддерживать политическое сопротивление и постоянно утверждать наши ценности в поведении на уровне общины и на личностном уровне. И духовность движения может быть важным элементом. Практическое единение людей и других существ, с которыми мы вместе живем на Земле, восстановление этих взаимоотношений может придать силы и преданности самой борьбе. Такого рода духовность могла бы также, будем надеяться, направлять нас в создании такого образа жизни, который основывался бы на важных нам ценностях, таких как сострадание и равенство. Она могла бы вновь утвердить нас на роль скромных участников наших человеческих сообществ, наших сообществ живых существ и Вселенной. Она могла бы направлять нас во всем – от социализации детей (интеграции их в общество) до взаимодействия в рамках нашей материальной культуры. Одна из функций религии – формирование нравственного кодекса конкретного общества в рамках такой идеологии, которая простирается от одной личности до необъятной Вселенной. Нравственный кодекс может принуждать к подчинению авторитетам всего общества, а может призывать нас бороться с несправедливостью: мы легко найдем примеры как одного, так и другого, даже в одной и той же религиозной традиции. Религиозное проклятие (анафема) ростовщичества, для примера, столетиями хранила европейские страны от худших кошмаров капитализма и все еще стоит на пути капитализма в мусульманском мире. Невыплата рабочему его заработка была грехом, криком о несправедливости, доносившимся до небес. Таким же был и грех Содомы.

Неоязычество все еще пытается нащупать свои нравственные ориентиры наряду с общественными нормами и религиозными практиками. Это, возможно, слишком разношерстная группа, чтобы быть сообществом. Этот упор на

плюрализме, вероятно, и дает интеллектуальную и эмоциональную гибкость, которой монотеистические религии, в особенности те, в которых есть авраамическое «нет бога выше меня», никогда не достигнут. Это может подчеркивать качество индивидуальной осознанности, а не индивидуальных привилегий, если имеется правильный контекст. Время, проведенное в поисках в интернете, привело меня к интересным обсуждениям. Джун, по всей видимости, объявила месячник языческой нравственности. Я – не единственная, кто чувствует отчуждение при виде нравственных стандартов и поведения в массе языческого движения. Семьи с детьми переживают проблемы, женщины сыты по горло мужскими угрозами и изнасилованиями на публике во время ритуалов, а еще люди поняли, что алкоголь и ритм барабана приводят человека в состояние бесцельного транса. Наблюдаем целый ряд неудовлетворенных потребностей, которые не получают своего ответа в обозримом будущем.

Наследие Вандерфогель в лучшем случае – пустышка, когда оно применяется к самым глубоким желаниям, на которые мы только способны, желаниям религиозного импульса. Кража чужих символов и церемоний эгоистична и аморальна, подростковое увлечение собой и театральность не могут взрастить крепкую и устойчивую общину, а тренировка навыка эмоциональной насыщенности и драматизма никогда не подготовит нас к великому и нежному причастию, которое приведет нас домой. Надеюсь, что эта дискуссия способна помочь в построении чего-то более полезного и благодатного. Нам нужна эта новая религия, чтобы помочь нам исправить этот мир, укоренить каждую человеческую жизнь в целостный круг индивидуальной совести и желаний, единение сообщества, связать множество членов этого племени по имени углерод и, в конце концов, наше надежное место в чреве таинства.

Сущность сопротивления проста: власть, несправедливая и аморальная, получает отпор и свержается. Более сильным отказывают в их праве причинять страдания менее сильным. Доминирование заменяется равенством, изменением или сменой общественных учреждений. Такое изменение в результате формирует новые человеческие взаимоотношения как в межличностном плане, так в обществе в целом.

Большая часть населения никогда не присоединится к реальному сопротивлению. Мы – социальные существа и, по определению, нам трудно идти против стада. Именно так успешные системы угнетения эффективно подавляют человеческую способность к сопротивлению. Андреа Дворкин сказала: «Феминизм требует именно того, что женоненавистничество уничтожает в женщинах – неодолимую смелость в противостоянии мужской власти» [91]. Людей, потенциально способных на сопротивление, мало. Конформизм вознаграждает и наделяет привилегиями, а сопротивление приносит наказание и отчуждение. Большинство людей психологически не соответствуют требованиям, обязательным для участия в сопротивлении. И чем скорее мы это поймем, тем лучше.

На индивидуальном уровне мы можем перестать тратить время на разговоры, не приносящие ничего, кроме раздражения. Политически, мы можем принимать более удачные стратегические решения на основе более реалистичной оценки наших потенциальных рекрутов. Нам всем предстоит принять решение в отношении тех рисков, на которые каждый из нас готов пойти. Для каждого найдется роль. Есть люди, согласные с целями нашей общей борьбы, но по объективным причинам не готовые выйти на передовую или работать в подполье. Поэтому большинство рекрутов, вследствие обстоятельств или причин личного характера, будут частью культуры сопротивления.

Движениям сопротивления нужно всего лишь две вещи: верность и материальная поддержка. Получение обеих – главная задача культуры сопротивления, хотя могут быть и другие задачи в зависимости от целей конкретного сопротивления. Другие задачи включают в себя построение альтернативных учреждений для равноправной системы управления на основе прямого участия (прямой демократии), создание системы разрешения споров, создание экономических сетей для обеспечения основных потребностей для выживания без привязки к вредоносной системе; процессы воспитания как детей, так и взрослых, чтобы вернуть себе и защитить уничтожаемую культуру коренного населения или чтобы создать новую культуру для тех, кто бежит от господствующей культуры. В реальной жизни эти проекты не всегда отдельные занятия, а часто взаимоукрепляющие виды деятельности.

Связывает их вместе общий набор ценностей, включающий в себя осознанное принятие политического сопротивления. Прежде всего, это подразумевает понимание того, чем политическое сопротивление является, и того, чем оно не является. Без этого понимания мы получим лишь все ту же альтернативную культуру самоустранения, которая будет довольствоваться своим сосуществованием с несправедливостью во всех ее ужасных проявлениях, не важно, насколько омерзительными являются эти ужасы. Не знаю, является ли это поражение недостатком мужества или, как сказала Эдриэн Рич, «недостаточно страстной жаждой свободы» [92], но такое поражение становится участью слишком многих радикальных движений. Джина Шарпа можно цитировать бесконечно, особенно когда он пишет о «неучастниках» или, как он их называет, «утопистах».

Утописты – это, как правило, особо чувствительные к несправедливости люди, которые жаждут определенности, чистоты, полноценности, они твердо отвергают зло и стремятся избежать с ним любых компромиссов. Вместо этого, утописты утверждают новое видение мира, прихода которого желают. Их видение можно обозначить как «религиозное» или «политическое», что в рамках данной дискуссии не столь важно. Они ожидают прихода нового мира, который появится по велению бога, благодаря переменам в духовности людей, автономным изменениям в экономических условиях или большому возмущению в обществе, т.е. вследствие факторов, неподконтрольных воле человека. Таких «уверовавших» прежде всего волнует «истинное» понимание зла и принципов, по которым люди должны жить, приобретение новых последователей, образ жизни с минимально возможными компромиссами со

злом и они живут, ожидая прихода великих перемен. Они могут намеренно стремиться создать образ жизни, дабы сделать его примером своих принципов и вдохновлять других.

Наибольшая слабость такого подхода к проблемам этого мира – это не отсутствие широких взглядов и не слабая приверженность последователей. Слабость в том, что такие верующие не располагают результативными способами достижения желаемого устройства общества. Нетерпимость к несправедливости в обществе, приверженность альтернативному его устройству, глубокая личная самоотдача и попытка жить в соответствии с принципами – все это хорошие и нужные вещи, но, к сожалению, сами по себе они не могут привести к трансформации общества и его институтов. Для перемен требуется практически реализуемая программа из выполнимых шагов для преодоления реальных зол существующего общества и создания улучшенного общественного строя.

Один историк называет анархистское движение в Испании (более серьезное, чем что-либо из современных левых движений, если судить по его размаху) «светским милленаризмом» [95]. Эти два слова характеризуют мою юность. В среде истинных радикалов существует гигантская пропасть между стратегией пуристов-«неучастников» и стратегией, основанной на эмоциональной потребности что-то делать (что, по сути, является ворохом однонаправленных тактических приемов). Ни одно из направлений не является, в сущности, стратегическим: обе позиции чаще есть проявлениями отчаяния и, приношу мои извинения Ричу, коллективной неспособностью позаботиться о нашем освобождении с достаточным усердием. Обе тенденции откатываются к либерализму: мы поменяем мир своим «личными примером». Этим примером может быть наш пермакультурный сад и, как дополнение, поездки на велосипеде, или это могут быть смелые, но бесполезные атаки против собственности какого-то мелкого звена в пищевой цепочке угнетателя. У нас могут быть смутные представления о том, как такие действия могут вдохновить других, и каким-то неумовимым образом накопившись трансформируют общество и запустят спонтанное восстание. Но произойдет это якобы потому, что это должно произойти – все определяют либо легенды прогресса про «Переломный момент», либо пламя праведного гнева. Но милленаризм⁴⁹ – слабая замена настоящего движения сопротивления. А учитывая тот факт, что победа не неизбежна, нам нужно ясно понимать основополагающий принцип сопротивления: устранение несправедливости требует организованного политического сопротивления. Власть меняется только по принуждению. Будет ли принуждение насильственным или ненасильственным, вопрос дальнейшего обсуждения. Слишком многие левые активисты отказываются признавать истинную природу власти, природу системного угнетения, структуру социума, против которого мы боремся.

Для тех из нас, кто не может быть на передовой, а это большинство, работа заключается в создании культуры, которая будет продвигать и поощрять политическое сопротивление. Преданность и материальная поддержка – первейшие задачи.

Левые силы очень нуждаются в преданности. Первейшее и наихудшее – это предательство. Большая часть членов движения «Зеленый страх» (Green Scare), оказавшихся за решеткой, были преданы бывшими друзьями, а в одном случае даже бывшим супругом. В любом серьезном движении со стукачами обращаются со всей серьезностью просто потому, что предательство означает, что твои товарищи, друзья будут арестованы, подвергнуты пыткам и убиты. По мере того как Глубинное Экологическое Сопротивление будет становиться все более серьезным, и, следовательно, последствия репрессий государства будут становиться все более жестокими, коллективное сопротивление доносительству будет развиваться. В этом не будет ничего приятного, скорее это будет даже очень травматично. Лучшее, на что мы можем надеяться, это установить высокую ценность верности в нашем движении уже сейчас, чтобы остановить доносы еще до того, как они начнутся. Кристabelle Пенкхёрст (Christabel Pankhurst) писала о культуре воинствующих суфражисток следующее:

«Движение имело непередаваемый дух: сердце наполняли радость и тяжесть одновременно. Эгоизм каждой участницы отходил в сторону, когда они присоединялись. Верность – величайшая из благодетелей – была решающим фактором движения, во-первых, в достижении целей, во-вторых, для лидеров, а также для всех членов. На втором месте стояло мужество, не просто в физическом смысле, хотя и его хватало, а по большей части моральное мужество, чтобы выдерживать жесткую критику и общественное порицание. В движении присутствовали легкие черты «безличности», которые давали силу и чувство достоинства. Еще его характеризовало чувство юмора, что делало наших женщин похожими на британского солдата, который умеет шутить и улыбаться в борьбе и лишениях» [96].

Все, что нам нужно иметь в нашей культуре сопротивления, упоминается в ее описании и все это характерно для движения суфражисток. Более тысячи женщин пережили «одиночное заключение, каторгу, жестокость, подорванное здоровье, а затем и смерть» [97]. Еще большее число женщин не были арестованы за проявления физического мужества: от столкновений с полицией до тайного уничтожения собственности. И потом, были еще рядовые солдаты, занимавшиеся повседневными задачами, такими как сбор средств, образование, общественные выступления, печать газет, разъяснительная работа среди населения, организация групп поддержки, поддержка узниц. Все эти женщины поддерживали своих вооруженных товарищей. Имелось около 500–600 невоенных организаций суфражисток по всей Британии, и интересно отметить, что повышение активности вооруженных групп привело к возрождению мирных групп.

⁴⁹ Милленаризм – это любое религиозное движение, которое предсказывает крушение привычного нам мирового порядка и последующий переход к «тысячелетнему царству», периоду справедливости, равенства, спасения и пр. Движения милленаристов считаются крайним случаем использования религии для «побега» от социальных потрясений и последующей аномии

Историк Мидж МакКензи пишет, что «неоднозначная тактика WSPU и широкое освещение их деятельности в новостях дало вторую жизнь вопросу о правах голоса для женщин, а невоенизированные общества суфражисток обрели силу и мощь» [98].

Первейшим приоритетом их движения была верность – как общему делу, так и своим лидерам. И в этом заключается одна из наиболее важных проблем современных радикальных групп. Мы склонны подавлять наших лидеров критикой, часто критикой личной, злобной. Анти-иерархическая позиция радикалистов приводит к резкой реакции против любого человека, занимающего значимый общественный пост. Одного за другим писателей обвиняют в продажности, хотя написанием книг на жизнь не заработаешь, не говоря о заработке на эффективную деятельность. Эти же обвинения направлены и на людей, владеющих небольшими издательствами, книжными магазинами, да и вообще на всех, кто в своей безрассудной смелости делает хоть что-то. Это сочетание мелочной зависти и «петушиных боев». И хотя точно такая же установка по умолчанию на «атакуй лидера» присутствует и в группах женщин, маскулинность более характерна для мужчин. Мы должны распознавать такое поведение и четко обозначать его, если такое случается. Если виновники не отказываются от своего поведения, то их нужно игнорировать до тех пор, пока они не исправятся. Атаки на лидеров болезненны и разрушительны: как для отдельных людей, так и для движений в целом.

От молодых членов не стоит ожидать способности обозначить такое поведение и принимать по отношению к нему принципиальную позицию. У них нет жизненного опыта и они естественным образом склонны выступать в роли бойцов на этом этапе жизни. Нормы поведения и ожидания от поведения членов устанавливают члены среднего и преклонного возраста. Люди, которые кажутся слишком уж взрослыми для такого поведения, с ликованием реализуют его. Это раздражает и разбивает сердце, так как даже самые стойкие люди на планете не в силах пережить непрестанные нападки на свою личность. Никто не может ранить так, как ранят свои.

Давайте снова взглянем на WSPU и боевое движение суфражисток. Многие женщины оказались в тюрьме в результате применения ими как актов гражданского неповиновения, так и после разрушения собственности. Как и любой политзаключенный, они предпринимали серьезные, непрекращающиеся голодовки. Правительству приходилось выпускать голодавших из-за угрозы их жизни. И, конечно же, они возвращались к политической борьбе сразу после восстановления. Правительство оказалось в затруднительном положении и решило кормить голодающих узников насильно. Пожалуйста, не обманывайтесь, это была одна из форм пыток. Мера возымела противоположное действие: мужество узников, подвергшихся пыткам со стороны правительства, помогло широкой общественности сделать четкий и ясный выбор в пользу того, кому симпатизировать.

Некоторые члены парламента считали, что узникам нужно позволить умирать от голода – и на этом все закончится. Но секретарь по внутренним делам понимал суть движения: «говорят, что немного женщин умрет, но я полагаю, что 30, 40, 50 смогли бы пожертвовать собой, одна за другой» [99]. Первыми жертвами могли бы стать Эммелин Пенкхерст и ее дочь Кристабел, популярные лидеры движения. Правительство понимало то, что современные радикалы отвергают: движения без лидеров вовсе не движения, а отдельные личности, не способные вести непрестанную борьбу за справедливость. Эммелин Пенкхерст побывала в тюрьме, объявляла голодовку, и была освобождена очень много раз. Правительство хотело, чтобы она сломалась или сгинула, но не умерла мученицей. В результате был принят «Акт о временном освобождении заключенных по состоянию здоровья», вскоре получивший другое название «Акт кота и мыши». Объявившему голодовку позволяли продолжать ее до полусмерти, затем отпускали на восстановление. Заключенный получал временный билет на свободу. Согласно Акту, если заключенную находили практически здоровой, то она (в акте речь шла именно о женщинах) должна была вернуться в тюрьму.

Эммелин Пенкхерст писала: «Конечно же, суфражистки с самого начала люто возненавидели этот акт. Мы не имели ни малейшего желания помочь г-ну МакКенну в применении несправедливых приговоров солдатам армии свободы, и когда ворота тюрьмы закрылись за моей спиной, я предприняла месячную голодовку так, будто я предполагала, что она, как и раньше, станет способом обретения мною свободы» [100].

Пенкхерст содержали под стражей 10 дней, и все это время она голодала. Она вспоминает день, когда ее, истощенную и почти без сознания, собирались отпустить согласно «Акту кота и мыши»:

«Губернатор пришел в мою камеру и прочитал мне документ, согласно которому я должна была вернуться с тюрьмы через 15 дней, а между тем послушно информировать полицию о всех моих действиях. Оставшихся у меня сил хватило на то, чтобы разорвать документ на части и, бросив их на пол камеры, я сказала: «Не намерена подчиняться этому позорному закону. Вы отпускаете меня, прекрасно зная, что по своей воле я никогда не вернусь ни в одну из ваших тюрем» [101].

Другие суфражистки также продемонстрировали силу и чувство юмора в отношении «Акта кота и мыши». Энни Кенни, еще одна из лидеров движения, была отпущена через три дня после начала голодовки с предписанием вернуться позже. Она сбежала из дома глубокой ночью, пришла на встречу суфражисток, не известив об этом полицию, там она провела аукцион по продаже своей лицензии на выход из тюрьмы. Ее немедленно арестовали.

Многие из объявивших голодовку были отпущены по «Акту кота и мыши» и получили защиту со стороны верных сторонников, которые отказывались их выдавать. Восхитительным примером материальной поддержки была миссис Брекенбури, которая отдала весь свой большой дом в Лондоне на нужды WSPU, где голодавшие восстанавливались столько, сколько им было нужно, и даже получали медицинскую помощь. Этот дом с любовью прозвали «Мышиный замок».

Руководителям пришлось играть в кошки-мышки с полицией, когда они были на лечении. Они были полны решимости исполнить свой долг лидеров, но в равной степени решительно избегали поимки с ее неизбежным «медленным судебным убийством» [102]. Когда Эммелин Пенкхерст появлялась на публике, женщины защищали ее от полиции своими телами, стремясь обезопасить ее. Ее повторно арестовали 21 июля 1913 года, но снова отпустили, так как

из-за отказа от еды и воды она начала испытывать проблемы со здоровьем. Ее принесли на ближайшее собрание суфражисток, где она была решительно настроена побывать, хотя была слишком слаба, чтобы говорить. Аукцион по продаже ее тюремной лицензии принес 100 фунтов, которые, как она пообещала губернатору, пойдут на «воинственные цели» [103]. Она бежала в США, чтобы восстановить здоровье, однако по возвращению была арестована у побережья близ Плимута, причем не из-за недостатка защитников. Две женщины на моторном катере, несмотря на два боевых корабля(!), безуспешно пытались спасти ее. Сразу же после ареста она немедленно начала голодную забастовку. В итоге, ее арестовывали 6 раз согласно «Акта kota и мыши» в возрасте 55 лет.

Для охраны Эммелин Пенкхерст от полиции был нанят официальный телохранитель, обученный джиу-джитсу. Полиция так боялась столкновений, что в одном из случаев целая платформа на «Виктория Стейшн» была эвакуирована и окружена батальоном полиции, чтобы арестовать миссис Пенкхерст. И все это ради того, чтобы упредить защиту Эммелин от ареста.

Ее дочь Сильвия Пенкхерст также рисковала повторным арестом и дальнейшими пытками, однако продолжала публичные выступления. На одном из мероприятий, «Женский день мая» в Виктория Парк, 20 женщин стали плотной цепью вокруг Сильвии в попытке нейтрализовать усилия полиции. Они потерпели неудачу: полиция окружила всю группу и разбила их «цепь» полицейскими дубинками; но даже на смазанных фотографиях «цепной охраны» на их лицах сияет выражение стойкой верности. Полиция предлагала награду жителям целой улицы за возможность сделать засаду во время парада, но ни в одном доме не взяли денег.

Настоящим движениям нужны лидеры. Несмотря на всю враждебность, с которой радикалы набрасываются на любого, кто занимает общественный пост, лидеры появляются. Группа людей, независимо от того, насколько они злы или воодушевлены, навсегда останется лишь зародышем без общего языка и неэффективной без направления. Движения легко разрушить, убив или посадив лидеров, именно поэтому правительства так и поступают. Испанские анархисты так никогда и не оправились от убийства их любимого Бузавентура Дурути, смерть Мартина Лютера Кинга оставила страшную рану в сердце движения за гражданские права. Успешные движения всегда тренируют новых лидеров, поскольку признают за лидерами критически важные функции. Британское правительство многократно пыталось сломить движение суфражисток, арестовывая лидеров, но у женщин была предусмотрена структура управления: от Эммелин и Кристобел Пенкхерст управление переходило к Эни Кенни, потом к Грейс Роу и так далее. Каждая женщина готовила себе замену. Мы можем сколько угодно отвергать понятие лидерства, но необходимость в нем искоренить не получится.

Конечно же, небольшие и легальные группы должны быть по возможности демократичными, но это не отменяет того факта, что лидеры должны появляться, а подпольные группы, задействованные в координированных или парамилитарных задачах, нуждаются в иерархии. Бойцам особенно необходимы командиры. Эммелин Петик Лоуренс объясняла недемократическую структуру WSPU так: «Сам факт того, что для боевых действий требовалось самопожертвование отдельных людей, налагал на руководителей кампании огромный груз ответственности. Люди, готовые принести жертву своими активными действиями, получали поддержку в форме полного единства в рядах борцов» [104].

Если мы принимаем лидерство, то рискуем променять защиту на ожидания. Преданность работает двояко. Ясность идей, прояснение целей, личное мужество могут поднять организатора, учителя, писателя или служителя до лидерской позиции. С другой стороны, те, кто соглашается быть ведомыми, имеют право ожидать кристально чистой этики, самопожертвования и самоотдачи общему делу. Харизму и статус можно использовать для очень грязных дел и, конечно же, личности, использующие власть для личной наживы или сексуальных утех, должны быть устранены из лидеров. Но отвергать лидерство вообще может только малая и неэффективная группа: ощущение, возможно, радикальное, но перемен никаких.

Верность друг другу, особенно для бойцов на передовых, где они сталкиваются с серьезными рисками, важна так же, как и их верность командирам. Эта верность требует, чтобы открытое движение оказывало поддержку прямого действия при каждой возможности. Нам нужно пользоваться такими словами, как «сопротивление» и «культура сопротивления», нам нужно отвергнуть «решения» проблем типа индивидуальных потребительских предпочтений (например, отказ от мяса и меха не останавливает вымирание жизни на планете) и объяснить кому только можно, почему это важно, и еще мы должны защищать приемлемую для нас воинственность борьбы и даже большую.

Верность подразумевает и материальную поддержку. Время, деньги, другие ресурсы всегда нужны активистам. Только подумайте, что потребовалось, чтобы работала «Подземная дорога» (подпольная сеть переброски освобожденных негров с Юга на Север). Да, потребовались лидеры, такие как Герриэт Табмен, чтобы быть боевыми, смелыми и преданными, несмотря на серьезные последствия, мы помним ее имя и нам не стоит его забывать. Но для этого квакерам нужно было открыть свои дома для беглецов, а себя подвергнуть риску, нужны были люди, готовые петь песни о поездах, гуляя по поселениям рабов. Потребовались сообщества свободных черных и симпатизирующих белых, готовых поддержать беглых поработанных едой, жильем, работой. Те люди должны были иметь абсолютную преданность проводникам и рабам, рисковавшим своими жизнями ради свободы. Потребовались люди, говорившие на собраниях и в кругу друзей, что Подземка – это хороший проект, достойное начинание. Сегодня мы понимаем важность и моральность такого проекта, но тогда это воспринималось как крайне радикальный проект, даже в среде аболиционистов. Он был отчасти успешен, поскольку многие активисты печатали газеты, устраивали лекции, писали петиции в Конгресс и даже переезжали в Техас, чтобы там бороться за широкие структурные изменения, сопровождавшие и объяснявшие Подземку. Все эти люди работали вместе, несмотря на глубокие разногласия в этике и стратегиях, рискуя каждый по-своему.

Квакеры очень быстро развили этику и культуру взаимной поддержки – преследования способствуют этому. В Бристоле (Англия) было арестовано настолько много квакеров (3000), что заключенные умирали от духоты в тюрьме. Детей оставляли за главных в сообществе и героически продолжали богослужения. Некоторых из них затем пытали: пороли, а затем заковывали в колодки. Культура сопротивления перешла во все их сообщество.

Некоторые присяжные отказывались судить квакеров. Иные присяжные считали их невиновными и получали наказание от судьи, что привело к принятию принципа иммунитета присяжных (они завоевали то, что мы считаем сегодня нормой). А когда трех квакеров приговорили к переселению в Америку и Восточную Индию, бристольские моряки отказались их везти.

Верность и материальная поддержка также ярко видны в истории «Подполья Погоды». Описывая едва не произошедший арест всей ячейки в Сан-Франциско, один из ее членов вспоминает:

«Мы чудом избежали ареста не потому, что владели методами ведения подпольной борьбы или овладели голливудскими трюками, а потому что такой была политическая обстановка и такую поддержку имело «Подполье Погоды». Гилберт пишет: «Конечно, смекалка и ловкость добавляют истории драматизма, но основная причина нашего успеха заключается в противогосударственной осознанности, доминировавшей в то время в молодежной среде, что означало, что поток информации шел не к ФБР, а к нам». Даже люди, которые не принимали непосредственного участия в ПП и не имели с ним контактов, сопротивлялись допросам полиции и информировали своих о действиях ФБР. Именно эта поддержка и подвела ФБР.

Сообщества, привыкшие заботиться друг о друге, легче мобилизуются и превращают уже существующие сети в культуру сопротивления. Такие наработанные сети поддержки можно назвать культурой выживания. Например, мужчины, работавшие проводниками, часто оказывались в южных городах и могли быть убиты просто потому, что заблудились или оказались не на той улице. Вдоль колеи выстраивались черные женщины, чтобы предложить им ночлег. Даже если все, чем они располагали, был матрас в кладовой, все же это было безопасней и вдобавок полагался обед. Обычно у этих женщин были мужья или сыновья, которые тоже работали проводниками, и они не понаслышке знали о реальном ужасе пребывания в незнакомом городе с его сегрегацией. Эти женщины позднее стали сердцем и душой и рядовыми солдатами движения за гражданские права.

Движение за гражданские права не возникло случайно. Историк Тай объясняет:

«В расцвете своей борьбы за профсоюз братство провело серию трудовых конференций для широкой общественности для целых 3000 участников. Каждая из конференций несла четкие послания: черные заслуживают полноценных гражданских и экономических прав, они должны быть самодостаточными и свободными от белых благодетелей и пришло время заменить просьбы требованиями. Братство не просто стало предшественником движения за гражданские права, а стало его зародышем. Это был не обычный профсоюз, он стал школой протестной политики» [106].

Братство провело подобные образовательные конференции от Канады до Флориды, было создано целое движение из строительных блоков образования, политического сознания, умной стратегии и существующей культуры выживания в среде черных.

Испанские анархисты представляют собой еще один пример культуры выживания, способной на мобилизацию и сопротивление. Мюррей Букчин пишет:

«Важно подчеркнуть, что испанский анархизм был не просто программой, зашитой в плотную теоретическую матрицу. Это был образ жизни: отчасти, это была жизнь испанцев в тесном кругу соседей в деревнях, насыщенная событиями жизнь рабочего класса в рабочих кварталах, также, частично, разъяснения того образа жизни в понятиях Бакунина: децентрализация, взаимопомощь, народное самоуправление... В Испании была устоявшаяся веками традиция сельскохозяйственного коллективизма... испанский анархизм... опирался на докапиталистические деревенские традиции, подпитывал те живые и важные элементы таких традиций, взывал к революционному потенциалу освободительным приемам взаимопомощи и самоуправления, и применял их для устранения рабства, послушания, иерархической ментальности, авторитарные взгляды, воспитанные фабричной системой... Испанские анархисты пытались использовать докапиталистические традиции крестьянства и рабочего класса против происходившего приспособления мировоззрения рабочего к авторитарной промышленной рациональности... Их усилия получили поддержку со стороны испанского пролетариата: сельских тружеников, которые освежали эти традиции день ото дня мигрируя в города... По всему средиземноморскому побережью в прибрежных городах рабочие, возможно, и оставались живыми свидетелями некапиталистической культуры: той, где каждая минута жизни не регламентирована учетом рабочего времени, фабричным гудком, начальником смены, машиной, ритмом рабочего дня и атомизованным миром большого города» [107].

Испанские анархисты славились своей верностью. Забастовки рабочих в поддержку товарищей в тюрьме были более масштабными, чем забастовки с требованиями улучшения условий труда.

Радикальное движение защитников окружающей среды по большей части состоит из белых, которые хорошо ассимилировались в не-общины, принадлежащие культуре, которая подконтрольна СМИ и является продуктом индустрии современных США и их колоний. Общины разрушены до такой степени, что мы не знаем имен людей, которые живут в 10 метрах от нас, а общение ограничивается нажатием клавиш и аббревиатурами. Те из нас, кто происходит из этого мира, начинают даже не с чистого листа, а с развалин. Будем надеяться, что мы сможем научиться на примере товарищей из менее искалеченных общин, от старейшин, которые помнят об образе жизни, построенном вокруг потребностей людей, а не вокруг доходности корпораций, и сделаем выводы из истории. Нам необходимо вновь изобрести самих себя. Или согласно знаменитому высказыванию Моник Виттиг: «Вспоминайте. Постарайтесь вспомнить. А если не выйдет, изобретайте» [108].

Возможно, нам удастся хорошо уяснить тот факт, что сопротивление нужно создавать. Каждое движение столкнется с задачей возвращения воли к борьбе в обществе в целом и особенно среди рекрутов. Людям нужен мифологизированный образец героизма, мужества, верности товарищам и общему делу, и вера в победу добра над злом. Им нужна поддержка активно работающего сообщества, которое верит в сопротивление. И им нужна атмосфера, побуждающая к анализу, обсуждениям, дискуссиям и развитию политической осознанности.

Одним из ярких примеров является жизнь Мод Гонн (Maud Gonne). Она родилась в англо-ирландской семье в 1865 году и уже в раннем возрасте стала частью ирландской борьбы за независимость. Ее первым проявлением активизма было участие в организации «Ирландская национальная лига Земли», которая выступала от имени фермеров-арендаторов земли. Эти фермеры не владели землей, которую обрабатывали. Владение землей все больше концентрировалось в руках немногих, что привело к повальной бедности и страданию и, в конце концов, к сопротивлению. Организованные забастовки по неуплате аренды привели к тому, что называлось «Война за Землю» (Land War).

Борьба за снижение арендной платы и за возможность выкупа земли имела успех и победа была достигнута с использованием почти исключительно ненасильственных приемов. К 1914 году земли перешли от крупных холдингов к мелким фермерам. Многие из этих фермеров продолжили борьбу за независимость Ирландии. Именно такой была обстановка, в которой Гонн училась политическому активизму. Она принимала очень активное участие в культурных мероприятиях ирландцев. Конец XIX столетия был периодом культурного возрождения, названным «Гельское возрождение». Такие организации, как Гельская Лига и Гельская Атлетическая Ассоциация, быстро развились в поддержку спорта, истории, литературы и, в особенности, ирландского языка. Национальное литературное общество было основано Дугласом Хайдом и Уильямом Батлером Йтсом (Douglas Hyde, William Butler Yeats) в 1892 году для «де-англизирования ирландцев». Культурные мероприятия в привязке к профессиональной среде имели магическое воздействие, помогая сопротивлению заложить основу – как политическую, так и эмоциональную. В первое десятилетие XX столетия члены Ирландского республиканского братства стали выделяться в Гельской Лиге и в Гельской Атлетической Ассоциации. Все эти силы привели к созданию Синн Фейн (Sinn Féin). По словам одного историка, «национальное движение начала XX столетия родилось из Гельского Возрождения позднего XIX столетия» [109].

Гонн играла выдающуюся роль в Возрождении. Она создала организацию «Дочери Ирландии» для женщин и девушек, чтобы они могли заниматься ирландской драмой, языком, литературой. Она также была активным членом Кельтского литературного общества и Национального движения актеров. Она основала журнал «Свободная Ирландия», посвященный ирландской борьбе. Она также находила время, чтобы иллюстрировать книги кельтского фольклора.

Но культурная работа не была самоцелью для Гонн и всего движения. Ее муж, Джон МакБрайд, принял участие в Пасхальном восстании, за что и был казнен. Гонн провела время в тюрьме Холлоуей и после выхода неустанно трудилась, помогая политическим узникам. Некоторые из этих людей просидели в тюрьме по десять лет без единого посещения. Гонн арестовали за контрабанду еды в тюрьму Маунтджой. Она объявила голодную забастовку на 31 день, что почти убило ее, но она и другие голодавшие завоевали определенные права для заключенных. Когда республиканские дворы правосудия (суды) поставили выше британских судов, Гонн была избрана и служила судьей. Она также помогала Ирландскому Белому Кресту, предоставляя материальную помощь нуждавшимся семьям после войны за независимость. Ей дали прозвище ирландской Жанны Д'Арк, что вполне объяснимо.

Ирландская борьба не противопоставила свою культуру и свое сопротивление. Напротив, ирландцы понимали, что одно нуждается в другом. Жизнь Гонн является примером целого спектра – от культурной работы до серьезного прямого действия.

Она также родила сына, Шон МакБрайда, чей послужной список впечатляет не меньше. В возрасте 15 лет он записался добровольцем и воевал за независимость. Он был против Англо-Ирландского Соглашения и был не раз арестован силами Свободного Ирландского Государства. Он был личным секретарем Имон де Валера, одного из лидеров Пасхального Восстания, служил руководителем разведки ИРА, и руководил кадрами. Во время своей адвокатской карьеры он защищал многих политических узников ИРА. В 1948 году получил должность в МИД. Он сыграл решающую роль в отмене «Акта об иностранных отношениях и в провозглашении республики», чем Ирландия добилась своей независимости от Содружества Великобритании. Находясь на должности министра, он стал решающим мотиватором подписания Европейского Акта о Правах Человека. Он был основной причиной неприсоединения Ирландии к НАТО. Он был сооснователем «Амнести Интернешнл», создал проект конституции Ганы и конституции Организации Африканского Единства, служил верховным комиссаром ООН по делам беженцев и по правам человека, был назначен председателем ЮНЕСКО.

Он лоббировал Международный суд, чтобы тот признал ядерное оружие вне закона. Он получил Нобелевскую премию мира. Судьи сказали, что он «мобилизовал осознанность мира в борьбе за справедливость». Он никогда не останавливался. Если бы кто-то из нас достиг бы хотя бы одного такого результата, то наверняка считал бы, что жизнь прожита не зря. И при всем этом он оставался скромным до конца.

Это культура сопротивления, которая работала результативно. Она привела к реальным переменам в расстановке сил, передавая силу и выносливость активистам через поколения. Мы можем взглянуть на политическую борьбу в ходе истории и обнаружим похожие паттерны деятельности. Оставшиеся в нашей памяти борцы были сформированы своей ситуацией, культурой сопротивления. Такая культура формирует характер борцов вокруг ядра таких ценностей как мужество, верность, преданность справедливости. Она дает им мыслительный инструментарий, необходимый им для политической осознанности. Она вплетает их в социальную сеть товарищества, принадлежности к группе. Она вдохновляет их на подвиги сопротивления, предоставляя деньги, ресурсы, адвокатов, поддержку узников. И пока борьба

набирает силу, люди в открытых организациях берут на себя задачи по построению альтернативных общественных институтов от школ до ополчения, организации, которые потребуются, когда система властного угнетения падет.

Экологическое движение сделало свой выбор, выбор, который мы просим каждого из наших читателей подвергнуть переоценке на фоне непрекращающейся агрессии индустриальной культуры против нашей планеты. Коллективно было принято решение отвергнуть серьезное движение сопротивления. Такое решение было воспитано множеством культурных факторов, некоторые из которых, как мы видели, уходят корнями в века. Религиозные движения, как восточные, так и западные, уже давно объявили Землю местом страдания и разврата, предлагая неучастие и индивидуальное «спасение» в качестве исправления ситуации. Классический либерализм, со своим индивидуализмом и идеализмом также был постоянным источником путаницы и препятствования. Современная альтернативная культура, зародившаяся с Лебенсреформ и Вандерфогель, богемскими движениями, более ста лет разрывалась между двумя полюсами: борьбой с властью и преодолением ограничений, борьбой за справедливость, с одной стороны, и показушной взрослостью, с другой.

Пришло время решать: существует ли мир вне нас самих и стоит ли за этот мир бороться? Сегодня исчезли еще 200 видов живых существ. Они были моими братьями. Твоими тоже. Если мы признаем их нашими братьями, то почему же мы не боремся за их спасение всеми силами?

Ответ на этот вопрос найдется у самых нелегкомысленных людей, у тех, кто знает, что нашу планету убивают, у тех, чьи сердца, возможно, полны горя и отчаянья. Они попробуют убедить тебя, что политическое сопротивление невозможно и не рекомендуется. Возможно, они объединились вокруг идей пермакультуры, простой жизни, переходных городов. Далее следуют главные аргументы, которые авторы этой книги многократно слышали от пермакультурного крыла экологического движения.

«Человечество вошло во взрослую жизнь. Мы должны повзрослеть».

Если это правда, тогда нынешнее разрушение неизбежно, тогда оно является частью «жизненного цикла» людей как вида. Некоторые люди даже заявляют, что разрушения природы человеком является частью жизненного цикла планеты. Мы можем часами размышлять, пытаюсь разобраться в психологических потребностях, обуславливающих такие версии, но есть ли в этом смысл? Некоторые из них морально вышли из отчаянья и, по словам Исака Динесена (Isak Dinesen), «любое страдание выносимо, если оно воспринимается как часть истории». Другие слишком привязаны к жизненному комфорту, чтобы его нарушать, хотя умозрительно они понимают, сколько насилия заложено в их компьютерных чипах и пригородных домах. Третья группа – это просто трусы: если разрушительность человека неизбежна и естественна, то с ней невозможно бороться и им не нужно ничем рисковать. Но нынешний уровень разрушения соответствует не стадии развития. От этой идеи веет оскорбительной снисходительностью по отношению ко всем культурам, которые были до нас. Они и вправду были «детьми», которые породили непревзойденных нас?

Есть множество примеров культур, которые не разрушали живые сообщества, частью которых они являлись. Нет ничего неизбежного ни в одной культуре людей. По сути, этот аргумент не работает даже в отношении своих собственных заключений: имея дело с жестоким и психопатическим поведением, мы первым делом должны остановить его, несмотря ни на что. В любом случае, этот довод патологически полон нарциссизма: наш мир убивают, чтобы мы чему-то научились? Только окончательно больная культура может возвести такую идею в концепцию, уже не говоря о том, чтобы позволить ее озвучивать.

«Единственный способ что-то изменить, это менять сердца и умы людей, каждого в отдельности».

Это либерализм, сжатый в одно предложение, и мы об этом уже говорили. Движения, добивающиеся социальных перемен, должны иметь свою программу доходчивого политического образования. Успешные движения особенно в этом преуспевают. Но смысл не том, чтобы менять людей одного за другим. Дело в создании движения, способного изменить или упразднить организующие власть учреждения.

«Наши нападки на (подставь что хочешь: империю, промышленную цивилизацию, патриархат) не будут иметь успеха, если мы не изменим культуру бесконечного потребления и разрушения. Есть лишь один вопрос: как изменить культуру?»

Это ловкий либеральный трюк, который умалчивает о природе власти, которой свойственен садизм и системность. Представьте себе черных на юге США при сегрегации, которые решили, что изменение «культуры» сегрегации или «сердец и умов белых» было бы верной стратегией. В этом случае они бы все равно сидели в автобусе позади. А на самом деле они атаковали ключевые точки сегрегации в общественных устоях. Автобусный бойкот Монтгомери был восхитительным, поскольку у черных был в руках экономический рычаг и именно экономическая власть устранила сегрегацию в автобусах. В то время как активисты на передовой рисковали жизнями в ходе обеденных забастовок и регистрировали голосующих, другие активисты выступали в поддержку законов, которые вывели бы сегрегацию за рамки закона и сместили расстановку сил. Так и появился «Акт о гражданских правах» от 1964 года. И... угадайте что? Культура поменялась. Поменялись умы и сердца. Целое поколение людей среднего возраста, которым ни разу не доводилось пить из «цветного» бювета (для черных). Один из них даже президент. Параллельно были наложены ограничения на целое поколение белых людей, которые со своей ментальностью, завязанной на привилегиях, пользовались узаконенной возможностью обезчеловечивать черных. Все это потому, что структурные изменения в пользу справедливости влияют на сердца и умы в широком масштабе. Вот почему либерализм, с его упором на индивидуальную осознанность, никогда не изменит мир.

Даже если твоя страсть – заниматься «культурной работой», тебе нужно думать о том, как организована власть и как мы ее можем атаковать. И мы все должны поддерживать людей, готовых взять на себя наибольшие риски. Но если не принимать все как оно есть, то шансов у нас вообще никаких. Возможно, премьер-министр Монсанта или

коронованный принц Порно переживут духовное прозрение? Если шансы – один на миллион, то это ненадежный фундамент для построения политической стратегии.

«Нам их не победить.»

Это мантра альтернативного крыла. На личностном уровне может быть множество причин полагать, что репрессивная система непобедима. И конечно же, есть основания, по которым власть имущие хотят, чтобы мы их воспринимали как непобедимых. Тирании, от простейших до самых сложных, от семейных до общественных и политических, лучше всего функционируют, когда жертвы насилия и свидетели сами держат себя под контролем. А один из лучших способов заставить их контролировать себя – сделать так, чтобы они признали тиранов непобедимыми. Еще эффективнее заставить жертв и свидетелей «проповедовать» эту «непобедимость» всякому, кто решится нарушить порочный круг тиран-жертва-свидетель.

Но те, кто верит в непобедимость преступников и их систем, ошибаются. Системы власти созданы людьми и могут быть разрушены людьми. Власть имущие не обладают сверхъестественными способностями или бессмертием, их можно свергнуть. Люди, обладавшие (совместно) намного меньшими ресурсами, чем любой отдельно взятый житель богатой и развитой страны, боролись с системами угнетения и побеждали. Нет причин полагать, что мы не способны на то же самое.

Соппротивление начинается с веры в него, а не с уговоров против него. И уж точно не с попытки уговорить других не принимать в нем участие.

История дает нам много примеров успешного сопротивления, о том же свидетельствуют нынешние события в мире. Сегодня движение за эмансипацию дельты Нигера (MEND) сделало невозможной добычу около 30% нефти в Нигерии и компании рассматривают возможность полного ухода с рынка. Если бы у нас была одна сотая их мужества и преданности земле и общине, то мы смогли бы сделать то же самое и у нас. В нашем распоряжении намного больше ресурсы, а мы не придумали ничего лучше, чем... что? компостные кучи? Наш мир уничтожают, а экологи полагают, что езда на велосипедах как-то решит проблему?

Просто потому, что мы испытываем такое сильное желание бороться, не лучше ли бороться просто, чтобы бороться, несмотря на постоянные поражения?

Давайте оставим в стороне тот факт, что экологическое движение в США никогда не вело вооруженной борьбы. Примем за основу то, что «борьба» – это обобщенное понятие сопротивления. Теперь зададимся вопросом: почему экологи удовлетворяются одними и теми же стратегиями, когда они явно не работают (например, коренные народы предпринимали попытки «изменить культуру» убеждением и личными примером то ли один-два раза, то ли уже один-два миллиона раз)? Почему бы не поговорить о том, что действительно нужно для спасения планеты? Сжигание горючих ископаемых должно прекратиться. Это не обсуждается. С физической реальностью переговоры невозможны. Она – реальность.

Далее, инфраструктура уязвима, и это хорошо известно любому достаточно осведомленному члену движения сопротивления или компетентному военному стратегу. Что нужно сделать? Почему мы вообще не обсуждаем серьезную стратегию спасения планеты?

Истинная культура сопротивления быстро бы поняла, что деятельность ради восстановления природы, создание локальных сетей по обеспечению едой, обучение людей навыкам выживания – это все составляющие большей борьбы за фактическое спасение планеты. Такие занятия не должны противоречить политическому сопротивлению, они должны быть интегральной частью такого сопротивления, подпитывая друг друга и воодушевляя. Вместо этого, сторонники изменений через образ жизни пытаются при любой возможности прекратить обсуждение деятельности, активно препятствуют формированию движения сопротивления.

Нам нужно поставить под сомнение некоторые базовые пресуппозиции (исходные убеждения) о том, как наша культура научила нас бороться. Нужно мыслить, выходя за рамки доминирующей культуры.

Мы согласны. И три из этих базовых убеждений таковы: (а) сопротивление бесполезно, (б) сегодня больше всего смысла в сопротивлении через изменение образа жизни и возведение его в пример и (в) физические объекты инфраструктуры, дающие психопатам возможность управлять миром, почему-то нерушимы и не могут быть уничтожены физически.

А между тем, небольшая группка полуголодных нищих нигерийцев поставила на колени нефтяную индустрию. Они помнят, что значит любить свою землю и свою общину. Наверное, потому, что они утопают не в привилегиях, а в токсических отходах от добычи нефти. MEND сказал нефтяной промышленности: «Нужно четко понимать, что нигерийское правительство не может защитить твоих рабочих и активы. Покинь нашу землю пока можешь или ты останешься в ней». И сегодня они претворяют свой план в жизнь.

Андреа Дворкин однажды сказала: «Я обнаружила, что всегда лучше бороться, чем не бороться. Всегда и несмотря ни на что». У нас есть последний шанс ощутить эту страсть, защитить то, что мы любим, это как особого рода благодетель. Слишком многие левые заявляют, что сопротивление не дает плодов. Некое сочетание цинизма, отчаяния, невежественности и трусости охватило их и даже пустило корни. Однако некоторые располагают солидным радикальным анализом капитализма, расизма, патриархата, цивилизации. Не понимают, что нашу планету убивают, и все, что нам дорого, находится в опасности.

И все же, сопротивление – его возможность, его активизация – немыслимо для них. Эти люди преграждают путь любой попытке осознания вариантов организации сопротивления промышленной цивилизации и любой другой форме угнетения. На то есть исторические причины: такие саботажники в одиночку не действуют. За ними стоят адамиты, рантеры, богемцы, Вандерфогель, некоторые заимствования из буддизма, построившие культурное наследие, питающее нас отчаянием, отчуждением и даже анализом, уводя нас от действия к индивидуальным жизням. Эта жизнь может быть

построена на тихом созерцании и на добрых делах, на отторжении излишеств и ограничений, или на поэтическом страдании, но не на сопротивлении системам власти. Без культуры сопротивления альтернативные культуры и антиполитические ценности, которые они продвигают, станут единственным, что угнетенные получают, а этого мало. Деревьям нужен дождь, сопротивлению нужна культура.

На протяжении всей истории там, где появлялось угнетение, зарождалось и сопротивление: пусть это будет нашей каплей дождя, которая станет первой после засухи. Нам нужно учиться у тех, кто был до нас, чтобы решить, где нам нужно строить, а где отступить. Успешные движения следуют развитым паттернам и одним из важных элементов их успеха является окружающая их культура сопротивления. Культуры сопротивления объединяют существующие культуры выживания, опираясь на взаимную поддержку и товарный обмен в общинах, выживаемость, которую должны развить угнетенные бесчестной несправедливостью, и на родники духовности, которые часто оказываются в центре культур выживания.

Если наше происхождение определено такой культурой, то мы способны предоставить свои навыки и опыт для создания культуры именно Экологического сопротивления. На сегодняшний день наиболее радикальные экологи – белые, они имеют привилегии во всем мире, что означает, что их культурные нормы во многом неполны. Но признав нехватку, можно сделать первый шаг к построению чего-то лучшего, того, что очень нужно нашему движению, если оно хочет победить.

Для того чтобы успешно перейти от выживания к сопротивлению, нужны два взаимосвязанных процесса. Один – это активное коллективное и политическое принятие прямой конфронтации с властью. Второй – это «психологическое отторжение отождествления себя с угнетателем». Малькольм Икс был выразителем этих переживаний среди черных американцев, Ди Грехем и ее теория общего стокгольмского синдрома описывает подобный процесс встраивания и отождествления себя с мужчинами в женской психологии [111]. Такая психологическая перестройка часто отмежевывает одно поколение от другого и может стать источником боли и конфликтов. Когда выживаешь благодаря тому, что не поднимаешь глаз и не открываешь рта, последствия того, что ты говоришь открыто и даешь отпор, должны были быть серьезными, и ощущаешь тревогу, когда твоё стадо отказывается повиноваться. Но этот отказ – это основа сопротивления и оно должно происходить.

В 1960-е годы левые, с одной стороны, были разделены контркультурой гедонизма, наркотиками и «мистической аполитичностью» [112], а с другой – была культура протеста, пользующаяся критическим анализом, но потерпевшая поражение из-за отсутствия долгосрочной стратегии. Обе стороны были предсказуемы, поскольку их произвела на свет молодежная культура. Неудивительно, что течение хиппи дало основу для развития нью-эйдж и созерцателей пупка: их наследие прямо восходит к Вандерфогель и Асконии. Но протестная культура также была молодежной культурой и создала «манию революционного величия» и «последовавшие крушение надежд и разочарование» [113]. Не было долгосрочных планов, оттого что активисты были еще неспособны на мышление в долгосрочной перспективе, а отрицание авторитетов и неприятие кого-либо старше 30 означало, что они не допускали в руководство людей со стороны, способных на стратегическое планирование. Будучи предоставленными сами себе, молодые люди отделились от секулярного (светского) миллениаризма, а плохо сформулированная (хотя и четко ощущаемая) мотивация к боевому сопротивлению зашли в тупик вместе с движением против войны и левым движением в целом. Те из нас, кто пытается предлагать продуманное и стратегическое боевое сопротивление, к примеру, нацелить атаки на промышленную инфраструктуру, постоянно ведут борьбу против наследия «Подполья Погоды» и «Черных Пантер».

Стратегия Экологического Сопротивления – это не стратегия военных действий, которые магическим образом превратят все во всеобщий хаос и бунт, не призыв действовать ради лучшего самоощущения и не попытка укрепить слабеющий маскулинизм. Стратегия ЭС – это, наоборот, принятие масштабов того, что стоит на кону (наша планета), честная оценка вероятности создания массового движения (нулевая), и признание того факта, что промышленная инфраструктура на самом деле весьма уязвима. Если мы хотим подвергнуть сомнению любую из этих трех предпосылок, что ж, очень хорошо. Но будьте добры, воспринимайте нас как движение, отличающееся от других, чьи стратегические цели мы категорически отвергаем.

Без долговременной стратегии – и давайте будем честны: достижение культуры справедливости и (эко)устойчивости потребует не одного поколения – недовольными овладеет некоторое сочетание миллениаризма и стремления к личной чистоте, а оба этих направления ведут в тупик. В своей книге «От слоганов к мантрам» Стивен А. Кент отслеживает как радикалы 1960-х приняли и то и другое. Он пишет: «Революция все равно должна была состояться, но ее должна предвосхищать личностная трансформация очищенных личностей, а наступление революции должно стать организованным проявлением божественной воли (поскольку горький опыт научил их тому, что организовать это как общественное событие невозможно)» [114].

Горький опыт, кажется, примерно, пяти-десяти лет.

Культура сопротивления должна сочетать в себе идеализм и то мужество, которые молодежь обычно привносит, со знаниями и опытом, характерными для зрелого мышления в долгосрочной перспективе. Она также должна верить в сопротивление, если оно намерено включать его в свои планы, и помимо этого она должна понимать и принимать другие свои функции как горнило, где выковывается сопротивление. Чтобы производить на свет активистов, которые останутся ими и после юности, культура сопротивления должна предоставлять эмоциональную и материальную поддержку, иначе люди сдадутся и поддадутся ближайшему доступному личному утешению.

Ключевой частью этой поддержки является система взглядов, которая наделяет все смыслом. Люди – это животные, способные рассказывать истории: мы выстраиваем ход событий и живем в этой истории. Не случайно ирландская независимость родилась из Гельского возрождения, не случайно движение за гражданские права последовало за Гарлемским Ренессансом. Людям нужны истории, тем, кто сопротивляется, нужны истории о

сопротивлении. Но сегодня призывы к изменению культуры нацелены против сопротивления. Утверждается, что «политические перемены ни к чему не приведут, менять нужно лежащую в основе культуру». Оба явления взаимосвязаны. Без культуры сопротивления борцы быстро сдадутся от усталости, что будет не индивидуальным поражением, а коллективным. Подобным же образом, если сопротивление не находится в центре всего, культуре остается лишь выживать или уйти в забвение незначительности. Стратегия ЭС признает фундаментальную и символическую связь между культурой сопротивления и борцами сопротивления. Авторы этой книги не отвергают одного в пользу другого, так как одного не может быть без другого.

Задачи культуры сопротивления включают: поддержание и укрепление общинных норм справедливости, равенства, преданности, солидарности; вдохновение насыщенной политической дискуссии и дебатов; создание творений культуры (стихов, песен, картин...), которые создают идеологическую среду из мифов на тему сопротивления; а также построение характера личности, основанного на мужестве, выдержке и верности.

Конкретные материальные проекты – от поддержки заключенных до альтернативных школ и создания общественных институтов, способных управлять гражданским обществом после крушения системы. На этом пути – от личных отношений к небольшим группам и далее к нашим большим учреждениям – культура сопротивления должна воплощать собой справедливость и отвергать доминирование. Это значит, что белые должны признаться в привилегиях белых, стать союзниками цветных и проявлять преданность в деле уничтожения расизма. Это означает, что представители поселенческих культур должны признать, что Америка – это земля, украденная в ходе непрекращающегося геноцида, который мы должны остановить. Это означает, что мужчины должны прекратить сексуальное насилие против женщин и девочек, жестокость, ставшую повседневностью как в левых, так и в правых кругах, и это означает, что женщины должны быть солидарны друг с другом. Мужчины должны стать союзниками женщин и противниками их обидчиков.

Мы противостоям системе, которая не только несправедлива, но и безумна. Культура сопротивления должна коллективно повернуться лицом ко всему ужасу, во всех пластах истории. Видеть повседневные акты сексуального садизма, включающие рабство, завоевание и изнасилование; знание, что эти акты – не ошибка заблудших и опечаленных детей. Прощай их или нет, они знают, что делают. Культура сопротивления верит в сопротивление, потому что сколько бы ни было любви, сострадания или серьезного образования, сколько бы ни подавали блистательных примеров общинной экоустойчивости или индивидуального самоуважения, это никогда не останавливало власть имущих.

Экоустойчивые и равноправные общества были стерты с лица земли одно за другим, континент за континентом, лишь небольшие эпизоды истории показывают противостояние богатству, а люди, возглавлявшие их – смелые, полные самоуважения, стойкие – стояли либо у свободного конца лассо, либо находились под весом тел ненавистников. «Власть ничего не отдает без ультиматума. Никогда не отдавала и никогда не отдаст», – писал Фредерик Дуглас, красноречивое высказывание действительно знающего человека.

Культура сопротивления – это резкий рост в ответ на эти потребности, где оживает сплетение боли и мужества. Как каждая живая клетка сообщает о своем желании жить, так и культура сопротивления – предопределенное чудо. Какими бы призрачными ни были шансы выжить, люди будут бороться.

Сегодня шансы еще более призрачны, чем когда-либо, положение усугубляют исчезающие виды и нарастающая концентрация углерода. Но все же существуют воины, готовые бросить свои тела между остатками нашего будущего и его убийцами, лишь бы у них была реалистичная стратегия и действенная поддержка. Так что вопрос в одном: поможем ли мы этим героям? Бросим ли мы наш жребий вместе с ними, будем ли говорить в их защиту, разделим ли с ними опасности, прославим ли их поступки, воспитаем ли в наших детях желание пойти по их стопам, проложим ли путь для их победы, назовем ли их лучшими и самыми смелыми?

Еще 200 видов не стало сегодня. Делайте ваш выбор.

Другие планы

Льер Кит

Мы знаем, что, опираясь лишь на доводы, мы бродили по политической пустыни 40 лет.

Мы знаем, что доводов недостаточно... нужна политическая сила.

Кристабел Пенкхерст, суфражистка

Уже поздно. Слишком поздно для тех созданий, которые исчезли сегодня. Где-то маленькая зеленая лягушка спела песню своего вида в последний раз. Маленькая птичка не нашла себе пару и ее последнее яйцо в яичнике стало ничем внутри нее. Еще 81 миллион тонн углерода добавились к нежному одеялу нашей атмосферы, откатив ту работу, которую наши добрые зеленые предки совершили ради жизни животных. Каскадные волны голода вновь напрягли пищевые цепочки: от планктона до лосося и бурого медведя. Каждому понятно, сколько это все еще продержится.

Наше исследование иных планов преобразования общества основывается не на размытой утопичной надежде на духовную трансформацию, перетекающую из библиотеки в наклейки на бамперах, не на вере в глубоко спрятанную в сердце доброту людей, и в особенности не на вере в божество, когда-то находившегося в Акахаше. Проще говоря, реалистичный план требует прекращения разрушения, которым является цивилизация, активного восстановления после ущерба, нанесенного биологическим сообществам по всему миру, и возобновления и исцеления поистине устойчивых человеческих культур – все это на основе убеждений о правах человека.

Технически это не сложно. Социально, политически, психологически и даже духовно – вот это трудно. Очень. Но легко понять, что нужно сделать, чтобы спасти нашу планету.

Сжигание ископаемого горючего должно прекратиться.

Влияние такого сжигания – это надвигающийся ад, его добыча – от бурения нефтяных скважин до добычи угля – дает сплошное загрязнение и разрушение, которые уже не устранить в приемлемые сроки, а выделяемая энергия сделает возможными все остальные ужасы промышленной цивилизации.

Всякая деятельность, разрушающая живые сообщества, должна прекратиться навсегда. В том числе сплошная вырубка лесов, распахивание степей, чрезмерный выпас на лугах, осушение болот, перегораживание рек дамбами, варварский вылов рыбы в океанах, открытая и закрытая разработки месторождений. А еще сельское хозяйство и жизнь в городах. Все эти виды деятельности заключены в одном слове «цивилизация». Вместо этого, люди должны получать пропитание как участники неприкосновенных биотических сообществ, а не как их разрушители.

Люди должны снизить потребление, причем очень резко.

Поскольку именно на богатейшие страны приходится большая часть потребления, необходимо противостоять этому и лишить богатых возможности красть у бедных. Принадлежащая им современная система перераспределения богатств организована как система под названием «капитализм» и узаконена по всему миру. Законы, конечно же, подкреплены военной мощью государства. Понять это – не очень сложная интеллектуальная задача. Но поскольку капитализм является доминирующей религией планеты, то это бросает вызов в психологическом и политическом плане. Мы должны принять этот вызов, если у нашей планеты остались хотя бы малейшие шансы на выживание.

Население планеты должно уменьшиться.

Если мы не сделаем этого добровольно, то мир сделает это за нас. Даже если мы окажемся в каменном веке и будем потреблять только то, что дает солнце, то нас все равно на несколько миллиардов больше, чем планета может прокормить.

Надежда для нашей утомленной планеты существует, но, чтобы считаться надеждой, ей нужно принять реальность. Без реалистичности, надежда – это лишь сказка для взрослых детей. Люди, зависящие от потребления животных, растений и минералов, не имеют права на роскошь всяких сказок. Привилегированные потребители, по всей видимости, удовлетворены обещаниями типа «и жили они долго и счастливо», заключенными в ветровой и солнечной энергии, а также в переработке пластиковых пакетов. Власть имущие довольны тем, что никто не угрожает их деятельности по переработке оставшихся в живых биомов в их собственное частное богатство. Надежда, истинная надежда, она для мужественных, потому что единственное настоящее дело этой надежды – это быть той самой угрозой.

Без смелых и активных и без реальной деятельности в полном соответствии с масштабами проблемы, нам остаются лишь фальшивые решения, которые не спасут нашу планету. Эти альтернативные «решения» подразделяются на три основные категории:

«Дон Кихоты».

Нападают на воображаемых врагов – это техноутописты, которые не намерены что-либо делать с засилием промышленности и капитализма, заменять ископаемые горючие ресурсы на ветровые, солнечные, геотермальные и др., так называемые возобновляемые источники энергии. Лестер Браун и Эл Гор – яркие тому примеры. Они согласны с необходимостью структурных перемен, но стремятся переключить культуру промышленности на возобновляемые источники энергии, несмотря на то что она продолжает поглощать планету.

Спускающиеся.

В своей книге «Длинный спуск» Джон Майкл Грейер высказывает мнение, что через несколько поколений нефтяная экономика полностью остановится. Спускающимся особо нечего бояться и не надо ничего делать, кроме как

готовить местные общины и себя к снижению уровня доступной энергии. Станным образом в книге полностью отсутствуют и катаклизмы климатических изменений, и обрушение экосистем, а сопротивление, естественно, не упоминается вообще.

Поднимающиеся.

Они признают факт истощения ресурсов, снижения уровня доступной энергии, разрушительную природу промышленной цивилизации и надвигающуюся катастрофу глобального потепления, но для них структурные, кардинальные изменения невозможны и сопротивление не рекомендовано, даже если оно и рассматривается. Они продвигают изменения образа жизни и идею «спасательных шлюпок» как единственное возможное решение.

Дон Кихоты

Здесь проблема в том, что они ничего не намерены делать с индустриализацией, капитализмом и с цивилизацией вообще. Все эти явления – трагедия для планеты и для прав человека. Они убеждают нас, что мы все в равной степени в ответе за разрушение планеты.

Цивилизация – это разрушение мира живой природы, а индустриализация – ускорение этого процесса. Используя энергию, доступную в горючих ископаемых, мы резко усиливаем как скорость, так и масштаб разрушения. Жителям острова Пасхи потребовалось несколько сотен лет, чтобы вырубить каменными топорами 16 тысяч гектаров леса. С бензопилой можно управиться за пару недель. Капитализм добавляет еще один ускоритель – богатство. Давайте уточним: говоря «капитализм», мы имеем в виду не рыночную экономику, а экономические системы, созданные для накопления частного капитала. Читателей может удивить сравнительная свежесть этого понятия в истории человеческих взаимоотношений. Как указывает Тед Трейнер,

«почти во всех прошедших периодах истории экономическая деятельность определялась, прежде всего, социальными нормами и обычаями, но не рынком. Что человек производил, сколько ему платили, цена продукта, сколько он работал и для кого – все это определялось традициями и обычаями. Большая часть производства и дистрибуции ориентировались не на получение максимальной прибыли, а на правила, установленные традициями, церквями и гильдиями. Эти нерыночные процедуры устанавливали «честные цены». Труд, земля и капитал не продавались. Их обменивали, но договоренности достигались не поиском того, кто заплатит больше, а социальными ролями. «Нравственные» соображения влияли на производство и дистрибуцию. Поэтому было бы ошибкой полагать, что людей всегда мотивировала выгода или экономика всегда была рыночной, или что рыночная экономика – это естественный и единственный способ организовать экономические взаимодействия. На самом деле все бывшие до нас общества характеризовались философией экономики, полностью противоположной нашей».

В главе 3 «Либералы и радикалы» кратко описана история того, как торговые бароны построили американскую конституцию таким образом, чтобы она способствовала накоплению богатства, в том числе благодаря законодательной силе контрактов. Конституция упрочивала права усиливавшегося тогда класса торговцев, на фоне традиционных для того времени ограничений на накопление богатства и защиты такой общественной собственности, как леса, реки... Эти общественные богатства систематично уничтожали, чтобы превращать их в частное богатство. В графстве, где я живу, последняя миграция лосося – вида, питавшего леса 40 миллионов лет – составила лишь 500 особей: слабый шепот, готовый превратиться в воспоминание. Дело в том, что недостаточно биологического разнообразия, и это лишь слабая надежда на питание для леса, состоящего из деревьев высотой 350 футов. Лесозаготавливающие компании имеют право на уничтожение миграции лосося, потому что закон объявляет деревья собственностью компаний, а не общественным достоянием.

Капитализм – это экономическая система, основанная на извлечении и накоплении богатства, а не на обеспечении нужд человека. Фритц Капра пишет:

«До XVII столетия одалживание денег под проценты считалось аморальным, предполагалось, что цены должны быть «справедливыми», личная выгода и накопительство считались неприемлемыми, труд предназначался для «благоденствия души» и для производства товаров для локального потребления, а не для прибыли. В большей части истории еда, одежда, кров и другие основные ресурсы производились для удовлетворения спроса, а дистрибуция осуществлялась внутри племени или группы по принципу взаимности. В основном, мотивация к накоплению через экономическую деятельность отсутствовала, а сама по себе жажда наживы, не говоря уже про ростовщичество, была немыслима или запрещена»⁵⁰.

Критика капитализма изобилует, равно как и предложения различных экономических систем, которые должны обеспечить людей и их права. Однако здесь мы коснемся лишь основных проблем капитализма.

Капитализм основывается на бесконечном росте. В нашей экономической системе инвесторы вкладывают деньги ради прибыли. Как указывает Трейнер, проблема в том, что «в ходе получения прибыли их капитал растет и они уже не

могут выгодно вложить деньги, если не увеличатся производство и потребление» [5]. Экономика должна расти, иначе система рухнет. Однако наша планета конечна. Мы не можем потреблять все больше и больше – деревьев, рыбы, почвы – и потом иметь хоть что-то в остатке.

Капиталистические инвестиции не обеспечивают нужды людей, такие как еда, жилье и здравоохранение, а идут туда, где инвесторы получают хорошую прибыль. Производится то, чего хотят богатые. А то, чего хотят бедные... ну, лучше бы им умереть и снизить лишний груз населения, как сказал самый известный капиталист в истории английской литературы. В масштабах планеты только одна пятая населения получает львиную долю ресурсов, включая горючие ископаемые, еду и даже землю.

Капитализм уничтожает демократию и права человека. Любое общественное устоичество, где ничтожная часть населения потребляет большую часть ресурсов, требует насилия. Люди добровольно не расстаются с источником своего пропитания. Из этого насилия соткана каждая футболка из крупной сети супермаркетов: от рек, высохших ради хлопка, до фермеров, доведенных до самоубийства корпорациями, разрушающими их средства для выживания, и до детей, которым мало что остается кроме переселения в ближайшие трущобы, где рабский труд в нечеловеческих условиях – лучший из вариантов.

Мой друг – профессор. Его студенты подрабатывают в модных магазинах и регулярно находят спрятанные в произведенных в Азии модных джинсах записки: «Пожалуйста, помогите нам».

Как в богатых странах, так и в бедных, власть сконцентрированного богатства искажает и уничтожает демократические процессы. Богатые, если захотят, могут купить законы, суды, правительство, а все остальные не имеют к этому, по большому счету, никакого доступа. Приватизация общественного достояния и развал локальных экономик оставляют людям «выбор», который сводится к «торгам» с корпорациями ради выживания. Только фундаменталисты, фанатично верящие в свободный рынок, могут верить в «свободу» таких торгов.

Вот что «Дон Кихоты» не могут осознать: если оставить капитализм, то никогда не получится создать справедливый и устойчивый мир. Экономическая система, основанная на неограниченном росте, продолжит превращать живые существа в мертвые товары, трансформировать локальные самодостаточные экономики в корпоративные колонии крепостных, а демократии – в товары потребления. Кто может хотеть, чтобы эта система жила и дальше? А вот «Дон Кихоты» хотят.

Теда Тренера хочется цитировать без остановки. Он пишет в стиле «извинения перед зелеными людьми»:

«Устойчивое и справедливое общество не может быть обществом потребления, им не могут двигать силы рынка, оно должно состоять из относительно маленьких локальных экономик и показывать нулевой экономический рост, а его главными ценностями не могут быть конкуренция и жажда наживы. При этом вопрос тут не в том, достигнем мы этого или нет, а в том, что с пониманием наших «ограничений роста» невозможно даже думать о существовании любого другого справедливого и устойчивого общества. Обсуждение этих тем чрезвычайно важно, но мало кто из «зеленых» говорит об этом, практически никто даже не упоминает.

Оптимисты-«техноутописты», чудовищную часть которых можно обнаружить на полях возобновляемой энергии, заслуживают такой же критики.

Несмотря на бесспорно желанные технологии, которые все эти люди разрабатывают, они трудятся на дьявола. Если на самом деле справедливый и устойчивый мир невозможен без перехода от потребительского общества к Чему-то Попроще, то этот переход подрывают люди, укрепляющие веру в то, что технологические достижения устранят всякую потребность в том, чтобы даже думать о таком переходе [6].

У Лестера Брауна есть план, ныне обновленный до версии 4.0 [7]. Он открыто признает, что планета находится в крайне затруднительном положении. Он точно так же ясно признает, что чрезмерное потребление ведет к разрушению. Он откровенно говорит о перенаселении, что часто является спорным моментом для прогрессистов. Но он стремится спасти то, что должно быть остановлено – саму цивилизацию.

У Брауна есть План Б: Мобилизация для Спасения Цивилизации, который состоит из следующих пунктов: снижение выбросов углерода на 80% к 2020 году; стабилизация населения планеты на уровне 8 млрд; устранение бедности; компенсация ущерба, нанесенного живым сообществам, включая ущерб почвам, водоносным слоям, лесам, лугам и рыбным запасам» [8].

В его плане есть здоровое понимание того, что проблемы системны и взаимосвязанны. Он пишет: «Скорее всего, мы не сможем стабилизировать рост населения, если не искореним бедность. Проще говоря, мы не сможем восстановить естественные системы без стабилизации населения и климата, а климат вряд ли удастся стабилизировать без стабилизации населения. И устранение бедности невозможно без восстановления естественных экосистем» [9].

В Плане Б есть проблема: в нем не учтено ускоряющееся развитие капитализма, индустриализации и цивилизации. Это ключевой момент в ереси «Дон Кихотов», даже при том, что они признают, что что-то не так с рыночными силами. Браун пишет: «Мы полагаемся на рынок в такой значительной степени, потому что он является

невероятным во многих отношениях учреждением. Он распоряжается ресурсами с такой эффективностью, что никакое централизованное планирование не может с ним сравниться, он легко балансирует спрос и предложение...»

Кому рынок предоставляет ресурсы? Людям, имеющим средства на их приобретение. А то, что капитализм называет «ресурсами», другие люди считают своими ценностями, и даже своими жизнями. Как признает Браун, «рынок не принимает во внимание несущую способность (допустимую емкость) природных систем. Например, если промышленный вылов рыбы будет постоянно чрезмерным, то улов когда-то снизится, цены поднимутся, это простимулирует инвестиции во все более дорогие рыболовные траулеры. Неизбежным результатом будет унижение уловов и смерть индустрии» [11].

Но решение, предлагаемое «Дон Кихотами», заключается не в устранении механизмов капитализма, индустриализации или цивилизации. Их решения предусматривают замену рынка горючих ископаемых на возобновляемые источники энергии под кнутом штрафов и за пряник субвенций. Налог на углерод и торговля квотами – любимые их предложения. Торговля квотами подразумевает, что контролирующая организация устанавливает допустимые ограничения на конкретный вид деятельности, а затем квоты продаются тем, кто заплатит больше. В целом, это обычная капиталистическая пирамида: кто богаче, тот и покупает разрешения. Если правительство разрешает выбрасывать ограниченный объем углерода в год, то почему только богатые имеют на это право? Почему квоты не распределяются на всех людей поровну?

На практике программы торговли квотами оказались по меньшей мере нерабочими, а по большому счету вредными. По мнению адвокатов, работающих с вопросами окружающей среды, Лори Уильямс и Адама Забея, проблем не шесть. Они прямо заявляют: «Мы не считаем, что достаточно надежная и точная система учета выбросов может быть реализована в приемлемые сроки». В Европе заниженные отчеты по выбросам сделали Киотский протокол неэффективным. По сути, торговля квотами создает еще один способ получения богатства – углерод, который, как принято, продают подороже. Европейский рынок углерода лишь «обогастил загрязняющие отрасли промышленности и их консультантов, приведя при этом к малозначимому уменьшению их выбросов» [13].

Изначально ограничения выбросов и торговля квотами задумывались как способ заставить рынок отойти от горючих ископаемых и выбрать (предположительно более дешевые) возобновляемые источники энергии, но не избавиться от капитализма. Исходно, идея подразумевает, что цивилизация и капитализм – это хорошие способы организации человеческого сообщества и их можно спасти простым переходом на возобновляемые источники и что такая замена возможна. Мы уже обсуждали, почему капитализм и индустриализация основаны на доминировании и разрушении. Но вопрос возобновляемых источников заслуживает более детального рассмотрения.

Возобновляемое (экологичное) – это земля обетованная для прогрессистов, где мегаватты текут реками меда и молока. Они могут запитать все: потребительские товары, пригороды, сельское хозяйство, и у нас даже останется приемлемая атмосфера. Нам остается лишь направить рынок в сторону некоей комбинации солнечной, ветровой, геотермальной и биогазовой энергетики, и мы будем сыты, а планета цела.

Но объективная действительность вносит жесткие коррективы, особенно когда люди ставят свое эмоциональное спокойствие и свое будущее в зависимость от необоснованных надежд. «Дон Кихоты» – это научные милленаристы – верят, что взойдет новый, более светлый день над нашими солнечными панелями, особенно если мы очистимся и все уверуем.

Но верой математику и физику не изменишь. Для примера, ветровая энергия – это центральный элемент брауновского Плана Б, версии 4.0. Он утверждает, что если освоить 25% имеющегося на планете ветра, то количество этой энергии будет в 7 раз превышать текущее потребление на всей планете [14]. Он предлагает построить ветровые фермы мощностью 3000 гигаватт, что покроет примерно 40% мирового спроса. Именно такие утверждения надежно убаюкивают встревоженных. Ветровая энергия имеет серьезные проблемы, которые игнорируются Брауном и другими «Дон Кихотами», а под угрозу находится вся планета.

Как разъясняет Тед Трейнер, «даже в местах с хорошим ветром удастся покрыть лишь малую часть потребности» [15]. Первая большая проблема – прерывистость. Да, в некоторых местах потенциальный «урожай» энергии может даже перекрывать спрос, но большая часть этого потенциала полностью бесполезна, так как ветер – сила переменчивая. Ветровые «фермы» выдают всплески энергии, давая то все, то ничего. Если ветра крепкие и турбины работают на полную мощность, сеть будет перегружена. Большую часть энергии придется не пускать в сеть, чтобы она не сгорела. Так почему же не отключиться от горючих ископаемых и не использовать ветер как источник? Потому что на подключение-отключение сетей на основе горючих ископаемых требуется 12-24 часа. Проблему можно было бы решить хранением энергии, но в реальности хранить электроэнергию невозможно. Неотъемлемая переменчивость потока энергии означает, что для производства привычного для промышленного сообщества количества энергии на долю горючих ископаемых в энергетике должно приходиться хотя бы половина. Без поддержки, при использовании только ветра, мощность ветровых установок должна примерно в 20 раз превышать спрос. Количество требуемых для этого турбин окажется невозможно большим» [16].

Европейский опыт показал, что переменчивость уже на уровне 5% отдачи причиняет «значительные трудности интеграции в общую сеть» [17]. Дания часто приводится как позитивный пример, поскольку проблемы не возникают до тех пор, пока выработка энергии от ветра не достигает 18%. Это счастливое число не проходит проверку на истинность, так как большую часть выработанной энергии экспортируют. А остаток сбрасывают. В действительности, лишь 4% энергии, выработанной ветром, расходуется в сети Дании. Есть две причины, по которым Дания может экспортировать избыток энергии: ее соседи не используют ветровую энергию и, следовательно, имеют чуть больше гибкости в энергетической системе. Кроме того, Дания – маленькая, по сравнению с соседями, страна и генерирует в целом мало энергии.

Самое страшное, по мнению одного из исследователей, это то, что использование энергии ветра приведет к увеличению использования горючих ископаемых по сравнению с ситуацией, когда ветровые станции не строятся вообще. Трейнер поясняет: «Все потому, что наиболее эффективная газовая электростанция на турбинах комбинированного цикла должна работать на постоянной мощности, а электростанции, способные варьировать мощность, на порядок менее эффективны. Кроме того, частые переключения мощности укорачивают срок службы газовых турбин» [8].

Некоторые «Дон Кихоты» влюблены в водород, как в способ хранения энергии. Однако наиболее благоприятные условия позволяют получить примерно 25% той энергии, что вкладывается в водородные топливные ячейки. Это весьма неэффективный способ хранить энергию. Берем ранее упомянутое 20-кратное среднее потребление, умножаем цифру на три, чтобы получить необходимое количество ветровых установок. Это нереально. С глубочайшими извинениями перед Бобом Диланом, скажем: решения вопроса в дуновении ветра нет.

Солнечная энергия обходится немного дешевле. Браун опять проповедует техномиллениаризм, утверждая, что «на юго-востоке США ресурсов солнечной термальной энергии в 4 раза больше, чем нужно всем США» [9]. Будущего не стоит бояться, достаточно уверовать в священную технологию. Но если исследовать глубже, то окажется, что чудеса, обещанные солнечной энергией, распадаются на части как чудеса фокусника. Как и в случае с ветром, хранение и интеграция энергии делают солнечную энергию более пригодной в качестве вспомогательного источника энергии, чем в качестве основного ее источника. Солнечная энергия стоит в 7,5 раз больше энергии угля [10]. Солнечные панели могут стоить в 13 раз больше [11]. Зима представляет собой непреодолимую проблему, вынуждая некоторых, включая и Брауна, предлагать Северную Африку как лучшее место для обеспечения электричеством Европы. Одно емкое высказывание с бамперной наклейки гласит: «Как это наша нефть оказалась под их песками?» В «возобновляемой» версии можно спросить: «Как это наш солнечный свет падает на их земли?» Приемлемым это решение является только если Вы, как и Браун, все еще выступаете за неолиберальную глобализацию: бедные страны должны привлекать капитал богатых и становиться частью глобального рынка, продавая любые доступные «ресурсы». С точки зрения эксплуатации, новый мир возобновляемых ресурсов будет выглядеть точно так же, как и старый.

Но даже если оставить в стороне проблему справедливости, простая физика делает эту схему нежизнеспособной, поскольку подразумевает невероятно длинные линии электропередач, что включает их частичное прохождение под Средиземным морем. Расположенная севернее Европа с ее облаками и снегом не может покрыть солнечной энергией спрос, обеспечиваемый сжиганием горючих ископаемых. В США ситуация сходная: самые удобные для генерации солнечной энергии места – это малонаселенный юго-запад. Питание населенных центров потребует хранения и длинных линий передач со свойственными им «паразитными потерями, энергозатратами, потерями при передаче и затратами на резервные сети» [22]. Тепловая солнечная энергия имеет преимущество в виде возможности хранить энергию (масло, расплавленный песок или молотый камень). На сегодняшний день добились 12 часов хранения. Но данные показывают, что облачность может держаться по несколько дней даже в самых лучших местах, требуя резервных мощностей. Фотоэлектрические системы характеризуются теми же проблемами переменчивости и стоимости хранения, что и ветровая энергия. Они точно так же дороги. Данные Трейнера показывают, что как домашние, так и промышленные генераторы должны проработать от 150 до 294 лет, чтобы окупить затраты на них. Он анализирует цифры по домашним системам и приходит к выводу, что «если бы вырабатываемое электричество покупали по цене энергии, полученной от угля, то потребовалось бы 452 года, чтобы достигнуть окупаемости» [21]. Как он утверждает, «эти долгие периоды возврата инвестиций указывают на то, до какого масштаба должны вырасти цены на электричество, чтобы экономика, основанная только на возобновляемых источниках энергии, стала приемлемой» [24]. Трейнер исследует проект фотоэлектрической установки на 1000 мВт, круглосуточно обеспечивающий потребителей энергией. Проект, рассчитанный на хорошее расположение и предполагающий хранение энергии в водородных ячейках, может обойтись в 34 раза дороже угольной электростанции. Наступит момент, и промышленная экономика не выдержит роста стоимости энергии. У авторов этой книги данный факт не вызывает никакого беспокойства.

Но «Дон Кихоты» яро выступают за «возобновляемое», стремясь отложить эту самую возможность.

Эти расходы, конечно же, основаны на пока еще дешевой энергии, поступающей из горючих ископаемых. Ветровые генераторы, солнечные панели, как, впрочем, и сама сеть, изготавливаются с использованием этой самой дешевой энергии. Когда начнут подниматься цены на ископаемые энергоносители, такие дорогие промышленные изделия станут просто фантастическими проектами – таков удел «возобновляемого». Элементы, необходимые для некоторых ключевых технологических процессов (галлий, индий, теллурий), попросту не существуют в достаточных количествах для обеспечения планеты нужным количеством электричества. Основные ингредиенты для возобновляемых источников энергии очень часто встречаются в промышленных продуктах: цементе, алюминии. Никто не сможет производить цемент в любом количестве без легкодоступных горючих ископаемых: производство цемента требует так много энергии, что на каждый килограмм продукта приходится килограмм углерода, выброшенного в атмосферу.

А алюминий? Одна только добыча компонентов для его производства является токсическим кошмаром, от которого прибрежные сообщества смогут восстановиться спустя несколько геологических эпох. Как и в случае с цементом, производство алюминия очень энергозатратно. На таких ингредиентах невозможно построить устойчивый образ жизни. Их добыча оставляет после себя мертвые реки, их очистка требует адских температур, а применяют эти ингредиенты для того, чтобы создавать все больше того же самого – продолжения пожирания планеты.

Уже один тот факт, что мне нужно затрагивать тему биотоплива, означает, что мейнстрим экологического движения витает в облаках фантазии, основанной на роскоши полутонны стали на человека.

Этанол из кукурузы, возможно, вообще не дает энергии. А если и дает, то очень-очень мало. Гораздо важнее, что на каждый гектар посаженной ради этанола кукурузы где-то в другом месте должны вырубить гектар леса, чтобы восполнить потерю продуктов питания. А единственное где-то еще, которое осталось, это тропики. Команда

исследователей Принстонского университета сложила цифры: биотопливо на основе вырубки лесов резко повышает выбросы парниковых газов [26]. Одно исследование в журнале «Наука» поставило биотопливу «углеродный долг» с коэффициентом 37. Поймите: превращение лугов или лесов в кукурузу, сою или пальмовое масло на биотопливо приводит к выбросам углерода, которые в 37 раз превышают выигрыш от перехода с горючих ископаемых на биотопливо [27]. По словам Трейнера, «ограниченность жидкого топлива связана прежде всего не с коэффициентом возврата энергии при производстве топлива из биомассы. Ограничения связаны с площадями доступной земли и прогнозируемыми урожаями» [28]. Земли больше нет, и, откровенно говоря, если бы она и была, то растения и животные, живущие там, совершенно точно предпочли бы жить в сообществах, а не в монокультуре просо. Многолетние культуры не дадут большего результата, чем однолетние: постоянное покос всего целлюлозного материала (как это предусмотрено технологией биотоплива) быстро истощит землю.

Снова видим полное непонимание простейших законов жизни, отсутствие знаний, обязательных для сельскохозяйственного общества. Почва – живой организм, причем очень и очень живой. Это не инертный материал, которым люди могут манипулировать и пользоваться, и обращаясь с почвой так мы пришли к концу света. Потому что почва живет, ей нужно питаться. Постоянно убирая растительный материал, мы вынуждаем почву голодать. На голодающей почве начнут голодать и растения. Добавление азота вместе с произведенными из нефти удобрениями временно дает растениям возможность расти, но как минеральное содержимое, так и само тело почвы при этом исчезает и портится.

Эти удобрения, конечно же, являются частью процесса истощения запасов горючих ископаемых и накопления парниковых газов. Лауреат Нобелевской премии, Пол Крutzen обнаружил, что выделяющиеся из нефтехимических удобрений окислы азота, необходимых для кукурузы и рапса, сводит на нет любую экономию выбросов углерода [19]. Биотопливо – это просто еще одна сельскохозяйственная атака на планету.

Дорога в ад выстлана горючими ископаемыми. И не существует ни одного другого источника энергии для промышленной культуры. «Дон Кихоты» должны посмотреть правде в глаза: солнце, реки, ветер и деревья могут стать нашим домом. Они не могут стать нашим персональным источником энергии, не больше чем на несколько поколений, последнее из которых уже родилось.

У «Дон Кихотов» есть много предложений, но это такие идеи, которые станут пылью под ногами нравственности, если на них прольется свет дня. Они обещают, что мы можем оставить себе наши автомобили, если они будут электрическими. Оказывается, что производство электромобиля требует в пять раз меньших затрат энергии по сравнению с обычным. Для модели Prius запомните такую цифру: на 142% больше энергии на протяжении всего периода службы машины. В действительности, гибриды потребляют больше энергии, чем внедорожники. По словам Ричарда Ньюмана, энергетические затраты на километр за время службы Prius на 40% выше энергозатрат средней машины в США. Лестер Браун предлагает энергосберегающие устройства, способные «говорить» с сетью. А сколько энергии зашито в сложную электронику? А между тем мы точно знаем, сколько энергии заключено в холодном подвале или погребе, в еде, которую производят каждый день и локально: ноль. Никто не осмеливается предлагать другой образ жизни, никто не опускает ни меч, ни орало – смертельные орудия цивилизации.

Еще одно существенное поражение «Дон Кихотов» – это их оценки перенаселения. Хорошо, что многие «Дон Кихоты» хотя бы согласны говорить на такие темы и высказывать эти непростые истины. Население планеты – это непростая тема для тех, кому важны права человека. Так уж сложилось, что некоторые очень нехорошие люди использовали проблему перенаселения как оправдание для скрытой идеологии расизма: проблема в том, что коричневые слишком тупы или слишком сексуальны, чтобы себя сдерживать. Те из нас, кто подходит к вопросу перенаселения с точки зрения истощения ресурсов, прав человека и феминизма обязаны выделяться на фоне вплетенной в эту историю идеологии расизма. Когда мы говорим «перенаселение», мы должны определить, что именно мы имеем в виду и почему это важно.

Лично я под этим словом понимаю то, что планета – это сфера с ограниченными ресурсами. Планета не бесконечна. Есть абсолютный лимит количества людей и видов, которых окружающая среда может обеспечить на протяжении неограниченного периода. Когда появляется слишком много особей одного вида и они истощают определенные ресурсы, делают землю непригодной для себя и для других видов живых существ, этот вид, скорее всего, вымрет. Это физическая реальность. На протяжении большей части истории человечества мы осознавали ограничения окружавшего нас сообщества живой природы. Охотники и собиратели знают, какая нужна пропорция взрослых, чтобы прокормиться и не вгонять общину в голод и не уничтожить природные сообщества. Все от воздержания до травяных методов аборта идет в ход, и детоубийство рассматривается как запасной вариант. Эскимоска, потерявшая мужа, должны была убить всех своих детей до трех лет. Арктический климат жесткий и слишком большое количество иждивенцев означает, что вся община пострадает. Это верно и по отношению к человеческим сообществам, но с еще более требовательной окружающей средой, негативные последствия (голод) из-за перекоса в соотношении производитель-иждивенец будут ощутимы незамедлительно.

Именно сельское хозяйство разрушило эти культурные взаимоотношения. Пуская в расход целые экосистемы, люди смогли поразительным образом разрастись числом. Помните, что сельское хозяйство – это замена биологических сообществ на монокультурные насаждения для людей. Сельское хозяйство дало возможность накопить большее количество ресурсов – солнечного света, дождя, почвы – для большего количества людей. Сейчас, когда заканчивается ресурс почвы, монокультуры удобряют нефтью и газом. Если ты ешь зерновые, ты ешь нефть на стебельке. Сейчас, когда высыхают реки и падают водоносные горизонты, урожаи орошаются из невозобновляемых водных ресурсов прошлых геологических эпох. Вода настолько недоступна, что для ее добычи требуется оборудование для бурения нефти.

Гигантские участки нашей планеты, когда-то покрытые густыми лесами, сегодня представляют собой лишь грязь и соль. Нынешнее количество людей обеспечиваются именно этим остатком ресурсов.

Итак, вот она, проблема в дискурсе об этой дилемме. Многие писатели принимают нынешний уровень потребления за безусловную отправную точку. Они полагают, что количество производимых зерновых может оставаться неизменным бесконечно. Это не так. Оно основывается на истощении ресурсов, на долгосрочном уничтожении целых континентов, уничтожение, которое совсем скоро поглотит все без исключения.

Мне нравится, как Браун понимает это в историческом плане, то как уничтожение почвы и ее засоление стали причиной падения прошлых цивилизаций, и то, как такая мрачная перспектива ожидает и нас. ООН предсказывает рост населения планеты до 9,2 млрд к 2050 году. Браун говорит об этом прямо:

«Я не думаю, что население мира когда-либо достигнет 9,2 млрд... Земельные и другие ресурсы снижаются, распространяется голод. Проще говоря, многие системы обеспечения уже приближаются к своему концу, а некоторые находятся в фазе обрушения. Вопрос не в том, остановится ли рост населения еще до достижения уровня 9,2 млрд, а в том, почему это произойдет: потому что семьи станут маленькими или потому что такая перемена не произойдет и рост населения остановит рост смертности» [32].

Четко, как сигнал об опасности, он утверждает: «Если мы не сможем стабилизировать население и климат, то не будет никакой экосистемы на планете, которая нас спасет» [33].

Точно с такой же четкостью Браун говорит о повышении статуса женщины и об устранении бедности как о ключевых факторах снижения рождаемости. Он пишет: «Если наша цель – искоренение голода и безграмотности, то наш выбор ограничен» до обязательного снижения количества людей. Для достижения целей он включает в план основных действий списание долгов, общедоступную систему здравоохранения, доступ к начальному образованию, особенно для девушек, доступ к семейному планированию. Ради всего этого стоит бороться. Все упомянутые меры помогут нам двигаться к более устойчивому будущему. Но ничто из этого недостаточно.

Капитализм, особенно в его корпоративной версии, должен быть уничтожен и заменен экономикой, подконтрольными демократическим обществам. Если это подразумевает рыночную экономику, то рынки должны опираться на систему потребительского хозяйства⁵¹. «Дон Кихоты» типа Брауна способны определить бедность как фактор определяющий перенаселение, но они не определяют капитализм как основную причину бедности. Решение Брауна заключается в том, чтобы кроме солнечного света, «экономики с низким доходом» продавали все оставшиеся у них так называемые ресурсы. Браун советует финансировать развитие способности стран третьего мира «развивать нереализованный потенциал в производстве продуктов питания, давая им возможность экспортировать больше зерновых» [34]. Брауна волнует, что снижение выработки нефти может прервать «поток сырья между странами». А такие потоки сырья обрекли большую часть мира на бедность, а Землю на смерть. Это «сырье» должно оставаться тем, чем оно является: живыми лесами, лугами, реками, т.е. сообществами, создающими почву, основой жизни. А людям, как членам этих живых сообществ, нужно облегчение в ситуации постоянного нападения глобального капитала.

Но больше всего планете нужно избавиться от неперестанного изнашивания земледелием. Как и почти все ныне живущие, «донкихоты» не осознают, что земледелие – это биологическая чистка⁵², уничтожение видов, экосистем, почвы для временного увеличения потенциальной емкости экосистемы для людей. Именно в этом заключается всеобщее заблуждение, скрытое в заявлениях, будто если давать зерновые не животным, а людям, то это якобы решит глобальную проблему голода: зерновые с нами лишь временно.

Браун предлагает наращивать производство еды за счет увеличения производительности земли: удобрения, орошение, урожайные сорта. У меня голова трещит от таких нестыковок в мышлении. Он знает, что люди разрушают климатический баланс горючими ископаемыми, и при этом его «решения» зависят от роста потребления горючих ископаемых. Удобрения делаются из газа и нефти, а их время уже прошло. Орошение убивает почву засолением, что угробило немало доиндустриальных цивилизаций. Оно также отбирает жизнь у рек вместе с отбором воды: рыба без воды – мертвая рыба. Для примера, 80% рек в Китае сегодня безжизненны. Орошение к тому же уничтожает окружающие луга и болота: самые густонаселенные видами биомы уже стали редкими островками жизни с исторической значимостью. Подземные воды ушли так глубоко, что половина вручную выкопанных колодцев в Индии уже сухие, что вытесняет людей в городские трущобы [35]. Земледелие наносит свое последнее оскорбление, когда уровень подземных вод падает ниже доступа корней деревьев. Деревья – основа жизни в биологических сообществах: без них мир превратится в монокультуру пыли. Далее для добычи воды требуется оборудование, обычно используемое для бурения залежей нефти и потребляющее энергию из дешевых горючих ископаемых.

Браун также предлагает земледелие без вскапывания. Где-то между строк он признает, что распаивание наносит вред. Некоторые методы непахотного возделывания земли требуют спецоборудования, способного проникать под землю через остатки растений, оборудования, которое может быть произведено только промышленным способом и обязательно дорого. Другие методы непахотного возделывания используют гербициды вместо механических способов устранения сорняков, т.е. тех самых растений, которые не оставляют отчаянных попыток исцелить мир. Оставим в стороне тот факт, что такие методы делают людей зависимыми от промышленной инфраструктуры, делают их придатком финансовой системы и рабами в иерархических структурах обеих систем: мне действительно нужно объяснять, что наполнять мир токсинами – это плохая идея? В этих рекомендациях нет будущего ни для людей, ни для почвы, ни для

⁵¹ Имеется в виду хозяйство, работающее ради обеспечения людей, а не ради получения прибыли.

⁵² Термин схож с понятием «этническая чистка».

крылатых и хвостатых и уж точно нет того будущего, которое стоит терпеть. Если мы глянем в глаза правде о перенаселении, то с ним придется иметь дело.

Ни одно из решений, опирающихся на земледелие, не будет реальным решением проблем. Почва продолжит превращаться в безжизненную пыль. Орошение, последние слезы рек, последние вздохи иссохших водоносных слоев, задушит землю солями. Животным, от мегафауны до микроскопических ракообразных сеноедов (их почти невозможно разглядеть, но они составляют самую большую биомассу на планете), будет некуда идти, кроме как в пропасть забвения, причем эти виды уходят от нас не по двое, а по 200 видов за раз. Вот что такое земледелие: спускание буйной и многообещающей жизни биомов в монокультурные насаждения для людей. Процесс уже почти завершен. Мы слышим лебединую песню о трагической неудаче когда-то живой планеты.

Несмотря на заявления в необъяснимо популярной книге⁵³, мир не был создан для нас. Ни один, хотя бы немного разумный человек не может верить в это безумие. Будучи хищниками на вершине пищевой пирамиды, мы тотально зависим от работы миллионов других творений, которые превращают холодные камни в комфортный дом. «Идите и размножайтесь» – таков громогласный призыв к несправедливому получению благ⁵⁴. Мы не имеем права на долю большую, чем наша. Нам не спасти планету до тех пор, пока существует земледелие и его религии, его психология и его привилегии.

Восемь миллиардов людей спят, вот только сон их больше похож на кошмар. Итак, сколько людей может поддерживать Земля постоянно и без ущерба? В 1800 году, в начале эры горючих ископаемых, нас было 1 миллиард. Многие авторы, пишущие об исчерпании ресурсов, берут эту цифру за отправную точку. Эти писатели приняли очень нелегкую правду, но они не дошли до самой глубины этой проблемы. В 1800 году огромные территории планеты уже были уничтожены земледелием и перенаселены людьми. На самом деле экологически устойчивая численность людского населения 300–600 миллионов. Возможно, это прозвучит как нечто несбыточное, может быть, это действительно невозможно, учитывая отведенное нам время. С другой стороны, нужно задействовать одни и те же политические и социальные процессы, если целью является снижение населения до 8 млрд, 1 млрд или 300 миллионов. Если нам это вообще удастся, то, возможно, удастся сделать это правильно.

Абсолютно верно то, что любой живущий когда-то умрет. Если воспроизводство населения не будет перекрывать смертность, то проблема решится сама собой. И даже не особо много времени потребуется. Если на одну женщину приходится чуть более 2 детей, то население продолжает расти из-за количества детей, которым еще предстоит достигнуть репродуктивного возраста. Однако если на одну женщину будет приходиться один ребенок, то к 2110 году население планеты снизится до 1 млрд. Такая же цифра достижима и за 50 лет, если в три раза возрастет смертность взрослых, а род человеческий переживал в прошлом и намного худшие уровни смертности. В некоторых местах смертность уже повысилась, и, хотя с этим связаны страдания отдельно взятых людей, общество в целом не погрузится в бердак беззакония из-за снижения населения (см. наше обсуждение России ниже).

Сегодня существуют 75 стран с минимальным уровнем воспроизводства (2,1 ребенка на одну женщину). В 33 странах рост населения отрицательный. В некоторых случаях причиной является высокий уровень жизни и уровень гражданских прав женщин, а оба эти фактора имеют огромное влияние на рост населения. Однако в других странах причины сугубо негативные: болезни (в особенности ВИЧ), социальная напряженность из-за войны и бедности, экологические катастрофы. Своим значительным контрастом эти факты показывают нам возможные варианты будущего: мы или сами добровольно и мирно повлияем на социальные факторы, стоящие за перенаселением, или природа сделает это за нас.

Население мира:

Сценарий ООН: рождаемость снижается от 2,6 в 2004 году до чуть более 2 детей на женщину в 2050-м.

Сценарий, согласно которому у одной женщины один ребенок.

Мы должны с ответственностью подойти к следующим вопросам: воспримем ли мы – вид, населяющий всю планету – эту ситуацию как проблему? Станут ли правительства и другие мировые организации проводить соответствующую политику? И выдержит ли планета смену власти и напряжение, пока наша численность не начнет снижаться?

Спускающиеся

Спускающиеся – это еще одна группа, которую мы часто можем найти в среде последователей пермакультуры и группах, интересующихся кризисом нефти. Они цитируют примеры прошлых цивилизаций, которые пали из-за исчерпания ресурсов, в особенности истощения почвы, но их идея заключается в том, что падение не является катастрофой. К примеру, исчезновение цивилизации майя произошло не за один день, городам майя «потребовалось полтора столетия, чтобы погибнуть» [36]. В этом заключается основная мысль книги Майкла Грира «Длинный спуск». Он пишет: «Постепенный распад, а не внезапный катаклизм, вот что характеризует конец цивилизаций» [37]. Основываясь на истории падения прошлых цивилизаций, он предсказывает падение промышленной цивилизации как череду небольших кризисов и перерывов между ними в ходе плавного снижения объемов доступной энергии. Кризисы не будут событиями развлекательного характера, но и не будут апокалиптическим обрушением.

⁵³ Имеется в виду Библия.

⁵⁴ Здесь и повсюду в книге авторы используют слово *entitlement* для описания незаслуженных привилегий, несправедливых преимуществ, которыми сами себя наделяют мужчины, белые, богатые и человечество в целом как вид по отношению к более слабым, мирным.

Этому тезису сопутствует двойственная проблема. Промышленное общество является индустриальным, его существование опирается на громадные объемы горючих ископаемых. Данному условию не удовлетворяет ни одна из прошлых цивилизаций. Ни древние греки, ни майя, ни китайцы не зависели от горючих ископаемых для удовлетворения базовых нужд. Прошлые цивилизации были, как минимум, человеческими по своему размаху, даже если они основывались на исчерпании ресурсов. Цивилизации человеческого масштаба могли закончиться крахом человеческого масштаба. Но сегодня целые континенты и, по сути, 6 миллиардов людей не получают основных питательных компонентов без горючих ископаемых. То, что они не импортируют, перевозят товары на невозможные без нефти расстояния, они выращивают, удобряя землю ископаемым горючим. Вот что натворила Зеленая Революция: увеличила и без того непомерное население в 4 раза. Когда нефть начнет сползать по неизбежно нисходящей кривой Хуберта, 6 миллиардов людей останутся без еды.

В прошлых обрушениях имелись нетронутые биологические сообщества, в которых могли раствориться цивилизованные. Были живые леса, луга, реки и прибрежные зоны, где люди могли выжить, как это было всегда. И опять же, почти никто, кажется, не понимает масштабов пустоты, которую описывают почти стопроцентные показатели: рыба – 90% уже нет, леса – 98% уже нет, степи – 99% уже нет. Ни одна из прошлых цивилизаций не могла и мечтать о таком уровне завоеваний, так как их завоевания были ограничены расстояниями, которые могли преодолеть караваны, поставлявшие ресурсы. Эта защита была разрушена паровым двигателем и двигателем внутреннего сгорания. Уже нет зеленой подушки леса, нет дельты, богатой питательной рыбой и дичью. Мы выживаем благодаря нефти, которая в не очень отдаленный момент потребует больших энергозатрат, чем она сама может обеспечить. Мы стоим на краю обрыва, а не перед плавным маршем ступенек, ведущих вниз.

Еще один разрыв между Спускающимися и реальностью – обрушение экосистем и основных жизнеобеспечивающих функций по всей планете. Книга Грира говорит о коллапсе, но его «коллапс» касается лишь сообщества людей. В то время как жизнь уже рвется по швам от выбросов углерода, сплошного уничтожения видов. Грир призывает нас отвергнуть понятие апокалипсиса, заявляя, что это лишь любимая сказочка авраамических религий. Только вот убийство моей планеты – это не сказочка, это прямо сейчас творящаяся мерзость, требующая целенаправленных усилий, причем немедленных. С повышением температуры и уровня моря, с затоплением берегов и стран, с солнцем, нагревающим планету до невыносимых для бактерий и грибов температур. На каком этапе я имею право сказать слово «апокалипсис»? Возможно, в моей жизни наступит день, когда умрет последний белый медведь, все еще по-прежнему белый, но на фоне почерневшего от таяния мира. Я называю такую возможность – апокалипсис. Такую реальность я называю – ад. Какими словами назовут это Грир и Спускающиеся, мне не дано понять.

Я не стремлюсь посеять панику или организовать движение за выживание. Ни то ни другое ничего не решит. Я пытаюсь создать движение сопротивления, вооруженное стратегией, адекватной масштабу проблемы. Спускающиеся, равно как и «донкихоты», пытаются увернуться от ужасных, но очевидных фактов, именно увернуться, а не развернуть их и изменить. Выход, предлагаемый Спускающимися, по сути эмоциональный, успокаивающая сказочка о том, что все будет хорошо: это уже происходило и конца света не наступило.

Вот только на этот раз мир так приближается к своему концу. Возможно, уже родился тот белый медведь, который станет последним, медвежонок, укутанный в древнее, как мир, тепло шерсти его мамы. А возможно, он все еще яйцеклетка в буйстве разума делящихся клеток, защищенный древним морем млекопитающих. Когда он явится на свет, увиденное им будет не тем, каким его видели его родители и родители его родителей. Меньше будет льда, чтобы на нем можно было стоять. Недостаточно морских котиков, чтобы самка могла набрать жировую прослойку, нарастить мех и выносить детей. Будет голод и холод, пока она не умрет либо от одного, либо от другого в море, ставшем пустыней из-за культуры, которую никто не хочет остановить.

Такова реальность массового вымирания. И происходит оно не видами, а особями: по одной особи за раз. Один медведь за другим, одна птица за другой, утомление от тысяч километров без убежища в виде льдины или реки. Отчаянные птенцы с зияющими, как все их будущее, клювами. Они хотят есть, пить, согреться, выжить. Но они умирают. Это медленная кровопотеря жизни из нашей планеты: те существа умирают по одному. Упростить физическую реальность до рассказа – это, конечно же, основа либерализма. План политической деятельности, основанный на смене одной сказки на другую – это безумного размаха тупиковый путь. Убийство моей планеты – это не плохой ужастик, который я могу выключить. Это не книга, которую я могла бы вернуть в библиотеку. Это не сказочка. Каждое из тех творений – чудо клеток, образующих крылья и полет, терпение и корни, радость и боль – умирает. И они реальны. И им нужна защита в реальном мире.

Рассказчики заработали себе имя в среде людей, озабоченных проблемами окружающей среды. Они считают, что доминирование людей – это история, основанная на Книге Бытия, а люди попросту неспособны уничтожить планету. Но чтобы доминирование стало лишь историей, нужно, чтобы ее жертвы были лишь героями этой истории. Я не согласна, равно как не согласны черные крачки и арктические лисы. Это превращение реальности в рассказ порождает в своих последователях странную пассивность. Природа вступит: мы – своенравные дети, не ведающие что творим, нас остановят до того, как будет нанесен значительный ущерб. И понятие о «спасении планеты» сводится к отдельному герою вестерна во всей его маскулинистской красе. Рассказчики, конечно же, игнорируют сказочку о мужских привилегиях, где женщины, животные и планета – это расходные материалы, которые едва заметны в списке «ресурсов», на которых строится мужское эго. А может, просто оставить эту сказку?

Или, может, нам стоит вообще покинуть сказку о том, что мир соткан из сказок. Ведь это не так. Мир соткан из живых существ, переплетенных единством взаимного обмена, единородство солнечного света и углерода, великое причастие. В каждом вздохе животного, в каждом нежном тянущемся ростке, в каждой делящейся клетке слышится

мольба о участии в сети жизни. А наше благодарение проваливается в пропасть сольной песни во скоростью 200 видов в день.

Так что, если нам и нужна история, то очень простая: сопротивление возможно. Хотите добавить в рассказ немного триллера? Попробуйте вот что: времени у нас не осталось. Кроме того, мы можем прекратить рассказывать сказки и взяться за работу.

«Донкихоты» обычно верят в политическое участие. От Эла Гора до Лестера Брауна и Билла МакКиббена, все они продвигают идею гражданского участия для институциональных перемен. В их призывах часто звучит ярость, адекватная серьезности ситуации. Более того, есть признание первичности институциональных изменений, того, что предпочтения индивидуума ничего не изменят и даже не начнут. Их проблема – они стремятся спасти промышленную цивилизацию. Снижение уровня потребления – часть их плана, но капитализм и его непрерывный рост не ставятся под вопрос, и не только не вызывают сомнений, а априори являются частью будущего. И как уже было показано, не существует никакой комбинации солнечной, ветровой и биотопливной энергии, которые заменят насыщенную, легкодоступную энергию горючих ископаемых, и никакие волшебные прорывы в технологиях не спасут положение. Нынешнему образу жизни пришел конец, а они это игнорируют.

Спускающиеся, с другой стороны, оценивают энергетику и низкоэнергетический характер общества будущего, что основано на реальности. Гриер пишет: «Когда горючие ископаемые перестанут быть дешевыми и изобилующими, уровень жизни в развитых странах упадет до уровня неразвитых» [39]. А вот чего Спускающиеся вообще не осознают, так это тервожной ситуации с биологическим сообществом, которая нависла над нашей планетой, и громогласного призыва к действию. (Позвольте ли мне сказать, что они попались в ловушку сказки про «сопротивление бесполезно»?) Политическая борьба активно пресекается и отвергается. Например, Тед Трейнер настаивает на том, что «не существует никакого другого возможного пути» к экоустойчивому будущему, кроме индивидуального выбора в образе жизни [39]. Они заявляют, что наши политические организации никогда не отреагируют на ситуацию, и нам лишь остается каждому в отдельности или местными коммунами готовиться к обрушению системы.

Если наши политические формирования не работают, то нам нужны новые. Однако Спускающиеся предлагают действовать на уровне индивидуальных подвижек в образе жизни: привыкать к меньшему использованию энергии, посадить сад, научиться непромышленной торговле. Единственное, слегка более масштабное решение, предлагаемое Гриром на уровне коммуны, звучит так: «Поскольку правительства, по большому счету, вовсе потеряли инициативу, отдельные люди, семьи, группы и местные общины должны подготовиться к ожидающему нас будущему» [40].

Это еще один существенный недостаток Спускающихся. Какой бы важной ни была их деятельность, выживание – это законченный индивидуализм, и они точно так же отвергают политическую борьбу. При малейшем упоминании о возможности политического сопротивления, оно настойчиво вычеркивается как вариант ведения деятельности. Я не знаю, существовало ли когда-либо движение, которое понимало, что проблема – политическая, но однозначно отрицало политические решения, и я не понимаю, почему это отрицание охватило так много умных, пытливых умов.

Дениэл Куинн рекомендует «уйти прочь» [41]. Куда? И, что еще важнее, зачем? Ричард Хайнберг пишет, что «попытки привести промышленную систему к преждевременному краху кажутся бессмысленными заблуждениями: развал придет весьма скоро, причем сам собою» [42]. Сравните эти слова с мужеством Хеннинга фон Трескоу, который сказал, что даже если нацистское государство обречено, нужно продолжать попытки свержения этого злодейского режима, так как его невинные жертвы погибают каждый день. Нынешний уровень насилия над людьми и другими живыми существами на порядок выше, что подразумевает нашу нравственную ответственность тоже на порядок выше.

Пэт Мерфи в своей книге «План С: стратегии выживания общиной, или нефтяной кризис и климатические сдвиги», которая выделяется своей политической информативностью и острым нравственным нарушением, пишет: «С точки зрения корпоративной глобализации, хорошей акцией местного масштаба может быть максимально широкий отказ от покупки продукции международных корпораций» [43]. В книге, желающей называть поклонение технологии религией, автомобили – разрушающими паразитами и даже рекомендует отказ от массмедиа, лучшее политическое действие, которое он может порекомендовать, это бойкот на личном уровне, который не будет иметь никакого влияния на власть. Он мотивирует читателя «начать индивидуальный процесс перемен в своем образе жизни. Вот это поистине глобальное мышление: выбрать здоровую планету и экоустойчивый образ жизни против кратковременного удовольствия чрезмерного потребления» [44]. У него на самом деле целая глава называется «После кризиса – перемены начинаются с нас». Далее он мотивирует нас «индивидуально измениться, чтобы выжить в мире после кризиса, стать истинными лидерами для тех, кто последует» [46].

Дон Фитц называет это проповедничеством, которое он определяет, как «вера в то, что экологические иезуиты должны обратить людей в благочестивое сниженное потребление, вера, которая отрицает экономическую, политическую и социальную реальность, которые вынуждают нас потреблять больше» [47]. Дабы еще раз пнуть совсем мертвую либеральную лошадь: индивидуальные перемены никогда не приведут к политическим переменам. Нам нужно истинное лидерство, но лидерство, ведущее к политической борьбе ради устранения несправедливой, разрушительной системы власти. Чтобы бойкот воизмел действие, нужно участие громадных масс людей, не покупающих продукцию корпораций, и если кто-то намерен это организовать, то почему бы не организовать нечто, что выбьет кирпич из здания корпоративной власти и промышленной цивилизации. Как указывает Фитц, «проповедывание – это призыв к построению нового общества без построения общественного движения» [48]. А без общественных движений не изменится ничего.

Мерфи пишет: «Индивидуальные перемены должны быть первыми, или по меньшей мере идти рука об руку с лоббированием изменений в правительстве и структурными организационными изменениями. Для этого требуются люди, прошедшие через личную трансформацию и способные развить мудрость для реализации перемен в обществе» [49]. При всем уважении, так не работало ни одно движение освобождения и не было отвоено ни одно право

человека. Образование и повышение осознанности необходимы, чтобы набрать ряды активистов, которые совершат работу, но работу они совершат на организационном (институциональном) уровне. В результате институциональных перемен изменится восприятие и мышление на уровне всего общества. Именно такова последовательность.

Работа активистов – дать этому поступательному движению нужную ему силу. И опять-таки, эта сила может быть вполне ненасильственной, но стратегические и тактические вопросы вторичны на фоне понимания того, что нужно столкнуться с властью и что она добровольно не сдастся.

Как «донкихоты», так и Спускающиеся предлагают либеральные решения. Поскольку «донкихоты» не желают замечать иерархические структуры власти капитализма, индустриализма и, в конце концов, цивилизации, то их предложения не соотносятся с реальными проблемами. Спускающиеся видят проблему четче, но их настойчивое стремление найти решение в смене одной сказки на другую является идеалистическим. Опять-таки, идеализм – это вера в то, что реальность состоит из идей, а не из материальных условий жизни. Спускающиеся заведомо отказываются от политических решений в пользу перемен через личные предпочтения в образе жизни, что является чистейшим индивидуализмом – еще одной основополагающей догмой либерализма.

Либерализм никогда не сможет привести к коренным (радикальным) переменам, а если когда-либо и существовала срочная потребность в переменных, то этот момент наступил.

Жизненные

Идея переходных городов (Transition Town) ближе всего к движению Глубинного Экологического Сопротивления. Но в движении переходных городов есть одно глубокое противоречие: план четко предусматривает структурные изменения, но при этом многие писатели настаивают на понятии личной «спасательной шлюпки». Концепция спасательной шлюпки была исходно предложена Ричардом Хайнбергом в его книге «Отключение: варианты действий в мире после углерода». Идея заключается в том, чтобы накопить знания и навыки для выживания небольшой общиной, а также «сохранить культурные достижения последних нескольких столетий» [50].

Идею переходных городов создал Роберт Хопкинс в качестве основы организации общины перед лицом нефтяного кризиса и глобального потепления. Это был один из способов ответить на вопрос: «Что могу сделать я?» с 51 конкретным планом. Одним из них является План действий при снижении энергии (EDAP). Можно многое сказать о 12 шагах для создания EDAP, расписанных в «Руководстве по переходным городам». Местным жителям рекомендуется разделиться на группы, обеспечивающие любые выбранные ими функции в процессе «построения выживаемости общины и уменьшения их углеродного следа» [51]. Им рекомендуют ступать во взаимодействие с другими подобными группами в своем регионе, работать над проектами, полезными и понятными широкой публике (т.н. высадка орехов в центре города), предлагать восстановление потерянных и в скором времени требующихся навыков самообеспечения, строить мосты для перехода к местному самоуправлению. Они также рекомендуют, чтобы группы, занимающиеся переходными городами, включали в описание своих целей Декларацию о правах человека ООН.

«Временная шкала перехода» Шона Чамберлена – это второе поколение Переходных городов, излагающее возможные сценарии нашего будущего. Вариантом по умолчанию является ситуация, когда, не сильно отклоняясь от нынешнего курса, мы придем к экологическому и экономическому коллапсам с последующим развалом гражданского общества. Временная шкала предполагает правительственные инвестиции в массовый переход, выведение за рамки закона промышленного животноводства, вывод из эксплуатации угольных ТЭЦ.

Далее Чамберлен видит «достаточное и обязательное всемирное соглашение» о том, что «атмосферная концентрация CO₂ не может ни при каких условиях превышать 400 частиц на миллион», включая пищевые пайки, различные кнуты и пряники налогов, рыночные подходы. Таким образом, основополагающие документы Переходных городов признают, что большая часть населения добровольно не откажется от горючих ископаемых и промышленного уровня потребления. Они будут вынуждены это сделать под давлением истощения ресурсов и нормирования потребления правительством.

Шкала перехода скрыто признает, что добровольной трансформации не будет. К сожалению, слишком многие Переходящие упорно придерживаются типичных основ либерализма: личные перемены = политические перемены, или личные перемены = единственно возможные перемены. Движение переходных городов децентрализовано, слабо скоординированная сеть людей придерживается широкого спектра мнений. Возможно, люди, настаивающие на индивидуальных переменных, составляют лишь небольшую, но голосистую часть движения. Возможно, существует широкое согласие о необходимости коренных институциональных перемен и необходимой для них борьбы. Но на сегодняшний день цифры свидетельствуют о победе МХСК-крыла (моя хата с краю) несмотря на тот факт, что некоторые основополагающие работы ясно указывают на необходимость институциональных (структурных) перемен. Вот где лежит фундаментальное противоречие в движении переходных городов.

Я хочу, чтобы это звучало скорее как наблюдение, а не как обвинение, и в конце концов как приглашение. Переходящие стремятся создать хотя бы какую-то локальную инфраструктуру, которая входит в задачи культуры сопротивления: еда, образование, системы экономического обмена. Чего не хватает, так это признания необходимости политического сопротивления. Даже если Переходящие не видят себя в боевом сопротивлении, им стоит обозначить на своей шкале времени важную правду: структурные изменения в обществе, а не индивидуальные перемены необходимы, чтобы вынудить культуру отойти от уничтожения жизни и сопутствующих этому уничтожению ужасов. Сколько ни рассказывай новых сказочек, достаточного давления они не окажут. Возвращаясь к Мод Гонн и борьбе Ирландии за независимость: она не просто рассказывала истории, играя их в пьесах. Она боролась за победу в виде широкой земельной реформы, тайком проносила еду в тюрьмы, почти умерла во время голодной забастовки, легальными путями вынудила британское правительство кормить ирландских школьников и вырастила нобелевского лауреата. Нам нужно, чтобы крыло пермакультуры стало Синн Фейн. Нам нужна открытая организация, которая будет во весь голос

поддерживать прямое действие и боевое сопротивление, планировать свою деятельность с его учетом, поддерживать его, работать рядом с ним. Нам нужно массовое давление со стороны открытой организации, чтобы развалить власть корпораций, капитализма, цивилизации и патриархата. Это включает в себя построение альтернативных организаций, и создание нашей культуры на основе принципов справедливости и устойчивости.

Нам также нужно признать, что деятельности в рамках закона может оказаться недостаточно – у нас почти не осталось времени, что исчезают по 200 видов за раз и что теория сотой обезьяны ничего не изменит. Мы говорим о реалистичной оценке, не о слащавых банальностях и не об искривленном мышлении в обществе тех, кто путает обмен семян с революцией. Мы говорим о принятии того факта, что на данный момент нас мало для мирного свержения режима. Мы говорим о стойкой солидарности с теми немногими бойцами, которые готовы предпринимать прямые атаки на инфраструктуру, уничтожающую нашу планету. Когда правительства оказываются неспособны прекратить превращение углерода в тепло, а лесов и степей в корпоративные богатства, тогда они трагически ничтожны, а МХСК станут перед выбором, когда их «хата» останется без земноводных и голой без деревьев, уже неспособных дотянуться корнями до воды, как и вся наша планета. Реальный выбор таков: бороться или поддерживать тех, кто борется. Любой другой вариант означает, что мы обречем наш мир на верную смерть.

Произошедшее с Кубой часто цитируется сторонниками МХСК и заслуживает серьезного рассмотрения. В 1989 году Куба пережила крах экономики в результате прекращения поставок нефти, финпомощи и промтоваров со стороны СССР. Прибрежные запасы нефти у Кубы ограничены, а возможности добывать ее в открытом море она не имеет. Острова подверглись такому же обезлесиванию, как и любая территория, к которой прикасалась цивилизация. Кастро верил в индустриализацию и ему нужны были ресурсы для широкомасштабного механизированного сельского хозяйства с почти катастрофическими последствиями для почвы и системы рек. Шахты, производство цемента и металла также принесли всегда сопровождающий их вред.

Масштабы урезаний в экономике были поразительными. Между 1989 и 1993 годами импорт топлива упал на 76%, потребительских товаров – на 82%. Недоедание стало явным среди детей до 5 лет уже через несколько недель.

Первое, что МХСК отказываются понять, так это то, что кубинцы не отказались от нефтяной экономики добровольно. Уже на одном этом основании, использовать Кубу как пример Перехода – абсолютное заблуждение.

Удержался ли гражданский порядок на Кубе? Да. Страна не растворилась в нефункциональном ужасе Демократической республики Конго. Но Кубой правит диктатор – факт, который удобства ради отвергают Переходящие, считающие Кубу позитивным примером. Кубинцы жили по продуктовым карточкам с 1962 года. Таким образом, поддержание более-менее неприкосновенного порядка было несложной задачей. И хотя Шкала перехода считает продпайки необходимостью, то эту реальность, по-видимому, не поняли рядовые члены переходных городов, свято верящие в добровольную простоту. Кроме того, Куба маленькая, ее площадь как у штата Виргиния с населением лишь 11 миллионов.

Ужасающие факты – падение уровня питания до 1863 ккал в день. Для детей и стариков очень преклонного возраста калорийность пищи не превышала 1450 ккал. Люди получали на 40% меньше белка, до 15–20 грамм в день, жиры в пище упали на 60%, витамин А – на 67% [53]. Это голодомор. И несмотря на это, я видела своими глазами восторги на тему «пользы для здоровья» от такого режима питания, как в прессе, так и при личных встречах. Помимо недоедающих уже через несколько недель детей – лишения, возможно, сделали их инвалидами на всю оставшуюся жизнь – были и другие масштабные эпидемии, что вскрывает ложь за предполагаемыми преимуществами вынужденной тогда диеты. Пятьдесят тысяч кубинцев стали жертвами мистической симптоматики: некоторые ослепли, другие оглохли, кто-то получил энурез, а еще многие потеряли способность ходить на протяжении месяцев и лет. Команда врачей из Панамериканской организации здоровья объявила, что причина нейропатии в «скудной диете в сочетании со значительным физическим истощением» [54]. Острая нехватка витамина В, в особенности тиамина, из-за недостатка продуктов животного происхождения повредила нервную систему людей. Один из отчетов гласит: «Совокупность всей массы данных, по-видимому, указывает на снижение уровня здоровья как следствие резкого ухудшения питания». Мне, наверное, не обязательно цитировать медицинские отчеты, чтобы утверждать, что голодание имеет негативные последствия для здоровья. Но именно в таком положении я и оказываюсь достаточно часто.

Например, Пет Мерфи пишет:

«Кубинцы научились есть больше фруктов и овощей... Кубинцы потребляли достаточно много мяса, причем мясо требовало затрат нефти, к которой они больше не имели доступа. Количество мяса значительно снизилось и их внимание переключилось на выращивание простой питательной пищи. Результатом стала намного более здоровая диета, что снизило показатели по сердечно-сосудистым заболеваниям и диабету... Здоровая низкокалорийная еда подразумевает употребление в пищу больше свежих овощей и фруктов на фоне отказа от насыщенных жиром и подслащенных промышленных продуктов питания» [55].

Собственное производство обеспечивало поставки продуктов питания за счет промышленного способа хозяйствования, включавшего промышленное животноводство с его обязательным зерновым питанием и нравственным кошмаром: на протяжении первых четырех миллионов лет люди не соревновались с животными за еду. Мы работали сообща в сообществах, созидавших почву. Куда не «переключились на выращивание простой питательной пищи». Она стала выжимать из земли все возможные калории любой ценой. Это позволило не допустить массового голода. Дешевые углеводы дают такую возможность, но только такую. Продпайки кубинцев включали рис, фасоль, сахар, картофель и дюжину яиц в месяц. Раз в 2 недели была говядина вперемешку с соей или фунт курятины. Дети получали немного молока. Мне кажется не нужно доказывать, что это порции нормальные только для времен голода. Страдания, стоящие за этим списком, вполне очевидны. Но если кому-то они неясны, то, возможно, вот что наглядно объяснит ситуацию: домашние коты исчезли с улиц Кубы, а животных гаванского зоопарка разворовали. Или, может быть, вот что поможет:

смертность матерей во время родов выросла на 60%, общая смертность, связанная с родами, – на 43% [56]. Статистика туберкулеза, гепатита, ветряной оспы взлетела, а старики ложились в могилы [57].

Заявления о том, что здоровье кубинцев улучшилось во время голода можно отследить до одного-единственного исследования, опубликованного в американском журнале эпидемиологии, которое утверждало, что снижение веса в результате «сниженного потребления калорий и возросшей физической деятельности» привело к падению смертности от диабета и сердечно-сосудистых заболеваний. При этом комментатор из журнала Канадской медицинской ассоциации утверждает: «Нет уверенности в том, что смертность в целом и упомянутая смертность от сахарного диабета и ССЗ ... на самом деле снизились, поскольку о них сообщается на фоне снижения веса у всего населения» [58]. Имел место рост смертности у людей старшего возраста, т.е. умирали самые хрупкие, что делало массу оставшихся в целом более здоровой.

Как можно точно определить, сколько людей умерло? Невозможно. Критика правительства, включая систему здравоохранения, является на Кубе преступлением, в результате чего в тюрьме оказалось больше журналистов, чем в любой другой стране, если не считать Китай. Когда-то давно статистические данные по здоровью в Китае и в бывшем СССР цитировали как положительные и не подвергали критике, а между тем люди голодали и ели то, что только голодающие люди могут есть: траву, кору, трупы и детей. Пора бы уже поумнеть. Глупо ставит свои эмоциональные потребности в снижении энергетики с последующим хеппи-эндом в противовес бесспорным фактам человеческих страданий.

А для тех, кто все еще цепляется за мысли о добровольной трансформации, существуют факты: у Кубы имеются контракты с многочисленными компаниями в России, Китае, Индии, Норвегии и Бразилии на разработку залежей нефти под шельфом в Протоках Флориды [59]. У Кубы мало своих запасов нефти на суше, однако есть потенциал в море. В США такого рода добыча была бы нелегальной, из-за хрупкой экосистемы. И несмотря на это, Куба сегодня располагает тремя добывающими установками и разведка продолжается, доказывая, что ныне и впредь «добровольно» и «трансформация» к Кубе скорее всего не применимы.

Россия – еще один пример, который цитируют Переходящие и Спускающиеся. Дмитрий Орлов в своей книге «Возрождение коллапса» пишет, как очевидец экономического краха СССР. Он вырос в России и эмигрировал в США, а во время своих периодических визитов имел возможность наблюдать распад советской экономики. Его описание во многом отзеркаливает шаблон разрушения системы, описанный Джоном Майклом Гриром, где вместо одной катастрофы происходит серия падений конкретных показателей. СССР, конечно, преодолел экономическую разруху, но его история проливает мало света на полезные знания о биологическом и климатическом коллапсе, являющимся предметом обсуждения в данной книге.

Однажды утром Куба проснулась в новой реальности – без нефти: Советского Союза больше не было. Возможно, собственные запасы нефти в СССР уже начали снижаться, но нефть все еще поступала. Коллапс экономики наступил в результате неэффективной экономической и политической стратегии, в которой сложности кубинцам создал резкий дефицит горючих ископаемых и дешевых потребительских товаров, включая продукты питания. В Советском Союзе как производство, так и дистрибуция колебались, но ни разу не останавливались полностью. Орлов указывает на то, что «Россия смогла даже немного выправиться экономически, так как она, кроме всего прочего, имела существенные запасы нефти и газа и наверняка еще проведет в относительном достатке последующие несколько десятилетий» [60].

Все же полезно изучать опыт распада экономического и общественного строя, поскольку мы с ними точно столкнемся, когда кризисы живого мира сольются в единый коллапс. Первый этап сбоя системы подает действительно большие надежды. Орлов пишет о своем путешествии в 1990 году: «Я оказался в месте, которое сразу и не узнал. Прежде всего, там пахло по-другому: не было смога. Фабрики в основном закрылись, машин было очень мало и свежий воздух пах великолепно» [61]. С прекращением насилия над природой атмосфера и Земля начинают исцеляться. Он продолжает: «Было очень мало работающих заправок, а на тех, что были открыты, очереди растягивались на целые кварталы. Бензин отпускали по 10 литров в руки». Точно, как в случае с Кубой и со Шкалой перехода, именно правительственные ограничения вынуждали людей к переменам, сохраняя при этом некое подобие общественного порядка, а вовсе не спонтанные вспышки добровольной добродетели.

Мы многому можем научиться из описанного Орловым мира черного рынка и бартерной экономики. Реализация водки нормировалась, и пол-литра водки приравнивались к 10 литрам топлива, «что делало водку намного более энергетически плотной субстанцией, чем ракетное топливо» [62]. Он подтверждает одну из основополагающих мотиваций Переходящих: «Когда имеешь дело с крушением экономики, нужно перестать думать о богатстве с точки зрения денег. Доступ к настоящим физическим ресурсам и активам, наряду с нематериальными активами типа связей и отношений, быстро становится намного более ценным, чем банальные деньги» [63].

Он также описывает нищенствующих старушек, продающих детские игрушки своих внуков ради покупки еды, бывших интеллигентов, роющихся в мусорных баках, рабочих, продолжающих ходить на работу, где уже давно не дают зарплату, но есть столовая, а значит, бесплатный обед.

Россия – это страна с отрицательным ростом населения, причина которого «резкое падение рождаемости и катастрофический рост смертности» [64]. Индекс снижения населения, равный 0,6, говорит нам, что к 2050 году ее население снизится на 22%. Это снижает население еще на 30 миллионов.

Одна из причин снижения населения – очень высокий уровень непреднамеренного бесплодия в России. Примерно от 13 до 20% супружеских пар бесплодны, и эта цифра может расти [66]. У женщин основной причиной бесплодия является традиционная для всего общества приверженность к абортam, как к методу планирования семьи, к абортam, которые часто делаются в условиях, оставляющих желать лучшего. Шрамы на поверхности матки сделали многих женщин бесплодными или неспособными выносить плод. Венерические заболевания также в ответе: сифилис

буквально в сотни раз больше распространен в России, чем в европейских странах [67]. Упали цифры статистики по бракам и выросли по разводам, а 30% русских детей рождаются у матерей-одиночек, и это в стране, которая слишком бедна, чтобы предоставить им соцобеспечение. Женщины просто не могут себе позволить больше детей.

Добавим к этому «крайней степени потрясающие» показатели смертности [68]. Туберкулез, СПИД, алкоголизм и исчезновение бесплатной медицины подняли показатели. Две основные причины смерти: ССЗ (сердечно-сосудистые заболевания), показатель которых за 25 лет вырос на 25% для женщин и на поразительные 65% для мужчин, и травмы. Рост ССЗ обеспечивается курением, плохим питанием, сидячим образом жизни и серьезными социальными потрясениями. Категория «травма» включает в себя «убийства, самоубийства, ДТП, отравления и другие причины насильственной смерти» [69]. Насилие настолько страшное, что для российских мужчин вероятность погибнуть от травмы или отравления в 12 раз выше, чем для британских. Причем водка «помогает» как ССЗ, так и насилию, которую русские пьют в эквиваленте 125 см³ на каждого человека каждый день» [70].

Количество населения в России сокращается с ошеломляющей быстротой, причем без катастрофы типа геноцида в стиле Пол Пота, в рекомендации которой авторов этой книги часто обвиняют. И хотя каждая отдельная смерть – это трагедия сама по себе, вместе взятые эти смерти не привели к концу обыденной жизни или остановке работы правительства.

Россия наилучшим образом демонстрирует медленный спуск, описываемый Гриером; и распад России основывается даже не на снижении энергетики, поскольку нефть и газ все еще изобилуют. Бывший СССР, по всей видимости, дает нам реальное понимание сути того, как люди реагируют на спад экономики и как лучше всего его пережить, однако этот пример не дает нам понимания того, как справляться с условиями биологического коллапса, лежащих в основе нашего проекта.

Кроме лишь одного случая – Чернобыля. 90 000 кв. км были заражены радиацией, 350 тысяч людей стали переселенцами, существует перманентная «зона отчуждения», окружающая точку аварии кругом радиусом в 90 миль и призраки 76 городов.

Но другие призраки возвращаются из мертвых. Несмотря на смертельно опасное на следующие 600 лет заражение цезием-137 и стронцием, который кости млекопитающих ошибочно воспринимают за кальций, Чернобыль стал чудом мегафауны: вернулся европейский бизон, равно как и, непонятно как, лошадь Пржевальского. Имеются 6 стай (шесть – означает множественное число) волков. Бобры уговаривают луга и болота вернуться. Есть дикие кабаны. Есть европейские рыси. Там гнездятся находящиеся под угрозой исчезновения такие птицы, как черный аист и белокрылый орел, величественный в 2,5-метровом размахе своих крыльев. И это все вопреки тому, что через 10 лет после аварии генетики обнаруживали у мелких грызунов «необычные генетические отклонения». Степень мутации была «в тысячи раз больше допустимой» [71]. И все же через 20 лет после аварии, после многократных посещений зараженных территорий все тот же исследователь д-р Роберт Бейкер прямо сказал: «Польза от исключения человеческого воздействия на эту очень зараженную экосистему оказалась намного более значимой, чем негативные последствия радиации Чернобыля» [72]. Кто мог бы сказать обратное, став свидетелем возвращения бизонов и волков? Даже ядерная катастрофа лучше для живых существ, чем цивилизация. Вот она, пусть еще не оперившаяся, но настоящая надежда, наша планета, сотворенная не богом, а работой тех существ, больших и малых, способна исцелиться, если мы только сможем прекратить ее уничтожать.

Алкоголизм, сифилис и ядерные аварии – не лучшие из существующих способов снизить население планеты. Не нужно выкручивать руки в беспомощном ужасе этической дилеммы между правами человека и исчерпанием ресурсов природы. На самом деле самый эффективный способ работать над этой парой проблем – перенаселение и исчерпание ресурсов – это поддерживать права человека.

Одна из историй успеха последних лет – Иран. Желание людей рожать детей оказалось весьма податливым, пластичным. Даже в контексте религиозного фундаментализма Ирану удалось снизить рождаемость очень существенно. В 1979 году Аятола Хомени отменил проекты по планированию семьи, потому что хотел, чтобы больше солдат воевали за ислам в Ираке (на заметку тем, кто все еще считает, что можно отстаивать мир и при этом не быть феминистом). В ответ на это население резко выросло, достигнув показателя роста 4,2%, что является биологическим максимумом для людей. Население Ирана выросло с 34 миллионов в 1963 году до 63 миллионов в 1998-м [73]. Давайте поясним, что это означало для женщин. Девочки уже в 9-летнем возрасте отдавались взрослым мужчинам для принуждения к сексуальным отношениям: в моем понимании слово «брак» не является эвфемизмом, описывающим изнасилование детей.

Взрыв рождаемости немедленно лег на общество огромным бременем, а лидеры Ирана «осознали, что перенаселение, разрушение окружающей среды и будущее Ирана оказались под угрозой» [74]. Защитники здоровья, религиозные лидеры и организаторы общин провели стратегический саммит.

Они знали, что важнейшим элементом является свободное предохранение, но этого было бы недостаточно. Потребовалось участие всех основных органов. Политика планирования семьи стала ведущим проектом. К нему привлекли министерства и телевидение: вопросом занялись мыльные оперы. Открыли 50 тысяч сельских клиник, а 80 передвижных больниц донесли контроль рождаемости в отдаленные районы. 35 тысяч волонтеров были обучены консультировать по вопросам планирования семьи, и они работали в своих районах, обучая людей различным способам контрацепции, наравне с программами образования на рабочих местах. Правительство сделало так, чтобы религиозные лидеры сказали, что Аллах не против стерилизации, после чего резко возросло количество стерилизаций. Чтобы получить документ, позволявший жениться, оба будущих супруга должны были посетить занятия по контрацепции. А новые законы снимали льготы и бесплатное здравоохранение для семей, имеющих больше трех детей, таким образом кнут стал запасным приемом к прянику.

Наибольшим по значимости социальным проектом стало повышение статуса женщины. Грамотность женщин выросла с 25% в 1970 году до более 70% в 2000-м. Сегодня 90% девочек посещают школы [75].

За семь лет рождаемость в Иране снизилась вдвое: с семи детей на женщину до менее трех. Так что это все реально и делать нужно то, что и так нужно, но делать это нужно быстро. Как пишет Ричард Стимс: «Самое эффективное, что можно сделать для исцеления крайней степени бедности, так это: защитить, образовать и воспитать женщин и девочек и предоставить им равные возможности в плане образования, денег и социальных прав... Одно это способно свершить больше против крайней бедности, чем еда, кров, медицина, экономическое развитие или усиленная помощь из-за границы» [76].

Нет ни одной причины, по которой люди, заботящиеся о правах человека, должны бояться говорить об этой проблеме. Перенаселение могут остановить две вещи: положить конец бедности и положить конец патриархату. Люди бедны, потому что богатые воруют у них. А большинство женщин не имеют влияния на то, как мужчины распоряжаются нашими собственными телами. Если бы знаковые организации по всему миру приложили усилия к таким проектам, как это было в Иране, то у мира еще осталась бы серьезная надежда на возврат как к справедливости, так и к устойчивости.

Ваксё в Швеции – еще один пример, на который любят ссылаться «донкихоты» и Преходящие. В одном из самых значимых отношений, этот пример лучше, чем пример России и Кубы: все начинания в Ваксё были добровольными. И, как мы увидим, этот пример также продемонстрирует, почему наилучшие «возобновляемые» методы бесполезны, если мы боремся против промышленной цивилизации.

Швеция – одна из самых истинных демократий на нашей планете. Если знать, куда смотреть, то можно многому научиться из сравнения их конституции и конституции США. Статья 1 утверждает:

«Источником всякой власти в обществе является народ».

Шведская демократия основана на свободе слова и на всеобщем и равном праве голоса. Это право реализуется через представительство и парламентское государственное устройство, а также через местное самоуправление.

Как уже обсуждалось в главе «Либералы и радикалы», энергия зародышей демократии была вытеснена торговыми баронами в их стремлении приватизировать и выпотрошить наш континент. Они победили, а континент, как и планета, был превращен в богатство небольшого меньшинства. Власть, организованная на децентрализованном локальном уровне, была преднамеренно убрана из конституции США: «местное самоуправление» не упоминается в ней ни разу.

В США очень многие сдались, отдавшись апатии, что легко понять и даже предсказать. Конституция США была создана не для того, чтобы дать силу каждому из нас. А шведское правительство было создано именно для этого, и шведам есть смысл пытаться что-то менять. Посмотрим на город Ваксё. Их выбросы CO₂ снизились на «фантастические» 32% в период 1993–2007 гг. [77]. Показатель выбросов CO₂ на одного жителя Ваксё – 3 тонны, т.е. ниже среднего в мире показателя 4 тонны и значительно ниже среднеевропейских 8 тонн. Такие достижения стали возможными, прежде всего, благодаря переходу с нефти на сжигание биомассы: 90% отопления Ваксё обеспечивается лесами Швеции. У них есть централизованная котельная, которая сжигает опилки и стружку, отходы бумажного производства и деревообработки из близлежащих районов [78]. 51% энергии для Ваксё происходит от «биомассы, возобновляемой электроэнергии и солнечной энергии» [79].

Это предложение звучит так заманчиво, дает так много надежд, но ощущение счастья не остается. Во-первых, большая часть энергии приходит в город извне и на самом деле генерируется ГЭС и АЭС в пропорции примерно 50 на 50. Является ли возобновляемой гидроэнергетика или атомная энергетика? Я рада поделиться точкой зрения (просто дискуссии ради), что «возобновляемое» не означает «хорошее для жизни на планете».

Представьте себе, что кто-то помещает кусок бетона в одну из ваших артерий и останавливает кровоток. Вот чем является дамба для реки, а разница лишь в том, что ты – один организм, одна жизнь, а река – множество жизней, подвергаемых серьезному риску. 10% всех животных, включая более 35% всех позвоночных, живут в пресной воде и они сейчас вымирают в 4–6 раз быстрее, чем другие животные [80].

Я не знаю, с чем сравнить использование атомной энергии, и не знаю, зачем нужны сравнения, чтобы понять, что плутоний-239 – вещество настолько токсичное, что одна миллионная часть грамма вызывает рак. А атомная станция «производит» 200 кг этого вещества, которые не распадутся в последующие 500 тысяч лет [81].

Что касается «биомассы», то Швеция покрыта лесами на 66,9%, из которых 17,2% девственный лес, который является самым биологически разнообразным биомом. Пахотные земли составляют лишь 6,54%: Швеция – холодная страна. Только 2% ВВП приходится на сельское хозяйство [82]. Основа экономики – лесозаготовки, гидроэнергетика и железная руда, а экономика «сильно ориентирована на международную торговлю». Другие «природные ресурсы» включают мель, цинк, свинец, уран и, давайте внесем нотку юмора, мышьяк.

Повторные посадки леса, конечно, лучше, чем его отсутствие, но давайте четко уясним, что эти «леса» содержат в себе

Вырубленные районы были засажены среднего и старшего возраста соснами... на протяжении XX столетия. Система подавления пожаров и переход от вырубки для выживания и покрытия собственных нужд к промышленной вырубке помогли Швеции возобновлять хвойный лес в качестве подлеска в открытых участках шотландской сосны после вырубки. Эта естественная регенерация была убрана и заменена на сосновые посадки. Во второй половине XX столетия объем лесозаготовок постоянно рос, а средний возраст деревьев постоянно снижался. Сегодняшние молодые леса дадут хорошие объемы древесины в последующие десятилетия, однако лес потерял ряд экологических ниш.

Или, как прямо утверждают авторы, «лес превратили в место производства древесины» [81].

Вот что на самом деле происходит в Швеции. Там имеются важные основы системы: истинная местная демократия при участии граждан, широкая сеть соцобеспечения, рождаемость на уровне всего лишь 1,66% и перераспределение

прибыли, стремящееся к равноправному, стабильному обществу. Шведы отказались от евро из-за опасений за судьбу их демократии. Швеция также является родиной шведской модели, которая признает проституцию нарушением прав человека и сделала заметные шаги к закрытию секс-индустрии и к упразднению сексуального рабства [84]. Во многих отношениях это общество имеет верные ценности.

Но никто не говорит правду о Швеции, ни словом больше, чем правду обо всем остальном мире. Шведская экономика – это промышленная экономика, в ее основе лежит добыча ресурсов в шахтах, производство высокоточных деталей для промышленных агрегатов и деревообработка. Шахты уже сами по себе являются воплощением редкой формы разорения и уничтожения природы. Промышленное производство ради развития промышленного производства – это жидкость для розжига, подливаемая в огонь того пожара, что уже и без того пожирает нашу планету. А превращение леса в монокультурное насаждение ради урожая деревьев оставляет деревья один на один с их судьбой – лес, превращенный в производство.

Добавление солнечной энергетики и высокотехнологичных бойлеров не меняет природу шведской экономики, промышленной экономики, основанной на глобализации. Они не производят то, в чем сами нуждаются, а наоборот, покупают недостающее на полученную прибыль. Швеция почти не обеспечивает себя едой. Шведская газета Svenska Dagbladet посчитала расстояние, которое преодолевают 50 самых популярных продуктов питания. Все вместе они преодолевают расстояние большее, чем расстояние от Земли до Луны. Все это – шахты, производство, импорт продуктов питания – возможно лишь благодаря горючим ископаемым. Централизованная котельная в одном маленьком городе – это мило, однако вся экономика потонет без нефти. А отходы от бумажной фабрики, даже теоретические, не сопоставимы с энергопотреблением при обогреве домов 11 миллионов населения северной зимой. Конечно же, люди, живущие около бумажной фабрики, должны использовать отходы, но это не решение. Рекомендовать такое – это как предложить рыться в мусорных баках, чтобы решить проблему всемирного голода.

А что касается гидроэнергетики, то на всем европейском континенте осталось лишь 4 реки со свободным течением. Они находятся на Крайнем Севере, где их защищает лишь холод и расстояния. Остальное цивилизация разорвала на куски. «Фрагментация» (дамбы) и «регулирование» (контроль течения) – это термины, которыми оперируют менеджеры. Река, наверное, высказалась бы другими словами: голодание и удушье. Ряд исследователей называет дамбы «наибольшей угрозой» для косулей и прибрежного леса, от которого они зависят. Дамбы на реке Лул, построенные в 1960-х, «полностью изменили экосистему» [85]. На реке Лул построили 15 электростанций, которые покрывают 16% потребности Швеции в электроэнергии. Сегодня Лул является «в значительной мере перестроенной» рекой. Один из «менеджеров» дамб говорит, что «все лампочки в Швеции работают от этой реки» [86]. Эти лампочки зажигает ныне мертвая река.

И это в равной степени касается всего мира: уничтожение природы оказало ужасающее влияние на коренные народы. В Швеции это народность саами – одна из последних коренных народностей в Европе. Саами когда-то населяли большую часть Северной Европы, от атлантического побережья Швеции до Белого моря в России. Археологические свидетельства, прекрасные инструменты из костей и рогов имеют возраст 10 000 лет. Их общество состояло из больших групп родственников (сииды), руководили ими старейшины, часто старейшиной был самый старый человек, причем это могла быть как женщина, так мужчина. Религиозными лидерами (ноаиды) также могли быть как мужчины, так и женщины.

Жизнь сами зависела от оленей, лосей, бобров и, когда-то давно, от лосося. Вот все, что нам нужно помнить о жизни коренного населения:

«Все диалекты сами содержат в себе богатейший вокабуляр, относящийся к природе. У них есть множество слов для описания земли, воды и снега. Есть множество слов, описывающих оленей. Их мех, рога, пол и возраст могут быть переданы в таком богатстве деталей, что в тысячеголовом стаде оленей только один олень будет подходить под это точное описание» [88].

Национальные государства и христианство пытались переломить этих людей на протяжении веков, но они «не изменили образ жизни *саами* в значимой степени». А вот что изменило, так это, конечно же, начавшаяся индустриализация Швеции, когда стране понадобились природные ресурсы сами: руды, древесина и энергия рек [89].

Земля, животные и люди, находившиеся в нежном и прочном переплетении, продлившемся 10 000 лет, были уничтожены беспрестанным насилием цивилизации и ее неутолимимым голодом. Я могу продолжать спрашивать почему, но ответа не будет. Какое безумие может заставить человека убить реку? Какие права приписывает себе человек, оправдывая открытую рану бокситовой шахты? Швеция пытается поддерживать эту деятельность на экономически выгодном уровне, а вместе с тем ярко-зеленая надежда⁵⁵ освещает путь всем привилегированным мира. Но ни такая деятельность, ни такие надежды не спасут наше будущее. Образ жизни, основанный на истощении – почвы, видов, самой жизни – недолго продлится.

Авторов этой книги постоянно спрашивают: «Как вы хотите, чтобы люди жили?» Вопрос часто звучит как брошенный вызов. Мысль, стоящая за этим вопросом: цивилизация – это единственный способ жизни. И если не давать человеку спуска, не дать увильнуть, то мы будем вынуждены признать именно это. При том что прогрессивное крыло и «зеленые» лишь хватаются за соломинки промышленности, есть люди, живущие в Швеции устойчиво, и делают они это настолько нежно, что могут описать одного оленя из тысячи. Цивилизованные и индустриализованные люди все еще пытаются уничтожить их – людей, оленей, реки – превратить переплетение взаимозависимости в производственные

⁵⁵ Речь идет о т.н. «зеленых» идеях, технологиях, которые коренным образом отличаются от темно-зеленого или глубинно-экологического понимания. «Светло-зеленые» пытаются убивать планету бережнее. Темно-зеленые стремятся прекратить убийство вообще.

юниты и товары потребления. И все же *саами* держатся. Если бы цивилизованные люди могли учиться на примерах других, то из всех народов шведы обязательно научились бы. Но дело не в недостатке примеров устойчивых, эгалитарных и мирных культур, их всегда было достаточно. Проблема во власти и в неисчерпаемом источнике психопатологии, пожирающей планету живьем.

Наш последний и самый обнадеживающий пример – маленький, снежный штат Вермонт. Если сбросить со счетов сделку по приобретению ..... ныне принадлежащего Юнилевер, Вермонт мало кому известен. Он удален и малонаселен: лишь 625 000 жителей. Кроме того, там множится народничество, превращающееся в организованное движение за выход из федерации США. Добро пожаловать во Вторую Республику Вермонт!

Вермонт заслуживает больше внимания со стороны левых и, в частности, движения Переходных городов. Пока прогрессисты удовлетворяются тем, что обмениваются семенами и ломают себе руки в отчаянии из-за крушения надежд и отсутствия перемен, Вторая Республика Вермонт строит реальное движение за выход из США и создания «суверенного и устойчивого сообщества городов Вермонта» [90].

Они весьма ясно заявляют о причинах: «Руководство США больше не может быть изменено через представительскую демократию. Оно преданно служит сохранению идеологии, судьба которой предreshена. Наши элиты полностью посвятили себя делу доминирования на мировой арене, игре с нулевым выигрышем, которую они намерены выиграть любой ценой, ценой миллиардов жизней и триллионов долларов ради сохранения для себя самих отмирающего американского образа жизни» [91]. Как их основополагающие документы, так и их газета *Vermont Commons* описывают проблему простым языком янки. США слишком большие, управляются корпорациями и решительно стремятся к контролю над всем миром благодаря использованию империалистических войн, на фоне того, что приближается кризис нефти и планета едва выдерживает потребности экономики, обязанной расти. Фрэнк Брайан описывает времена индустриальной революции, как «два самых порочных столетия, которые мир когда-либо переживал, закончившиеся ужасами иерархических систем тоталитаризма Гитлера и Сталина» [92]. Томас Нейлор, организатор движения, пишет о «технофашизме» и его «аффлюэнца»⁵⁶, техномании, е-мании, мегаломании, роботизме, глобализации и империализме» [93].

Так же ясно они говорят о том, что суверенитет штата Вермонт действительно можно завоевать. Они постоянно указывают на развал Советского Союза, который был почти полностью ненасильственным. Все указывает на выгоду такого развития событий, если прежде всего ценить демократию, устойчивость и права человека. Все, что требуется, это верить в возможность: на последнем из опросов по вопросу выхода Вермонта из США 13% граждан ответили «да».

У них своя валюта, серебрянная монета, отчеканенная с изображением портрета Скотта Ниринга. У них есть министр иностранных дел, который уже налаживает отношения за границей. У них есть прочное основание из принципов, от Человеческого масштаба до Доверия общинам и Суверенитета Продовольствия [94]. У них сегодня есть список кандидатов, баллотирующихся на губернатора и замгубернатора («Все дело в прибыли и выжимании последних капель нефти из земли и попрании прав человека»), и семь сенаторов штата, выступающих за выход из федерации. У них разработан план от «А» до «Я» и они намерены победить, город за городом, собрание за собранием.

Городские собрания когда-то были формой прямой демократии, благодаря которым жители Новой Англии правили своим обществом. Такая форма политического устройства происходит из пуританства. Пуританцы практиковали систему церковного управления, где каждое собрание было суверенным и, следовательно, правило само собой. Это резко выделялось на фоне политического устройства епископальной и пресвитерианской церквей. По всей Новой Англии города основывали пуритане, их традиции прямой демократии превратились в систему принятия решений на местах. Подобно Швейцарии и Швеции, Новая Англия основывалась на прямой демократии, что помогало в формировании региональной культуры: толерантной и ориентированной на заботу об интересах общества. Однако, в отличие от Швейцарии и Швеции, система принятия решений на уровне городов в Новой Англии не имела структурной власти и фактически даже не упоминается в федеральной системе, поскольку была основана в 1787 году.

Городские вече – это то, что Фрэнк Брайант и Джон МакКлаури называют «демократией человеческого масштаба». После того как процесс набирает достаточно большое количество участников, он разбивается. Киркпатрик Сейл, исходный защитник Человеческого масштаба и упорный критик технологии, оценивает, что цифра где-то между 5000 и 15 000 является рабочей для округа прямого демократического голосования. При большем числе участников процесс должен вернуться к представительской демократии. Представители от пятидесяти до ста округов – рабочее число для государств, что ограничивает общее число участников системы до одного миллиона [95]. В Вермонте живут идеальные 625 000 жителей.

Городские вече – это ежегодные события, когда жители собираются для принятия решения по рабочему бюджету, чтобы выбрать муниципальных служащих, определить политику. В Вермонте день вече – первый вторник марта – официальный праздник: вот что люди делают, когда серьезно относятся к своей демократии. А день выборов в США не является выходным днем на федеральном уровне. Почему? Для скептиков: 90% городов Швейцарии управляются городскими собраниями. Швейцария служит образцом, которому следует Вторая Республика Вермонт, и это тот образец, которому могли бы последовать открытая организация Экологического Сопротивления и Переходящие.

Швейцария, по сути, является федерацией малых городов, имеющих уникальную поддержку для прямой демократии. Швейцария – не однородное общество, у них четыре официальных языка, за каждым из которых стоит своя культура. И несмотря на это, им удалось мирно ужиться в рамках единого политического союза. Последнее

⁵⁶ Разновидность депрессивного состояния, присущее преуспевающим молодым людям; среди симптомов - потеря мотивации, чувство вины, одиночества.

кровавое событие состоялось в 1847 году, когда разразилась гражданская война. Конфликт завершился через месяц, унес с собой менее ста жертв, причем большая часть погибла от «дружественного огня». Такого уровня конфликт на фоне кровавых рек, ожидавших Европу, выглядит как забавная причуда, как убийство хоббитов хоббитами. Однако их гражданская война оказала значительное влияние на психологию швейцарцев и их культуру. Она привела все стороны к столу переговоров и дала им федеральную конституцию, доверившую власть местному самоуправлению. В конституции предусмотрена возможность ее полной отмены и пересмотра, если она окажется неработоспособной, что швейцарцы уже сделали дважды. Не все сделанное швейцарцами было идеальным (хотя их шоколад весьма близок к совершенству): умиротворять нацистов финансированием, примера ради, ниже любого морального стандарта. Однако они действительно являются примером мирного, мультикультурного общества. Таких примеров для подражания на самом деле достаточно. Нам лишь не хватает людей, готовых верить в возможности и готовых за них бороться.

Помимо того, что Вермонт является живой традицией прямой демократии, у него есть опора на еще несколько исторических течений. Роберт Путнам считает, что в штате Вермонт самые лучшие показатели «толерантности по гендеру, расе и гражданским свободам» [96]. Вермонт также является номером один по показателям гражданского общества. Фрэнк Брайан называет это сочетание «живая связь между свободой и обществом» [97]. Конституция Вермонта первой отменила рабство и устранила ценз материального достатка как ограничение на избирательное право. Вермонт держался за свою систему прямой демократии человеческого масштаба по большей части потому, что он так расположен и обладает таким климатом. В то время как всю страну охватил индустриальный урбанизм, Вермонт «остался позади», как формулирует это Брайан. Это оказалось не проклятием, а благословением. Он объясняет: «Концентрация социально-экономической деятельности, необходимой для поддержания индустриально-урбанистического века, зависела от иерархии, классической пирамиды XX столетия, где роли и обязанности организовывались сверху вниз. Иерархия требует власти, что требует симметрии, что требует ригидности, жесткости. Результат неудобный, реакционный и, что самое важное, бесчувственный, а значит, бесчеловечный» [98]. Молодежь массово покидала Вермонт ради работы в промышленных зонах, оставив Вермонт в самом деревенском состоянии среди всех американских штатов к 1950 году. Затем Хелен и Скотт Ниринг создали движение против массового общества с его милитаризмом и материализмом за продвижение личной и локальной самодостаточности, взаимопомощи и радикального⁵⁷ антиимпериализма. Их книга 1954 года «Жить хорошей жизнью» стала основой движения за возвращение на родину. За 1967–1973 гг. к призыву прислушались 100 тысяч людей и вернулись в Вермонт. Холодная каменистая почва никогда не дала бы больших урожаев, но принятие левыми политическими силами сельского образа жизни упало на плодородную почву в Вермонте. Как и многим другим культурам сопротивления, этой потребовалось время, чтобы пустить корни и развить ветви, однако 50 лет спустя мы видим плоды этого дерева. Они бросают вызов империи, компаративному капитализму и даже индустриализации, причем серьезный.

Как и все на свете, Вермонт был выпотрошен. Вермонт больше напоминает экономическую колонию, а не суверенное государство. Наши основные минералы принадлежат иностранным корпорациям (Omya), наши подземные воды экспортируют находящиеся за пределами штата бутилирующие компании (Coca-Cola и Nestle), энергией наших рек владеет TransCanada, а 88% забора воды из открытых водоемов осуществляет Vermont Yankee (АЭС) для охлаждения, причем бесплатно. При этом федеральное правительство бесплатно раздало 98% наших «общественных радиочастот» и разрешает частным банкам выкупать нашу валюту за 93% да еще и с процентами. Граждане и предприятия облагаются налогами на доход, что влияет на создание новых рабочих мест и экономическую продуктивность, в то время как владельцы ресурсов забирают огромные объемы незаслуженного дохода» [99].

И это не считая реку Коннектикут, которая должна быть на все 400 миль полна лосося, которого не стало уже в 1798 году из-за индустриальных дамб.

Однако в Вермонте есть люди, прежде всего граждане Зеленых гор, как они сами себя называли⁵⁸, а также сообщество соседей, которые не просто стоят в изумлении или беспомощности. Это не обескровленный уход в психологическое неучастие. В их руках праща неучастия, камень из которой метает маленький «Давид» кучки патриотов, которые защищают свое сообщество от силы «Голиафа», который не остановится и не переменится. Вторая Республика Вермонт «рационализирует наши инстинкты, запускает нашу преданность и питает наше мужество» [100].

Они также бросают вызов крылу пуремакультуры и Переходящим, которые хотят что-то сделать для спасения этого мира, но еще не понимают природу власти. Мало обмениваться семенами, нужно поменять конституцию США на локальные прямые демократии в конфедерациях по биорегионам. Нужно поменять капитализм и его социопатическую индивидуальность на локальные экономики, основанные на потребностях людей и человеческой нравственности. Нужно сменить хищническое истощение цивилизации на культуру, растущую внутри исцеленного сообщества лесов и трав, вновь наполняющегося видами, с которыми мы должны разделить наш дом.

Для этого потребуются движение сопротивления, которое всегда больше, чем сумма индивидуальных действий, независимо от того, насколько возрождающими и благородными они являются. Вторая Республика Вермонт занимает свое место в целом ряде движений за справедливость, которые оказались готовы осознать природу власти и свергнуть ее. Нашей планете нужно не просто больше красивых садов, ей нужно сопротивление силам, которые разоряли наш сад последние 10 000 лет.

⁵⁷ «Радикальный» означает коренной. Радикализм – политическая платформа отражающая стремление к коренным изменениям и связанная с этим деятельность. К сожалению понятие радикализма часто путают с терроризмом, экстремизмом и фундаментализмом.

⁵⁸ Вермонт буквально означает «зеленая гора».

Возможно, наступит день и люди в Вермонте будут говорить на диалекте, который позволяет отличить один сахарный клен среди тысячи, узреть одного нерешительного лосося, лишенного своих братьев на протяжении последних 200 лет, одно верно принятое решение в снежный вторник марта.

Глава 6

Типология Методов Борьбы

Арик МакБей

А вот еще одно назойливое искушение. Почему бы не подождать, пока причина не станет достаточно очевидной и неотложной, пока наши ряды не станут достаточно многочисленными, чтобы голосованием устранить наших оппонентов с их должностей? Почему не быть терпеливыми? Мой ответ: пока мы тут терпим, все больше лесов, гор, рек, народов будут уничтожены ради добычи угля в Аппалачах. Неужели мало 160 тысяч гектаров изничтоженной земли и двух тысяч километров мертвых рек? Это нужно остановить. Это не нужно «урегулировать». Как ясно продемонстрировали федеральное правительство и правительство штата, мерзость урегулировать невозможно. Ее нужно остановить.

Уэнделл Берри, писатель, фермер

Мы добились большего, разбивая витрины, чем позволяя им разбивать нам головы.

Кристabelle Пенкхерст, суфражистка

Что стоит на кону? Козодои, чья самка настолько верна своему потомству, что не покинет гнезда, пока на него не наступишь, а свадебная песня самца – звук прекрасной литургии. 97% из них уже исчезли с востока.

Что стоит на кону? Микоризные грибы, питающие свои избранные растения-компаньоны и помогающие создавать почву километрами нитей в каждой чайной ложке земли. Голубой тунец, теплокровный и искрящийся бытротой. Сверхъестественная красота мухоморов. .... Сотни километров рек, серебящихся от массы рыбы. Тысячи крыльев осени, торопящихся домой. Миллионы маленьких корешков, проникающих в землю, каждый с мечтой о листьях, этих кружевах чуда, где каждая нить свирепа и хрупка, корешки, удерживающие все остальное на месте.

Если ты любишь нашу планету, то пора отставить в сторону отвлекающие «невозможности», остановить текущее уничтожение: изменения образа жизни, экошопинг, нравственную чистоту. Пора отставить в сторону отвлекающие надежды, последнее бесполезное оружие отчаявшихся.

У нас есть оружие получше. Если ты любишь нашу планету, то пора все наше оружие сложить на один стол и принять хорошо продуманные решения.

Чего мы хотим? Мы хотим остановить глобальное потепление. Мы хотим прекратить эксплуатацию бедных во всем мире. Мы хотим, чтобы прекратилось пожирание нашей планеты живьем. Мы хотим, чтобы наша планета восстановилась и помолодела.

Мы хотим, ни много ни мало, свергнуть цивилизацию.

Как метко пишет Деррик в книге «Эндшпиль», «свержение цивилизации означает лишить богатых способности красть у бедных и лишить властных способности уничтожать планету». Это подразумевает тщательное уничтожение политической, социальной, физической и технологической инфраструктуры, которая не только позволяет богатым красть у бедных и властным уничтожать, но и вознаграждает их за это.

Избранные нами стратегия и тактика должны быть частью генеральной стратегии. Это не то же самое, что построение движения; свержение цивилизации не требует большинства или цельного согласованного движения. Генеральная стратегия обязательно должна быть разнообразной, децентрализованной и включать работу разного рода борцов и активистов. Если власть имущие стремятся к доминированию полного спектра, то и нам нужно сопротивление полного спектра.

Эффективная борьба требует высокой степени риска или личного самопожертвования, так что отсутствие генеральной стратегии лишает многих поистине радикальных людей мотивации к борьбе. Зачем мне рисковать собственной безопасностью ради бесполезных символических протестов? Одна из целей этой книги – определение внушающих доверие победных стратегий.

Если мы хотим победить, то должны учиться у истории. Давайте повнимательней посмотрим на то, что делало движения сопротивления прошлого эффективными. Существуют ли общие критерии оценки эффективности? Как мы можем судить об эффективности тактики и стратегии исторических примеров для наших задач? Существует ли своеобразный каталог или типология методов борьбы, откуда группы сопротивления могли бы черпать варианты?

Ответ на каждый из этих вопросов – да.

Чтобы учиться на примерах истории, нам нужно знать четыре конкретных ответа на вопросы о боровшихся группах: их цели, стратегии, тактика и организация.

Цели сообщают нам, чего конкретное движение стремилось добиться и была ли их деятельность успешной в их собственных глазах. Добились ли они того, что заявляли, как цель?

Стратегия и тактика – две разные вещи. Стратегии – это долговременные масштабные планы по достижению целей. Историк Линделл Харт определял военную стратегию как «искусство распределения и применения военных ресурсов для достижения целей доктрины» [2]. Бомбардировка союзниками инфраструктуры Германии во время Второй мировой войны является примером успешной стратегии. Другие примеры включают бойкоты в борьбе за права человека и стратегии суфражисток в петициях и прямом и непрямом давлении на политических кандидатов через действия, включавшие разрушение собственности и поджоги.

Тактика, с другой стороны, это кратковременные, меньшего масштаба действия, отдельно взятые акты, которые позволяет реализовывать стратегия. Если стратегия – систематические бомбардировки, то тактикой может быть отдельный полет союзной авиации и бомбардировка конкретной фабрики. Стратегия бойкотов в борьбе за гражданские права использовала тактику пикетов и протестов у отдельных магазинов. Суфражисты добились своей стратегической цели, планируя локальные поджоги некоторых зданий. Успешная тактика подогнана под особенности ситуации и соответствует имеющимся ресурсам и численности борцов.

Организация – это способ формирования группы для совершения актов сопротивления. Движения сопротивления могут различаться размерами: от атомизованных одиночек до больших централизованных бюрократических организаций, причем самоорганизация группы определяет, какую стратегию и тактику она способна применять. Группа централизована или децентрализована? Есть ли в ней ранги и иерархическое подчинение или она откровенно анархична? Является ли группа в высокой степени организованной с соответствующими кодексами поведения и правилами или она подчиняется импровизированной ситуативности? Кто может являться членом и как много членов набираются?

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТОДОВ БОРЬБЫ

Мы все видели биологическую систематику, которая относит все живые организмы к царствам и типам вплоть до рода и вида. И хотя существуют десятки миллионов видов живых существ в крайней степени различных форм, размеров и цветов, мы можем использовать систематику чтобы быстро отнести конкретный вид к малюсенькой группе.

Когда мы подбираем эффективные стратегии и тактику, мы должны перебрать миллионы действий, возможных и уже совершенных, большая часть которых привела к провалу или просто в тупик. Мы можем сэкономить много времени и уберечь себя от множества неприятностей, если применим простенькую классификацию методов сопротивления. Охватывая взглядом сразу целые классы или подвиды методов, мы можем сразу оценить, какая тактика на самом деле окажется приемлема и эффективна для спасения планеты (или для многих других видов борьбы за социальную или экологическую справедливость).

В широком смысле, мы можем подразделить все наши методы (тактики) и проекты на конфронтацию⁵⁹ и акты уклонения⁶⁰ (см. рис. 6.1). Конечно же, иногда эти категории пересекаются. Протест может быть способом лоббирования правительства, способом повышения осознанности населения, целенаправленной деятельностью по экономическому подрыву или всеми тремя в зависимости от намерений и организации. Иногда один тактический прием поддерживает другой: акты уклонения, вроде забастовки трудящихся, скорее всего будут эффективней в сочетании с пропагандой и протестом.

Мы вскоре проведем краткий обзор различных возможных методов борьбы. Но сначала – предупреждение. Освоение уроков истории дает очень много ценного, но эти подарки не достанутся даром. В довершение к ним ты получаешь бремя. Да, истории борцов полны блистательного мужества и драматизма. Да, мы можем найти в них вдохновение и озарения, как в победах, так и в поражениях. Но бремя истории таково: легких путей не бывает.

В Star Trek каждая проблема решается в последней сцене, особенно если помянуть полярность отражающей батареи. Вот только это не реально, и таким наше будущее не будет. Каждая победа сопротивления была достигнута кровью и слезами, болью и самопожертвованием. Наше бремя – это знание того, что есть немного способов бороться, что эти способы уже были изобретены, и что все эти способы – это страшные и опасные битвы. Когда сопротивление побеждает, то это потому, что они боролись изо всех сил, упорней, чем сами ожидали.

И это вторая часть нашего бремени. Как только мы узнаем про истории тех, кто боролся, когда мы действительно их усвоим, когда мы прольем слезы изучая их, когда мы их запишем в наших сердцах, когда мы носить их внутри себя как ветераны мучительно носят шрапнель, у нас не будет выбора: мы бросимся в бой сами. Только делами мы сможем приблизиться к их примеру. Люди боролись в самых ужасных и непреодолимых обстоятельствах; эти люди – наши братья в борьбе за справедливость, за жизнеспособное будущее. И мы найдем этих мужественных людей не только в прошлом, но и в современности. И это не только люди, это все, кто брясь дает отпор.

Мы должны дать отпор потому что иначе мы умрем. Это верно не только в практическом смысле, но и на другом уровне: как только ты действительно познаешь самопожертвование и неутомимость и смелость, которую наши люди

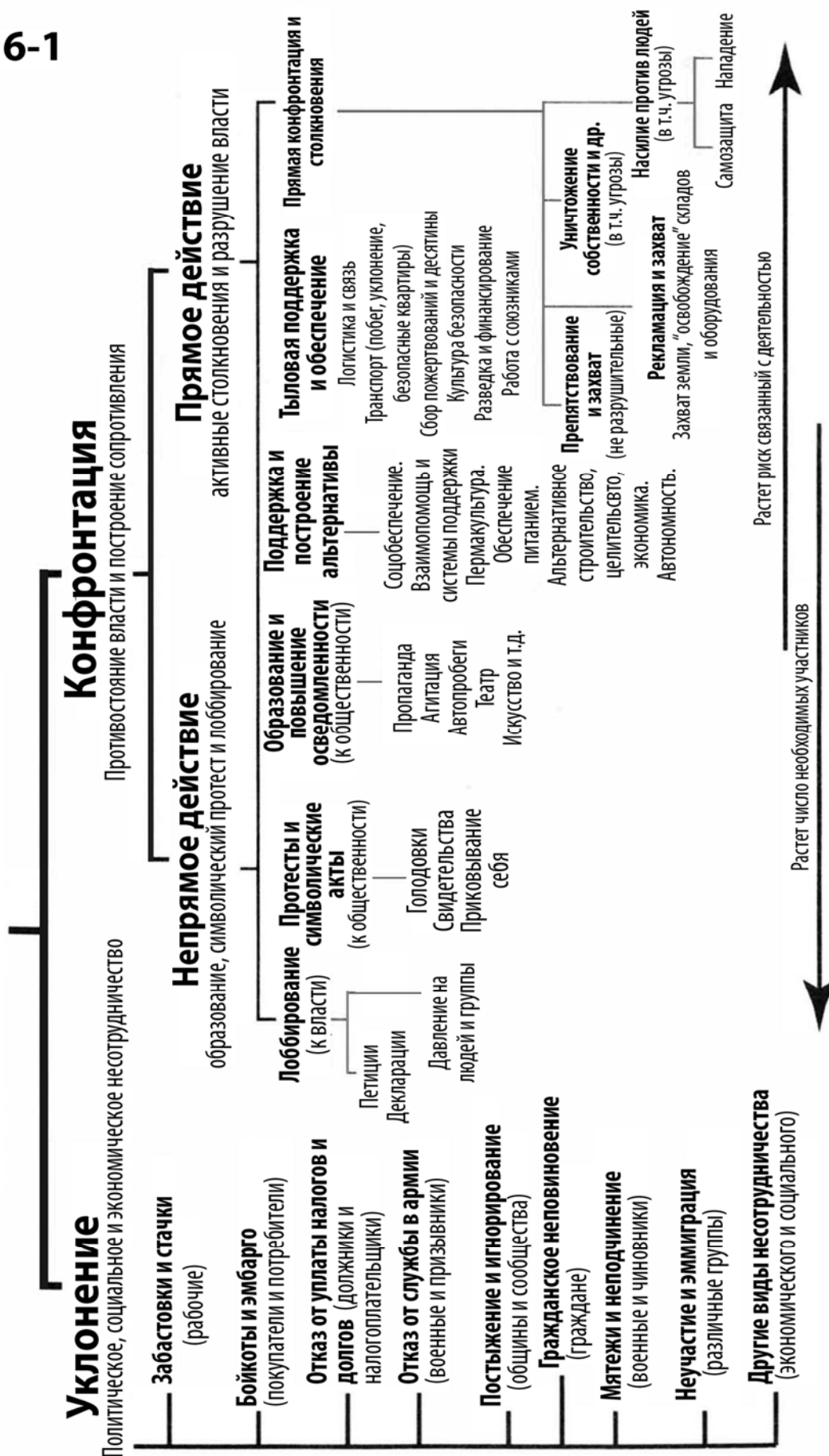
⁵⁹Слово «конфронтация» использована в русском переводе, как противоположность слову «уклонение». В данном контексте, конфронтация – противостояние между борьбой за власть и борьбой за справедливость, т.е. конкретные действия, направленные против власти.

⁶⁰ Также их можно называть «актами недеяния», т.е. уклонением от действия, неучастием, несотрудничеством с системой власти.

показали в тяжелейшие времена, ты либо действуешь, либо умираешь как личность. Мы должны оглядываться в прошлое не только чтобы побеждать, но и чтобы показать мы не умерли, что заслуживаем жить.

Рис. 6-1

Типология Методов Борьбы

Уклонение.

Английское слово strike (забастовка) появилось в те времена, когда английские моряки в восемнадцатом столетии убирали паруса с кораблей и отказывались выходить в море, однако понятие рабочей забастовки возникло еще в древнем Египте. Забастовка стала популярной тактикой во времена промышленной революции, параллельно с появлением профсоюзов и распространением многолюдных и опасных фабрик.

В истории забастовки были не просто актами уклонения. Капиталисты шли на многое, чтобы насильем предотвращать или прекращать забастовки, которые приносили им убытки, так что забастовки выходили за рамки пикетов и маршей, они часто становились ожесточенными боями между бастующими с одной стороны, а полицией и наемными головорезами с другой. Не стоит удивляться: любое эффективное действие против властителей приведет к сильному и скорее всего насильственному противодействию. Посему, у бастующих в прошлом было очень прагматическое отношение к использованию насилия: они планировали защищаться исходя из насущной необходимости.

В мае 1968 года студенческие протесты и всеобщая забастовка во Франции, в чем участвовали 10 миллионов людей, т.е. две трети всех рабочих Франции, вынудили правительство к роспуску и к новым выборам, (а также к массированному жестокому подавлению полицией). В 1980 году, на судостроительном заводе в польском Гданьске вспыхнула и распространилась по всей стране серия забастовок, что стало одним из факторов падения коммунизма в Восточной Европе; а руководитель восстания Лех Валенса стал нобелевским лауреатом мира и был позднее избран президентом Польши. Всеобщие забастовки были нормальным явлением в Испании в начале двадцатого столетия, особенно в годы, предшествовавшие гражданской войне и анархической революции.

Бойкоты и эмбарго становились ключевыми факторами многих эпизодов борьбы: от бойкотов в потреблении продукции произведенной рабами в США до борьбы за гражданские права и автобусного бойкота в Монтгомери, до бойкотирования конкретных компаний типа Нестле, Форд и Филип Моррис.

Метод бойкота родился раньше самого имени и своего названия. Капитан Чарльз Бойкот был агентом жившего за границей землевладельца в Ирландии в 1880 году. Капитан Бойкот изгонял арендаторов, которые просили снижения аренды, так что общественность боролась с ним изолируя его экономически и социально. Люди отказывались работать на него, продавать ему вещи, торговать с ним, и даже почтальон отказывался носить ему почту. Британскому правительству пришлось привезти 50 сторонних рабочих, чтобы собирать урожай и защитить рабочих тысячей полицейских. Такая демонстрация силы означала, что было истрачено 10 000 фунтов на сбор картофеля стоимостью 350 фунтов. Бойкот сбежал в Англию, а его имя стало нарицательным.

Как мы уже обсуждали, покупательские предпочтения могут быть лишь маленьким рычагом в борьбе движений сопротивления, поскольку большая часть трат осуществляется корпорациями, правительствами и другими учреждениями. Если отставить в сторону обязательные программы предоставления питания, жилья и медицины, то американцы тратят около 2,7 триллиона долларов в год на одежду, страховку, транспорт и прочее. 5 Затраты правительства могут достигать \$4,4 млрд, а корпорации тратят на один только маркетинг 1 млрд долларов. 6 На усмотрение потребителей остается расходование лишь малой части средств, и даже если бы бойкот против конкретной корпорации имел успех, то правительство предоставило бы этой корпорации помощь на деньги налогоплательщиков, что оно уже четко продемонстрировало.

Однако, несомненным остается тот факт, что бойкоты могут быть очень эффективным методом борьбы в некоторых ситуациях. История с капитаном Бойкотом указывает нам на необходимые для успеха бойкота условия: участие всего сообщества, использование дополнительной силы, выходящей за рамки экономических мер, социально и географически ограниченный контекст. Такого рода борьба может вести к последствиям, которые ирландский вдохновитель восстания и политик Майкл Давитт называл «падение феодализма в Ирландии». 7

Конечно же, существуют исключения. Когда сегодня на ферму прибыл груз корма для курей на всю зиму, мер нашего городка медленно и отсторожно вел грузовик проталкиваясь через столпившийся любопытный скот. Но большинство людей не получают доставок от избранных ими чиновников и – да простит меня мер Джим – меры маленьких городов не особо значимы на мировой арене власти.

По сути, корпоративная глобализация создала совсем иную ситуацию, чем когда-то в селах. Не существует ни одной общины, которую можно было бы объединить в сопротивление единым фронтом. Когда корпорации сталкиваются с проблемами на рынке труда или просто хотят платить людям мало, они просто перевозят бизнес. А власть имущие отделены от остальных социально, экономически, культурно и физически, так что постыжение и изгнание с современным обществом практически невозможны.

Даже если мы хотим побыть оптимистами и сказать, что большое количество людей способно начать бойкот против десяти крупнейших корпораций, то логично предположить, что если бойкот серьезно подрывал бы положение власть имущих, то они бы просто сделали бойкот незаконным.

На самом деле США уже издали несколько законов против бойкотов начиная с 1970-х. Бюро промышленности и безопасности (Отдел обеспечения антибойкотной деятельности) объясняют, что эти законы были созданы чтобы «мотивировать, а в некоторых случаях и принуждать, американские компании не принимать участия в бойкотах за границей, которые Соединенные Штаты не санкционируют». Эти законы запрещают компаниям принимать участие в бойкотах и делиться информацией, которая может способствовать бойкотам. Кроме того, все запросы такой информации нужно доносить правительству. Например, компанию из Канзас-Сити оштрафовали на 6 000 долларов за то, что они ответили на вопрос клиента, содержали ли их товары материалы, произведенные в Израиле (а они их не содержали), и

за то, что эта компания не доложила о таком запросе в Бюро промышленности и безопасности [8]. Американские законы позволяют этому бюро штрафовать компании на суммы «до 50 000 долл. или в пятикратном размере стоимости» тех товаров, о которых идет речь. Эти законы не просто применимы к корпорациям, но и нацелены на «противодействие участию граждан США» в бойкотах и эмбарго, «которые противоречат политике, проводимой США» [9].

Конечно же, большая масса посвященных людей способна воспользоваться бойкотом, чтобы оказать дополнительное давление на правительство или на корпорации, что может привести к смене политического курса. Но бойкоты вряд ли значительно трансформируют структуру капитализма в частности или структуру цивилизации в целом, и уж точно не свергнут их.

Подобно забастовкам и бойкотам, отказ от уплаты налогов глубоко уходит корнями в историю. Из-за налогов вспыхивали восстания и велись войны: от британских колониальных налогов на жилье до Бостонского чаепития [10]. И даже если налогообложение не является причиной войны, то отказ от уплаты скорее всего будет играть в этом свою роль: либо в качестве метода сопротивления несправедливой войне (как это делали в свое время Квакеры), либо как часть революционной борьбы (как в немецкой революции, когда Карл Маркс провозгласил, что «неуплата налогов – первейшая обязанность гражданина») [11].

Успех от неуплаты налогов, как метод сопротивления, обычно работает слабо, частично из-за того, что люди и без того пытаются уклоняться от уплаты налогов по отличным от политических причинам. Первейший пример – это тот факт, что в США 41% взрослых не платят федеральный подоходный налог, так что логично предположить, что правительство могло бы справиться и с более высокими уровнями неуплат [12].

Даже если отказ от уплаты налогов не свергнет цивилизацию, в некоторые моменты он может оказаться решающим фактором. Некоторые локальные и региональные правительства находящиеся на грани банкротства могут оказаться вынуждены закрыть тюрьмы или прекратить финансирование строительства новой инфраструктуры для экономии средств, а организованное налоговое сопротивление может оказаться полезным в усилении этих трендов, одновременно направляя средства в народные по своей сути социальные и экологические программы.

Некоторые люди выбирают отказ от обязательной военной службы по нравственным соображениям или принятие нестроевых обязанностей в армии. Иногда те, кто уже пошел в армию, меняют свое отношение на противоположное.

И хотя отказ от военной службы точно избавлял людей от необходимости убивать, он не всегда уберегает людей от смерти или смертельных рисков, поскольку последующие наказания и альтернативная служба в виде работы на шахтах или разминировании бомб опасны сами по себе. Вряд ли отказ от военной службы когда-то оканчивал войну или хотя бы вызывал ощутимую нехватку солдат. Если правительству не хватает солдат, то они обычно проводят призыв на срочную или контрактную службу. Там, где программы альтернативной службы существовали, отказники обычно занимались традиционной мужской работой, такой как фермерство или рубка леса, т.е. освобождая для военного дела других мужчин. Отказ от военной службы сам по себе вряд ли будет эффективной формой сопротивления войне или правительству.

Для тех, кто уже служит в армии, мятежи и неподчинение – главные способы совершать акты уклонения. В теории, солдаты имеют право и даже обязанность отказываться выполнять незаконные приказы. На практике, солдаты редко преодолевают принуждение со стороны вышестоящих и своих подразделений. А отказ от выполнения незаконного приказа работает лишь тогда, когда злодеяние незаконно во время его совершения (военные преступники, судимые в Нюрнберге, выдвигали в свою пользу тот аргумент, что ни один закон не запрещал их действия).

Поскольку индивидуальное неподчинение может привести к жестокому наказанию, военные иногда объединяются и устраивают мятеж. Однако широкомасштабные отказы подчиняться практически неизвестны истории из-за культуры, индоктринации и угрозы наказания в армии (правда существуют знаменитые исключения, такие как бунт на броненосце Потемкин или массовые солдатские бунты во время французской революции). Возможно еще большей надеждой являются военные, которые потенциально могут приложить свои ценные навыки к делу сопротивления став частью его активных групп.

Постыжение и игнорирование иногда используются в случаях серьезных нарушений и проступков перед обществом, таких как домашнее насилие, изнасилования или насилие над детьми. Такая тактика скорее всего окажется эффективной в сплоченных общинах или в общинах с низкой плотностью, которые не так распространены в современном урбанизированном мире, хотя некоторые отдельные общины (такие как анклав иммигрантов) можно считать исключением по причине языковой и культурной ситуации. Эффект от игнорирования может быть заметно усилен в таких ситуациях как с капитаном Бойкотом, если социальные связи также являются и экономическими. Но так или иначе, поскольку большая часть экономических взаимодействий (будь то трудоустройство или потребление) опосредованы большими безликими корпорациями и трудом чужих людей, игнорирование редко сработает в наши дни.

Игнорирование требует эффективности большинства, так что это не тот инструмент, который можно использовать чтобы свергнуть цивилизацию, хотя он может оказаться полезен, чтобы отвадить нарушителей порядка установленного внутри общины, включая сообщество активистов.

Гражданское неповиновение, отказ следовать несправедливым законам и обычаям, является основополагающим актом недовольства. Этот метод давал потрясающие результаты, как например кампания по гражданским правам в Бирмингеме, штат Алабама. В 1960-х Бирмингем был одним из самых сегрегированных городов в США, где сегрегация была обязательна согласно закону и выполнение закона решительно проводилось в жизнь. Комиссаром Общественной Безопасности был Булл Коннор, закоренелый расист даже по тогдашним понятиям. 14 Полиция преследовала черных с особой жестокостью. Местное правительство пошло на многое дабы растоптать любые возможные перемены, например, когда суд решал, что сегрегация парков была незаконной, то городской совет закрывал парки. Однако активисты

боровшиеся за гражданские права, включая Мартина Лютера Кинга Мл, сумели провести успешную кампанию по антисегрегации и превратить ту кошмарную ситуацию в победу.

Кампания в Бирмингеме включала множество тактических приемов, что давало ей силу и гибкость. Она началась с ряда экономических бойкотов против компаний, которые поддерживали или терпимо относились к сегрегации. Бойкоты начались в 1962 году и были нацелены на компании, магазины и заведения располагавшиеся в центре города, что иногда снижало их выручку до 40%. 15 Организаторы бойкотов, черные, патрулировали вылавливая нарушителей бойкота. Когда они обнаруживали черных, которые делали покупки в атакованном бойкотом магазине, то они устраивали им очную ставку, постыжали их вынуждая присоединиться к бойкоту и даже уничтожали купленные ими товары. Когда несколько магазинов сняли свои таблички, предупреждавшие о сегрегации, комиссар Коннор пригрозил отобрать у них лицензии на торговлю. 16

Следующим шагом кампании гражданского неповиновения был «Проект С», систематическое нарушение законов сегрегации. Организаторы замерыли время необходимое для преодоления расстояния между заведениями пешком и провели рекогносцировку сегрегированных (т.е. полностью или частично разделенных) заведений: столовых, церквей для белых, магазинов, федеральных зданий и т.д. [17]. Затем компании участников устраивали сидячие протесты в различных зданиях, библиотеках, столовых (а в случае с церквями, в молитвенных залах). Магазины по большей части отказывались обслуживать протестующих, на некоторых из которых белые посетители харкали, сотни протестующих были арестованы. Некоторые наблюдатели, черные и белые, считали Проект С экстремистским подходом и критиковали Кинга и протестующих за то, что они не придерживались просто стратегии переговоров. «Бесполезно и бездумно», провозглашала городская газета черных [18]. Восемь белых священников назвали демонстрации «неразумными и несвоевременными» и написали, что такие протесты «подстрекают к ненависти и насилию», в то время как черные люди должны сосредоточиться на «смирном труде» [19]. (И они, естественно, винули жертву. Конечно же, они предупреждали, что сидение в столовой или заказ сэндвича – лишь «технически мирные» и предупреждали об опасности таких «крайних мер». И конечно же, для этого верный момент никогда не наступит. Не так ли?)

Город быстро получил ордер на меры против протестов и увеличил залог в 4 раза до 1200 долларов за человека (что равняется 8000 долларам на деньги 2010 года). 20 Однако протесты продолжались и двумя днями позднее были арестованы 50 человек включая Мартина Лютера Кинга младшего. Вместо того, чтобы выплатить залог за него, организаторы позволили полиции держать его в тюрьме, чтобы привлечь внимание к борьбе. Внимание нации означало расширение бойкотов. Начала страдать розница по всей стране, и хозяева начали оказывать давление на Белый Дом, чтобы что-то сделать с ситуацией.

Несмотря на внимание, кампания начала испытывать нехватку протестующих готовых быть арестованными. Как следствие, они прибегли к неоднозначному плану под названием «Марш Детей», в ходе которого для участия в протестах вербовались молодые люди. 21 Организаторы проводили воркшопы, чтобы показывать фильмы других протестов, и чтобы помочь молодым людям преодолеть страхи перед тюрьмой и полицейскими собаками. Второго мая 1963 года более тысячи учеников не пошли в школу чтобы принять участие в протесте, причем некоторые из них перелезли через стену, т.к. директор попытался их закрыть. Шесть сотен из них были арестованы включая школьников от восьми лет.

Против марширующих студентов использовали пожарные брандспойнты и полицейских собак. Уже ставшие легендами образы того насилия привлекли огромное внимание протестующих и оживили сообщество черных Бирмингема. Ситуация привела прямиком к дню 7 мая 1963 года, когда тысячи протестующих заполнили улицы и деловая жизнь остановилась, город по сути потерпел поражение! 3 Владельцы заведений первые поддержали требования протестующих, и вскоре политики (под давлением президента Кеннеди) были вынуждены капитулировать и пойти на компромисс с Кингом и другими организаторами.

Однако сопротивление не бывает без мести. Дом Мартина Лютера Кинга был взорван. То же произошло и с отелем, где он пребывал. Дом его брата был взорван. Дом лидера протестов Фреда Шаттлсворта был взорван. Дом адвоката NAACP был взорван! Некоторые винули Ку-Клукс-Клан, но никто не был пойман. Через несколько месяцев Ку-Клукс-Клан взорвал баптистскую церковь и погибли 4 девочки. 5

Да и сам компромисс вызывал сомнения. Многим казалось, что Кинг слишком рано пошел на сделку, и что ее условия были хуже, чем даже умеренные требования. Так или иначе победную кампанию в Бирмингеме принято считать переломным моментом в борьбе за гражданские права и примером успешной борьбы.

Давайте сравним цели в этой истории из Бирмингема и наши цели, изложенные в этой книге. Успех был обусловлен тем, что черные протестовали, т.к. хотели принимать участие в общественной и политической жизни. На самом деле в этом заключалась самая суть борьбы: люди хотели активнее участвовать в экономике и в политике на равных с белыми правах в едином гражданском обществе. Поскольку их было настолько много (они составляли треть населения города) и из-за их мотивации, угроза их избирательного неучастия в экономике (бойкота) была настолько значимой (я почти что написал «убедительной», что в том то и дело что они перестали полагаться на одно лишь убеждение).

А что если мы не хотим принимать участие в капитализме или в политике нашего правительства? Что если мы не хотим, чтобы они вообще существовали? Бойкоты не очень убедительны с точки зрения руководителей компаний, разве что бойкоты сделают постоянными. Активисты, боровшиеся за гражданские права, вынудили власть имущих изменить законы наказывая их поведение, повышая стоимость ведения дел в старом русле до такой степени, что стало экономически выгоднее поддаться их требованиям.

Мы несомненно можем попробовать применить тот же подход и в нашей ситуации. Мы можем наложить санкции на плохое поведение, как на уровне сообщества, так и на глобальном уровне. Однако доминирующая культура устроена

так, что должна брать больше, чем способна давать, так что она неустойчива. Чтобы люди изменились, нам пришлось бы применить пропорционально больше наказание. Попытка убедить власть имущих в необходимости серьезных перемен – безумие: абсолютно невозможно принимать экоустойчивые решения исходя из системы убеждений доминирующей системы. А убеждение вообще применимо лишь к людям, в то время как мы имеем дело с громадными общественными машинами типа корпораций, которые в самой основе своей социопатичны.

Так или иначе, то, что мы называем гражданским неповиновением, возможно является прототипом акта уклонения, и также требованием чего-то большего, чем несколько актов деяния. Отказ от выполнения несправедливого закона – это один шаг на целом пути к более эффективному сопротивлению такому закону.

Самый распространенный акт уклонения – уход от общества в целом или эмиграция в другое общество. Как одно, так и другое часто встречаются в истории. Такие решения часто принимаются от отчаяния, из-за ощущения безвыходности, когда текущее положение дел становится невыносимым.

Конечно же, если культура, которую покидаешь, становится настолько невыносимой, что ее покидают хорошие люди, то скорее всего реформировать ее не удастся. Это не значит, что люди не должны эмигрировать или пытаться выйти из невыносимых или опасных ситуаций в обществе. Это лишь означает, что уход сам по себе не является политической стратегией, которая имеет шансы принести позитивные перемены.

Возможно, наибольшая проблема с неучастием как стратегией заключается в том, что сегодня цивилизация глобальна. Куда можно уйти? Куда можно спрятаться от криминальных катаклизмов, например? И какое реальное воздействие окажет уход на доминирующую культуру? Не существует нехватки рабочих рук, так что для заметных перемен в уклонении должны принять участие громадные массы людей. Отказ от покупки товаров потребления не положит конец капиталистической экономике, а отказ от уплаты налогов не свергнет приватительство. Если бы у нас на самом деле было достаточно сторонников для таких мер, то мы были бы угрозой, опасным примером, и с нами обращались бы соответственно. Как только достаточно хороших людей уйдут от цивилизации, чтобы это стало плохим примером, цивилизация сама пойдет за ними, т.е. прекратит их неучастие и вынудит их либо сдаться, либо давать отпор.

История уже показала нам, что уклонение (неучастие) – это не тот вариант, которому цивилизация позволит реализоваться. Титульные нации везде по США и Канаде, для примера, не имели права оставаться вовеки оккупировавшей их земли европейской цивилизации. Их детей силой забирали и обращались с ними жестоко, якобы «окультуривая» их, а на самом деле вынуждая их к оседлой жизни.

Это парадокс. Уклонение (неучастие) может продолжаться, лишь если не приносит плодов, а значит оно бесполезно, как стратегия сопротивления.

Другие акты несотрудничества могут оказаться функциональными в малом контексте типа частных религиозных храмах или, например, в романтических взаимоотношениях. Малые общественные структуры возможно и не имеют влияния на общество в целом, однако для изменений не требуются много людей. Помимо всего прочего, это хороший прием.

Акты уклонения могут быть эффективными только если в них будет принимать участие большое количество людей и при масштабности действий. Существует множество примеров того, как забастовки временно закрывали фабрики, но, что если мы хотим, чтобы эта фабрика вообще больше никогда не работала?

Что если кто-то работает на производстве крылатых ракет или ядерных боеголовок? Все ли работающие там люди жаждут выйти на забастовку навсегда? Огромная масса безработных и работающих за гроши людей всегда готова заменить их и работать за деньги, даже за небольшие. Если это не удастся, то производство могут просто перенести за границу, как это уже было сделано во множестве случаев. Все это в особенности верно во времена, когда капитализм функционирует с затруднениями, а свержение цивилизации однозначно поставит капитализму препятствия.

Те же проблемы касаются и экономического бойкота. Можно перестать покупать продукцию любой отдельно взятой компании. Или можно перестать покупать вообще все проданное через всемирную капиталистическую экономическую систему. Мы наверняка увидим широко распространенные акты экономического неучастия, но только лишь тогда, когда огромные массы людей станут слишком бедными, чтобы покупать роскошь ширпотреба. Однако, в результате автоматизации и глобализации, эти акты неучастия будут менее эффективными, чем в предшествовавшие периоды.

Это означает, что нам не стоит предпринимать такие действия, когда выдастся случай. Акты уклонения должны являться частью стратегии движений сопротивления, они являются скорее чем-то самим собой разумеющимся, чем намеренными актами. Перед гражданской войной в США аболиционисты не владели рабами. Однако это было само собой разумеющееся следствие их нравственности и политической философии, а не способ борьбы за перемены. Мало кто из аболиционистов предположил бы, что отказ от владения рабами представлял хоть сколько-нибудь серьезную или фундаментальную угрозу институту рабства.

Эффективное движение сопротивления, основанное на актах уклонения, может потребовать участия 10, 50 или 90 процентов населения, чтобы достигнуть победы. Один участник бойкота на тысячу участников цивилизации даст результат, которым можно пренебречь. А вот активная борьба – это совсем другая история. Что если бы один человек на тысячу населения присоединился к кампании ради свержения цивилизации? Семь миллионов смелых и умных людей могли бы обеспечить выживание нашей планеты.

Раз уж мы намерены говорить о выживании, или о мужестве для него необходимого, то нам стоит поговорить про Собибор. Собибор был нацистским концлагерем, построенным в удаленной части Польши, около германской границы. Он начал свою работу в апреле 1943 года и получал узников целыми железнодорожными составами, а узниками были почти исключительно евреи. Как и другие концлагеря, Собибор был также трудовым лагерем, как для узников с некоторыми профессиями, так и для неквалифицированных рабочих, которые могли, например, убирать тела. Собибор

не был самым большим концлагерем, но работал в убийственной эффективностью. Записи показывают, что к октябрю 1944 года там уничтожили четверть миллиона людей, а некоторые считают, что жертв было намного больше. 26

Собибор имел два облика. По прибытию в лагерь отобранные на смерть выслушивали вежливую приветственную речь от нацистов (иногда одетых в белые халаты, что навеивало ощущение важности и ученности) и слушали классическую музыку по громкоговорителю. Дверь в смертельные «душевые» была украшена цветами и звездой Давида. Такие штрихи помогали им тихо и спокойно заходить туда, где их ждала верная смерть. А те, кто были отобраны для работы, видели облик неприкрытой жестокости, подвергались избиению в случайном порядке и иногда убивались за малейшее не проявление сотрудничества. Как и в других концлагерях, если отдельные узники пытались бежать, то другие убивались в наказание. (В Аушвице охранники обычно убивали десятерых случайно отобранных за каждого беглеца.)

Собибор стал уроком, т.к. он стал местом наиболее успешного и наиболее дерзкого восстания в концлагере за всю историю Холокоста. Немногие узники признавали, что от неизбежной смерти их отделяло лишь время, и решили, что побег стоит риска. При этом они знали, что оставшиеся столкнутся с последствиями их действий. Они разработали смелый план, чтобы все смогли бежать.

Это была нелегкая задача. Лагерь был окружен несколькими рядами острой колючей проволоки и минными полями, за которыми были леса. Кроме СС, лагерь охраняли натренированные ССовцами охранники различных народов Восточной Европы, которые сами были взяты из лагерей военнопленных. Периметр лагеря освещался яркими прожекторами и многочисленными пулеметными башнями.

Прорыв наступил с прибытием русско-еврейских военнопленных, вместе с которыми «старые» заключенные совместно разработали план побега. Чтобы не раскрыть себя, они посвятили в план лишь небольшую группу, что означало, что большинство узников должны были бежать без предупреждения и подготовки. Лидер русских военнопленных Саша (Александр Аронович Печерский) понимал преимущества. «Будучи военным, он понимал, что внезапная атака равна батальону солдат. Если мы можем сохранить план в тайне до последней минуты перед побегом, то восстание уже будет успешным на 80%. Наибольшей опасностью была деконспирация.» [27] В ходе подготовки к побегу, заговорщики воспользовались своими профессиональными навыками, чтобы сделать и выкрасть достаточно маленькие стальные ножи и топоры, чтобы их можно было спрятать в одежде.

В 4 часа в день побега они принялись за дело. Осторожно, но быстро, они начали заманивать охранников СС в уромные уголки под различными предложениями. Затем, небольшие группы подготовленных заключенных быстро и тихо убивали ССовцев ударяя их топором по голове или закрывая им рот и закалывая насмерть. За один час они убили 11 ССовцев, т.е. половину имевшихся на тот момент охранников и спрятали их тела. К пяти вечера они вместе вышли на переключку, но немного раньше, еще до того, как оставшиеся охранники собрались. Их план предусматривал, что они избегут минного поля просто тем, что просто выйдут через главные ворота, так будто они идут туда по работе. Дойдя до ворот, они надеялись застрелить двух украинских охранников и толпой выбежать через ворота.

И хотя им везло до этого момента, одно из тел было обнаружено в последний момент еще до того, как они добрались до ворот. Русский по имени Саша коротко обратился ко всем сообщив им, что «каждый сам за себя» и побудил всех немедленно бежать. Тогда лагерь превратился в полный хаос, когда некоторые бросились к воротам, другие ринулись к забору рискуя подорваться на мирном поле. Все оказались в зоне поражения пулеметов на башнях.

Из примерно 550 заключенных, 150 не захотели или не смогли бежать. Некоторые были в отдельных лагерях и не знали о побеге, другие просто отказались бежать. Все, кто не захотел или не смог бежать, были застрелены охранниками. Примерно 80 из бежавших погибли от мин и пулеметов. Остальные 300 (большая часть неподготовленные) сумели бежать из лагеря в окружающие леса.

Трагическим образом половину из них схватили и казнили в последующие недели благодаря облавам. Однако поскольку они и так были бы убиты СС, их побег все же является удивительной историей успеха. Более того, уже через несколько дней после восстания, униженный начальник СС Генрих Гиммлер приказал закрыть лагерь, разобрать и высадить на его месте деревья. 28 Некоторые из беглецов присоединились к дружественным группам партизанов того региона и продолжили борьбу с нацистами (включая Сашу, который позднее вернулся в Красную Армию и был отправлен в ГУЛАГ за то, что вообще «позволил» взять себя в плен).

Выжившие провели десятилетия в размышлениях о побеге. По большому счету они даже и мечтать не могли о таком везении. Если бы их действия были раскрыты ранее, то возможно все в лагере были бы казнены. Кроме того, просто удивительно, что половина группы, очень мало кто из которых располагал оружием, навыками побега, выживания и скрытности, сумели избежать поимки нацистами.

Им бы конечно не помешали навыки и подготовка, хотя это противоречило их собственной безопасности. Еще один момент отмеченный выжившими – это то, что почти все огнестрельное оружие досталось русским военнопленным, так что большинство бежавших были беззащитны. Им также не доставало predetermined организационных ячеек и сплоченных групп, а многие из тех, кто знали о побеге, разделились после побега. Еще одна проблема заключалась в том, что у заключенных не было связи с группами сопротивления или союзными войсками, которые могли бы предоставить оружие и припасы. И наконец, большое число убитых погибли от рук польских антисемитов-националистов, включая некоторых польских партизан.

Несмотря на эти проблемы, мы можем многому научиться из этой истории. Заключенные прекрасно воспользовались для побега своими ограниченными ресурсами. Оudit тот факт попытки побега воодушевляет, особенно на фоне буквально миллионов смертей людей, не давших отпора. На самом деле, учитывая, что настолько многим из них не хватало навыков сражения и побега, а также оборудования, можно заключить, что сотни жизней спасло одно лишь мужество.

Никакое уклонение или «уход» не спасли бы их: их жизни спасла дерзкая конфронтация.

Конфронтация: от не прямой к прямой.

Как мы уже объясняли, уклонение не может свергнуть цивилизацию. Давайте поговорим о потенциально более эффективных мерах. Можно разделить методы конфронтации на 6 ветвей:

- Лоббирование
- Протесты и символические акты
- Образование и повышение осознанности
- Работа по построению сетей поддержки и альтернативных учреждений
- Наращивание отенциала и логистики
- Прямые столкновения и конфликты

Иллюстрация 6-1 отображает их в порядке от самых не прямых до самых прямых. Самые не прямые тактические приемы слева и они становятся все более прямыми при движении слева направо. Более прямое действие несет в себе большие индивидуальные риски. А основной наш коллективный риск – неудача в деле спасения планеты. Прямое действие требует меньшую численность участников.

Первое, **лоббирование**, - попытка убедить или повлиять на власть имущих через написание писем, петиций и «донести до них правду», протестов и прочего. Для либерала, даже значительные проявления жестокости – это лишь большие недоразумения. 29 Лоббирование указывает властителям на их ошибки (конечно же власть имущие имеют добрые намерения, и обязательно все изменят, если им вежливо указать на их ошибку).

Лоббирование кажется привлекательным, если в распоряжении имеются достаточные ресурсы (например, деньги), то можно вынудить правительство делать то, что нужно, широко освещая их действия. Успех возможен, когда много людей добиваются небольшой перемены, и он маловероятен, если мало людей хотят значительной перемены. Однако лоббирование является слишком не прямым: оно требует того, чтобы мы пытались убедить других людей принять решение или закон, которые затем, будем надеяться, будут применяться другими людьми, а выполнение законов должно обеспечиваться еще и третьей группой людей.

Лоббирование убеждением – тупиковый путь, и не только с точки зрения свержения цивилизации, но вообще в любом радикальном смысле^[7]. Оно предполагает, что власть имущие в целом обладают нравственностью и их можно убедить изменить их поведение. Но давайте будем откровенными: если бы они хотели поступать по правде, то мы бы не пришли к нынешнему положению. Или, другими словами, их нравственность (если она у них вообще имеется) настолько сильно искажена, что до них убеждением не достучаться.

А что если их можно убедить? Капиталисты нанимают огромные армии профессиональных лоббистов, чтобы манипулировать правительством. Наши возможности в лоббировании правительства (что включает глав государств и корпораций) вообще не сравнятся с их возможностями в лоббировании друг-друга. Чтобы убедить власть имущих в необходимости перемен требуются огромные массы людей. Если бы нас было так много, то власть имущих мы бы не убедили, а сместили. Убеждать их сменить их методы бессмысленно, т.к. мы могли бы предпринять намного более эффективные действия.

В деле свержения цивилизации лоббирование попросту не является приоритетом. Мы не пытаемся принизить или оскорбить такие победы, как Акт Чистой Воды или Акт в Защиту Дикой Природы, которые дали нам бесценную отсрочку. Мы говорим это, чтобы указать, что лоббирование не сработает в деле свержения настолько большой системы как цивилизация.

Протесты и символические акты – это тактические приемы, которые по большей части используются, чтобы привлечь внимание. Если цель акции – препятствование нормальному ходу событий, нормальным деловым практикам с точки зрения логистики, правоприменения или других экономических или политических видов деятельности, тогда их нужно квалифицировать как прямую конфронтацию. Если протест – это выступление в пользу обсуждения или образования общественности, то это квалифицируется как повышение общественной осознанности и образовательные мероприятия. (См. следующий раздел.)

Если демонстрации эффективны, то они являются частью более широкого движения и выходят за рамки символических актов. Истории знакомы эффективные акции протеста, такие как борьба за гражданские права в Бирмингеме, однако они были не символическими актами, а физическими преградами деловой и политической активности. Такое препятствование обычно противозаконно. И все же символические протесты способны привлекать внимание. Протесты – самый эффективный метод «донести послание», если они сфокусированы на конкретной проблеме. Современные СМИ настолько поверхностно освещают события и настолько сконцентрированы на сенсациях, что нюансы теряются, а критика цивилизации не укладывается в громкие лозунги, так что протесты мало полезны. Цивилизация настолько повсеместна и громадна, что нет такого места, где против нее можно было бы протестовать. Некоторые движения сопротивления применяли протесты чтобы показать свою силу и привлечь рекрутов, однако большая часть людей никогда не будет на нашей стороне, так что наша стратегия должна основываться на эффективности, а не на массовости.

Все группы сопротивления ведут своего рода образовательную деятельность и работают на повышение осознанности. А самых репрессивных режимах образование уходит в подполье. Пропаганда, агитация, ралли, театр, пробеги, постановки – это все виды деятельности, которые относятся к этим категориям.

Чтобы публичные образовательные акции приносили результат, нужно чтобы выполнялись несколько условий. Образование и пропаганда должны быть сильнее СМИ. Общество в целом должно обладать желанием и способностью преодолеть доминирующую ересь, даже если изобличение лжи окажется против их собственного психологического комфорта и экономической выгоды. Они должны иметь доступные варианты изменения своего образа жизни и должны отдать предпочтение более нравственным, а не более удобным действиям. К сожалению, ни одно из этих условия не выполнимо на данный момент.

Еще один недостаток пути к изменениям через образование — это заложенная в него отсрочка результата: часто могут потребоваться годы, прежде чем знания конкретного человека станут его действиями. Но, как мы знаем, нашу планету убивают и времени действовать осталось мало. Для глубокого экологического сопротивления агитация и тренировка навыков могут оказаться более эффективными чем публичное образование.

Образование само по себе не свергнет цивилизацию, но оно может помочь радикализовать и завербовать людей показывая им истинную суть их переживаний. В ходе обрушения цивилизации образование может дать людям мужество задуматься над истинными причинами падения экономики, кризиса продовольствия и т.д.

Движениям сопротивления для победы нужны внутренние структуры поддержки. В физической реальности они могут принимать форму экоустойчивых систем обеспечения питанием, альтернативного строительства, альтернативного здравоохранения, автономного транспорта и связи. Сюда также могут входить мероприятия социальной направленности, такие как сети взаимопомощи, поддержка узников, работа по разрешению споров, альтернативная экономика и общины (сообщества) единомышленников.

Эти структуры непосредственно делают сопротивление возможным. Общество Друзей Квакеров разработало строгую этику поддержки семей квакеров, которые были арестованы в жестоких условиях религиозных преследований (см. главу 5). Люди могут прибегнуть к более рискованным и более эффективным действиям, если они будут знать, что об их семьях позаботятся.

Построение альтернативы само по себе не свергнет цивилизацию, но в ходе обрушения цивилизации, альтернативы будут иметь две особые функции. Во-первых, они смогут укреплять сопротивление во время кризиса, борцы сопротивления способны вести более эффективную борьбу, если их не занимают вопросы обеспечения едой, водой и кровом. Во-вторых, альтернативные общины могут быть отдушиной для обычных людей, так чтобы их повседневная работа и усилия шли не в поддержку авторитарного общества, а в пользу автономных общин.

Чтобы выполнять любую из этих функций, люди, строящие эти альтернативы, должны быть частью культуры сопротивления. Если «альтернативные» люди идут единым строем с цивилизацией, то их действия лишь увеличивают разрушительность доминирующей культуры. Давайте не забывать, что гитлеровские ракеты Фау 2 работали на биотопливе из продуктов ферментации картофеля. Армия США построила ветрогенераторы в Гуантанамо Бей и проводит исследования гибридных транспортных средств и топливных ячеек. Возобновляемая энергия необходима для устойчивого и справедливого общества, но сама по себе не гарантирует его. Борцы против цивилизации и строители альтернативы на самом деле являются естественными союзниками. Как я писал в книге «Что оставим позади», «если этот чудовищный ужас не остановить, то заботливо ухоженные пермакультурные сады и долины спасительных экопоселений будут лишь послеобеденной закуской для цивилизации». Организованные вооруженные бойцы способны оградить такие сообщества от разорения.

Кроме того, даже наиболее тщательно спланированное экопоселение не будет экоустойчивым, если настолько же экоустойчивыми не будут окружающие их соседи. В ходе исчерпания ресурсов они будут вынуждены заглядывать за межу, а близлежащая экодеревня станет самым приоритетным направлением экспансии. Экопоселение должно или обеспечить себя экоустойчивыми соседями или защитой от их будущих посягательств.

То, что мы сегодня считаем «альтернативным», во многих культурах воспринимается как традиционный образ жизни. Народы, страдающие от насильственного переселения с их исконных земель, от геноцида и ассимиляции, могут переживать это как попытку выжить и сохранить традиционный образ жизни. А для многих коренных народов уже одно только выражение традиционного образа жизни и культуры может оказаться прямым столкновением с властью. Их ситуация резко отличается от положения людей, не находящихся под непосредственной угрозой.

Конечно же, даже люди прежде всего озабоченные проблемой продолжения своей традиционной культуры и образа жизни живут в общей с нами реальностью того факта, что цивилизация должна быть повержена, если нам нужен шанс на выживание. Люди, рожденные в цивилизации, а также те, кто извлекает выгоду из привилегий цивилизации, несут на себе намного большую ответственность в деле ее разрушения. Несмотря на это коренные народы в большей своей части борются против цивилизации прилагая намного больше усилий чем люди, рожденные в ней.

Каждое движения сопротивления в истории опиралось на свои ресурсы для выживания. Формирование такого ресурса является необходимым шагом, но сам по себе этот шаг недостаточен для предотвращения уничтожения планеты.

Накопление ресурсов и логистика — это становая опора любого успешного движения сопротивления. И хотя прямая конфронтация (прямое столкновение) может приносить славу, ни одна продолжительная кампания прямого действия невозможна без здоровой логистической и оперативной сердцевины. А это включает следующие компоненты:

Группам сопротивления нужно набирать новых членов. Степень риска деятельности группы определяет то, насколько открытым этот процесс может быть. Кроме того, новые и существующие члены нуждаются в обучении тактике, стратегии, логистике и т. д. Некоторые, а то и все, эти компоненты требуют обстановки с низкими рисками.

Движения сопротивления всех видов должны иметь возможность отбирать бойцов и волонтеров для оценки их пригодности, и чтобы исключить проникновение шпионов. Члены группы должны разделять некоторые важнейшие

воззрения и ценности (что обеспечивается либо отбором, либо обучением), чтобы поддерживать слаженность и сфокусированность группы.

Сопротивляющимся нужна возможность безопасно обмениваться сообщениями, чтобы сообщать информацию и координировать действия. Также, возможно, им нужна возможность коммуницировать с более широкой аудиторией для пропаганды или агитации. Многие группы сопротивления потерпели фиаско из-за неверной коммуникации или плохой безопасности коммуникации.

Сопротивлению требуется финансирование, как для баз и оборудования, юридических затрат и залогов, так и для подпольной деятельности. В легальной деятельности сопротивления обеспечение ресурсами — это лишь подвид фандрайзинга, сбора средств, поскольку необходимое можно просто купить. В подпольно сопротивлении, обеспечение может означать поиск специального оборудования без привлечения внимания или получение таких объектов, которые не смогли бы достаться сопротивлению иными путями.

Конечно же, сбор средств — это не просто способ получить необходимые материалы, а также способ поддержания системы взаимопомощи и социального обеспечения, поддержки заключенных и их семей, позволяющий ключевым борцам сконцентрироваться на деле сопротивления, а не на «зарабатывании на жизнь».

Людам и оборудованию нужен доступ к логистике, чтобы они оказывались в распоряжении борцов и помогали в распространении материалов. Традиционные транспортные средства могут оказаться ненадежными из-за обвала систем, бедности, социальных или политических репрессий, однако существуют альтернативы. «Подземка» была надежной логистической сетью сопротивления. Автобусный бойкот Монгомери стал возможен благодаря запасным средствам передвижения (пешком и совместному использованию машин), которые координировались организаторами борьбы за гражданские права, которые диспетчеризировали машины и даже заменяли сношенные ботинки.

Безопасность требуется любой группе способной совершить нечто значительное и стать целью государственной разведки и репрессий. Проникновение агентов вызывает озабоченность, но не меньшую чем тотальная слежка. Это касается не только людей и групп, намеревающихся совершать нелегальные действия. Ненасильственные, законопослушные группы подвергаются наблюдению и развалу со стороны органов типа COINTELPRO. Часто именно легальные активисты рискуют больше, находясь открыто в поле зрения спецслужб.

Исследование и рекогносцировка также являются важными инструментами логистики. Любая эффективная стратегия опирается на критически важную информацию о потенциальных целях атаки. Это верно, как в отношении группы планирующей бойкот корпорации, так и для акции по блокаде завода или сноса дамбы.

Представьте себе, как глупо вышло бы, если бы вы организовали значительный бойкот против военного подрядчика и все ради того, чтобы узнать, что они недавно переключились на производство школьных автобусов. Исследователи сопротивления могут помочь разработать стратегию и выявить потенциальные цели и их слабости, а также определить вероятно удобную тактику действий. Исследование также необходимо дабы обрести понимание стратегии и тактики власти имущих.

Существуют некоторые жизненно важные процессы, помогающие движению сопротивления работать слаженно. В их число входят такие услуги как ремонт оборудования, одежды и прочее. Также особо ценными могут оказаться даже очень примитивные медицинские навыки включая первую медицинскую помощь и простейшую реанимацию, обработку ран и превентивную медицину.

Координация с союзниками и спонсорами часто является вопросом логистики. Многие герильи прошлого и повстанческие движения «спонсировались» другими уже установившимися революционными режимами или государствами в надежде запустить революционное брожение и подорвать правительства враждебных государств. Например, в 1965 году Че Гевара покинул постреволюционную Кубу чтобы помочь с организацией и подготовкой герильи в Конго, а сама Куба получила поддержку СССР. Как СССР, так и США тратили много средств «спонсируя» различные группы сопротивления, тренируя и вооружая их, отчасти пользуясь этим, как способом установления дружественного режима, а отчасти, как способом ведения опосредованной войны друг с другом.

Группы сопротивления также могут иметь спонсоров и союзников, действительно заинтересованных в оказании поддержки, а не склонных ими манипулировать. Сопротивление по всей Европе является хорошим примером. При поддержке правительства вооруженные группы партизан и подпольщиков помогали боцам сопротивления, например, Варшавскому гетто.

Прямой конфликт и конфронтация

В конце концов прямое столкновение и конфликт с властью являются обязательной частью успеха: чтобы победить нужно выйти за пределы обороны. Однако прямая конфронтация не всегда означает открытую конфронтацию. Нарушение работы и уничтожение систем власти не требует громких заявлений о том, где вы будете, кто вы такие и что намереваетесь совершить и какими средствами.

Когда-то на пике движения «анти-глобализации» прыгавшего по всем саммитам, мне нравилось наблюдать как работает «Черный Блок». Меня приводило в замешательство зрелище того, как они в ходе протеста громили витрины модных магазинов, кафе и даже офиса набора в армию. Я не был против разгрома витрин, а просто удивлен тем, что Черный Блок ждал того, когда их цели окажутся в окружении тысяч вооруженных до зубов полицейских, бесчисленными камерами записывавшими каждое движение и десятками автозакан стоящих на холостом ходу за углом, готовых отвезти их в тюрьму. Казалось, будто для их действий это было самое худшее время и место, если они хотели громить витрины, сбежать и продолжить на следующий день.

Конечно же, их истинной целью были не витрины (для уничтожения корпоративной собственности существуют более эффективные способы) а борьба. Если бы они хотели побить витрины, то они могли сделать это посреди ночи за

несколько дней до протеста и разбить все витрины принадлежащих корпорациям франшиз, и никто бы их не остановил. Они хотели сражаться с властью и хотели чтобы люди видели, как они это делают. А нам нужно бороться и победить, а это значит бороться с умом. Иногда это означает быть более скрытными или заметными, особенно если результативное сопротивление приведет к преследованиям.

Исходя из этого, действия могут быть как результативными, так и привлекать внимание. Теоретик анархии и русский революционер Михаил Бакунин считал, что «мы должны распространять наши принципы не словами, а делами, и это самая популярная, самая непреодолимая форма пропаганды». Цель действия — не совершить символический акт, чтобы привлечь внимание, а произвести поистине значимое действие, которое станет примером остальным.

Существует четыре основные формы противостояния власти имущим. Три из них имеют отношение к земле, собственности, инфраструктуре, а один — к людям. В их число входят:

Оккупация и препятствование;

Возврат собственности и экспроприация;

Уничтожение собственности и материальных благ (угрозы и уничтожение),

Насилие против людей (угрозы и насилие)

Другими словами, в физической конфронтации у сопротивления есть три основных варианта в отношении вещественных целей: блокировать, забрать или поломать.

Начнем с неразрушительного препятствования или оккупации — блокируем. Это включает в себя блокирование автомобильной трассы, сидение на деревьях для предотвращения их вырубki, запираение входов и выходов, захват зданий. Такие действия не позволяют власти имущим использовать или физически уничтожать такие объекты. При условии, что у вас есть в распоряжении достаточное число посвященных людей, такие действия могут быть очень эффективными.

Однако не все так просто. Любое длительное блокирование или захват требуют такой же широкой организованной поддержки, как и прямое действие. Если цель важна для властей, то они ответят жестко. Чем более важным является место, тем сильнее будет ответ. Чтобы удерживать захваченное, активисты должны быть готовы отбить нападения или понести наказание за последствия.

По многим причинам, достойный изучения пример — кризис Ока в 1990 году. Земля Могавков, включая места захоронения предков, оказалась захваченной муниципалитетом Ока (Квебек) для — приготовьтесь — гольф-клуба. Более оскорбительным планом могла быть только мусорная свалка. По прошествии месяца юридических протестов и переговоров могавки перегородили дороги чтобы воспрепятствовать дальнейшему уничтожению их земли. Такая защита своей земли (как сказал один из защитников «Мы — сосны») вызвала реакцию в виде полномасштабной войсковой операции со стороны канадского правительства. Это также вдохновило на акты солидарности людей первых наций (белокожих), что включало блокаду моста Мерсье. Мост соединяет остров Монреаль с южными пригородами города и также проходит по территории могавков называемой Кахнаваке. На протяжении целых дней движение автомобилей в этом районе превращалось в сплошные пробки.

В Канехсатаке, городе могавков около Ока, противостояние длилось в общей сложности 78 дней. Полиция уступила место спецподразделениям, которых заменила армия, усиленная танками, самолетами и другим тяжелым вооружением. Каждая дорога ведущая в Ока превратилась в блокпост. Через две недели начала сказываться нехватка еды.

До тех пока пока ваша группа не оказалась в осаде или в захваченном объекте, вы возможно не оцените по достоинству тот фактор, что помимо того несломимого мужества, стратегического мышления и подготовки вам потребуются основные ресурсы и план по их восполнению. Если армия выступает без запасов, то ее поход будет длиться столько, сколько будет еды в желудках солдат. Доставка еды и ресурсов в Канехсатаке и затем к людям за баррикадами была постоянной борьбой для тех, кто предоставлял поддержку, и это дало полиции и армии множество возможностей унижать и изматывать сопротивлявшихся. У всего мира на виду, правительство не могло напрямую уморить могавков голодом, однако немногим группам из коренных народов удавалось получить такое внимание со стороны СМИ. Еду было несложно собрать: Ассоциация Индейских Женщин Квебека организовала пункты сбора и пожертвования полились. Однако эти продукты нужно было с огромными усилиями переносить через леса, чтобы обойти блокпосты. Полные грузовики с едой стояли часами, только чтобы их затем не пропустили. Солдаты обыскивали женщин раздевая их донага. Как минимум одного могавка заставили упасть на колени пытая его горячей сигаретой, которую потом бросили в его штаны. Наблюдатели, следившие за соблюдением прав человека, подверглись насмешкам и презрению со стороны полиции и обозленных толп белых.

Угроза непреодолимой волны насилия в результате вынудила снять блокаду моста. А Канехсатаке армия вытеснила протестующих в одно здание. Там внутри, 13 мужчин, 16 женщин и 6 детей пытались противостоять мощи канадской армии. Никакая сила духа, никакое преданное мужество не могли победить.

Осада закончилась тем, что осажденные приняли решение сдаться. В отображенной с их стороны истории кризиса «Люди Сосен» Джеффри Йорк и Лорен Пиндера пишут: «Перспективы переговоров были для них неутешительными, они были изолированы, бессильны и условия жизни становились все более невыносимыми ... вспыхивали споры и распри. Психологическая война и постоянный гул вертолетов свели сопротивление на нет.» 34 Без присутствия прессы их могли изнасиловать, разрубить на куски, пристрелить или сжечь дотла, что регулярно происходило с коренными народами, отваживавшимися давать отпор. Фильм «Кахнесатаке: 270 лет сопротивления» документально показывает, как с ними обошлись, когда военные обнаружили отступавшую группу на одной из дорог.

Одна из причин, по которым партизанские группы настолько эффективны против больших чем они и лучше снаряженных армий, кроется в том, что они пользуются своей скрытностью и мобильностью, чтобы решать, когда, где и

при каких обстоятельствах они будут сражаться с врагом. Они вступают в схватку только тогда, когда они имеют основания полагать, что победят, а во всех остальных случаях избегают столкновения. Принимая на вооружение тактику препятствования или оккупации, группа сопротивления отказывается от мобильности позволяя врагу атаковать тогда, когда ему это удобно и откзываются от того, что делает партизанские группы настолько эффективными.

Люди в Канехсатаке были вынуждены отказаться от мобильности. Они были вынуждены защищать свою землю, которая находилась под непосредственной угрозой. Конец был заложен в начале: даже 1000 хорошо вооруженных воинов не смогли бы противостоять канадской армии. Могавкам не стоило оказываться в ситуации без выбора, но тут вина лежит на белых людях, которые притворялись их союзниками. Почему защита земли всегда выпадает на долю коренных народов? Почему мы, имея все наши ресурсы и привилегии, оставляем грязную и опасную работу реального сопротивления, бедным и обездоленным? Некоторые белые действительно вступились: от международных наблюдателей до местных верующих. Однако поддержка должна быть ошеломляющей и приходиться она должна до того, как обреченная на поражение битва остается единственным средством. Места захоронений могавков вообще не должны были оказаться под угрозой из-за полей для гольфа. Достаточные усилия белых в рамках юридической поддержки могли бы предотвратить эскалацию ситуации до колючей проволоки и обысков с раздеванием. Если разобраться, то кризис Ока является систематическим отсутствием солидарности.

Второй способ вхождения в прямой конфликт — захват и экспроприация. Забираем. Вместо того чтобы препятствовать использованию земли или собственности, сопротивление пользуется ими само. Например, Движение безземельных рабочих коренившееся в Бразилии, в стране знаменитой несправедливостью в распределении земли, занимает “слабо используемую” землю в деревнях (которой обычно владели отсутствовавшие землевладельцы) и устраивает фермерские деревни для безземельных или переселенных людей. Благодаря особенностям законодательства о земельной реформе, захватчики земли сумели вынудить правительство экспроприировать землю и дать им право собственности. Движение также принимало участие в таких акциях прямого действия как блокады и запустило свои собственные программы образования и грамотности, а также программы по устойчивому земледелию. Движение безземельных рабочих считается самым большим общественным движением Латинской Америки, количество членов которой оценивается в 1,5 миллиона членов.

Экспроприация была обычной тактикой на различных этапах революции. “Грабь награбленное!” - провозгласили большевики во время Октябрьской революции. На раннем этапе большевики устраивали ограбления банков, чтобы финансировать свою деятельность. 36 Успешные революционеры, а также массовые левые движения также включались в более «законную» деятельность, но и она способна навлечь на себя порицание в той же степени. Когда демократически избранное правительство Ирана национализировало нефтяную промышленность в 1953 году, ответом ЦРУ стал организованный переворот. 37 И конечно же, партизанские движения как правило «освобождают» оборудование от его оккупантов для ведения своей деятельности.

Третий метод прямого столкновения — разрушение собственности и ресурсов. Разрушаем. Эта категория включает в себя саботаж. Некоторые утверждают, что слово саботаж берет свое начало во времена луддитов, которые швыряли свои деревянные башмаки (саботы) в механизмы, что останавливало шестерни. Однако на самом деле термин скорее всего появился в ходе забастовки в 1910 году на железной дороге во Франции, когда рабочие уничтожили деревянные башмаки, на которые опирались рельсы: хороший способ придать инфраструктуре больше значимости. Причем саботаж может быть чем-то большим, чем нанесение физических повреждений машинам: трудовой активизм давно включает в себя такие методы, как замедление работы и умышленную неловкость.

Саботаж — фундаментальная часть войны и сопротивления оккупации. Это общепризнанный факт в среде военных. В частности, армия США опубликовала целый ряд учебников и брошюр на тему саботажа, предназначенные для использования оккупированными народами. «Простое практическое руководство по саботажу» (Simple Sabotage Field Manual) опубликованное Отделом Стратегических Операций во время Второй Мировой подсказывает методы вербовки и мотивации саботеров и конкретные методы саботажа. «Простой саботаж — это больше чем просто нанесение злодеяние, - предупреждает этот труд, - и он всегда должен включать в себя действия, последствия которых нанесут ущерб ресурсам и живой силе врага» 38 Книга предупреждает, что саботер никогда не должен атаковать цели, которые ему не по силам, и должен наносить урон ресурсам, предназначенным для использования врагом. «Саботер может с уверенностью предполагать, что практически любой продукт тяжелой промышленности предназначается для использования врагом, и что самые эффективные ГСМ также предназначены для того же.» 39 Книга направляет саботера на атаки против транспорта и систем и устройств коммуникации, а также против других жизненно важных систем оккупационного режима в целом. Конкретные указания касаются различных вариантов действий начиная от поджога вражеской инфраструктуры и кончая блокированием туалетов и порчей замков, от замедления работы или ее неэффективного выполнения до поломки инструментов и оборудования через умышленную халатность, от распространения ложных слухов и запутывающей информации оккупантам, до участия в долгих и неэффективных совещаниях на работе.

С момента начала индустриальной революции, атаки против промышленной инфраструктуры были высокоэффективным способом ведения борьбы. Вас возможно удивит тот факт, что конец гражданской войны в США наступил во многом благодаря атакам против инфраструктуры. С самого своего начала, гражданская война была чрезвычайно кровавой и унесла больше жизней американских бойцов, чем во всех войнах до того и после того вместе взятых. 40 По прошествии нескольких лет такой динамики, Президент Линкольн и его генералы пришли к решению перейти от «ограниченной войны» к «тотальной войне» в попытке решительно положить войне конец и прийти к победе.

Историк Брюс Каттон описал ту смену стратегии в 1864 году, когда генерал Севера Вильям Текумсех Шерман повел свою армию вглубь территорий конфедератов — в Джорджию и Южную Каролину — и уничтожал их инфраструктуру. 42 Каттон пишет, что «это был аналог современной бомбардировки, удар по гражданской инфраструктуре, на которую опиралась военная машина. Мосты, железные дороги, механические мастерские, склады — все объекты подобного рода, оказывавшиеся на пути Шермана, сжигались или уничтожались.» 43 Целями были также линии телеграфа и сельскохозяйственные угодья. Армия союзников избирательно жгла стойла, мельницы, хлопковые очистители и иногда сжигала урожай и скот. Частично это было атакой на сельскохозяйственную систему рабства, а частично — способом обеспечения армии союзников продовольствием и одновременно подрывом экономики конфедератов. Эти атаки проводились с соблюдением определенных правил поведения, и генерал Шерман приказывал своим солдатам отличать «обычно недружелюбных богачей и как правило нейтральных или дружелюбных бедных, трудолюбивых людей.» 44

Каттон считает, что военные столкновения были скорее случайными в ходе достижения глобальной цели по уничтожению инфраструктуры, цели, которая в результате была достигнута. 45 Как писал историк Дэвид Дж Айхер: «Шерману удалось выполнить удивительное. Он отверг военные принципы действуя глубоко в тылу врага без обоза и связи. Он подорвал большую часть военного потенциала юга и их моральную крепость». 46 Эта стратегия была критически важна для победы северян.

Четвертым и последним методом прямого конфликта является насилие против людей. В данном случае насилие используется для того, чтобы намеренно и прямо наносить травмы и повреждения живым людям. Разбитое окно — конечно не насилие, насилие все же включает в себя фактор психологической травмы или вреда. Большая часть движений сопротивления знают о важности насилия в самозащите. Малькольм Икс обычно высказывался прямо: «Мы ненасильственные с людьми, которые ненасильственны с нами». 47

В движениях сопротивления агрессивное насилие — редкое явление: практически все насилие, к которому прибегали группы сопротивления в истории, от восставших рабов до беглецов из концлагерей и женщин, стрелявших в своих партнеров-насилльников, это было насилие в ответ на еще большее насилие и агрессию, что является оправданной защитой. Когда узники лагеря смерти Собибор тихо убили эсесовских охранников в часы перед побегом, некоторым может показаться, что они совершили акты агрессивного насилия, однако они лишь отвечали на намного большее насилие, которое уже совершали нацисты, и действовали в преддверии еще худшего насилия, ожидавшегося уже в ближайшее время.

Существовали группы, которые прибегали к систематическому насилию против людей, а не инфраструктуры. Фракция Красной Армии (Red Army Faction) была военизированной группой левого толка, которая орудовала в Западной Германии, а основном в 70-х и 80-х. Они провели ряд акций со взрывом бомб и покушениями на убийства нацеленных в основном на полицейских, солдат, высокопоставленных чиновников и бизнесменов. Еще одним примером можно считать палестинскую группу Хамас, которая провела огромное количество насильственных атак, как против гражданского населения, так и против военных в Израиле. Эта организация также является политической партией с легальной поддержкой большинства в органах власти Палестины. Часто игнорируется тот факт, что популярность Хамаса опирается на множество его социальных инициатив, которые начались задолго до их избрания в парламент. Около 90% деятельности Хамас — это эти самые общественные программы, которые включают в себя клиники, кухни для бедных, школы, сиротские приюты и программы по борьбе с безграмотностью. 48

Иногда высказываются мнения, будто использование насилия никогда не оправдано стратегически, т.к. государство всегда способно вывести насилие на более высокий уровень чем сопротивление и запустить новый виток эскалации. В узком смысле это верно, однако в более широком понимании это заблуждение. Успешные группы сопротивления почти никогда не пытаются вступить в открытую конфронтацию с властью имущими (кроме как в ходе всенародных революций, когда государство ослабло, а революционные силы многочисленны и хорошо оснащены). Партизанские группы или ДРГ уделяют максимальное внимание атакам на те места, где они сами сильны, а власть имущие слабы. Мобильность, скрытность и уклончивость их стратегии означает, что они способны нанести значительный урон и рассчитывать на уклонение от преследований со стороны правительства.

Кроме того, правительство отвечает насилием не только на использование сопротивлением насилия, а на эффективность сопротивления. Мы наблюдаем это постоянно, даже там, где акты уклонения являются ведущими приемами борьбы. Власть имущие будут использовать насилие и силу, чтобы подавить любую значимую угрозу их власти, вне зависимости от используемой несогласными тактики. Так что попытка избежать насильственный ответ государства вряд ли является универсальным аргументом против силовой защиты со стороны групп сопротивления.

Цель насильственного сопротивления заключается не просто в самом насилии или мести, как некоторые догматические критики насилия по-видимому полагают. Цель — урезать возможности власти имущих к дальнейшему насилию. Учебник по партизанской борьбе армии США открыто утверждает, что «цель партизанской борьбы — снижение военного потенциала врага». 49 (Помните, что историк Брюс Каттон писал о том, что схватки объединенной армии с солдатами конфедератов были второстепенными, в то время как первостепенными были атаки на инфраструктуру.) Атаковать власть имущих без стратегии, просто чтобы нанести им какой-нибудь ущерб, было бы глупо.

РАФ использовали агрессивную жестокость (насилие в активном нападении), но наверняка не таким образом, который подрывал способность на насилие со стороны власти имущих. Начав деятельность в 1971 году они стреляли в двух полицейских и убили одного из них; заложили бомбу в полицейском участке убив одного и ранив тринадцать офицеров. Они заложили бомбу в машину судьи, в офис газеты, клуб офицеров, где погибли трое и получили ранения пятеро. Они атаковали посольство ФРГ, где они убили двух людей и потеряли двух своих членов. Они предприняли неудачную попытку нападения на военную базу (где хранились ядерные боеприпасы) и потеряли нескольких своих членов. Они уничтожили федерального генпрокурора и директора банка в ходе попытки их похищения. Они угнали

авиалайнер и трое угонщиков были убиты. Они выкрали председателя немецкой промышленной организации (который был бывшим офицером СС), и в ходе нападения убили троих полицейских и охранника. Когда правительство отказалось выпустить заключенных членов РАФ, они убили председателя. Они застрелили полицейского в баре. Они попытались убить главу НАТО, взорвали бомбу на парковке авиабазы, попытались убить командора армии, попытались взорвать школу офицеров НАТО и взорвали еще одну парковку на еще одной авиабазе. Они застрелили управляющего корпорацией и потом главу трастового фонда из ГДР. В качестве своего последнего воинственного акта они взорвали строившуюся тогда тюрьму в 1993 году, что привело к убыткам в размере более ста миллионов марок. За весь этот период их деятельность унесла целый ряд жизней вторичных целей, таких как шоферы и телохранители.

Отставив ненадолго в сторону этические аспекты использования агрессивного насилия, а также стратегические последствия отказа от высоких моральных норм, давайте спросим себя: сколько из этих актов снижают способность государства применять насилие? В промышленной цивилизации большая часть должностных лиц в правительстве и корпорациях — это люди выполняющие конкретную задачу, легко заменяемые на других исполнителей. Конечно же, существуют уникальные личности, которые особо важны в общем механизме, такие люди как Гитлер, но даже если Вы верите в Теорию великого человека Карлайла, Вам придется признать, что большая часть персонала, от полицейских до менеджеров, может быть быстро и легко заменена на других людей. 50 Сколько полицейских и корпоративных служащих имеется в отдельно взятой стране? А сколько существует магистральных нефте-, газопроводов и линий электропередач? Кому достается больше охраны: линиям электропередач или директорам банков? Кого заменят скорее: бюрократов-чиновников или электронные компоненты размером с автобус? И какая атака даст максимальный «возврат с инвестиций»? Другими словами, какой вариант даст наибольший результат по отношению к принятому риску?

Мы уже много раз говорили, что невероятный уровень повседневного насилия, которое наша культура обрушивает на людей и мир природы, означает, что уклонение от сопротивления не остановит насилия. Если уклоняться от столкновения, то власть применит силу к кому-то другому и на протяжении гораздо большего периода времени. Вопрос, как и раньше, остается тем же: какая стратегия — насильственная или ненасильственная — реально сработает?

Вопрос: Нельзя заставить людей измениться. На самом нам нужна смена парадигмы.

Арик МакБей: Те, кто предлагает преимущественно образовательную стратегию, часто утверждают, что неустанная работа ради развития общественного сознания в результате приведет к «смене парадигмы», что даст значительные изменения в действиях и мнениях большинства. Термин «смена парадигмы» пришел к нам из книги Томаса Куна (Thomas Kuhn) 1962 года под названием «Структура научных революций», но он не применим к нашей ситуации по ряду причин. И хотя это выражение стало модным в маркетинге 90-х, Кун прямо писал, что идея применима только к тем сферам, которые принято называть точными науками: физика, биология, химия и т. п.). Парадигма, говорил он, это доминирующая система понимания в одной из этих наук, к то время как «студент изучающий гуманитарные науки постоянно сталкивается с множеством противоречивых и разноплановых решений, выбор которых зависит от него самого» 51 Ученые, пытающиеся объяснить, скажем, орбитальную механику, могут прийти к согласию по поводу наилучшей теории, поскольку пытаются разработать наиболее точно предсказывающие уравнения. 52 Общественные науки и другие сферы знаний не располагают такой роскошью, потому как нет общего согласия касательно того, какие проблемы важны, насколько точными они должны быть и что делать с результатами исследований.

Ввиду этих различий Кун считал, что истинная смена парадигмы всегда ведет к лучшей парадигме, к той, которая объясняет мир лучше. Однако это вообще не применимо к обществу: доминирующие взгляды легко заменяются намного худшими в объяснении мира взглядами или взглядами, вредящими людям и живому миру, что повторяется в истории удручающе часто.

Помимо этого, Кун считал, что даже когда намного более прогрессивная парадигма опирается на солидные доказательства, научное сообщество не всегда достаточно быстро переходит на нее. Ученые, практиковавшие в устаревшей парадигме всю профессиональную жизнь могут не изменить своих представлений даже перед лицом неопровержимых доказательств. Кун цитирует нобелевского лауреата Макса Планка (Max Planck), который сказал, что "новая научная истина не торжествует над научными оппонентами убеждая их, а скорее потому что эти оппоненты в конце концов умирают и вырастает новое поколение [ученых] знакомых с ней."

Что еще хуже для нас с вами, Кун и Планк предполагали, что описываемые люди искренне и преднамеренно пытались обнаружить наилучшую парадигму. Занимались этим с утра до вечера профессионально. Верим ли мы, что большинство людей проводят свое свободное время пытаясь достигнуть более глубокого понимания мира, пытаясь отфильтровать гигантские объемы доступной информации, охватить историю, экологию и экономику? Сама идея смены парадигмы предполагает, что большинство активно пытается найти масштабные решения нашего текущего и опаснейшего положения, вместо того чтобы быть намеренно глупыми и удобно завязанными на экономической и социальной системах, которые поощряют разрушение планеты.

По сути, часть проблемы с этим "образованием" заключается в том, что занимаются им не только левые силы, и оно редко бывает объективным. Исследования показали, что в правом крыле более образованные люди реже признают существование глобального потепления. Это видимо потому, что они умело рационализируют свои иллюзии.

Но давайте остановимся на минутку и примем несколько исковерканную, но очень позитивную интерпретацию понятия "смена парадигмы" и предположим, что произойдет не ухудшение господствующей политики и мировоззрений, а благотворная смена парадигмы. Такая перемена требует избыточных доказательств того, что господствующая культура, т.е. цивилизация, по сути своей деструктивна и обречена на разрушение как самой себя, так и мира живой природы. Поскольку у нас нет возможности сделать много экспериментальных прогонов глобальной индустриальной цивилизации, для многих людей единственным неоспоримым доказательством фундаментальной экологической

неустойчивости планеты будет обвал этой системы. Только достигнув этой точки большинство людей будут лично и самым серьезным образом заинтересованы узнать, как им жить, не разрушая планету. И даже тогда эти люди продолжат настаивать на своих устаревших взглядах, до тех пор, пока, как заметил Макс Планк, они не умрут, перенося такие изменения в далекое после коллапса будущее. Это означает, что даже самые оптимистичные и расчетливые оценки "смены глобальной парадигмы" будут очень и очень запоздалыми.

Вопрос: как я могу помочь устранению цивилизации, но при этом не выбросить мою жизнь в одном напрасном порыве?

Деррик Дженсен: Есть три ответа. Философский ответ: мы не знаем будущего. Мы никогда не знаем, будет ли действие полезным. Мы должны выбирать самые эффективные варианты по собственному усмотрению. Но это не дает гарантии, что какое-либо действие принесет успех. Мы лишь знаем, что если эта культура продолжит свое шествие, то она придет туда, куда направляется: к смерти планеты. Уже есть жертвы: лосось, акулы, черные крачки, перелетные певчие птицы, океаны, реки, коренные народы, бедные люди, крестьяне, женщины.

Второй, исторический ответ о том, как работают движения сопротивления. Ты терпишь поражение за поражением пока не побеждаешь. Тебе расшибают голову, а потом еще раз, а потом еще раз расшибают голову и после ты побеждаешь. Но борьба строится на борьбе. Она должна начаться и набрать силу. Это происходит благодаря организации и действиям. Благодаря победам. Наилучший способ вербовать сторонников – как-то побеждать. Без попытки победы не достичь.

А теперь прагматический ответ: наш противник перевешивает нас в миллионы раз, и мы не имеем права на такую роскошь, как терять жизни понапрасну. Как можно быть наиболее эффективными? Нужно быть умными. Выбирать цели осторожно оценивая и стратегическую ценность, и риск. И мы хотим организовать. Шансы одного возжечь пламя большего движения намного ниже, чем шансы группы организованных людей.

Какие бы действия не предпринимал человек (это верно в отношении всех сфер жизни) должны иметь ценность. Многие из предпринимаемых сейчас действий являются по сути актами вандализма, а не активного саботажа, замедляющего движение машины. Так что выбирай. Как можно сделать свои действия (и жизнь) наиболее значимыми в деле прекращения насилия?

Все, кто начинает действовать против любого репрессивного государства, должны понять, что их жизни изменятся. Им нужно принять очень серьезное решение. Некоторые из тех, кого схватили в ходе травли активистов, знали на что шли, некоторые принимали не слишком обдуманное решение. Последние стали предателями сразу после ареста. Один из них сделал это через пять секунд после того как оказался в полицейской машине. Этот человек по-видимому не слишком серьезно обдумал последствия начатых им действий. Черные Пантеры знали, когда начинали борьбу, что они окажутся либо в тюрьме, либо в гробу.

Наконец, нам нужно всегда видеть то, ради чего боремся. Мы боремся за жизнь на планете. А правда в том, что жизнь - это больше чем ты сам. Она ценнее отдельно взятой жизни. Она - источник всей жизни. Но это не меняет того факта, что нам нужно быть умными. Нужно действовать стратегически. Нужно действовать тактически. И нужно действовать.

Джон Браун (John Brown - американский борец за отмену рабства) отдал жизнь напрасно? С одной стороны, можно сказать, что да. Его проект потерпел неудачу. Но, с другой стороны, можно сказать, что он подготовил намного более значимые вещи. Нат Тернер (Nat Turner - американский лидер восстания рабов) отдал жизнь напрасно? А узники концлагеря Собибор зря потеряли жизни? С одной стороны, да. С другой стороны, можно сказать, что они сделали то, что было правильно и необходимо. И мы должны помнить вот что: те, кто принимал участие в восстании в варшавском гетто имели больше шансов выжить чем те, кто подчинялся. Когда всю планету разрушают, твое бездействие не спасет тебя. Нужно выбирать жизнь в более широком понятии этого слова. Нужно решиться действовать во имя спасения планеты. Поистине, она - наш единственный дом.

Часть II. Организация

Глава 7

Психология Сопротивления

Арик МакБей

Я слышу, как многие осуждают этих людей, поскольку их было так мало. Но когда добрые и смелые были большинством?

Генри Дэвид Торо «Мольба за капитана Джона Брауна»

Как мы можем ожидать победы праведного, когда почти никто не желает отдать себя самого правому делу. Такой прекрасный солнечный день и мне пора уходить. Однако, что значит одна моя смерть, если благодаря нам тысячи людей пробудятся и сподвигнутся на дело?

Последние слова Софи Шолл. Общество белой розы.

Мы исходим из того, что большинство людей никогда не станут частью сопротивления. Некоторые из причин этого очевидны: укоренившаяся покорность, невежество и преимущества участия в доминирующей культуре. Существуют также и конкретные психологические барьеры, ограничивающие участие в сопротивлении, как минимум четыре из которых были обнаружены в ходе психологических исследований.

В 1950-х, психолог Соломон Аш (Solomon Asch) провел ряд экспериментов для исследования влияния социального фактора на восприятие. Аш решил доказать, что, когда человеку предлагают высказать суждение относительно простой и очевидной вещи, его суждение не окажется под влиянием окружающих.

Испытуемых приводили в комнату по одному вместе с другими людьми, которые притворялись, что они – такие же участники, однако находились в сговоре с ведущим эксперимента. Им показывали несколько отрезков: отрезок-образец и несколько отрезков разной длины, длина одного из которых точно соответствовала длине образца. Они проделывали все это с 12-ю разными фигурами. Трюк заключался в том, что подставные испытуемые, находившиеся в сговоре с ведущим экспериментом, лгали. Им дали указание наперед выбрать линию, которая была явно значительно длиннее или заметно короче.

После того как пять подставных участников указывали на свой выбор, приходил черед настоящего испытуемого. Результаты эксперимента оказались полностью противоположными тому, чего ожидал Аш.

Более чем в половине проведенных экспериментов испытуемые примыкали к мнению большинства, несмотря на то, что правильный ответ был очевиден. Около 25% испытуемых отказались поддаться на влияние, однако 75% участников давали консенсусный ответ хотя бы один раз. Проводя последующие интервью, Аш обнаружил, что большинство людей видели линии правильно, но им показалось, что «раз большинство группы пришло к консенсусу, то и они должны быть ошибались». Некоторые, зная, что группа ошибалась, все же соглашались с ними, чтобы не выделяться. А некоторые по завершению эксперимента настаивали на том, что они видели линии точно так же, как и все остальные в группе.

Последнее исследование, проведенное другими психологами, обнаружило некоторые общие черты между теми людьми, которые более всего склонны подчиняться большинству. У этих людей был повышенный уровень тревожности, низкий статус, большое стремление к одобрению и выраженная авторитарность. Последний момент особенно интересен: люди склонные командовать окружающими сами оказались психологически податливыми.

Причем конформизм определялся не только численным перевесом мнений. Важным фактором был авторитет. Психолог из университета Йейл Стенли Милгрэм начал ряд знаменитых экспериментов в 1961 году, почти сразу после начала трибунала над военным преступником Адольфом Айхманом. Он хотел понять то, до какой степени ответственные за Холокост «просто следовали приказам». В эксперименте Милгрэма, испытуемый получал от начальника (руководителя эксперимента в белом халате) указания подвергать ударам тока другого человека, актера, который притворялся будто у него болит сердце. Актер на самом деле не получал ударов током, но притворялся будто кричит от боли, молотил руками по стенам, а затем молча падал, когда уровень тока превышал предполагаемый смертельный порог.

До эксперимента, Милгрэм опросил своих студентов и коллег и все они считали, что лишь очень немногие люди готовы подвергнуть другого человека удару максимального уровня в 450 вольт. Конечно же, в ходе проведения эксперимента 65% испытуемых подвергли «жертву» ударам тока, доходившим до максимума. Среди тех, кто отказывался

доводить ток до максимума, никто не требовал остановить эксперимент, никто не поставил под сомнение его существование. В более поздних экспериментах, Милгрэм исследовал, что может произойти, если власть расставит еще более ловкие ловушки.

Он обнаружил, что чем более респектабельным было место проведения (скажем, здание суда, а не офис в закоулках), тем выше был уровень повиновения. (Подозревая, что испытуемые распознавали притворство «жертвы», два других психолога провели точно такой же эксперимент используя настоящие удары током на живом щенке. Они обнаружили еще более высокий уровень повиновения, чем в исходном эксперименте). 4

Когда подставной участник по-настоящему ударял током, а испытуемый лишь должен был помогать с другими аспектами эксперимента, то практически все испытуемые шли в эксперименте до конца. Хорошая новость заключается в том, что, когда два подставных участника намеренно шли против власти, почти все испытуемые отказывались продолжать эксперимент.

Эксперимент Милгерма – одно из самых часто цитируемых исследований, когда речь идет о причинах подчинения властям на фоне очевидной несправедливости деяний. И, конечно же, как и в эксперименте Аша, настоящие люди, живущие в реальном мире, переживают ситуации намного худшие, чем жертвы описанных экспериментов. У Милгерма, экспериментатор в лабораторном халате мог применить лишь словесное давление, чтобы вызвать повиновение. Испытуемый не рисковал изгнанием из семьи или социальной группы. Он не рисковал потерять работу. Не рисковал общественным осмеянием. Экспериментатор не мог давить при помощи судебной системы, угрожать им или обеспечить подчинение благодаря применению физической силы. В реальном мире все это применяется против тех, кто рассматривает возможность сопротивления.

Приобретенная беспомощность – это еще один инсайт в понимании психологии сопротивления и несопротивления. Термин сформировался в ходе ряда экспериментов, проведенных ученым по имени Мартин Селигман в конце 1960-х. В этом эксперименте несколько групп собак посадили на поводки. Первую группу вскоре отпустили (это была контрольная группа) без вреда для них. Вторая группа получила ряд ударов электрическим током, но при этом у них был рычаг, нажав который можно было остановить удары током, а третья группа получала удары током, которые производились непредсказуемым образом, и не имела способа их остановить. Первые две группы вскоре восстановились после эксперимента, а собаки из третьей группы начали демонстрировать симптомы похожие на симптомы клинической депрессии.

Во второй половине эксперимента, непривязанных собак помещали в открытый короб, из которого они могли легко выпрыгнуть. Собаки из первых двух групп выскакивали из коробов, когда начинались удары, а большая часть третьей группы просто лежала и скулила, хотя они могли спокойно убежать. Они получили навык приобретенной беспомощности. Хорошая новость заключается в том, что около трети собак в последней группе не стали беспомощными и смогли убежать из короба несмотря на свой травматический опыт.

Когда Селигман экстраполировал опыт этих более устойчивых собак на опыт людей, он и другие психологи обнаружили, что «их поведение коррелировало с оптимизмом».6 Однако они предупреждают, что это не наивный оптимизм Полианны. Это было не стремление к восхищению. Наоборот, преодоление приобретенного бессилия заключается в понимании и анализе источника травмы. Люди, которые считали свои проблемы непреходящими, постоянными («всегда так было и будет») и личными («это все моя вина»), намного больше страдали от приобретенной беспомощности и депрессии.

Это также можно экстраполировать на нашу собственную ситуацию. Власть имущие подталкивают нас к пониманию того, что имеющееся положение природно, неизбежно и даже является самым лучшим из возможных вариантов положения в обществе. А если кто-то недоволен тем, как устроено общество, то они говорят, что у этого человека эмоциональное расстройство. Кроме того, индивидуальные травмы постоянно постигающие (по вине власть имущих) отдельных людей, группы людей и землю могут на первый взгляд казаться случайными. Но если мы отследим их общие корни, то они приведут нас к капитализму, патриархату доминирующим в нашей цивилизации в целом, затем мы сможем понимать их как проявления дисбаланса власти и затем мы сможем преодолеть приобретенную беспомощность, которую в противном случае весь этот ужас только укрепляет.

Кроме того, власть имущие систематически стараются заставить нас поверить, что уничтожение окружающей среды – это наша вина (мы же тоже пользуемся туалетной бумагой), а не последствия решений и действий тех, кто находится у руля экономики. Если власть имущим удастся убедить нас, что «это все наша вина», то они еще на один шаг подтолкнули нас к приобретенной беспомощности, депрессии и, в конце концов, к несопротивлению.

Эффект наблюдателя, и связанное с ним распыление ответственности, это последний психологический феномен определяющий будет ли человек сопротивляться или не будет. Появление этого термина связывают с убийством 1964 года женщины по имени Китти Дженовезе. Дженовезе зарезали рядом с ее домом, причем этот процесс длился около получаса. Дюжина людей слышала ее крики и звуки борьбы, а некоторые даже видели фрагменты нападения, в ходе которого ее зарезали. И никто не пришел на помощь? Эффект наблюдателя – это то, что каждый из нас временами наблюдает. Я помню, как несколько лет назад находился в своей квартире, дело было вечером, я сидел и читал книгу. Из коридора послышался женский крик. Она звала на помощь, била по стенам и дверям руками и ногами, а нападавший волок ее по коридору за волосы. Из 10-15 людей, живших на этаже, я был единственным, кто вышел из квартиры, чтобы воспрепятствовать нападению. Никто даже не позвонил в полицию.

После убийства Китти Дженовезе, психологи Джон Дарли и Бибб Лейтин провели серию исследований, чтобы изучить рассеивание ответственности. Они разместили студентов в несколько различных офисных отсеков, а на фоне говорили по интеркому на отвлекающую тему. В начале эксперимента один подставной участник говорил о том, что у

него могут быть приступы. Позднее он притворялся будто у него приступ и сообщал об этом по интеркому, просил о помощи, говорил, что у него приступ, и что он может умереть, а затем замолкал. Вероятность того, что кто-то мог покинуть свой отдел, чтобы помочь «жертве приступа» напрямую коррелировал с количеством людей, принимавших участие в разговоре по интеркому. Когда там был только один человек, то вероятность что он выйдет и поможет «жертве» составляла 85%. Когда участников было двое, то показатель падал до 62%. В присутствии пяти испытуемых, только 31% реагировали. Также вместе с ростом числа участников значительно возрастало время реагирования.⁸ Другими словами, чем больше было людей, тем больше рассеивалось чувство ответственности. Исследование не обнаружило разницы в поведении мужчин и женщин.

Интересно, что Дарли и Латейн сообщают, что те участники, которые реагировали, были менее расстроенными, чем те, кто не выходил на помощь. Люди покидавшие свои отсеки обычно выглядели спокойно и не паниковали, а те, кто оставался в своих отсеках, часто выглядели расстроенными, потели и дрожали. Дело было не в том, что те люди были неспособны действовать, а в том, что они боялись, что они могут «показать себя дураками реагируя слишком выражено».

Во втором исследовании, Дарли и Латейн решили исследовать, как реакция наблюдателей повлияет на поведение испытуемого. Во время эксперимента его участники сидели в комнате и заполняли анкеты. Через несколько минут экспериментаторы пускали в комнату дым. Если испытуемый был один, то он в 75% случаев покидал помещение и оповещал о пожаре. При трех участниках шанс того, что один участник оповестит о дыме, падал до 38%. В завершающей стадии исследования экспериментаторы поместили в комнату одного испытуемого и двух подставных участников, которым были даны указания заметить, а затем намеренно игнорировать дым. В этом эксперименте лишь 10% участников оповестили о дыме [9].

Джон Дарли писал, что в такой ситуации данный наблюдатель понимает бездействие товарищей, как такую ситуацию, которая не несет опасности и не требует срочных действий [10].

Мы снова можем проводить параллели с нашей ситуацией: власть имущие обещают, а в более утонченном варианте подразумевают своим бездействием, что все в порядке. Что массовая бедность – не проблема, что глобальное потепление – не срочная проблема. Они заявляют, что люди, предупреждающие о таких проблемах, – паникеры, и поступают так, будто признавая серьезную глобальную проблему они вызывают хаос и массовую панику.

Даже такое покровительное отношение не очень сильно подтверждается историей. Марта Вольфштайн в своей книге «Катастрофа: Психологическое эссе.» исследовала отношение британского правительства и консультантов в месяцы, предшествовавшие бомбардировке Англии нацистами. Эксперты ожидали что бомбежки вызовут панику и массы людей будут в ужасе бежать из Лондона, а количество психологических травм превзойдет физические в три раза.¹¹ Конечно же этого не произошло. «Не было панического бегства из Лондона или какого-либо другого города. Эвакуация была спокойной и количество людей, пожелавших покинуть свои дома, оказалось ниже ожидаемого». ¹² Поскольку идея массовой паники является привычной яркой картинкой в воображении, Вольфштайн пишет, что в противоположность ожиданиям «население под влиянием катастрофы ... способно впасть в тихое, ошеломленное оцепенение».

Вольфштайн также исследует причины того, почему так много людей перед лицом непосредственной опасности или катастрофы не делают ничего. Убедительные аргументы власть имущих, а также до некоторой степени само существование системы власти и их предполагаемого опыта, способствуют пассивности людей. Вольфштайн пишет: «Эта уверенность, что 'лидеры' или 'правительство' могут и станут делать что-то в сочетании с убежденностью в том, что ни один отдельно взятый гражданин не может повлиять на ситуацию. Такого рода отношение к событиям в мире отображает тренд называемый «приватизация»». Рядовой гражданин склоняется к тому, что он не имеет ни знаний, ни ресурсов, чтобы взять в свои руки масштабные мероприятия, влияющие на его судьбу.¹³

Они не только ощущают, будто не могут ничего сделать: многим людям в такой ситуации (как тем в психологическом эксперименте с дымом) кажется, будто они ощущают, что не происходит ничего необычного: «Ожидание того, что вышестоящие органы что-то сделают с угрозой, в сочетании с верой в беспомощность отдельно взятого человека способны выместить беспокойство.»

Конечно же, не каждый попадает на такие когнитивные ловушки. Кроме того, некоторые люди – как показывает психологическое исследование – не настолько склонны следовать указаниям властей и не настолько подвержены конформизму. Напротив, некоторые люди проявляют психологическую склонность к сопротивлению. Таких людей меньшинство и их группа включает тех, кто первыми идет в бой против несправедливости, первыми организуют группы сопротивления. Это не те, кто первыми принимает новое, а те, кто первыми сопротивляется.

Клод Бурде (лидер движения Комбат во время Французского сопротивления в ходе Второй Мировой) сказал, что члены сопротивления были людьми, которые уже «порвали со своим общественным и профессиональным окружением»¹⁵ Знаменитый французский борец сопротивления Эммануэль д'Астье де ла Вижери считал, что «борцом сопротивления мог быть только неустроенный человек».¹⁶ Однако, описывая историю немецкой оккупации Франции, Джулиан Джексон высказывал мнение, что большинство первых членов сопротивления «были далеко не аутсайдерами», однако были людьми высокоморальными и до того занимались традиционными занятиями и профессиями. Это были не неустроенные бродяги, хотя они точно были личностями с сильным складом ума, готовые порвать с семьей и друзьями.»¹⁷

Хотя многие послевоенные истории Франции показывают массу эпизодов борьбы против нацистов, на самом деле в борьбе принимало участие очень небольшое количество людей. Французское сопротивление охватывало примерно около 1% взрослого населения или примерно 200 000 человек. ¹⁸ Послевоенное правительство Франции официально признало участие около 220 000 человек. ¹⁹ Хотя один историк считает, что реальное количество активных участников

сопротивления составляло 400 000. 20 Кроме активных участников, существовало примерно около 300 000 людей, принимавших значимое участие косвенно. 21 Если принять во внимание всех тех людей, которые были готовы рисковать, читая подпольные газеты, то масса симпатизирующих постигала 10% населения или два миллиона человек.22

Конечно же, сопротивление сороковых годов во Франции не было единственным случаем. В момент своего максимального подъема, ирландская война за независимость (основанная на 700-летнем опыте культуры сопротивления), ИРА насчитывала 100 000 членов (или около 2% от 4,5-миллионного населения), примерно 15 000 из них принимали участие в партизанской войне, причем в любой из моментов борьбы имелось не менее 3 000 борцов. Среди евреев в нацистской Германии количество сопротивлявшихся людей было значительно ниже, чем число тех, кто сам просто покончил с собой. В Берлине, около 4% евреев, вызванных для «переселения», совершили самоубийство, почти все из них совершили самоубийство в момент получения такого предписания (они были по большей части стариками и были глубоко интегрированы в немецкое общество). Внутри нацистской Германии сопротивление по большей части состояло из небольших изолированных групп.

Даже после войны люди очень сдержанно высказывались в поддержку бывшего сопротивления. В 1952 году, после Нюрнбергского процесса и после широких публикаций информации о концлагерях, ужасных медицинских экспериментах и других жестокостях нацистов, были проведены опросы общественного мнения касательно сопротивления в Западной Германии. Общественность спрашивали, было ли оправдано сопротивление человека, убежденного в «несправедливости и преступности» политики нацистов, было ли бы оправданно любого рода сопротивление. Только 41% людей ответили, что сопротивление было оправданно. Хуже того, на вопрос об оправданности сопротивления в военное время лишь 20% ответили «да». Еще 34% людей сказали, что потенциальные борцы сопротивления должны были бы подождать возвращения мира (что при правлении нацистов, равно как и в любой империи, значит, что мира не будет никогда). Вторая по величине группа (31%) высказала сомнение в оправданности сопротивления нацистам. Они высказывали сомнение не в том, стали ли бы они сами принимать участие в сопротивлении (мы можем уверенно предполагать, что они бы не стали бороться), они сомневались в необходимости существования сопротивления вообще! Еще 15% опрошенных настаивали на том, что сопротивление было неоправданным, как в военное время, так и в мирное. 14 Я воспринимаю это все как отвратительное и жалкое зрелище. Я очень хотел бы сказать, что меня это удивило. 15

Желающие оказывать серьезное сопротивление всегда находятся в меньшинстве, вне зависимости от обстоятельств. Это так в основном по социальным и психологическим причинам, которые мы описали выше. 16 Проще говоря: нам нужно оставить всякую надежду на то, что на стороне сопротивления когда-либо окажется большинство, и сфокусировать наши усилия на том, что мы можем делать, располагая имеющимися ресурсами. Исходя из всего этого: цель организации сопротивления – сделать возможным сопротивление как можно большего количества людей, организовать эти людей таким образом, чтобы максимально использовать ресурсы в условиях ограниченной численности участников.

Как мы обсуждали несколько глав тому назад, мы слишком часто в нашей деятельности опираемся на такую мысль, будто нам для переворота в этой проклятой системе нужно массовое протестное движение. Опыт Германии подсказывает обратное: для массового движения требуется переворот системы. Еще долгие годы после поражения Германии подавляющее большинство немцев не считали сопротивление оправданным. Только после того, как мертвая хватка нацистского авторитаризма была сломлена, только по прошествии десятилетий немцы поняли, почему сопротивление было не просто приемлемо, а и необходимо. 17

Я могу верить лишь в то, что если массовое движение против власти имущих когда-либо и сформируется, то это произойдет только после того как цивилизация падет, не до того.

Эффективный борец сопротивления обладает важными личными характеристиками, среди которых важнейшими являются мужество, ум, упорство. Одного ума никогда недостаточно. Хотя умный человек возможно и окажется способен сопротивляться пропаганде и понимать насущность проблем, истинное мужество – обязательное требование к тем, кто действует перед лицом опасности. Смышлённейший трус всегда располагает более хитросплетенными оправданиями бездействия. А упорство требуется, чтобы продолжать борьбу несмотря на все трудности столкновения с намного более сильным врагом, которое обязательно будет наполнено ошибками и неудачами.

Для тех людей, которые психологически расположены к сопротивлению и желают его оказывать, важны несколько факторов, которые определяют насколько активно они будут принимать участие в сопротивлении: воспринимаемые выгоды борьбы, воспринимаемые шансы на успех, воспринимаемый риск связанный с участием, субъективная оценка доли личной ответственности за решение проблемы (эффект наблюдателя), воспринимаемая легитимность организации сопротивления и ее деятельности, а также достаточное количество возможных товарищей по сопротивлению. Можно в этот список добавить и другие факторы: просто подумайте о том, что могло бы повлиять на Ваше решение.

Так или иначе, хорошая организация сопротивления работает над всеми этими факторами. Она может вести пропаганду касательно существующего положения и рекламировать последствия победы. Уже само существование хорошей организации повышает шансы на успех. С деятельностью сопротивления всегда связан риск, но хорошая организационная работа снижает риск благодаря культуре безопасности и хорошей тактике. Регулярные успехи в наборе членов помогают преодолеть эффект наблюдателя благодаря тому, что конкретные люди получают конкретные задачи и нужные для их выполнения ресурсы. Организация сопротивления может повысить свою легитимность используя хорошие механизмы принятия решений, придерживаясь моральных принципов, привлекая поддержку симпатизирующих властей и, что самое важное, благодаря своему долгожительству и эффективности.

Вопрос: Если мы эффективно выступим против власти, не станут ли репрессии еще жестче?

Деррик Дженсен: Они усилят репрессии, но это не причина сдаваться. Так работает авторитаризм и власть: они внушают своим жертвам страх перед активными действиями. Они укрепляют мышление: "Если я его оставлю, моего ужасного мужа, мой сутенер может меня убить." И это очень важная причина, чтобы не сопротивляться.

Этот вопрос открыто показывает известную нам правду: основа нашей культуры - сила. И первая причина, по которой мы не хотим сопротивляться - это страх перед этой силой. Мы знаем, что, если мы будем решительно действовать, чтобы защитить те места и тех животных, которых мы любим, или если мы будем решительно бороться за прекращение эксплуатации бедных корпорациями, власть имущие нагрянут на нас всей мощью государства. Мы можем сколько угодно рассуждать о мифической демократии в нашем обществе. Мы можем сколько угодно говорить, что люди хотят, чтобы ими правили. Но, в конце концов, ты просто эффективно сражаешься с властью, а она пытается тебя убить. Это нужно четко озвучить, чтобы быть способными реально видеть ситуацию. А ситуация такова: власть убивает планету и эксплуатирует бедных, убивает бедных и не прекращает, потому что мы боимся.

Но среди нас есть те, кто готов действовать несмотря ни на что. Никогда нельзя недооценивать серьезность попыток остановить властителей. И еще нужно очень ясно представлять серьезность того, что происходит в мире. Если ты читаешь эту книгу, то, наверное, понимаешь в насколько отчаянном положении мы находимся.

Какое наследие мы оставим потомкам после себя? Как ты хочешь, чтобы на нас смотрели будущие поколения? Ты хочешь быть тем, кто знал, что нужно было делать, но не делал из-за страха? Или ты хочешь, чтобы тебя запомнили, как человека, который боялся, но поступал правильно все равно? Бояться нормально. Почти все, кого я знаю, время от времени боятся. Но работа на правое дело дарит такую сильную радость и восхищение! Тот факт, что власти воспользуются своей силой против сопротивления, - это не причина отказываться от сопротивления еще до его начала. Это причина действовать очень, очень обдуманно.

Глава 8

Структура организации

Арик МакБей

О нашем движении вам нужно знать одно: три человека – это лучше, чем ни одного человека.

Фанни Лу Хамер, лидер движения за гражданские права

Движения сопротивления можно поделить на подпольные и открытые. Эти группы очень сильно отличаются друг от друга в организационных и управленческих потребностях, даже если у них общие цели. Проще говоря, открытые группы не выполняют рискованных, нелегальных операций, а организуются так, чтобы максимально использовать общественные учреждения и открытые каналы коммуникации. Подпольные группы существуют, прежде всего, чтобы вести нелегальные или запрещенные виды деятельности и их организация способствует их максимальной безопасности и эффективности.

Некоторые открытые группы все же прибегают к нелегальным действиям в рамках акций гражданского неповиновения, или нарушают и пренебрегают рамками закона препятствуя общественному порядку или вступая в противоборство с властями (например, в ходе «незаконных» протестов). Такие группы часто оказываются в непонятном подвешенном состоянии, к чему мы позднее вернемся. В ходе того, как полиция становится все более жестокой и беспринципной, а наказания – все более жестокими, такие группы могут разделиться на подпольные, куда уйдут желающие эскалации действий, и открытые (легальные), где окажутся стремящиеся удержаться от незаконной деятельности.

Такое разделение открытого движения и подполья обязательно, оно должно быть абсолютным. Некоторые открытые движения прошлого пытались метаться меж двух огней и вести нелегальные акции без полного разделения. Эти группы вели деятельность в таких местах и в такое время, когда еще не было тотальной слежки за населением. Их попытки сочетать открытую и подпольную деятельность иногда приводили к их уничтожению и очень негативным последствиям для их членов.

Чтобы добиться максимальной безопасности и эффективности, каждый человек в движении сопротивления должен решить где он или она желает оказаться: в подполье или в открытой организации. Это очень важное решение. А попытка перешагнуть эту линию всегда будет означать риски для всех.

Фундаментальные различия между открытыми и подпольными организациями.

Критерий	Открытая организация	Подполье
Членство	Членство в целом открытое. Принадлежность к организации любого – факт, открытый для любого в организации.	Возможность стать членом закрыта или строго отслеживается. Члены не знают, кем являются другие люди в организации, кроме своего непосредственного окружения.
Публичная персона и открытое поведение	Группа стремится привлечь внимание и ведет публичную работу выступая от своего собственного лица. Члены имеют возможность высказываться в поддержку перемен и сопротивления.	Группа стремится быть незаметной или отвлекать от себя внимание (однако вероятно привлекать внимание к своим акциям). Коммуникация с общественностью проводится через анонимные коммунике или пресс-центры.
Принятие решений	Они могут делать упор на демократичное, прозрачное и всеобщее принятие решений. Они склонны к открытости широкому числу людей в принятии решений.	Члены скорее всего не выдают своих взглядов стараясь выглядеть аполитично или консервативно. Процесс принятия решений открыт внутри ячейки но скрыт от общественности, многие решения принимаются с учетом внутренних правил и рангов.
Внутренняя коммуникация и движение	Внутренние коммуникации (внутри групп и между ними) могут быть открытыми, частыми и ясными. Члены могут постоянно переходить из группы в группу, чтобы делиться навыками.	Коммуникации между группами скорее всего краткая, ограниченная, защищенная и закодированная. Перемещение членов между группами очень ограничено, но важно иметь возможность делиться опытом.
Действия	Скорее всего будут заранее заявлять об акциях, чтобы привлечь внимание людей и прессы. Могут целенаправленно работать там, где враг сильнее всего или имеет максимальную концентрацию.	Нет предварительных заявлений. Возможно лишь дезинформация для создания условий для будущих действий. Нацелено на те места, где враг слабее всего или наименее концентрирован.
Цели с учетом всего населения	Могут надеяться на поддержку широкой общественности и активизацию граждан.	Нет необходимости искать поддержку большинства. Возможно есть потребность в наращивании поддержки симпатизирующих. Стремление уберечь население от наказания за акции.

Различия между открытой и подпольной организациями видны в каждом аспекте организации и деятельности. Некоторые из этих различий собраны в таблице выше.

Независимо от того какой является организация (подпольной или открытой), любая группа, ведущая эффективное сопротивление, будет считаться властью имущими угрозой и власть имущие будут пытаться нарушить ее работу и уничтожить ее.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ СТРУКТУРЫ ОРГАНИЗАЦИЙ

Как в открытых, так и в подпольных организациях существуют несколько схем организационных структур. Эти структуры использовались всеми группами сопротивления в прошлом, хотя не все группы избирали наилучший подход для своих ситуаций и целей. Важно понимать «за» и «против» а также возможности ряда организаций, которые входят в эффективное движение сопротивления.

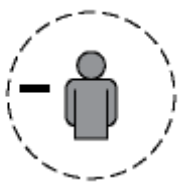
Самая простая «единица» сопротивления – отдельный человек. Отдельно взятые люди очень ограничены в деятельности сопротивления. Открытые активисты (см рисунок 8-1 А) обычно ограничены индивидуальными мерами, такими как перемены в образе жизни, потреблении продуктов, в духовных аспектах; что, как мы уже обсуждали, не соответствует специфике проблем. Отдельно взятые открытые активисты иногда способны произвести большие перемены, но они обычно работают, привлекая к делу других людей или учреждения. Подпольные активисты (см рис 8-2 А) возможно смогут меньше волноваться о своей безопасности, поскольку некому их предать или выдать их секреты на допросе, но при этом их никто не прикрывает. Подпольные активисты также ограничены в деятельности, хотя они и могут заниматься саботажем (и даже устранением людей, как Георг Эльзер, который почти убил Гитлера).

Деятельность отдельных людей может не попадать в категорию сопротивления. Джулиан Джексон писал на эту тему в своей важной работе «Немецкая оккупация Франции»: «Сопротивление все больше поддерживалось враждебностью масс людей к оккупации, но не все проявления ненависти можно охарактеризовать как сопротивление, хотя они и являются необходимым ее условием. Нужно различать неповиновение и сопротивление». Это различие предельно важно и для нас.

ТИПЫ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

1а) Одиночный подпольщик без рабочих связей

1б) Одиночный легальный активист без связей с движением

Джексон продолжает: «Уклонявшиеся (от принудительной работы) рабочие, или избегавшие облавы евреи, или крестьяне скрывавшие от немцев продукты питания нарушали закон и их действия подрывали власть. Но они не оказывали настоящего сопротивления так, как это делали люди организовывавшие побеги евреев и рабочих с принудительных работ. Противление и неподчинение закону на индивидуальном уровне – это не то же самое, что бросать вызов власти, порождающей эти законы.»¹

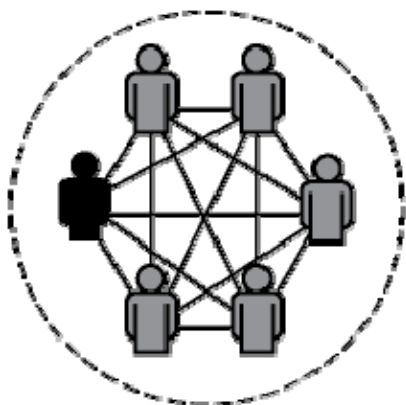
Естественно, в группе появляется множество вариантов сопротивления.

Самая простая организационная единица – это группа единомышленников. Группы меньше 12 человек – это хороший баланс: слишком большие группы имеют слабую социальную эффективность, а слишком маленькие – имеют недостаточно членов для выполнения важных задач. Такая небольшая сплоченная группа имеет свой аналог и в подпольной ячейке, и в армейском подразделении. Группы такого размера достаточно малы, чтобы решения в них принимались сообща, а в случае с иерархической группой, чтобы приказы передавались быстро и легко.

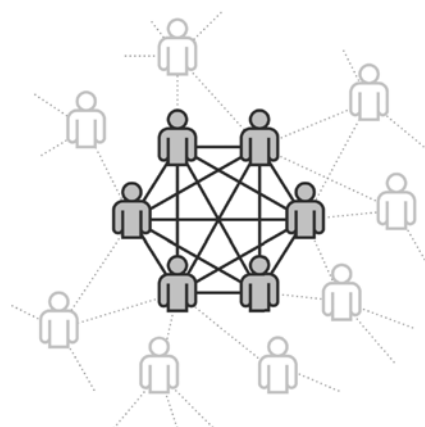

Рис. 8-2

2а) Подпольная группа сплоченных бойцов
(ограниченные прямые связи с более широким движением)

2б) Открытая плоченная группа
(социально интегрированная в более широкое движение)

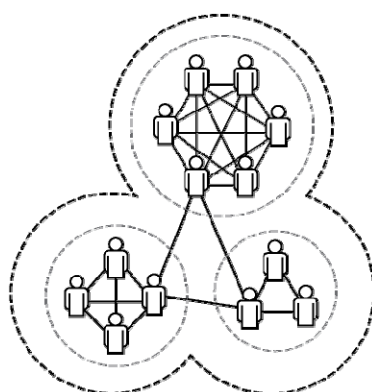

Подпольная группа (рис 8-2 б) имеет много преимуществ для ее членов. Члены могут специализироваться на различных видах деятельности, объединять свои усилия, вместе работать на общие цели и прикрывать друг друга. Группа также может оказывать социальную и моральную поддержку, в которой нуждаются люди, работающие в подполье. Они могут находиться в относительной безопасности, поскольку не находятся в прямой связи с другими движениями или подпольными группами. Однако, из-за весьма тесных связей внутри группы, если один член группы выдает себя, то скорее всего в опасности оказывается вся группа. Чем больше в группе членов, тем больше риска (тем больше различных отношений нужно поддерживать). Кроме того, поскольку небольшая группа единомышленников ограничена в размерах, она ограничена в том, какого масштаба объекты она может поражать и ограничена в географии своей деятельности.

Открытые малые группы (рис. 8-2б) имеют такие же четкие преимущества небольшой общины объединенной общей целью. Однако они могут в большей степени рассчитывать на внешние отношения как с друзьями, так и с активистами. Члены малой группы могут принадлежать к нескольким группам, преследуя свои интересы и увлечения. С подпольными группами дело обстоит не так: ее члены должны принадлежать только к одной группе, а иначе они подвергают риску всю группу.

Очевидное преимущество множества перекрывающихся открытых групп заключается в формировании широких движений или переплетенных сетей (рис 8-3б). Эти большие, разнообразные группы способны добиться большего, хотя им иногда будут мешать проблемы с единством и координацией, если они разрастутся до определённого размера. В естественным образом формирующихся социальных сетях, каждый ее член скорее всего будет отделен от других всего лишь на несколько ступеней знакомства.

8-3 а) Подразделенная подпольная сеть.

8-3 б) Открытая сеть
множество связанных сетей

Это может быть уникальной возможностью для того, чтобы делиться информацией и находить новые контакты. Однако, для группы, вынужденной учитывать аспекты безопасности, организационная структура такого рода – катастрофа. Любой отдельно взятый член, выдавший себя может легко выдать множество людей. Даже если некоторые члены сети не могут быть раскрыты, само общее количество людей делает раскрытие всей сети возможным. Именно сильная сторона децентрализованной социальной сети становится кошмаром для безопасности подполья.

Подпольные группы, которые хотят привести в организацию больше людей, должны применять иной подход. Если подпольная сеть заботится о безопасности, то она будет состоять из определенного числа ячеек с ограниченными связями с другими ячейкам (рис 8-3а). Один человек в ячейке знаком со всеми членами этой ячейки, а также одного

члена из другой ячейки или по одному из нескольких. Это позволяет координировать действия и делиться информацией между ячейками. Такая сеть называется «подразделенная». Все подпольные группы должны пресекать любые связи с открытым движением. Однако нужны и дополнительные барьеры между ячейками подпольной сети.

У таких сетей есть и недостатки. Полезно иметь лишь одну связь между ячейками, поскольку если одна ячейка будет раскрыта, то будет трудно раскрыть другие ячейки. Однако связь при этом весьма хрупкая. Если «связной» будет устранён из сети или потеряет связь по любой причине, то сеть может разорваться. Запасной план на случай потери связи может снизить потенциальную опасность, но повышает риск. Кроме того, неиерархическая структура сети означает более затрудненный выбор целей и мероприятий. Чем больше сетей вовлечено в работу, тем большее число людей должны обладать критически важной информацией. Но так или иначе, эти группы могут быть очень результативными и работать слаженно. Знаменитая Подземка была децентрализованной подпольной сетью.

Некоторые из этих проблем открытых и подпольных групп решаются использованием иерархической структуры. В подпольной иерархии, (рис 8-4а) большое количество ячеек могут быть соединены как ветви в пирамидальные структуры. Группы такого типа имеют намного больший потенциал, чем небольшие сети. Их численность повышает уровень риска, это нужно признать, но этот повышенный риск можно снизить, благодаря специальным ячейкам контрразведки, встроенным в сеть для координации масштабных атак.

Рис 8-4а)

Иерархия в подпольных организациях
(подразделенная сеть)

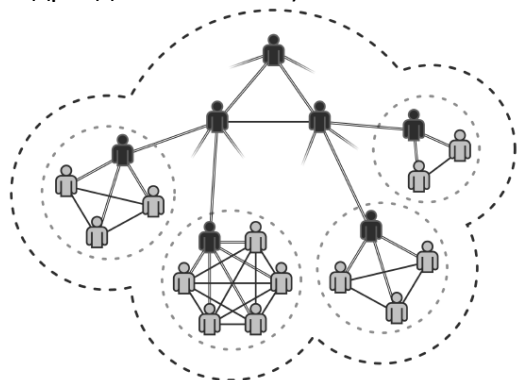
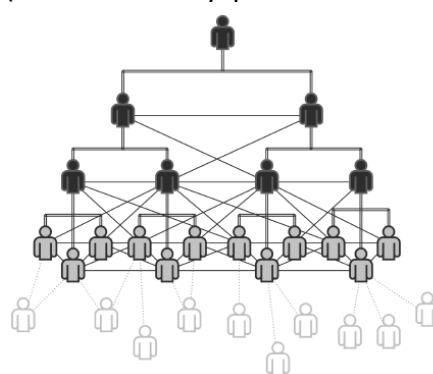

Рис 8-4б)

Иерархия в открытых организациях
(множество внутренних и внешних связей)

Иерархическая структура открытой организации распространена и знакома многим, отчасти потому, что такая структура позволяет координировать множество людей в достижении конкретной цели. Как показано, иерархия открытой группы способствует множеству взаимоотношений между людьми в различных частях иерархии. Такое отсутствие подразделенности (изолированности) может быть полезным с точки зрения эффективности, но не с точки зрения безопасности.

Существуют очень конкретные ситуации, в которых приемлема передача информации через барьер ограждающий подпольную группу. Процесс набора новых членов обязательно включает в себя общение с людьми вне группы. Однако эти люди не должны вести деятельность в открытых группах и, хотя бы в начале, они должны знать только одного человека в одной ячейке организации. Конечно же, не существует прямых связей между подпольщиками и открытыми группами.

В некоторых ситуациях, однонаправленная и анонимная коммуникация может преодолевать барьер. Информаторы, желающие передать информацию сети сопротивления, могут передать ее члену внутренней службы разведки. Однако группа разведки не станет передавать этим людям информацию о самой сети или ее участниках. Информация может двигаться и обратном направлении: подпольные группы могут отправлять сообщения и информацию в СМИ и пресс-центр. Естественно, любого рода коммуникация через барьер, даже считающаяся анонимной, несет с собой риски. Следовательно, ее преимущества должны перевешивать риски.

Все приведенные примеры упрощены и обобщены. Группы сопротивления прошлого располагали очень разнообразными вариантами собственных структур, созданных на основе этих общих принципов. Им часто приходилось намеренно ставить под угрозу то ли безопасность организации (которая берет свое начало в слабо связанных и децентрализованных ячейках) то ли организационную эффективность (сила которой – в тесно связанных и централизованных ячейках).

Независимо от принадлежности к конкретным группам, члены всех движений сопротивления могут быть разделены на пять основных категорий: лидеры, cadre (профессиональные революционеры), бойцы или активисты на передовой, вспомогательный персонал и основная масса. Несмотря на то что такое распределение ролей происходит из терминологии военного дела, принцип его применим к любым группам, которые полны решимости к столкновениям с системами власти и к их разрушению.

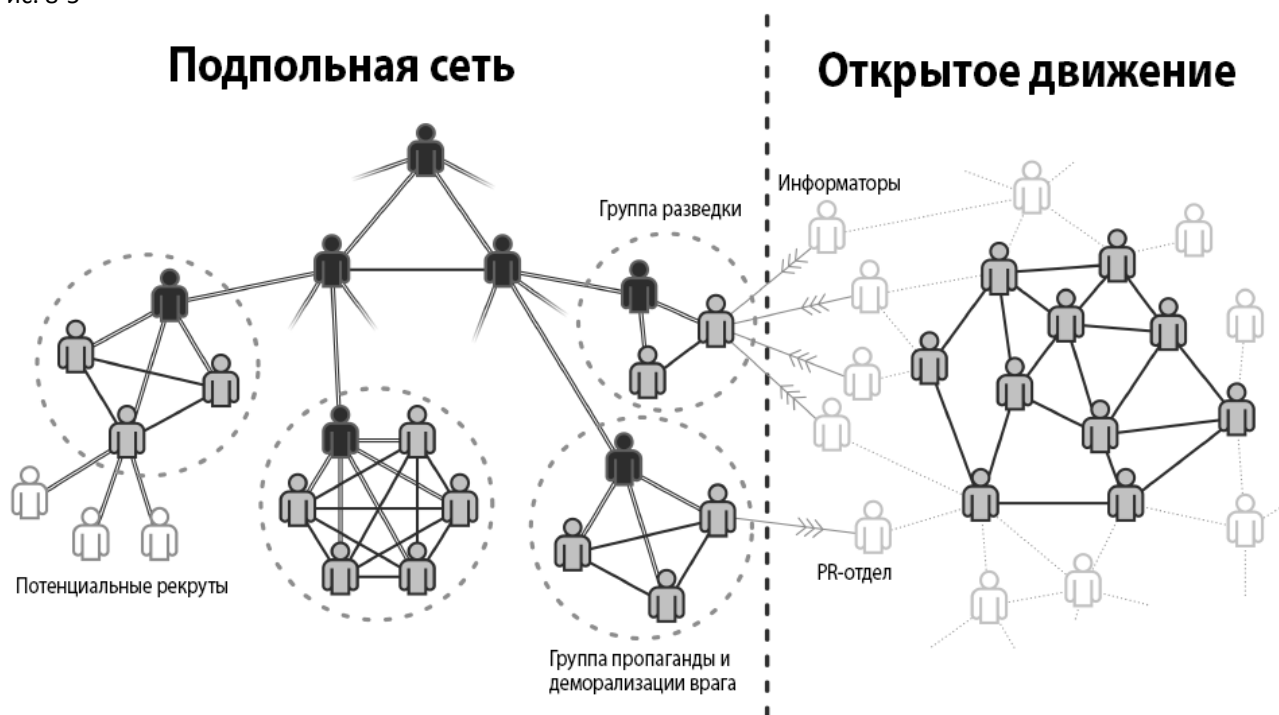
Лидеры – это те, чья работа – организовать и воодушевить организацию, как в качестве идеологов, администраторов и занимать посты важные для эффективного принятия решений. В организациях, где велась борьба против авторитаризма, таких как существовавших до Второй Мировой анархистских течениях Испании, лидеры эффективно выступали в роли cadre (профессиональных революционеров). В иллюстрации организационной структуры (рис 8-5) лидеры (или должностные лица) отмечены черным.

Cadre (иными словами, профессиональные революционеры) формируют основу организации сопротивления. Несмотря на то, что термин «cadre» самым заметным образом использовали коммунисты, его также используют в

общем организационном смысле, и особенно в военном. В своем исходном военном значении, кадре – это «ключевая группа офицеров необходимая для создания и тренировки нового военного подразделения», или, в более общем смысле, «ядро обученного персонала, вокруг которого возможно построить и обучить более численную организацию». Кадре (слово описывает как группу, так и отдельных людей) обладают навыками необходимыми, чтобы управлять организациями сопротивления и обеспечивать их функционирование, и они серьезно относятся к своей работе. Они выполняют свою работу по сопротивлению как профессионалы, независимо от того, как они зарабатывают на жизнь. Большинство тех, кто принимает на себя такую роль «организаторов» в общинах, однако их можно выделить среди других по их преданности делу, опыту и рабочей этике. Будучи организационным ядром группы, они делают то, что нужно, чтобы группа шла вперед, набирала новых членов и обучала их. По сути, все, что в типологии борьбы попадает в категорию «наращивание возможностей и деятельности» находится в ведении кадре. Хорошие кадре выделяются своей волей к успеху, преданным профессионализмом, опытом и навыками, а также солидным вкладом в организационную работу. Как показано на рисунке 8-5, кадре могут быть любыми постоянными членами сопротивления, и они отмечены темно-серым цветом, однако в их число точно входит изображенная слева группа близких соратников, отбирающая новых рекрутов.

Комбатанты (бойцы) или активисты передовой – это люди, вступающие в непосредственный конфликт с властью. Одним словом, они – воины. А их число входят все, кто работает совместно с организациями сопротивления, от протестующих, которые сидят на деревьях, чтобы предотвратить их вырубку, до тех, кто выявляет и выдает насильников. Такого рода работа подразумевает высокий уровень риска, как физического, так и иного рода риска. Как мы уже обсуждали, люди на передовой – это обычно небольшая, но заметная часть от общего числа людей, занятых в сопротивлении. Эта роль может пересекаться с ролью кадре, однако существуют важные различия. Работа на передовой может быть более специализированной, чем спектр задач, стоящих перед кадре-организатором, и она требует более узкого опыта и зоны ответственности. Несмотря на это, сопровождающие такую деятельность риск и стресс означают, что не каждый хорошие кадре станет хорошим бойцом и наоборот. У некоторых людей есть семьи или дети, которым требуется их поддержка, а некоторые просто психологически не подготовлены к работе на передовой.

Рис. 8-5

Знайте, что самые эффективные борцы – это те, кто готов отдать свои жизни или свободу. Даже открытые активисты, занятые в открытых столкновениях, могут оказаться в тюрьме. По сути, они с большей вероятностью могут быть идентифицированы и арестованы, хотя могут получить меньший, чем подпольщики, срок. Один человек из Общества Воинов Могавков однажды объяснил мне, почему полиция больше боялась его группы: «Они не боятся нас потому, что мы готовы встать к оружию. Они боятся нас, потому что мы готовы умереть.» Также и многие Черные Пантеры знали, что когда они становились в ряды Партии Черных Пантер (BPP), то они в результате погибнут или окажутся в тюрьме. Для них, борьба того стоила.

Вспомогательный персонал – это симпатизирующие люди, которые в целом ведут совершенно нормальную жизнь, предоставляют сопротивлению моральную и материальную поддержку. Их можно считать, а можно и не считать, частью организации сопротивления. Они могут предоставлять финансовую поддержку, материальные ресурсы, убежище, кров, транспорт, каналы поиска рекрутов и механизмы их отбора, медпомощь и ремонт оборудования. Вспомогательный персонал также может передавать информацию сопротивлению, включая ту информацию, которая раскрывает деятельность оккупантов: стройки, перемещение личного состава подразделений. Они также могут быть кандидатами на более серьезные роли. На рисунке 8-5, вспомогательный персонал может включать светло-серые фигурки людей,

связанных с движением и выступающих в роли информаторов или ведущих журналистскую и пиар деятельность, не являясь при этом частью формальной организации.

Основная масса состоит из людей, которые поддерживают сопротивление или симпатизируют ему, следят за его деятельностью, но не вовлечены в деятельность организации и не предоставляют прямой материальной помощи. Люди, читавшие подпольные газеты в оккупированной Франции могли быть частью этой группы. Основная масса обычно поддерживает сопротивление в более обобщенном, размытом смысле, обсуждая вопрос с друзьями и соседями, что повышает воспринимаемую популярность и легитимность. Они также могут делиться друг с другом литературой или другими интересными материалами. Открытые организации иногда привлекают основную массу к кампаниям по сбору средств. А основная масса обычно является той базой, из которой ведется набор рекрутов как на вспомогательные роли, так и на другие.

Французское Сопротивление времен Второй Мировой учит нас многому в отношении того, как создать и организовать сопротивление и движение сопротивления. Историк Джулиан Джексон замечает, что до Второй Мировой существовало мало движений сопротивления, примеру которых можно было следовать, движения освобождения были по природе своей более националистскими или антиколониальными и часто не имели подпольного компонента. Что «сопротивление» значило для них? Тут нужно отбросить в сторону романтические образы ... избитые фразы «он стал частью сопротивления», т.к. это вообще неприменимо к 1940 и 1941 годам. Прежде чем к сопротивлению можно было присоединиться, само сопротивление еще нужно было изобрести. 4

Джексон продолжает: «Структуры все же появились, но постепенно и на их основе появились два различных вида организаций: сети ... и движения. Сети создавались для выполнения конкретных военных задач: сбор информации, саботаж, организация путей побега» и т.д. «Некоторые сети развились из спонтанных начинаний местного уровня» а другие «были созданы с нуля агентами, присланными из Лондона. ... Ради безопасности, эти сети должны были быть строго поделенными на отряды и организованы в иерархическую структуру». Они не издавали газет, т.к. первейшим приоритетом была секретность. А для движений, газеты наоборот были главным в их существовании. Они, конечно же, собирали информацию и искали связи вне Франции, но их приоритетом была работа с французским населением: пробудить его от летаргического сна, чтобы в результате побудить его к деятельности и организовать ее. 5

Как наверняка очевидно, эти сети и движения в целом аналогичны подпольным и открытым структурам, которые мы описывали ранее. Частично, разница в том, что французское население четко понимало, что оно находилось под оккупацией и симпатизировало Сопротивлению, так что оно смогло воспользоваться структурами, скрытыми от глаз немцев. Также, они им удалось организовать в группы структурно подобные открытым группам. Фактически, во многих районах юга Франции, которая не находилась под непосредственной оккупацией Германии, движения Сопротивления были для людей чем-то вроде общеизвестной тайны. Рассказывают о людях, которые заходили в здания, где издавались газеты, и успешно узнавали, как пройти к «штабу Сопротивления». Конечно же, такие различия были не слишком явными для людей, пытавшихся научиться организовываться в сопротивление оккупации.

Различие между движениями и сетями выкристаллизовались постепенно. Первые борцы Сопротивления просто делали все возможное. Группа Музее де'Льом начала тайком вывозить беглых узников в Свободную Зону, т.е. на юг Франции, затем занялась сбором информации, а затем они основали газету. Теоретически, они из сети превратились в движение, но на тот момент таких различий еще не существовало. Как только сети стали более профессиональными и начали получать помощь из Лондона, членам сетей было запрещено принимать участие в движениях.»6 Предыдущие несколько слов действительно стоит перечитать несколько раз. Французское Сопротивление признавало необходимость непроницаемого барьера между открытой и подпольной деятельностью.

Существование такого барьера очевидно благодаря многим аспектам их организации. Как замечает Джексон, «Различие между сетями и движениями было очень глубоким. Сети были более специализированными, тайными и, как правило, маленькими: эффективность и безопасность могут пасть жертвой излишнего размера. Движения, с другой стороны, пытались максимально нарастить свою численность. Сети носили таинственные имена вроде «Али-Франс», «Джейд-Фитцрой», «Кавьяр», «Брутус» или «Комета», а названия движений говорили сами за себя: «Освобождение», «Защита Франции», «Сопротивление.»»7

Сети, будучи меньшими по размеру и отдельными единицами, по-разному набирали рекрутов и выбрали цели. Состав подразделений, с точки зрения представителей различных социальных слоев, также мог варьировать. Некоторые специализировались на проникновении в конкретные учреждения, как сеть Аякс, которая набирала рекрутов среди полицейских. Другие сети, такие как Джейд-Фитцрой, набирали рекрутов вразнобой: ее членами становились работники железной дороги, почтальоны, владельцы гаражей, префект полиции, парикмахеры, рестораторы, жандармы, врачи, адвокаты, священники, студенты и инженеры.

Члены сопротивления признавали, что цели организации определяются ее структурой и другими характеристиками. Это стало особенно ясно, когда прошло несколько лет оккупации, к моменту, когда Сопротивление сумело избавиться от некоторых своих ранних изъянов. В 1942 году, как отмечает Джексон, лидер Сопротивления Кристиан Пино выделял два вида Сопротивления: военное сопротивление может вестись только настоящей тайной армией... состоящей из людей готовых предпринять конкретные шаги с конкретной целью... Политическое сопротивление, с другой стороны, совершается каждым французом в рамках его нормальной жизни. Первое обязывает к иерархии, дисциплине и секретности, несовместимым с массовым движением; второе оставляет многое на выбор активиста» 9 Невозможно сформулировать эту идею яснее.

Сети и движения также растут и набирают членов по-разному. Сети ведут деятельность скрыто, а набор – предельно избирательно, а движения могут позволить себе набирать людей, рискуя при этом меньше. Они также могут объединяться с другими движениями не сильно волнуясь о возможной инфильтрации (проникновения вражеских

агентов). И именно это и произошло. С ростом Сопротивления, различные независимо основанные движения постепенно объединялись. В 1943, три самые большие организации договорились о слиянии в одну и это было очень полезно для их основной деятельности в то время: для печатания газет и пропаганды.

Движения были не приспособлены для некоторых видов деятельности, но они все же были важной частью Сопротивления. Их выросшее количество членов и достаточно высокая массовость движения означали, что они могли позволить себе специализацию отдельных людей на конкретных видах деятельности. Каждое подразделение имело людей, занимавшихся изготовлением фальшивых документов, социальную службу, помогавшую семьям арестованных членов, отдел ответственный за сбор разведданных и парамилитарный отряд тренировки новобранцев.» 10 Однако важно заметить, что две ветви Сопротивления намеренно работали так, чтобы взаимно дополнять друг друга. Люди в сетях признавали критическую важность движений, а движения признавали высочайшую важность подпольных сетей. Пино описывал два различных типа организаций, которые работают в параллельно, а не против друг друга.

Нужно признать, что это не всегда было так. На ранних этапах Сопротивления, французы не слишком хорошо представляли себе, что было бы хорошим противодействием оккупации. Как часто случается с людьми, которым недостает эффективной организации для деятельности сопротивления, многие из них склонялись к индивидуальным и личным способам выражения недовольства. В самом начале войны некоторые даже утверждали, что элегантность парижанок была формой сопротивления немцам. Когда мы оглядываемся в прошлое, это может казаться смешным, но, когда у людей нет реальных вариантов действий, они будут хвататься за все возможное. Точно такое же явление выразилось и в максимальной концентрации на «духовном» сопротивлении в некоторых движениях, т.е. они верили, что французам не стоит активно сопротивляться немцам, а стоит наоборот сфокусировать внимание на своих душах. Не кажется ли это знакомым?

В 1941 году, через год после начала оккупации, большая часть движений сопротивления начала противопоставлять ей насилие и даже саботаж. Со временем пришли изменения. Сопротивление росло, а также росло и количество, и разнообразие нападения против оккупантов. В 1943 году имели место тысячи актов саботажа, а убийства стали относительно регулярным явлением. Джексон отмечает: «Такая радикализация Сопротивления повлияла даже на такое движение как «Защита Франции», которое исходно отдавало предпочтение идее духовного сопротивления. Католические воззрения его лидеров означали осторожное отношение к насилию. Но в ноябре 1942 года газета этого движения провозгласила, что обязанность каждого является ношение оружия, а год спустя она одобрила убийство отдельных людей»¹². Выдающийся лидер того движения даже написал статью «Долг убивать», которая в деталях убеждала людей в необходимости уничтожения немцев и коллаборантов. Касательно полиции, помогавшей немцам, и в особенности членов руководимой нацистами военизированной организации, он призывал «истреблять их... убивать их как бешеных собак... уничтожать их, как уничтожают паразитов».¹³

Такая смена настроений вновь и вновь повторяется в различных движениях сопротивления. Они начинают с обособленных диссидентов и «лидеров», боящихся сопротивления и предпочитающих перемены на личном уровне, затем они перетекают в объединенные общей целью небольшие группы, которые прибегают к новым или рискованным приемам, и наконец они перерастают в массовые политические движения и сети способные мобилизоваться и наносить жесткие удары.

Несмотря на то, что поначалу Сопротивление было медленным, впоследствии оно начало разрастаться с ускорением. Этот рост был обусловлен тем, что многие французы увидели путь к победе. Джексон делится наблюдением: «Заметный рост Сопротивления пришелся на тот период, когда все больше казалось, будто немцы проиграют войну. Это не означает, что людей, присоединившихся с опозданием, стоит причислить к оппортунистам. Пока немцы слабели, они становились опасней: рост сопротивления был следствием имевшихся вариантов, а не оппортунизма.»¹⁴ В ходе экспансии Сопротивления даже движения перешли от пропаганды к военным действиям и партизанской борьбе. Когда силы союзников высадились в Нормандии, чтобы начать освобождение Франции методами обычной войны, им помогали члены Сопротивления, который выступали в роли проводников, а также предпринимали партизанские атаки и массовый саботаж.

Сопротивление росло относительно медленно пока не начало казаться, будто Германия может потерпеть поражение. Тут легко проводить аналогию с нашей ситуацией. Трещины на фасаде здания промышленной цивилизации вдохновляют рост сопротивления. В ходе дальнейшего обрушения системы, сопротивление станет более реалистичным, эффективным и необходимым.

Вопрос: А цивилизация не восстановится?

Деррик Дженсен: У меня есть несколько ответов на этот вопрос. Первый ответ - нет, это будет один окончательный снос. Легкодоступные залежи нефти уже не существуют. Ее одного века нефти уже не будет. Еще одного века природного газа уже никогда не будет. Не будет бронзового или каменного века. Не будет высоких кораблей, так как еще очень-очень долго не будет высоких деревьев. Эта культура разрушила так много, что основания для построения подобной цивилизации больше нет. Почвы больше нет. Нет, уже никогда не будет такого подъема цивилизации. Могут быть отдельные люди с высоким самомнением, которые сохраняют небольшие цивилизации, но уже никогда не будет такого, как сейчас.

Второй ответ. Я вообще думаю, что вопрос некорректный. Это, как если бы вы проснулись посреди ночи от воющих сирен, криков семьи, которую насилуют, поглядели вверх в лицо мужика с топором стоящего над вами... а затем поворачиваетесь к Вашему партнеру, лежащему рядом, и спрашиваете: "Дорогая (дорогой), как нас сделать так, чтобы убийцы с топорами завтра не вломились к нам в дом?" У нас кризис и нам нужно разбираться с ним. Хотел бы я, чтобы у

нас было время подумать на досуге, не восстанет ли эта цивилизация вновь, но это непозволительная роскошь. Сейчас, задача - остановить убийство планеты этой культурой. Те, кто придут после нас, вот они пусть волнуются на этот счет.

Этот вопрос напоминает мне еще один вопрос, которые мне однажды задали: "Сколько ты думаешь нам осталось?" Я просто показал на рядом стоявшую девушку рукой и сказал: "Предположим, что ее зверски пытаются вон в той комнате. Мы слышим ее крики. Сколько еще времени нужно дать мучителям, прежде чем мы должны начать действовать?" Жестокая несправедливость окружает нас уже сегодня. Вот прошел один день и исчезло 200 видов живых существ. Сколько времени им оставалось? Ни секунды. Для них не стоит вопрос, восстанет ли цивилизация вновь. Вопрос в одном: что мы можем сделать сейчас чтобы их защитить? Мы видим зло, и мы должны остановить его.

Глава 9

Принятие решений

Арик МакБей

При одинаковом уме робость тысячекратно вреднее отваги.

Карл фон Клаузевиц, стратег

Точно также как открытые и подпольные группы по-разному организуются, также они и по-разному работают. Метод принятия решений в группе имеет решающее значение и влияет на то, как эта группа делает все остальное.

Есть целый ряд методов принятия решений, который включает в себя все: от всеобщего консенсуса до военизированной иерархии. Более открытые и демократические методы уже в крови тех, кто имеет опыт участия в прогрессивных движениях. И тому есть причины: методы всеобщего участия могут эффективно подключать людей с различным опытом в единое общественное движение и могут помочь нам победить такие перекосы власти как, например, сексизм. Но несмотря на свою привлекательность, модель консенсуса (когда для принятия решения нужно одобрение всех) не подходит для всех видов сопротивления.

Более авторитарные методы принятия решений (корпоративные или военные иерархии) распространены по одной причине: они позволяют добиваться намеченного. Иерархии могут способствовать злоупотреблению властью, но они эффективны в деле выполнения поставленных задач. И если мы хотим эффективности нашего сопротивления, то нам нужно решить, какие задачи мы хотим выполнять и выбрать процесс принятия решений, который подходит для этих задач.

Представьте, что группа людей организуется, чтобы предотвратить появление новой урановой шахты в своем регионе. Им нужно поделиться идеями о том, как эффективно организовать, им нужно привлечь к делу множество людей с различным жизненным опытом, и они должны научиться работать слаженно, чтобы совместно работать во враждебной атмосфере. Принципы принятия решений, основанные на открытом и всеобщем участии, такие как консенсус, могут быть прекрасны для такого рода ситуаций, т.к. люди стараются, чтобы все в группе были вовлечены, черпали из общей мудрости; стараются, чтобы каждый участник группы чувствовал себя частью проекта. Однако представим себе французскую группу Френч Макиз, пытающихся саботажем добиться того же самого. Если в ходе задания появится СС, вы представляете, как наши борцы за свободу садятся в кружок и обмениваются мнениями? Можете вообразить, как Пьер блокирует решение открыть ответный огонь из-за того, что Жульет по ошибке не включила его в список выступающих? Вялотекущие, всеобщие собрания – это не страшно, когда ставки не высоки, но длительным дискуссиям не место в условиях, когда речь идет о жизни и смерти.

Две ключевые проблемы: информация и своевременность. Подпольные группы сопротивления должны хранить секреты и мгновенно принимать решения в экстренных случаях. А наиболее авторитарных системах, только один человек должен обладать всей информацией, и он не должен обсуждать задачу ни с кем. Таким образом информация не будет распространяться, а решения будут приниматься быстро. В наиболее открытой для всеобщего участия системе, каждый участник группы имеет доступ ко всей значимой информации и им требуется время, чтобы обдумать, обсудить, и прийти ко всеобщему согласию в достаточных деталях. Тут секреты хранить трудно, а принимать трудные решения быстро практически нереально. А как только группа разрастается до определенного размера, коллективное принятие решения становится практически нереальным.

К счастью, нет необходимости во всех обстоятельствах пользоваться всегда одним подходом. Существует целый ряд вариантов, и все они применялись успешными движениями сопротивления в различных обстоятельствах.

Постоянная ранговая структура – это основная система принятия решений у военных. Существует организованная иерархия, где люди получают звания и признается командная вертикаль. Военные и военизированные организации пользуются таким подходом, поскольку он работает даже при очень тяжелых обстоятельствах. Практически в каждой ситуации есть человек, который несет ответственность за принятие решений, чтобы гарантировать эффективность группы в условиях, когда на обсуждения времени нет. Недостатки такой системы очевидны. Злоупотребление властью, усиление существующих иерархий, зауженный круг думающих людей – это все потенциальные неудачи, против которых должны работать иерархия.

Иерархию можно реализовать в любом масштабе, и при этом гарантировать, что каждый член группы окажется как можно ближе к командованию. Это невозможно при использовании консенсуса, масштабы которого трудно и наращивать, и использовать в экстренных ситуациях. Главное, что нужно усвоить, это то, что некоторые виды сопротивления возможны только тогда, когда работает иерархия. Такой урок преподавали нам различные группы начиная с Африканского Национального Конгресса и кончая первоначальной ИРА. Если кто-то не может принимать сложные решения в нестандартных ситуациях, то люди погибают. Это неприятная новость для тех, кто борется против иерархии и неравенства, но смысл в том, что люди выбирают то сопротивление, в котором сами участвуют. Если Вы не терпите командного подчинения, выберите другую группу. Просто нужно помнить: некоторые пути сопротивления открыты только особого рода группам.

Динамическая ранговая структура – это иерархия с одной лишь разницей, что иерархия не постоянна. Т.о. когда группа фактически работает во внештатном режиме, один человек может отдавать приказы, а все остальное время группа может работать на основе принципа всеобщего участия. Такой подход является компромиссом между описанным выше жестким вариантом и вариантами открытого участия, которые будут описаны ниже.

В прошлом, некоторые команды пиратов придерживались подобного способа: их «капитаны» выбирались командой и обладали полной властью во время сражения. Повседневные дела координировал квартирмейстер. А если команда была недовольна кем-либо из них, то они могли поставить вопрос на голосование, кроме случаев, когда корабль оказывался в гуще сражения.

Динамическая ранговая структура поддается увеличению до любых масштабов, равно как и любые перманентные ранговые структуры. Компромисс заключается в том, что, хотя такая схема хороша для нестандартных ситуаций, она не обязательно эффективна в деле построения больших сетей, в их координации и коммуникации, поскольку «лидеры» могут меняться. Также, трудно управлять информацией по принципу, «каждый знает только необходимое», если меняются люди, которым положено знать.

Принятие решений большинством – это хорошая система для «демократических» групп, или для таковых, которые слишком велики и разнообразны, чтобы пользоваться методом консенсуса. Почти все знакомы с таким подходом, так что его легко применять. Конечно же, проблема с ним в том, что все должны обладать знаниями и опытом в конкретном деле, по вопросу которого принимается решение. Таким может быть солидное основание для работы небольших сплоченных групп единомышленников, но намного менее полезным для подпольных сетей. Этот метод, кроме того, слишком медленный для критических ситуаций.

В рамках подхода под названием «консенсус», каждый член группы должен согласиться, чтобы решение было принято. (Некоторые члены могут воздержаться, а также существуют вариации на тему, но в целом, работает консенсус именно так). Это прекрасный способ сделать так, чтобы каждый оказался вовлеченным в процесс принятия решений и в обсуждение, а также прекрасный способ развлечения для всех потенциальных членов. Этот метод также занимает длительное время, иногда очень длительное, поскольку важно обсудить все детали. Чем больше людей в группе и чем больше различаются их взгляды, тем тяжелее добиться консенсуса. Помимо этого, концессии требует, чтобы у всех задействованных людей был доступ ко всей возможной информации. Эти факторы означают, что консенсус плохо подходит для серьезной подпольной работы и он вообще не работает в критических ситуациях.

Ни один из этих методов ни плох, ни хорош, они просто удобны в различных обстоятельствах. А иногда одна и та же группа будет в разные моменты времени применять разные методы. Даже подпольная группа может применить консенсус или голосование, чтобы решить некоторые общие вопросы, касающиеся стратегии и целей. Они могут назначить одного человека, как ответственного, который будет принимать тактические решения в случае возникновения экстремальной ситуации. Все эти варианты могут применяться в сопротивлении. Фокус в том, чтобы знать, когда и как.

Вопрос: Почему мне нужно предпринимать масштабные действия против системы, при том что почти никто этого не делает, особенно в развитых странах?

Деррик Дженсен: Потому что наш мир убивают. И поскольку граждане так называемых "развитых стран" прежде всех получают от этого выгоды. Это не дело бедных быть на передовой опять. Это не дело коренных народов выходить на огневой рубеж. Природе нечего делать на передовой. Мы получаем блага цивилизации и остановка системы - это наша ответственность.

MEND (Движение на освобождение дельты реки Нигер) сумели сократить выработку нефти на 30-40% в Нигерии. Они поступили так, потому что любят свою землю, а землю разрушают. Мы имеем намного большие ресурсы в нашем распоряжении. Наша ответственность использовать эти ресурсы и привилегии чтобы прекратить убийство планеты.

Привлечение сторонников

Арик Мак Бей

Когда спросили, кто завтра пойдет в суд, я подняла руку. Я подняла руку настолько высоко, насколько могла. Полагаю, если бы в том был смысл, то мне было бы немного страшно, но как в этом мог быть смысл? Они могли меня только убить, а казалось, будто они только это и делали: понемногу, раз за разом, сколько я себя помню.

Фанни Лу Хеймер, лидер борьбы за гражданские права

Методы расширения организации могут отличаться в зависимости от того, подпольная группа или открытая, как она организована, какую роль выполняет. В действительности существуют два вида привлечения новых членов: организационный и персональный. В организационном уже существующая организация находит и вовлекает новых членов. В персональной вербовке, неорганизованные диссиденты (несогласные) находят друг друга и организуют группу сопротивления. Когда сопротивление разрослось, тогда может процветать организационный рекрутинг. Если сопротивление проявляется редко, а слежка распространена, диссидентам нужно в основном искать друг друга напрямую.

Вспомним, что движение сопротивления можно разделить на пять подгрупп по ролям: лидеры; cadre или профессиональные революционеры, формирующие основу движения; бойцы или иные активисты передовой; вспомогательный персонал; и основная масса людей.

Лидеры, если их вообще нужно искать, скорее всего найдут друг друга сами на раннем этапе или будут набраны в рядах самой организации (особенно в подполье, ввиду очевидного: они знакомы, располагают опытом и им можно доверять).

Cadre и бойцы или активисты передовой отбираются при личной встрече, проходят проверку благонадежности и обучение. Набор таких людей может требовать массы ресурсов, но такая преданность необходима: cadre формируют основу организации в роли профессионалов сопротивления полностью отдавая ему себя, а бойцы – формируют передовую край.

Вспомогательный персонал возможно набрать легче, т.к. от них требуется меньше преданности группе, а процесс отбора может быть проще, потому как они не обязательно должны иметь доступ к полной информации и организационным особенностям, как люди внутри организации. Однако обычно нужно поддерживать своего рода личный контакт, как минимум, чтобы начать взаимоотношения.

Основная масса не требует набора, т.к. они поддерживают сопротивление ввиду их собственных обстоятельств и переживаний, в сочетании с пропагандой и рекламой движения. Информационная работа по охвату основной массы может проводиться через такие масс-медиа как книги, газеты, чтобы, как следствие, для «набора» требовались минимальные усилия, но они при этом могут обеспечивать сопротивление слабой или нулевой материальной помощью. Однако, они могут по просьбе сопротивления предпринять некоторые действия и принять участие в актах уклонения или несотрудничества с властью имущими.

Как набирать членов? По-разному. Открытым, легальным группам легко этим заниматься, потому что набор новых членов подкрепляет их сильные стороны. Им относительно легко заниматься поиском новых членов и пиаром своих убеждений и акций. Конечно же, именно по этой причине они больше рискуют проникновением вражеских агентов. Подпольным группам нужно несколько более сложная система набора, в основном по причинам безопасности, и у них намного меньше социальная база для поиска рекрутов. Все это приводит нас к одной из самых сложных головоломок современных борцов, к тому, что можно назвать парадоксом военизированной радикализации.

Большинство людей, желающих изменить этот мир, начинают с малорисковых, легкодоступных занятий вроде петиций и написания писем. Когда оказывается, что такие методы не работают, активисты могут пойти на эскалацию деятельности до протестов, блокад и актов гражданского неповиновения. Возможно в ходе протеста они получают слезоточивый газ в лицо или побои от полиции и тогда они могут стать более радикальными. Если их деятельность им достаточно важна, то они будут продолжать повышать решительность действий до тех пор, пока они не начнут что-то реально менять. Кроме тех случаев, когда их проблема достаточно популярна чтобы ее можно было решить юридическими мерами, активисты наталкиваются на стену, когда дальнейшая эскалация становится незаконной или опасной. А вот тут парадокс: открытый активизм опирается на привлечение внимания общественности. Люди, которые были наиболее упорными, постоянными и успешными в повышении осознанности населения – те самые люди, которым хватает самоотдачи и энергии для подпольной деятельности – зачастую оказываются теми, кто более всех рискует, уходя в подполье.

Люди, живущие в группах подверженных открытым преследованиям, не имеют привилегии незнания и скорее всего радикализуются раньше и более массово. Однако в обществе тотальной слежки это не меняет нашей фундаментальной проблемы: процесс воинственной радикализации обязательно приводит к контрпродуктивному вниманию к радикальному, просто потому, что большинство людей попросту не прибегают к воинственным действиям

до тех пор, пока они лично не истощат менее разрушительные и рискованные варианты. Таким образом большинство самых опытных и серьезных членов открытого сопротивления оказываются отрезанными от дальнейшей эскалации.

Идеального решения этой проблемы не существует. Серьезное сопротивление означает риск. Каждый член должен сам решить на каком уровне риск он готов пойти. Скрытность – частичное решение вопроса. Человек думающий о том, чтобы серьезно работать в подполье, должен избегать того, чтобы ярко показывать себя в качестве выдающегося воинствующего активиста: важно не привлекать слишком много внимания заранее. Это не значит, что людям стоит перестать быть активистами или перестать вести политическую деятельность, но воинственность в открытую totalmente противопоказана при работе в подполье.

Этот парадокс должен быть разрешен в каждой из отдельно взятых общин сопротивления, где имеется культура сопротивления. Мы должны предложить альтернативы традиционным путям радикализации. Чем просто идти по проторенному пути, подающие надежды активисты должны узнать о важном выборе между открытым движением и подпольем. Активисты могут обсудить такие варианты в тесном кругу друзей без планирования конкретных акций (что будет нести с собой дополнительный риск). Причем это правило работает независимо от того, намеревается ли движение использовать насилие. Как мы уже обсуждали, репрессии наступают тогда, когда движение эффективно, независимо от тактики: посмотрите на Кена Саро-Вива (Ken Saro-Wiwa).

Более того, мы предполагаем, что успешное движение сопротивления будет расти, привлекать все больше внимания и продвигаться к все более воинственным методам в случае необходимости. Сам рост будет привлекать все больше внимания и внедрённых агентов из спецслужб. Это означает, что любое движение сопротивления, которое рассчитывает в конце концов достигнуть своей цели, должна иметь на вооружении ряд отличных мер уже в самом начале деятельности. Из-за того, что ситуация значительно ухудшается электронными методами наблюдения, мы – радикалы – находимся в некотором отставании.

ЭТАПЫ НАБОРА

Существуют три основных этапа набора. Первый – рекламирование или поиск потенциальных кандидатов, в ходе которого группа старается войти в контакт с ними и рассказать о движении. Вторая – это проверка и отбор, где имеющийся ряд кандидатов сужается до лучших рекрутов. На третьем и последнем этапе этим рекрутам предлагается обучение и вхождение в организацию. Эти базовые приемы применимы как военизированным группам, так и к бизнесу, социальное учреждение или группа сопротивления.

Рекламирование

Метод рекламирования зависит от количества необходимых для него людей и навыков и способностей, которые им необходимы. Для ралли и протестов движению просто нужно большое количество людей без особых навыков. А в данном случае, набор прямо на месте в виде прямых призывов, при помощи «сарафанного радио», постеров, и т.д. может неплохо сработать. Однако, если требуются особые навыки и свойства, нужно пойти и найти этих людей, часто в самых отдаленных частях движения сопротивления (как в среде вспомогательного персонала или в основной массе).

Рекрутеры открытого движения могут искать новых членов разнообразными методами. Они смотрят, кто и как делает свою работу, просят помочь волонтеров, и просят рекомендаций у товарищей и коллег. Подпольные коллеги тоже могут поступать так же, но более утонченно, как мы вскоре обсудим.

Как только кандидат найден, работа рекрутера сделать презентацию. Хорошая презентация включает четыре части.

Во-первых, рекрутер должен коснуться самого главного и объяснить преимущества участия в сопротивлении. На индивидуальном уровне, как уже обсуждалось, рекрутинг может пытаться смотреть за пределы материального вознаграждения и делать упор на социальные бонусы (принадлежность к сплоченной группе со схожими убеждениями и взглядами), самооценка и реальные достижения (реальные дела, перемены в реальном мире, достижение того, что может только группа) и самореализация (предоставить свои дарования и таланты, реализовать свой человеческий потенциал в рядах сопротивления, креативно отвечать на трудные, бросающие вызов ситуации и т.д.). В вербовке можно также делать упор на цели: все от собственной значимости для локального сообщества до спасения местной флоры и фауны, от построения более равного общества до прекращения разрушения планеты.

Общение с человеком, имеющим опыт в создании организаций, может помочь убедить кандидата. Например, Нацгвардия США увеличила вероятность набора используя людей, имевших реальный опыт работы за рубежом. Как альтернатива или как дополнение к этому, вербовщики могут использовать личные свидетельства других членов, где они объясняли бы преимущества участия. У большинства групп сопротивления не будет денег на зарплаты, но если предложить некоторые бонусы и привилегии, если это приемлемо, то это может способствовать вербовке.

Бард О'Нейлл перечисляет 7 методов, которыми революционеры и повстанцы могут пытаться расширить базу поддержки. Эти методы применимы как в поддержке общественности в целом, так и к вербовке членов в частности. В их число входят:

Харизматическая привлекательность, когда революционеры привлекают людей убеждением, например, силой личности харизматического лидера.

Эзотерические призывы ставят революцию в контекст идеологии и обычно направлены на более умных и образованных людей.

Эзотерические призывы делают акцент на страданиях людей.

Атаки на власть имущих, которые Бард называет «терроризм», помогают продемонстрировать слабость правительства.

Провокации репрессий со стороны правительства, чтобы отдалить людей от правительства и показать, что правительство плохое.

Демонстрация собственной мощи революционерами, силой и/или общественными и административными услугами населению.

Принуждение или угрозы, чтобы вынудить людей помогать.

При том, что все эти варианты интересны в широком стратегическом смысле, первые три напрямую имеют отношение к индивидуальной вербовке.

Второе, призыв должен затронуть глубокий эмоциональный уровень, а не просто вызвать согласие с идеями. Многие люди знают о существовании проблем, но ничего при этом не делают. Чтобы человек взялся за дело, нужен личный и эмоциональный толчок. Еще, современные исследования в нейрологии показывают, что мы принимаем неосознанные решения задолго до того, как придумываем логичное обоснование этих решений. 11 Вербовщики ищут очень малочисленное меньшинство склонное к сопротивлению. Они не должны создавать новые чувства, им нужно вызвать в человеке те чувства, которые у кандидатов и так имеются.

Правильные кандидаты уже хотят сопротивляться, но часто подавляют желание потому, что им не хватает метода эффективно реализовывать его. Присоединяясь, кандидаты в члены сопротивления находят способ реализовать свое глубоко укоренившееся стремление сделать мир лучше. Для некоторых, уже одна только мысль, что они могут стать частью эффективной группы сопротивления, получить тренинги и работать с единомышленниками, дает воодушевление. В других большим резонанс вызовет акцент на больших целях и историческом контексте.

В-третьих, вербовщики должны работать с тем, что заботит и тревожит. Как об этом высказались эксперты по вербовке МакКерли и Вайнгард: «Устраните те причины, по которым они говорят «нет»». 12 Очевидно, у вербовщика должны быть заготовленные ответы на частые возражения. Кандидатов может волновать степень риска, связанного с деятельностью, с кем они будут работать, их роль в группе и как их будут тренировать, что будет с их отношениями с друзьями и близкими, вопросы безопасности, обязательства по времени. Вербовщики могут начать с того, что попросят о минимальном участии, например, о дежурстве на каком-то мероприятии.

Некоторые люди могут сказать, что они слишком заняты, но я подозреваю, что большинство симпатизирующих не окажутся слишком заняты, чтобы найти время для того, что им кажется значимым. Немногие, кому безразлична планета, отказались бы от шанса сделать что-то эффективное. Но еще в этом видна разница между вспомогательным персоналом и кадром. Вспомогательный персонал включается в деятельность сопротивления без заметных нарушений своего обычного расписания. Кадр живет ради сопротивления, находят время и жертвуют личными интересами, если это нужно для сопротивления. Это может означать отказ от телевизора, жизнь в минимализме, отказ от детей...

И наконец, вербовщик предлагает кандидату следующие шаги. Вербовщик может захотеть организовать последующую встречу или особую процедуру для продолжения сотрудничества. Ответственность за следующий шаг лежит на вербовщике. И хотя вербовщик должен постоянно внимательно относиться к тому, как себя чувствует кандидат, он должен предложить конкретные способы начала практического ведения деятельности.

Отвлечемся немного, перед тем как продолжим. Вербовка – лишь одна сторона в уравнении, дающем количество членов. Вторая сторона – показатель удержания активистов. Есть много факторов, которые помогают активистам продолжать деятельность, такие как успех, товарищество, ощущение прогресса. Однако, существуют ровно столько же причин для потери членов. Одна из них – отсутствие заботы о людях. Активистам нужна моральная и эмоциональная поддержка, особенно, когда все идет не лучшим образом. Это становится обязанностью каждого, особенно, если для этого нет специально назначенного человека. Еще мы теряем людей если не ценим их. Мало какие активисты получают за свою деятельность деньги, а многие кампании могут оказаться длительными.

Некоторые люди способны эффективно действовать по своей инициативе, и этих людей нужно ценить и подпитывать ради блага группы. Конечно же есть люди, слабо способные на работу по собственной инициативе, которые постоянно критикуют новых членов за то, что они действуют по-другому, которые занимаются самооправдательной групповщиной⁶¹ и вообще доводят группу до отчаяния, становятся показательными примерами внутренней вражды. Чаше появляясь в группах, где нет опытных и умеющих себя вести живых образцов поведения, эти болезненные люди помогают удержанию членов, как яд помогает здоровью.

Таких людей нужно вежливо попросить перестать. А если они не могут или не захотят прекратить, то их нужно или выгнать, или начать новую. Любая группа, где доминируют подобные люди, будет в застойном состоянии или саморазрушится таким образом, что оставит после себя долговременную враждебность или горечь.

Вероятность всего этого можно резко снизить, если в самом начале отсматривать, фильтровать людей.

Фильтрация и отбор.

Всем группам стоит заниматься фильтрацией и отбором рекрутов (формально и неформально), причем особенно бдительно в подполье. В открытом движении безопасность тоже важна, но нарушения безопасности в этих группах вряд ли будут фатальными. Поэтому здесь мы уделим особенное внимание техникам, применяемым подпольными группами. Существует много различных методов фильтрации (некоторые – поверхностные, другие – строгие), но только некоторые из них будут использоваться в каждой отдельно взятой группе. Примерная последовательность методов включает в себя:

---

⁶¹ Групповщина - раздробленность, отсутствие единства в деятельности какого-либо коллектива, вызванные существованием в его составе нескольких групп, отстаивающих свои частные интересы.

Предварительная фильтрация и подбор кандидатов: еще до того, как начать общение с потенциальным рекрутом или начинать более значимый процесс отбора, группа может обратить внимание на показатели того, на что способен кандидат, включая уже имеющиеся у него навыки, то, как он ранее высказывался в отношении власти имущих, историю его участия в борьбе против власти или данные о других причинах, по которым он может относиться к власти имущим негативно (например, смерть близких).

Физическая проверка: Группа может физически проверить наличие у кандидата прослушивающих устройств, удостоверений и прочего. Конечно же, о таком заранее кандидата не предупреждают.

Рекомендации и поручительство: Движение сопротивления или вспомогательные структуры возможно уже располагают людьми, которые знают кандидата долгие годы и могут за него поручиться или дать свою характеристику. Однако, одного поручительства мало. Если бы его было достаточно, то один внедренный агент мог бы вести много других. Кроме того, у поручителей может быть предвзятый взгляд на близких друзей или родственников, и в особенности на любимых.

Проверки личной истории: Член группы может узнать у кандидата информацию о его прошлом, прошлых поступках, образовании, опыте работы, местах проживания и т.д. Задающий вопросы затем проверяет сопоставимость внутренних элементов истории, логичность, проверяемость, чтобы отфильтровать информаторов выдумывающих или скрывающих определенные моменты своей истории. Обычно требуется проверка истории и общение с отдельными людьми из окружения кандидата. Несмотря на то, что проверка официальных данных и данных из интернета может быть удобным вариантом, их могут фальсифицировать, чтобы предоставить агенту прикрытие, так что лишь на такие данные полагаться нельзя. Сложнее сфальсифицировать записи в газетах, которые можно найти в библиотеках, однако резонансные истории в прошлом кандидата могут делать его непригодным для работы в подполье. Проверка прошлого также может дать информацию о надежности человека.

Слежка и наблюдение: Некоторые группы вели слежку или каким-либо образом вели наблюдение за потенциальными рекрутами. Слежка может помочь проверить их прошлое, определить встречаются ли они с правительственными агентами и собрать больше информации. (Кроме того, слежка помогает выяснить наличие другой слежки за тем же человеком).

Образ жизни и характеризующие привычки: Некоторые группы отсеивают членов на основании их пристрастия к наркотикам или на основании других неприемлемых привычек или действий (злоупотреблений, например), которые противоречат кодексу поведения группы или подвергают группу риску.

Интервью и политическая проверка: кандидатам могут задавать вопросы об их политических убеждениях, а также их могут попросить прочитать и согласиться с определенными материалами, списками ключевых постулатов, кодексом поведения. Эффективные вопросы скорее всего окажутся открытыми вопросами (когда, как, где, почему, как именно...) а ведущих (направляющих) вопросов (Ты этого хочешь? Ты с этим согласен?) стоит избегать. Интервью должны занимать столько времени, сколько необходимо.

Интуиция и доверие: Эти методы являются основополагающими, но не являются непогрешимыми. Окончательный тест любого кандидата – интуиция, чутье нутром у членов группы. Если члены группы не уверены, что могут доверять кандидату, то неважно является ли этот человек информатором – рекрут не может присоединиться к группе, потому что уже имеющиеся члены не смогут работать с ним. Группа должна быть вполне уверена, что кандидат сможет справиться с обязанностями.

Тестовое задание: Зачастую, кандидат может получить тестовое задание. Оно может означать, что человек должен просто показать свои способности и умение следовать указаниям. В других случаях, от них могут потребовать выполнения задачи, которую внедренный агент не стал бы выполнять. Как вариант, его могут попросить выполнить нелегальное действие в присутствии других членов группы. Это может предостеречь их от дачи показаний против других членов группы, поскольку эти люди могут дать показания против них самих в суде. Конечно же, уже случалось, что внедренные агенты шли на поводу у группы, чтобы приблизиться к ней.

Посвящение в членство группы и клятва: Если кандидат проходит предварительную проверку и фильтрацию, то этот человек может быть предварительно допущен к группе. Это может подразумевать, что он произнесет клятву верности группе или движению сопротивления и обещание сохранять тайну и хорошее поведение. Клятва должна подразумевать или открыто утверждать, что рекрут понимает, чем грозит нарушение клятвы. В вооруженных группах сопротивления наказанием за сотрудничество с врагом почти всегда была смерть. Такие клятвы были настолько эффективными, что в конце девятнадцатого века правительство Англии объявило, что уже одна только клятва верности Луддита являлась основанием для вынесения смертного приговора. 4

Испытательный период: После присоединения к группе для рекрута может наступать испытательный период. В этот период от нового члена могут потребовать участие в большем числе миссий, при этом идентифицирующая других членов группы информация может быть от него скрыта до завершения испытательного периода.

Прежде чем приглашать человека в группу, нужно полностью убедиться в его благонадежности и качествах. Подпольные группы не могут просто попросить человека уйти, как бы лишив его приглашения: он знает кто они такие. Вербовщики не станут свободно делиться информацией. Вербовщики могут не говорить являются ли они членами подполья. Фактически, некоторый объем работы по вербовке может выполняться вспомогательным персоналом, располагающим малым объемом опасной информации.

У рекрутов должно быть хладнокровие, чтобы справиться со стрессовыми ситуациями и навыки работы в небольшой группе или группе соратников. Они должны продемонстрировать готовность принять новые для себя нормы поведения группы, но при этом обладать сильными внутренним стержнем, чтобы выдержать трудности некоторых ситуаций. Они должны понимать последствия поимки. Члены подпольного сопротивления также должны быть готовы

оказаться за решеткой, если необходимо, будь то 5, 10 или больше лет. Человек, от которого зависят несколько иждивенцев редко подходит для подпольной работы. Одиноким родителем с маленькими детьми окажется в ужасном положении, если ему будет угрожать тюрьма. В такой ситуации не может быть решения без негативных последствий для детей этого человека, его товарищей или для всех из них.

Бдительно относитесь к тревожным признакам у рекрутов. Обеспокоенность должны вызывать неспособность показать и доказать проверяемые периоды собственного прошлого. Уклончивость или неспособность ответить на вопросы могут прямо указать на проблему. Вербовщики должны также осторожно высматривать проблемы поведения и в психике, а особенности склонность к насилию. Прошлое с эпизодами импульсивного и безответственного поведения может оказаться опасным для группы. Вербовщики должны очень осторожно относиться к людям, в прошлом у которых были пристрастия к наркотикам, поскольку подпольные группы основаны на доверии, а пойманному наркоману доверять нельзя. Кандидатам также может быть отказано, если они слишком известные боевые активисты. Известно, что полиция следит за такого рода людьми в поисках наводок. Вербовщики также должны осторожно относиться к людям с опытом сотрудничества с властями или если у кандидатов есть проблемы с верностью. Если их родственники имеют подобные проблемы или работают в полиции, то это тоже может вызывать подозрение.

Организации сопротивления должны решить, что они будут делать с «отвергнутыми» кандидатами. Если хороших кандидатов слишком много, чтобы предоставить обучение всем, то их можно полностью вовлечь позднее. Если кандидату можно доверять, но ему не хватает опыта и навыков, то его можно определить в ряды вспомогательного персонала или продолжать давать небольшие задачи. Если кандидат подозревается в том, что он информант или агент, то подпольная организация может решить прервать с ним коммуникацию или попробовать подтвердить свои подозрения и пустить дезинформацию, не пуская при этом этого человека в группу.

Во время отбора кандидатов можно также оценить по тому, как их навыки и способности лучше всего вписываются в группу и какое дополнительное обучение им требуется. Помимо того, анализ на самом деле не всегда предотвращает попадание рекрута в группу: анализ продолжается постоянно, но уже в другой форме. В книге об отборе волонтеров Линда Л. Графф пишет, что «просто говоря, совершенно опасно предполагать, что после отбора кандидата, риски закончились, даже если отбор был строгим».5 Она продолжает, предлагая организациям «использовать такие механизмы как работа в связках, оценка эффективности работы, внимательный надзор, отчеты об эффективности, оценки выполняемых и выполненных программ... внезапные проверки на местах, а также четкая политика по дисциплине и исключению из организации» чтобы гарантировать то, что кандидаты и дальше устраивают организацию.

В 1980-х подпольный АНК (Африканский Национальный Конгресс) пользовался многими из этих методик отбора в вербовке. Стивен Дейвис объясняет: «Продвижение подполья было всегда, традиционно очень опасным из-за риска по незнанию завербовать информаторов полиции. Чтобы минимизировать риск, Конгресс принял политику строгого отбора при приеме, и при этом предписывал наказания тем черным, которых подозревали в сотрудничестве с режимом. Последовательность действий по вербовке обычно начиналась с тайной встречи уличной ячейки, где составлялся список потенциальных членов, которые жили в квартале. Это могли быть имена жителей, которые принимали участие в недавнем марше или школьном бойкоте, таким образом продемонстрировавшие наблюдателям АНК некоторую степень политической осознанности. Члены начинали проверки безопасности по каждому из кандидатов, чтобы определить их надежность и политические воззрения. Одному члену ячейки поручалось тайно встретиться с одним потенциальным рекрутом. Кандидат получал тестовое задание, например, выступить в роли координатора протестной похоронной колонны. Если человек проходил тест, то его предварительно зачисляли в ячейку.

Как только рекрут принимает приглашение, начинается процесс инициации. АНК уделяет особое внимание обучению истории партии, ее философии и стратегии. «Нам не нужен просто человек владеющий пистолетом, - утверждает ...Табо Мбеки, - нам нужен политический активист, который понимает за что мы боремся.» (По всей видимости АНК стремился милитаризовать радикалов, а не радикализировать милитантов).

«Начинается процесс инициации, - продолжает Дейвис, - и под опекунов своего контакта, новый кадр должен изучить Хартию Свободы и принять стандарты поведения, принятые для всех членов, включающие запрет на атаки против гражданских и поддержание дисциплины. Если рекрут проходит эти проверки, то он обычно становится членом подполья АНК. Агент контроля дает новобранцу кодовое имя и обучает методам тайной связи в ячейке. Кроме того, этот агент дает новобранцу базовые навыки использования огнестрельного оружия и взрывчатки.»

Лидер ячейки, возможно в результате консультаций с коллегами более высокого уровня, предписывает новобранцу ряд заданий. 6 Этот строгий процесс отбора сослужил хорошую службу для АНК, и без него им бы не удалось свергнуть апартеид.

Тренировка и инкультурация рекрутов

Новым бойцам нужно два вида обучения. С одной стороны, им нужно обучение культуре, т.е. им нужно развить общую с другими членами культуру, чтобы они все могли работать слаженно. С другой стороны, им нужно обучение конкретным навыкам необходимым для работы. Частично общая культура опирается на всеобщую культуру сопротивления, а частично формируется внутри группы. Многие базовые навыки ведения сопротивления также являются общими для большинства групп.

Этот факт подсказывает нам, что существует необходимость в своеобразной «базовой подготовке активистов», которая должна быть доступной, и активно рекомендуемой для тех, кто хочет быть частью культуры сопротивления. Многие преподаваемые навыки и без того преподаются во многих неполитических кругах. А многие политические группы, просто говоря, по всей видимости вообще не знают о том, какие навыки нужны для успешного сопротивления.

Навыки, находящиеся в рамках закона, должны быть повсеместно распространены в культуре сопротивления и в их список входят следующие:

Анализ угнетения и тренировка

Фасилитация групп, принятие решений, разрешение конфликтов, антикризисное управление

Основы истории сопротивления

базовые знания о методах организации сопротивления и стратегиях

Базовые навыки выживания в т.ч. вне цивилизации

Неотложная помощь

Укрепление норм и атрибутов культуры сопротивления

Физическая тренировка и самозащита

Коммуникации, включая безопасные коммуникации

Некоторые из этих навыков – технического характера и их можно легко освоить, пользуясь множеством источников. Другие – являются глубоко политическими по своей природе и их должны преподавать люди, занимающиеся организацией открытого активизма, возможно люди, которых мы называли бы «кадре».

Обучение владению огнестрельным оружием должно быть почти повсеместным в культуре сопротивления. Одним из аспектов тут является самозащита, но она не является главной причиной. Трудно принять осознанное решение в отношении владения оружием, если нет даже зачаточных навыков его использования. Владение оружием важно для его демистификации, потому что любой выступающий против власти рано или поздно столкнется с оружием (как минимум со скрытой угрозой его применения). Знание оружия также важно для понимания истории культуры, которая распространилась и укрепилась благодаря насилию. Невозможно по-настоящему понять историю власти в этой культуре и историю вооруженного и даже невооруженного сопротивления без владения огнестрельным оружием. Разработка стратегии сопротивления без умения сражаться – это как попытка понять коммуникацию в современном мире без навыка произнесения и написания слов.

Если эти навыки будут развиты повсеместно, то новобранцам потребуется очень мало «догонять». Это позволит кадре сопротивления, в особенности подпольным кадре, сконцентрировать внимание на формировании особых навыков, которые нужны для применения стратегии и тактики.

Вопрос: Движение сопротивления очернят, сделают козлом отпущения и выставят эко-террористами в масс-медиа. Есть ли альтернатива, которую можно противопоставить этому?

Деррик Дженсен: Альтернативные каналы информации есть, но противопоставить их этой чернухе? Нет. Альтернативные каналы страдают безразличием и полны взаимной вражды. Более широкий вопрос: существует ли информационное поле поддерживающее серьезное сопротивление в борьбе против убийства планеты?" И ответ: к сожалению, нет. Даже так называемые журналы природы рьяно упираются, отказываясь продвигать что-либо кроме компоста и велосипедов. Скорее, я сказал бы, многие читатели отказываются. Одна из целей [Глубинного Экологического Сопротивления] - помочь создать литературу сопротивления - абсолютно необходимую литературу сопротивления - это поможет создать значимую медиа-платформу для сопротивления. Нужны все форматы: от комиксов до книг, от граффити до кухонных разговоров. Нам нужно обсуждать это открыто. Один из чрезвычайно важных импульсов к развитию сопротивления - разговоры о сопротивлении. Это реальность каждого движения сопротивления в прошлом и останется реальностью до тех пока будут существовать движения сопротивления. Мы должны выложить все варианты на стол и открыто обсуждать их, честно, рьяно.

Безопасность

Арик МакБей

Те, кто непрерывно пеклись о выживании, выжили, но немногие из них добились большего. Нанести удар, а потом выжить – в этом было настоящее испытание.

М.Р.Д. Фут, историк. О движениях сопротивления Второй Мировой Войны.

Мы живем в эпоху нарастающего политического преследования и нам не стоит ожидать его прекращения. Чем более эффективным и серьезным будет сопротивление, тем более жестоким будет преследование его членов и союзников. Прежде чем все будет лучше, все будет хуже, и Грин Скейр – тому ключевой пример. Даже люди принимающие внешне безобидное участие рискуют злейшими преследованиями при условии, что их действия эффективны и воспринимаются властью имущими как угроза. Открытые активисты должны быть озабочены безопасностью больше чем подпольщики, потому что открытые активисты открыты для действий власти против них.

К счастью, активисты, работающие против преследования правительством, придумали способы борьбы с использованием коллективной культуры безопасности. Согласно обязательному для прочтения буклету «Культура безопасности: Руководство для активистов», культура безопасности – это «культура, где люди знают свои права и, что еще важнее, заявляют о них. Люди принадлежащие к культуре безопасности также знают, что поведение включает в себя аспекты безопасности и они быстро приступают к обучению людей, которые по забывчивости или незнанию, или в виду собственной слабости принимают участие в небезопасном поведении. Такая осознанность в отношении безопасности становится культурой, когда группа в целом делает нарушения безопасности в группе общественно неприемлемыми»¹¹

«Руководство» указывает на шесть главных тем, которые нельзя обсуждать. Вот они:

Собственное или чье-либо участие в подпольной группе

Чье-либо желание принимать участие в подполье

Спрашивать у других, являются ли они членами подполья

Говорить о своем или чьем-либо участии в нелегальных действиях

Чьей-либо поддержке подобных действий

Собственных или чьих-либо планах совершения будущих акций

Ключевая проблема тут возникает из-за упоминания конкретных деталей. Говорить о конкретных людях, группах, местах, целях, событиях и других конкретных деталях – глупая затея, даже в виде шутки, слуха или предположения. Такие разговоры отличаются от обсуждения сопротивления и нелегальных действий в целом, в стиле обобщения. Как утверждает «Руководство»: «Совершенно легально, безопасно и желательно чтобы люди высказывались в поддержку вредительства и всех форм сопротивления»³

Авторы пишут, что существуют три и только три конкретные исключения из этих общих правил. Первое: когда Вы безопасным образом планируете акцию с доверенными членами своей группы соратников. Даже внутри группы соратников важно ограничить распространение информации и обсуждение для тех, кто будет фактически принимать участие в акции. Запомнить тут нужно одно: знает тот, кому надо знать. В хорошей культуре сопротивления доступ к информации имеют только те люди, которым нужно ее иметь.

Второе исключение: после ареста, суда и осуждения члена сопротивления. В этом случае, человек может захотеть высказаться о действиях, за которые он был осужден и получил наказание. Однако в этом случае человек должен высказываться осторожно, чтобы не подставить других и не поставить под удар активных подпольщиков. С того момента как руководство «Культура безопасности» была написана, Род Коронадо был арестован и посажен за решетку за публичное обсуждение деталей ранее совершенных им действий, за которые он ранее отсидел срок. Заметьте, что, если власть имущие хотят Вас преследовать, они могут сделать это в том числе и за обсуждение ранее совершенных действий. По этой причине второе исключение не абсолютно.

Третье исключение, отмеченное в буклете «Культура безопасности» - анонимные письма и коммуникаты для СМИ. Однако, отмечает автор, делать это нужно предельно осторожно. Сама по себе передача информации должна быть анонимной и безопасной. Также, из сообщений нужно тщательно удалять всю возможную идентифицирующую информацию, языковых и диалектальных подсказок и других следов.

Также может быть и четвертое исключение, которое не обсуждалось в буклете «Культура Безопасности». Многие из наиболее эффективных движений сопротивления и повстанческих движений, как обсуждалось в главе посвященной стратегии, работа в режиме «открытого источника» (open source), где эффективные атаки и тактические приемы быстро копируются другими группами. Чтобы повторно не изобретать колесо, инструкции и информация по специфике тактики должна быть распространена по различным ячейкам. Тут возможно обсуждение целей и другой информации, что обычно обсуждаться не должно. Когда подобный обмен состоялся, важно скрыть идентифицирующую информацию и другие детали операций: секретные или не связанные с темой напрямую, а сами инструкции должны передаваться по безопасным каналам. У Армии США имеется широкая коллекция практических руководств, аналогичная подборка руководств для подполья была бы бесценной.

Нарушения безопасности, когда случаются, случаются по разным причинам. Иногда люди сплетничают или спекулируют о том, кто совершил конкретные действия или задают некорректные вопросы. Некоторые могут лгать или

приписывать некоторые действия себе, чтобы сформировать к себе доверие. Некоторые хватаются или активно намекают на собственное участие в подпольных или нелегальных действиях. Все подобные проявления – глупые, а иногда и абсолютно идиотские и опасные. Некоторые из участников Грин Скейр были арестованы и посажены потому, что их товарищи совершали подобные нарушения безопасности. Иногда люди поступают так, потому что они ведут себя импульсивно. Иногда они находятся под воздействием токсических веществ. Так или иначе, такие нарушения плодят слухи, достигающие ушей слушающих информаторов, вероятно в виде слухов. Люди, поступающие так, по сути неосознанно выступают в роли информаторов.

Если Вы столкнетесь с подобным поведением, первой реакцией должны быть попытка обучить человека. Люди не рождаются со встроенной культурой безопасности, и они могли просто не столкнуться с хорошим источником информации и обучения на эту тему. Четко заявите человеку, по возможности приватно и вежливо, что его действия нарушают правила безопасности. Объясните, что именно человек совершил и почему культура безопасности важна, а затем укажите ему на хорошие источники информации на эту тему. Не позволяйте нарушениям проходить незамеченными и превращаться в привычку.

Некоторые люди, к сожалению, не способны или не желают придерживаться правил культуры безопасности и могут стать хроническими нарушителями. Они могут делать это непредумышленно, они могут быть Вам симпатичны, и они даже могут оказать Вашими друзьями. Но они также могут оказаться информаторами: намеренно или случайно. Единственный надежный способ работы с такими нарушителями – отрезать их от источника информации. Обычно это означает, что их нужно попросить покинуть группу, не посещать собрания и места, используемые для организации. Позволить остаться, как жестоко бы это не прозвучало, это намеренно создавать слабые места в системе безопасности. Было бы намного более жестоко позволить потенциальным информаторам остаться и подвергнуть других активистов риску преследования.

Эмоционально это может быть очень трудно, но это необходимо. Доподлинно известно, что агенты правительственной контрразведки и агенты корпораций уже вели слежку, внедряли агентов и вели саботаж даже против главенствующих противовоенных и зеленых организаций вроде Гринпис. Открытые активисты обычно не обладают и не должны обладать критически важной информацией, попадание которой в неправильные руки может означать лишение свободы для некоторых людей. Но это не всегда так просто и однозначно. Внедренные агенты, которых тренируют в «безопасных» открытых группах могут заняться более деструктивной деятельностью, даже становиться провокаторами в вашем сообществе. Внедренные агенты также могут собирать информацию о тех, кто симпатизирует вооруженной борьбе и радикальным идеям и разведывать структуру социальных сетей и взаимоотношений. Они могут принимать решение, какие подозрительные комментарии и активисты заслуживают особого внимания и расследования. Любой, кто любит задавать неуместные вопросы и сплетничать о нелегальной деятельности, а результате выдаст информацию власть имущим либо напрямую, либо в электронной форме, где ее могут легко проследить. Проще говоря, люди, которые хвастаются или лгут относительно подпольной деятельности или пытаются планировать ее публично, могут привлечь излишнее и нежелательное внимание к любой группе сопротивления.

Люди, которые не могут следовать простым и основным правилам культуры безопасности либо намеренно работают информаторами, либо по характеру не подходят для серьезного сопротивления. Пусть это будет больно или неприятно, но такие люди должны отстраняться от групп, где имеет место серьезное сопротивление.

Люди, занятые сопротивлением, должны знать свои базовые законные права. Есть множество бесплатных буклетов для множества стран. Буклет «Если поступал агент: Федеральные расследования и ваши права» изданный Центром конституционных прав – это хорошее начало для США. Еще один более новый буклет был издан Национальной Гильдией Адвокатов и называется «Операция «Встречный огонь»: руководство по выживанию для экологических активистов и борцов за права животных», которое можно получить на сайте www.nlg.org

Если Вы считаете, что за Вами следят; ведут наблюдение, или, если с Вами пытается связаться полиция, то об этом нужно сообщить товарищам в среде активистов. Поле того как с Вами пытались связаться, запишите имена агентов, которые с Вами говорили, запишите, что они говорили, как можно больше заданных Вам вопросов и все кажущиеся Вам важными детали. Это можно передать другим в Вашем сообществе. Отчасти это поможет сохранить в сообществе доверие (и избежать слухов, будто кто-то якобы сотрудничает с полицией). Это также поможет предупредить сообщество о том, что нужно усилить бдительность, освежить знания своих прав и возможно даже начать контрразведывательную работу.

Борцы сопротивления, занятые в подпольной работе или нелегальных проектах, обычно стремятся предупредить своих товарищей, что знают или слышали, что в близости рыщет полиция. Первичное предупреждение обычно является внешне неприметным сигналом (словом или фразой) который можно легко передать по телефону, электронной почте или другим способом. (Конечно же полиция может прослушивать телефон и перехватывать почту и ждать, кому подозреваемый в первую очередь будет передавать сообщения после провоцирующего посещения полиции).

Стоит изучать методы дознания и допроса, которыми пользуется полиция. Почти все эти методы не являются секретом и их можно обнаружить в книгах и на других ресурсах.

Барьеры (огненные преграды)

Хорошая политика безопасности заключается не только в поведении отдельных людей. Хорошая безопасность включает в себя все, о чем бы уже говорили: принятие решений, вербовку и структуру вообще.

Как мы уже обсуждали, важно, чтобы существовал барьер между теми, кто выполняет подпольную работу и активистами, ведущими легальную деятельность. Кроме того, должны быть и внутренние барьеры между подразделениями подпольной организации.

Информация должна пересекать барьер только при соблюдении очень строго очерченных условий. Группам нужны четко сформулированные правила, описывающие то, как и какая информация может пересекать барьер, когда может происходить контакт, как информация передается и т.д. В целом, нужно строго контролировать и проводить коммуникации очень намеренно. Большую часть времени подпольная группа должна хранить молчание «в эфире», в отношении обсуждения деятельности вне группы.

Есть три основные причины, по которым информация может проходить через барьер. Первая – собрать информацию и отчеты от вспомогательного персонала, который не занят в организации мероприятий непосредственно. Вторая – отправить воззвания и коммунике в медиа и в прессу. Третья – для осуществления внутренней коммуникации с подпольной сетью. Во всех этих случаях из всех коммуникаций удаляется любая идентифицирующая информация. Время, место и суть коммуникации должны соответствовать внутренним правилам безопасности группы. Люди, которые осуществляют связь между открытой организацией и подпольем также берут на себя определенный риск и должны отдавать себе в этом отчет.

Барьер применим также и к другим видам неполитических преступлений. Подпольщики должны избегать нарушения иных законов уже ради одного только самосохранения. Это включает в себя и нарушения правил дорожного движения. Нарушение законов означает ненужное внимание со стороны полиции, дополнительный риск для подпольщиков. Тре Эрроу сам хорошо это знает, т.к. будучи в бегах он был арестован и упрятан в тюрьму за то, что вынес из магазина болторез. Подпольщики должны не высовываться и вообще выглядеть как обычные законопослушные граждане. И в конце концов, люди, желающие совершать преступления ради совершения преступлений, не годятся для работы в подполье. Они хотят совершать преступления ради адреналина, а не ради достижения стратегических и политических причин. Им часто не хватает солидарности с другими участниками акции. (В Грин Скейр многих посадили в тюрьму из-за информатора Джейкоба Фергюсона, мелкого воришки со стажем).

Проводя исследования для написания этой книги, мы сталкивались со множеством примеров некорректного использования правил культуры безопасности, т.е. некоторые группы применяют очень строгие правила безопасности там, где этого не требуется и не применяют правила безопасности там, где это требуется. В этой путанице нужно разобраться, потому что в лучшем случае подобное положение дел ограничит деятельность людей ненужными ограничениями, а в худшем случае люди будут незаслуженно арестованы или получают тюремные сроки.

Важно понимать, что является «безопасностью», а что – нет. Пока я это писал, со мной связались и пожаловались на то, что некоторые легальные группы хотели установить излишние ограничения в открытых группах. Например, один человек хотел перестать отправлять протоколы встреч людям, которые перестали их посещать. Однако такого рода меры не повышают уровень безопасности. Они же не переставали рассылать протоколы тем, кто посещал встречи, а все, что рассылается по электронной почте, считается открытой информацией. Последствием ограничения стало то, что некоторых людей без надобности исключили из коммуникации, что противоречит потребности открытого движения в максимальной открытости для всех членов, рекламировании и пиаре. И потом, открытая группа вообще не должна заниматься нелегальной деятельностью, которая приводит к серьезным рискам преследования.

А некоторые группы, наоборот, попросту вообще не придерживаются мер безопасности, предусмотренных культурой безопасности, тогда, когда это положено. Один подруга-активистка рассказала мне о случае, когда боевые товарищи построили на главной улице города баррикаду в 8 утра в понедельник как жест солидарности с проходившими в другом месте забастовками. Затем они подожгли эту баррикаду. Это не была партизанская акция в стиле молниеносный удар и быстрый отход. Когда прибыла полиция, ряд активистов были арестованы и получили серьезные обвинения.

Мы конечно очень любим горящие баррикады, но последовавшие за этим юридические проблемы арестантов значительно перевесили все возможные блага от проведения акции. В каком-то отношении это проблема тактики и стратегии, к чему мы вернемся в заключительной части этой книги. Но это также и проблема организации. Военизированные группы часто осуществляют атаки, которые причиняют минимальный ущерб, но не сотрясают саму систему. Это часто случается, когда группа полностью состоит из бойцов с характерной им ментальностью. Они хотят бороться. Они хотят воевать с легавыми, вступать в конфронтацию с властями. Они хотят нанести ущерб, внести смуту, потрясения. Они не только не боятся конфликта, а активно ищут возможности вступить в него. Они часто молоды и долгосрочная стратегия их не заботит.

Такие удивительные характеристики могут быть восхитительны, и движения сопротивления не могут иметь успеха без бойцов, которые ведут сопротивление на передовой. Однако движения сопротивления не могут обойтись и без cadre. Cadre – это основа сопротивления, люди, занятые обучением и стратегией. Они хотят максимально нарастить возможности группы для успеха в долгосрочной перспективе. Их работа – мыслить стратегически, мыслить в долгосрочной перспективе и гарантировать, что бойцы не станут, действуя бездумно, вредить организации.

Между cadre и борцами нет четкого разграничения и люди не рождаются ни теми ни другими, так что со временем их роли могут меняться и смещаться. Однако группы без хорошего соотношения людей соответствующих ролей будут хромать. Нельзя сделать армию, состоящую из одних офицеров, точно так же как невозможна армия, состоящая исключительно из рядовых.

Новым группам или группам со значительной текучкой часто недостает cadre. Невозможно прочитать пособие и стать cadre (хотя cadre должны усиленно изучать сопротивление). Cadre нужны годы, десятилетия опыта, солидная политическая и организационная основа, навыки наставничества или иного тренировки со стороны существующих cadre. Если вашей группе недостает cadre, то стоит либо обучать их самостоятельно, либо заимствовать их или вербовать их из других групп.

Чтобы избежать паранойи и некорректного применения правил безопасности, нужно понимать, что различные превентивные меры безопасности подходят для различных видов деятельности. Если бы я был рыцарем на средневековом поединке, то я, наверно, одел бы доспехи, и это было бы адекватной мерой безопасности. С другой стороны, если я собираюсь в бассейн, то надену наверняка плавки или купальник. Очевидно, было бы глупо одеть плавки и вести осаду крепости. Точно так же глупо было бы одеть доспехи в раздевалке бассейна. При этом конечно можно чувствовать себя более защищенным, но плавание стало бы более затрудненным, если не смертельным мероприятием.

Подпольные группы защищаются, храня в секрете свое местоположение, личности и деятельность. А легальные группы лишены той степени мобильности, которую дает скрытность. Если их преследует полиция или другие органы, то их защита – в численности, в сети поддержки, которая защищает сама себя. Открытые активисты для мобилизации используют массовую коммуникацию и социальные сети. Открытая группа налагающая ненужные ограничения ради «безопасности» не самом деле никак безопасности не способствует. Наоборот, она таким образом снижает свой уровень безопасности отдаляя членов и союзников и отсекает сама себя от сети поддержки.

Обязанность быть неприметными лежит на отдельных людях и на выбранных ими доверенных группах. Некоторые личности входят в открытые группы и насаждают там неудобные для большинства меры безопасности. Это как записаться в группу по синхронному плаванию, прийти на первую тренировку и жаловаться, что остальные не одеты в колючку. Если отдельный человек хочет более высокий уровень безопасности лично для себя, то возможно ему вообще не стоит присоединяться к открытым активистам.

Когда люди все же используют меры повышенной безопасности в открытых группах, они часто делают это как попало. Мой хороший друг Brent когда-то работал в открытой группе, связанной с одним большим либеральным фондом. Вскоре после вступления в группу его добавили в список рассылки. Сначала Brentа обсуждение смутило, потому как он не узнал никого из тех, кто оставлял посты. Один человек объяснил ему, что члены использовали псевдонимы, «кодовые имена» чтобы защитить себя. Когда Brent случайно использовал чье-то настоящее имя в рассылке, то это вызвало бурю возмущения. Brent пояснил, почему он считал использование псевдонимов глупостью, отдаляющей людей друг от друга, в ответ на что он получил четыре гневных письма, два из которых были отправлены с рабочих адресов, а один с адреса школы, что полностью идентифицировало их авторов. Можно я переделаю мою машину и буду заправлять ее иронией вместо бензина?

Если Вы хотите более высокий уровень безопасности в открытой группе, то это может и хорошо, но нельзя применять одни ограничения и игнорировать остальные. Безопасность крепка настолько, насколько крепка ее самая слабая деталь. Беспорядочное смешивание различных мер безопасности – это как пытаться сочетать доспехи и плавки: толком никакой защиты, а выглядит очень глупо.

И это еще не говоря о том, что открытая, легальная группа никогда не совершает нелегальных действий (хотя использование рассылки для организации нелегальной рискованной деятельности было бы глупостью для любой группы). Это не означает, что открытые группы должны разрешать кому угодно присоединяться и начинать планирование. Важно признавать, что цель культуры безопасности – это не безопасность (поскольку работа против власти имущих никогда не будет безопасной), а эффективность людей. Люди не могут быть эффективными, если они за решеткой или бегают по судам. Также они не могут быть эффективными, если они заковывают себя в цепи бесполезных мер «безопасности».

Как поясняет М. Р. Д. Фут относительно сопротивления в оккупированной Европе: «великолепными словами одного британского агента в Стамбуле, «Осторожность – аксиома, а излишняя осторожность - паралич». Те, кто постоянно занимался своей безопасностью, выжил, но немногие из них могут записать в список своих заслуг что-то кроме собственного выживания. Нанести удар и затем выжить – вот настоящее испытание.» 5

Нет сомнения в том, что барьер жизненно важен. Многие успешные движения сопротивления, включая Французское Сопротивление, применяли его. Другие движения сопротивления не применяли и это затрудняло их деятельность. Однако есть и неопределенные моменты. Здорово сказать, что группам стоит избегать излишних мер безопасности. Но некоторые открытые группы все же существуют в странно пространстве посередине и возможно они хотят применять приемы, выходящие за рамки закона. В такой ситуации безопасность становится все более важной. Информация о незаконных действиях должна быть доступна только тем, кто принимает в них непосредственное участие. А власть имущие часто арестовывают по сфабрикованным обвинениям людей, которых иначе они посадить не могут. (Сколько лидеров толпы были осуждены за уклонение от налогов или за почтовое мошенничество?)

В иных случаях, люди могут работать открыто, но стремиться уйти в подполье. Эти люди должны стараться оставаться неприметными, особенно в отношении электронных средств коммуникации. Обработка массивов данных и фильтрация позволяют власти имущим выявлять людей, симпатизирующих радикалистам или имеющих подобные интересы. Неприметность означает, что деятельность не оставляет после себя следов: как на бумаге, так и в электронном виде, что привлекает подозрения и любопытство к участникам.

УРОВНИ БЕЗОПАСНОСТИ

Безопасность часто подразделяется на четыре уровня: личная безопасность, безопасность отношений, безопасность деятельности (операционная безопасность) и организационная безопасность.

На индивидуальном уровне, члены группы сопротивления несут ответственность за прилежное соблюдение правил безопасности. Сюда входят общие принципы культуры безопасности, о которых мы говорили выше. Личная безопасность – это первая линия обороны группы. Борцы подполья обычно стараются не обращать на себя внимание. Всем борцам сопротивления нужно обучение на случай ареста и на случай иных опасных ситуаций.

Безопасность отношений касается того, как члены группы общаются друг с другом и с людьми вне группы. Безопасность отношений включает меры, которые помогают извлечь максимальную пользу из сотрудничества и минимизировать риск (особенно ограничить последствия чьего-либо нарушения индивидуальной безопасности, что

может, например, означать, что нужно спрятаться, если близкого союзника арестовали). Тут опять важна хорошая культура безопасности, равно как и сохранение барьеров как в организации, так и вокруг нее, а также использование безопасной связи.

Меры операционной безопасности используются во время выполнения отдельных операций, миссий, задач. В их список могут входить: хорошее ознакомление с местностью и репетиция перед операцией, дозоры и связь во время операции, а также заранее спланированные пути отхода и безопасные укрытия на период после операции.

Меры безопасности на уровне организации – это высочайший уровень безопасности. Меры безопасности группы отражаются в ее структуре, ведении записей, правилах набора членов и т.д. На организационном уровне группа (или ее лидеры) отвечает за определение стандартов и норм группы для деятельности группы на всех уровнях. Организационная безопасность подразумевает, что правила безопасности будут приводиться в исполнение, навязываться, что, возможно, станет работой для кадра. Эти люди, возможно, также будут отвечать за выявление в организации и устранение коллаборантов или информаторов, а также за такие меры контрразведывательной борьбы, как дезинформация.

Такие меры безопасности применяются не только к действительным членам группы, но и к ее бывшим членам. Когда люди покидают группу, они должны знать, чего от них ждут. Базовые правила безопасности должны работать даже после того, как человек покинул группу. Члены движения сопротивления обсуждают нелегальные действия подполья только с членами собственной группы. Если они покидают группу, то они не могут обсуждать деятельность группы вообще ни с кем. Члены расформированной группы должны воздерживаться от болтовни по поводу проделанного. Человек должен быть или в подполье, или вне подполья. Нет ничего посередине. Разговоры со старыми товарищами на тему «старые добрые времена» отправили многих бойцов «Грин Скейр» за решетку.

Группы сопротивления организуются в группы на основе своих политических методов и объединяют группы в такие сети, которые сделают их максимально эффективными. Группы хорошо умеют принимать решения, умеют вербовать новых членов и умеют поддерживать безопасность. Это нелегкая задача, но следующая задаче еще более значимая. Организационная деятельность ведется, чтобы бороться, а борются, чтобы победить. А для победы нужна стратегия.

Что отличает антицивилизационные движения от других народных движений, которые были успешно повалены шпионами и подстрекателями? Что, есть новые стратегии и тактики, которые способны противостоять этим новым системам и технологиям?

Деррик Дженсен: Откровенно говоря, нет. Сегодня у активистов есть огромное затруднение по сравнению с прошлым, мы живем в век тотальной слежки. Возможности наблюдения и убийства на расстоянии существенно возросли по сравнению с прошлым. Сравнить, например, силу государства нацистской Германии. Технология отпечатка пальца была для них новой. У них даже близко не было такой возможности слежки, какой располагают современные государства. У них были только примитивные компьютеры. Они не имели программ, распознающих голос, у них не было программ вообще. Так что власть имущие обладают огромными преимуществами по отношению к народным движениям.

Коренные народы и традиционные движения сопротивления имели свои безопасные деревни. Они располагали необжитыми местами. Сегодня такого нет. Индейцы сегодня конечно имеют преимущество того, что они не выделяются среди толпы так как 500 лет тому назад. Текумсах не смог бы ходить по Филадельфии и не быть узнанным. Такое преимущество сегодня есть.

Но наибольшее преимущество, которым сегодня располагает народ, это то, что изобилию конец. Век дешевой нефти ушел. Империи - на пути к развалу. Раньше казалось, будто при распаде цивилизации любой, даже хоть немного сопротивляющийся ей, будет немедленно приставлен к стенке. Но сейчас, кажется, будто с развалом цивилизации, ее императоры не могут доставить почту, и уж тем более не могут сохранять тот уровень угнетения, которым им удавалось удерживать против врагов империи. Вспомните о развале Советского Союза, он просто развалился, вместо того чтобы проводить чистки и репрессии. У СССР не было ресурсов.

Даже США разваливаются. Государство не может даже содержать в порядке водопровод и дороги. Правительства штатов и федеральное правительство больше не могут оплачивать колледжи. Власть имущие не имеют денег и не имеют ресурсов и эти ресурсы никогда не вернутся.

Если бы кто-то раньше уничтожил важный узел инфраструктуры, то люди у власти смогли бы это исправить. Но сегодня правительствам мира не хватает денег. Чем больше денег они тратят на восстановление, тем меньше первичного вреда природе они приносят.

Часть 3. Стратегия и тактика

Глава 12

Введение в стратегию

Арик МакБей

Я не хочу убивать и не хочу быть убитым, но я могу предвидеть обстоятельства, в которых я не смогу избежать ни первого, ни второго. Мы храним так называемый мир в нашем сообществе, ежедневно совершая мелкие преступления. Посмотрите на дубинку полицейского и его наручники! Посмотрите на тюрьму! Посмотрите на виселицы! Посмотрите на капеллана полка! Мы лишь надеемся жить в безопасности на окраинах этой условной армии. Так что мы защищаем себя и наши курятники, и поддерживаем рабство.

—Генри Дэвид Торо «Мольба за капитана Джона Брауна»

Анархист Майкл Альберт в своих мемуарах «Вспоминая завтра: от СДС к жизни после капитализма» пишет: «Стремясь к переменам в обществе, я натолкнулся на самую большую проблему и это то, что активисты были недостаточно стратегичными». При том, что это так, он замечает, что различные прогрессивные движения «иногда воплощали плохую стратегию» и по его опыту «зачастую вообще не имели стратегии». Было бы приуменьшением сказать, что такое наследие – огромная проблема для групп сопротивления. Существует множество способов объяснить это явление. Поскольку мы иногда не проговариваем четкую стратегию, по причине того, что мы в меньшинстве, стратегическое мышление душат кризисы и непосредственные угрозы, так что мы никак не можем переключиться на мышление в долгосрочных категориях. Или это происходит вследствие раздробленности групп, при том что разработка стратегии требует такого уровня согласованности деятельности, который мы не можем показать. Или причиной тому может быть то, что большинство из нас не понимают разницу между стратегией и целью или желанием. Или дело может быть в том, что мы не обучаем себя и окружающих стратегическому мышлению. А может люди просто действуют как несогласные (диссиденты) а не борцы сопротивления. А может наша, так называемая, стратегия сводится к тому, чтобы попросить кого-то сделать нечто вместо нас. А еще мы возможно недостаточно стараемся. Основная причина недоразвитости стратегии сопротивления в том, что мыслители и стратеги, которые формулируют стратегии часто подвергаются за это нападкам. Люди всегда найдут, с чем не согласиться.

Это особенно верно, когда одна стратегия предлагается, как решение всех проблем и как нейтрализация всех причин тех проблем, на которые указывают прогрессисты. Если движение больше зависит от своей идеологической чистоты, а не от своих достижений, то внутренние сектантские распри с легкостью станут важнее достижения намеченного. Гораздо легче атаковать стратегов сопротивления в порывах внутренней вражды (horizontal hostility), чем достигать поставленных целей и атаковать власть имущих.

Хорошая новость заключается в том, что мы можем учиться у тех немногих групп сопротивления, у которых имеются успешные и хорошо сформулированные стратегии. Изучение самой стратегии велось очень интенсивно и на протяжении веков. Основы стратегии являются фундаментальными знаниями для офицеров армии, и должны таковыми являться для cadre сопротивления и лидеров.

Принципы войны и стратегия.

Полевое руководство Армии США под названием «Операции» вводит 9 «Принципов войны». Авторы подчеркивают, что это не контрольный список обязательных элементов, и они неприменимы во всех ситуациях. Напротив, они характеризуют успешные операции, если их используют в анализе вооруженных конфликтов прошлого как «мощные инструменты анализа». Девять ключевых принципов следующие:

Цель. «Направляй каждую военную операцию на достижение четко определенной, имеющей решающее значение и достижимой цели». Четкая цель – обязательна для выбора стратегии. И ее не хватает многим группам. Второе и третье требование (значимость и достижимость) также заслуживают особого внимания. Значимость (решающее значение) – это характеристика цели, которая имеет ясное влияние на ход реализации более масштабной стратегии и всей борьбы. Не смысла бороться за нечто сомнительное или незначительное. И, конечно же, цель должны быть достижимой, т.к. иначе усилия затраченные в ходе операции станут пустой тратой времени, энергии и ненужным риском!

Нападение. «Захвати, удерживай и используй инициативу». Перехватить инициативу – значит определить ход сражения, место и суть конфликта. Потерять инициативу значит позволить врагу определить все это. Группы сопротивления, особенно занимающиеся лоббированием и требованиями, уж слишком часто отдают инициативу в пользу власть имущих. Нужно контролировать инициативу в борьбе на наших условиях, вынуждать врага реагировать на нас. Операции, в ходе которых перехватывается инициатива, обычно носят нападающий характер.

Масса. «Концентрируй боевую мощь в решающее время и в решающий момент». Там, где учебник говорит «боевая мощь», мы говорим «сила» в более обобщенном смысле. Именно об этом говорил генерал конфедератов Натан Бедфорд Форрест, когда сказал «добраться туда первыми и массово». Мы должны вступать в сражение с властью имущими там, где они слабы, а мы сильны. Мы должны наносить удары, когда у нас есть превосходящие силы, и маневрировать, когда перевес в силе в их пользу. У нас ограниченные силы и численность, так что мы должны применять их только там и тогда, когда это будет наиболее эффективным.

Экономия силы. «Бросай как можно меньше сил на вторичные задачи». Чтобы достичь превосходства в силе в решающих операциях, обычно нужно переключить силы и ресурсы с менее срочных и менее значимых операций. Экономия силы требует, чтобы весь персонал выполнял важные задачи, независимо от того, заняты ли они в решающей операции или нет.

Маневр. «Гибко применяй боевую мощь, чтобы твой враг оказался в невыгодном положении». Это зависит от мобильности и гибкости, которые являются основой асимметрической борьбы. Чем меньше численность группы, тем подвижней и мобильней она должна быть. Это может означать, что нужно концентрировать силы, рассеивать их, перемещать их или прятать их. Это нужно чтобы выводить врага из равновесия и делать действия группы непредсказуемыми.

Единоначалие. «По каждой цели должен быть один ответственный командир». Вот тут некоторые анархистские течения пытаются придумать альтернативу тысячелетиями наработанной практике. Мы уже обсуждали это в главе о методах принятия решений и не только, но это стоит повторить. Ни одну стратегию невозможно реализовать, принимая решения на основании консенсуса в опасности или в экстремальной ситуации. Принятие решений на основе всеобщего участия несовместимо с высокорисковыми и неотложными операциями. Именно по этой причине колонны анархистов во времена испанской гражданской войны возглавлялись офицерами, хотя они и презирали правителей. Группа может прийти к любой стратегии с использованием любого удобного метода принятия решений, но, когда дело доходит до применения, для более серьезных действий требуется иерархия и подчинение.

Безопасность. «Никогда не позволяй врагу обрести неожиданное преимущество». Когда борьба ведется в условиях тотальной слежки, этот принцип становится особенно важным. Безопасность – основа как стратегии, так и организации.

Внезапность. «Наноси врагу удары в такое время и место, где он наименее подготовлен». Это ключевой момент ведения асимметрического конфликта, который опять же не очень совместим с открытым и всеобщим процессом принятия решений. Движения сопротивления почти всегда являются меньшинством, что означает, что они обязаны наносить врагу быстрые и внезапные удары добиваясь своего еще до того, как власть имущие смогут нанести ответный удар.

Простота. «Подготовь четкий и простой план, ясные и короткие приказы, чтобы обеспечить тщательное понимание». План должен быть четким и прямым, так чтобы все его понимали, чем проще план, тем более надежно будут его воплощать различные участвующие группы.

Многие из этих основных принципов противоречат излюбленным действиям диссидентов. Марши протестов, петиции, написание писем и т.д. зачастую лишены решающей (значимой) и достижимой цели, отдают власть имущим инициативу, не пытаются сконцентрировать усилия атакую критически важный узел, растрачивают силы на вторичные цели, ограничивают способность к маневрированию, лишены централизованного командования для операции в достижении цели (если таковая имеется), имеют смешанный набор мер безопасности и обычно не действуют внезапно. Но планы у них и правда простые, хотя утешения в этом мало.

Что касается большинства (либеральных) протестов, то эти стратегические принципы могут появляться из другого измерения. Все потому, что военный стратег видит перед собой точно такую же широкую цель, как и радикальный стратег: использовать решительное применение силы для выполнения задачи. Ни у одного из этих стратегов нет иллюзии, будто оппонент поправит «ошибку» если враг соберет достаточно информации или что успеха можно добиться простым убеждением и без силовой политической поддержки. Более того, оба способны четко обозначить своего врага. Если ты видишь себя на стороне власти имущих, то ты никогда не будешь способен дать отпор. Оппозиционная культура определяет себя как нечто отличное от власти имущих. В этом определяющее отличие культуры сопротивления. Без ясного понимания того, кто твой враг, ты либо борешься со всеми (классическая горизонтальная вражда), либо ни с кем, и в любом случае борьба обречена на провал.

В учебнике по партизанской борьбе «Специальные операции» авторы идут далее простого описания общих принципов войны и оказываются настолько добры, что описывают особые свойства успешного асимметрического конфликта. «Операции с вооруженными столкновениям партизанских сил (а я бы добавил к партизанам еще сопротивление и вообще любые асимметрические силы) обладают особыми характеристиками, которые требуют понимания» [2]. Шесть ключевых особенностей должны характеризовать операции сопротивления:

Планирование. «Тщательное и детальное планирование атак против избранных целей и последующих операций, осуществляемых для того, чтобы воспользоваться полученными преимуществами... Кроме того, подчиненным подгруппам предписываются атаки на переменные (альтернативные) цели, что дает преимущество внезапных изменений тактической ситуации». Иными словами, важно применять маневрирование и гибкое применение боевой силы. Важно подчеркнуть, что планирование заключается не в формулировании конкретной или сложной схемы действий. Смысл планирования в том, чтобы сделать это достаточно хорошо, чтобы оставалось пространство для импровизации. Это может казаться нелогичным, но целью планирования является создание адаптивного плана, который дает много возможностей для эффективных действий, предпринять которые можно на лету.

Разведка. «Основа планирования – точная и свежая разведка ситуации. До вступления в операцию боевого столкновения предпринимаются усилия для сбора разведанных в зоне предполагаемых действий. Эти усилия дополняют обычный поток разведывательной информации». Это стратегическая и оперативная разведка. На уровне тактики «предусматривается возможность наблюдения за объектом или целью вплоть до момента атаки».

Децентрализованное исполнение. «Партизанские боевые операции подразумевают централизованное планирование и децентрализованное исполнение». Необходимо иметь согласованный план, а сам план должен включать фактор неожиданности, его детали часто нужно держать в секрете. Централизованный план позволяет отдельным ячейкам работать независимо, но при этом все же достигать большего благодаря координации и работе на долгосрочные цели. Децентрализованное исполнение необходимо, если оно требуется для достижения множественных целей в группе лишенной общего командования и иерархической вертикали.

Внезапность. «Атаки выполняются в неожиданные моменты и в неожиданных местах. Партизаны стараются избегать шаблонных действий. Атакуют самые слабые места врага получая максимальное преимущество». При планировании военной операции борцы сопротивления не объявляют где это будет происходить и когда. Смысл не в заявлении, а в нанесении системам власти значительного материального урона. Тут возможно наращивание эффективности благодаря координации множества ячеек. «Эффект неожиданности можно усилить только проведением одновременных отвлекающих маневров».

Операции короткой длительности. «Обычно боевые операции партизанских сил отличаются краткой длительностью атаки намеченной цели и последующим быстрым отводом атакующей силы. Длительного противостояния в позиционной борьбе избегают». У групп сопротивления нет ни достаточной численности бойцов, ни логистических возможностей для ведения продолжительных или интенсивных боев. Если они попробуют сконцентрировать столкновение в одном месте, то власть имущие смогут мобилизовать против них значительно превосходящие их силы. По этой причине подпольные группы сопротивления появляются, быстро выполняют намеченное и вновь исчезают.

Множественные атаки. «Еще одна характеристика партизанских боевых операций – применение множественных атак на большом пространстве, которые осуществляют малые группы с индивидуальными заданиями». Тут снова требуется координация. «Подобного рода деятельность вводит врага в заблуждение касательно фактического расположения базы партизан, заставляет переоценивать силу партизан и вынуждает его распылять силы на обеспечение безопасности тыла и противодиверсионные мероприятия». Т.е. когда власть имущие не знают, куда будет нацелена атака, они вынуждены прилагать усилия для защиты всех потенциальных целей, что означает их охрану, рост стоимости страховых полисов или закрытие уязвимых объектов. А когда силы рассеиваются для охраны разбросанной и уязвимой инфраструктуры, их присутствие становятся менее концентрированным и, следовательно, каждый объект представляет собой более легкую цель.

Другие писатели касавшиеся темы борьбы сопротивления разделяли такое видение. Че Гевара очертил подобную стратегию и тактику в своей книге «Партизанская Война» (1961), что вторило книге Мао Цзэдуна 1937 года написанной на ту же тему. Коллин Габбинз, бывший глава Британского бюро спецопераций, написал две брошюры на эту тему для применения в оккупированной Европе (вскоре после книги Мао). Эти памфлеты «Учебник для командира партизан» и «Искусство партизанской войны» частично основаны на том, что британцы усвоили от Т. Е. Лоуренса, а также из собственных попыток подавить войну сопротивления в Ирландии, Палестине и в других местах.

В «Учебнике для командира партизан» Габбинз касается элемента неожиданности («самое важное во всех предприятиях»), мобильности, скрытности и тщательного планирования. «Весь смысл такого рода войны – наносить противнику удары, исчезать без малейшего следа, а затем наносить удар где-то еще и исчезать вновь. Так враг никогда не будет знать, где будет атакован в следующий раз», писал он.

Габбинз также побуждал борцов сопротивления «никогда не ввязываться в операцию, если нет уверенности в благополучном исходе». Небольшие отряды сопротивления не располагают ни численностью, ни моральной выдержкой, чтобы вынести потери. Группы сопротивления должны вступать в схватку с врагом только при таких обстоятельствах, когда они обладают значительным преимуществом. Первым делом, еще до начала операции, нужно спланировать безопасный отход и «прекратить операцию, как только выясняется, что ее продолжение опасно». Новообразованная группа часто лишена опыта и навыков чтобы оценить рисковость ситуации, в случае чего Габбинз рекомендует ошибаться в сторону осторожности. Лучше учиться постепенно и строить успех на позитивных достижениях, чем пережить провал и быть схваченными в ходе слишком сложной и неподъемной операции. Запомните одно: успешное движение сопротивления осторожно выбирает себе сражения.

Точно так же как успешные асимметрические стратегии должны обладать определенными характеристиками, у них есть и определенные ограничения. Силы сопротивления обычно располагают «ограниченными возможностями в статической обороне и в операциях удержания». Они часто хотят удержать позиции, стоять и бороться. Но когда они пытаются, то они часто погибают, кроме тех случаев, когда они затратили годы на развитие широкой социальной и военной сети поддержки и опираются на большую силу народной поддержки. Еще одно ограничение заключается в том, что особенно в начале, силы сопротивления не имеют «нормального обучения, оснащения, оружия и припасов» которые могли бы им позволить предпринимать масштабные операции. Это можно постепенно исправить благодаря постоянной вербовке и обучению, хорошей логистике, политике безопасности и осторожности, которые нужны чтобы минимизировать потери из-за износа кадров, однако силы сопротивления часто зависят от помощи местных жителей и вспомогательного персонала, а также возможно и от внешних спонсоров с точки зрения припасов и экипировки. Если они не найдут такой поддержки, то они наверняка проиграют.

Коммуникации представляют собой еще один вид ограничений. Коммуникации подпольных групп часто медленные, ограниченные и затрудненные. Это касается организационной вертикали: чем более децентрализованной является организация, тем больше времени требуется чтобы распространить решения, приказы и другую информацию. А раз у подпольных групп мало ресурсов и участников, то «весь проект зависит от точной и своевременной разведки».

Разработка стратегии

Несмотря на ограничения, налагаемые малой численностью, движения сопротивления располагают возможностями выбирать стратегию: от самых обобщенных ее черт до детальной тактической проработки. Давайте пойдем дальше обычной палитры вариантов. Борцы сопротивления могут и должны вести борьбу лучше, чем предполагают господствующие взгляды на стратегию.

У борцов сопротивления ограничено количество возможных вариантов действий, ограниченное время и ресурсы. Не существует идеальных акций. Доминирующие догмы заставляют несогласных искать творческие решения, которые должны устраивать всех, включая власть имущих и несогласных, которые могли бы остановить разрушение планеты, но позволить привычному образу жизни с его непомерным потреблением продолжаться. Если борцы сопротивления поддадутся этим убеждениям, если они примут их абсурдные предпосылки, то они уже заведомо создают собственное поражение. Если борцы сопротивления верят в такое, то они принимают на себя всю вину за действия власть имущих, принимают все имеющиеся проблемы как последствия собственных действий и думают, будто виной всему недостаток «инновативности» их собственных действий, а не вина власть имущих, которые намеренно уничтожают планету ради самообогащения.

На наивысшем стратегическом уровне, любое движение сопротивления разрабатывает стратегию основываясь на нескольких шаблонах. Оно может выбрать войну сдерживания, в ходе которой оно пытается замедлить врага или остановить его продвижение. Оно может выбрать диверсионную войну, в ходе которой оно будет подрывать системы власти. Оно может выбрать войну общественных мнений пытаясь привлечь на свою сторону мнение общественности. Но основная стратегия левых политических сил и связанных с ним движений всегда была войной на истощение, войной, где стратеги постоянно пытаются победить, понемногу отбирая у врага бойцов и ресурсы, т.о. изнашивая убийственные структуры власти и общественной оппозиции, дабы они менялись быстрее, чем сами эти силы уничтожают наши сообщества, быстрее, чем они поглотят биологическое разнообразие, быстрее, чем они сожгут остатки горючих ископаемых. И конечно же эта стратегия всегда была презренно проигрышной.

Стратегия борьбы на износ, на истощение работает только тогда, когда имеется бесконечный запас времени для маневрирования, чтобы подлить конфликт или отложить его. В нашей ситуации, это явно не вариант, т.к. она неуклонно ухудшается и требует немедленной реакции. Кроме того, чтобы выиграть в войне на истощение, сопротивление должно изнашивать врага быстрее, чем враг изнашивает сопротивление. А система власти, опять-таки, вообще не страдает от износа (кроме как в том смысле, что истощаются ресурсы необходимые для сохранения власти).

Кроме того, движение сопротивления ведущее войну на истощение должно иметь основания полагать, что оно в будущем оно окажется в лучшем, чем сегодняшнее, положении. Однако, кто на самом деле верит, что мы (что бы это «мы» ни означало) движемся вперед к более выгодной стратегической ситуации? А чтобы двигаться вперед в войне на истощение, сопротивлению нужно больше расходных ресурсов, чем его оппонентам.

Еще одним ключевым элементом истощения является надежная вербовка и рост. Неважно, сколько одна группа может уничтожить мостов, если враг может строить их быстрее, чем они могут быть уничтожены. На любом уровне цивилизация вербует и растет быстрее, чем сопротивление. Чтобы не отставать, борцы сопротивления должны уничтожать дамбы быстрее, чем их строят, набирать сторонников быстрее, чем капитализм влюбляет в себя детей и т.д. По крайней мере, пока этого не происходит.

Конечно, мы не находимся в состоянии двусторонней войны на истощение. Власть имущие не сдерживают усилий, но и не атакуют активно. А борцы сопротивления даже еще и не начинали четко обозначенную войну на истощение, а скорее вели моральную войну на истощение. Вместо того чтобы подрывать материальную основу власти, мы пока лишь надеялись, что она рано или поздно исчерпает список возможных злодеяний, и возможно позднее придут к нашему образу мышления.

Движение, стремящееся к победе должно быть более умным и более стратегичными. Оно должно отбросить идею борьбы на истощение. Оно должно определить самые уязвимые цели, которыми располагают власть имущие. Оно должно прямо и решительно нанести удар по их физической, политической и экономической инфраструктуре и делать это сейчас, пока планета еще жива.

Стратегия и тактика – это две части общего спектра: не существует четкого между ними разделения. Таким образом, обсуждаемые в следующем разделе тактики определяют стратегию и наоборот стратегия диктует тактические приемы. Однако стратегия формирует базис. Если представить сопротивление как дерево, то тактика – это сумма множества отдельных веток и листьев, а стратегия – ствол, дающий стабильность, связность и укорененность. Если борцы сопротивления игнорируют необходимость и ценность стратегии, как это делают многие группы, стремящиеся вести борьбу сопротивления, то у них нет дерева, а лишь куча сухих веток, которые ветер клонит то туда, то сюда.

Концептуально, стратегия – простое дело. Сначала нужно понять контекст: где мы, в чем наша проблема? Затем нужно разработать цели: где мы хотим оказаться? Обозначить приоритеты. Теперь определить, какие действия

требуются чтобы из точки А прийти в точку Б. И наконец определить необходимые ресурсы и людей, конкретные операции для выполнения требуемых действий.

Вот пример. Предположим Вы любите лосося. Вот обстоятельства: лосось практически исчез в Северной Америке из-за дамб, промышленной вырубки леса, промышленного лова рыбы, сельскохозяйственной промышленности, убийства жизни в океанах и глобального потепления. Цель – не только прекратить падение популяции лосося, а еще и обеспечить ее рост. Разница между миром, где лосось исчезает, и миром, где он процветает, сводится к шести препятствиям. Преодоление этих препятствий станет приоритетом любой успешной стратегии спасения лосося.

Какие действия нужны чтобы действия на практике соответствовали приоритетам? Прекратить промышленную вырубку леса, промышленную рыбную ловлю и агропромышленность. Прекратить массовое производство пластиковых изделий и соответствующего мусора. Прекратить глобальное потепление, что означает прекращение сжигания горючих ископаемых. Во всех этих случаях для достижения цели все существующие структуры и деятельность должны быть уничтожены.

Теперь переходим к оперативной и тактической стороне этой стратегии. Согласно указаний полевого учебника армии США все операции подразделяются на три «всеохватывающие» категории: решающие, поддерживающие и определяющие.

Решающие – это операции, «которые непосредственно выполняют задачу» или достигают намеченной цели. В нашем примере с лососем, решающая операция может быть реализована в виде устранения дамбы или предотвращения сплошной вырубки леса в верховье реки, где лосось откладывает икру.

Поддерживающие операции – это операции, которые «в любом смысле делают возможными формирующие и решающие операции» предоставляя непосредственную поддержку для указанных операций. Поддерживающие операции могут включать в себя финансирование и логистическую поддержку, коммуникации, безопасность, иную помощь и услуги. В случае с лососем, это может означать предоставление транспортных средств тем людям, которые будут устранять дамбу, доставку еды людям, сидящим на деревьях или помощь в анализе апелляций по делам о продаже леса. Это может означать обеспечение путей побега, отхода или поддержку заключенным.

Определяющие операции «создают и сохраняют условия необходимые для успеха решающей операции». Они меняют обстоятельства конфликта и помогают создать условия необходимые для победы. Определяющие операции могут включать в себя проведение кампании на тему важности устранения дамб, подрыв деятельности лесозаготовительной компании или помощь в развитии культуры сопротивления, которая считаем важным эффективные действия и отказывается от сотрудничества с системой. Однако определяющие операции не всегда должны быть массовыми и непрямыми. Если союзная подпольная ячейка намерена атаковать близлежащий нефтепровод как отвлекающий маневр, чтобы позволить основной группе разрушить дамбу, то такие отвлекающие действия будут считаться определяющей операцией. Даже лоббирование Акта о Чистой Воде можно считать определяющей операцией, потому что оно помогает сохранить условия необходимые для победы.

Если вы посмотрите на типологию активизма на странице 243, то увидите, что виды деятельности, показанные слева, включают в себя в основном определяющие операции, а те, что справа, – в основном решающие.

Такие категории применяются не случайно. Каждая эффективная операция – а значит каждая эффективная тактика должна попадать в одну или несколько из этих категорий. Они должны выполнять одну их функций. А если нет, если вклад тактики или операции в дело достижения конечной цели невыразим или не определен, тогда успешные борцы сопротивления не станут тратить время на такую тактику.

Учимся ненасильственной стратегии

Также полезно взглянуть на принципы, определяющие стратегическое ненасильственное движение. Эффективная организация ненасильственной борьбы – это не просто пацифистская попытка убедить государство в том, что оно совершает ошибку, а интенсивное, агрессивное применение силы, которое попирается на ряд тактических приемов, отличных от тех, что применяются при вооруженных столкновениях.

Это признает Джин Шарп, а Петер Акерман и Кристофер Крюглер продолжили стратегические традиции Шарпа в своей книге «Стратегический ненасильственный конфликт: динамика силы людей в XX столетии». Они понимают, что нет четкой границы между «насиственными» и «ненасиственными» методами борьбы, а скорее непрерывный спектр. Кроме того, они также понимают необходимость тактической гибкости: приверженность лишь одной тактике, например, массовым демонстрациям, дает власть имущим шанс предвидеть и нейтрализовать стратегию сопротивления. С точки зрения стратегии, они считают, что «на сегодняшний день большая часть ненасильственных конфликтов были импровизированными» и могли бы развиваться намного лучше, будь у них серьезная подготовка и планирование». Я считаю, что то же относится к любому движению сопротивления, независимо от применяемой им тактики.

Проведя анализ истории ненасильственного сопротивления в XX столетии, Акерман и Крюглер предлагают 12 стратегических принципов, «разработанных для охвата наиболее важных факторов, определяющих успех или поражение» ненасильственных движений сопротивления, принципов борьбы и осмысления.

Вот их принципы развития:

Сформулируйте цели. Первый принцип является однозначно важным для любого движения сопротивления и для любой применяемой ими тактике. «Любая адекватная стратегия исходит из тщательно выбранной, определенной и понимаемой цели».

И все же, к удивлению, множество находящихся в состоянии конфликта групп оказываются способны сформулировать свои цели лишь в очень абстрактных понятиях» [6].

Акерман и Крюглер также отмечают, что «большинство людей будут бороться и приносить жертвы только ради достаточно конкретных и достижимых целей». А раз так, то если конечная цель стратегии требует долгосрочных и

непрерывных усилий, то стратегию нужно подразделить на ряд промежуточных целей. Эти цели помогают движению сопротивления оценить собственный успех, нарастить поддержку, набраться оптимизма и сохранять курс на достижение конечной стратегической цели. Это особенно важно, когда доминирующие структуры власти уже давно находятся у руля (в отличие от недавно появившегося оккупанта). Распространена склонность видеть доминирующую власть как всемогущую, и эту склонность можно подорвать равномерным потоком скромных, но конкретных достижений. Это в особенности верно в отношении таких групп, которые наметили себе большие, амбициозные цели, например, устранение капитализма, расизма или свержение цивилизации.

Развить силу организации. Акерман и Крюглер пишут, что «формирование новых групп или превращение уже существующих групп в эффективные в борьбе организации» – ключевая тема для стратегов [8]. Они также отмечают, что «оперативные координаторы», которых мы называли «кадре», должны эффективно организовываться, чтобы противостоять факторам, которые угрожают силе организации, а именно «оппортунистам, халявщикам, коллаборантам, заблудшим энтузиастам, которые рушат наши ряды, апеллируя к доминирующей стратегии, и особам, претендующим на роль миротворцев, которые могут настаивать на преждевременном примирении» [9]. Эти угрозы вредят боевому духу и эффективности стратегии.

Безопасный доступ к критически важным материальным ресурсам. Они определяют две основные причины, по которым важно наладить эффективные логистические системы: физическое выживание и обеспечение операций сопротивления, а также создание возможности, чтобы движение сопротивления не зависело от доминирующей культуры, и чтобы таким образом можно было предпринимать различные меры несотрудничества. «Нужно уже на начальных этапах продумать контроль над достаточным количеством основных ресурсов, чтобы борьба смогла дойти до своего успешного завершения. Несмотря на то что основные товары и услуги используются прежде всего для оборонительных целей», другие ресурсы (связь и транспорт) формируют основу для наступательных операций» [10]. В частности, они рекомендуют запастись коммуникационным оборудованием.

Развивать внешнюю помощь. Польза от развития внешней помощи и наличия союзников должны быть очевидны. Сражение с врагом, обладающим глобальными ресурсами, требует стольких союзников и солидарности, сколько вообще можно привлечь.

Расширить набор санкций. Пятый принцип – ключевой, потому что он легко переносится на другие виды деятельности. Под словами «расширить набор санкций» они подразумевают просто расширение разнообразия тактических приемов, которые движение способно эффективно реализовать. Они также призывают стратегов оценивать риски относительно пользы по каждой из различных тактик. «Некоторые акции (санкции) могут быть очень безопасными или недорогими. К сожалению, такие санкции имеют соответствующий слабый эффект. Примером тому может служить минута молчания на рабочем месте, которая демонстрирует решимость. Другие санкции могут быть сложными, дорогими и исполненными риском. Но они могут также иметь максимальный эффект» [11].

Вторая группа состоит из принципов сражения

Атаковать стратегию врага, чтобы контролировать ситуацию. Этот принцип специально предназначен для массовых движений, но, по сути, авторы говорят о подрыве структуры управления властью имущих, свержении их и гарантировании того, что любая попытка репрессий или принуждения со стороны властей будет сложной и рискованной благодаря усилиям сопротивления.

Заглушить влияние оружия насилия врага. Кадре не могут противостоять развертыванию сил и насильственным действиям врага, но они могут прибегнуть к ряду мероприятий, которые заглушат их влияние. Мы можем видеть некоторые способы достижения такого результата: уклонение от удара, лишить агентов насилия их жала (сделать оружие безвредным, подготовить людей к наихудшим последствиям насилия, снизить стратегическую важность возможных потерь от актов насилия)» [11]. Эти варианты (мобильность, использование разведки для маневра и т.д.) – основные подходы сопротивления к атакам со стороны властей, и они предназначены не только для ненасильственных активистов.

Изолировать оппонентов от источников поддержки. Акерман и Крюглер предлагают использовать «политическое джиу-джитсу», чтобы насильственные действия властей служили делу подрыва их поддержки. Конечно, мы могли бы добавить сюда всевозможные поддерживающие структуры, на которые опираются власть имущие – социальные, политические, инфраструктурные и т.д.

Поддерживать дисциплину ненасилия. Самое интересное, что ключевое слово тут скорее не «ненасилие», а «дисциплина». Поддержание ненасильственной дисциплины не является ни случайным, ни прежде всего моральным выбором. Речь идет о поддержании конкретной стратегии [12]. Они сравнивают это с тем, как солдаты в армии стреляют только тогда, когда им приказывают. Независимо от применяемой тактики ясно, что она применяется только тогда, когда она должна применяться для достижения целей, продиктованных общей стратегией.

Третья и последняя группа принципов – принципы осмысления.

Оценивайте события и варианты действий с точки зрения стратегического принятия решений. Планирование должно производиться исходя из обстоятельств и целостного понимания ситуации, так чтобы выявить стратегию и применяемую тактику. И, как мы уже обсуждали, это зачастую просто не делается. Неспособность сформулировать долгосрочный оперативный план с четко прописанными шагами означает, что оценить успех становится невозможным. «Недостаток упорства, основная причина неудач в ненасильственных столкновениях, часто является следствием отсутствия долгосрочного мышления» [14].

Корректировать операции нападения и защиты в зависимости от соответствующих уязвимостей игроков. Стратеги должны анализировать и гибко реагировать на меняющуюся тактическую и стратегическую ситуацию, чтобы адекватно переходить из защиты в нападение и наоборот.

Поддерживать связность санкций, механизмов и целей. Должна быть логическая связь между целями, стратегией и применяемыми тактическими приемами.

Тут, естественно, есть элементы, менее приспособленные для свержения цивилизации. В виду уже оговоренных нами причин, среди которых главная – недостаточная численность активистов – стратегия строго ненасильственной борьбы не поможет нам предотвратить убийство планеты доминирующей культурой. А еще есть много моментов, в которых я не могу согласиться с Акерманом и Крюглером. Но они не догматичны в своих подходах: они видят использование ненасильственной борьбы (которая для них также включает и саботаж) как способ вести тактическую и стратегическую борьбу, а не моральную или духовную. Чему я научился на их принципах (и что, как я надеюсь, запомните и Вы), так это тому, что эффективная стратегия всегда руководствуется одними и теми же общими принципами, независимо от применяемой тактики. Обе нуждаются в активном применении хорошо спланированного нападения. Стратегия неизбежно меняется в зависимости от набора доступных и адекватных тактических приемов, и стратегия, которая применяет лишь ненасильственные методы, является примером этого. Основное стратегическое различие между силами сопротивления и военными силами в истории не в том, что военные прибегают к насилию, а силы сопротивления – нет, а в том, что армейские офицеры обучены разрабатывать эффективную стратегию, а силы сопротивления слишком часто просто спотыкаются на пути к плохо обозначенной цели.

БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ

Когда я изучаю стратегии сопротивления Второй мировой войны меня постоянно гложет мысль: борцы сопротивления в оккупированной Европе были смелыми, даже героическими, но их действия сами по себе не изгнали нацистов. Сопротивление ослабляло нацистов, затрудняло их действия, нарушало их логистику и уничтожало их ресурсы. Он им не хватало ресурсов и организованности, чтобы вступить в решительную схватку с Гитлером и поразить его силы. Чтобы завершить войну, потребовалось военное вторжение союзников. И больше всех усилий приложили русские со своей большой армией и пехотной тактикой. Мы можем поспекулировать, смогли ли бы партизанские восстания в оккупированных странах развиться и в конце концов сломить власть нацистов, но этого в ходе фактической оккупации не произошло.

Для тех из нас, кто стремится предотвратить уничтожение жизни на планете нынешней культурой, не существует союзников с большими армиями и ресурсами. Такова суть нашего затруднительного положения. Мы можем вступить в союз с силами меньшего зла, как испанские анархисты союзничали с испанскими республиканцами и Советами в Испании, или как предвоенные аболиционисты союзничали с Союзом Республиканцев против Конфедератов Юга. Но на этом далеко не уедешь, и близость с силами меньшего зла может быть опасной.

Как иначе может успешное движение сопротивления перейти от препятствования цивилизации к решительному уничтожению централизованной системы власти, если состоит в союзе с теми, кто разрешает красть у бедных и уничтожать планету? Мы вернемся к этому в главе, посвященной Основной Стратегии, однако существуют три основных ответа с точки зрения теоретических «союзников» глубокого экологического сопротивления. Первый – это истощение не бесконечных ресурсов наряду с тупиковой индустриальной пирамидой (подобной финансовой пирамиде) под именем промышленный капитализм, что вызовет нарастающий коллапс промышленности и экономики. По сути, уже за время написания этой книги я стал свидетелем банковского кризиса, превратившегося в крупный кредитный кризис, который разросся до экономического кризиса и вялотекущего глобального экономического кризиса. Подобного рода саботаж подрывает способность власть имущих распространять свое влияние и концентрировать богатство, и вообще вызовет у промышленной цивилизации судороги.

Второй ответ – экологический и климатический коллапс. Дешевая нефть до недавнего времени ограждала городских жителей от большей части негативных последствий и катастрофического вреда биосфере. Но крах промышленности устранил подобную защиту и потребует от человечества оплаты накопленного за тысячи лет «экологического долга». Более того, Земля – не просто пассивное поле боя, она живая и борется на стороне живого.

Третий, более соблазнительный ответ – это то, что когда все это станет достоянием общественности, то менее откровенно военизированные открытые организации могут вступить в борьбу с властью имущими, преследуя свои собственные интересы. Как только власть имущие потеряют «энергетических рабов», которых им поставляют дешевая нефть и промышленность, они будут (опять) все больше пытаться получить рабочую силу напрямую из людей, буквально используя их как рабов. Будем надеяться, что люди в мире меньшинства, где живет богатое и властное меньшинство, окажутся способными это понять и бороться с насаждаемым им рабством, как это уже давно делают люди в мире обедневшего большинства. Но это более слабое предложение. Народное недовольство может быстро вспыхнуть против конкретного главы государства или отдельной политической партии. Развитие массовой культуры сопротивления против всей экономической или политической системы может занять десятилетия. Люди, обласканные привилегиями и правами, меняются медленно, если это вообще происходит. Они вероятнее примкнут к кому-то, кто дает большие, но пустые обещания.

Хорошая стратегия – это отчасти планирование и отчасти возможность, а успех зависит от успешного использования того и другого. В своей книге «Партизанские стратегии: историческая антология» Джерард Чайланд высказывает мысль, что революционные войны середины XX столетия сводятся к двум ключевым моментам. Первый, как он пишет, «условия для восстания должны быть как можно более сформированными, причем самым сильным из условий можно считать внешнюю оккупацию или агрессию, когда возможна мобилизация широкой поддержки для достижения социальных и национальных целей. Если этого нет, то правящая верхушка оказывается посреди острого политического кризиса, а народное недовольство должно быть сильным и распространенным». Вторым моментом, по его мнению, следующий: «Самый важный элемент партизанской кампании – это подпольная политическая инфраструктура,

основанная на низовой самоорганизации населения и координируемая кадром среднего ранга. Такая структура является условием роста и обеспечит необходимыми бойцами, информацией и местной логистикой».

Мы точно приближаемся к периоду затяжного чрезвычайного положения. Хотя кризисы и будут со временем переходить из острых в хронические и наоборот. Это увеличивает шансы революционной, а точнее дореволюционной борьбы, особенно если радикальные организации окажутся способны предвидеть и эффективно использовать возможности, представляющиеся с каждым отдельно взятым кризисом. Очень маловероятно, что массовая поддержка направится в сторону борьбы с цивилизацией в обозримом будущем, потому как большинство людей радостно пользуются материальными благами нынешней культуры и не обращают внимания на последствия. Однако рост политического недовольства может быть благотворным, даже если он не создает большинства.

Второй вывод Чайленда – ключевой, и даже я нахожу немного удивительным то, что он так высоко ценит развитие подполья. Однако это логично: открытую организационную инфраструктуру, хотя это, возможно, и тяжелая работа, относительно легко масштабировать. Подпольная инфраструктура воспринимается как более проблематичная и даже вообще, как ненужная, особенно в те периоды, когда движения сопротивления являются слишком маргинальными или пассивными, чтобы представлять из себя угрозу. Но как только движение сопротивления оказывается достаточно успешным для провокации заметных репрессий, подполье становится совершенно необходимым, а его создание крайне трудным.

Использование кризиса как возможности – не недавнее изобретение. Оно сыграло ключевую роль в стратегической теории. Наполеон Бонапарт сказал, что «все искусство войны заключается в реально обоснованной и продуманной обороне, после которой следует стремительная и смелая атака». Подобным вариантом поделился и британский стратег Базил Лидделл Харт. Будучи рядовым солдатом Первой мировой войны, Лидделл получил ранение во время химической атаки и испытал ужас от бессмысленного кровопролития. После войны он пытался развить стратегию, при которой можно было бы избежать такой мясорубки, в которой он побывал.

В своей книге «Стратегия: непрямой подход» (впервые опубликована в 1941 году) он выступал за военную стратегию, у которой было много общего с асимметрической стратегией. Вместо того чтобы пытаться произвести прямое нападение на вооруженные силы врага, он рекомендовал осуществлять не прямые и неожиданные атаки на системы обеспечения неприятеля, чтобы решительно закончить войну и избежать длительных и кровопролитных сражений.

Борцы сопротивления могут взять на вооружение этот подход. Зачастую, поскольку многие движения сопротивления дезорганизованы, начальные операции атакующего характера являются лишь слабыми и плохо скоординированными попытками. Иногда таким гордятся, мол, «мы делаем хотя бы что-то». Но сами по себе такие атаки неэффективны и могут поставить подножку сопротивлению и передать инициативу в руки власти имущих.

Когда я пытаюсь найти что-то, подобное цивилизации, то часто вспоминаю про борцов из Стар Трека. Постоянно расширяя свои границы и являясь, по сути, колонистами, они настойчиво вынуждают любую коренную культуру, оказавшуюся на их пути, «приспособиться и служить» им, чтобы каждый либо принял их основной императив, либо умер. Как любая принудительная гегемония, они настаивают на том, что сопротивление бесполезно. Они, в основе своей, – промышленная цивилизация. У них громадные вооруженные силы и они хорошо подготовлены к сопротивлению. У позитивных героев есть лишь несколько выстрелов, а затем борги адаптируются и делают оружие практически бесполезным. Затем позитивные герои перестраивают тактику или убегают до следующего удачного момента.

Вот в сущности то, что происходит с группой сопротивления, если она совершает символическую атаку в неверный момент. Если же, вместо «внезапной и смелой», операция медленная и боязливая, то результатом будет лишь указание врагу на его слабое место, которое он благодаря этому сумеет укрепить. При этом исчезает эффект неожиданности. И это верно независимо от того, использует движение вооруженные методы борьбы, саботаж или ненасильственный подход.

Успех и неудачи

Ключевая проблема в определении успешных стратегий состоит в том, что контекст, в котором оперировали движения сопротивления прошлого, отличается от современного. Часто их цели также сильно отличались. Существует разница между тем, чтобы уничтожить или изгнать силы врага, и тем, чтобы принудить власть пойти на переговоры и уступки, и тем более тем, чтобы уничтожить собственную систему власти или экономическую систему. В этих различиях и заключается причина того, почему мы использовали относительно мало антиколониальных движений как исторические примеры: их контексты и стратегии уж слишком отличались.

Некоторые группы сопротивления становятся жертвами **значительных стратегических ошибок**. Ниже мы рассмотрим пять самых значимых:

Игнорирование принципов асимметрической борьбы.

Отсутствие адекватной стратегии и цели.

Чрезмерная надежда, игнорирование цели борьбы.

Отсутствие установленных взаимоотношений между открытым и подпольным крылом.

Нежелание или неспособность применять требуемые тактики и методы.

Первая из ошибок – **игнорирование принципов асимметрической борьбы**. Да, многие борцы хотят вступить в честную схватку и прямое, открытое столкновение может быть заманчивым. Но такое можно делать только тогда, когда у сопротивления имеются превосходящие силы, т.е. почти никогда. В начале своей истории ИРА вступали в острые схватки и не раз их проигрывали.

В оккупированной Европе, как пишет М. Р. Д. Фут, «всякий раз, когда намечалось формирование большой партизанской силы, люди просили тяжелое вооружение» вместо поставлявшихся им полуавтоматических винтовок. Но артиллерии всегда не хватало на передовых традиционной войны, ее присутствие серьезно подрывало мобильность

групп, а амуницию было трудно найти. «Подразделения борцов сопротивления, которые требовали артиллерию, были жертвами заблуждения о национальном редуте... и старомодной идеи о том, что солдат должен встать и бороться. Нестандартный солдат намного полезнее для дела, если он убежит и вступит в схватку в другом месте, в другой избранный им момент» [16].

Бывшие Черные Пантеры обнаружили похожую проблему со своей стратегией, а именно со своей привычкой оборудовать свои офисы и дома как псевдо-крепости. Кёртис Остин поясняет: «Использование офисов в гетто в качестве баз для проведения операций также было ошибкой. Поскольку они были военизированной организацией, им не стоило принимать строгие правила по защите уязвимых офисов. Сундата Алколи вторил этим настроениям, когда заметил, что такая политика затягивала ЧП в проигрышную позицию стационарной защиты офисов ЧП. ...малочисленным отрядам никогда не стоит занимать оборонительную позицию вокруг своих укрепленных пунктов (домов, зданий, офисов...) как общее правило». Частота и скорость того, как их окружали и побеждали, должна была привести их к разработке новой доктрины, которая позволила бы им перемещаться из одной базы в другую быстро и скрытно. А на самом деле недавно созданные группы постоянно оказывались в хорошо укрепленных офисах и оставались там, пока не заканчивались боеприпасы».

Стратегия Подполья погоды на ранних этапах и стратегия СДС так же игнорировали важность эффекта неожиданности при планировании акций, анонсировали и заранее рекламировали открытые конфликты с государством и полицией. Подобное поведение стало объектом критики со стороны других групп того времени. Рон Джейкобс пишет: «С выигршной позиции Йиппи, идея того, чтобы назначать день битвы с государством была смехотворной: учитывая возраставшую способность полиции на контратаки, а также потерю элемента неожиданности, единственным преимуществом активистов... Указывая на различия между запланированными акциями агрессивного (атакующего) насилия Везермена и спонтанными и защитного характера у Йиппи, Эбби Хоффман определил столкновения Везермена как «гандийское насилие» ради очищения совести нравственным свидетельством» [18] (этот анализ интересен, разве что слегка удивляет и отдает иронией, учитывая склонность Йиппи к символическим и театрализованным действиям).

Самый знаменитый пример, иллюстрирующий данную проблему, – собрание Дней Гнева в Чикаго в 1969 году. По мнению Человека Погоды Джона Джейкобса, идея Дней Гнева заключалась в том, чтобы столкнуться с силами властей и «засунуть войну в их тупые фашистские глотки, и в ходе этого показать им, насколько мы лучше их как тактически, так и стратегически, как народ» [19]. Джейкобс сказал Черным Пантерам, что придут 25 тысяч протестующих [20]. Однако пришли только 200 человек, которым противостояла тысяча хорошо натренированных и снаряженных полицейских. В своей речи на мероприятии того дня Джейкобс сменил риторику и выступал, подчеркивая важность борьбы за справедливые и нравственные (а не тактические и стратегические) цели: «Сегодня мы, наверное, потерпим поражение... Нам не нужно здесь побеждать. уже один тот факт, что мы готовы сражаться с полицией – политическая победа» [21].

Протестующие начали нечто подобное мятежу, разгромили не только несколько полицейских машин и шикарных магазинов, но и другие машины, парикмахерскую, и даже окна домов среднего класса и бедняков [22] – не очень яркое доказательство превосходства в стратегии и тактике. Полиция быстро рассеяла протестующих слезоточивым газом, дубинками и пулями. В последующие дни было арестовано почти 300 человек, включая большую часть лидеров Подполья Погоды и СДС. Черные Пантеры, не боявшиеся политического насилия или боев с полицией, отrekliсь от акции как от глупой и непродуктивной. Все же, казалось будто Подполье Погоды усвоило урок, когда ушло в подполье и начало применять более адекватные для асимметрической борьбы тактические приемы. (Насколько их тактики были эффективными в подполье – это уже отдельный вопрос.)

Все это приводит нас ко второй распространенной проблеме групп сопротивления. Пусть их мотивация и ценности похвальны, пусть их преданность революции несомненна, но многие группы сопротивления попросту **не разработали адекватную стратегию и цель**. Для того чтобы стратегия была доказано реалистичной, нужно иметь точно описанный конечный пункт, равно как и ясно и обоснованно прописанные шаги к этой конечной точке, или шаги, соединяющие внедрение стратегии с конечным результатом.

Некоторые называют это фактором «от А до Я». Действительно ли предлагаемая стратегия прокладывает реалистичный путь из точки А в точку Б? Если невозможно объяснить, как стратегия может сработать или как ее можно применить, то реальную оценку такой стратегии дать не получится.

Казалось бы, это все совершенно очевидно, особенно когда изложить все в таких понятиях, но реальной стратегии продвижения из А в Б у групп сопротивления зачастую нет. Проблемы могут казаться непреодолимыми, риски раскола в группе – настолько значительными, что многие движения волочатся, имея сильнейшую мотивацию к достижению справедливости и, в некоторых случаях, необходимостью давать отпор. Но это приводит к краткосрочному и маломасштабному мышлению, и, следовательно, борцы сопротивления скоро перестают видеть лес стратегии за деревьями тактики.

Эта проблема не нова. М. Р. Д. Фут описывает ее в своих трудах о сопротивлении против нацистов в оккупированной Европе. «Менее тренированные подпольщики с большей легкостью теряли из виду свою цель в кутерьме саботажа, и бросались на ближайшую доступную цель, поражение которой было бы очевидным неудобством для врага, не убедившись в том, куда именно их ведет легчайший из путей» [23].

Борьба за справедливость полна доброты и мужества, но борцы сопротивления, которые дают лишь частичный отпор, действуя по ситуации, без долгосрочной стратегии, в результате потерпят поражение. Зачастую вопросы выработки истинной стратегии даже не ставятся на повестку дня. Джереми Варон написал в своей книге о Подполье Погоды и немецкой Фракции Красной Армии, что «в 1960 году радикалами двигал апокалиптический импульс, исходивший из цепочки предположений: существующий порядок полностью коррумпированный и должен быть уничтожен, его уничтожение уступит путь чему-то радикально новому и лучшему, а трансцендентная природа этого

прыжка делала будущее по большей части чистым листом невообразимой утопии» [24]. Конечно же, они были правы в том, что существовавший, да и поныне существующий порядок является до основания коррумпированным и разрушительным. Мысль о том, что его разрушение неизбежно приведет к чему-то лучшему, согласно обычным человеческим понятиям, уже не так обоснована. Но основная проблема – зияющая пропасть вместо цели и стратегии. У них не было практически никакого плана, кроме выбора между несколькими тактическими приемами, которые, в случае с Подпольем Погоды, стали в целом символическими по своей сути, несмотря на использование взрывчатки. Их некритические «апокалиптические» верования на тему природы революции – нечто схожее среди всех военизированных групп – были практически гарантией того, что они были обречены на неспособность сформулировать долгосрочную и эффективную стратегию. Мы вернемся к этому вопросу позднее.

Очень интересно – и, будем надеяться, поучительно – что группы подобные Подполью Погоды делали настолько многое правильно, но полностью провалили дело стратегически. Мы вновь и вновь возвращаемся к ним и критикуем их, но не потому, что их действия были непременно ошибочными, а потому, что они во множестве аспектов были на правильном пути. Например, внутренняя организация Подполья Погоды, как тайной группы, была в высокой степени развитой и эффективной. А их желание вернуть войну домой, их преданность деятельности намного превосходили качества других левых, агитировавших против вьетнамской войны.

Но, как отметил Варон, «оптимизм американских и западногерманских радикалов относительно революции основывался на их восприятии событий, которое, казалось, предзнаменовало драматические перемены. Они дебатировали о революционной стратегии, а их собственный активизм в общих чертах подсказывал то, каким должно было стать освобожденное общество. Но они никогда не уточняли, как всеобщий бардак может привести к глубоким изменениям общества, как они на практике захватят власть, как реорганизуют политику, культуру и экономику после революции. Они, наоборот, держали курс сообразно сильного чувства негодования и невысказанной веры в то, что хаос станет причиной кризиса, а из кризиса восстанет новое общество. Таким образом они, опираясь на свою веру в то, что революция была политической и нравственной необходимостью, приходили к ошибочному ощущению, будто революция была вероятной и даже неминуемой» [25].

Все это приводит нас к третьему традиционному изъясну в стратегии сопротивления, который называется **избыток надежды**. Сегодня мы со всей очевидностью понимаем, что в 1960-х годах американская революция была далека от неизбежной. Так почему тогда Подполье Погоды и другие верили в это? До некоторой степени, такого рода безосновательный оптимизм – это психологический механизм, помогающий справляться с трудностями. Группы сопротивления ведут борьбу с мощными врагами, так что вера в неизбежность желанной победы в каком-то смысле поддерживает боевой дух. Но это может быть и ошибкой. Нам стоит помнить «очень важный урок» бывшего военнопленного Джеймса Стокдейла: «Никогда нельзя путать веру в грядущую победу и дисциплину, необходимую перед лицом самых жестоких фактов нынешней реальности, какими бы они ни были» [26].

Еще один фактор – это то, что можно было бы назвать **эффект пузыря** или силоса. Люди склонны сами определять себя в группы, с которыми у них есть нечто общее. Это может привести к тому, что активисты окажутся окружены людьми со схожими убеждениями и даже в изоляции от тех, кто не разделяет их взглядов. Как следствие, случается групповое мышление и люди начинают полагать, что число их единомышленников значительно превышает реальное. Остается лишь один шаг до явственного ощущения, будто вот-вот наступят глобальные перемены. Так случается, когда цели расплывчаты и труднооценимы.

Ошибочная уверенность в том, что «революция близка», естественно, вряд ли ограничивается группами левого толка 1960-х. Даже диссиденты времен Второй Мировой, такие как Карл Фридрих Гёрделер – консервативный, но антинацистский политик, пали жертвой такого же непонимания. Аллен Даллес пишет: «Несмотря на то что Гёрделер осознавал опасность нацистов, он слишком переоценивал мощь относительно слабых антигерманских сил, которые противостояли им». Будучи оптимистом по темпераменту, он часто воспринимал планы как реальность, принимал хорошие намерения за неопровержимые факты. А как революционер, он был наивен, слишком сильно веря в дееспособность других [27].

Знаменателен тот факт, что его наивность распространялась не только на потенциальное сопротивление, но и даже на Гитлера. До заговора 20 июля он непоколебимо верил, что только он смог бы сесть и поговорить с Гитлером, что он смог бы убедить его рациональными доводами признать ошибочность его методов и подать в отставку. Его друзьям несколько раз едва удавалось остановить его, что было бы глупым и опасным для сопротивления, ввиду их запланированного убийства [28]. Конечно же, нацистская Германия не была одним большим заблуждением, и после неудачного переворота Гёрделер был арестован, гестапо пытало его на протяжении месяцев, а затем он был казнен.

Четвертая стратегическая ошибка – **неспособность адекватно уладить взаимоотношения между открытыми и подпольными активистами**. Мы уже касались этого момента несколько раз в разделе, посвященном организации. Многие группы – в особенности Черные Пантеры – не смогли создать подобающий барьер между открытой организацией и подпольем. Но если мы говорим не просто о подразделениях организации и их разделении; история движений сопротивления прошлого снова и снова показывает насколько большой стратегический вызов бросает координация открытого движения и подпольной деятельности.

Здесь речь во многом идет о построении взаимной поддержки и солидарности. Подполье Погоды в первые годы была предельно отвратительна. Их риторика и отношение были агрессивно-воинственными. Организация, по словам самих ее членов (написано постфактум), имело склонность к тому, чтобы «считать революционным только закладывание бомбы и взведенную винтовку, наряду с прославлением «чем крупнее калибр, тем круче», т.е. отношение, которое отталкивало другие вооруженные революционные организации, как например БПП». 29 И действительно, Подполье Погоды преднамеренно искало конфронтации даже с теми, кого они объявляли союзниками. Например, в ходе одной из

акций во время Вьетнамской войны члены Подполья Погоды пошли на пляж рабочих в Бостоне и подняли флаг Вьет-Конга, зная, что многие присутствовавшие имели родственников в армии США. Когда флаг был поднят, то вместо того, чтобы обсуждать войну, они агрессивно нарастили напряжение, идеалистически полагая, что после драки обе стороны могут переместиться в бар для серьезного разговора. А на самом деле, им начистили морды [30].

Существуют аргументы в пользу смещения границ «легитимного» сопротивления. Нужно кое-что сказать в пользу пинка в задницу колеблющихся борцов, или хотя бы дать им лучший пример, когда они должны действовать эффективней. Но не этим занималось Подполье Погоды. Отчасти проблемы была в том, что им не доставало четкой, сформулированной стратегии. В своих мемуарах, анархист Майкл Альберт рассказывает историю того, как проходила одна из акций на заре Подполья Погоды, которую ему специально показали. «Нас было примерно десять, или около того, мы набились в вагон метро, следующей остановкой которого была станция около студенческого общежития Бостонского университета. Пока вагон волочился по туннелю, один из бойцов Погоды, согласно предварительно согласованному сценарию, встал и толкнул речь своей невольной аудитории, состоявшей из остальных пассажиров вагона. Он нервно прокричал: «Наша страна – отстой! Покажите на что вы способны!» и быстренько сел. Это было все. Вот это и была их гребанная энчилада» [31]. Что должны были люди из этого понять? При этом никто не заблуждался относительно стратегии и целей Черных Пантер, если читал их План из Десяти Пунктов.

При этом самые эффективные акции Подполья Погоды как в открытой, так и в подпольной секциях оказывались таковыми, которые вредили открытым организациям. Их акции в СДС (Студенты за Демократическое Общество) – ярчайшие тому примеры. СДС была организацией с широкой опорой в обществе, широкой платформой, которая фокусировалась на демократии прямого участия, прямом действии, ненасильственном гражданском неповиновении для борьбы за гражданские права и антивоенной деятельности. До формирования Подполья Погоды группа под названием «Революционное молодежное движение» (RYM) под предводительством Бернардины Дорн, позднее лидера Подполья Погоды, по сути похитила СДС. Они набрали обороты в 1969 году на национальном съезде СДС и изгнали членов противоборствующей фракции (Прогрессивная Лейбористская Партия и Альянс Рабочих Студентов). Они надеялись направить всю организацию в сторону вооруженной борьбы, но их переворот вызвал раскол организации, которая быстро распалась в последующие годы. В следующие десятилетия ни одна левая студенческая организация не смогла даже близко дорасти до масштаба СДС.

В чистом остатке: RYM взялись за эффективно работавшую группу и уничтожило ее. Подполье Погоды возвеличивало вооруженную борьбу, что помешало им добиваться коренных (радикальных) перемен, одновременно это стало причиной непоправимых потерь в народном левом движении. Чего не понимали члены Подполья Погоды, так это того, что не все люди готовы принимать участие в деятельности подполья или в вооруженном сопротивлении, и что не обязательно каждому принимать участие в подобном. Движения за гражданские права и антивоенные движения являлись адекватными местами, где бойцы могли построить массовые ненасильственные движения, где совершалась бы очень важная работа, а СДС как раз и являлся такой группой, совершавшей такую работу. Открытые и подпольные группы нуждаются друг в друге, и они должны работать сообща – как организационно, так и стратегически. Было бы очень существенной стратегической ошибкой, если бы любая из фракций – открытая или подпольная – пренебрежительно относилась к другой половине их собственного движения. Самонадеянное уничтожение живой, полезно организации еще хуже.

Есть еще одна стратегическая ошибка, которая в определенном смысле является более значимой, чем все остальные вместе взятые: **нежелание и неспособность применять адекватные тактики для реализации стратегии.** Использует ли ваше движение сопротивление весь арсенал доступных инструментов? Движение сопротивления, нацеленное на победу, рассматривает любую операцию и любую тактику как вариант действий. Это не означает, что оно будет использовать любой метод или инструмент. Но ничто не отвергается без внимательного рассмотрения.

Подполье Погоды, если мы вновь вернемся к их примеру, было группой, которая начала с яростного желания дать отпор, принести войну домой и выразить истинную солидарность с народом Вьетнама и других стран, находившихся под военной оккупацией США, и они хотели сделать это с оружием в руках. Исходно предполагалось совершать атаки на ключевые фигуры в военно-промышленном комплексе. И действительно, прежде чем они ушли в подполье, как мы уже обсудили, Подполье Погоды было готово атаковать низкоранговых представителей государственной иерархии, в особенности полицейских. Вскоре после ухода в подполье они сменили стратегию.

Поворотным моментом в стратегии насилия-ненасилия у Подполья Погоды был взрыв таунхауса в Гринвич Виледж. Весной 1970-го подпольная ячейка создавала там бомбы, готовясь к запланированной атаке на публичное мероприятие для рядового состава на военной базе поблизости. Однако бомба взорвалась раньше времени в подвале, трое погибли, двое ранены и сбежали, а дом был разрушен. После взрыва Подполье Погоды приняло так называемый ненасильственный подход к закладыванию бомб – они атаковали символы власти, такие как Пентагон и здание Капитолия, однако ограждали места взрывов во избежание человеческих жертв.

Иронично, но их тактические подходы изменились и стали по большей части символическими и ненасильственными, как у раскритикованных ими самими открытых групп. Не имея связей с другими движениями и организациями, действуя без конкретной стратегической цели, Подполье Погоды обрекло свои усилия на неэффективность.

Стратегия аболиционистов

Подполье Погоды далеко не единственная группа, которая имела трудности с применением необходимых тактических приемов. История аболиционистов до гражданской войны дает нам один лучших тому примеров, отчасти благодаря широте и глубине их борьбы. Борьба началась, как нечто маргинальное для тогдашнего общества, но со

временем борьба вокруг проблемы рабства вспыхнула во всей культуре и привела к самой кровавой войне в истории США.

Мы начнем нашу историю с 1830-х годов, когда в нескольких странах стали быстро расти политические течения против рабства. Одним из этих течений была Подземка (Underground Railroad), деятельность которой обеспечивали как белые, так и черные. Еще одно движение заключалось в том, что можно было бы назвать либеральным аболиционизмом, где среди белых участников были несколько чернокожих.

В общем история Подземки известна, но есть и несколько распространенных мифов. Черные рабы-беглецы появились в 1500 году (когда побеги в Испанскую Флориду были рядовым явлением), хотя в некоторых аспектах Подземка XIX столетия была более организованной. Одно распространенное, но неверное восприятие Подземки заключается в том, что ею якобы занимались добросердечные, великодушные белые, чтобы помочь черным, которые иначе не смогли бы сами помочь себе. На самом деле такая ревизионистская мифология далека от правды. До 1840-х Подземкой занимались, прежде всего, черные и для черных, которые не доверяли участию белых. Беглые черные были всегда в большей опасности, чем белые, и должны были обладать значительным навыком и мужеством, чтобы сбежать. Большая часть побегов планировалась самими беглецами, которые готовились месяцами и даже годами, планируя и высматривая пути побега и укромные места.

Некоторые историки высчитали, что к 1850 году около 95% побегов совершались в одиночку или с одним-двумя товарищами. Кроме того, несмотря на то что сегодня Подземка считается важной и героической частью истории сопротивления рабов, не все аболиционисты того времени принимали в ней участие. Согласно одной истории, «аболиционистов разъединяли вопросы тактики и стратегии, но они были очень активны и заметны. Многие из них были частью организованной Подземки, которая процветала в 1830–1862 гг. Не все аболиционисты отдавали предпочтение помощи беглым рабам, а некоторые считали, что деньги и энергию стоит направить на политическую деятельность» [34].

Несомненно, принимавшие участие в Подземке были смелыми, независимо от цвета кожи, как и то, что важность Подземки для беглых рабов и их семей невозможно переоценить. Проблема была в том, что Подземка не могла быть угрозой рабству в целом. В 1830 году в США была около 2 миллионов рабов. При этом, на самом пике своей работы Подземка освобождала менее 2000 рабов в год, т.е. менее одного из тысячи. Такой темп не превышал рождаемости среди негров. Конечно же, многие рабы работали, чтобы выкупить свои семьи из рабства, что означало, что Подземка освобождала больше людей, чем тех, что физически проходили по ней.

Тактическое развитие: от увещаний к политической конфронтации [35].

В то время как Подземка росла в 1830-х, одновременно с ней росло и другое течение против рабства. Оно в основном состояло из белых аболиционистов, ведомых христианскими принципами и желанием убедить рабовладельцев прекратить грешить и отпустить рабов. Эти ранние христианские аболиционисты, белокожие, признавали ужасы рабства, но придерживались пацифистского подхода моральных воззваний и увещаний. Историк Джеймс Брюэр Стюарт обсуждая их подход, писал: «Называя эту стратегию «увещанием», эти начинающие аболиционисты считали, что несли с собой весть исцеления и примирения, которой лучше всего было быть донесенной христианскими миротворцами, а не распрями повстанцев. ...Они обращались напрямую к (как предполагалось) виновной, а значит, восприимчивой совести рабовладельцев со своими призывами к немедленному освобождению». Они верили, как свойственно либералам, что ужасы угнетения, творимые властью имущими, были по большей части недоразумениями (а не ограничивающей системой власти, вознаграждающей угнетателей за совершаемое ими зло). Так что, они, естественно, полагали, что могли исправить ошибку, просто вежливо объяснив ситуацию.

Стюарт продолжает: «Предполагалось, что это воодушевит хозяев отпустить своих рабов добровольно и это поведет нацию в новую искупительную эру христианского примирения и нравственной гармонии. ... Сторонники немедленной отмены рабства видели себя как гармонизирующих, а не как повстанцев, потому что подавляющее большинство из них клятвенно отреклись от насильственного сопротивления. ... «Немедленники», просто говоря, видели себя не как людей, которые ведут сопротивление против рабства реактивно, а как тех, кто подрывает основы рабства духовно революционизируя порочные ценности практиковавших и поддерживавших его.» Другими словами, они пали жертвами четырех стратегических ошибок, которые мы уже обсудили. Они не использовали принципы асимметрической борьбы в основном потому, что вообще не пользовались стратегией сопротивления. Они по сути лоббировали, а их нравственно «превосходящий» подход означал, что как политическая фракция они не обладали силой влияния на объект лоббирования. Кроме того, они были безнадежно наивны (или, если уточнить суть проблемы, были обнадуженно наивными) в отношении природы власти и экономики рабства. Как результат, они оказались неспособны составить адекватную стратегию продвижения из точки А в точку Б. Их так называемая «стратегия», пусть с добрыми намерениями и нравственная, больше напоминала коллективную иллюзию, которая игнорировала суть и размах насилия, которое культура рабства могла применить к своим врагам.

Стюарт тоже признает это как проблему. Принимая христианский пацифизм и считая себя революционными миротворцами, эти ранние белокожие «немедленники» ужасно недооценивали мощь противостоявших им сил. Задолго до начала их крестового похода, рабство закрепило за собой превосходящий контроль над экономикой и политической культурой. Чтобы бросить вызов настолько укоренившемуся и крепкому общественному институту, нужно было принять непримиримую позицию, к чему эти аболиционисты поначалу совершенно не были готовы» [36].

Нужно ли искать параллели с нашей нынешней ситуацией? Выберите любое либеральное или популярное движение за экологическую или социальную справедливость. Популярные экологические движения всегда были очень наивными в этом отношении, в целом игнорируя глубоко укоренившуюся суть природоубийственной деятельности в капиталистической экономике, в промышленности, в повседневной жизни и психологии цивилизованных людей. Кроме того, активисты массовых движений, которые часто не имеют за спиной несколько поколений традиций сопротивления,

тотально игнорируют ту силу, которую власть имущие могут применить к любой угрозе их власти. Предполагая, что общество перейдет к устойчивому образу жизни, при условии, что можно убедить отдельных людей, экологические активисты игнорируют то, как вознаграждается не(эко)устойчивость (производство, токсические отходы, выбросы углерода), и слишком часто игнорируют тех, кто несет затраты на подобные вознаграждения (мир живой природы, угнетенных людей...).

Конечно, массовые экологические движения не уникальны в этом отношении. По сути, основная тенденция настолько повсеместна, что почти архетипична. Мы снова и снова наблюдаем этот феномен, когда привилегированные становятся союзниками угнетенных. Явно отрицая насилие, переполняющее повседневную жизнь доминирующей культуры, многие привилегированные люди заблудились в тактическом и стратегическом зазеркалье, где желанное ими сопротивление определяется их личными мечтами, а не реалистичной стратегией, нацеленной на успех и опирающейся на опыт угнетенных людей за долгую историю сопротивления. Иногда привилегированные слушают и учатся, а иногда нет.

Конечно же, эти первые абolicционисты были на стороне добра, и конечно же, их ответ на существование рабства был, по нравственным меркам, намного выше ответа большинства белых. Но, как пишет Стюарт: «При том, что самые сильные институты государства были настолько сильно связаны с поддержкой рабства и превосходства белых, легко понять, что молодые белокожие абolicционисты занимались глубочайшим самообманом, когда характеризовали свою работу как «низвержение ошибки силой правды – опровержение предрассудка силой любви – отмена рабства духом покаяния». Исходя из такой точки зрения, они глубоко искренне и прискорбно заблуждались. Проводя кампанию в пользу быстрой отмены рабства, они, по сути, стимулировали не «силу любви» и «покаяние», а наоборот, провоцировали сопротивление не просто огромного числа мощных врагов – всей политической системы, но и самых сильных экономических противников – самых влиятельных представителей элиты страны, а популярная политическая культура настолько глубоко погрязла в либеральном мракобесии, что не шло ни в какое сравнение с более ранними этапами истории страны». Нам стоит помнить этот урок.

Они были очень оптимистичны в оценке своих шансов на успех. После того как радикальное недовольство накопилось и выплеснулось в ряд восстаний в начале 1830-х, один «немедленник» предсказал, что «вся система рабства распадется на куски с поразительной скоростью» [57]. Такое отношение опять-таки напоминает избыток надежды, который мы обсуждали ранее.

Нам стоит заметить, что это были не просто белые абolicционисты отрицавшие серьезное сопротивление на том этапе, а также и некоторые цветные. Историк Луис Е. Хортон пишет, что один черный редактор газеты «настроил статью, адресованную «Бездумной части наших цветных граждан», где он призывал читателей действовать с большим само достоинством и выдержкой при поимке беглых рабов. Редактор предлагал оставить защиту беглецов адвокатам... общественный протест, даже общественное собрание, предупреждал он, мог бы означать потерю поддержки уважаемых союзников. Его особенно шокировало участие в протесте черных женщин, и он заклеил их «вечным позором» и обвинил в том, что они «унизили» себя участием в подобном» [58].

Однако стали пользоваться популярностью и более воинственные абolicционисты. Когда-то беглый раб Генри Хайланд Гарнет отверг пацифизм как белых, так и черных абolicционистов, сказав: «Мало надежды в искуплении без кровопролития».

Многие белые абolicционисты придерживались своих пацифистских убеждений, но с ростом абolicционистского движения оно стало все больше восприниматься рабовладельцами и властями как угроза. Произошла волна эскалации в виде жестоких репрессий, в ходе которой абolicционисты и их союзники подвергались атакам, а их посылки и жилища сжигались. Многие белые абolicционисты оставили пацифизм после того как белый редактор газеты и абolicционист Элайджа Лавджой был застрелен в своем офисе бандитами рабовладельцев. Уильям Ллойд Гаррисон, издатель основной абolicционистской газеты «Освободитель», написал: «Когда мы впервые развернули знамя «Освободителя»... мы не предвидели, что, чтобы защитить рабство на Юге, свободные штаты станут намеренно попирают закон и порядок, а также правительство, или заклеят сторонников всеобщей свободы как подстрекателей и преступников. ...Нам даже в голову не приходило, что почти каждая религиозная секта и каждая политическая партия станут на сторону угнетателя» [39]. Конечно же, они не принимали во внимание и даже отменяли такую возможность, однако эти репрессии побудили все более многочисленных северян присоединиться к абolicционистам из-за боязни перед нарушениями закона со стороны правительства и антиабolicционистов.

Хорошая новость заключалась в том, что все больше и больше абolicционистов игнорировали законы против беглых рабов и даже брали в руки оружие, чтобы помочь беглым рабам как в Подземке, так и вне ее. Начались спорадические жестокие противостояния, или выражаясь точнее, стало более распространенным применение насилия со стороны абolicционистов ради защиты, поскольку рабство основывалось на насильственной конфронтации с самого своего начала, но для черных в этом не было ничего нового. Вскоре перестали быть единичными случаи убийства охотников на рабов и рабовладельцев, в 1854 году в Бостоне толпа даже вломилась в зал суда, где содержался беглый раб и разоружила охранников. Стюарт пишет: «И даже когда физическое насилие не давало результатов... воинствующие ораторы все равно мотивировали своих слушателей прибегать к физическому разрушению, если более мирные методы не останавливали федеральных охотников на рабов. В нескольких случаях хорошо организованные группы абolicционистов превосходили в силе маршалов и забирали рабов с собой в безопасное место. Иногда они хранили оружие, планировали изнуряющие маневры и собирались в угрожающие толпы» [40]. При том что они еще 10 лет назад клятвою обещали не прибегать к насилию, белые абolicционисты пришли к согласию с тем, что использование летальных мер против охотников за рабами, в виде самозащиты было нравственно оправданным. Вооруженное сопротивление охотникам за рабами уже превратилось в добрую традицию для черных активистов того времени, но это

стало значительной переменной тактики. Многие христианские аболиционисты сменили тактику утверждая, что бог не только требует пацифизма, но и дает христианскую обязанность и «Закон Божий» застрелить охотника за рабами.

Джон Браун и рейд на паром Харпера.

Такой переход к более воинствующему неповиновению системе рабства был конечно прекрасным. И он точно увеличил успешность Подземки, особенно если бы охотник за рабами знал, что поездка в аболиционистский район могло закончиться для него пулей в груди. Но опять-таки, с этим связана одна проблема. Даже это быстрорастущее и все более дерзкое аболиционистское движение не смогло бросить вызов самому институту рабства. Стюарт пишет:

«Более двух десятилетий мирных проповедей против греха рабовладения дали не освобождение, а несколько новых рабовладельческих штатов и полумиллионный прирост населения рабов – тренды очевидно усиливавшие смертельную хватку «силы рабства» на американских хлопковых плантациях, часто уничтожая природные системы, которые вкупе с растущим населением рабов означали его прибыльность, а по мнению некоторых историков даже обуславливали чрезвычайную необходимость в продвижении на запад ради сохранения экономики основанной на рабстве. Каждый новый раб смещал баланс политической силы в Союзе штатов в пользу рабства».

Проанализируем личность Джона Брауна, пылкого аболициониста и глубоко нравственного человека, который уже вступал в битвы с бойцами за рабство в нескольких ситуациях. Браун, производитель шерсти по профессии, боролся, чтобы штат Канзас стал штатом без рабства. Его, очевидно, не интересовали речи перед публикой, и он мало думал об одной лишь риторике, учитывая серьезность ситуации. Брауна раздражали аболиционисты популярных направлений, по словам свидетелей, он говорил: «Эти люди только говорят. Нам нужно действовать, действовать!»

Именно действие и было у него на уме. В 1858 году Браун провел серию небольших рейдов из Канзаса в Миссури, в ходе которых он освобождал рабов, воровал лошадей и повозки. Он помог вывезти освобожденных рабов в Канаду. Но его основной план был намного более дерзким. Тайно собирая пожертвования от богатых спонсоров-аболиционистов, он покупал оружие и тренировал небольшую группу бойцов-рекрутов, планируя совершить рейд на арсенал на Харперс-Ферри, что в Западной Вирджинии. План был простым: Браун и его солдаты намеревались напасть на арсенал и украсть как можно больше оружия. Далее они планировали освободить и вооружить рабов в округе. Они планировали потом поехать на юг и, действуя как партизаны, продолжать освобождать рабов и вооружать их, а воевать только в целях самозащиты. Браун надеялся, что движение вырастет экспоненциально в ходе их продвижения вглубь юга, он надеялся на то, что цепная реакция развалит и уничтожит сам институт рабства.

И, хотя некоторые историки – в особенности те, кто его критикует – считали его повстанцем, это не являлось сутью задуманной им стратегии. Биограф Брауна, Луис А. ДеКаро, обсуждал именно этот факт: «Браун никак не планировал восстание, что является по сути вооруженным мятежом с намерением уничтожить рабовладельцев. Браун планировал военную кампанию защитного характера. Его намерением было увести рабов из рабства, вооружить их чтобы они защищали себя, по ходу того как они освобождали еще больше людей, воюя малыми группами в горах до тех пор, пока экономика рабовладельчества не обрушится. Браун не оправдывал убийства, кроме случаев крайней необходимости» [42].

Все сложилось трагичней, чем предполагалось. Частью проблемы была численность. Черновой план рейда на Харперс Ферри рассчитывал на тысячи человек, а в день рейда у Харпера был 21, среди них как белые, так и черные. Браун оказался в необычной для борцов сопротивления ситуации, когда у него было больше оружия чем бойцов. Браун получил от северных сообществ аболиционистов по десять карабинов на каждого из имевшихся бойцов. Несмотря на это, будучи сильно замотивированным, Браун решил пойти на рейд.

Сначала рейд шел гладко. Они с легкостью вошли в город Харперс Ферри, перерезали провода телеграфа и захватили арсенал. Но Браун совершил ошибку – худшую ошибку, какую только могут совершить партизаны: они не схватили оружие и не отошли с позиций немедленно. Как результат, местная милиция вскоре начала палить по арсеналу, в то время как бойцы оставались внутри. После нескольких перестрелок и смертей прибыли морские пехотинцы, окружили и захватили арсенал. Пять бойцов Брауна бежали, десятерых убили, а остальных схватили. Схваченных посадили под стражу и судили. Джон Браун и еще пятеро людей были впоследствии повешены.

Чрезвычайно важно понять, почему рейд не удался. Проблема была скорее тактической, а не стратегической. Несмотря на поражение в рейде, даже его враги признавали, что «это был самый лучший из задуманных и исполненных заговоров, который когда-либо провалился» [43]. Фактически, даже на тактическом уровне планирование у Брауна было превосходным. Но вместо молниеносной атаки и быстрого отхода – тактики лежащей в основе асимметрической борьбы – Браун увяз в арсенале. По информации биографа Луиса А. ДеКаро, «Причина, по которой рейд потерпел неудачу, заключалась в том, что он был слишком озабочен своими заложниками, включая хныкавших рабовладельцев, и в том, что он пытался вести с ними переговоры.» Помимо этого, и это весьма удивительно, ДеКаро замечает, что Браун даже позволил «своим узникам пойти домой под охраной и повидать семью, а также посылал людей за завтраком для них».

Браун провел в Харперс Ферри два дня, пока не прибыли морские пехотинцы. Как сообщает ДеКаро: «Если бы он придерживался плана и расписания, то он и его беглые союзники могли бы практически спокойно выйти из Харперс Ферри без сколь-нибудь значительного сопротивления и могли бы легко отойти в горы, как было запланировано. Полностью опровергая мнение, будто Браун был бездумным убийцей, складывается впечатление, будто он был слишком мягкосердечен и продолжал надеяться разрешить некоторую часть проблемы переговорами. Это была его самая большая ошибка.» 45

Новости о рейде распространились быстро. Большинство аболиционистов и их сторонников автоматически отреагировали на это враждебным отношением к действиям Брауна. Даже Линкольн назвал его «заблудшим фанатиком». Стоит заметить, что Генри Дэвид Торо был одним из тех, кто мгновенно встал на защиту Брауна. Он умолял своих сограждан прислушаться: «Я слышу, как многие осуждают этих людей потому что их было так мало. Но когда это

бывало, чтобы смелых оказывалось большинство?» [46]. (Ныне настал момент задать этот вопрос нам самим и нашим союзникам, особенно если мы ждем, что кто-то другой станет действовать.)

ДеКаро замечает, что историческая репутация Брауна постоянно подвергалась атакам, а «факты» об этом происшествии были переданы устами рабовладельцев, сторонников рабства и пацифистами. Те, кого можно отнести к последней категории, возможно оценят значимость, а возможно и унижение, того, что их зашвырнули в одну и ту же помойку с такой отвратительной компанией. Но не всех удалось так легко убедить в том, что Браун был таким идиотом. Малькольм Икс, что неудивительно, относился к Джону Брауну с большим уважением, а к критиковавшим его либералам – с малой долей терпение. «Джон Браун ... был белым, который пошел войной на белых, чтобы помочь освободить рабов. Любой белый, готовый проливать кровь за чужую свободу, в глазах других белых – сбредил». Иными словами, ненавистники Брауна ненавидели его в основном за то, что он был «предателем расы».

Рейд на Харперс Ферри накалил отношения между Югом и Севером. Некоторые историки считают этот случай одной из непосредственных причин Гражданской войны. Иронично, но Браун презирал пустое кровопролитие и как многие люди того времени осознал возможность войны между Севером и Югом. Он надеялся предотвратить войну уничтожив рабскую экономику партизанскими методами, т.к. война могла стать еще более кровопролитной. Вероятно, что если бы он был более безжалостным, то он возможно добился бы успеха. Его нерешительность в принятии безжалостных решений возможно стала причиной большего количества смертей. Проблема Брауна, как и многих борцов за справедливость, была в том, что он был попросту слишком добрым имея дело с жестокими угнетателями. Сам Браун понял это слишком поздно. В день своего повешения он написал следующее: «Я, Джон Браун, ныне полностью убежден, что преступления этой страны не смыть ничем кроме крови. Я теперь понимаю, что напрасно обманывал себя, что этого можно добиться без большого кровопролития.» 48

Открытая гражданская война

Неудачная атака Брауна стала очагом возгорания закипавших противоречий между Севером и Югом, а вскоре последовала самая настоящая гражданская война. Нам не стоит обсуждать всю историю войны и ее причины, однако есть несколько моментов, важных для понимания того, как открытая гражданская война повлияла на сопротивление. Многих людей учили, что гражданская война велась, «чтобы положить конец рабству», но это не так. Социальная справедливость не была основной движущей силой Гражданской войны, и до взрыва вооруженных столкновений Абрахам Линкольн настаивал на том, что рабовладительство – вопрос индивидуального выбора каждого отдельного штата. Возможно, было бы точнее утверждать, что гражданскую войну причинил рост «силы рабовладительства» (т.е. мощь рабовладельческих штатов) и конфликт интересов между экономическими и политическими учреждениями. Непосредственным началом войны стал выход южных штатов и вступление их в конфедерацию, чего Абрахам Линкольн не разрешал.

Начало Гражданской войны и в особенности вторжение на территорию Конфедерации сил Союза Севера выразилось в двух отдельных последствиях для аболиционистов. Во-первых, сопротивление рабов юга резко возросло, а во-вторых, многие северяне, не бывшие ранее аболиционистами, были вынуждены встать лицом к лицу с институтом рабства.

Гражданская война оказала очень значительное влияние на сопротивление рабов там, где еще не проходил вооруженный конфликт. Многие рабы пытались бежать через линию фронта Союза, где они оказывались якобы свободными, а многие присоединялись к армии Союза, чтобы бороться и положить конец Конфедерации и рабству. До даже не беглые рабы были воодушевлены на сопротивление – или как минимум на то, чтобы саботировать работу. Подобно Франции 1943 года, все большее число рабов начали сопротивляться, когда стало ясно, что рабовладельцы могут потерпеть поражение.

Историк Брюс Левин замечает:

«Слом рабовладельческой системы стал очевидным вне очагов проникновения сил северян в южные районы. Во все еще неоккупированных районах Конфедерации, владельцы, офицеры армии и представители правительства все чаще ожесточенно спорили о том, кто из них имел большую потребность и спрос на труд оставшихся рабов. Этот процесс лишил настоящей власти Восставших Хозяев и придал смелости тем, кто все еще находился под их формальным контролем. Куратор Южной Каролины стонал про «многое неповиновение некоторых» на его плантации, «в основном среди женщин много ссор, споров и вранья». Джеймс Алькорн, плантатор из Миссисипи, обнаружил, что рейды в его регионе глубоко деморализовали его рабов. (Эта фраза была характерным для рабовладельцев высказыванием о том, что его власть над рабом – а значит, и страх раба перед хозяином – угас.) Такая перемена, жаловался Алькорн, лишила его людей в его собственности «почти всякой практической ценности». Даже среди не бежавших полевых рабочих, как сообщил куратор своему нанимателю, «лишь немногие остались верны – некоторые из оставшихся хуже сбежавших». В одном районе за другим невольные люди стали требовать улучшений условий жизни, а также молча подразумевавшегося, но не менее значимого изменения их статуса, и они устранились от работы пока эти условия не выполнялись. ... «Они находились в состоянии полнейшего безвластия и восстания, – откровенничала в своем дневнике хозяйка плантации Мери Джоунс, – они стали в позицию полного противоречия со своими хозяевами, со всяким правительством и контролем. Мы не осмеливаемся предсказать конец всего этого» [49].

Изменилась и сама суть сопротивления рабов, потому что организаторы перешли от деятельности ради выживания, типа организации Подземки, к вооруженным операциям. Многие бывшие рабы работали с силами Союза, включая Герриет Табмен, которая работала проводником и вела рейды и массовые освобождения рабов.

Война также заставила не-аболиционистов-северян напрямую столкнуться с сутью рабовладительства. Левин пишет: «Кризис рабства военного времени оставил глубокий отпечаток не только у белых южан, но и у солдат Севера. Как боялся Линкольн и другие и как показали выборы 1862 года, решение сделать отмену рабства одной из целей войны

Севера вызвало сильное противодействие в некоторых частях Союза. Малая часть солдат ушли на войну будучи преданными идее отмены рабства... однако видя истинную природу рабства солдаты Союза действительно меняли свое восприятие и смягчали свои сердца» [50].

Когда разрушительная система глубоко укоренилась, и когда обычные люди не видят, во что обходится система, то настоящие изменения приходят не с речами. Настоящие перемены происходят, и могут произойти, только когда система сломлена силой. Тогда угнетенные могут вздохнуть свободней и дать отпор, а апатичные могут впервые по-настоящему взглянуть в лицо системы.

Оценка стратегии

Соппротивление – не односторонне. На каждую разработанную сопротивлением стратегию власть имущие ответят всеми возможными методами, дабы подорвать и прервать ее. Любой стратегический процесс – для любой из сторон – меняет контекст стратегии. Стратегическая цель – движущаяся мишень, а в реализацию любой стратегии заложена задержка. Чтобы поразить мишень, ее нужно «вести», немного опережая цель, т.е. целиться не туда, где мишень находится, а туда, где она окажется.

Слишком часто активисты всех мастей этого не делают. Мы часто идем за целью, а в результате попадаем в «молоко». Особенно это касается вопросов глобальной экологии, которые зачастую проявляются со значительным опозданием. Мы волнуемся о глобальном потеплении происходящем сейчас, но, чтобы отворотить климатические изменения, нужно было действовать 30 лет назад. Популярные экологические течения особенно сильно отстают от цели и приоритеты движения это отражают. Самые серьезные усилия популярных эко-движений прилагаются к малюсеньким изменениям, которые не отражают серьезность нашей нынешней ситуации, уже не говоря о той, что наступит через 30 лет. Они помогают нам волноваться о гибридных машинах и экономных лампочках, в между тем нам пора волноваться о самоускоряющемся глобальном потеплении, каскаде экологических кризисов, появлении сотен миллионов экологических беженцев и миллиардов человеческих жертв, и о катастрофах в сфере социальной справедливости, которые сопровождают подобные явления. Если мы не сможем отворотить экологический коллапс, то столетия завоеваний в социальной справедливости пойдут коту под хвост.

Об этом стоит сказать. За последние десятилетия произошли значительные улучшения в области гражданских прав, а также было сделано множество уступок в пользу справедливости во многих частях мира. Большую часть этой работы можно по праву приписать неустанной работе сил за социальную справедливость и широкой организации сопротивления. Но давайте посмотрим на ухудшающееся соотношение доходов среднего наемного работника и среднего гендиректора компании. Экономическая деятельность в целом стала менее прибыльной, хотя средние ступеньки дохода сегодня соответствуют более высокому «уровню жизни». И все это основывается на системе, которая систематически уничтожает природные биомы и быстро истощает исчерпаемые ресурсы. Дело не в том, что каждый получает одинаковый кусок пирога, и даже не в том, что пирог стал больше, а в том, что сегодня мы едим наш завтрашний пирог. А на следующей неделе будет доедать пирог следующего месяца.

Приведем пример: единственная причина, по которой масштабное сельскохозяйственное производство вообще способно функционировать, – дешевая нефть. Без нее масштабный агропром вновь встанет в зависимость от рабства и крепостничества, как это было на протяжении всей истории цивилизации. В 1800 году, на заре индустриальной революции, около 80% населения планеты были рабами или слугами [51]. И это при тогдашнем населении, которое составляло лишь малую часть сегодняшних 7 миллиардов. Тогда океаны были полны рыбы, леса по всему миру – практически неприкосновенны, степи и сельхозугодия – в намного лучшей чем сегодня форме, а уровни воды почти идеальными по сегодняшним стандартам. Что, думаете вы, случится с социальной справедливостью, когда дешевая нефть, а значит и практически все остальное тоже, истощится? Без широкомасштабного и вооруженного движения сопротивления, способного уделить этим угрозам все свое внимание, 1800 год будет казаться заманчивой сказкой.

Если мы хотим быть эффективными стратегами, то мы должны быть способны на долгосрочное планирование. Мы должны предугадывать перемены и тренды, влияющие на нашу победу. Мы должны планировать и готовиться к переменчивой природе наших сражений, которая проявится через полгода, через два года, через десять лет и т.д.

Нам нужно глядеть дальше цели, и также учитывать возможные отступления и поражения. Именно по этой причине стратегия длительной народной войны была настолько эффективной в руках китайских и вьетнамских революционеров. Эта стратегия состояла из трех этапов: первый этап – выживание и рост революционных сетей поддержки; второй – партизанская война; а третья – обычные столкновения с противником для окончательного уничтожения его сил. Присущая этой стратегии гибкость означала, что революционеры могли мягко переключаться с одного этапа на другой в этом спектре по необходимости, чтобы справляться с любыми изменениями в балансе сил. Эту стратегию было почти невозможно сбить с пути, поскольку даже если революционеры сталкивались с массовыми поражениями, они могли просто вернуться к этапу выживания.

Как можно вообще оценить конкретную стратегию? Нужно проверить несколько характеристик, исходя из всего, что мы осветили в этой главе.

Цель. Располагает ли стратегия четко определенной и достижимой целью? Если ясно обозначенной цели нет, то стратегии нет. Цель не обязательно должна быть конкретным конечным пунктом – она может определяться прогрессом в качественных изменениях и процессом. Но она, так или иначе, не может быть «пустой и невыразимой утопией».

Реалистичность. Может ли организация добраться из точки А в точку Б? Прочерчен ли четкий путь из текущей ситуации к желаемой цели? Включает ли план дополнительные ресурсы для преодоления поражений и отступлений?

Использует ли стратегия стратегические концепции подобные Девяти принципам войны? Соответствует ли стратегия сути асимметричной борьбы?

Ограничения в ресурсах. Располагает ли движение или организация достаточным количеством людей с навыками и способностями соответствующими реализуемой стратегии? Способна ли организация на организацию? Если нет, то сможет ли она нарастить численность в адекватные сроки?

Тактика. Есть ли возможность использования тактических приемов? Соответствуют ли тактики и операции, применяемые в плане действий, масштабу, пределам и серьезности поставленной задачи? Если необходимые тактические приемы недоступны или на текущем этапе не применяются, то почему? Препятствие является организационным или психологическим? Что должно произойти, чтобы нужный тактический прием стал возможным, и насколько реально выполнить эти условия?

Риск. Является ли уровень риска присущий реализации плана приемлемым, с учетом важности достижения цели? Помните: этот аспект – двунаправленный. Важно задать вопрос: в чем заключается риск действий? Также важно спросить: в чем заключается риск бездействия? Стратегия без должного обеспечения ресурсами и тактическим вариантами может быть слишком рискованной. И, хотя это может показаться нелогичным, слишком нерешительная или консервативная стратегия могут быть еще более рискованными, потому что возможно недостижение цели. Если цель стратегии – предотвратить катастрофическое глобальное потепление, то какими рискованными не казались действия, последствия бездействия будут намного более страшными.

Своевременность. Может ли план достигнуть цели в намеченный срок? Должны ли события происходить в определенной последовательности? Слишком растянутая во времени стратегия может оказаться вообще бесполезной. Хуже того, она может быть не просто бесполезной, но и активно вредить, оттягивая ресурсы и людей от более эффективных и своевременных стратегических альтернатив.

Простота и логичность. Является план простым и логичным? Исполнение плана не должно зависеть от большого числа условий или сложной последовательности событий. В критических ситуациях работают только простые планы. Сам план нужно объяснять простым языком без использования обтекаемых формулировок и размытых мистических понятий. План также должен быть логично построенным: он должен быть разумным и свободным от серьезных внутренних противоречий.

Последствия. Каковы последствия или эффект от выполнения этой стратегии помимо достижения непосредственно самой ее цели и необходимых для нее операций? Могут ли быть неожиданные последствия, ответные меры и последствия для посторонних? Можно ли ограничить подобные последствия корректируя стратегию? Ценность достижения цели перевешивает цену последствий?

Солидная большая стратегия предельно важна, но ее недостаточно. Любая стратегия состоит из кирпичиков тактических приемов. В следующей главе, «Тактики и цели», я кратко опишу те тактики, которые эффективное сопротивление против убийства нашей планеты могло бы использовать, и оговорю как такое движение может выбирать цели и планировать эффективные акции.

Вопрос: Как я могу принять на себя риск быть схваченным, если это означает, что я больше не увижу моей семьи, любимой/любимого, детей в такие трудные времена?

Деррик Дженсен: Ничто в этой книге не должно сподвигнуть кого-либо на то, к чему он не готов. Более того, ничто, тут написанное, не должно толкать людей на нелегальные действия (признавая конечно, что фактическая невиновность в совершении преступлений не является гарантией отсутствия наказания со стороны власти). Мы уже не раз говорили, что культура сопротивления может проявляться во множестве способов, огромное число дел и мероприятий, в которых ты можешь принимать участие, не несут в себе даже близко такого риска как подпольный активизм. Если ты прежде всего не хочешь быть пойман, то есть множество возможностей для активизма без риска.

Но помни, что, когда репрессии государства сильно ухудшаются, открытая и легальная деятельность не дает гарантий неприкосновенности. Чаще всего в тюрьму бросают публичных деятелей, писателей, организаторов. Люди в подполье, не известные общественности, иногда в большей безопасности.

Однако возможно, что нам нужно развернуть этот вопрос. "Ты готов рискнуть тем, что не останется рыбы в океанах?" Если все будет продолжаться так, как оно идет, то к 2050 году рыбы в океанах не останется. Земноводные вымирают. Перелетные птицы уже вымирают. Планета умирает. Ты хочешь рискнуть этим?

Это не теоретические изыски. Когда промышленность начнет рушиться, я умру. Моя жизнь зависит от высокотехнологичных лекарств. Но есть вещи поважнее моей жизни.

Вопрос: Цивилизация - это единственное, что удерживает жестоких преступников от изнасилований и убийств. Кто защитит мою семью, если цивилизация падет?

Деррик Дженсен: Несколько лет назад я получил письмо от полицейского из Чикаго. Он читал книгу «Эндшпиль» (Endgame) и ему там все понравилось, кроме одного: я слишком жестко критиковал полицию. Он писал: «Наше дело - защита людей от социопатов, и именно этим я и занимаюсь каждый день». Я ответил: «Я считаю, что это классно, что вы защищаете нас от социопатов. Когда дом моей мамы ограбили, первое, что пришло мне в голову, – позвонить копам. Когда мой дом обчистили, я передал дело полиции. Очень хорошо, что Вы защищаете нас от социопатов. Проблема только в одном: вы можете нас защитить только от бедных социопатов, но не можете защитить от богатых социопатов».

После Бхопала (Bhopal) Уоррена Андерсена (Warren Anderson) судили и признали виновным заочно за жестокость в управлении компанией Union Carbide. Его приговорили к повешению. А США отказывают в его экстрадиции. Будь моя воля, все люди, связанные с убийственным разливом нефти в заливе, были бы приговорены. Это стало бы частью работы

государства. Но напротив, одной из важнейших задач правительства является защита богатых социопатов от ярости всех остальных. Кто защищает индийских фермеров от Монсанта? Кто защищает фермеров в США от Cargill и ADM?

Мне удалось принести пользу группе американцев мексиканского происхождения, пытавшихся остановить еще один сброс токсичных отходов в их районе. Токсичные отбросы были, конечно же, откуда-то издалека. Разговор перерос в обсуждение того, каково было бы, если бы полиция и прокуратура поддерживали не диктатуру далеких корпораций, а желания местных общин. Что если бы они законодательно и силой утверждали зоны свободные от рака? Или зоны свободные от изнасилований? Или зоны без сплошной вырубки лесов? А потом все посмеются, т.к. все знают, что такого никогда не будет. А что, если бы общины начали формировать группы самозащиты и ополчения и сказали бы: тут у нас будет зона без рака, без изнасилований, без дамб. Что произошло бы?

Вот именно об этом мы и говорим в этой книге. Мы хотим, чтобы наши населенные пункты были свободным от рака, от изнасилований, от дамб. И нам нужно остановить социопатов причиняющих нам страдания.

При развале гражданского общества, основанного на патриархии, все может стать намного хуже. Посмотрите на Демократическую Республику Конго, где происходили организованные массовые изнасилования. Что делать с этим? Готовиться сейчас. Именно поэтому мы подчеркиваем в этой книге, что у революционеров должен быть хороший характер. Мой друг, занимающийся экологическими исследованиями, говорит, что он этим занимается потому, что все становится все более хаотичным, и чтобы хотя бы какие-то возможности сохранились. Если через 20 лет не станет медведей гризли, то возможно они останутся с нами навсегда. То это же касается и большеголовой форели, и девственных лесов. Если через 20 лет их не станет, то их не станет навсегда. Но если они останутся, то кто знает, что случится через 20 лет... То же самое верно и в отношении отношений людей в социуме: когда все становится очень непредсказуемым, а события непредсказуемыми. Тогда нужно иметь уверенность, что в обществе есть нужные идеи. Именно поэтому мы настаиваем на отсутствии грызни внутри организации, полном неприятии насилия над женщинами, полностью отвергаем расизм. Потому что, когда обрушится гражданское общество, мужчины начнут больше насиловать, а защищать женщин нужно уже сейчас, а не потом.

Есть два похода к этой проблеме. Один из них - это цитата из Андреа Дворкин (Andrea Dworkin): «Молюсь, обращаясь к женщинам XXI столетия: ожесточите сердца свои и научитесь убивать». То есть женщинам нужно научиться самозащите, сформировать организации по самозащите и быть феминистками. Мужчины должны стать вернейшими союзниками женщин. Они должны принять позицию полного неприятия насилия над женщинами.

Тот же принцип верен и в отношении преступлений, основанных на расовых предрассудках. При обрушении экономической системы, те, кому система дала больше прав и вознесла их на вершину, начнут винить всех остальных (возьмем, например, Бостонское чаепитие). Как писал Ницше: "Не бывает ненависти к тому, кого презираешь." До тех пор, пока твои права не попорчены, ты можешь презирать всех, кого эксплуатируешь. Но как только твои права под угрозой, презрение превращается в открытую ненависть и насилие. При обрушении цивилизации мы станем свидетелями возрастания насилия мужского типа. Мы увидим рост насилия против сопротивляющихся, так против всех не белых. Это можно наблюдать уже сегодня.

По не белым мой ответ - учитесь защищаться и формируйте организации по самозащите. А дело белых - стать вернейшими союзниками жертв притеснения со стороны белых.

Было много движений сопротивления, которые формировали организации по самозащите и свою полицию. ИРА выступала в качестве местной полиции, испанские анархисты организовывали собственную полицию в некоторых больших городах, а Gulabi Gang организует женщин для защиты себя и своих районов от полиции и мужского насилия. Нам нужно нечто подобное. Нам нужны организации по самозащите для защиты от агрессии и насилия людей и живых существ. Эти нападения будут продолжаться до тех пор, пока мы их не остановим.

Скажем прямо, цивилизация - нездоровое общество. Цивилизация - это очень конкретная, иерархичная организация, основанная на "власти над". Разрушение цивилизации, снос структуры власти не означают конец общественного порядка. В результате мы получим больше справедливости, больше власти на местах, больше демократии (народовластия), больше прав человека. Не меньше.

Тактика и цели

Арик МакБей

Для меня ненасилие было не нравственным принципом, а стратегией. Нет никакой добродетели в том, чтобы использовать неэффективное оружие.

--- Нельсон Мандела

Дела, не слова!

--- Слоган Политического и Социального Союза Женщин

Вспомните, что все операции, а значит, и тактические приемы, можно разделить на три категории:

Решающие операции, которые являются непосредственным достижением цели.

Поддерживающие операции, которые напрямую помогают и поддерживают тех, кто выполняет решающие операции.

Определяющие операции, которые создают необходимые для успеха условия.

В какую из категорий попадает конкретная тактика, зависит от стратегической цели. Если стратегическая цель – быть самодостаточными, то посадка сада может легко быть решающей операцией, потому что она напрямую реализует намеченное и его часть. Но если стратегическая цель больше, скажем, остановить уничтожение планеты, тогда посадка сада не может считаться решающей операцией, т.к. планету уничтожает не отсутствие садов, а существование убивающей все живое капиталистической индустриальной системы.

Если чья-то стратегическая цель – уничтожить систему, то тактические категории будут это отражать. Единственные решающие акции – те, что напрямую достигают этой цели. Посадка сада – какой бы прекрасной и важной она ни была – не решающая операция. Она может быть определяющей или поддерживающей в свете различных обстоятельств, но нет ни одного аспекта садоводства, который останавливал бы убийство планеты или иерархические, эксплуататорские системы причиняющий этот экоцид (убийство природы). Помните, когда-то мир был полон коренных народов, которые жили экоустойчиво и стабильно. Их экоустойчивость не предотвратила их уничтожение ни одного раза.

А этой главе мы разложим открытые и подпольные тактики на три оперативные группы. В каждом классе операций мы сделаем дальнейшее подразделение тактических приемов по масштабу от отдельных людей, небольших групп до больших по размеру организаций. Эта информация сведена в иллюстрации на следующих страницах (стр-стр). Как правило, любую операцию выполняемую одним человеком может осуществить и большая организация. Поэтому тактика для каждого масштаба включает в себя предыдущую категорию, как русская матрешка.

Каждое движение сопротивления должно вести определенную деятельность: поддерживать бойцов, вести набор новых, образование для широкой публики. Как показано в иллюстрации, эти действия могут быть решающими, поддерживающими или определяющими. И они могут проводиться на различных уровнях. Такие операции как образование, повышение осознанности и пропаганда (показаны в разделе легальной деятельности, в определяющих операциях) могут происходить в очень широком спектре: от отдельного человека до большой организации. Цель образования может меняться в ходе того как за него берутся все более крупные группы, но основная деятельность не меняется.

Иные операции предпринимаются более крупными группами и сетями. Посмотрите в подпольные поддерживающие операции. Для начала, отдельные люди могут использовать пути побега сами. Как только ячейка сформирована, она может сама себе организовать конспиративную квартиру. Как только ячейки формируют сеть, они могут сформировать из имеющихся конспиративных квартир пути побега или даже целую Подземку. Основа управления путей побега и уклонения становится качественно новой деятельностью, когда к ней приступает большая сеть. Подобная динамика касается и вербовки: отдельные люди ограничены вербовкой один на один, а укоренившиеся группы ведут набор и тренировки на организационном уровне.

И, конечно же, некоторые организационные единицы слишком малы, чтобы предпринять некоторые мероприятия, как мы уже обсуждали. Отдельные люди располагают ограниченными вариантами действий в поддерживающих операциях, потому что скрытность требует ограничения контактов с активистами, могущими оказать поддержку. Но как только организация становится достаточно большой, она может предпринять ранее недоступные для нее операции. В публичной деятельности, большие движения могут применять акты уклонения, такие как бойкоты, или могут оккупировать или отбирать землю. Все подпольные сети могут пользоваться развернутостью сетей чтобы координировать широкомасштабные акции или даже партизанскую войну.

В целом, открытая тактика – это тактика которую можно применять публично, иными словами, та, применение которой приносит больше пользы от популяризации движения и сетевого взаимодействия чем вреда от общественного порицания. Подпольные тактические приемы, напротив, те, при выполнении которых требуется скрытность: просто для

выполнения действий или чтобы избежать репрессий. Будет тактический прием подпольным или публичным, зависит от двух факторов: от социального и политического контекста, а также от смелости (дерзости) борцов сопротивления.

Были времена, когда саботаж и уничтожение собственности велось открыто. И наоборот, были времена, когда начальное образование и организация групп сопротивления должны были проходить в подполье, чтобы избежать репрессий и порицания. Это прямо означает, что, когда мы используем термин «подполье», мы не обязательно подразумеваем акты насилия или саботажа: тайный вывоз евреев из нацистской Германии был видом подпольной деятельности, а Подземка была по определению подпольной. Одна из важнейших задач радикалов – проталкивать виды деятельности через эту линию: из подполья в публичную деятельность. Таким образом, все больше людей и все большего размера организации будут опираться на когда-то считавшийся экстремистским тактический прием [1].

Если в открытую бросать вызов законам и правлению элит, то это также ослабляет их способность пользоваться властью. Для примера, Южноафриканское правительство панически боялось, что цветные могли просто перестать слушаться законов режима апартеида. Даже в самом фашистском на свете государстве полиция – лишь небольшая часть населения. Если достаточно большая часть населения перестанет подчиняться законам в своей повседневной жизни, то страна становится неуправляемой и никакой полиции не хватит, чтобы наставить пистолет на каждого и заставить всех делать что положено.

Когда достаточное число серьезных людей соберутся, чтобы вернуть тактику на публичную арену, власть имущие не будут иметь много вариантов действия. Если они будут настаивать, что закон нужно соблюдать, то сторонники сопротивления могут все меньше обращать внимания на все больше законов, как диссиденты начнут воспринимать правительство как в целом нелегитимное – все это зачастую становится форменным кошмаром для правительства. Обычно правительства стремятся сохранить видимость контроля идя на уступки избирательно или изменяя законодательство, потому что другие дороги ведут к гражданским возмущениям, революции или анархии.

Примеры Доктора Мартина Лютера Кинга и Малькольма Икса являются примерами того, как сильное воинственное подполье может усилить эффективность менее воинственной тактики. В своей книге «Чистый огонь: самозащита как активизм в эпоху гражданских прав» Кристофер Б. Стрейн объясняет Мартин Лютер Кинг проталкивал свои идеи используя Малькольма Икса «чтобы показать альтернативу законодательной реформе: хаос .... Кинг обычно презентовал положение вещей как вопрос выбора: «Мы можем разрешить проблему (двуклассового гражданства) сейчас или можем довести кипящее человечество до отчаяния, которое оно пережило, от которого просило избавить и которого надеялось избежать.» Он подсказывал, что если белые лидеры не прислушаются к нему, то миллионы негров пойдут «искать утешения» у Малькольма Икса, указывая на такой ход событий, который неизбежно привел бы к ужасающему расовому кошмару» [2]. Но Стрейн подчеркивает, что Кинг и Малькольм Икс никоим образом не могли считаться врагами. «Несмотря на их расхождения во мнениях, оба признавали, что их варианты деятельности были взаимодополняющими, каждый из которых прикрывал слабости противоположного».

Некоторые полагают, что «злость» Малькольма Икса была неэффективной на фоне более «разумной» и согласительной позиции Кинга. Но это не может быть более далеким от истины. Именно на фоне Малькольма Икса требования Кинга казались исключительно разумными, и работало тут смещение границ, которое в тогдашней ситуации казались неприемлемыми.

Смещение границ не обязательно подразумевает разрушение собственности или насилие. Нарушение законов сегрегации сидением на прилавках столовых, к примеру, сместило границы приемлемого во время борьбы за гражданские права. Второе поколение суфражисток тоже устало просто просить желаемого и начала нарушать закон. В каждом из случаев, активисты старой закалки поначалу относились к этому подозрительно.

Совершенно откровенно: не только воинствующие активисты могут сдвигать границы возможного, даже ненасильственные группы могут и должны выходить за границы возможного вместо подпольщиков – высказываниями и действиями, повсюду и при всякой возможности. Трудно переоценить важность этого для любой большой стратегии сопротивления. Таким образом, и не только таким способом, а многими, открытые и подпольные активисты взаимно поддерживают друг друга и работают сообща.

Решающие операции в публичном активизме

Уничтожение собственности в открытую не всегда имеет решающее значение. Возьмем для примера активистов движения Plowshares, которые врываются в расположение военных и молотками и другими инструментами набрасываются на все от личного оружия солдат до настоящего ядерного оружия, после чего они сидят и ждут персональной ответственности перед законом за свои действия. Нет сомнения, что это требует мужества (чтобы молотить кувалдой по водородной бомбе точно нужен крепкий характер), но эти действия даже не планировались как решающие. Они – прежде всего символические акты; ни намерения, ни последствия от действий не заключаются в причинении сколько-нибудь значимого вреда военному арсеналу. (По всей видимости они могли бы этого добиться при желании: любой, кто располагает средствами для проникновения через охрану военных и, кто может дотянуться руками до реальной боеголовки, по всей видимости может сделать это не раз.)

На самом деле, открытое разрушение собственности как решающая тактика открытого активизма встречается в истории редко. Помните, власть имущие считают свою собственность более ценной чем жизни нижестоящих по отношению к ним людей в рамках цивилизационной иерархии. Если открыто уничтожается большое количество собственности, то они мало колеблются в применении насильственного возмездия. По этой причине ситуации с публичным разрушением собственности зачастую нестабильны. Если власти осуществляют акт возмездия, то движение либо дрогнет, либо переместится в подполье, либо пойдет на эскалацию. Бостонское чаепитие – прекрасный тому пример. После того как чай был выброшен в море в декабре 1773 года, на импорт британского чая был наложен бойкот. В октябре 1774 года корабль Пегги Стюарт был пойман на попытке нарушения бойкота при высадке в Аннаполисе,

Мериленд. Протестующие сожгли корабль до ватерлинии – значительная эскалация по сравнению с предшествовавшим «чаепитием». Через год, обычное уничтожение собственности переросло в вооруженный конфликт и разразилась революционная война.

Рис. 13-1 Открытые операции.

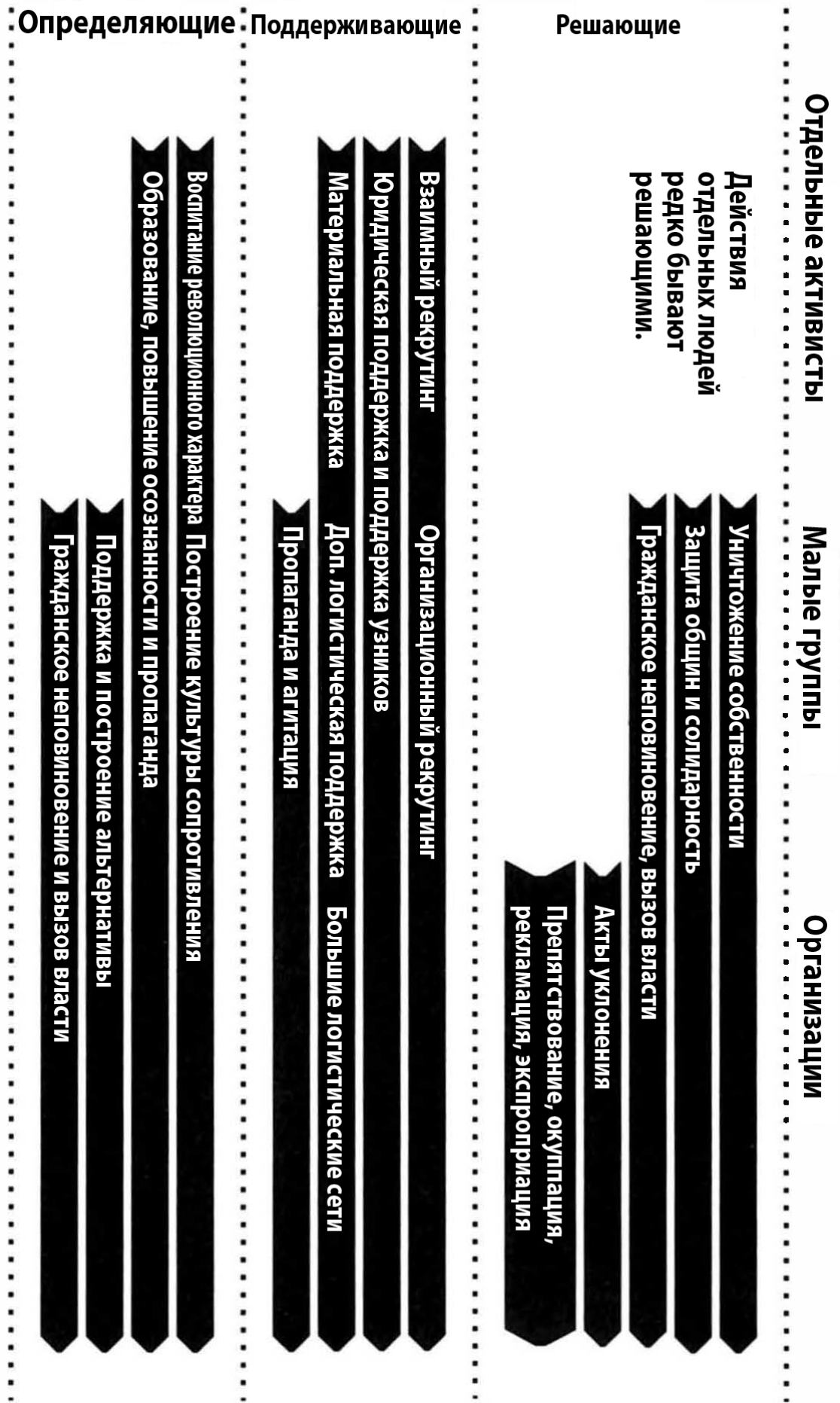
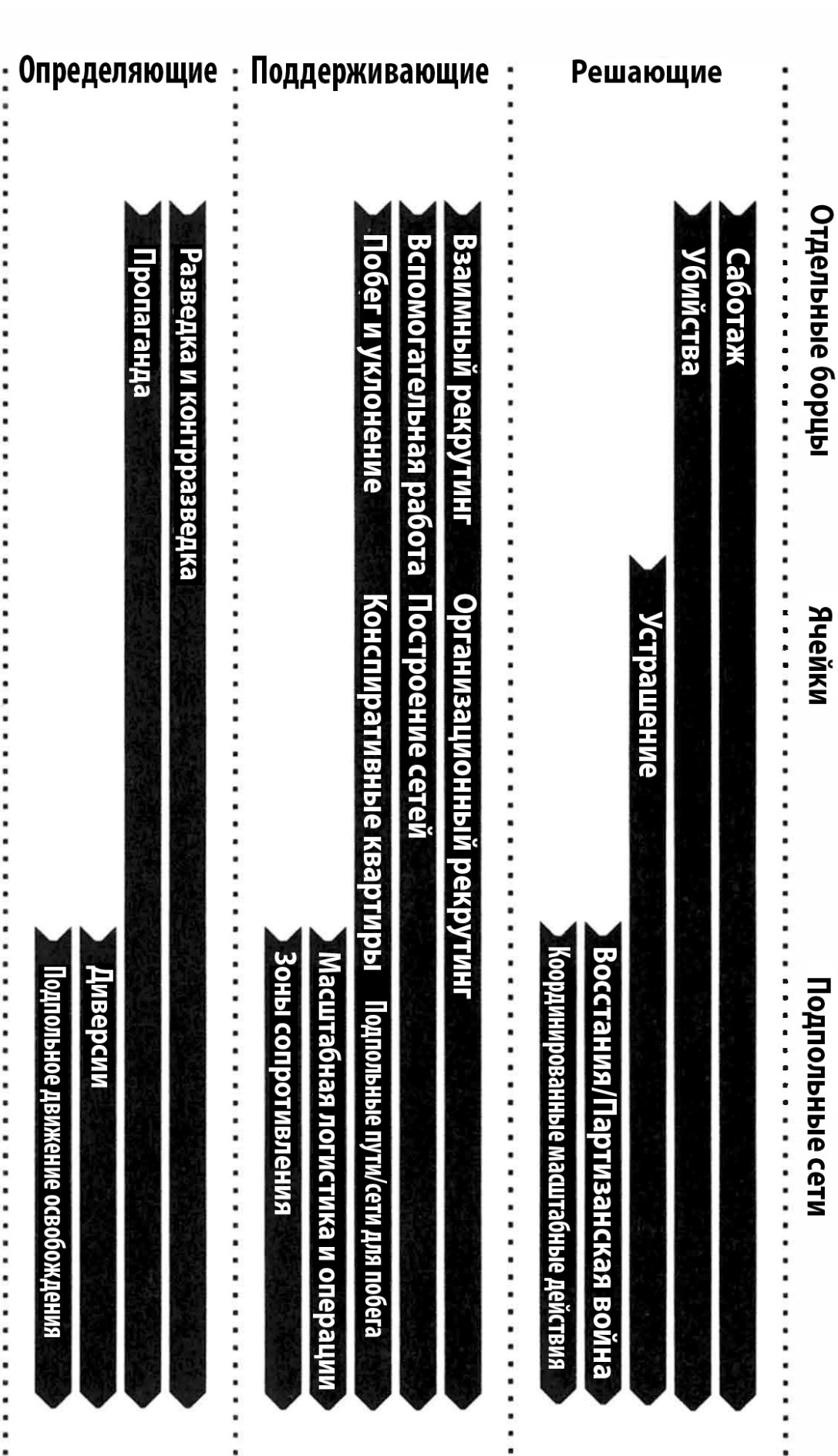

Рис 13-2 Подпольные операции

Традиционной для открытого активизма является тактика актов уклонения.

Уровень потребления отдельного человека не имеет решающего значения, по уже раскрытым нами причинам; а в обществе, зависящем от исчерпаемых ресурсов, нефти, например, добронамеренные усилия по экономии ресурсов лишь высвободят их для тех, кто воспользуется ими с большим ущербом: для военных или корпоративной промышленности. А широкомасштабная экономия могла бы лишь немного снизить наносимый вред и выиграть для нас чуть больше времени, чтобы пустить в ход решающие операции, или, как минимум, когда цивилизация таки падет, оставит нам чуть больше неприкосновенного мира природы.

Экспроприация (присвоение) или возвращение себе земли или ресурсов может быть эффективной решающей акцией, в случае, когда есть в наличии соответствующая численность активистов, адекватная стратегия, а политическая ситуация – подходящая. Движение Безземельных Рабочих Латинской Америки успешно забрало себе «недопользованные» земли. Их значительная численность (около 2 миллионов), проверенная стратегия захвата земли, плюс политическая и юридическая ситуация в Бразилии делают возможной их стратегию.

Многие сообщества (общины) коренных народов по всему миру занимаются прямым захватом ранее принадлежавших им земель, их оккупацией, особенно после долгих юридических процедур, с переменным успехом. Существует достаточно примеров успеха, подсказывающих, прямое возвращение себе земли может иметь успех, особенно в условиях широкой поддержки как со стороны сообщества коренных народов, так и со стороны поселенцев. Специфика конфликтов подобных Канехсатаке и Ока, Озеро Густафсен, Ипперваш, и Раненое Колено (1973) (Kanehsatake and Oka, Caledonia, Gustafsen Lake, Ipperwash, Wounded Knee) слишком разнообразны, чтобы вписаться сюда. Но однозначно ясно, что возвращение себе земли коренными народами становится угрозой самому ключевому аспекту нелегитимности и даже самому существованию колониальных государств, и именно по этой причине власть имущие отвечают на их действия настолько жестоко, и именно потому эта борьба имеет настолько критически важное значение, играет ключевую роль для сопротивления в целом.

ПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ ОТКРЫТЫЕ ОПЕРАЦИИ

Поддерживающие операции оказывают сопротивлению непосредственную поддержку, что означает поиск новых членов среди друзей и знакомых (персональная вербовка) или материальную или моральную поддержку другим группам. Однако персональная работа по привлечению новых членов может быть трудной (хотя легче, если рекрутер имеет сильную мотивацию, харизматичен, хорошо организован, убедителен и т.д.). Группы единомышленников, располагая большей численностью потенциальных кандидатов для дальнейшей фильтрации и тренировки способны очень эффективно привлекать новых членов и вводить их в культуру.

Открытые поддерживающие операции в основном сосредоточены на солидарности, на поддержке, как моральной, так и материальной. Юридическая поддержка и поддержка заключенных – важные способы оказания поддержки прямому действию, равно как и другие виды материальной поддержки, сбор средств и логистическая помощь. Трудностью тут является построение взаимоотношений между людьми, формирующими сеть поддержки и бойцами. Социальные и культурные барьеры могут разделять поддерживающих (скажем, активисты солидарные с поселенцами) и людей на передовой (борцы сопротивления из коренного населения). Бойцы из коренных племен могут утомиться от того, что белые люди постоянно говорят им как лучше защищаться или возможно просто подозрительно относятся к тем, кого не знают или не доверяют.

Пропаганда или агитация в поддержку определенной кампании или борьбы по конкретной проблеме часто являются важными поддерживающими акциями. Борьба за освобождение как в Южной Африке или Палестине получили международную словесную поддержку активистов и поддержку организаторов. Эта пропаганда усилила поддержку таких направлений борьбы (как моральную, так и материальную) и поставила препятствия для репрессий властей против сопротивления.

Организации большего размера могут предпринять такие поддерживающие операции как масштабный сбор средств и набор членов. Большие организации лучше справятся с такими задачами как обучение и привитие культуры сопротивления. Небольшая группа единомышленников имеет свои преимущества, но она может быть замкнутым кругом активистов, культурно – кучкой людей, собравшихся вместе потому, что они верят в одно и то же. Если человек является членом большой сети, то это может означать, что новый член получит более полноценный опыт. Конечно, может происходить и обратное: дисфункциональные группы могут подавлять идеологическое разнообразие. Часто это означает, что в «легитимных» группах душат более радикальные, воинственные или противоречивые убеждения в пользу безобидного, либерального подхода.

Обратная проблема – деление на фракции. Одно дело разрешать внутренний диалог и несогласие, и совсем другое – допускать ожесточенные внутренние конфликты (как Черные Пантеры или СДС). Чем больше организация, тем сложнее сохранять ее единство и беречь ее от расколов (особенно когда агенты COINTELPRO изо всех сил стараются уничтожить любую способность к эффективному действию).

Организации больших размеров способны на более сильные поддерживающие операции (и решающие операции тоже, раз уж об этом речь) чем отдельные люди и малые группы, но они редко применяют эту способность эффективно. Внутренние конфликты ограничивают операции до самого слабого звена: наименьший риск, наименьший уровень внутренних противоречий и наименьший уровень эффективности. Значимые левые и значимые экологические организации дойдут максимум до размахивания плакатами и организации пресс-конференций. Между тем, коренные народы, пытающиеся бороться (зачастую под дулом пистолета) чтобы защитить и вернуть себе свои земли, и их игнорируют, если они действуют вне правительственной программы земельных требований. Большие экологические организации игнорируют людей, сидящих на деревьях (чтобы их не вырубали), даже поклявшихся вести себя ненасильственно, когда полиция или лесорубы приходят их атаковать. Большие организации почти всегда оказываются

неспособны применить свои ресурсы там, где они нужны больше всего. На нравственном уровне это очень прискорбно. На стратегическом уровне – это невероятно тупо. С точки зрения выживания вида и планеты – это самоубийство.

И конечно же, дела не обязательно должны обстоять так. Эффективные движения сопротивления обычно состоят из среза множества различных организаций различных масштабов, выполняющих различные наиболее подходящие каждой из них задачи, а большие организации – важная часть этого всего. История показала, что большие организации способны работать благоразумно и солидарно. Даже если они не выполняют решающие операции сами, большие легальные (открытые) организации предоставляют невероятно большую поддержку.

ОТКРЫТЫЕ ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОПЕРАЦИИ

Большая часть действий открытого сопротивления – определяющие операции того или иного вида. Но многие акции могут быть решающими и поддерживающими в зависимости от контекста. Постройка большого загородного дома из соломенных тюков может считаться определяющей операцией, если дом строится ради постройки дома как такового. Если это здание будет использоваться как тренинговый центр для сопротивления, то такая операция может считаться поддерживающей операцией. Посмотрим на Черных Пантер. Бесплатные завтраки для детей – была акция, совершенно лишенная политического содержания и скорее всего попадала бы в категорию благотворительности или, может быть, взаимопомощи. Как часть большой политической стратегии, агитации и вербовки, программа бесплатных завтраков стала поддерживающей операцией (а также угрозой государству).

Одна из самых важных определяющих операций – построение культуры сопротивления. На индивидуальном уровне, это может означать формирование, культивирование революционного характера, обучение на примере борцов прошлого, и превращение их уроков в привычки ради формирования психологических и аналитических инструментов, необходимых для эффективной деятельности. Построение культуры сопротивления идет рука об руку с образовательной деятельностью, повышением осознанности масс и пропагандой. Оно также выражается во вспомогательной работе и построении альтернатив, особенно конкретных политических и социальных альтернатив нынешней ситуации. Как всегда, любое действие должно быть привязано к большей стратегии сопротивления.

Большая часть организаций уделяют внимание определяющим операциям, но не следят за тем, чтобы они были привязаны к большей стратегии. Они стараются повысить осознанность масс в надежде, что это косвенно приведет к изменениям. Это может быть утонченным шагом, если совершить его намеренно и с умом. Но я думаю, что большинство прогрессивных организаций сторонятся решающих и поддерживающих операций просто потому, что сами не считают себя организациями сопротивления; они ассоциируют себя с властью имущими и с культурой уничтожающей планету. Они продолжают попытки убедить власть имущих, очень просим пожалуйста, измениться, и это не работает, и они все равно не меняют свои тактики. Планета продолжает умирать, люди покидают ряды прогрессистов тысячами, потому что их работа не работает. У нас просто больше нет на это времени. Нам нужна планета способная жить, а на данном этапе, чтобы планета сохранила способность жить, ей нужно движение сопротивления.

Некоторые тактики можно применять из подполья – такие как общие задачи организации борьбы за освобождение и пропаганда – то их намного эффективней выполнять открыто. Там, где свобода слова опасна, такого рода приемы уходят в подполье в соответствии с ситуацией. Африканский Национальный конгресс, в ходе борьбы за права человека, должен был иметь возможность работать открыто, но это было невозможно в условиях репрессий апартеида в Южной Африке.

Также существуют тактики, допустимые только для подпольного применения.

Саботаж и атаки на запасы ресурсов

Атаки на персонал

Угрозы и запугивание

Убийства

Саботаж и атаки на ресурсы – пересекаются между собой. Зачастую, саботаж – более тонкая задача. Например, машины можно повредить таким образом, чтобы это нельзя было принять за саботаж. Атаки на склады материалов скорее всего окажутся более открытыми попытками уничтожения и приведения в непригодность оборудование и ресурсы врага. Так или иначе эти две формы борьбы являются частью одного спектра, где саботаж находится на более стороне более скрытых вариантов действия.

Очевидно, что саботаж способен наносить вред, и что саботаж может быть формой насилия. Но если позволить машине продолжать свою работу, то это может быть еще большей жестокостью, чем сам саботаж. Возьмем для примера дрейфующую сеть. Сколько живых существ погибают от дрейфующей сети, пока она пересекает океан, независимо от того используется ли она для рыбной ловли или нет? Если уничтожить сеть или саботировать лодку, которая способна ее выставить, то можно спасти бесчисленные жизни. Саботирование рыболовецкой сети является однозначно мирным (ненасильственным) актом. Однако, проще говоря, несовершенство саботажа против сети – глубоко насильственный акт. Причем насильственный не только по отношению к отдельно взятым существам, но и насильственный в огромных, экологических масштабах. Дрейфующая сеть – очевидный пример, но мы могли бы привести подобный (хотя не такой краткий и прямой) аргумент в пользу любого промышленного агрегата.

Вы против насилия? Тогда где ваша отмычка?

Саботаж не обязательно является насилием, но последующие несколько категорий подпольной деятельности могут подразумевать насилие со стороны сопротивления. Нападения на персонал, угрозы и запугивание, а также подобные им методы успешно использовались множеством движений сопротивления в прошлом. От убийства офицеров СС для побега из концлагерей до убийства рабовладельцев восставшими рабами и убийства британских мучителей двенадцатью апостолами Майкла Коллинза, избирательное применение насилия было принципиально важно для успеха множества движений сопротивления и освобождения.

Атаки на персонал распространены там, где политически осознанное население живет в условиях открытой военной оккупации. В этих ситуациях часто одетые по форме военные, полиция и правительственные военизированные формирования малоразличимы (как черные и коричневые милиционеры). Насилие должно быть вторичным. Иногда борцы сопротивления пытаются захватить оборудование, документы или разведданные. Насколько много партизан начали с того, что убивали солдат-оккупантов ради оружия? Иногда атака нацелена на то, чтобы вынудить врага увеличить свои гарнизоны или отойти из удаленных районов на более безопасные позиции. Иногда, цель – продемонстрировать силу и способность сопротивления населению и оккупантам. Иногда, цель в том, чтобы действительно уничтожить солдат врага и ослабить силу оккупантов. Иногда солдаты – лишь часовые или охранники, а первичной целью является здание врага или оборудование.

Конечно, чтобы все эти атаки прошли успешно, они должны быть проведены в соответствии с основными правилами асимметричного конфликта и хорошей общей стратегией. Охотясь за оружием по полицейским участкам, ИРА проводили рейды по отдаленным, плохо охраняемым местам. Партизаны любят нападать на места, где есть лишь один-два охранника, а любая атака на эти маленькие объекты ставят оккупанта перед непростым выбором: покинуть аванпост из-за его слабой защищенности или повысить его безопасность, удвоив количество охранников. Любой из вариантов идет на пользу сопротивлению и истощает ресурсы оккупанта.

Несмотря на то, что промышленные конфликты зачастую эффективным является уничтожение ресурсов и нарушение логистики, этого часто недостаточно. Возьмем, например, участие американцев во Вьетнамской войне. Затраты американцев с точки зрения материалов были огромными, стоимость войны в пересчете на современные доллары приближается к 500 миллиардам. Но не затраты на замену вертолетов или заправки конвоев настроили Америку против войны, а нараставший поток мертвых тел, возвращавшихся самолетами домой в гробах.

Между борьбой против оккупации иностранным правительством и борьбой против собственного правительства существует огромная разница. В психологии сопротивления есть нечто, что крепче объединяет людей против внешнего врага. Большинство людей не могут различить граждан своей страны и правительство своей страны, и именно по этой причине можно услышать в новостях фразу типа «Америка выходит из переговоров по охране окружающей среды», когда речь идет о правительстве США. Именно эти психологические механизмы лежали в основе вооруженного сопротивления вьетнамцев против американской оккупации, и лишь маленькая кучка американцев взяла в руки оружие против этого вторжения (некоторые из них были солдатами, ранившими своих офицеров, а некоторые – группами типа Подполья Погоды, которые ушли с их дороги, чтобы не нанести увечья людям, сжигавшим вьетнамских крестьян живьем десятками тысяч). Психология объясняет, почему некоторые из патриотов, боровшихся во Французском сопротивлении позднее пытались бороться с Алжирским сопротивлением. И объясняет, почему большинство немцев не поддерживали идею даже теоретического сопротивления против Гитлера и через 10 лет после окончания войны.

Это не предвещает ничего хорошего для сопротивления в мире меньшинства, где живут богатые и властные. Люди в более бедных странах могут собираться в группы борьбы против иностранных корпораций и колониальных диктаторов, однако жители центра империи бросают вызов структурам власти, которые большинство считает естественными, привычными и даже дружественными. Но эти внутренние институты власти – будь то корпоративные или правительственные – настолько же иностранные, настолько же разрушительные, как армия захватчиков. Они могут находиться в том же географическом регионе где и мы, но они нам настолько же чужды, как зеленые человечки-инопланетяне или роботы.

Запугивание – еще одна тактика, связанная с насилием обычно осуществляемой из подполья. К этому приему прибегает «Гулаби Генг» (также называемая Бандой Розовых Сари) в индийском штате Уттар Прадеш [4]. Ее лидер Сампат Пам Деви называет свою банду «банда за справедливость». Гулаби Генг сформировалась как ответ на глубоко укоренившийся и насильственный патриархат (в особенности его проявления в виде домашнего и сексуального насилия) а также дискриминации на основе касты. Члены банды используют в борьбе за права женщин ряд тактик, то их «вигилантное насилие» (противокриминальное поведение бдительных граждан) получило всемирное внимание. Имея численность в 500 членов, они способны на многое. Они избивали мужчин, практиковавших домашнее насилие. Они прекратили практику детских браков. Банда хлестала полицейских по лицу пока они не подчинялись и соглашались регистрировать преступления против касты неприкасаемых. Они угоняли целые грузовики с едой, предназначавшейся для продажи ради прибыли коррумпированных чиновников. Сотни их членов практикуют самооборону при помощи латхи – традиционной индийской дубинки.

Многие из этих преступлений переступают построенный нами барьер между открытым сопротивлением и подпольем. Когда борьба против систем патриархата состоящих в тесном союзе с правительством и полицией (а это кстати касается практически всех систем патриархата) вынуждает группы женщин использовать насилие или угрозу насилия, то им приходится действовать тайно как минимум иногда. Одновременно с этим, последствия самозащиты должны быть выдающимися и получать широкую огласку. Убийство насильника однозначно снижает его шансы насильничать и избивать и в дальнейшем. Но более широкое влияние окажет угроза насилия против мужчин, против тех, кто только еще может стать насильниками. Эта угроза покажет им возможные последствия поведения. Гулаби Генг настолько популярна и эффективна отчасти потому, что они открыто бросают вызов злоупотреблениям мужской власти, так что последствия как для мужчин, так и для женщин очень значительные. Их открытый вызов власти мужчин получает больше поддержки, чем могло бы, если бы они стали причиной смерти мужчин-насильников в ряде таинственных исчезновений. Черные Пантеры были также популярны, потому что они ежедневно бросали вызов насильственному угнетению со стороны полиции. Открыто нося оружие, они устрашали полицию и других людей (таких как наркоторговцы) и вынуждали их уменьшить злоупотребление властью.

Устрашение власть имущих имеет границы. Самые властные люди больше всего физически изолированы: у них могут быть телохранители и охранные системы дома. В их руках имеется намного более жесткая сила, чем у любого движения сопротивления. По этой причине, исторически, движения сопротивления применяли устрашение к бюрократам низкого уровня и коллаборантам, которые по запросу давали информацию власть имущим, или к тем, кто сотрудничал с ними более ограниченным образом.

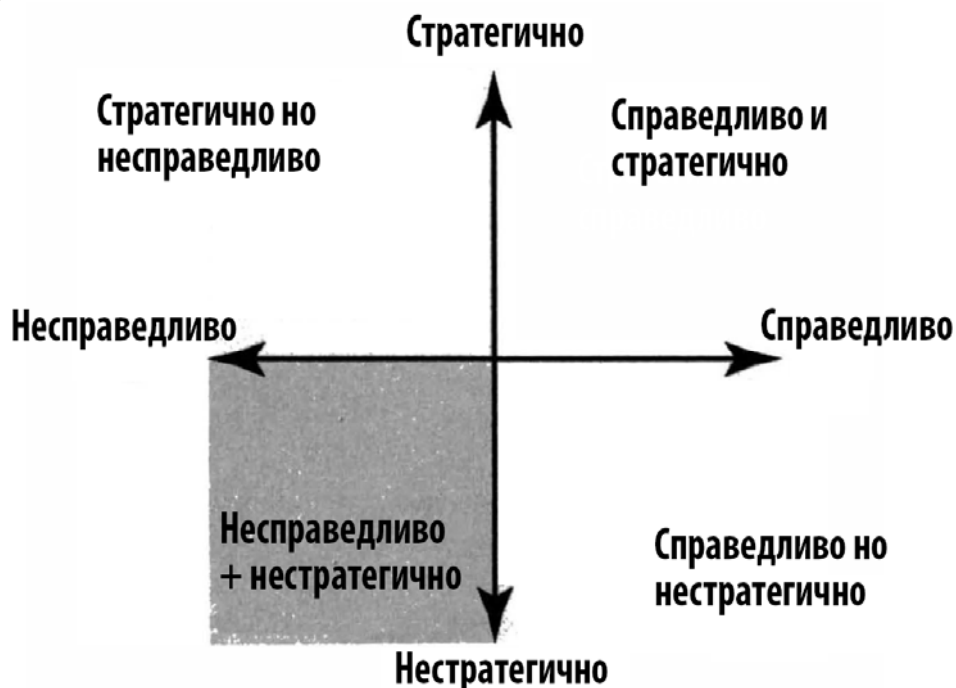
Важно признать различие между запугиванием и терроризмом. Терроризм заключается в насильственных атаках против гражданского населения. Запугивание со стороны сопротивления направлено конкретно против тех, кто ответственен за дела угнетения и эксплуатации, а также против структур власти, чтобы эти люди понимали, что у их действий есть последствия. Причина, по которой люди так злятся, использование насилия (или угрозы насилия), которое идет вверх по пирамиде иерархии. Но сопротивление применяет угрозы для снижения уровня насилия. Такие группы, как Гулаби Генг, избивают мужчин, а не убивают их. Существует разумный уровень эскалации, позволяющий мужчинам прекратить совершать преступления и ясно показывает им последствия дальнейших преступлений. Изнасилования и побои – это терроризм, они – бессмысленные акты насилия против невооруженных гражданских, существующие для угрозы женщинам (и мужчинам), запугивания их до послушания. Устрашение, направленное против насильников, – это тактика, которой можно воспользоваться для прекращения насилия, применяя минимум насилия.

Не существует ни одного движения сопротивления, которое хотело бы обмениваться с властями ударами в бесконечном потоке насилия и возмездия. Однако отказ от адекватного применения насильственных тактик по ситуации, скорее всего, приведет к эскалации насилия. Многие аболиционисты не поддержали Джона Брауна, потому что считали его план оборонительного освобождения слишком насильственным, однако поражение Брауна привело к неизбежно долгой и ужасной Гражданской войне, а также дальнейшим годам кровавого рабства, к последствиям, насилие которых было на несколько порядков выше, чем насилие, заложенное в плане Брауна.

Это ведет нас к последней из значимых подпольных тактик – убийству.

Говоря об убийстве (или о любой атаке против людей вообще) в контексте сопротивления, нужно задавать себе два ключевых вопроса. Во-первых, является ли акт стратегическим, т.е. продвинется ли группа в реализации своей стратегии? Во-вторых, является ли такой акт морально оправданным в отношении конкретного человека? (Проблема справедливости обязательно должна затрагивать цель и предполагается, что большая стратегия нацелена на достижение большей справедливости.)

Как показано в таблице всех возможных комбинаций (см рисунок 13-3), убийство может быть стратегическим и справедливым, стратегическим и несправедливым, нестратегическим и справедливым, или ни стратегическим и ни справедливым.

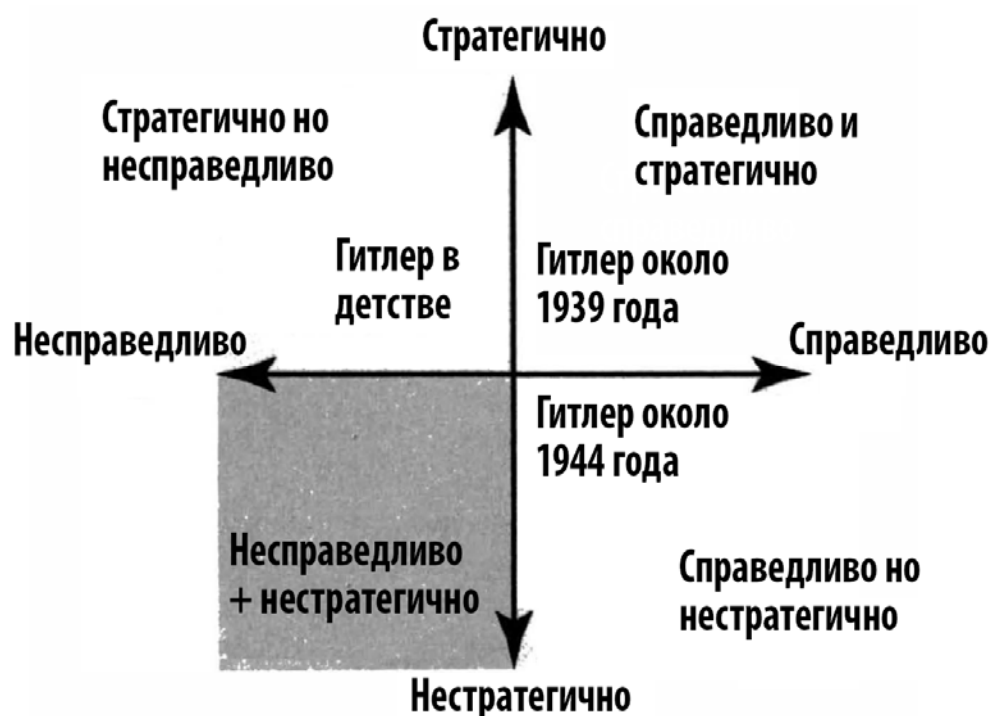

Очевидно, что любые действия из последней категории вообще должны быть исключены. Любое стратегическое и справедливое действие может занять достойное место в планах сопротивления. А вот с двумя другими категориями вопрос посложнее.

Гитлер является примером различных комбинаций стратегичности и справедливости в разные периоды времени. С точки зрения нравственности, очень затруднительно ответить, было ли бы разумно вернувшись в прошлое убить Гитлера еще ребенком, при наличии машины времени. Есть немалые шансы, что это преотвратило бы Вторую мировую и Холокост, что было бы жирной «галочкой» в колонке «стратегично». Проблема – несправедливости, с точки зрения большинства людей, убийства невинного ребенка, которому только еще предстоит совершить преступления, так что прямо-таки справедливым это действие назвать сложно.

Однако, как только Гитлер пришел к власти в конце 1930-х, его цель была ясна, поскольку он уже и до того разжигал ненависть и расширял контроль над нацистской Германией. На тот момент было бы стратегически и

справедливо уничтожить его. На самом деле, некоторые подразделения Вермахта (армии) и Абвера (разведки) рассматривали такой вариант, потому что знали, что намеревался сделать Гитлер. К сожалению, они были нерешительными и не реализовали план. Гитлер вскоре начал вторгаться в соседние страны, и когда его популярность взлетела, план убийства положили в архив. Прошли годы перед тем, как внутренние силы предприняли попытку убийства.

Знаменитое покушение произошло и провалилось 20 июля 1944 года [5]. Что интересно, так это то, что союзники также рассматривали возможность покушения на жизнь Гитлера, которое они назвали «Операция Фоксли». Они знали, что Гитлер часто прогуливался в отдаленных местах, и разработали план, согласно которому два человека, переодетых в немецких офицеров, должны были высадиться с парашютами, а один из них, снайпер, должен был застрелить Гитлера, когда тот проходил мимо. План так и не был задействован из-за внутреннего несогласия. Многие люди в рядах спецслужб и британского правительства полагали, что Гитлер был плохим стратегом, маньяком, переоценивающим свои силы и обрекающим себя на крах. Если бы он был убит, то его заменили бы более компетентным лидером, а это затянуло бы войну и усугубило бы потери союзников. По мнению союзников, убийство Гитлера было безусловно справедливым, но уже не было стратегически благотворным (см. рис. 13-4).

Существует предостаточно ситуаций, когда убийство было бы справедливым, но сомнительно стратегичным. Группы сопротивления, задумывающие убийство, ставят перед собой множество вопросов, пытаясь понять стратегическую ценность своих планов. Насколько ценной является потенциальная цель для врага? Является ли этот человек исключительной личностью или его влияние определяется его ролью в организации? Кто заменит этого человека и не будет ли замена ухудшать ситуацию? Изменит ли убийство что-то в масштабах организации или потенциальная жертва – лишь легко заменяемый винтик в системе? Уникальная ценность отдельных людей делает их уникальными целями для бойцов сопротивления.

Помимо этого, преимущества должны перевешивать затраты или побочные эффекты. Членов сопротивления могут схватить или убить при покушении. Кроме того, убийство вызывает серьезное возмездие, потому что оно является прямой атакой против власти имущих. Когда глава СС Рейнхард Гайдрих («мясник Праги») был убит в 1942, нацисты отомстили убийством более 1000 чехов. В Канаде военное положение (методом Акта про Военные Меры) объявлялось всего три раза: во время Первой мировой, Второй мировой и после убийства Вице-Премьера Квебека Фронтом Освобождения Квебека. Помните, что открытые активисты могут понести на себе тяготы возмездия за убийства, а возмездие может быть разнообразным: от введения военного положения до карательных операций полиции, массовых арестов и даже казней.

Есть важно различие между убийством как идеологической тактикой и как военной тактикой. Как военная тактика, оно применялось бесчисленными снайперами в ходе всех недавних войн. Убийство самым решительным образом ослабляет врага уничтожая людей с ценным опытом, талантами и ослабляя организацию в целом. Убийство как идеологическая тактика – это устранение выдающихся фигур из-за идеологических разногласий, и заканчивается такое быстро и неприятно. Есть мало более эффективных способов создать мучеников и запустить волны насилия ничего принципиального при этом не достигая. Убийство Майкла Коллинза его бывшими союзниками, например, привело лишь к кровавой гражданской войне.

РЕШАЮЩИЕ ОПЕРАЦИИ В ПОДПОЛЬЕ

Люди, работающие в подполье, концентрируются прежде всего на маломасштабных актах саботажа и подрывной деятельности, которые максимально задействуют их навыки и возможности. В ситуации, когда у них нет сетей поддержки, позволяющих укрываться от властей, и, раз они должны действовать по ситуации и пользоваться подвернувшимися возможностями, то в идеале их действия должны быть неуловимыми и восприниматься как несчастные случаи, кроме случаев, когда требуется обратное.

Отдельные саботажники будут действовать более эффективно, если будут находиться в неофициальной координации, когда, например, назначается один день для множества атак. Также полезно, когда отдельные люди ухватившись за возможность вступают в дело в момент, когда власть имущие теряют контроль или отступают, как например девочки-подростки саботировали поезда, перевозившие немецкие танки после высадки союзников, что ослабило реакцию Германии.

Один индивидуальный борец сопротивления, который предпринял попытку поистине решающего действия, Георг Эльзер, плотник немецкого происхождения, с самого начала был противником Гитлера. Когда Гитлер начал войну в 1939 году, Эльзер принял решение убить Гитлера. Он каждый вечер проводил по несколько часов, выскабливая незаметную нишу в пивной, где Гитлер выступал с речью в годовщину неудачного переворота. Эльзер воспользовался знаниями, полученными на часовом заводе, чтобы построить таймер, и заложил бомбу в скрытой нише. Бомба взорвалась вовремя, но по случайности Гитлер покинул пивную раньше и выжил. Когда Эльзера схватили, гестаповцы пытали его, чтобы добыть информацию и отказывались верить, что один человек с начальным образованием мог настолько приблизиться к убийству Гитлера без посторонней помощи. Но Эльзер на самом деле работал в одиночку.

Подпольные сети способны выполнять решающие операции, требующие высокой степени координации, большой численности бойцов и географического охвата. Это имеет критическое значение. Координация в организации большого масштаба – например простой саботаж – может превратиться в потрясающе решающие события. И подпольные саботеры Французского Сопротивления и АНК полагались на простые техники, инструменты домашнего изготовления и «адекватной технологии». Если действовать синхронно, то даже малое количество групп единой сети могут остановить всю экономику.

Разница не просто количественная, а скорее качественная. Хорошо скоординированные действия различных групп коренным образом отличаются от нескоординированных действий тех же групп. Сложные системы реагируют нелинейно. Они могут подстраиваться и сохранять равновесие при небольших ударах, незначительных повреждениях. Но перейдя определенную отметку, нарастающие атаки подрывают всю систему и причиняют всеобщее обрушение системы.

По этой причине координация – самый убедительный аргумент в пользу подпольной сети против более изолированных ячеек. В следующей главе раскроем тему координации действий более детально.

ПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ ОПЕРАЦИИ В ПОДПОЛЬЕ

Поскольку отдельно взятые люди в подполье работают по большому счету в одиночестве, у них есть очень мало вариантов поддерживающих операций. Они могут потенциально завербовать или натренировать других людей чтобы сформировать подпольную ячейку. Или они могут попробовать войти в контакт с другими людьми или группами (как открытыми, так и подпольными), чтобы работать в роли вспомогательного персонала, чтобы стать источником информации из правительства или корпораций. Но создание подобных связей зачастую бросает вызов.

Побег отдельных людей и уклонение также могут быть решающими и поддерживающими операциями, как минимум при работе в малых масштабах. Примеры тому дает нам довоенная история американской борьбы против рабства. Обсуждая восстания рабов историк Дебора Грей Уайт объясняет: «Индивидуальное сопротивление не свергало рабство, но оно возможно мотивировало рабовладельцев на создание более терпимых условий более долгого служения. И все же, для многих афроамериканцев, индивидуальные восстания против власти рабовладельцев выполняли практически ту же самую функцию, что и семья рабов, христианство и народная религия: они создавали физическое пространство дававшее черным возможность выжить.» 6

Историк Джон Майкл Влах наблюдает: «Южные плантации фактически стали тренировочным лагерем для тех, кто больше всего стремился к свободе». Рабы часто убегали на короткие периоды для короткой передышки от принудительной работы, а потом возвращались на плантации, а рабовладельцы часто допускали подобное. Такие побег давали возможность построить лагерь или даже украсть и сложить запасы провизии для другого побега. Иногда рабы использовали свои временные побег как способ побудить владельцев плантаций на лучшее поведение [7]. Так или иначе, эти побег и небольшие кражи помогали построить культуру сопротивления бросая вызов всемогуществу рабовладельцев и давая рабам немного автономии и свободы.

Отдельно взятые люди могут отстаивать свою власть, но вербовка – ключ к проведению поддерживающих подпольных операций. Одна ячейка может собрать или украсть оборудование для самой себя, но она не может принять участие в более масштабных операциях если не сформирует сеть, благодаря вербовке на организационном уровне, обучению новых членов и вспомогательного персонала, а также созданию новых ячеек. Чтобы создать подпольную сеть нужна лишь одна ячейка. Самое трудное – найти первых, самых доверенных товарищей, развить коммуникации и систему связи. Затем можно формировать новые ячейки на основе тех же паттернов, а членов существующей ячейки можно использовать, чтобы вербовать, фильтровать и тренировать новых членов.

Даже несмотря на то, что подпольную группу по определению сложно координировать, подпольная ячейка может предоставить публичным (открытым) активистам помощь в виде поддерживающих операций. Именно подпольная группа «Гражданская Комиссия расследования ФБР» раскрыла суть программы COINTELPRO и дало возможность многим открытым активистам понять и противодействовать скрытым атакам ФБР. А продуманное использование саботажа могло

бы выиграть время, чтобы открытые группы смогли мобилизоваться для конкретной кампании до наступления нежелательных необратимых изменений.

Однозначно существуют кампании, в которых открытые группы не имеют никакого желания получать помощь из подполья, так что в этом случае подполью лучше сфокусировать свои усилия на других проектах. Однако и те, и другие могли бы работать сообща в рамках единой стратегии без прямой координации. Если народная кампания против строительства громадного торгового центра или нежелательного завода потерпит неудачу из-за коррумпированных чиновников, то подпольная группа всегда может перехватить эстафету и замедлить строительство или уничтожить строящийся объект. Иногда люди говорят, что нет никакого смысла саботировать что бы то ни было, потому что власть имущие просто отстроят это все вновь. Но может прийти день, когда власть имущие скажут: «Нет смысла строить, т.к. они все снова сожгут».

Подпольные ячейки также могут держать конспиративную квартиру или несколько для себя и для союзников. Отдельные ячейки не могут построить настоящую Подземку, но даже отдельные конспиративные квартиры имеют высокую ценность на фоне репрессий и преследований. Ключевая проблема с подпольными путями побега и уклонения в том, что беглецам нужно вступать в контакт с подпольщиками и при этом не выдать их властям. Большие, более «формализованные» подпольные сети могут располагать особыми методами и персоналом специально для этой цели, а отдельная ячейка – нет. Если подпольная ячейка работает добросовестно, то лишь ее члены будут знать о существовании конспиративной квартиры, что возлагает бремя установления связи с преследуемыми на них самих.

В истории достаточно часто случались массовые преследования и репрессии, чтобы у нас сегодня было множество примеров уместного применения этих приемов. Широко известно интернирование канадцев японского происхождения во время Второй мировой. Менее известно интернирование (ссылка) сотен левых радикалов и трудовых активистов начиная с 1940 года. Ведущие активисты, ассоциированные с определенными этническими организациями (особенно украинскими), с рабочим движением, и с Коммунистической партией были арестованы, и отправлены в изолированные рабочие лагеря в различных местах по всей Канаде. Немногим удалось укрыться хотя бы временно, а большинство были схвачены и отправлены в лагеря, где некоторые умерли. 8 В подобной ситуации, подпольная ячейка могла бы предоставить укрытие преследуемым публичным активистам на основании рекомендаций и при этом не выдавать себя.

Многие из подобных операций взаимно дополняют друг-друга. Сети сопротивления от SOE до ANC пользовались скрытыми коммуникациями и путями побега, чтобы переправлять своих рекрутов в дружественные регионы для тренировки, а затем инфильтрировали их назад на оккупированную территорию, чтобы они вели там борьбу.

Подпольные сети могут быть достаточно большими, чтобы создать «зоны сопротивления», где они имели бы заметное влияние и развили подпольную инфраструктуру, основанную на культуре сопротивления. Если подпольная сеть достигнет критической массы в определенном регионе, то она может в значительной степени нарушить системы управления и контроля властей, позволить, как открытым, так и подпольным активистам определенный размах действий.

Существует ряд примеров движений сопротивления успешно создавших зоны устойчивого сопротивления. Сапатистас в Мехико имели значительное влияние в Чапас, причем настолько, что они могли размещать уличные знаки. Один типичный знак провозглашал: «Вы находитесь на территории повстанцев Сапатиста». «Здесь командуют люди, а правительство повинуется.» Знаки также предупреждают о незаконности провоза алкоголя и наркотиков и нелегальной продажи леса. «Нет уничтожению природы!». 9 Другие движения сопротивления Латинской Америки, такие как FMLN в Эль Сальвадор и Сандинисты в Никарагуа, создали зоны устойчивого сопротивления в Латинской Америке в конце 20-го столетия. Хамас в Палестине и Хезболла в Ливане тоже установили подобные зоны устойчивого сопротивления на Ближнем Востоке.

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОПЕРАЦИИ ПОДПОЛЬЯ

Ввиду того, что подпольная работа опасна и трудна, эффективные борцы сопротивления прежде всего уделяют внимание решающим и поддерживающим операциям оправдывающие риски. Но все же, подполье может заниматься определяющими операциями.

В эту категорию попадают контрразведка и работа по безопасности. Выискать и устранить информаторов и внедренных агентов – ключевой шаг, позволяющий организации сопротивления расти, и обеспечивающий успех стратегий сопротивления. Ни АНК ни ИРА не могли победить пока не применили к подобным людям адекватные меры.

Подпольные ячейки также могут выполнять особые операции по пропаганде. По уже нами рассмотренным причинам, пропагандой лучше всего заниматься публичным группам, но есть исключения. В условиях особенно репрессивных режимов самые простые операции пропаганды и образования вынужденно выполняются подпольно, чтобы обеспечить шансы на продолжение работы и защиту участников. Подпольные газеты и пиратские радиостанции – показательные примеры такой деятельности. По такому принципу были построены большие сети. В советской России самиздат тайно копировал и распространял нелегальные, не цензурированные тексты. Ожидалось, что человек, получивший копию нелегального издания, скажем «Власть безвластных» Вацлава Гавела, сделает несколько копий и передаст их другим. В те времена в стране, где все копии и печатные станки находились под контролем государства, это часто означало тяжелый труд переписывания книг вручную или на пишущей машинке.

Подпольные группы также возможно захотят выполнять некоторые яркие, показательные «демонстративные» акции, чтобы показать, что подпольно сопротивление возможно и предложить другим повторять за ними использование конкретной тактики или атаки на определенные цели. Демонстративные акции определенно могут быть ценными, но они также могут деградировать до символизма ради символизма. Множество подпольных групп, включая Подполье Погоды, надеялись своими акциями «зажечь огонь революции». Но в целом, особенно когда от «масс» неразумно ожидать присоединения к борьбе, подпольным группам стоит бороться максимально решительными способами.

Выбор целей

Хорошая тактика в применении к плохой цели дает слабый результат.

«Полевое руководство по партизанской борьбе» определяет четыре «важных критерия оценки цели для ее окончательного выбора» [10]. Эти критерии касаются именно тех целей, работу которых нужно нарушить или которые нужно уничтожить, и не обязательно касаются выбора тех целей, по которым нужно собрать разведданные или углубить разведку. Вот эти четыре критерия:

Критичность. Насколько цель важна для врага и его операций? «Цель является критической, когда ее разрушение или нанесение ей повреждений наносит значительный урон способности врага проводить и обеспечивать операции. Такие цели как мосты, туннели, каньоны и горные перевалы имеют критическую важность для линий коммуникации; локомотивы, железнодорожные узлы и склады ГСМ (горюче-смазочных материалов) имеют критическое значение для транспорта. Каждую цель оценивают относительно других элементов поражаемой системы.» Движения сопротивления (и военные тоже), когда выбирают цель, ищут узкие места. И они обязательно стараются мыслить масштабно, а не просто в рамках отдельной цели. Какие цели могут быть поражены или разрушены для нанесения максимального урона всей системе врага? Множественные одновременные атаки с элементом внезапности являются идеальными для движений сопротивления и могут вызвать каскадный отказ систем.

Уязвимость. Насколько трудно поразить цель? «Уязвимость – это чувствительность цели к атакам со стороны сил, находящихся в распоряжении сопротивления. Уязвимость определяется характером поражаемого объекта, т.е. его размером, типом, расположением и составом.» В военной терминологии, «мягкая цель» – относительно легкопоражаемая, а «жесткая цель» – хорошо защищена и укреплена. Мягкой целью может быть чувствительное электронное оборудование, склад легковоспламеняющихся материалов или человек. Жесткой целью может быть дорога, бетонный бункер или расположение военной части. Для поражения жестких целей требуется численность или вооружение. У боевого танка может быть низкая уязвимость против повстанца с коктейлем Молотова, но высокая уязвимость против человека с РПГ.

Доступность. Насколько легко подойти к цели? «Доступность измеряется способностью атакующего проникнуть в зону поражения цели. Изучая доступность цели, учитывают методы обеспечения безопасности вокруг цели, расположение цели и способы проникновения.» Важно четко различать доступность и уязвимость. Борцу сопротивления в оккупированной Франции хорошо охраняемый склад горючего может быть очень уязвимым к поджогу, но не очень доступной. Для сопротивления оккупированной немцами Варшавы, толстая стена варшавского гетто было очень доступной, но не особо уязвимой, если они только не располагали мощной взрывчаткой. Хорошая разведка и рекогносцировка – ключевые факторы для определения и обхода препятствий.

Восстанавливаемость. Насколько много усилий потребуется чтобы заново построить и восстановить цель? «Восстанавливаемость – это способность врага вернуть поврежденный объект к его рабочему состоянию. Факторами тут выступают возможность восстановления поврежденных компонентов объекта.» Уникальное или редкое оборудование, редкие детали или людей с уникальными навыками заменить очень трудно. Цели, состоящие из обыкновенных или массово производимых компонентов, окажутся неэффективными для поражения целями, если смотреть с точки зрения восстанавливаемости. Подорвать восстанавливаемость объектов врага можно хорошим планированием и множественными атаками: саботажники SOE были натренированы наносить урон самым важным частям на каждом из локомотивов. Если они уничтожали одни и те же детали локомотивов, то предотвращали возможность починки за счет взаимозаменяемых деталей.

С этой точки зрения, идеальная цель – высокочувствительна (т.е. ее поражение привело бы к каскадному отказу систем), высокоуязвима, легкодоступна и требующая очень долгой и сложной в починке или замене. Наихудшая цель – цель низкой для деятельности врага важности, укрепленная, недоступная и легкозаменяемая. Заметьте, что такой категории как «символическая значимость» для врага тут нет, потому что писатели руководства не испытывали интереса к символическим целям. Они постоянно подчеркивают, что успешные операции подрывают боевой дух противника и повышают боевой дух сопротивления и их сторонников. Цель – осуществить эффективную решающую операцию зная, что такая операция даст эмоциональные преимущества своей стороне, не браться за операции, которые кажутся эмоционально привлекательными, надеясь, что такой выбор приведет к эффективной акции.

Дополнительный критерий, который мы не обсуждали выше – **разрушительность**. Насколько разрушительным для людей и других живых существ является существование цели? Электростанция, работающая на природном газе может оказаться более ценной с точки зрения вышеописанных критериев, но угольная ТЭС будет более разрушительной и это сделает ее более приоритетной целью с практической и символической точек зрения.

Идеальные цели редки. Скорее всего выбор целей предполагает компромиссы. Более удаленный объект вражеской инфраструктуры может быть более уязвимым, но он может также оказаться более труднодоступным и возможно не таким важным для врага. Большие по размеру, более критичные объекты часто лучше охраняются и менее уязвимы. Решения по целям нужно принимать в контексте большой стратегии, принимая во внимание тактику и возможности организации.

Одна из причин, по которым ELF (Фронт освобождения Земли) имеет ограниченный решающий успех, заключается в том, что его цели имеют низкую критическую ценность и легко восстанавливаются. Новые пригороды однозначно являются преступлениями против экологии, но недостроенные дома не очень важны для власти имущих и относительно легко заменяются. Эффект тут скорее символический, и достаточно сложно обнаружить тот случай, когда в результате действий ELF проект строительства не был реализован, хотя многие их проектов оказались намного более дорогими.

Чаще всего создается впечатление, будто цели сопротивления в Северной Америке выбираются по критерию доступности, а не критичности. Легко подойти к витрине Уолмарта и разбить ее в ночной темноте или уничтожить шикарный магазин по ходу марша протеста. Агрессивные символические атаки действительно привлекают внимание, если главным индикатором для человека является скандал в утренних новостях, то скорее всего поджог МакДональдса позволит достигнуть намеченного. Но решительный удар против системы власти и ее системам поддержки измерить труднее. Если власть имущие умны, они станут приуменьшать нанесенный системе урон, чтобы выставить себя неуязвимыми, но при этом будут истошно кричать о разбитой витрине, чтобы взвинтить общественное мнение. И разве не именно это происходит в новостях? Офис биотехнической компании уничтожен, никто не пострадал, а корпоративные журналисты и эксперты проповедуют это как «насилие» и «терроризм». А если дюжину американских солдат разрывает на куски бомба иракских повстанцев, то пресс-секретарь Белого Дома опять и опять спокойно твердит, будто «Америка» побеждает, а эти случаи – лишь незначительные неудачи.

Черная Освободительная Армия (BLA) – это пример того, как группа выбирает цели в соответствии со своими целями. BLA сформировалась как ответвление (а некоторые скажут, что это было параллельное течение) Партии Черных Пантер. BLA интересовали не символические цели. Их целями были непосредственно те, кто угнетал цветных людей. Историк Ден Бергер пишет: «Программа BLA включала три компонента: месть за насилие полиции против черных; устранение наркотиков и наркоторговцев из черных сообществ; помощь заключённым членам BLA в побеге из тюрьмы». BLA фактически верили, что публичный активизм черных был обречен из-за жестокой тактики в стиле COINTELPRO и из-за того, что Черные Пантеры стали реформистской организацией. Они считали, что «суть реформизма – в беспринципном классовом коллаборационизме с нашим врагом» [12]. Отчасти потому, что они непосредственно на себе пережили жестокие репрессии со стороны государства, они не мешкая убивали белых офицеров полиции, расплачиваясь за нападения на черные сообщества.

ИРА тоже были безжалостны в выборе целей, хотя у них и были значительные ограничения в выборе вариантов атак против оккупантов. К разгару Второй мировой у борцов сопротивления уже был большой выбор объектов для саботажа: железная дорога, линии телеграфа, а дальнейшая индустриализация лишь увеличила число критически важных механических целей, а столетие тому назад Ирландия была почти совсем не механизирована. Именно поэтому Майкл Коллинз корректно указал на британских агентов разведки как на самые критичные и сложнозаменимые из доступных целей. К тому же, его сети шпионов и убийц делали этих агентов, бывших и без того мягкими целями, легкодоступными. Они были идеальным выбором по всем четырем критериям.

Уместно заметить, что эти четыре критерия применимы не только к целям, подлежащим уничтожению. Те же самые критерии используются, чтобы выбрать «болевы точки» для приложения любой политической силы в любой стратегии сопротивления, даже выражено ненасильственной. Эффективные забастовки или акты гражданского неповиновения могут обладать большей политической мощью, чем нарушение работы более критически важных и более уязвимых, причем чем доступней, тем лучше.

Эти критерии выбора целей работают и в обратном направлении. Наши собственные группы сопротивления являются целями для власть имущих, и важно понимать, что наши организации являются потенциальными целями. Лидеров часто атакуют потому, что они имеют ключевое значение для организации. Лидеры менее доступны, но потенциально более уязвимы, если их изолировать от поддерживающей среды. А открытые группы часто лучше справляются с заменой утраченного, потому что в их распоряжении большая целевая аудитория и не такие строгие требования по тренировке. Вспомните вновь и вновь возникавшие волны активистов, готовых быть арестованными в Бирмингеме, Алабама.

Любой связавший свою судьбу с движением сопротивления должен подготовиться к возмездию. Причем возмездие грянет независимо от того, будет ли активист работать открыто или в подполье, будет ли действовать насильственно или ненасильственно. Многие активисты, особенно из привилегированных слоев, наивно полагают, что честная борьба способна каким-то чудом вынудить власть имущих тоже бороться честно. Ничто не может быть так далеко от правды. Как только структура власти чувствует угрозу, она отвечает насилием. Она готова пытаться буддистов и монашек, направлять брандспойты на школьников и убивать невинных гражданских. Краткое погружение в сайт Amnesty International познакомит вас с мирными протестующими по всему миру, которых лишили свободы, пытали или которые пропали без вести за простые действия типа написание писем и мирные демонстрации.

Такова правда, с которой должны примириться привилегированные люди, а не то любое движение рискует расколоться в момент, когда власти надавят на активистов. Подобные акты возмездия происходят не по чьей-то вине: их стоит ожидать. Любое серьезное движение сопротивления должно интеллектуально и эмоционально подготовиться к ответу властной структуры. Когда власть наносит ответный удар, людей арестовывают, содержат под стражей и убивают в огромных количествах. Бросающие вызов власти должны встать лицом к последствиям, а некоторые из последствий будут бесчеловечно жестокими. Чем скорее все это поймут, тем лучше мы научимся с этим справляться.

Итак, после обсуждения того, что делает стратегию хорошей, то, как происходит эффективная организация в группах сопротивления, и какая культура сопротивления должна им помогать, нам пришла пора сделать глубокий вдох. Очень глубокий.

Нынешняя культура уничтожает нашу планету. Она систематически отбирает возможность существования у устойчивых культур коренных народов. Неудержимое глобальное потепление (и другие токсические последствия этой культуры) могут легко привести к миллиардам человеческих смертей, и более того, к фактическому уничтожению способности нашей планеты поддерживать жизнь.

Остается один вопрос: что делать?

Вопрос: Что случилось с теми, кто пытался использовать насилие? Фред Хемптон (Fred Hampton), Лора Вайтхорн (Laura Whitehorn) и Сюзан Розенберг (Susan Rosenberg) – это лишь немногие из тех, кто прибег к силе и в результате погиб, был подставлен или оказался в тюрьме или загнаны в угол. Вы говорите, что у каждого есть роль. Что вы думаете о том, что вы предлагаете другим то, чего сами делать не будете?

Деррик Дженсен: Участвовать в легально или подпольной деятельности это не вопрос большего или меньшего риска. Когда репрессии станут неприкрытыми, именно участники открытого движения будут под ударом властей. Эрих Мюзам (Erich Mühsam) действовал легально. И Кен Саро-вива Ken (Saro-wiwa) тоже. Как и многие писатели. Это наша роль. Наше дело - нацепить себе на грудь здоровенные мишени, чтобы оказать помощь культуре сопротивления. Наша роль - быть на виду. И, конечно же, если ты на виду, то ты не можешь быть и в подполье тоже; между открытой и подпольной организациями и их работой должен быть непроницаемый барьер. Это основа культуры безопасности.

Мы никого не просим делать то, чего они не хотят. Мы вообще не просим никого делать что-либо конкретное. Каждому из нас нужно найти свою собственную роль исходя из своей самостоятельной оценки рисков и имеющихся склонностей и талантов.

Власти будут давить. если мы будем сопротивляться. И неважно будет сопротивление насильственным или ненасильственным. Именно сопротивление несет с собой риск и месть властей. Нашей планете нужно именно сопротивление.

Вопрос: Если мы разрушим цивилизацию, разве это не убьет миллионы городских жителей? Что будет с ними?

Деррик Дженсен: Что бы ты ни делал, твои руки будут по локоть в крови. Если ты принимаешь участие в глобальной экономике, то твои руки по локоть в крови, потому что мировая экономическая система убивает людей и живые существа повсюду. Полмиллиона детей умирают каждый год как прямой результат так называемых "выплат долгов" со стороны не индустриализированных стран развитым странам. 60000 людей в день умирают от загрязнения окружающей среды. А что насчет тех, кого изгоняют с их земель? Много людей уже умирают. Бездействие пред лицом жестокости - это не решение.

Печальная правда заключается в том, что как снижение уровня доступной энергии, так и обрушение биологического разнообразия будут еще более жестокими если доминирующая культура продолжит разрушать основу жизни на этой планете. Некоторые люди скажут, что те, кто предлагает разрушить цивилизацию, по сути предлагают массовый геноцид в громадных масштабах.

Белые медведи и лосось с этим не согласятся. Коренные народы тоже будут не согласны. Люди, которым достанется то, что останется после нашей культуры, тоже не согласятся.

Я не согласен.

Мое определение разрушения цивилизации такое: лишить богатых возможности воровать у бедных, и лишить властных возможности разрушать планету. Никто, кроме капиталистов и социопатов (притворимся будто есть разница), не смог бы возразить этому.

Много лет назад я спросил у Анурадхи Миттала (Anuradha Mittal), бывшего руководителя компании Food First, "Люди в Индии, разве не было бы им лучше, если бы глобальная экономика завтра просто исчезла?" И он сказал: "Конечно, бедные люди по всему миру зажили бы лучше, если бы мировая экономика обвалилась". Сегодня существуют бывшие зерновые сельскохозяйственные предприятия, которые сейчас вынуждены поставлять корм для собак и тюльпаны в Европу. Сельская беднота - жертвы эксплуатации этой системой. Будет ли бы лучше без нее? А что насчет индийских фермеров, которых выгоняют с их земель чтобы вода досталась Кока-Коле? Что насчет людей, кончающих самоубийством из-за Монсанто? Значительная часть людей в мире не имеют доступа к электричеству. Станет ли им хуже после краха? Нет, им станет лучше причем немедленно. Что насчет коренных народов Перу, которые борются с разработкой нефтяных месторождений компанией Hunt Oil на их же земле, которая разрешена из-за соглашений между Перу и США?

Когда кто-то говорит "многие люди умрут" нужно понять, кто именно умрет. Люди по всему миру уже измучены голодом, но по большей части они умирают не из-за голода, а из-за колониализма, потому что у них украли их землю и их экономику. Мы постоянно слышим, что мировые запасы пресной воды истощаются. А воды сколько было столько и осталось, просто 90% используемой людьми воды идет на сельское хозяйство и промышленность. Люди умирают от жажды потому что их воду крадут.

Когда я спросил члена перуанской повстанческой группы MRTA, Тупасамеристас, "Чего вы хотите для народа Перу?" Его ответ был: "Мы хотим лишь возможности самостоятельно выращивать свои продукты питания и распространять их. Мы уже умеем это делать. Нам нужно чтобы нам это дали делать." Вот и все, за что идет борьба.

Верно, что городским жителям будет поначалу тяжело, потому что доминирующая культура, как любая эффективная система насилия, ставит своих жертв в тотальную зависимость от себя. Так поступают насильники, будь-то пьяные избивающие жен или преступники государственного масштаба. Так работают рабовладельцы: они делают своих рабов зависимыми во всем. Одно из умнейших достижений этой культуры - это то, что она стала между нами и нашей самодостаточностью, между нами и источником всей жизни - природой. Итак, мы приходим к убеждению, что обеспечивает нас система, а не реальный мир. Да, поначалу жизнь станет намного сложнее.

Но в долговременной перспективе, городской бедноте будет лучше. Большая часть городской бедноты - это люди, живущие в трущобах стран третьего мира. Это около миллиарда людей. Если тренд продолжится, то эта цифра удвоится за 20 лет. Многие из них - это люди, которых вытеснили с принадлежавшей им долгие поколения земли. Бедняки смогут забрать свои земли, если правительства стран мира больше не смогут поддерживать эксплуататорский колониальный режим.

У меня есть еще один ответ. При падении этой культуры много горя принесут попытки богатых сохранить свой образ жизни. В продолжении коллапса эксплуататоры продолжают эксплуатацию. Не будем винить тех, кто хочет остановить эту эксплуатацию. Давайте сначала остановим эксплуатацию, которая убивает людей.

Авторы этой книги не просто небрежно спрашивают, кто умрет. В как минимум для одного из них ответ: "Я умру". У меня болезнь Крона, и моя жизнь зависит от высокотехнологичных лекарств. Без этих лекарств я умру. Но важна не жизнь одного человека. Выживание планеты важнее жизни любого из нас включая меня.

Поскольку промышленная цивилизация систематически разрушает экологическую инфраструктуру планеты, то чем скорее обрушится цивилизация, тем больше жизни останется после того, чтобы обеспечивать людей и животный мир. Мы можем обеспечить выживание людей во время экологического и экономического кризиса и после него подготавливая людей к жизни в локальных сообществах, а не глобализованном мире. Мы можем сорвать асфальт на парковках, чтобы превратить их в местные сады, пойти обучить людей обнаружению съедобных трав, чтобы люди не голодали, когда в магазинах не станет еды. Мы можем начать формировать народные советы районов для принятия решений, улаживания конфликтов и взаимопомощи.

Решительная Экологическая Война

Арик МакБей

Наступает момент, и работа машины становится настолько омерзительной, настолько тошнотворной, что уже невозможно в этом участвовать, даже пассивно быть частью этого, и просто нужно положить собственное тело на шестерни и колеса, на рычаги, на механизмы, и просто нужно остановить ее!

—*Марио Савио, Движение за свободу речи Беркли*

Чтобы иметь то, что действительно стоит иметь, возможно, нужно потерять все остальное.

—*Бернадет Девлин, ирландский политик и активистка*

Снос: Сценарии обрушения

В текущем моменте истории, попросту не существует хороших краткосрочных перспектив для человечества. Некоторые лучше, некоторые хуже, а некоторые долговременные перспективы очень хороши, но краткосрочных перспектив у нас нет вообще: мы обречены. Я не намерен лгать: время для ободрения и надежд прошло. Единственный способ найти лучший вариант — это обернуться лицом к ужасу текущей ситуации и не отвлекать себя пустыми надеждами.

Общество людей — в особенности из-за цивилизации — отказалось в тупике. Как биологический вид мы сегодня зависим от потребления ограниченных невозполнимых ресурсов: нефти, почвы и воды. Индустриальное сельское хозяйство (и возделывание зерновых культур в годовом цикле до того) пустило нас по порочному кругу роста населения и чрезмерного потребления. Мы уже давно превысили потенциальную ёмкость экологической системы, и порождения цивилизации разрушают эту самую ёмкость прямо на глазах. По большей части в этом вина людей у власти, богатейших, государств и корпораций. Но последствия — и обязательства с ними справляться — ложатся на всех остальных из нас, включая не только людей.

Чисто физически, еще не поздно запустить авральный план снижения рождаемости, чтобы сократить население, урезать потребление горючих ископаемых до нуля, заменить монокультурные поля исконными поликультурными (пермакультура), прекратить безмерную рыбную ловлю и прекратить индустриальное вторжение (и разрушение) в оставшиеся островки дикой природы. Нет ни одной физической причины не сделать все это уже завтра, прекратить шествие глобального потепления, обратить вспять чрезмерное потребление, эрозию, пересыхание водоносных слоев почвы и вернуть к жизни виды и биомы стоящие на пороге исчезновения. Нет ни одной причины, по которой мы не можем собраться все вместе и вести себя по-взрослому, т.е. решать эти проблемы. Это не противоречит законам физики.

Но социально и политически, это лишь несбыточные мечты. Существуют физически воплощенные системы власти, которые делают подобные перемены невозможными до тех пор, пока эти системы неприкосновенны. Власть имущие получают слишком много денег и привилегий за разрушение планеты. Нам не удастся спасти планету или наше собственное выживание как вида без конфликта, без борьбы, без сопротивления.

Что же реалистично? Какие варианты действий нам доступны и каковы последствия? То, что следует ниже — это три примерных описательных сценария: в одном нет существенного и решительного сопротивления, в другом описано ограниченное сопротивление и относительно долгий коллапс, в третьем рассмотрено решительное жесткое сопротивление, которое ведет к падению цивилизации и глобальной индустриальной инфраструктуры.

СОПРОТИВЛЕНИЯ НЕТ

Если существенного сопротивления не будет, то скорее всего экономическая машина сможет проработать еще несколько лет в обычном режиме, хотя кризис может только усиливаться, а недовольство только нарастать. Согласно самым точным данным, спад добычи нефти начнет бить по экономике между 2011 и 2015 годами, приведет к стремительному снижению доступности энергии [1]. Также возможно, что это произойдет еще позже, но усиленные попытки извлечь оставшиеся горючие ископаемые только продлят неизбежное, ухудшат ситуацию глобального потепления и сделают последующее падение еще более резким и болезненным. Как только начнется спад в производстве нефти, растущие затраты и снижающиеся запасы энергии подорвут производство и транспорт, особенно в глобальном масштабе.

Спад в энергетике приведет к беспорядкам из-за экономических факторов и произойдет самоускоряющийся цикл экономического спада. Предприятия не смогут платить работникам, работники не могут покупать, и все больше компаний сократятся или вообще уйдут из бизнеса (и не смогут платить работникам). Будучи неспособными оплатить долги или ипотеку, владельцы компаний, домов и даже целые государства обанкротятся. (Возможно, этот процесс уже начался.) Международная торговля уйдет в крутое пике из-за глобальной депрессии и растущей стоимости производства и транспорта. Хотя возможно, что цена нефти увеличится и это приведет к снижению спроса на нефть, а это в свою

очередь снизит цену. Это иронично, но более низкая цена нефти может ограничить инвестиции в нефтяную инфраструктуру.

Сначала обвал будет напоминать обычный кризис и депрессию. Затем, пострадают бедные, которых больше всего заденет подорожание основных продуктов, электричества и тепла в холодных климатических зонах. Через несколько лет, финансовые ограничения станут физическими; крупное энергоемкое производство станет не только невыгодным, но и невозможным.

Прямым следствием этого станет обвал промышленного земледелия. Будучи зависимым от громадных затрат энергии в виде топлива для тракторов, синтезированных пестицидов и удобрений, ирригации, обогрева теплиц, упаковки и транспорта, глобальное промышленное земледелие натолкнется на жесткие ограничения в производстве (прежде всего по причине конкуренции за энергоносители с другими секторами экономики). Ситуацию ухудшат истощение подземных вод и разрушение поверхностных водоносных слоев, долгая история эрозии почв и начальная стадия климатического сдвига. Вначале кризис экономики и продовольствия по большей части скажется на бедных. Со временем ситуация ухудшится и промышленное земледелие не покроет потребностей растущего населения.

Предвидятся три основных ответа на недостаток еды. В некоторых регионах люди вернутся к выращиванию собственной пищи и создадут местные источники продовольствия. Это будет позитивный знак, но вовлеченность общественности придет с запозданием и будет неадекватной. По большей части, люди не поймут, что кризис окончательный, а не временный, и поэтому люди не захотят выращивать свою еду. Кроме того, массовая урбанизация прошедшего столетия сделает такой переход еще более трудным из-за разорения земель и климатических изменений. При этом, большая часть этносов ведущих устойчивое земледелие будут уничтожены или изгнаны из своих земель — неравенство среди людей в использовании земель помешает людям растить собственную еду (именно это происходит во всем мире). Без хорошо организованного сопротивления реформа земли не произойдет, а изгнанные люди не получат доступа к земле. Как результат, эпидемия голода охватит многие части мира и будет ухудшаться в годы плохих урожаев. Недостаток энергии для промышленного земледелия станет причиной возвращения рабовладельчества и феодализма.

Рабство невозможно в политическом вакууме. Под угрозой энергетического и экологического кризисов, некоторые правительства падут и появятся павшие государства. Военная хунта установится на таких развалинах при полном отсутствии конкуренции. Другие, отчаянно пытаясь сохранить власть несмотря на обнаглевших сепаратистов и массовые волнения прибегнут к авторитарным формам правления. В мире, стремительно тающих и критически важных ресурсов, правительства станут меньше и жестче. Мы увидим возрождение авторитарности в современных формах: технофашизм и корпоративный феодализм. Богатые все больше будут перемещаться в закрытые защищенные анклавы. Их земля не будет выглядеть апокалиптически, экологически они будут как сады Эдема, ухоженные органические сады, чистые частные озера и резервации дикой природы. В некоторых случаях анклавы будут маленькими, в других случаях они будут занимать целые страны.

Между тем, положение бедных будет только ухудшаться. Миллионы беженцев будут перемещаться из-за энергетического и экономического обвалов, но они не будут никому нужны. В некоторых слабых регионах наплыв беженцев перекроет возможности их обслуживания и приведет к локальным кризисам, что, в свою очередь, приведет к еще большему растеканию беженцев от эпицентров обвалов и катастроф. В некоторых регионах беженцев развернут силой оружия. В других, расизм и дискриминация выйдут на первый план как оправдание автократов, чтобы выставить маргиналов и диссидентов в «особые поселения» оставляя больше ресурсов для привилегированных [2]. Отчаянные люди станут единственными кандидатами на грязную ручную работу по поддержанию оставшейся без энергии индустрии. Посему, власть имущие будут считать автономные и устойчивые сообщества угрозой их притоку рабочей силы и будут подавлять и уничтожать их.

Несмотря на все это технический «прогресс» не остановится. Некоторое время он будет продолжаться рывками, хотя человечество будет разделено на все более разнящиеся группы. Те, кто будет внизу, не смогут обеспечить даже самые базовые потребности, а те, кто наверху, будут пытаться жить привилегиями прошлого. Многие достижения технологического прогресса послужат укреплению превосходства властных во все более переполненном и враждебном мире.

Технофашисты разработают и отточат технологии массового контроля (сейчас находятся на ранних этапах разработки): автономные дроны для наблюдения и убийства; СВЧ устройства для контроля толпы; МРТ сканирование мозга, позволяющее надежно определять ложь в 100% случаев, возможно чтение мыслей и пытки. В этом сценарии не будет никакого организованного сопротивления, но с каждым уходящим годом технофашисты будут становиться все более способными на преодоление сопротивления даже в малейших проявлениях. Между тем как время ускользает, время для организации сопротивления быстро исчезает. Технофашисты в начале и до середины XXI столетия получат технологии принуждения и надзора, которые заставят самых жестоких работников Штази и СС выглядеть как жалкие любители. Их способность лишать человека человечности сделает их предшественников святыми по сравнению с ними.

Конечно же, не все правительства прибегнут к этому. Но авторитарные правительства, те, которые продолжают безжалостно эксплуатировать людей, не смотря на любые последствия, будут иметь больше наглости и силы и заберут ресурсы у своих соседей и стран-неудачниц на свое усмотрение. Остановить их будет просто некому. Будет совершенно не важно, насколько экологичным является твое поселение, если ты живешь рядом с вечно жаждущим ресурсов фашистским государством.

В ситуации, когда индустриальные силы все сильнее испытывают жажду по энергии, жалкие остатки экологических и социальных ограничений будут напрочь отброшены. Самое худшее, такие приемы как бурение в открытых морях и в заповедниках дикой природы, взрывы целых горных вершин станут повсеместными. Это будут лишь остатки древних ископаемых-энергоносителей. Бурение продлит жизнь индустриальной цивилизации на месяцы или годы, но вред

окружающей среде будет долговременным и необратимым (что сейчас и происходит с Arctic National Wildlife Refuge). Поскольку в этом нашем сценарии нет никакого существенного сопротивления, этому никто не помешает.

Также будут иметь место инвестиции в возобновляемую энергетику. Хотя они будут запоздалыми и им повредит экономический кризис, банкротства правительств и урезания бюджетов [3]. Более того, передача энергии на большие расстояния окажется недостаточной и ненадежной из-за старения оборудования. Обновление инфраструктуры окажется сложным и дорогим. Следовательно, даже если они и будут созданы, источники возобновляемой энергии произведут лишь малую часть энергии, произведенной благодаря нефти. Этой электроэнергии будет недостаточно чтобы работали трактора, грузовики, другие виды транспорта и подобного рода инфраструктура.

Как следствие, возобновляемая энергия только немного смягчит спад в энергетическом кризисе. В действительности, энергия, заложенная в новую инфраструктуру, вернется только через годы генерации энергии. Массивные реконструкции инфраструктуры только усилят резкое снижение количества энергии доступной для повседневных потребностей. Будет иметь место постоянная борьба за распределение ограниченных энергетических ресурсов в череде кризисов. Будут пайки для предотвращения бунтов, но большая часть энергии (вне зависимости от ее источника) поступит правительству, военным, корпорациям и богатым.

Ограничения по энергии сделают невозможными такие полномасштабные технологические трансформации как введение водородной экономики (которые все равно не решат проблему). Биотопливо станет популярным в некоторых регионах, несмотря на то что оно имеет плохое соотношение затраченной и полученной энергии (EROEI). Показатель EROEI будет несколько лучше в тропических странах, и остаток тропических лесов будет вырублен и распахан под производство биотоплива. (Часто будут просто вырубать леса ради получения топлива из древесины) тяжелая техника станет недоступной для большинства плантаций и трудиться там будут слуги авторитарных правительств и рабы корпоративного феодализма. (Сегодня рабство используется для ручной вырубки лесов и производства древесного угля для сталеварения в Бразилии.) [4]. Последствиями увеличения производства биотоплива будет удорожание продуктов питания, ухудшение ситуации с водой и ирригацией, ухудшение эрозии почв. Так или иначе, производство биотоплива обеспечит лишь малой частью жидких углеводородов доступных на пике цивилизации.

Все вышеперечисленное будет иметь немедленные экологические последствия. Океаны, разоренные возросшим выловом (как компенсация недостатка еды), кислотностью из-за глобального потепления и вымиранием кораллов, будут по большей части мертвы. Экспансия биотоплива разрушит многие из оставшихся диких территорий и биологическое разнообразие обрушится. Тропические леса Амазонки производят влажный климат, который нужен самим этим лесам, через испарение влаги на огромной площади, но заготовка леса и промышленное земледелие урежут испарение и сместят баланс в пользу постоянной засухи. Даже там, где лес не уничтожен, сухости местного климата будет достаточно чтобы его убить. Амазонка превратится в пустыню и другие тропические леса последуют за ней.

Прогнозы разнятся, но почти наверняка добыча и сжигание большей части ископаемого топлива приведет к катастрофическому и самоподдерживающемуся глобальному потеплению. В любом случае, наихудших последствий мы не ощутим еще несколько десятилетий, после того как большая часть горючих ископаемых будет сожжена. К тому времени, у человечества останется очень мало энергии или производственных возможностей чтобы компенсировать парниковый эффект.

К тому же, в момент наступления резких климатических перемен, спасение через экологические вечные поликультуры и высаживание лесов станут невозможными. Жара и засуха превратят леса в источники углерода, когда северные леса будут погибать от жары, вредителей и болезней и затем гореть в континентальных пожарах, исторические возгорания XXI столетия будут казаться нам мелочами [5]. Даже если останутся незатронутые пастбища, они не переживут высоких температур, когда углерод будет буквально выжигаться из плодородных почв.

Ядерные войны за ресурсы также вероятны. Вероятность будет наверняка ниже, чем во времена холодной войны, но восходящие силы, такие как Китай захотят свой кусок в пироге мировых ресурсов. Ядерные державы, такие как Индия и Пакистан будут густо населены и экологически небрежны; смена климата высушит главные реки, ранее питавшиеся ледниками, а сотни миллионов людей в Восточной Азии окажутся в считанных метрах от уровня моря. При недостатке ресурсов чтобы оснастить и мобилизовать механизированную армию или ВВС, отчаявшиеся страны будут воспринимать ядерное оружие, как все более эффективный способ действия.

Если конфликты за ресурсы станут ядерными войнами, то последствия будут жестокими, даже в случае «небольшой» ядерной войны между такими странами как Индия и Пакистан. Даже если каждая страна использует лишь 50 бомб как Хиросима в качестве воздушных взрывов над крупными городами, следствием будет ядерная зима. [6] И хотя смертельные осадки длятся лишь неделю, экологические последствия будут намного более страшными. Пять мегатонн дыма могут затмить небо над всем миром. Перегрев стратосферы разрушит остатки озонового слоя [7]. В противоположность от доминирующего тренда к потеплению, начнется небольшой «ледниковый период» и продлится несколько лет. На протяжении этого периода, температуры в большинстве земледельческих регионов будут постоянно опускаться ниже нуля летом. Массовый голод мгновенно распространится по всему миру.

Но это в случае небольшой войны. Взрывная сила одной сотни равных по мощности Хиросимской бомб соответствует лишь 0,03% мирового арсенала. Если будет использовано большее количество бомб и если будут применены кобальтовые бомбы для создания долговременной радиации и стирания с лица земли жизни, последствия будут хуже [8]. Среди людей будет очень мало выживших. Последствия ядерной зимы будут краткими, но сами бомбардировки и последующие пожары отправят большое количество углерода в атмосферу, убьют растения и нанесет ущерб фитосинтезу. Как результат, когда пепел осядет, глобальное потепление будет еще более жестким и быстрым.

Будет ядерная война или нет, долговременные перспективы мрачные. Глобальное потепление продолжит ухудшаться еще долго после того как будут истощены запасы ископаемого топлива. Для планеты время экологического восстановления составляет миллионы лет, если она вообще восстановится [9]. Как заметил James Lovelock, серьезное событие в плане потепления может толкнуть планету в другое состояние равновесия в намного больших температурах чем нынешние [10]. Возможно, большие растения и животные выживут лишь у полюсов [11]. Также возможно, что вся планета станет по большей части необитаемой для больших растений и животных и ее климат будет напоминать больше климат Венеры или Марса, чем климат Земли.

Для того чтобы все это произошло, нужно лишь, чтобы текущие тренды сохранились и не возникало никакого существенного и результативного сопротивления. Все, что нужно, чтобы зло восторжествовало, это чтобы хорошие люди ничего не делали. Но это будущее не неизбежно.

ОГРАНИЧЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Что если некоторые формы сопротивления будут предприняты? Что если открытое движение сопротивления сотрудничало с немногочисленной подпольной сетью? (Это все равно не будет массовым движением. Это экстраполяция, а не фантазия) Что если такие движения объединились в своей великой стратегии? Участники открытого движения работали бы на построение справедливых и экологически устойчивых сообществ на местах и использовали бы прямое и не прямое действие чтобы обуздать худшие из злоупотреблений власть имущих, уменьшить сжигание горючих ископаемых, боролись бы за общественную и экологическую справедливость. Вместе с тем, участники подпольного движения занимались бы ограниченными атаками на инфраструктуру (часто вкупе с открытыми инициативами), в частности на энергетическую инфраструктуру, с целью снизить потребление горючих ископаемых и интенсивность индустриального производства в целом. Обобщенно, усилия в этом плане будут направлены на избирательные атаки на преднамеренное ускорение коллапса, подобно раскачиванию шатающегося здания.

Если бы реализовался этот сценарий, первые годы прошли бы без значительных изменений. На построение сопротивления и объединение групп в рамках общей стратегии ушло бы время. Более того, цивилизация на пике своей власти окажется слишком сильной чтобы устранить ее лишь частичным сопротивлением. Годы от 2011 до 2015 все еще будут годами пика и началом экономического пика, но в этом случае будут совершены точные точечные атаки на энергетическую инфраструктуру которые ограничат добычу новых горючих ископаемых (с упором на наихудшие приемы типа удаления вершин гор и использование битуминозного песка). Некоторые из этих атак будут проведены существующими группами сопротивления (такими как MEND) а некоторые новыми группами, включая группы в среде богатого и властного меньшинства. Нарастание дефицита нефти совершит атаки на инфраструктуру и на нефтепроводы все более популярными среди групп борцов всех видов. В этот период группы борцов будут организовываться и учиться в теории и на практике.

Это не будут символические атаки. Это будут серьезные атаки, нацеленные на результат, но аккуратно спланированные с учетом времени и рисков, чтобы снизить «сопутствующие потери» среди людей. По большей части, они будут различными формами саботажа. Их целью будет урезать потребление горючих ископаемых в первые несколько лет на 30% и еще больше в последующие годы. Произойдут подобные атаки на энергетическую инфраструктуру типа мощных линий электропередач. И поскольку эти атаки приведут к значительному, но неполному снижению доступной энергии, будут спровоцированы массовые инвестиции в локальные источники возобновляемой энергии (и такие меры как пассивное солнечное отопление, улучшенная теплоизоляция и пр.). Это запустит процесс политической и инфраструктурной децентрализации. Также это приведет к политическим репрессиям и физической жестокости по отношению к членам сопротивления.

Между тем, открытое движение будет ответственно за большую часть экономического беспорядка. Произойдет рост классовой осознанности и организованности. Активисты, борющиеся за права трудящихся и бедных, будут все больше стремиться к самодостаточным коммуна. Активисты, занимающиеся вопросами выживания и еды, будут заниматься людьми, вытолкнутыми из капиталистической системы. Безработные и малоработающие люди, становясь все более многочисленными, начнут организовывать себе пропитание и торговлю вне системы капитализма. Взаимная помощь и взаимный обмен навыками получают широкое распространение. В предыдущем сценарии развитие этих навыков было подавлено недостатком доступа к земле. А в этом сценарии, открытые активисты будут учиться у организаций типа Landless Workers Movement (движение безземельных рабочих) в Латинской Америке. Массовая организованность и оккупаций земель вынудит правительства отдавать неиспользуемую землю в пользование коммун, для садов и кооперативных ферм для обеспечения питания.

Ситуация в большинстве стран третьего мира на самом деле улучшится из-за глобального экономического спада. Меньшинство стран мира не смогут требовать возврата непосильных долгов и «реструктурирования». Также агенты ЦРУ не смогут устанавливать «дружеские» диктатуры. Спад экспортных экономик будет иметь серьезные последствия, это нужно признать. Но такой спад позволит использовать землю не для производства прибыли, а для натурального хозяйства.

Индустриальное земледелие пошатнется и начнет рушиться. Синтетические удобрения станут все более дорогими и их будут очень бережно хранить и использовать, уменьшая их попадание в океаны, что сделает возможным возрождение мертвых зон океанов. Голод спадет благодаря натуральному сельскому хозяйству и переходом от небольших ферм к ручной работе и гужевой тяге, но еда будет более ценной и ее запасы будут малы.

Снижение потребления горючих ископаемых даже на 50% не угасит массовый голод и голодные смерти. Как мы уже обсуждали, огромное количество энергии уходит на незначительные вещи. В США, например, земледелие использует менее 2% энергии, включая как прямое потребление (топливо для техники и электричество для помещений и насосов) и не прямое (синтетические удобрения и пестициды) [12]. Это верно даже несмотря на то, что индустриальное

земледелие само по себе невероятно неэффективно и тратит примерно 10 калорий из горючих ископаемых на каждую полученную калорию в продуктах питания. Потребление энергии отвечает лишь за 20% потребления энергии в США. Оставшаяся доля в структуре потребления приходится на промышленность, коммерческие структуры, транспорт [13]. Большая часть расходования энергии в домах приходится на домашние бытовые приборы, такие как фены, кондиционирование, нагрев неэффективно используемой воды. Энергия, используемая для освещения и отопления сама по себе может очень сильно урезана благодаря таким банальным приемам как установка термостатов и нагрев только тех помещений, в которых люди действительно живут. (Большинство людей даже не пытаются это делать, но во время кризиса они будут это делать намного больше.)

Только малая часть энергии идет на обеспечение базовой инфраструктуры и даже она используется неэффективно. Пятидесятипроцентное снижение в потреблении энергии может быть легко принято с точки зрения выживания (но не с финансовой точки зрения). Стоит помнить, что в Северной Америке 40% продуктов попросту оказываются на свалке. Конечно же, бедность и голод намного более связаны с мощью людей у власти, чем с мощностью, измеряемой в ватах. Даже сегодня, на пике потребления энергии, один миллиард людей голодают. Потому, если некоторые люди окажутся голодными из-за избирательных атак на инфраструктуру, то это будет прямым результатом действий властителей, а не сопротивления.

В действительности, даже если нужно чтобы люди были способны использовать фабрики чтобы строить ветряные генераторы и строить трактора чтобы растить себе пищу на протяжении следующих 50 лет, то урезание потребления нефти и газа должно быть первым в списке приоритетов. Сегодня, большая часть энергии расходуется на пластмассовый мусор, слишком большие дома для богатых, кумулятивные бомбы и на дронов. Единственный способ гарантировать, что останется энергия для важнейшего, для выживания, это не позволить разбазарить то, что осталось. Армия США – это самый большой потребитель нефти в мире. Кто хочет рассказать своим детям через 20 лет, что им нечего есть потому что вся энергия была истрачена на бессмысленные неоколониальные войны?

Вернемся к сценарию. В некоторых регионах, все более опустевающие пригороды (необитаемые в отсутствие дешевого газа) перейдут в другие руки, пустые дома станут фермерскими, общественные центры, клинки будут попросту разобраны и разворованы. Гаражи станут стойлами (большинству людей бензин все равно будет не по карману), а козы будут пастись в парках. Большая часть дорог разрушатся и станут, как прежде, полями и пастбищами. Эти поселения, возвращенные к жизни, не будут высокотехнологичными. Богатые анклавы возможно сохраняют свои солнечные панели, ветрогенераторы, но безработные не смогут позволить себе такие вещи. В некоторых случаях такие коммуны станут относительно автономными. Их уклад жизни и равенство будет разниться в зависимости от людей, которые будут укреплять права человека и социальную справедливость. Людям предстоит активно сопротивляться всякий раз, когда неприятие чужих (ксенофобия) и расизм станут оправданиями для несправедливости и диктатуры.

Атаки на инфраструктуру энергетики станут все более частыми, когда нефти будет становиться все меньше и меньше. В некоторых случаях эти атаки будут иметь политические мотивы, в других случаях они будут нацелены на нелегальное подключение к магистралям нефти и электричества. Эти атаки в начале сделают спад энергии более резким. Они будут иметь значительные экономические последствия, но это также вызовет взрыв рождаемости. Пиковая численность людей на планете будет достигнута раньше. Такой пиковый показатель численности населения будет меньшим в абсолютном выражении (на миллиард, возможно) чем в сценарии без сопротивления. Поскольку резкий коллапс наступит раньше, чем он наступил бы в обратной ситуации (без сопротивления), в мире останется больше нетронутой земли в расчете на жителя и больше людей все еще способных самостоятельно производить пищу благодаря натуральному хозяйству.

Присутствие организованного военизированного сопротивления спровоцирует ответные действия властных кругов. Некоторые будут использовать сопротивление как оправдание усиления собственной власти и установят военное положение или даже неприкрытый фашизм. Некоторые из них воспользуются экономическим и социальным кризисом, растекающимся по планете. Остальным оправдания не потребуются вовсе.

Автократы попытаются захватить власть везде, где смогут, и попытаются сделать это почти в каждой стране. Однако, им мешает открытое и подпольное сопротивление, децентрализация и возникновение автономных коммун. В некоторых странах массовая мобилизация возможно остановит потенциальных диктаторов. В других – возникновение сопротивления расформирует централизованное правление государства и в некоторых регионах создаст региональные конфедерации, а в других будут править военные диктаторы. В самых худших случаях править будут самодержцы. Самое лучшее, это то, что у людей будет подполье, чтобы сопротивляться и ограничивать распространение единовластия, а автократы не смогут в достаточной степени развить технологии контроля, как это описано в первом сценарии.

Из многих регионов (в том числе из городов) все же будут идти потоки беженцев. Снижение выбросов парниковых газов из-за атак на индустриальную инфраструктуру снизит и отложат климатическую катастрофу. Сети автономных общин, ведущих натуральное хозяйство⁶², смогут принять и ассимилировать некоторых из этих людей. Как укорененные растения помогают предотвратить сползание крутых склонов, также волны беженцев растворятся в некоторых регионах и в желающих того коммунах. В других регионах, количества беженцев будут слишком большими, чтобы справиться с ними достаточно эффективно [14].

Развитие производства биотоплива и судьба тропических лесов будут неопределенными. Оставшиеся централизованные государства — хотя они и будут меньше и слабее — все же захотят выжать энергию везде, где получится. Серьезное вооруженное сопротивление – во многих случаях восстания и партизанская война – потребуются,

---

⁶² Т.е. хозяйство, покрывающее лишь необходимые потребности, не ведущее для получения прибыли.

чтобы предотвратить превращение индустриалистами целых тропических лесов в плантации или предотвратить добычу угля любой ценой. В этом сценарии, сопротивление будет ограниченным, и остается неясным насколько боеготовым оно будет.

Это означает, что долговременные последствия парникового эффекта будут слабо предсказуемыми. Сжигание горючих ископаемых нужно будет ужимать до абсолютного минимума, чтобы предотвратить бесконтрольное потепление. Это может оказаться очень трудным делом.

Но если неудержимого потепления можно избежать, многие регионы быстро восстановятся. Возврат к устойчивому поликультурному земледелию реализованный автономными коммунами позволит обратить вспять парниковый эффект. Океаны быстро восстановят свой облик при уменьшении и Уменьшение промышленной рыбной ловли и конец синтетических удобрений помогут океанам улучшить состояние в множестве мертвых на сегодняшний день зонах.

Вероятность ядерной войны будет намного ниже чем в сценарии без сопротивления. Волны беженцев в Южной Азии будут меньше. Общий уровень потребления ресурсов будет меньше, поэтому войны за ресурсы могут возникнуть с меньшей вероятностью. А милитаристские державы будут в меньшем количестве и слабее. Ядерная война, хотя она все же может случиться, может быть намного менее значительной.

Этот сценарий может нравиться по множеству причин. Но в нем есть также и проблемы: как с его реализацией, так и с реалистичностью. Одна из проблем – это интеграция открытых организаций и подпольных. Большая часть открытых организаций сегодня против любого рода ополчения. Это может подорвать возможность стратегического сотрудничества между подпольными борцами и легальными группами активистов, которая могла бы мобилизовать людей в большой численности. (Это также обречет наши легальные группы на неудачу, как это уже показывает их опыт.)

Также нужно поставить под сомнение ту степень, в которой описанное здесь сокращение потребления горючих ископаемых поможет избежать глобального потепления. Если ускоряющееся потепление таки начнется, то любые благие действия и намерения открытых активистов будут стерты. Обратная проблема – это то, что более резкий спад потребления горючих ископаемых может сильно увеличить смерти и лишения среди людей. Также, возможно, что широкая мобилизация большого количества людей для ведения натурального земледелия и животноводства нереалистична. К моменту, когда большинство людей будут готовы на этот шаг, может быть уже слишком поздно.

Так что, в то время как в некоторых отношениях этот сценарий представляет собой идеальный компромисс, ситуацию выигрышную и для человечества, и для планеты, он может оказаться проигрышным для всех сторон без серьезных и своевременных мер. Что приводит нас к последнему сценарию, где решительное сопротивление и массовые атаки на инфраструктуру нацелены на максимально вероятное сохранение нашей планеты в обитаемом состоянии.

РЕШИТЕЛЬНЫЕ АТАКИ НА ИНФРАСТРУКТУРУ

В этом, финальном, сценарии, вооруженное сопротивление будет иметь только одну первичную цель: снизить потребление горючих ископаемых (а значит, и экологический вред) настолько быстро, насколько это возможно. Снижение на 90% будет ориентировочной целью. Для атакующих в этом сценарии последствия для цивилизованных людей будут иметь вторичную значимость.

Вот, вкратце, их логическое обоснование: люди все равно не сделают ничего, чтобы предотвратить катастрофу планетарного масштаба. Бедные слишком заняты своими первичными нуждами, богатые наслаждаются своими преимуществами, а средний класс (богатые люди, в восприятии обычных людей) слишком заняты своими регалиями и технологическим спектаклем, чтобы что-то делать. Риск ускоряющегося глобального потепления уже навис над нами. Резкое падение численности населения неизбежно и, если обвал случится раньше, умрет меньше людей.

Подумайте об этом вот как: мы знаем, что, как представителей одного вида, нас слишком много. Это означает, что значительная часть людей должны умереть перед тем, как мы вернемся к количественной норме в рамках емкости экосистемы. Это неравенство растет изо дня в день. Каждый день, емкость экологической системы снижается на сотни тысяч, а население растет каждый день на более чем 200 тысяч [15]. Люди, становящиеся частью избыточной популяции, – это ненужные, бессмысленные смерти. Откладывание коллапса – это, как они считают, массовое убийство.

Кроме того, утверждают они, люди – это лишь один вид из миллионов. Убийство миллионов видов ради одного – безумие, так же как убийство миллионов людей ради одного человека было бы безумием. И, поскольку экологический коллапс все равно уничтожит людей, эти виды погибнут бессмысленно, а планете потребуются миллионы лет на восстановление. Посему, те из нас, кто заботится о будущем планеты, должны разрушить энергетическую инфраструктуру индустрии как можно скорее. И нам всем предстоит справиться с социальными последствиями лучшими из доступных средств. Кроме того, резкий спад в конце концов окажется хорошим для людей, даже если некоторая часть человечества умрет, потому что, хотя бы некоторые люди выживут. И, нужно помнить, что больше всего разрушение системы нужно сельским жителям, а сельская беднота – это большая часть населения планеты. Чем быстрее активисты разнесут на части индустриальную цивилизацию, тем лучшие перспективы ожидают этих людей и их земли. Так или иначе, без незамедлительных решительных действий умрут все.

В этом сценарии хорошо организованные подпольные бойцы сопротивления произведут координированные атаки на энергетическую инфраструктуру по всему миру. Эти атаки примут любые тактические формы, на которые будут способны активисты: действия против нефтепроводов, линий электропередач, танкеров, нефтеперерабатывающих заводов, возможно они используют электромагнитные импульсы(EMP)чтобы нанести вред. В отличие от предыдущего сценария, не будет попытки согласования действий с открытыми и легальными активистами. Атаки будут настолько упорными, насколько борцы могут их совершать. Потребление горючих ископаемых упадет до 10%. Выбросы парниковых газов резко упадут.

Индустриальная экономика развалится. Производство и транспорт остановятся из-за частых отключений энергии и чрезвычайно высоких цен на топливо. Некоторые, возможно большинство, правительств установят военное положение и пайки (нормирование еды). Авторитарные правительства будут особенно сильно атакованы вооруженным сопротивлением. Другие государства попросту не справятся со своими функциями и распадутся.

Теоретически, при снижении доступности горючих ископаемых на 90% останется достаточно энергии для таких действий, как выращивание урожаев, обогрев жилищ и приготовление пищи. Правительства и гражданские организации попытаются произвести резкий перевод населения на самообеспечение питанием, а военные и самые богатые могут все же попытаться высосать практически все оставшиеся запасы энергии. В некоторых местах им это удастся и наступит массовый голод. В других регионах люди отвергнут власть правителей. Большинство ныне существующих больших учреждений и организаций попросту исчезнут, и борьба за права человека и за уровень жизни ляжет на людей на местах, если они не хотят сдаться на милость тиранам. Вырастет смертность, но как мы видели в примерах с Кубой и Россией, общественный порядок может сохраняться несмотря на значительные трудности.

Ход последующих событий зависит от нескольких факторов. Если атаки будут характеризоваться постоянным напором и добыча нефти останется низкой на протяжении долгого периода, индустриальная цивилизация вряд ли сможет реорганизоваться. Хорошо охраняемые индустриальные анклавы останутся и будут доставлять энергоносители под охраной. Если военное положение (комендантский час) удачно остановят атаки после первых волн (чего не удалось сделать, например, в Нигерии), последствия будут неопределенными. В XX столетии индустриальным обществам удавалось восстановиться после катастроф, как Европе удалось это сделать после Второй мировой войны. Но тут будет иная ситуация. Для большинства регионов, не будет никакой внешней помощи. Нации больше не смогут обеспечивать чрезмерный рост населения, ныне скрываемый энергией горючих ископаемых. Это не означает, что последствия будут везде одинаковыми. Легче всего будет справиться сельскому населению и обществам с традиционным укладом жизни.

В большинстве регионов реорганизация энергоемкой индустриальной цивилизации будет невозможной. Даже там, где политическая власть останется, потребление упадет. Власть имущие не смогут распространить свою власть на большие расстояния и в основном ограничат свою деятельность на ближайшие к ним окрестности. Это означает, что, например, тропические плантации биотоплива окажутся неосуществимы. То же верно в отношении битуминозных песчаников и открытой добычи полезных ископаемых с удалением вершин гор. Сооружение новых инфраструктур будет попросту невозможным.

И хотя людское население уменьшится, ситуация будет благоприятной для почти всех остальных видов. Океаны и дикие зоны быстро восстановятся. Благодаря снижений выбросов парниковых газов до микроскопических по сравнению с прежними уровнями, наверняка удастся предотвратить безудержное глобальное потепление. По сути, восстанавливающиеся леса будут фиксировать углерод, помогая сохранять пригодный для жизни климат.

Ядерная война будет маловероятной. Снижение населенности и индустриализации снизит конкуренцию между оставшимися государствами. Ограничения в ресурсах будут по сути своей логистическими, так что эскалация войн за ресурсы и соответствующие территории будут бессмысленны.

В этом сценарии также есть свои недостатки с точки зрения воплощения и реалистичности. Такой сценарий гарантирует выживание планеты и людей. Он гарантирует спасение миллиардов живых существ. Да, он создает большие трудности для бедных и для богатых в городах, хотя большинство сразу окажется в выгодном положении. Было бы преуменьшением назвать такой сценарий непопулярным. Хотя борцы указали бы в этом сценарии на меньшее количество смертей чем в случае с неконтролируемым потеплением и с текущим ходом событий.

Также будет вопрос реалистичности такого сценария. Могут ли достаточное количество замотивированных борцов воплотить этот сценарий? Несомненно, второй сценарий покажется многим намного более привлекательным и реалистичным.

Кончено же, существует множество вариантов развития событий в будущем, которые мы могли бы описать. Мы опишем еще один возможный вариант: сочетание предыдущих двух, где движение сопротивления берется за реализацию стратегии DEW (решительной экологической войны).

СТРАТЕГИЯ РЕШИТЕЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Цели

Конечная цель основного движения сопротивления – это просто спасение планеты. И не просто спасение жизни вообще, а спасение планеты, которая восстанавливается, оживает и обретает биологическое разнообразие из года в год. Планета, на которой люди живут в справедливых и устойчивых сообществах без эксплуатации друг друга и злоупотребления природой.

Принимая во внимание нынешнее угрожающее состояние дел, это становится нашей наиважнейшей белью на ближайшее время, и эта цель является сердцем великой стратегии этого движения:

Цель №1: Нарушить работу индустриальной цивилизации и разрушить ее. Таким образом, устранить возможность разрушения планеты и эксплуатации бедных богатыми.

Вторая цель этого движения зависит от первой и помогает ей:

Цель №2: Защитить и заново построить справедливые, устойчивые и автономные сообщества, и как часть этого, способствовать восстановлению земли.

Достижение этих целей требует несколько широких стратегий, включающих большое количество людей во множестве различных организаций – как открытых, так и подпольных. Важнейшие стратегии, требуемые для этого теоретического сценария, следующие:

Стратегия А: Вступать в прямые активные действия против индустриальной инфраструктуры, в особенности против энергетической инфраструктуры.

Стратегия В: Помогать и принимать непосредственное участие в текущих движениях за социальную и экологическую справедливость, способствовать установлению равенства и подрывать эксплуатацию со стороны властвующих.

Стратегия С: Защищать землю и предотвращать экспансию промышленной вырубке леса, добычи ископаемых, строительства и т.д. таким образом, чтобы как можно больше нетронутой земли и видов живых существ сохранились, когда цивилизация падет.

Стратегия D: Построить и мобилизовать организации сопротивления, которые будут поддерживать вышеперечисленные виды деятельности, включая централизованные: тренировку, вербовку, привлечение новых членов, логистическую поддержку и т.д.

Стратегия Е: Вновь построить базу для выживания сообществ людей (включая вечные поликультуры для обеспечения едой) и локальные демократические сообщества, которые поддерживают права человека.

В описании этого альтернативного сценария будущего, нам стоит четко определить понятие «атака против индустриальной инфраструктуры». Не все объекты инфраструктуры одинаковы и не все действия имеют равный приоритет, эффективность, не все одинаково морально приемлемы для движений сопротивления в этом сценарии. Как Деррик писал в Endgame, «невозможно найти моральное оправдание, чтобы взорвать детскую больницу». С другой стороны, невозможно оправдать снос базовых станций сотовой связи. Некоторые объекты инфраструктуры легко уничтожить, другие труднее, другие еще труднее.

К тому же, есть много разных механизмов, ведущих к коллапсу, и они не все равнозначны и желательны. В сценарии Решительной Экологической Войны, некоторые механизмы преднамеренно ускоряются, в то время как другие замедляются и снижаются. Например, спад энергии благодаря снижению потребления горючих ископаемых – это механизм обвала крайне благотворный для планеты и для людей (особенно в краткосрочной и долгосрочной перспективах). Этот механизм поощряется. С другой стороны, экологический кризис через разрушение условий обитания и биологического разнообразия также является механизмом обвала, и, хотя он затронет людей позднее, этот вид обрушения замедляется и останавливается при всякой возможности.

Обрушение, в самом широком понимании слова, – это резкая утрата сложности [16] Это переход к меньшим и децентрализованным структурам: социальным, политическим, экономическим, с меньшими расслоением, зарегулированностью, контролем поведения, регламентированием и т.д. [17]. Самые значимые механизмы обрушения включают в себя следующие варианты (список не ранжирован):

Снижение уровня доступной энергии на душу населения в ходе энергетического кризиса и роста населения.

Крушение системы мировой экономики из-за повышения стоимости производства и перевозки, экономического спада.

Обвал глобального корпоративного капитализма истощает возможность поддерживать рост и базовые функции.

Смена климата становится причиной экологической катастрофы, развала земледелия, голода, болезней и т.д.

Экологический коллапс из-за различного вида добычи ресурсов, разрушения ареалов обитания, нарушения биосистем и смены климата.

Болезни, включая эпидемии, пандемии из-за плотного заселения и бедности, повышения устойчивости бактерий к антибиотикам.

Нехватка продуктов питания из-за перемещения фермеров ведущих натуральное хозяйство и разрушения местных систем обеспечения питанием, борьбы за земли и урожай между промышленными фермами и производителями биотоплива, бедности и физических ограничений производства еды из-за истощения ресурсов.

Истощение ресурсов, на фоне растущего потребления и ограниченных запасов воды, почвы, нефти.

Наступает политический кризис, сепаратисты осуществляют развал крупных государств на более мелкие, некоторые государства прекращают существовать или терпят финансовый крах.

Социальный коллапс при нехватке ресурсов и сильных политических возмущениях, искусственные группы разваливаются на более мелкие группы по самоидентификации (иногда по классу, по этническим признакам или региональной принадлежности), часто при конкуренции между группами.

Войны и вооруженные конфликты, особенно войны за оставшиеся ограниченные ресурсы и внутренние конфликты между военачальниками и конкурирующими силами.

Преступность и эксплуатация, вызванные бедностью и неравенством, особенно в густонаселенных городских зонах.

Перемещения беженцев из-за непредсказуемых катастроф типа землетрясений, ураганов, ухудшенные сменой климата, нехваткой еды и т.д.

В этом сценарии, каждый негативный аспект коллапса имеет взаимный тренд, к которому стремится движение сопротивления. Обрушение больших авторитарных политических структур имеет противоположный тренд возникновения малых политических структур прямого участия. Падение глобального индустриального капитализма имеет обратный тренд возникновения локальных систем обмена, кооперации и взаимопомощи. И так далее. В целом, в

этом альтернативном будущем малое количество людей из подполья сносят большие и плохие структуры, а большое количество людей открыто культивируют хорошие маленькие структуры.

В своей книге «Падение сложных обществ» (The Collapse of Complex Societies, Joseph Tainter) Джозеф Тейнтер утверждает, что важнейший фактор падения обществ связано со сложностью общества. Сложность – это обобщенное понятие, которое включает в себя количество различных профессиональных ролей в обществе (т.е. не просто лекарь а эпидемиолог, хирург-травматолог, геронтолог...), размер и сложность политических структур (не просто народные собрания, а широкие и разрастающиеся бюрократические аппараты), широта и сложность номенклатуры производимых изделий и технологий (т.н. не просто копья, а много разных калибров и типов пуль) и т.д. Цивилизации пытаются воспользоваться сложностью, чтобы решить проблемы, но в результате их сложность со временем вырастает.

Но сложность имеет свою цену. Падение цивилизации начинается тогда, когда стоимость такой сложности превышает преимущества или, другими словами, когда повышенная сложность больше не дает возврата по инвестициям в нее. В этот момент, отдельные люди, семьи, сообщества и политические и социальные субъекты не заинтересованы в участии в их цивилизации. Сложность увеличивается, да, но она становится все более дорогой. В конце концов раздутые расходы вынуждают цивилизацию обрушиться, а люди вынуждены вернуться к меньшим и более локальным способам организации политических и общественных усилий.

Саботаж может перевесить производство. Часть работы движения сопротивления заключается в повышении стоимости и снижении возвратов от сложности на уровне всей системы. Это не требует мгновенного краха или глобальных драматических мероприятий. Даже маленькие действия могут увеличивать стоимость сложности и усиливать хорошие аспекты кризиса при этом сдерживая плохие аспекты.

Часть идеи Тейнтера заключается в том, что современное общество не развалится так, как это было в прошлом, потому что сложность (возьмем для примера масштабное промышленное возделывание земли и добычу нефти) стала основой жизни людей, а не просто побочным преимуществом. История многих обществ завершилась, когда люди вернулись в деревни в менее сложной жизни. Они сами выбрали это. Современные люди в массе своей так не поступят, частично потому, что многих деревень не стало, а традиционный уклад жизни утерян в поколениях и недоступен напрямую. Это означает, что люди в современной цивилизации слепы, и многие продолжают бороться за индустриальную цивилизацию, даже когда ее продолжение очевидно контрпродуктивно. В рамках сценария решительной экологической войны, легальные активисты облегчают эту сторону событий разрабатывая альтернативы, которые облегчат давление и помогут людям осознанно покинуть пути индустриального капитализма по своей воле.

В концепции затяжной народной войны, использовавшейся в Китае и Вьетнаме есть нечто восхитительное. Это элегантная идея, если войну вообще можно описывать такими словами, ключевая идея которой гибка и применима даже пред лицом значимых неудач и поворотов судьбы.

Но затяжная народная война как таковая не относится к обсуждаемым нами сценариям будущего. Люди в наших сценариях никогда не объединятся в таких количествах, которые требуются для затяжной народной войны. Но они также встретятся с другого вида врагом, к которому применимы другие стратегии. Поэтому, борцы возьмут за основу идею затяжной народной войны и применят ее к своей ситуации, т.е. к необходимости спасти свою планету, уничтожить индустриальную цивилизацию и предотвратить ее возрождение. Они разработают новую общую стратегию на основе простой последовательности шагов, которые сформируют логическую цепочку.

В этом альтернативном сценарии будущего, решительная экологическая война будет иметь четыре этапа, которые ведут нас из ближайшего будущего в падение индустриальной цивилизации. Первый этап – это Сотрудничество и Мобилизация. Второй этап - это Саботаж и Асимметричная борьба. Третий этап – это Срыв Систем. В четвертый этап – это Окончательное Разрушение Инфраструктуры.

У каждого этапа есть свои собственные цели, тактика, требования к организации. Между этапами не может быть жесткого разделения и разные регионы пройдут через свои фазы каждый в свое время. Эти этапы подчеркивают важнейшую роль сотрудничества ячеек сопротивления. Открытая деятельность по построению альтернатив и оживлению людских общин будет происходить параллельно. Но это не будет требовать той же стратегической строгости. Восстановление здорового общества людей на основе натурального земледелия должно просто произойти как можно скорее, везде и с учетом региональных особенностей. А вот борцы сопротивления в этом сценарии должны обязательно следовать общей стратегии, чтобы добиться успеха.

Этап I – Сотрудничество и Мобилизация

Преамбула.

На первом этапе, сопротивление концентрирует внимание на объединении ячеек в сети и построении культуры сопротивления для поддержания этих сетей. Многие симпатизирующие или потенциальные рекруты незнакомы с серьезными стратегиями и методами сопротивления, поэтому предпринимаются усилия, для распространения такой информации. Но ключевым на этом этапе является фактическое формирование открытых/легальных организаций (или хотя бы их зачатков), которые в свою очередь произведут набор новых членов и собственно решающие действия. На этом этапе культура сопротивления еще недостаточно развита, поэтому особенное внимание уделяется этому вопросу чтобы избежать глупых ошибок, которые могут привести к арестам, и чтобы отвлечь информаторов от сбора и передачи информации.

Тренировка активистов – ключевой вид деятельности на этом этапе. Новые рекруты станут бойцами, командирами и лидерами для следующих этапов. Новые активисты приобщаются к культуре и духу сопротивления, существующие активисты освобождаются от плохих и контрпродуктивных привычек. В этот период движение сопротивления становится

организованным и серьезным. Люди откладывают свои персональные потребности и конфликты в сторону чтобы сформировать движение способное бороться и побеждать.

На этом этапе, отдельные люди собираются вместе чтобы сформировать видение и стратегию будущего, создать ядра будущих организаций. Конечно, сотрудничество должно включать и работу с другими существующими организациями, ориентированными на сопротивление, но большинство основных организаций не желают принять воинственную и непримиримую позицию по отношению к власти имущим или к кризису, с которым сталкиваются эти люди. По возможности им нужно помогать принимать позиции в большей степени соответствующие масштабу имеющихся проблем.

Этот этап уже находится в стадии реализации, но еще предстоит совершить много работы.

Цели

Построить культуру сопротивления и все, что это за собой влечет.

Построить открытые и подпольные сети сопротивления и обеспечить выживание этих сетей.

Деятельность:

Деятельность подразумевает действия в условиях минимального риска, для того чтобы людей можно было отсмотреть и натренировать, а сети – укрепить. Акции такого рода разделяются в основном на категории поддерживающих и определяющих.

Максимально возможный набор рекрутов и их тренировка очень важны на этом этапе. Чем раньше люди будут приняты в команду, тем с большей вероятностью они будут надежными и тем больше будет времени отсмотреть их компетентность для более серьезных мероприятий.

Операции по массовым коммуникациям (рекламные акции) и пропаганде также потребуются для распространения информации о полезных тактиках и стратегиях и о необходимости организованных действий.

Организация:

Большая часть организаций сопротивления в этом сценарии все еще являются разрозненными сетями, но они начинают сливаться и образовывать единое целое. Этот этап нацелен на формирование организации.

Этап II – Саботаж и Асимметрическая борьба

Преамбула: На этом этапе, борцы сопротивления могут попытаться нарушить работу или сделать непригодными для использования некоторые цели, если представится такая возможность. По большей части, требуемые для подпольной работы навыки еще не сформированы и атаки против значительных множественных целей пока невозможны. Борцы сопротивления возможно бросят свои силы против объектов, которые ведут самую вопиющую деятельность: угольные ТЭЦ или банки ведущие эксплуататорскую деятельность. На этом этапе сопротивление фокусирует внимание на практических тренировках, испытании вражеских сетей и безопасности на прочность, на наращивании поддержки и построении организационных сетей. В этом возможном будущем подпольные ячейки стараются не провоцировать жестокие репрессии, с которыми зарождающаяся организация может не справиться. Более того, в случае серьезных репрессий или неудач, им нужно отступить и вернуться на предыдущий этап сфокусировавшись на организации и выживании. На самом деле, значительные неудачи могут происходить на этом этапе, указывая недостаток базовых навыков и знаний, организованности, что указывает на необходимость вернуться к некоторым приоритетам первого этапа.

Движение сопротивления в этом сценарии понимает важность решительных действий. На первых двух этапах они делали упор не на прямое действие, и не потому что они сомневаются или воздерживаются от действий, а потому что они работают изо всех сил и при этом двигаются поступательно. Они знают, что планета (и будущее) требуют их будущих действий, но понимают, что общее дело только пострадает от глупых и поспешных поступков, создаст проблемы, к которым они еще не подготовились. Такое приводит лишь к самобичеванию и разочарованию. Поэтому их движение действует настолько серьезно, ловко и решительно, насколько это возможно, но при этом закладывает основу истинной эффективности.

Чем больше людей присоединится к этому движению, чем больше они будут трудиться, чем более мотивированными они будут, тем скорее они смогут перейти от первого этапа к следующим.

В этом альтернативном будущем, именно открытые активисты возьмут на себя несколько важных задач. Они, по возможности, будут обеспечивать и регулировать нужное общественное восприятие боевых действий и радикальных тактик. Они будут поддерживать саботаж своими общественными заявлениями. Более умеренные группы, занимающиеся пропагандой, будут использовать случаи саботажа чтобы критиковать властные структуры за бездействие в отношении критических важных моментов, таких как смена климата (вместо того чтобы критиковать саботеров). Они должны заявить, что саботаж был бы ненужным, если бы гражданское общество ответственно отнеслось к социальным и экологическим проблемам. Им стоит использовать такие возможности для пиара и для пропаганды реальных способов решения проблем. Они не будут становиться на сторону власти против саботеров, но будут утверждать, что ситуация достаточно тяжелая, чтобы оправдать саботаж, хотя сами они избрали другой путь.

В этом моменте развития событий, более радикальные движения, народные движения продолжают создавать сообщество сопротивления, но вместе с этим создают тайные организации и параллельные учреждения. Эти учреждения создают сами себя и сами утверждают свою легитимность, создают связи с общественностью, и в особенности предпринимают шаги, чтобы найти связи вне активистской среды. Эти учреждения также фокусируют свои усилия на подготовке к катастрофам, чрезвычайным ситуациям, подготовке людей к нависшему обрушению.

В этом моменте развития событий, более радикальные движения, народные движения продолжают создавать сообщество сопротивления, но вместе с этим создают тайные организации и параллельные учреждения. Эти учреждения

создают сами себя и сами утверждают свою легитимность, создают связи с общественностью, и в особенности предпринимают шаги чтобы найти связи вне активистской среды. Эти учреждения также фокусируют свои усилия на подготовке к катастрофам, чрезвычайным ситуациям, подготовке людей к нависшему обрушению.

Одновременно с этим, открытые активисты, по возможности, организуют людей для акций гражданского неповиновения, готовят людей к массовым столкновениям и другим формам прямого действия. Начинает происходить еще кое-что: открытые движения начинают формировать коалиции, конфедерации, региональные сети, осознавая, что предстоят препятствия и испытания большего порядка. Эти конфедерации объединяют усилия делаясь материалами, навыками, знаниями, обучающими программами и т.д. Они также осуществляют стратегическое планирование включаясь в запланированные каскадные кампании вместо ситуативного реагирования.

Цели

Определить некоторые высокоприоритетные цели. Эти цели избираются борцами сопротивления как доступные, достижимые и по другим причинам.

Натренировать и предоставить рекрутам и командирам боевой опыт, который потребуется им в будущем для успешных атак на цели и системы большей значимости. Даже решительные действия должны быть ограничены в размахе и значимости, хотя точный выбор времени и цели позволяет достичь многого.

Эти операции выявляют слабые места в системе, показывают осуществимость материального сопротивления (не просто идейного) и вдохновляют других членов сопротивления.

Публично объяснять логику, стоящую за сопротивлением и за конфронтацией с властью.

Установить конкретные легальные организации и параллельные учреждения.

Деятельность

Ограниченные, но нарастающие решительные операции, в сочетании с нарастающей поддерживающей деятельностью (чтобы обеспечивать организации большие по размеру и более логистически требовательные) и продолжающиеся формирующие операции.

В решительных и поддерживающих операциях эти гипотетические борцы сопротивления осторожны и умны. Новые, неопытные рекруты склонны к чрезмерной уверенности в своих силах, так что, чтобы компенсировать недостаток опыта, они выбирают только операции с заведомо благоприятным исходом; они знают, что на этом этапе они создают основу для более серьезных акций, которые им еще предстоят.

Организация

Требует подпольных ячеек, но получит особое развитие от существования подпольных сетей. На этом этапе упор все еще делается на набор новых бойцов. Открытые сети расширяются настолько сильно, насколько это возможно, особенно поскольку для будущей работы нужен запас времени для формирования навыков, сотрудничества и т.д.

Этап III – Срыв Систем

Преамбула

На этом этапе члены сопротивления переходят от атак на отдельные цели к плановой деятельности по срыву работы целых систем промышленного, политического и экономического характера. Срыв работы индустриальных систем требует иерархической и полувоенной структуры подполья. Эти большие по размеру сети формируются из ячеек и сетей сформированных на первых этапах и способны поражать множественные цели одновременно.

Срыв систем нацелен на выявление ключевых точек и узких мест в системах врага (электричество, транспорт, финансы и т.д.) и атаку на них для нейтрализации систем или уменьшения их работоспособности. Результат не будет достигнут одним ударом. Индустриальные системы громадны и могут быть хрупкими, но они растянуты, а не монолитны. Будут попытки восстановления систем. Борцы сопротивления понимают это. Эффективный развал системы требует планирования и скоординированных во времени действий.

В этом сценарии, открытое сопротивление не получает значительной поддержки до тех пор, пока нет значительных потрясений. С другой стороны, в ходе нарастающего срыва индустриальных и экономических систем (из-за обвала капиталистической экономики, глобальных природных катастроф, нефтяного, земельного, водяного и других кризисов) поддержка самостоятельных местных сообществ растет. Перерывы в подаче электроэнергии и в доставке промышленных товаров приводят к повышению интереса к местным продуктам питания, локальным источникам энергии и т.д. Такие срывы помогают людям справиться с обрушением в целом на всем его протяжении. Временные потери оборачиваются долговременным благом даже для людей.

Дмитрий Орлов, известный аналитик развала Советского Союза, объясняет, что плохая работа советской системы подготовила людей к самому распаду. Напротив, идеально работающая система индустриальной экономики дает людям ложное чувство безопасности и как результат люди оказываются неподготовленными, что ухудшает последствия. «После коллапса, начинаешь жалеть, что розничная продажа не была ненадежной, с недостатками и длинными очередями за хлебом, потому что тогда люди были бы вынуждены научиться действовать самостоятельно, не ждать, что кто-то придет и накормит их.» [18]

Открытые активистские организации на этом этапе нашего альтернативного сценария уже хорошо укреплены. Они продолжают обращать внимание людей и вести деятельность с учетом важности установления справедливости, адаптации к новой реальности и необходимости в независимых общинах, поскольку доминирующая система несправедлива, ненадежна и нестабильна.

Конечно, в этом сценарии боевые действия, влияющие на повседневную жизнь людей, вызывают массовое недовольство населения и в особенности резкий ответ властей всех уровней. Открытые активисты – это борцы на

передовой линии против авторитарных властей. Они – единственные, кто может мобилизовать общественное мнение, нужное для преодоления фашизма.

Кроме того, открытые активисты используют нарушение работы систем как возможность усилить местные общины и независимые органы управления. Основная масса людей получит толчок к тому, чтобы поддержать институты прямого участия (народная самоорганизация общественных институтов) являющиеся альтернативой в экономической, политической и социальной сферах. Когда экономические потрясения вызывают безработицу и гиперинфляцию людей нанимают на местах для пользы местных общин и земли. В этом сценарии, при том, что правительства стран по всему миру борются с кризисом (нехватка нефти, еды, резкие перемены климата и т.д.) и все хуже обеспечивают людей, местные советы, основанные на демократии прямого участия, начинают принимать на себя обслуживание базовых потребностей и экстренную помощь, а люди перенаправляют налоги в эти локальные организации (возможно в качестве кампании общего неповиновения власти). Это происходит в сочетании с совместным ответом местных общин на чрезвычайные ситуации и заблаговременную подготовку к катастрофам.

В этом сценарии, при всякой попытке властей повысить эксплуатацию и уровень авторитарной власти, открытые активисты обращаются к людям, чтобы они перестали поддерживать власть и оказали поддержку местным органам, основанным на прямой демократии. Такие параллельные учреждения способны на большую эффективность, чем централизованная власть. Отношения пронизывающие разные слои общества, наработанные в предыдущем этапе, помогают держать такие политические структуры под народным контролем и получать поддержку многих общин.

На протяжении этого этапа прикладываются стратегические усилия чтобы нарастить давление на экономическую и индустриальную инфраструктуры, которые уже разваливаются под натиском нефтяного кризиса, финансовой нестабильности и связанных факторов. Борцы сопротивления ощущают будто раскачивают уже шатающееся здание. На самом деле, согласно этого сценария, множество срывов системы происходит из самой системы, а не только из-за деятельности сопротивления.

Достижения на этом этапе заметные, значимые. Даже если экономическая и индустриальная системы еще не обрушились, беспрестанная подрывная деятельность означает меньшее влияние на природу, что хорошо для планеты и для выживания человечества в целом. Даже снижение промышленного потребления и выбросов парниковых газов наполовину – это громадная победа (особенно принимая во внимание, что выбросы всегда только увеличивались несмотря всю историю борьбы активистов) и это дает борцам сопротивления и всем остальным больше времени для спасения планеты.

В самых оптимистичных вариантах развития этого гипотетического сценария предполагается, что эффективное сопротивление вынуждает власти ступить в переговоры и идти на уступки. Как только движение сопротивления продемонстрирует способность использовать реальную стратегию и силу, его уже не получится игнорировать. Власть имущие начнут стучаться в двери ключевых движений, просить о переговорах про изменения, которые будут соответствовать целям движения и замотивируют сопротивление на снижение активности.

В этой версии будущего, однако, группы сопротивления начинают управлять ситуацией. Они понимают, что большую часть истории именно властные люди заправляли всем, вынуждая группы сопротивления или колонизованные народы уходить в оборону, отвечать на атаки, постоянно искать сбалансированный подход. Однако, нарушения работы систем и нефтяной кризис создадут катаклизмы для власть имущих: некоторые из-за работы организованных групп сопротивления, некоторые из-за общественных беспорядков и дефицитов, а некоторые по причине социальных и экологических последствий столетий и тысячелетий принуждения. Возможно впервые в истории, власть имущие будут глобально слабее и будут заняты ухудшающимися один за одним кризисами. Это предоставляет группам сопротивления, автономным культурам и общинам важнейшую возможность для установления и поддержания самоуправления.

Цели

Поразить ключевые узлы индустриальной и экономической систем выводя и их из строя и уничтожая их.

Произвести значимое уменьшение в деятельности промышленности и потреблении.

Привести к уступкам, переговорам, социальным переменам, если это приемлемо.

Вызвать развал конкретных компаний, индустрий и экономических систем.

Деятельность

По большей части решительная (эффективный саботаж) и поддерживающая (вспомогательная), но формирующая (обучающая) там, где это необходимо для срыва работы систем. Командиры и бойцы должны быть все более зрелыми, хотя вступление в фазу решительной борьбы будет означать высокий уровень износа кадров сопротивления. Нет смысла действовать неконкретно; члены сопротивления в этом альтернативном будущем, посвятившие себя вооруженному сопротивлению, вступают в борьбу зная, что они утратят или жизнь, или свободу. Они знают, что любого лучшего исхода нужно добиться навыком и сноровкой.

Организация

Значительная нагрузка ложится на подпольные сети. Оперативная координация усилий и действий является обязательной для эффективного поражения систем.

Набор в организацию продолжается, особенно чтобы набрать вспомогательный персонал, и чтобы компенсировать износ кадров. Однако, на протяжении этого этапа, наблюдаются серьезные попытки инфильтрации (попытки проникновения врагов в организацию). Инфильтрация не настолько эффективна, насколько могла бы быть, т.к. подпольные сети набирались в основном на ранних этапах (до полномасштабных действий) чтобы гарантировать присутствие группы доверенных лидеров и командиров, которые формируют основу сетей.

Открытые организации способны к широкой мобилизации благодаря разнообразным социальным, политическим и материальным кризисам.

На текущий момент, борцов начинает затрагивать мощная обратная реакция людей, которые должны были бы быть на их стороне, таких как большинство либералов, особенно в момент, когда власти начнут давить на открытых активистов.

Этап IV – Решительное разрушение инфраструктуры

Преамбула

Окончательное разрушение инфраструктуры - это еще один шаг вперед от работы по нарушению систем. Первичной целью является максимальное разрушение индустриальной инфраструктуры, работа которой основана на добыче и использовании нефти. Этот этап – это крайняя мера, т.к. в наилучшем случае он вообще не потребуется. В случае развертывания оптимистичного варианта этого сценария, совпадение кризиса и нарушение работы инфраструктуры будет сочетаться с интенсивной деятельностью открытых движений, которые вынудят власть принять социальные, политические и экономические перемены; урезать потребление, при условии, что это совпадет с искренним стремлением перейти к экологически устойчивой культуре.

Но оптимистичный ход сценария маловероятен. Более вероятно то, что властители (да и много обычных людей) будут держаться за цивилизацию, даже когда она будет рушиться. И, скорее всего, они поддержат авторитарную власть, если им будет казаться, что они сохранят свое положение и привилегии.

Ключевая проблема, к которой мы возвращаемся вновь и вновь – это время. Вскоре мы достигнем (если мы еще не достигли) момента запуска неуправляемого глобального потепления. Этап нарушения работы систем (этап 3) этого гипотетического сценария предполагает избирательность. Саботаж работы систем планируется таким образом, чтобы удар пришелся прежде всего по индустрии, а не по людям. Но индустриальные системы жестко связаны с гражданскими инфраструктурами. Если избирательные атаки не возымеют должного действия, то некоторые члены сопротивления могут заключить, что только решительное разрушение всей системы может удержать планету от превращения в пепел.

Разница между этапами III и IV этого сценария может казаться незначительной, поскольку на уровне деятельности они оба предполагают скоординированные действия для нарушения работы индустриальной инфраструктуры в больших масштабах. Но этап III требует времени для выполнения работы: ослабление систем, мобилизация людей и организаций, наращивание последовательных подрывных действий. Этап III также заблаговременно предупреждает обычных людей о необходимости подготовки. К тому же, этап III предоставляет время, чтобы сопротивление подготовилось логистически, организационно, что позволяет осуществить переход к этапу IV. Разница между этими двумя этапами заключается в способностях, возможностях и сдержанности. Чтобы борцы сопротивления перешли от этапа III к этапу IV, им нужно 2 момента: навык организованности, координации для полномасштабных действий и уверенность, что больше нет смысла ожидать социальных перемен, реформ достаточных для достижения успешного результата по их графику.

В нашем сценарии, оба этапа спасают жизни людей и не только людей. Но, если полномасштабная открытая мобилизация не произойдет по ходу обрушения, этап IV становится самым эффективным способом спасти жизни.

Представь себе, что ты едешь в машине, через город полный пешеходов. В этой машине находятся цивилизованные люди, а снаружи – все остальные виды живых существ и не цивилизованные люди, или люди, для которых цивилизация не является благом, а также те, кому еще только предстоит появиться на свет. Нет необходимости подчеркивать, что находящиеся внутри машины очень значительно уступают в числе тем, кто снаружи. Но водитель машины спешит и гонит изо всех сил, разрезая толпу, изувечивая и убивая массы пешеходов. Большинство твоих соседей-пассажиров особо не беспокоятся, им есть куда торопиться, и они рады ехать вперед несмотря на цену продвижения.

Некоторые пассажиры расстроены ситуацией. Они видят, что если водитель гонит быстро, то машина обязательно врежется и пассажиры получат травмы. «Не волнуйтесь», - говорит им один мужчина. Его расчеты показывают, что масса тел накопится перед машиной и рано или поздно полностью остановит ее безопасным образом. Любое вмешательство пассажиров будет неосмотрительным и обязательно спровоцирует порицание водителя. Хуже того, нарушающий «покой» пассажир может быть выкинут из автомобиля и позднее его возможно даже переедут.

Ты, в отличие от большинства пассажиров, больше взволнован кровавой бойней снаружи и чем безопасностью пассажиров внутри. Ты также знаешь, что ты просто должен что-то предпринять. Ты можешь попробовать выпрыгнуть из окна и убежать, но впоследствии машина, рассекая толпу, уедет вдаль и ты потеряешь возможность как-то повлиять на ситуацию. Так что ты решаешь саботировать автомобиль изнутри, перерезать провода, оторвать пол и активировать тормоза, сбить машину с курса, сделать хоть что-то, что можешь.

Как только другие пассажиры поймут, что ты делаешь, они попытаются тебя остановить, может даже убить. Ты должен решить будешь ли ты останавливать машину резко или медленно. Машина едет уже настолько быстро, что, если остановить ее резко, то это бросит пассажиров опереди стоящие сидения и вперед по проходу. Это может убить некоторых из них. Но если остановить ее медленно, то неизвестно сколько невинных людей будут сбиты в ходе торможения. А если просто заставить машину затормозить, то водитель сможет вновь починить машину и снова разогнать ее.

Ты что же ты будешь делать? Если ты решишь остановить машину как можно быстрее, тогда ты решишь поступить также как люди, осуществляющие план этапа IV. Ты решил, что остановить разрушение как можно скорее важнее, чем какие-либо изменения или реформы. Конечно, даже прекращая разрушительное движение самым резким способом ты можешь уменьшить количество жертв среди пассажиров. Ты можешь сказать людям, чтобы они сели, пристегнулись, приготовились к столкновению. Послушаются ли они – это уже второй вопрос, но это уже их ответственность, не твоя.

Очень важно не понять превратно цель этапа IV в этом альтернативном сценарии будущего. Цель – это не людские жертвы. Цель – это прекращение разрушения планеты. Враг – это не гражданское население и вообще не какое бы то ни

было население, а социопатологическая, социополитическая и экономическая системы. Экологическое разрушение планеты прежде всего вызвано индустрией и капитализмом. Проблема населения даже не вторичная, а в лучшем случае третичная. Смысл обрушения индустриальной инфраструктуры в этом сценарии не во вред людям, так же как останов несущейся машины не делается чтобы повредить пассажирам. Цель – это уменьшить наносимый вред как можно быстрее и в ходе этого принимать во внимание тот вред, который доминирующая культура наносит всем живым существам, нынешним и будущим.

Это нелегкий этап для открытых активистов. Часть их работы в этом сценарии – это помочь разрушить инфраструктуру, но они разрушают по большей части машину политической и экономической эксплуатации, а не физическую, материальную систему. В общем, они продолжают делать то, что делали и на предыдущем этапе, но в больших масштабах и дольше. Общественная поддержка направлена на создание и поддержание справедливых и демократических местных систем экономического и политического плана. Принимаются попытки преодолеть наихудшие последствия коллапса.

Цели

Разрушить самые важные физические объекты инфраструктуры, нужные для работы индустриальной цивилизации.

Вызвать полномасштабный промышленный коллапс, предотвратить какое-либо восстановление экономической и/или политической системы.

Использовать беспрерывные, скоординированные действия чтобы срывать ремонт и замену узлов системы.

Деятельность

Упор почти полностью на окончательно разрушающие и поддерживающие операции.

Организация

Требует хорошо развитых сетей боевого подполья.

Воплощение Решительной Экологической Войны

Важно заметить, что в случае с затяжной гражданской войной, решительная экологическая война не обязательно будет движением по прямой. В этом сценарии борцы сопротивления откатывают деятельность на предыдущем этапе, когда это необходимо. После значительных поражений организации сопротивления фокусируют внимание на выживании и укреплении сетей и между делом перегруппируются и готовятся к более серьезным действиям. Кроме того, важно, чтобы движение сопротивления проходило через каждый этап и отступало в обратном порядке. Т.е. если глобальная промышленная инфраструктура была успешно поражена или раздроблена (этап IV), то сопротивление возвращается к разрушению систем на местном и региональном уровнях (этап III). Если этот этап тоже успешен, то сопротивление возвращается к этапу II и концентрирует усилия на наихудших из оставшихся целей.

В случае если люди не вымрут, даже этот сценарий требует, чтобы некоторые люди поддерживали деятельность на этапе I бессрочно, сохраняли культуру сопротивления и передавали знания и навыки, которые потребуются чтобы воевать в будущие века. Развитие стратегии Решительной Экологической Войны можно сравнить с последовательной сменой экосистем в природе. Несколько месяцев назад я побывал в заброшенной каменоломне. Там, где почву и несколько уровней каменной породы вырвали взрывы и открытая добыча камня, в известняке осталась прямоугольная выемка глубиной в несколько этажей. Но немного пыли, гравия и пыли собралось в одном углу и там закрепился мох. Мхи требуют мало питательных веществ и воды (как и многие сплоченные группы, с которыми мне довелось работать). После того как мхи растут несколько сезонов, они удерживают достаточно почвы для роста травы.

Быстро укореняясь, выносливые травы часто быстрее других заселяют опустевшую от разорения землю. Очень похожим образом ранние группы сопротивления занимаются им в целом, без специализации. Они крепки и быстро распространяют свои семена на поверхности или формируют подземные сети корней.

Травы в каменоломне быстро создали почву и вскоре уже появилась возможность для существования для диких цветов и сложных организмов. Подобным же образом большое количество организаций сопротивления помогают установить сообщества сопротивления, культуру сопротивления, а на их основе могут появиться более сложные и эффективные формы и организации сопротивления.

Организация Подполья

Те гипотетические активисты, которые воплотят эту стратегию, будут способны обдуманно переходить от одной фазы к другой. Для этого им нужно понимать, когда важные детали оказываются на своих местах, когда сети сопротивления достаточно мобилизованы и обучены, и когда внешнее давление диктует перемены. В учебнике по боевым операциям армии США генерал Эрик Шинсеки (Eric Shinseki) утверждает правила стратегии «требуют от командиров умело переключаться, адаптироваться. Переключение – развертывание сил, интервал между начальной операцией и последующими действиями, закрепление достигнутого, продвижение вперед – самая суть динамики операции. Умение переключаться – это ключ к поддержанию динамики и решительной победы.”

Это особенно трудно выполнить, когда сопротивление не имеет центрального командования. В этом сценарии нет централизованного способа направлять оперативные приказы или тактические указания, нет эффективного сбора точной информации о сопротивлении о силах сопротивления и их союзниках. Шинсеки продолжает: “Это налагает большую ответственность на готовность: хорошо тренированные солдаты, гибкие командиры, понимающие доктрину, и универсальные, ловкие и смертельно опасные для врага соединения.” Люди, сопротивляющиеся цивилизации, будут заняты не столько «смертельностью», сколько эффективностью, но в целом стратегия такова.

Соппротивление цивилизации по самой своей сути децентрализовано. Это вдвойне верно для подпольных групп, которые минимально контактируют с другими. В противовес отсутствию структуры командования выдвигается и становится известной и приемлемой общая генеральная стратегия. Кроме того, свободные объединения групп готовы приступать к совместным действиям всякий раз, когда этого требует стратегия. Эти группы готовы воспользоваться такими преимуществами, как экономические потрясения.

В рамках этого альтернативного сценария, организация подполья как маленьких ячеек имеет большое значение с точки зрения принципов ведения войны. Идеальной организацией для свержения индустриальной цивилизации можно считать большую, иерархичную полувоенную сеть. Такая сеть могла бы взяться за тренировку, дисциплину, скоординированные действия для ведения военных действий на целых континентах. Однако, из соображений практичности, такая сеть никогда не появляется. Подобные организации в истории сопротивления (ИРА и другие территориальные повстанческие движения) происходили в отсутствие современных методов глобальной слежки и при наличии хорошо развитой культуры сопротивления и широкой поддержки населением активной борьбы против оккупантов.

И хотя подпольные ячейки и могут формироваться на основе знакомства и доверия, более значимые полувоенные сети сложнее построить в современном анти-цивилизационном контексте. Прежде всего, доля потенциальных рекрутов в населении меньше чем любое антиколониальное или анти-оккупационное движение имело в истории. Поэтому расширение существующих сетей становится более долгим более трудным делом. Этим вариантом пользовались некоторые группы сопротивления оккупированной Франции: они объединялись. Но это, по сути своей, трудно и опасно. Любая подпольная группа с действительно хорошей защитой должна быть невидимой для другой группы, которая могла бы искать союзников (существует множество историй о том, как в конце войны появлялись разные группы сопротивления на одном этаже и только тогда понимали, что боролись за одно дело). Идентифицировать себя на общем фоне непроверенным союзникам – это рискованное предприятие.

Намного более практичным вариантом организации можно считать наличие составных организаций различных размеров: несколько больших сетей состоящих из автономных ячеек, которые не будут прямо подчинены. Имеются посредники и связные и косвенные каналы связи, но эти методы часто недостаточны и ненадежны для быстрой координации одновременных действий.

Множественные атаки партизан

Отдельные ячейки редко бывают достаточно многочисленны чтобы предпринять множественные скоординированные атаки во множестве мест. Это работа для полувоенных групп имеющих ячейки во множестве мест, которые имеют структуру центрального командования и дисциплину для корректного выполнения работы по разрушению вражеских сетей. Однако автономные ячейки поддерживают готовность для того чтобы вступить в атаку на объекты, если представляется возможность, определяя заранее спектр адекватных локальных целей и тактик. Затем, как только происходит значимое одновременное событие (скажем, отключение электроэнергии) автономные ячейки пользуются возможностью чтобы предпринять собственные действия, обычно в считанные часы. Таким образом, несвязанные ячейки вступают в некое подобие синхронизированных атак повышая их общую эффективность. Конечно, если децентрализованные группы станут часто организовывать атаки на волне значительного саботажа, контролируемые корпорациями СМИ могут перестать освещать подобные события. Так что такие стратегии имеют свои ограничения, хотя отключения целых регионов от электроэнергии нельзя подавить в новостях (а в развале работы систем неважно что именно стало причиной отключения, потому что оно все равно является возможностью для дальнейших действий).

Если мы посмотрим на некоторые примеры войн и противоборств в истории, то сможем учиться на чужих ошибках и победах. Вот так мы судим о стратегических решениях принятых, например, во Второй мировой войне, или о людях, решавших действовать или бездействовать в ситуациях исторических холокостов. Возможно, будет излишне вообразить историков далекого будущего (если человечество выживет) оглядывающихся на историю описанного здесь альтернативного сценария. Предполагая, что стратегия в целом успешная, как бы они оценили сильные и слабые стороны стратегии?

Для этих историков, этап IV окажется противоречивым, и они знают, что он был противоречивым среди движений сопротивления того времени. Даже члены сопротивления, согласившиеся с военным характером стратегии и действиями против промышленной инфраструктуры, сомневались и мешкали перед лицом возможных последствий для гражданских лиц. И это не удивительно. Поскольку членов такого движения мотивировало глубокое уважение к жизни и забота о ней. Проблема, конечно же, в том, что члены группы знали, что если им не удастся предотвратить уничтожение планеты культурой, то были бы намного более жестокие последствия для гражданского населения.

Подобная моральная дилемма стояла перед союзными войсками в начале второй мировой войны. Об этом писали Эрик Маркусен и Дэвид Копф (Eric Markusen, David Kopf) в книге «Холокост и стратегические бомбардировки: геноцид и тотальная война в XX столетии» (The Holocaust and Strategic Bombing: Genocide and Total War in the Twentieth Century): «В начале Второй мировой правила бомбардировки у британцев были чрезвычайно избирательными и даже подвергали летчиков значительному риску. Бомбить можно было только очевидные военные цели вдали от населенных пунктов, а при пониженной видимости бомбы нужно было выбрасывать над водой. В объяснении таких правил ссылались на нежелание провоцировать превосходящие силы авиации Германии на мстительные удары по мирным целям в Британии» [19].

Также принимались во внимание возможные нарушения работы общественного транспорта и жертвы среди гражданского населения, необходимость наращивать численность единиц ВВС. Сходство между действиями британских бомбардиров и действия левых военных активистов Подполья Погоды (Weather Underground) против ELF очевидно.

Проблема с британскими правилами бомбежки заключалась в том, что они просто не работали. Германия не проявляла никаких моральных ограничений, а британские экипажи принимали на себя большой риск атаковать менее ценные объекты. К февралю 1942 года, правила бомбежки значительно изменились. По сути, командование начало намеренно бомбардировать гражданских и их настрой — особенно настрой рабочих промышленности — разрушая дома окружавшие фабрики, чтобы лишить рабочих крова. Британские стратеги верили, что, поступая так они смогут подавить желание Германии воевать. На самом деле, некоторые атаки преднамеренно «наказывали» немецкое население за поддержку Гитлера, и некоторые стратеги верили, что при достаточно сильном наказании население восстанет, отринет Гитлера и будет спасать себя. И конечно же это не сработало, как это всегда и бывает.

Итак, таковой была дилемма, стоявшая перед членами сопротивления нашего альтернативного сценария будущего: в то время как сопротивление с отвращением принимало вероятность вреда гражданскому населению, даже больше чем британцы в начале второй мировой, им было ясно, что индустриальная нация «гражданских» и системы насколько глубоко переплелись, что любое воздействие на одно будет влиять на другое.

Историки сегодня полагают, что нежелание союзников атаковать возможно стоило жизней миллионов гражданских. Не остановив Германию сразу, они сделали долгий и кровавый конфликт неизбежным. Генерал Альфред Йодл, глава оперативного штаба высшего командования Вермахта, заявил на Нюрнбергском суде следующее: «В 1943-м мы не проиграли лишь потому, что во время Польской кампании примерно 110 французских и британских дивизий на западе были полностью не задействованы против 23 немецких дивизий» [20].

Многие военные стратеги предупреждали об опасности несогласованных полумер, после которых только тотальная война способна довершить дело. В своей книге «Великая стратегия: Принципы и применение» Джон М. Коллинз (John M. Collins) высказывает мнение, что слабые атаки только укрепляют решимость врага, потому что они являются провокацией и не наносят оккупанту значительного материального или морального вреда. «Разрушить решимость врага сопротивляться намного важнее, чем нанести ему материальный ущерб... исследования причин и следствий подтверждают, что насилие близкое к полному разрушению может усилить, а не размыть решимость народа» [21]. Однако, обратите внимание, что в своей книге 1973 года Коллинз возможно недооценивает важность технологической инфраструктуры и решительных по ней ударов. (Где-то в книге он отмечает, что компьютеры «обладают ограниченной полезностью» [22]).

Другие стратеги ставили в приоритет именно материальный ущерб перед нанесением ущерба «боевому духу». Роберт Антони Пейп (Robert Anthony Pape) обсуждает эту тему в книге «Бомбежка до победы» анализируя эффективность стратегических бомбардировок в разных войнах. В этом альтернативном сценарии будущего мы можем задаваться вопросом, прислушаются ли сопротивление к анализу Пейпа оценивая преимущества этапа III (избирательные атаки на отдельные сети и системы) перед этапом IV (полное разрушение индустриальной инфраструктуры).

Конкретней, Пейп полагает, что уничтожение целой экономики может быть более эффективным шагом чем просто снос отдельных фабрик и зданий:

Стратегические действия, направленные на сдерживание врага, могут подорвать стратегию изнурения либо атакуя оборонные производства, либо поражая промышленность в целом и, следовательно, военное производство в частности. Из двух этих стратегий, стратегия атак на военные заводы не так эффективна. Учитывая возможности конверсии в современной промышленной экономике оборонное производство можно наладить за считанные месяцы. Производство можно поддерживать ситуативно, истощая склады, а в среднесрочной перспективе благодаря экономии и замене материалов и процессов альтернативными. Кроме того, государства часто прибегают к изменениям военной доктрины [23].

Этот анализ огорчает, но он также демонстрирует то, каким образом цели этого альтернативного сценария отличаются от целей стратегических бомбардировок в ходе исторических конфликтов. В кампании бомбардировок союзников (и в других войнах, где использовались бомбардировки), стратегические бомбардировки сопровождались обычными наземными, воздушными и морскими атаками. Стратеги бомбардировок фокусировали внимание на перерезании линий поставок боеприпасов и продовольствия к передовым. Бомбардировка сама по себе не предназначалась для достижения победы, а для поддержки прочих сил в битве. Напротив, в нашем альтернативном будущем, значительное снижение промышленного производства само по себе становится громадным успехом.

Наши гипотетические истории будущего возможно спросят: «Почему нельзя было просто поражать худшие из производств и оставить остальную часть экономики в покое?» Ранние этапы Решительной Экологической Войны предусматривали поражение отдельных заводов и отраслей. Однако борцы сопротивления знали, что индустриальная экономика их времени была слишком глубоко интегрирована, что долговременного эффекта можно достигнуть только благодаря полному развалу системы.

То также показано в исторических попытках экономического саботажа. Пейп продолжает: «Даже если система производства важного вида вооружения подорвана, тактические и оперативные меры способны заменить его на другой вид вооружения ... и, как следствие, попытки уничтожить лишь критические компоненты системы обычно проваливаются.» Например, объясняет Пейп, союзники осуществили кампанию бомбардировки немецких заводов по производству деталей для авиамоторов. Но это не стало решающим фактором в борьбе за превосходство в воздухе. По большей части союзники победили Люфтваффе потому, что сбили достаточное число лучших немецких пилотов.

Еще один пример адаптивности — бомбардировка союзниками заводов по производству шариковых подшипников. Союзникам удалось снизить производство шариковых подшипников примерно на 70%. Но это не вызвало соответствующего снижения производства немецких танков. Германии удалось частично компенсировать недостаток подшипников инженерными решениями, которые не требовали такого количества подшипников. Они также увеличили объем производства пехотного противотанкового оружия. На ранних стадиях войны Германия смогла компенсировать

разрушение заводов тем, что ранее они работали в одну смену. Они не использовали свой производственный потенциал на полную мощность. Перейдя на производство в две и три смены, они смогли (времененно) удержать уровень производства.

Посему, утверждает Пейп, экономическая система войны не развалится под нарастающим натиском атак в какой-то один конкретный момент, а сможет постепенно приспособиться к недостатку припасов. «Современные экономические системы поддерживающие войны не хрупки. И хотя отдельные заводы могут быть разрушены, враг может снизить последствия нанесенного урона благодаря разнесению в разные точки производства ключевых компонентов и накапливая ключевые материалы и оборудование на складах. Атакующие никогда не могут предсказать все способы адаптации и обхода, которые обороняющиеся могут придумать. Отчасти это так потому, что нападающая сторона опирается на анализ экономики в мирный период, а с другой стороны анализ всегда опускает множество деталей подвергаемой атаке экономики» [24]. Это очень важное предупреждение против чрезмерной уверенности в своих силах. И участники сопротивления в этом сценарии признают, что этот аргумент не был вполне применим к их ситуации, отчасти по тем причинам, которые мы обсуждали ранее, а отчасти по следующим причинам.

Военные стратеги, которые изучали нарушение экономических и промышленных систем обычно обращают внимание на военное производство и логистику. Современные экономические системы обслуживающие военные конфликты вовлекают в поддержку своих тотальных войн все население. Так что военные лидеры конечно же могут компенсировать существенные нарушения системы; они могут перенаправлять товары и провизию от гражданского населения и инфраструктуры на военные задачи по своему усмотрению. Это не означает что общий объем производства не пострадал (совсем наоборот), просто военное производство не падает настолько насколько можно было бы ожидать от конкретной стремительной атаки.

Сопротивляющиеся в этом сценарии рассматривали компенсационные меры не так, как это делали военные стратеги. Чтобы понять разницу, нужно представить себе, что и военный стратег и активист экологического военизированного движения хотя и взорвать нефтепровод, который обслуживает большую индустриальную зону. Скажем, нефтепровод перерезан и доставка нефти резко снижена. Предположим, промышленная зона предпринимает различные меры: хранение, переработка, увеличение эффективности, и т.д. Также допустим, что им все же удастся производить теплоизоляцию для холодильников или одежду или что-то там еще. Но при этом они используют меньше топлива и производят меньше единиц продукции. Они также увеличивают срок жизни существующих холодильников или одежды благодаря починке. С точки зрения военного стратега, атака потерпела неудачу: она произвела лишь незначительное снижение в количестве материалов доступных военным силам. Но эля экологии это значительная победа: снижение вреда окружающей среде и малые негативные последствия для гражданских. (А некоторые последствия могут быть даже очень позитивными).

Все современные экономические системы хрупкие. Военные экономические системы мобилизуют ресурсы и производство любыми средствами будь это печатание денег либо экспроприация заводов. Это системы жестких потребностей. В отличие от военных, индустриальные системы – это системы роскоши. Они по большей части производят вещи, которые людям не нужны. Индустриальный капитализм процветает как на производстве желаний, так и на производстве товаров, продавая людям пластиковый мусор, лишние машины и дрянную еду. Сталкиваясь с трудными временами, как например во время великой депрессии или в Аргентине лет десять тому назад или как люди повсюду поступают в нужде, капиталистические экономические системы возвращаются к действительно необходимым вещам, бартерным системам и сетям взаимопомощи. Они возвращаются к общинным и семейным методам ведения хозяйства, которые намного более устойчивы, чем индустриальный капитализм и даже более живучие чем военные экономические системы.

И все же, Пейп говорит нечто очень важное утверждая: «Стратегическое сдерживание эффективней всего, когда оно направлено на экономику в целом. Самый эффективный план включает разрушение транспортной сети, которая доставляет сырье и первичные материалы к производственным центрам и часто перераспределяет субкомпоненты по различным отраслям промышленности.» Атаки на национальные энергетические сети не эффективны так как промышленные объекты обычно имеют собственные резервные источники и генераторы питания. Атаки на нефтеперерабатывающие заводы страны для снижения генерирующих мощностей обычно не учитывают способность государств снижать потребление через нормирование и пайки.» Анализ Пейпа раскрывает глаза, но опять же, важно понимать разницу между его исходными условиями и целями и условиями Решительной Экологической Войны.

Сопротивление в сценарии РЭВ ставили цели по снижению потребления и снижению уровня промышленности, так что им было неважно, что некоторые промышленные объекты имели запасные генераторы или что государства экономили и раздавали ресурсы пайками. Они верили, что настоящая экологическая победа заключалась в том, что они вынудили заводы работать на пониженной мощности или, что была общенациональная экономия топлива. Они помнили, что на протяжении всей своей истории экологические движения ни разу не смогли остановить рост потребления топлива. Фактическое снижение было беспрецедентно [25].

Неважно говорим ли мы о каком-то гипотетическом будущем или о реальной ситуации сегодня, развертывание нефтяного кризиса повлияет на относительную важность различных видов транспортных сетей. В некоторых регионах важность доставок возрастет на фоне локальной нехватки нефти. В других снижение международной торговли и экономической активности сделает транспорт менее важным. Система автомобильных дорог возможно испытает снижение интенсивности движения из-за спада в торговле и роста стоимости топлива. Этот спад автомобильного движения позволит использовать их более гибко и снизит степень уязвимости дорог для их саботажа. Движение по железным дорогам – весьма энергоэффективное средство транспорта – скорее всего станет более важным. Далее, во

многих регионах железные дороги были демонтированы в прошедшие несколько десятилетий, так что оставшиеся ветви заполнены почти до максимума.

Вернемся к нашему альтернативному сценарию. В большинстве случаев, транспортные сети не были наилучшими целями. Сеть автомобильных дорог (на сегодня наиболее важный способ транспортировки в большинстве стран) в значительной степени избыточна. Даже в сельской местности пролегают множество пересекающихся дорог, которые, хотя и с замедлением, но позволяют объезжать препятствия.

Напротив, если они решат прежде всего нацелиться на энергетическую сеть, то потому что считают вред более значимым. Многие электросети уже работают на пределе возможностей и их развитие обходится дорого. Они стали более важными т.к. переносимые источники энергии были заменены менее мобильными, в частности электричеством, генерируемым ТЭЦ, АЭС и в меньшей степени ветряной и солнечной энергиями. Это означает, что электрические сети несли большую нагрузку чем сейчас или даже большую и использовался больший процент от всей потребленной энергии. Более того, сопротивление признавало, что энергетические сети часто зависят от нескольких значимых узлов континентального значения, которые весьма уязвимы.

Тактика «адекватной техники»

Есть еще один, последний аргумент, который приняли активисты сопротивления в пользу сокрушения экономики в целом и против нерешительных полумер: врага нужно заставить врасплох. Они признали, что разрозненные акции саботажа отдают в жертву элемент внезапности и позволяют врагу перегруппироваться и разработать методы преодоления и предупреждения будущих акций саботажа. Они признали, что иногда такие методы желательны для сопротивления (например, переход к менее мощным локальным источникам энергии), а иногда нежелательным (например, отправка аварийных ремонтных бригад, воздушное наблюдение радиоуправляемыми самолетами, военное положение, и т.д.). Сопротивление согласилось с тем чтобы компенсировать предсказуемость некоторых из их тактических приемов за счет поведения серии решительных и неожиданных операций в рамках большей нарастающей борьбы.

С другой стороны, в этом сценарии сопротивление понимало, что выполнение стратегии DEW зависело от относительно простой тактики «адекватной технологии» (как открытой, так и подпольной). Она зависела от самих малых групп и была весьма простой нежели сложной. Не было значительного объема тактической информации, которую можно было выдать врагу. По сути, эскалация борьбы на основе очевидной тактики принесло пользу сопротивлению. Аналитик John Robb обсуждал это изучая восстания в таких странах как Ирак. Большая часть повстанческих техник не так сложны, но группы сопротивления могут постоянно учиться на примерах, на успехах и неудачах других групп в «бардаке» восстания.

Децентрализованные ячейки были способны подмечать успехи других ячеек, с которыми у них не было прямой связи, и поскольку тактика была относительно проста, они могли быстро повторить успешные приемы и применить их к своим собственным ресурсам и обстоятельствам. Таким образом, успешные тактические приемы быстро проникают в новые группы даже при минимальной коммуникации в подполье.

Гипотетические историки, оглядываясь в прошлое, возможно подметили бы еще один потенциальный недостаток стратегии DEW (решительной экологической войны): она требовала слишком много людей вовлеченных в рискованные действия и при организациях сопротивления не доставало численности и логистической устойчивости нужных для поддержания долгой борьбы. Это было оправданное опасение и такой недостаток был преодолен на ранних этапах благодаря развитию эффективных сетей поддержки. Конечно же, иные стратегии – такие как любого рода массовое движение – требовало намного больше людей и намного большие сети поддержки сопротивления. Многие подпольные сети работали почти без финансирования: хотя им требовалось спецоборудование, они обычно требовали намного меньше ресурсов, чем массовые движения.

Французское сопротивление. Успех - неопределенный. Как мы заметили в главе «Психология сопротивления», Французское сопротивление охватывало возможно лишь 1% взрослого населения или примерно 200 000 человек. [26] Послевоенное правительство официально признало 220,000 членами сопротивления [27] (хотя один из историков считает, что на самом деле активное участие в сопротивлении приняли 400,000 человек [28]). Помимо активных участников сопротивления было возможно еще 300,000 людей, которые были достаточно сильно вовлечены. [29] Если включить всех людей, желавших принять на себя риск чтения подпольных газет, то масса симпатизирующего населения возрастает до 10% взрослого населения что составляет два миллиона людей [30]. Общее население Франции в 1940 составляло примерно 42 миллиона, так что в сопротивлении принимало участие по 1 человеку на каждые 200 душ населения.

Ирландская Республиканская Армия. Достигла успеха. На пике ирландского сопротивления британскому правлению, во время ирландской войны за независимость (которая накопила уже 700 лет культуры сопротивления), ИРА имела в своих рядах примерно 100 000 членов (чуть более 2% 4,5 миллионного населения), около 15.000 из которых принимали участие в партизанской войне, а 3000 из которых постоянно боролись. Самые важные и решительные борцы были «Двенадцать учеников» маленькая группка людей, которые изменили ход войны. На тот момент население оккупационной Англии составляло 25 миллионов, плюс еще 7,5 миллионов в Шотландии и Уэльсе. Т.о. приходилось по 1 участнику сопротивления на каждые 40 ирландцев и по 1 на каждые 365 граждан Соединенного Королевства [31].

Антиоккупационное восстание в Ираке – неопределенный успех. Сколько повстанцев в Ираке? Оценки разнятся очень сильно, и они имеют политическую подоплеку, т.к. цифры используют чтобы показать, как успех оккупации так, и чтобы оправдать военные неудачи. В районе 2006 года армия США заявляла про примерно 8 000 – 20 000 участников

сопротивления. [32] Оценки разведки Ирака выше. Общее население – 31 миллион при территории около 438 000 кв. км. Если существуют 20,000 повстанцев, тогда приходится по одному на каждые 1,550 населения.

Африканский национальный конгресс. Успех. Сколько было членов АНК? Около 1979 года, «формальное политическое подполье» включало от 300 до 500 людей, по большей части в крупных городах. [33] Южноафриканское население на тот момент составляло около 28 миллионов, но данные переписей населения чрезвычайно ненадежны из-за отсутствия сотрудничества. Это означает, что на одного члена сопротивления в 1979 года приходились 56 000 гражданских.

Подполье Погоды (The Weather Underground) Неудача. В начале несколько сотен членов, со временем число упало. В 1970 году население США составляло 179 миллионов, так что их было буквально по одному на миллион.

Чёрные пантеры. Неопределенный успех. Больше всего членов было в конце 60х более 2 000 членов во многих городах. [34] Пропорция – примерно 1 на 100,000.

Северо-Вьетнамский коммунистический альянс во время 2-й Индокитайской войны. Успешный. Располагал силами примерно полумиллиона в 1968 году против 1,2 миллиона антикоммунистических солдат. Одна из оценок армии Вьет-Конга в 1964 - 1 миллион человек. [35] Трудно точно выяснить точное число всех сражавшихся и не сражавшихся в этой войне из-за широкой логистической поддержки во многих регионах. Население в 1960 было равным примерно 40 миллионам (как на севере, так и на юге), так что в 1968, 1 из 80-ти вьетнамцев за коммунистов.

Испанские революционеры в испанской гражданской войне – как успех, так и неудача. Национальная Конфедерация Труда (CNT) в Испании достигала в своем размере 3 миллионов. Самой значимой силой в CNT была анархистская FAI, рассредоточенные силы военизированных групп. Иберийская Федерация Анархистов (FAI) имела примерно от 5 000 до 30 000 незадолго до революции, и это число значительно выросло с наступлением войны. CNT и FAI удалось совершить революцию в части Испании, но позднее они были побеждены фашистами на уровне страны. Население Испании составляло 26 миллионов. Так что один из девяти испанцев был членом CNT и (учитывая рост участия) примерно один на каждые 870 испанцев был членом FAI.

Сопротивление поголовному налогу, введенному Маргарет Тэтчер в 1990 году. Успешно. Были мобилизованы около 14 миллионов людей. При населении около 57 миллионов это около четверти населения, которые просто отказались платить новый налог.

Британские суфражистки (боролись за предоставление женщинам избирательных прав) – успех. Трудно подсчитать общее число членов движения. Однако насчитывалось около 600 невоинственных женских обществ. Были и воинствующие из 100 числа которых оказались за решеткой. Воинствующие группы способствовали росту численности и тех и других групп. Опираясь на данные о населении Британии в те времена, на 15 000 женщин приходилась одна из мирного женского сообщества, а на каждую представительницу милитаристского суфражизма было 25 000 женщин. [36]

Восстание в концлагере Собибор. Успешное. Менее дюжины ключевых организаторов и заговорщиков. Большая часть людей вырвались из лагеря и лагерь был закрыт. До этого момента четверть миллиона людей были убиты в этом лагере. Организаторы составляли одну шестидесятую часть еврейского "населения" лагеря и на каждого из них приходилось примерно по 25 000 убитых в этом лагере до них.

Очевидно, что небольшая группа умных, преданных и смелых людей может быть весьма эффективной даже если их численность составляет 1:1000 или 1:10000 или даже 1:100000. Но они эффективны в основном потому, что способны мобилизовать большие силы, будь то социальные движения (кампании несотрудничества, как например неуплата поголовного налога) либо блокирование промышленности в уязвимых местах.

Кроме того, ясно, что если основная группа лидеров сохраняет крепость, то она способна в результате расшириться и победить.

По результатам всего упомянутого, историки будущего, обсуждая этот сценарий, отметят, что стратегия решительной экологической войны (DEW) была разработана таким образом, чтобы максимально эффективно использовать небольшие группы людей, а не чтобы надеяться, что многочисленные группы материализуются из ниоткуда как раз к моменту решительных действий. Если бы для деятельности было доступно больше людей, то стратегия стала бы еще более эффективной. Более того, они возможно отметят, что по этой стратегии была осуществлена попытка мобилизовать самые различные слои населения всеми доступными средствами; сопротивление на опиралось лишь на бойцов, (что исключило бы значительное количество людей) или на символические подходы (что спровоцировало бы цинизм из-за поражения).

Тактика. Тактики, нужные для стратегии DEW были относительно просты и доступны и многие из них сопряжены с малым риском. Они соответствовали масштабу и серьезности цели или проблемы. До начала реализации стратегии DEW, необходимые тактические приемы не реализовывались из-за нехватки общей стратегии и развития как открытой организации, так и подполья. Однако, ту стратегию и организацию было несложно развивать в техническом плане — главные препятствия были идеологическими.

Риск. В оценке рисков члены сопротивления и будущие историки учитывали, как риски действий, так и риски бездействия: риски применения конкретных стратегий и риски, связанные с неприменением таковых. В их случае, невыполнение эффективных стратегий привело бы к разрушению планеты и потере достигнутых за столетия социальных норм. Неисполнение эффективной стратегии или бездействие как таковое убило бы миллиарды людей и бесчисленное множество других живых существ. В решительных действиях были значительные риски, риски, которые вынуждали большую часть людей прибегать к символическим действиям. Но последствия бездействия были намного более значимыми и непреходящими.

Своевременность. При правильном применении, Решительная Экологическая Война была способна достичь своей цели в приемлемый срок и в разумной последовательности. Согласно DEW, решительные действия нарастали настолько

быстро насколько это было возможно с опорой на текущую сеть поддержки, логистики. Точный момент необратимого изменения климата был неясен, но если в гипотетическом будущем есть какие-либо истории или вообще живые существа, то стратегия DEW и другие меры смогли отвратить тот уровень климатических перемен. Любые другие предлагаемые меры даже не пытались реально повлиять на ситуацию.

Простота и логичность. Хотя для выполнения этой стратегии требовались большие знания и условия, в ее сердце лежала простота и логичность. Она была достаточно крепкой, чтобы справиться с неожиданностями, и ее можно было объяснить простыми словами без специальных терминов. Эта стратегия была достаточно гибкой, чтобы ее можно было применить в различных ситуациях и местностях.

Последствия. Как действия так бездействие имеют серьезные последствия.

Значительный коллапс (возможно со значительными страданиями людей) пугал многих. Участники сопротивления в этом альтернативном будущем верили прежде всего и более всего в неизбежность ужасного исхода и что они могли действительно изменить то, как буде разворачиваться будущее.

Часть 4. Будущее

Глава 15

Наша самая большая надежда

Льер Кит

Сказки говорят правду. Не потому, что они говорят нам, что драконы существуют, а потому, что они говорят нам, что их можно победить.

Дж. К. Честертон

У ИРА был Синн Фенн. У движения аболиционистов была Подземка, Нет Тернер, Джон Браун и Блади Кензес. Суфражистки располагали организациями, которые лоббировали и образовывали, а после – боевой WSPU, который сжигал железнодорожные станции и взрывал поля для гольфа. У первых американских патриотов были печатники, фермеры, и ткачи домотканой одежды, а также Сынов Свободы, которые были готовы своими телами останавливать судебную систему. Движение за гражданские права опиралось на новое понимание слова «черный» исходившее из Гарлемского ренессанса, а также надежность, честь и дух единства проводников Пуллмана, а затем четырех студентов готовых сидеть на прилавке перед озлобленной толпой. Вся история полна примеров. Радикальное движение растет из культуры сопротивления, как семя из почвы. И точно, как почва нуждается в колыбели из корней и в одеяле из растительного покрова, также и без истинного сопротивления ни одна община не завоеует справедливость или права человека в борьбе против угнетающей системы.

Наша лучшая надежда никогда не будет опираться на индивидуальное выживание. То же касается малых групп усердно готовящиеся к худшему. Наша лучшая надежда – в движении сопротивления, которое готово повернуться лицом к размаху ужаса, собраться с силами и бить изо всех сил за все что нам дорого. Таковы, следовательно, принципы Глубокого Экологического Сопротивления.

1. Глубинное Экологическое Сопротивление признает нынешнюю культуру безумной.

Движение ГЭС признает, что власть – социопатична и, следовательно, перехода к устойчивому образу жизни не будет. Подавать «примеры» экологически устойчивого образа жизни имеет смысл, лишь только если конкретный проект нацелен на особую группу людей, озабоченных своим выживанием. Однако такие проекты не являются комплексными решениями проблем, которые создает культура, пристрастившаяся к власти и доминированию.

С тех пор как эта культура как вирус распространилась из долин Тибра и Евфрата, она встретила на своем пути бесчисленное множество устойчивых сообществ, некоторые из которых были глубоко эгалитарными и мирными. Но реакцией этой культуры было – стереть чужих с лица земли с необъяснимым садизмом. Как один из миллиона примеров, вспомним, что солдаты Христофора Колумба предпочитали насиловать тех жертв, которым было примерно 10-12 лет.

Все это шаблонно повторяется везде и всегда, где восстает цивилизация. Цивилизация требует империй и колоний, над которым она будет властвовать и которые будет потрошить. Доминирование требует стабильного притока иерархии, овеществления и насилия. Как сказала Эллен Гебриэл, одна из участниц восстания Ока, «Мы боролись с чем-то, что не имело духа... они были как роботы». 1 Результат – пытки, изнасилования и геноцид. А самое дно этого адского пекла – авторитарная личность, построенная вокруг маскулинности, с его характерной приверженностью своим привилегиям и императивом к нарушению границ. Лунди Банкрофт, описывая ментальность мужчин-насильников, пишет: «Корень [насилия] – собственничество, ствол – привилегированность, а ветви - контроль». Более четкого описания последних 10 000 лет террора цивилизации подобрать невозможно.

2. Глубинное Экологическое Сопротивление принимает необходимость политической борьбы.

ГЭС – не либеральное движение. Угнетение – это не ошибка; попытка менять мышление и сердца отдельных людей – не является реалистичной стратегией. Политическая борьба должна вестись на всех уровнях, дабы нам удалось отвлечь наихудшие экологические катастрофы и создать культуру, достойную называться культурой. Под словами «политическая борьба», я подразумеваю конкретно организационные, институциональные перемены в обществе, достижимые через реформу, смещение или обоими способами. Именно институты общества формируют умы и сердца. Проект достижения перемен через индивидуальные перемены в образе жизни занял бы много поколений и возможно не сработал бы вообще. Отдельный человек никогда не был целью борьбы движения освобождения по одной простой причине: это не рабочая стратегия, как уже было раскрыто в предыдущих главах.

Борьба с несправедливостью никогда не была легкой. История сообщает нам, что сила власти всегда будет нацелена на любое потенциальное сопротивление; давление насилия и садизма специально существует, чтобы сломить мужественных и всех, кто может подумать к ним присоединиться. Именно это делают мужчины-насильники, когда находящиеся под их контролем женщины дают отпор. Именно это делают рабовладельцы с рабами. Именно это делают имперские армии с колонизованными, а цивилизованные – с коренными народами. И тот факт, что последует

возмездие, не является причиной сдаваться еще до того, как мы начнем сопротивляться. Эти реалии нужно принять, чтобы подготовиться к ним.

Необходимость политической борьбы в особенности означает столкновение и противоречия с теми левыми политическими силами, которые говорят, что сопротивление бесполезно. Таким людям не место в движении за справедливость. Для активистов, которые примут решение работать в открытой (легальной) организации, подобное столкновение с клеветниками – а эти очернители отвергают сопротивление любого сорта – это одно из небольших и постоянных действий, которые вы можете предпринять. Защищайте идею того, что сопротивление возможно; настаивайте на моральном обязательстве воевать за нашу планету, и выступайте за прямое действие против виновников. Несмотря на то, какую идеологию сейчас приняли левые силы, мы не все в равной степени ответственны. Есть несколько корпораций, которые превратили планету в мертвый товар ради частного капитала, уничтожая по ходу и культуры людей.

Как мы уже сказали, их инфраструктуры – политические, экономические, физические – на самом деле очень, очень уязвимы. Возможно, что золотым стандартом сопротивления против индустриальной цивилизации является MEND (the Movement for the Emancipation of the Niger Delta – Движение за освобождение дельты Нигера). Нефтяная промышленность заработала буквально десятки миллиардов долларов добывая нигерийскую нефть. Сегодня страна получает 3 млрд долларов в месяц от добычи нефти, что соответствует 40% ее ВВП.

Дельта Нигера – самая большая болотистая территория в мире, но сегодня ее можно прямо назвать самой большой в мире лужей шлама (остатки нефти после бурения). Коренные жители были способны обеспечивать себя ловя рыбу и занимаясь фермерством. Это уже невозможно. Теперь они стоят по колено в отходах нефтяной промышленности. Популяция рыбы была истреблена, а люди болеют и голодают. 4 На заре сопротивления, во главе MOSOP стоял поэт и активист Кен Саро-Вива. Они вели ненасильственную кампанию против Royal Dutch/Shell и военного режима. Кен Саро-Вива был казнен вместе с восемью другими несмотря на возмущение во всем мире и несмотря на ненасильственный характер их деятельности.

MEND – это второе поколение сопротивления. Они ведут прямые атаки против рабочих, мостов, офисных зданий, хранилищ, буровых вышек, нефтепроводов и вспомогательных судов. Они снизили выработку нефти в Нигерии на великолепные 35% [5]. Одной лишь атакой они остановили 10% производственных мощностей страны. А 22 декабря 2010 года MEND временно остановила три из четырех нефтеперегонных заводов повредив нефтепроводы, ведущие к ним [6]. Их основная тактика – использование скоростных катеров в ходе внезапных атак против нескольких целей одновременно направленных на нарушение работы всей системы производства.

По мнению Ннамди к. Обаси, старшего аналитика Международной Антикризисной группы по Западной Африке, «создается впечатление, будто у MEND более просветленный и утонченный лидер, чем у большинства групп прошлого» [7]. У них университетские образования и они изучали другие вооруженные сопротивления. Их боевая подготовка настолько хороша, что они воевали и побеждали в стычках как с частной армией Шелл, так и с элитными боевыми отрядами Нигерии. Они также завоевали широкую поддержку в сообществе дельты Нигера» [8]. Эта симпатия помогла им сохранить в тайне и в безопасности поскольку местное население не выдавало их. Это не вооруженные бандиты, а настоящее сопротивление. И их всего несколько сотен.

Поймите, лишь несколько сотен людей, хорошо обученных и организованных сумели снизить добычу нефти в Нигерии на треть. MEND сказали: «Вам должно быть очевидно, что Нигерийское правительство не может защитить ваших рабочих и активы. Покиньте нашу землю пока можете или умрите в ней. ... Наша цель – полностью уничтожить способность нигерийского правительства экспортировать нефть». 9 Я уверена, что 98% людей читающих эту книгу располагают большими ресурсами каждый отдельно, чем вся организация MEND вместе взятая в начале своей деятельности. Сопротивление не просто теоретически возможно. Оно уже происходит. Вопрос в одном: присоединимся ли мы?

3. Глубинное Экологическое Сопротивление должно быть многоуровневым.

Нужно выполнять работу – очень-очень нужную работу – как легальную, так и подпольную, в сфере юридической, экономической, локально и на международном уровне. Нас не должны разделять распри между реформизмом и радикализмом. Опять-таки: самая военная стратегия не всегда самая радикальная или не всегда самая эффективная. Различие между вооруженной и мирной стратегиями не должно уничтожать возможность совместной борьбы. Сознательные люди могут не согласиться. Они также могут уважительно избрать работу в других сферах, где требуется иная тактика. Я не могу даже представить себе сценарий, при котором программа по обеспечению школ органическими продуктами, выращенными на траве напрямую от локальных фермеров может потребовать использования взрывчатки. Напротив, проект по спасению лосося мог бы удачно воспользоваться такой техникой.

Каждое движение за справедливость упирается в этот момент. Насилие, включая разрушение собственности, не должно предприниматься без серьезного обдумывания и этического, даже духовного исследования. Лучше принять, что как отдельные личности мы придём к разным ответам, но, что мы вместе построим успешное движение сопротивления несмотря на различия.

Это не должно быть тяжело, учитывая, что заменить нужно всю культуру. Нам потребуется действенность на всех уровнях, страсть в каждом воздействии. Испанские анархисты являют собой великолепный пример широкого и глубокого проекта, нацеленного на трансформацию всего общества. Мюррей Букчин пишет, что «Подавляющее большинство этих (сплоченных) групп не принимали участия в террористических действиях. Их деятельность была по большей части связана с общей пропагандой и с болезненным, но необходимым трудом по переубеждению отдельных людей».10 Все их проповеди и обсуждения происходили в кафе, точно так как это происходило для ирландцев в ИРА. Анархисты Барселоны захватили железные дороги, фабрики, общественные службы, оптовый и розничный бизнес и управляли этим

всем через рабочие комитеты. Они также создали свою полицию чтобы патрулировать свои кварталы и революционные трибуналы для соблюдения справедливости. До победы фашистов анархисты Андалусии создали общественное управление землей, прекратили использовать деньги для внутреннего обмена товарами и установили народные собрания, основанные на прямой демократии, как форму правления. Они также основали около пятидесяти альтернативных школ по всей стране. Их образовательные идеи распространились по всей Европе, и дошли до Англии их перенял Александр Нил в своей знаменитой школе Саммерхил. Оттуда концепция свободной школы мигрировала в США. Если вы сталкивались с альтернативным образованием, которым управляют сами учащиеся, то тут есть прямая связь с Испанскими анархистами.

Каждое учреждение нашей культуры должно быть преобразовано или заменено людьми, чья верность планете и справедливости абсолютна. Движение ГЭС понимает необходимость как открытой\легальной работы, так и подпольной деятельности для столкновения с несправедливыми учреждениями, а также построения альтернативных институтов, для любой попытки преобразования в политической, экономической и социальной сферы нынешней культуры. Каким бы ни было твое призвание, это нужное дело.

Маловероятно, что политический кандидат национального и регионального уровня победит на выборах с правдивой платформой: уж точно не в США. Промышленному миру нужно снизить потребление энергии до уровня Бразилии или Шри Ланки. Неизбежность такого снижения не делает его ни на грамм более удобоваримым для среднего американца, который «однозначно простится со своими привилегиями только когда их вырвут из его холодных мёртвых пальцев». На местном уровне, политический процесс может быть более расположен к радикальной правде, особенно в прогрессивных анклавах. Для обладающих опытом и желанием выборы на пост в местной власти могут быть оправданными его усилий. И тут возможен рост в направлении других сообществ. Какого рода институциональные изменения можно произвести на местном уровне – достойный вопрос.

Извне, чтобы остановить добычу нефти и других ресурсов, требуется громадное давление. Законодательные инициативы, бойкоты, прямое действие и гражданское неповиновение – должны быть первейшими приоритетами. Нам нужно формировать такие группы как Climate Camp, которая родилась в 2006 с образовательных и протестных мероприятий на угольной ТЭЦ в Вест-Йоркшире, в Англии. Они организовали блокаду Европейского Обмена Углеродом в Лондоне, протестовали против расширения аэропорта Хитроу, и действуют против Бритиш Петролеум по битуминозным пескам.

Как они сами говорят, «Климатический кризис невозможно решить, полагаясь на правительства, большие компании с их «техническим чудесами» и другие рыночные подходы ..., следовательно, мы должны взять на себя ответственность за предотвращение климатических сдвигов, индивидуально и коллективно воздействовать на корень проблемы и развить наши собственные, действительно устойчивые и социально справедливые решения. Мы должны действовать сообща и в солидарности с рабочими, фермерами, коренными народами и многими другими – в Британии и по всему миру».

Если референдумы, решения судов и рыночные решения не помогут, если гражданское неповиновение и блокады не решат проблему, то Глубинное Экологическое Сопротивление хочет предпринять дальнейшие шаги, чтобы остановить виновников.

В Соединенном Королевстве кто-то ощущает неотложность вопроса. 12 апреля 2010 года машина на угольном карьере Мейншил была испорчена, машина по своей разрушительной силе равная Мордору: 170 тонный экскаватор. Поток угля на ТЭЦ в Дрексе, самую загрязняющую электростанцию Англии, был остановлен.

Согласно их коммюнике

Саботаж против угольной промышленности будет продолжаться пока ее экспансия не будет остановлена.

Это простая клятва, короткое «Я делаю», обращенное ко всему живому. Глубинное Экологическое Сопротивление помнить, что «любовь» - это глагол, глагол призывающий к действию.

Глубинное Экологическое Сопротивление требует восстановления планеты.

Этот принцип уже сам по себе подразумевает, что уничтожение нужно прекратить. Сжигание горючих ископаемых должно прекратиться. Подобным же образом должны прекратиться и промышленный лов рыбы, промышленная вырубка леса и промышленное земледелие. Дания и Новая Зеландия запретили угольные электростанции: нет ни одной причины, по которой за ними не может последовать весь мир.

Чтобы прекратить разрушение, нужно честно взглянуть на культуру, которую может поддерживать настоящая солнечная экономика. Нам нужна новая история, но нам не нужны сказки, и остатки ветровых ферм и биотоплива домой нас не приведут.

Чтобы активно восстанавливать планету, нужно понимать в чем заключается нанесенный ей урон. Необходимое восстановление заключается в возвращении лесов и степей, лугов и болот; и может состояться за реалистичные 50-100 лет, если нам удастся добровольно снизить население. Это не техническая проблема: мы на самом деле знаем откуда берутся дети и существует масса способов предохраняться. Как уже обсуждалось в Части 1, перенаселение – это социальная проблема, возникшая из-за наслоения патриархата, цивилизации и капитализма.

Людям, как и раньше, недостает верной информации. Сейчас наши магазины полны. В бедных районах, т.н. продуктовые пустыни могут быть наполнены дешёвыми углеводами и растительным маслом, но они все-таки полны. А сколько людей может бесконечно, устойчиво кормить земля в округе на самом деле? Какой бы ни была наша численность, ее нужно написать, как икону во всех общественных местах, и понять эту цифру как основу нашей культуры, которая вымещает все живое. Наша новая история должна завершиться словами «И жили они долго и счастливо численностью 20 000 человек отсюда и до подножия холма».

Эта работа предназначена Переходящим и пермакультурному крылу, но пока они понимают все неверно. «Спецкоманда по нефтяному кризису» из Блумингтона, Индиана, например, опубликовала отчет под названием «Новое определение процветания: падение энергетики и устойчивость сообществ». Отчет признает, что в регионе не хватает земли, чтобы прокормить население. Однако, заявляют они, в городе достаточно земли, чтобы трудоемкими методами выращивать достаточно еды, чтобы прокормить всех на «простой, хотя и вегетарианской диете». [14] Проблема в том, что они не понимают, что почва – это не просто грязь какая-то. Это не безжизненная среда, которой ничего не нужно чтобы продолжать производить еду для людей. Почва – живой организм. Ее жизнь зависит от вечных поликультур – лесов и степей. Постоянный покров защищает ее от солнца, дождя и ветра; постоянное воздействие отмершей травы и листьев добавляет туда углерод и питательные вещества, корневая система предельно важна для выживания почвы, т.к. она становится домом для микрофауны, которая является основой жизни земли.

Вечные поликультуры, как деревья, так и травы, глубоко укоренены. Однолетние – нет. Эти корни уходят глубоко и достают до камней, формирующих подложку планеты и вытягивают на поверхность минералы необходимые для дыхания жизни. Без таких мер мир рано или поздно истощит запасы минералов. А однолетние растения буквально выкачивают ресурсы из почвы, вытягивая минералы без возможности заменить их. Каждая партия овощей с фермы – это перемещение минералов, которые нужно заместить. Это ключевой момент, который многие авторы книг об устойчивости не понимают: органику, азот, минералы – все это нужно замещать, поскольку однолетние урожаи истощают их.

Джон Дживонс, например, заявляет, что выращивает огромные количества продуктов питания используя лишь овощной компост как добавленный компонент на демо-участке под названием Common Ground. [15] Однако один из наблюдателей пишет:

«Устойчивый Лейтонвилль» посетили Common Ground. Сады могут дать лишь один прием пищи в день, потому что они не имеют достаточно компоста. Ошибка биоинтенсивного (биодинамического) или пермакультурного земледелия в том, что во всех этих случаях требуется каменный фосфат или каменная пыль и т. д. Невозможно получить вечное плодородие и снимать урожаи и при этом замещать утраченные питательные вещества «отходами» их культивируемой площади... даже если человеческая моча, кал и кости возвратятся в эту землю. [16]

Я создала восхитительную почву сада, темную как шоколад и с не менее глубоким запахом, используя листья, гнилое сено, компост и курей. Но в результате мне пришлось признать простую арифметику того, что мои расчёты имели недочеты. Я смешала плодородие, не создавала его. Листья и трава были выброшены гордыми своими лужайками фетишистами и фермерами, но то были питательные вещества нужные той земле, где они были взяты. Пригородный сад за домом создававший листья нуждался в них. Если я использовала листья, то владелец того дома использовал магазинное удобрение. Предельно важно добавлять продукты животного происхождения (навоз, кровь, костную муку) чтобы восполнять азот и минералы, материалы, которых очень сильно не хватает в виденных мной расчётах по самостоятельному обеспечению питанием. Большинство людей, неважно насколько хорошие у них намерения, понятия не имеют о том, что почве и растениям тоже нужно питаться.

Однолетние урожаи истощают органику почвы, а многолетние культуры – создают ее. Вспахивание и двойное вскапывание не только разрушают почву механически, а еще и добавляют ее не кислород, который усиливают биологическую активность. Это приводит к выбросу как углерода, так и метана. Одна статья в Science доказывала, что все системы вспахивания способствуют глобальному потеплению, причем пшеница и соя – худшие из них. [17] Именно поэтому сельское хозяйство стало началом глобального потепления. Напротив, именно работа многолетних культур создает органику, они фиксируют углерод и метан: более тонны на гектар. [18] И, конечно же, живые леса и степи не выживут без животных, без всей семьи в сборе.

Так что относитесь осторожно к заявлениям о том, сколько людей можно накормить с одного гектара в городских условиях. Дело не только в гектарах. Если вы решите предпринять такие подсчеты, то учтите, что почве в садах нужно быть постоянно укрытой. Откуда появится мульча? Почве нужно питание: откуда появится органика и минералы? И людям нужно есть. Мы не способны выжить на ничтожных калориях овощей, какими бы органическими они бы ни были, что вам подтвердят 50 000 кубинцев с поврежденными нервами. Пока что Переходные (Transitioners), пусть даже у многих из них есть пермакультурное образование, кажется, не отдают себе отчета в ограничениях почвы и растений, которые, в конце концов, все являются живыми существами с физиологическими потребностями. В конце концов единственные замкнутые циклы – это те, которые организуются естественным образом, т.е. те сообщества, которые уничтожило земледелие.

Но, как мы уже говорили, сады около домов мало соотносятся с судьбой планеты. Овощи занимают около 4% сельскохозяйственной земли. Вот что так определяет наше будущее, так это однолетние культуры, которые лежат в основе питания населения мира. Сельское хозяйство является основанием цивилизации. Именно этот урон нужно возместить. Гектар за гектаром, живые сообщества лесов, лугов, болот и степей должны получить разрешение вернуться домой. Мы должны любить их до такой степени, чтобы скучать по ним, а скучать так, чтобы восстанавливать их.

Лучшая надежда нашей планеты – в их восстановлении. Многолетние культуры создают почву, и кирпичиками этого строения является углерод. Рост органики в почве на ничтожные 0,5% – что под силу даже простенькой траве – распределенные по 75% открытых площадей (4,5 млрд гектаров) будут равняться 150 миллиардам тонн углерода, изъятого из атмосферы. Нынешняя концентрация углерода – 390 частиц на миллион. [19] Расчёты Питера Бейна показывают, что восстановление лугов восточней Дакоты моментально превратило бы США в страну поглощающую, а не выбрасывающую углерод в атмосферу. [20] Ранчеры Doniga Markegard и Susan Osofsky высказались об этом очень элегантно: «Как видно, нам нужно перейти от сельскохозяйственных выбросов углерода к сельскому хозяйству, которое фиксирует углерод.» [21]

Такого рода восстановление природы должно быть главной целью природоохранного движения. В отличие от Несуществующей Страны полной чудесных «решений» Дон Кихотов, у нас есть технология для восстановления лесов и степей, и мы умеем ею пользоваться.

Практически все направления природоохранных движений идеологически привязаны к растительной пище. Подобная привязанность серьезно мешает нам конкретно указать на проблему и начать работать над очевидными решениями. Роб Хопкинс, начинатель Переходных городов пишет: «Снижение поголовья скота также будет неизбежным, поскольку производство мяса промышленными методами и масштабами является абсурдным и неустойчивым разбазариванием ресурсов.» Выращивание скота в промышленных условиях (операции по концентрированному откорму скота - CAFO) и напихивание его кукурузой – абсурдно и жестоко. Но животные – обязательные участники биологических сообществ, помогающие создавать единственные устойчивые системы обеспечения едой, которые когда-либо реально работали: леса, степи, луга и болота. В целом – живую планету.

Та же самая идеологическая приверженность – единственное извинение слепоты к страданиям кубинцев и оправдание комментариев про 30% «все еще страдающих ожирением» кубинцев. Предполагается, что эта цифра должна нас ободрить: мол, глядите, никто не страдает от такого режима. Но такие комментарии лишь оголяют тотальное незнание биологии человека. Диета основанная на углеводах вынудит значительную долю населения набрать вес. Употребление в пищу любых углеводов вызывает резкое повышение уровня инсулина, чтобы контролировать уровень глюкозы в крови. Наш мозг способен действовать только в узком коридоре значений концентрации глюкозы. Инсулин – экстренная помощь на случай необходимости удаления сахара из крови на хранение в клетки. Инсулин имеет прозвище: «гормон накопления жира» потому как это одна из его основных функций. Его противоположность – глюкагон – наоборот активизирует сохранённую энергию. Но в присутствии инсулина глюкагон не может получить доступ к запасам энергии. Именно поэтому бедняки всех стран склонны к полноте: им в пищу достаются лишь дешёвые углеводы, запускающие ожирение. Если бы защитники растительной диеты знали основы биологии человека, знали, что набор веса – явный показатель неполноценного питания, а не свидетельство обратного. Полные люди – возможно самые истощенные люди на планете, поскольку они ежеминутно не получают доступа к избытку энергии необходимому для нормальной жизни. Вместо понимания, представители всего спектра политических убеждений обращают к ним моральные суждения и общественные порицания.

Я не хочу даже малейшего участия в культуре, которая обрекает кого-либо на подобную жестокость и унижение. Шон Чемберлин пишет: «Восприятие мясоедов можно поменять также как поменялось восприятие водителей больших машин». 21 Даже если он был прав относительно мяса как глубинной проблемы, подобное постыжение людей за простое животное желание есть просто отвратительно. Половина населения – женская половина – уже ненавидит себя за каждую ложку съеденного, чем бы оно ни было, как бы мало ни лежало на тарелке. Вопрос питания – не место для такого рода социального прессинга, уж точно не в культуре, ориентирующейся на картинки и насквозь пропитанной женоненавистничеством. Пища должна быть питательной, а подпитка – частью культуры, включая нашу культуру сопротивления.

Если Чемберлин хочет приемлемую жертву для общественного порицания, он может начать с мужчин-насильников, мужчин избивающих женщин, а затем он может переходить к мужчинам, которые отказываются от вазоэктомии – это будет более корректное приложение его морального одобрения.

Если преодолеть идеологическую привязанность, то это также придаст ясности этому удивленному созерцанию таких «радикальных» писателей, когда они наблюдают поведение людей по отношению к пище. Если принять как факт то, что у людей имеется физиологическая потребность в пище насыщенной питательными веществами, то больше не будет удивительным то, что, получая больше денег, люди будут покупать больше мяса. Нам не может по-настоящему удовлетворить чудесная питательность растительной пищи. Идеология – жидкая каша и насаждать ее хронически недоедающим людям не только морально подозрительно, она просто не сработает. А если бы мы держались древней диеты, то мы бы не разорили нашу планету.

Восстановление лугов из сельскохозяйственных угодий с правильными видами жвачных животных имеет множество преимуществ, помимо фиксации углерода. Так вырисовывается конец эпохи загонов и клеток. Это здоровее для людей. Так исчезает необходимость во всех удобрениях и пестицидах, что устранило бы мертвые зоны океанов у устьев рек по всему миру. Например, мертвая зона в Мексиканском заливе имеет размер штата Нью Джерси. Так прекратятся катастрофические наводнения, являющиеся результатом урожаев зерновых, наводнения, являющиеся очевидным последствием уничтожения болот и лугов.

И масштабы можно наращивать моментально. Фермеры могут выйти на прибыли в первый год выращивания скота на траве. Все это очень сильно выделяется на фоне выращивания сои, кукурузы и пшеницы, от которых они никогда не могут получить прибыли. Сегодня, шесть корпораций, включая Монсанто и Каргил, контролируют поставки продуктов во всем мире. Благодаря монополии они могут опускать цены ниже себестоимости. Единственная причина, по которой фермеры все еще работают – в том, что налогоплательщики США выплачивают разницу, которая достигает миллиардов долларов в год. Фермеры по сути являются крепостными в услужении зерновых картелей, зависимыми от дотаций федерального правительства. А говядина, выращенная на траве, и бизоны могут освободить их за один год. Нам даже не нужны решения правительства, чтобы начать с самого основного в восстановлении нашей планеты. Нам нужно просто создать спрос и инфраструктуру: город за городом, регион за регионом.

Земля, при нормальном дожде, может давать четыре головы с гектара. Но вырастить их можно двумя способами. Можно уничтожить травы, посадить кукурузу, скормить эту кукурузу коровам в ужасающих условиях, одновременно отбирая здоровье у них и у людей-потребителей мяса. Или можно пропустить пытку нефтью, уничтожение биоценозов, создание мертвых зон бывших ранее заливами и океанами и просто позволить скоту есть траву. Любой из методов дает

одинаковое количество пищи людям, но один из них разрушает круг жизни, а другой участвует в круге жизни. Я могу уверенно сказать, за какую пищу проголосовали бы красноногие лягушки и черноногие хорьки: дайте им есть траву.

Восстановление лугов также самым коренным образом поможет созданию условий для возвращения дикой природы. Даже если бы все вышеупомянутые причины не имели значения, то такое восстановление было бы все равно необходимым. Аббревиатура HANPP означает «захват человеком чистого первичного производства». Это мера того, насколько много производимой планетой биомассы ежегодно используется человеком. На сегодня, 83% земной биосферы находится под прямым влиянием человека, а 36% биологически продуктивной поверхности Земли полностью под его контролем! [14?] Как ни оценивай, это намного больше чем наша доля. Люди не имеют права уничтожать чужие дома, 200 видов за раз. Наша ответственность – не просто остановить это, но и исправить. Цивилизации, в конце концов, – культуры людских привилегий, и они отобрали себе все возможное.

5. Глубинное Экологическое Сопротивление означает восстановление человеческой культуры.

Такое восстановление должно, словами Андреа Дворкин, быть основано на «одном абсолютном стандарте человеческого достоинства». Начинается оно с тотального уважения физических границ всех людей и их сексуальной целостности. Продолжается оно питанием, кровом, здравоохранением и уверенностью в том, что наши основные потребности обеспечены. А раскрывается оно в демократии, где все люди имеют право голоса в решениях, касающихся их. Это включает как политические, так и экономические решения. Нет смысла в гражданской демократии, если экономика иерархична и богатые могут править своими деньгами. Люди должны иметь решающий голос в вопросах касающихся их материальной культуры и ресурсов для выживания.

На протяжении большей части времени нашего пребывания на этой планете у нас это все было. Было много социальных, юридических и религиозных ограничений, которые защищали людей и общество от накопления богатства.

Существует огромное множество идей о том, как преобразовать наши сообщества из накапливающих богатства и доминирующих в справедливые и человеческие. У нас нет недостатка ни в анализе, ни в идеях. Нам недостает лишь решимости видеть их насквозь.

Нам также нужна легенда (история), которую так многие Переходящие ценят. Важно признать, что не все утратили свою древнюю историю (легенду, мироописание). Существуют коренные народы, которые все еще хранят свои легенды. По мнению Элис Манн,

Контраст между западным патриархатом и Ирокезским матриархатом очевиден абсолютно. ... Я не считаю возможным исследовать истинные движущие силы матриархата, если мы смело не подойдем к духовным основам его систем. Таким же образом, мы не сможем освободиться от урона, наносимого патриархатом, если не научимся ценить то, чему преданы духовные ценности матриархата.

Ирокезы даже не доказывают тот факт, что дух дает знания и опору всем нашим социальным, экономическим и правительственным структурам. Каждый совет любого старейшины начинается с благодарения, т.е. передачи энергии, чтобы внутри собрания царил энергия Общего Здравого Разума и Единодушия. Если совет проходит плохо, то люди предполагают, что ответственный за церемонию плохо совершил работу по ее открытию в той части, где он совершал благодарение. В речи благодарения, собираются и упоминаются все духи Крови и Дыхания (или Земли и Неба), а в конце принимается, что Общий Здравый Разум и Единодушие требует активного участия не только элиты, а и всех членов общины. Таков основополагающий взгляд всех матриархатов. 16

Она описывает культуру, где «все вершится советом, а не декретом», основываясь на духовном понимании всеобщего участия во вселенной, а не на «параноидальной изоляции» принесённой вспышками гнева социопатического бога. Вот в чем разница культур матриархата и патриархата, эгалитарности и доминирования, участия и власти.

Подобные легенды нужно рассказывать, но помимо того, их нужно закладывать в основу институтов общества. Все легенды мира ни на что не годны, если останутся легендами на устах.

Один общественный институт заслуживает серьезного рассмотрения: настоящая народная милиция (ополчение). Сегодня в США только правые организуются в вооруженные силы. В 2009 году антиправительственные ополчения, описанные Южным Центром Законов Бедности как «парамилитарное крыло Патриотического движения», выросли в три раза: их было 42, а стало 127. [17] Нам нужно давать оружие в руки тех, кто верит в права человека и, кто поклялся защищать их, а не в руки тех, кто чувствует угрозу из-за того, что у нас черный президент. Если расистские бандиты в высоких сапогах будут все больше параноидальными и сольются в единое организованное движение, нацеленное на захват политической власти, но нам не нужно вновь пережить 1936 год, чтобы понять куда это заведет, особенно когда продолжается энергетический кризис и упадок экономики. Одновременно с ополчением полезно знать и уметь вести массовые акции гражданского неповиновения чтобы свергать нелегитимные правительства или лидеров переворотов, если такое случится. «Гражданская Оборона» Джина Шарпа объясняет, как эта техника работает и приводит исторические примеры. Его книга должна стать частью списка обязательных к прочтению книг для движения Переходных Городов.

Однако если люди, обладающие худшими качествами, окажутся вооружены, то мы об этом сильно пожалеем. Именно за эту идею должны ухватиться прогрессивные и радикальные силы. Громадная и очень достойная часть левых верит в ненасильственные методы, верит так, что для многих это достигает степени духовного призвания. Но общества в ходе всей истории и нынешние дегенерировали, став мелкими тираниями и соревнуются в жестокости. Мне мало защиты в виде личной веры во врожденную доброту человека.

Истинное народное ополчение (милиция) должна принять присягу правам человека, включая права женщины. Ужасы прошлого включают в себя массовые проявления садизма со стороны мужчин. Женщины очень обоснованно боятся мужчин с оружием. Изнасилования не неизбежны. Это поведение, которое происходит от социальных норм, тех норм, которые культура сопротивления может изобличать и которым может противостоять, есть у нас народная милиция или нет. Нам нужна политика нулевой терпимости к жестокости, особенно сексуальному насилию.

Военные организации, как любая другая культура, могут поощрять изнасилования или запрещать. В ходе истории солдатам, особенно наемникам, давалось «право» грабить и насиловать как часть оплаты. Другие военные организации занимали принципиальную позицию против изнасилований. Джин Бельткэ Эльштайн пишет: «Израильские военные ... настойчиво запрещают солдатам насиловать. Британская и американская армии также не были армиями, где изнасилования были регулярно «разрешены», когда офицеры смотрели в сторону, хотя британские и американские солдаты совершали изнасилования при удобном случае. Даже во время вьетнамской войны, когда возникали случаи насилия, пыток и резни, изнасилования носили спорадический, оппортунистический характер.» [456789] История жестокости военных против гражданского населения – это история, она не повсеместна и не неизбежна. Эльштейн продолжает: «Война – это не вольное проявление жестокости, а скорее борьба, ограниченная целями войны, стратегиями и разрешенными тактическими приемами. Если бы война была просто неуправляемым выбросом насилия, то войны были бы еще более разрушительными, чем они и так являются». Западные страны за сотни лет собрали свод неписанных правил для военных, который известен как «обычаи ведения войны», который был попыткой ограничить страдания солдат и оградить гражданских. В результате он трансформировался в Гаагскую конвенцию номер 4 1907 года и Женевскую конвенцию 1949 года. Эти акты пытались ограничить грабеж и уничтожение собственности, а также защитить гражданских. Единый военный кодекс четко указывает, что изнасилование неприемлемо и даже уточняет детали того, почему «согласие» на секс с вооруженным насильником является по сути бессмысленным. Эльштейн также отмечает, что «максимальное наказание за изнасилование – смерть. Следовательно, изнасилование карается высшей мерой наказания согласно Единому военному кодексу, в отличие от большинства обычных кодексов.»

Следующим шагом нужно заставить командную структуру воспринимать изнасилование серьезно. Как отмечает Эльштейн, «привести преступников к суду трудно, если сами лидеры вооруженных сил не настроены решительно на выискивание и наказание солдат, причиняющих населению страдания. Нет смысла говорить, что если сама стратегия заключается в мучениях для населения, то насильники никогда не предстанут перед судом.»

Именно основателям новых сообществ и их должностным лицам предстоит установить нормы и сделать эти нормы феминистскими с самого начала. Нижеследующие меры в очень значительной степени помогут сформировать истинную народную милицию (дружину), а не просто организацию, состоящую из вооруженных бандитов, которые будут «осваивать целину» - женщин и девочек, которые страдают, когда мужчины бьются за власть.

Офицеры-женщины. Женщины должны быть в положении силы с самого начала и их авторитет требует абсолютного уважения со стороны офицеров-мужчин.

Образовательная программа, включающая в себя изучение феминизма, динамики насилия, кодекса поведения, который делает упор на защите, на отстаивании прав человека.

Нулевая толерантность к женоненавистническому пренебрежению, сексуальным домогательствам и агрессии вреди всех членов сообщества.

Четкая политика по заявлениям о нарушениях и однозначность в отношении последствий.

Проверки прошлого, чтобы исключить попадание насильников и жестоких людей из милиции.

Жестокие последствия за любое насилие над гражданскими.

Народная милиция должна получить широкую поддержку идя по пути включения всего сообщества, как это сделали Чёрные Пантеры со своей программой бесплатных завтраков. Помимо простой деятельности как тренировки с оружием и военные маневры, милиция (ополчение) смогут помочь окружающему сообществу с такими услугами, которые всегда ценятся: доставка дров для пожилых, починка крыши начальной школы. Сама идея милиции может причинить некоторым людям тревогу, а уважительный персонал и коммунарные взаимоотношения помогут преодолеть сопротивление.

6. Глубинное Экологическое Сопротивление признает необходимость вооруженной борьбы.

Если бы у нас было массовое движение или достаточно времени чтобы его построить, то мы смогли бы прекратить те виды деятельности, которые уничтожают нашу планету, используя при этом только физическое присутствие решительных людей. Люди, вооруженные одним лишь мужеством, прекратили сегрегацию в Южных Штатах, а другие разрушили Берлинскую стену.

Достаточное число людей могли бы закрыть нефтеперегонные заводы и угольные ТЭЦ, прекратить ужас битуминозных песков, открытых карьеров и сплошной вырубки. Осенью 2010 года, французские рабочие вышли на забастовку, чтобы протестовать против предлагавшегося повышения пенсионного возраста. Протестующие использовали грузовики, горящие шины и стояли живой цепью, чтобы блокировать нефтебазы и закрыть все 12 нефтеперерабатывающих заводов Франции. Главный нефтяной терминал не работал 3 недели, задерживая 30 танкеров. Когда государство попробовало открыть госрезервы, протестующие заблокировали еще 20 терминалов. За несколько недель вся экономика начала буксовать из-за недостатка топлива. Даже после того как автоцистерны добирались до терминалов, для возобновления дистрибуции бензина потребовалось несколько дней, поскольку транспортная и другие забастовки препятствовали дистрибуции на каждом шагу.»²⁹ Как сказал Жан Луи Шилански, президент Французской нефтяной ассоциации, «у нас есть заметные узкие места».

Бастующие французы делали то, что делают все военные и повстанцы: они нарушали работу ключевых узлов инфраструктуры. Они уже серьезно продвинулись в деле полной остановки экономики, и они добились этого

ненасильственными методами. Я была бы очень рада вести борьбу ненасильственными методами. Как показала французская забастовка, это реально. Если бы у нас было достаточно людей, то мы смогли бы уже к полуночи прикрыть эту лавочку при помощи блокад людьми. Но страстное желание не помогает собрать нужную численность активистов. И уже прошли те времена, когда можно было потешить себя миллениаризмом.

Вот вопрос, от которого, возможно, зависит судьба мира: Готов ли ты принять последнюю из оставшихся нам стратегий? Готов ли ты оставить позади последнюю, страстную мечту о восстании миллионов сильных духом? Я знаю, о чем прошу. Сердце человека желает надежды как воздуха. Но существование этих миллионов смелых – пустая надежда отчаявшихся, и они не придут нас спасти.

Есть лишь несколько сотен и называются они MEND. Они прямые потомки Кена Саро-Вива и восьмерых решивших воевать своими жизнями, как единственным оружием. Их жизни закончились в тугой петле жестокой власти, в путах военных, убивавших во имя всемирно богатых.

Но их борьба не окочилась. В тот печальный день власть не победила. Потому что MEND хочет сказать нефтяной промышленности: «Уйдите с нашей земли или умрите в ней.».

Готов ли ты сделать то же самое? Сказать: «Покиньте наши горы, наши болота, наши последние древние деревья. Оставьте в покое наших пернатых и мохнатых братьев, которые ежесекундно из живого мира превращаются в воспоминания.» Готовы ли мы бороться за нашу планету?

Чёрные Пантеры хотели сделать национальное собрание, но им негде было его провести. Квакеры Филадельфийской общины, несмотря на серьезные и глубокие разногласия по вопросу ненасилия, предложили свой самый большой дом собраний. Более того, они окружили дом живой баррикадой, чтобы защитить Черных Пантер от полиции, как акт необычайной солидарности, поставив свои жизни между властью и сопротивлением. [9876543]

Предложишь ли ты свой дом собраний? Белым медведям и черноногим хорькам, бизонам и лососю нужно безопасное место. Что ты будешь защищать твоей жизнью.

Предложишь ли ты место встреч? Сопротивлению тоже нужно место, где они смогут собрать свои силы, обрести мужество и броситься в последнюю битву.

Углерод раздувается, планета нагревается, реки чахнут, а где-то черная крачка сдается в истощении. Та же самая петля, которая отобрала у нас Кена Саро-Вива, затягивается, а времени осталось на последний вздох. Закроешь ли ты глаза? Позволишь ли Земле пасть в отвратительном треске умирающих видов, лесов и рек? Или ты будешь бороться?

Что бы ты ни любил, оно в опасности. Любовь – это глагол. Так что сделай этот последний вздох и борись.

ЛЕГЕНДА

Все это ни к чему не приведет без прямого действия против инфраструктуры, без, собственно, сопротивления. Диссидентство никогда еще не свергало систему власти и никогда не сможет. Мы знаем, что произойдет без сопротивления: это уже происходит, когда горы падают от чудовищной жадности, а день этот взошел над опустошенными океанами с повышенной кислотностью.

Итак, легенда. Она начинается не со слов, «когда-то, в незапамятные времена», потому что это не давнее событие.

Это история из будущего, будущего настолько хрупкого, каким хрупким может быть только первый проблеск рассвета. Наши герои – не творения из крови и плоти. Они сотканы из слов, собранных шепотом и мечтами. Отчаяние отрицает собственную эсхатологию. Потому что жизнь хочет жить: это и надежный факт и мечта растящая свои крылья. Жизнь хочет жить: наше причастие и наш боевой клич.

Наша история начинается в день, похожий на сегодняшний день. Где-то случается вопрос: ты со мной? Вопрос рискованный, но этот риск оценивается на фоне болезненного отчаяния еще 200 видов и 29 градусов жары, риск принят. Тест умственного согласия и доверия характеру уже будет пройден. Осталось лишь кому-то спросить: ты со мной?

Вопрос звучит еще и еще раз, шесть раз, десять раз. Первая встреча, обсуждение тактики, распределение задач. А чья-то работа – продолжать задавать тот самый вопрос, искать других, множиться пока не будет достаточно.

Достаточно – это не только про числа. Достаточно значит тренированные тела, подконтрольные привычки, надежное поведение, непоколебимый моральный стрежень. Отсутствие цели – не наша сила, а нем наш глубокий провал, а эта революция не ради процесса. Достаточно значит мужество и принятие того, что будущее возьмет в жертву. Достаточно означает детальное понимание стратегии, которую мы предлагаем.

Мы не Подполье Погоды и не Фракция Красной Армии. Джереми Варон, описывая историю обоих, пишет: «в 1960 году радикалами двигал апокалиптический импульс, исходивший из цепочки предположений: существующий порядок полностью коррумпированный и должен быть уничтожен, его уничтожение уступит путь чему-то радикально новому и лучшему, а трансцендентная природа этого прыжка делала будущее по большей части чистым листом невообразимой утопии.» ГЭС – это не светский миллениаризм. Революция не близится, всеобщий хаос ее не породит, а по сути символические атаки на людей и собственность стратегически бесполезны. Вычеркиваем эти атаки из списка сейчас: все. Это так и неважно каковы цели атак: большие или даже монументальные, или маленькие и доступные. ГЭС – не призыв атаковать все вокруг. Если это борьба с противником, у которого на повестке стратегия выжженной земли, тогда наша стратегия должна целиться выше окон ближайшего корпоративного аванпоста. Так что спрячьте ваши кирпичи и баллончики с краской: это не оружие серьезных. С этого момента и впредь, наша цель – быть эффективными.

А раз наши клеветники будут уверены в ложном: ГЭС – это не призыв к вооруженному восстанию. Эта идея абсурдна. Новые радикальные экологи никогда в жизни не одолеют армию США. Стратегия ГЭС не подразумевает ни яростных столкновений ни «дать по зубам первому попавшемуся копу» в стиле Теодора Розска. Наша цель – не свержение правительства США или любого другого правительства. Сфера всесторонних перемен и политический трансформации пусть лучше будет в руках открытых (легальных групп), работающих на всех уровнях: от местного до

международного. Подобные кампании требуют массового движения и, по всей видимости, ненасильственной тактики, и тому есть поучительные примеры со всего мира.

ГЭС – это борьбы против одного врага: промышленной цивилизации. Это отличает нас от любого другого движения прошлого. Оно немного подобно движению луддитов (Внимание, новость: они были правы). Оно также пересекается с попытками коренных народов предотвратить изгнание – исчезновение – из-за плотин и карьеров. Но коренные народы вынуждены бороться, потому что они привязаны к месту, защищают свою землю и свое выживание. Они не могут в остром столкновении победить армии, стоящие на службе у прибылей капиталистов. MEND предлагает ГЭС более успешную модель, используя гибкость и элемент неожиданности – сильные стороны партизанской стратегии.

Но раз наш враг не военный, нам выкручивают руки этические дилеммы. Если между нами и нашими целями стоят люди, то они не солдаты. Мы можем сказать, что цивилизация – это война против жизни, но это не ответ на моральную дилемму, которую создает риск для жизни. У меня нет ответа – лишь неотложность размером с землю, море и небо. Я никогда не просилась оказаться в таком положении. Утверждать, что якобы где-то еще осталась возможность в угоду всем привести цивилизацию к добровольной трансформации, значит намеренно отрицать все факты, а я не могу переключить мою нравственную ответственность на облегчение моей нравственной агонии. Я вынуждена класть на одну чашу весов тот факт, что действия имеют последствия (часто непредсказуемые и драматические), а на другую слова Оксфем о климатическом сдвиге: «Сотни миллионов людей имеют очень печальные перспективы, по большей части в самых нищих частях мира.». 12 Не я создала эту дилемму. В эту дилемму нас бросила история. А я пытаюсь ее разрешить всеми доступными мне способами. Я не могу поставить мое желание эмоционального комфорта и беззаботности выше неотложности проблемы для людей и жизни, выше проблемы, которой нас наделила история. И все, что я могу сделать, так это просить людей, которые возможно читают эту книгу: умоляю, делайте все возможное, чтобы пощадить разумную жизнь.

Для тех из вас, кто качает головой от ужаса: есть ли у вас достаточно тел, чтобы закрыть треть нефтяной индустрии и изгнать Бритиш Петролеум с этой земли? А что насчет всей промышленности и сноса вершин гор в придачу?

Я также знаю, что если послабить наши базовые нравственные принципы, то будут последствия, в особенности если они перемешаны с молодостью, фанатизмом и маскулинизмом. Бомбардировка для воспоминания – это событие оставившее след в слишком многих. 8 ноября 1987 года ИРА взорвала бомбу в Эннискиллен (графство Ферманах, Северная Ирландия) во время церемонии в честь ветеранов, которые воевали в британской армии в Первую мировую. Погибло 11 человек, по большей части престарелые женщины, 63 человека получили ранения. Денни Моррисон, представитель Синна Фейна, сказал: «Я был потрясен, и я думаю многие из наших сторонников тоже, обнаружив, что в этом была замешана ИРА.» [13] Вторая бомба, в четыре раза больше, к счастью не взорвалась на еще одной церемонии, на этот раз на церемонии Boys' and Girls' Brigades. Стратегия ИРА, как утверждается в их руководстве по подготовке «Зеленая Книга», включает войну на истощение против персонала врага». А это касается британской армии, а не Girls' Brigade. Поднялась «всеобщая волна гнева и отвращения» наряду с возмущенными заявлениями политиков в Ирландской Республике. 14 Синну Фенн восстановил уровень политической поддержки только через 14 лет. Лидеры ИРА сняли с себя ответственность за взрыв, а вся бригада Ферманаха была расформирована. За взрывом стояли три подразделения ИРА, а в установке взрывчатки участвовали аж тридцать добровольцев. И среди всех этих людей, неужели никому и в голову не пришло заставить остальных задуматься?

В своем коммюнике ИРА заявляло, что намеревалось атаковать британских армейцев и королевских констеблей. Но никто не принял их логики. Эта акция не была ошибочной, она была ошибкой. Ни намеренные атаки против гражданских ни такое черствое безразличие к сопутствующим потерям не являются нравственно приемлемыми. Мы возвращаемся к диаграмме 13-3: эта акция не была ни справедливой ни стратегичной.

Не причин, по которым сопротивлению нужно совершать подобные ошибки. Но даже сочиняя эти строки, я вспоминаю одного комментатора событий в Эннискиллени, который говорил о «беспощадно метафизический тон дебатов о смерти... который пытается различить справедливые и несправедливые политические убийства». Я знаю все возможные варианты все испортить, насколько легко экстремизм уходит с причала без компаса нравственности. И я знаю, что моя планета умирает, а самые уязвимые всегда погибают первыми.

Ни один человек не ощущающий бремя нравственных рисков серьезных действий не должен принимать таких решений. Экстремизм щекочет нервы и вызывает зависимость, маскулинизм слишком легко подпитывает маскулинизм, а сердце человека очень умело оправдывает жестокость. А еще я знаю, что решения, решения касающиеся жизни и смерти, нужно принимать, отчаянные решения. Если кому не хватает выдержки, пусть выжидает. Но для отчаянных: выберите лидера по характеру, а не по харизме, и никогда не забывайте о цели, стратегии и истинных целях атак. Как мне однажды сказал лесник, «как только ты пересташь бояться бензопилы, тебе пора перестать ею пользоваться.». Помните о взрывчатке, заготовленной для Girls' Brigade: как только ты пересташь понимать нравственность, ты пересташь принимать нравственные решения.

ГЭС ставит перед собой совсем другую цель, не такую как антиколониальная борьба. «Зеленая книга», например, четко определяет цель антиколониальной борьбы: «Сделать шесть стран неподвластными ничему, кроме колониального военного правления». Тут нет аналогии со стратегией Решительной Экологической Войны, которую мы описываем, ни одной. РЭВ, по сути, преследует лишь одну цель: остановить и разрушить промышленную цивилизацию и, следовательно, отобрать у власти возможность эксплуатировать бессильных и уничтожать планету.

Наши боевые активисты не пытаются повлиять на совесть. Они не гонятся за шумихой в прессе. Им не нужно новое правительство или место в политическом диалоге. Они пытаются остановить сжигание горючих ископаемых в промышленных масштабах и уничтожение систем жизнеобеспечения всей планеты. Вот какова цель ГЭС. И РЭВ – их стратегия.

Инфраструктура промышленной цивилизации не только уязвимая и доступная цель, но экологическое движение не привыкло мыслить понятиями инфраструктуры. Это язык войны, а не петиций. И давно пора появиться второй стороне в этой войне. На сегодняшний день экологические движения не предлагали обсуждаемый здесь уровень вовлеченности, хотя в долгие часы между полночью и рассветом кто-то другой о такой вовлеченности желал.

И конечно, есть кто-то, кто не просто желает, а еще и верит. Если они начнут мыслить, как сопротивление, то это станет возможным.

Формирующиеся подпольные ячейки вряд ли сольются в единую сеть, учитывая реалии тотальной слежки и атомизованность современной жизни. Но несколько сетей размером с MEND можно достаточно легко построить и подкрепить группами единомышленников (соратников). Подобные сети и ячейки будут серьезно воспринимать тренировки, безопасность и своих лидеров. Сопротивление – это не игра оптимистичных детей или перевозбужденных подростков любого возраста. Прежде всего эти группы будут понимать большую стратегию РЭВ.

Сопротивление скорее всего будет раздробленным. Несвязанные сети не смогут координироваться между собой, но все же смогут действовать сообща и приумножать усилия друг друга. Но они смогут это сделать, только если будут понимать общую стратегию РЭВ, и именно поэтому стратегия – это самое главное в обучении боевых активистов.

Инфраструктура нефтяной экономики будет их первым приоритетом, а самые критичные для ее работы узлы будут их лучшими целями. Эти цели нужно оценивать, по двум критериям. Первый – доступность: насколько легко атаковать цель? А второй – нравственность: стоит ли это делать? Есть ли приемлемые риски для разумной жизни? И, что считается неприемлемым?

Самое заветное желание моей утомленной души – чтобы этот вопрос сам нашел себе ответ в простом слове «никогда», что значит, что ни одно рискованное действие не будет даже рассматриваться как возможность. Я понимаю тех, кому нужен такой ответ и с уважением отношусь к тому, что наши решения могут быть болезненными и не совпадать. Я также знаю, что стратегия облегчающая боль не сможет помочь нашей планете в оставшееся ей время, которое отмеряют 200 видов в день.

Десять минут поиска в интернете покажут откуда берется нефть, где швартуются танкеры, где в прибрежных зарослях блестят нефтеперерабатывающие заводы. Все это – очевидная и легкодоступная общественности информация.

А сейчас, как раз, когда я это пишу, глубоководный горизонт Бритиш Петролеум продолжает выливать в океан нефть, которая становится исчадием ада. Первая морская птица, коричневый пеликан, недавно изъятый из Красной книги, был найден весь покрытый нефтью; первая кожистая черепаха была обнаружена в попытках хоть как-то дышать. К моменту, когда эта книга окажется в ваших руках, кто знает, как много накопится жертв, сопутствующие потери сопровождают эту культуру каждый день.

А вот факты, о которых никто не говорит, факты, которые ничего не значат потому что экологические движения не умеют думать, как сопротивление: через год после урагана «Катрина» 12% производства нефти и 9,5% производства природного газа остановились навсегда. Заводы не были восстановлены, потому что остатков запасов слишком мало, чтобы покрыть затраты на строительство. Но вы и ваши воображаемые друзья понимаете: акции против инфраструктуры будут становиться все менее систематичными из года в год.

В нашей истории (легенде), как законы физики, так и экономические реалии остаются неизменными. Еще несколько минут исследований покажут карты нефте- и газопроводов, железнодорожные ветки, ведущие от угольных шахт. Еще несколько минут, и известны адреса штаб-квартир корпораций. Еще один поиск даст список компаний, которые производят чудовищное оборудование для сноса целых горных вершин. Опять-таки, эти предприятия можно закрыть с использованием гражданского неповиновения, но, если нет многотысячной армии ненасильственных, вы и ваши друзья сможете совершить лишь символическую акцию на полдня. Мысля, как сопротивление, двадцать друзей могут остановить снос горных вершин.

Смогут ли они построить все заново? Многое – да. Но движение сопротивления снова все снесет, т.к. именно этим и занимается движение сопротивления. Будет ли кто-то схвачен? Возможно, но есть другие, готовые занять их место. Будут ли последствия и побочные эффекты? Да. Если выпустить норок из европейских меховых ферм, то будут разорены низко гнездящиеся птицы и существующие популяции норок. Кто-то более образованный мог бы это предсказать, а их освободители этого не знали. РЭВ нуждается в людях, которые будут не просто бороться, а еще и изучать, оценивать, думать. Но в конце концов все планирование на свете не спасет активистов ГЭС от нравственных страданий и взрослой печали, заключенных в нашей ответственности.

Какими могут быть нежелательные последствия промышленного саботажа. Горючие материалы не всегда хорошо реагируют с другими, значит атаковать нефтегазовые объекты нужно с предельной осторожностью. Для окружающей среды последствия могут быть минимальными, поскольку трубопроводы имеют клапаны, которые автоматически отключают подачу. Например, штат Вашингтон требует системы определения утечек, которая может определять снижение потока на 8% от максимального за 15 минут и меньше. В некоторых местах цифра равняется двум.

Поражение узлов интернета требует специализированных навыков, и поэтому их доступность ограничена, но эти цели не несут рисков для разумных существ. Давайте начистоту: интернет нужен не для того, чтобы народ лайкал друг друга в Фейсбуке. Он был исходно создан для военных и был быстро взят на вооружение корпорациями. Он делает возможным быстрый оборот капиталов и без него не было бы глобализации. А у электросетей есть 300 000 километров критических уязвимостей. Даже временные отключения могут привести промышленную цивилизацию к почти полной остановке.

А каждый день такой остановки – это намного меньше углерода, выброшенного в небо, намного больше места для бизона и крачки, намного больше шансов, что бедные по всему миру не переживут то, как их землю и жизни потрошат оружием из власти и богатства. Бедные люди не голодны потому что им мало американского импорта. Их сгоняют с их

земли в нищенский голод тем, что сбрасывают им дешевые сельскохозяйственные товары. Горстка корпораций по сути контролируют поставки еды во всем мире, и они уничтожили самодостаточные местные экономики по всему миру. Чем скорее прекратится импорт зерна от зерновых картелей, тем больше вероятность, что бедные смогут вернуть себе землю и свой образ жизни. Помните, что бедные бедны, потому что их грабят богатые. На нашей планете сегодня самые богатые 20% населения (это, возможно, и мы с вами) потребляют 76,6% товаров. Самой бедной пятой части населения достается лишь 1,5% [17]. Авторы этой книги часто обвиняли в том, что они предлагают геноцид, а на самом деле геноцид уже происходит прямо сейчас. Все, что может остановить богатых, будет лишь облегчать тяготы бедных, включая тяготы недоедания и голода.

И каждое нарушение в жизни богатых стран помогает ломать ложную убежденность, будто наш образ жизни перманентный и стабильный. Помните, конец неизбежен: все, что мотивирует людей начать готовиться, облегчит нам путь в жизнь с меньшим потреблением энергии, уменьшит страдания. Ни одно из действий наших борцов не свергнет промышленную цивилизацию за 24 часа. РЭВ не станет причиной внезапного массового голода ни тут ни за океаном. Она станет причиной нарушений в работе, и, если получится, эти нарушения станут все более постоянными за несколько лет.

Нарушения работы системы из-за действий в рамках стратегии РЭВ дадут богатым мира понять, насколько уязвима их зависимость от индустриальной цивилизации и начнут строить стойкие сообщества в движении Переходных городов. Потребность в локальной экономике и локальной демократии становится неотложной из-за нависающей реальности нефтяного кризиса и климатического сдвига. Чем быстрее защищенные промышленностью почувствуют эту неотложность, тем больше у них будет времени подготовиться. Чтобы научиться выращивать еду, накопить навыки и построить нужную инфраструктуру нужно время. А чтобы построить функциональную демократию, требуется еще больше навыков.

И никогда не забывайте, что в этот самый момент другим людям причиняют боль, людям, у которых нет выбора в отношении нефти, газа или дорогих телефонов, начиная с коричневого пеликана и кожистой черепахой. Они имеют право не давиться шламом, у них есть право на будущее и на потомство. У них нет выбора между отрицанием и подготовкой, и нет способа перейти к жизни на планете, где температура будет намного выше, чем их предки когда-либо испытывали.

В нашей истории первый прямой удар по промышленной цивилизации будет, скорее всего, более прагматичным и не таким смелым: например, по электросети. Наши бойцы все спланировали хорошо. Помните четыре критерия выбора цели: сеть доступна, уязвима, критична и, хотя она и восстановима, избыток соответствия первым трем условиям может потенциально сделать эту восстановимость более теоретической, чем практической.

Подпольные сети могут поражать несколько узлов за раз, а не связанные с ними группы единомышленников, хорошо впитавшие РЭВ и большую стратегию ГЭС, могут добавить свои удары по целям, к которым у них есть доступ. Первое отключение энергии благодаря действиям ГЭС может длиться несколько дней или даже недель.

Очень многому можно научиться, рассмотрев северо-восточное отключение ЭЭ в 2003 году. 14 августа гигантский скачок энергии вызвал каскадное отключение ЭЭ по всему северо-востоку США и Канады, что повлияло на жизни 55 миллионов людей. Это событие оставило после себя понимание того, насколько уязвимы сети ЭЭ. Ввиду того, что ЭЭ хранить невозможно, ее нужно потреблять в тот момент, когда ее производят. Иначе ее сбрасывают. Потребление и спрос должны точно соответствовать, а не то дорогая инфраструктура может быть серьезно повреждена из-за избытка или недостатка мощности. У сети есть защитные цепи (реле), чтобы защищать ее от искрового перекрытия, которые оберегают ее от внезапных скачков тока. Удивительно, что кто-то вообще полагается на электричество при таких сложных условиях стабильности.

14 августа произошло каскадное отключение, которое началось с дуговых разрядов между несколькими высоковольтными линиями и некоторыми деревьями на северо-западе Огайо. К моменту, когда сеть перестала подавать признаки жизни, все электростанции отключились и наступило полное отключение. Было отключено всего 256 электростанций, а выработка электричества упала на 80%.

Однако выражение «каскадное отключение» применимо к намного более широкому ряду явлений, чем электросеть. Не работали ПНЗ (нефтеперегонные заводы) и 9 атомных электростанций в регионе. Газоперегонные пункты не могли качать газ. Финансовые центры Чикаго и Манхэттена оказались парализованы, а Уолл Стрит не работала совсем. Интернет был доступен только модемным подключениям через телефонную сеть и лишь до того момента, пока не исчерпался заряд аккумуляторов [18]. Большинству промышленности пришлось остановиться, многие не работали вплоть до 22 августа. Этот последний момент касался также и автоиндустрии. Даже самые крупные эфирные и кабельные операторы телесетей вещали с перерывами. В Нью-Йорк Сити как рестораны, так и люди в районах приготовили еду из всех запасов и раздавали бесплатно как скоропортящиеся продукты, которые скоро должны пойти на выброс. А между тем, концерт Indigo Girls прошел, как и было запланировано, в Центральном парке. А платная дорога в Нью-Джерси перестала брать за проезд.

Не знаю как вы, но я тут не вижу никаких недостатков. Каскадное отключение было широким и глубоким, разве что только коротким. Использование GSM резко упало; АЭС оказались бесполезными; в Нью-Джерси никто не перегонял нефть (мое детское восприятие этого как Мордора на фоне последних вздохов болот); богатые не могут грабить бедных, поток лжи и злобы перестает опустошать наши сердца, наших детей, и нашу культуру на протяжении недолгого вечера. А кроме того люди встречались с соседями и делали вечеринки.

Активистов РЭВ будут сурово осуждать, и не только большинство, но Большие Эко организации и даже активисты низовой самоорганизации. Этого нужно ожидать. Наши бойцы должны подготовиться к этому эмоционально, социально и организационно. Тут ничего не поделаешь. Помните цель: остановить и разрушить промышленную цивилизацию. Если судить по этой цели, то первая атака на электросети оказалась громким успехом.

И ничто не порождает успех как сам успех. Формируется больше групп, больше подразделений в сети. Может даже целая ветвь посвящает себя атакам на энергосети, а остальные переходят к другим целям. Например, битуминозные пески. Трубопроводы несущие битуминозные пески от Альберты до побережья растянуты на 80 км. Саботировать из легко. А между тем, оборудование для крупномасштабной добычи битуминозных песков почти невообразимо: высотой в 20 этажей и выше. Некоторые части оборудования приходится перевозить грузовиками на 90 шинах и 24 осях общим весом в 416 000 тонн, причем вес таков, что еще два грузовика должны помогать толкать [19]. У таких грузовиков имеются особые документы и им можно передвигаться только в течение светового дня.

Наша история ускоряется. Победа Бригады Битуминозных песков наступает в ночь, когда сгорают драглайны, а немногие фабрики, производящие их, превращаются в пепел. Получит ли Suncor Energy еще и добавку? Да. Они сгорят тоже, где-то на уязвимом участке между точкой доставки в Беллингеме (штат Вашингтон) и точкой отправки в Форт МакМюррей (штат Альберта).

Опять-таки, большие нефтяные и угольные компании, большие экологические организации осуждают активистов. Общественность ненавидит их лютой ненавистью. Но на реке Антабаска северная щука и тундровые лебеди любят их. Покупается больше оборудования. Наши борцы отвечают тем, что оборудование тонет, не достигнув берега, а как дополнительный росчерк пера уничтожается парочка корпоративных штаб-квартир. Коренные в Антабаска старейшины Чипевьян и Микисью Крии улыбаются всю неделю. Воины, тем временем, задают вопросы, начинающиеся с «*kakipewicihwin ci?*» (ты придешь и станешь вместе со мной?) Именно им предстоит решать, будут ли они переходить из обороны своей общины в нападение. Молодые, конечно, все скажут: «Да!». А когда прокатится следующая волна отключений от ГЭС по середине континента, в ночи прогремит внезапный взрыв и обрушится главный мост на Provincial Route 63. Попробуй-ка перевезти полмиллиона тонн оборудования через реку теперь.

На этом этапе вовлечена лишь сотня людей. Есть три сети: одна на Северо-Востоке, другая на тихоокеанском Северо-Западе и одна поменьше на Среднем Северо-Западе. Также есть сплоченные группы единомышленников в Ванкувере, Ашвиле, Бурлингтоне, Остине, Гулефе, Монреале и некоторых воинствующих обществах развитых стран мира.

И в этой истории, есть люди, к которым ты хочешь присоединиться, но не можешь. Они принимают те решения, которые вынуждены принимать, но делают то, что могут. Они переводят сокращенную версию этой книги, ее душу, ее сердце, на хинди, испанский, китайский и сами. Глубокое Экологическое Сопротивление становится *La Résistance Ecologique Profonde*, а затем - *Molaskaskwi Aaodwgan*, ускользая южнее и становясь *Resistencia Ecologica Radical*, пересекая океаны и становясь *Djupur Grann Motspyrna*, *Tiefenökologischer Widerstand*, *Morktgront Motstand*, *Paglaban Malalim Berde*. Вопрос меняет форму, но не суть: *K'widzawidzi nia? Ti unirai a me? Kayo ay sumali sa akin?* Вопрос задается, задается и задается. Его шепчут как молитву и в этот момент сердце переходит от просьб к благодарению: ты встанешь рядом со мной? Пока «я» не станет «мы», чтобы сопротивление наконец набрало ход.

Сопротивление никогда не теряет из виду свои цели, хотя из-за этого оно может потерять своих членов. Лучше иметь немного надежных чем больше нестабильных, особенно, когда речь идет об опасной деятельности. Цели для атак не меняются: горючие ископаемые, промышленное земледелие, и промышленный капитализм.

Промышленная вырубка леса вырывает легкие у нашей планеты, а людей из их домов. Джунгли Амазонки когда-то были домом для десяти миллионов коренных жителей, а сегодня их меньше 200 000. Если хотите обсудить геноцид, то дорога слез и крови ведет к истинным виновникам: Mitsubishi, Georgia-Pacific, Unocal (ныне Chevron). Unocal будут показательны в своей деятельности. Unocal, к примеру, получил иск от местных жителей в Бирме за соучастие в изнасилованиях, пытках, принуждении к труду и в убийствах – все это насилие обрушилось на людей, когда Unocal построил трубопровод. Их также насильно переселили, а «хеппи энд» этой истории повторяется из раза в раз.

ГЭС требует тотальной солидарности, защищающей как барьер, как непреодолимая стена решимости сопротивляться агрессии промышленности. Наши бойцы провели эту линию вокруг каждого островка джунглей и каждого из оставшихся участков девственного леса, и они построили этот барьер переводя средства, передавая навыки и ресурсы. Они построили его риском и мужеством, поскольку промышленная инфраструктура доступна гражданам США и Канады, особенно белым, хорошо одевающимся носителям английского языка.

Промышленная вырубка требует вертикальной структуры подчинения, потока капитала, специализированного оборудования, транспортных путей и пунктов приемки в промзонах. Каждый пункт в этом списке звучит как команда для старшего офицера. Наши бойцы, подкованные стратегией, понимают, что нужно делать, а некоторые из эльфов выходят из деревьев, чтобы помочь им, и берут в руки оружие этой войны.

Промышленный вылов рыбы возможен благодаря гигантским траулерам высотой в три этажа, которые тянут по дну стальные тралы. Тралы крушат все живое, начиная с океанских лесов – кораллов. Коралловые рифы – старейшие из живых сообществ планеты, некоторым из них более 50 000 000 лет. Они являются домом для четверти океанской жизни.

Промышленный промысел – это убийство океанов вместе с людьми, выживающими на его берегах. Это убийство – жестокие тросы, бесчеловечные разорительные сети, молчаливое истребление жизни – это неотложность превосходящая все метафоры. Океаны кажутся нам чем-то огромным, несказанным, вечным. Но огромное опустошают, несказанное уходит за гроши, а вечное – 50 000 000 лет вечного – размалывают в пыль.

Все это убийство опирается на свою инфраструктуру, точно, как лесозаготовка, нефть и уголь. Командуют им из небольшой кучки командных центров, орудия убийства производят всего несколько производителей, всего несколько виновников, и считанные каналы поставки. Каждый удар РЭВ против горючих ископаемых и энергосети косвенно замедлит эту промышленность, а прямые атаки снесут ее быстрее. Помните: когда-то в Средиземном море были киты. Узнают ли наши дети, что когда-то в океанах была рыба? Помните вот еще что: два из трех вздохов животных возможны благодаря планктону, благодаря кислороду, который он производит. Мы обязаны всем этим маленьким созданиям,

созданиям, чей водный дом закисляется ежечасным горением ада индустриализации. Если океаны умрут, месте с ними умрем и мы.

Промышленное сельское хозяйство может представлять из себя несколько целей, но эти цели имеют критическое значение для рыбы, лесов и последних остатков степей. Они также важны для продовольственной безопасности и культурного выживания большей части мира. Рыбам агропром угрожает, отбирая у них воду, особенно для урожая Зеленой Революции, и эту воду либо выкачивают из водоносных пластов, либо выгораживают дамбами реки. Перегороженная дамбой река – мертвая река, и первой умирает рыба. Следующими умирают деревья, которым нужны приносимые рыбами питательные вещества. Деревьям также нужна вода, которая уже ушла на сотни несколько километров в глубину, выкачанная ради хлопка и риса. Инженерные сооружения на реке делают ее полной противоположностью водно-болотных угодий, которые когда-то были самыми большими по количеству видов хабитатов планеты. Водно-болотных просторов нет птиц. Реки – по сути кровь планеты, которую качает сердце паводков и оттепелей. Их вены были опустошены ради дешевых сельхозтоваров, которые удивительно легко превращаются во власть и богатство.

Многие дамбы являются особенно важными объектами промышленной инфраструктуры. Миссисипи заковали в бетон не только ради воды для урожая, а еще, и чтобы водный путь можно было использовать как транспортный коридор. Огромные баржи, идущие вниз по течению, из залива, по всему миру, в то время как нефть идет в обратном направлении. Устранение дамб тоже имеет критическую важность для выживания биоты, а устранение дамб будет каскадным успехом для птиц, рыб, водно-болотных угодий и лесов, для исчезающих устьев рек и бледным проблеском надежды для степей.

В нашей истории на этих заливных равнинах имеются дома, существовавшие когда-то и дома, которые появятся в будущем. Наши бойцы предупреждают людей, потому что РЭВ – серьезное мероприятие. Это не символические атаки рассчитанные на внимание прессы. Это последний шанс для долгого, медленного, истекающего кровью пульса жизни по всей планете.

Конец агропрома может быть началом серьезной работы культуры сопротивления. Кто-то должен начать восстановление степей. Углерод, выброшенный промышленностью, нужно секвестрировать, а бобров нужно вернуть домой, чтобы они помогли. Политическая миграция в Канзас однажды уже произошла и нет причин не повторить ее. Люди чувствовали неотложность проблемы рабства и знали, что весь Запад мог пасть, если Канзас не сохранил бы независимость. Тысячи аболиционистов переехали в совершенно пустынное место, на край культурного мира с точки зрения бостонских горожан, чтобы остановить рабство, и им удалось. Ах, если бы экологические активисты только поняли, что степи отчаянно хотят вернуться и делать свою работу, а все, что им нужно, так это люди, готовые помочь им, и тогда надежда, гектар за гектаром смогла бы укорениться в земле. Молодые и идеалистичные хотели победить фашизм в Испании, собирать урожай сахара на Кубе, собирать кофе в Никарагуа. Сейчас они нужны, чтобы восстановить степи, но никто их не зовет. Пусть это будет первым призывом: исправь, восстанови, присоединись. Исправьте сломленные реки и истощенную почву. Восстановите травы и сообщества животных. Присоединитесь как участники, чтобы никогда больше не доминировать. Прекратите покупать едва съедобные промышленные продукты питания, произведенные из сои, и начните мечтать о степях. Сама по себе земля – дешевая. Поймите, что корпорации не владеют землей. Совершенно очевидно, что если бы они владели землей, то им пришлось бы платить фермерам зарплаты как наемным работникам. А сегодня они могут опускать цены ниже себестоимости, а федеральное правительство покрывает разницу. Фермерство, согласно Департамента труда США, статистически незначительная отрасль. На Среднем Западе есть целые города-привидения, где недостаточно детей, чтобы набрать команду по бейсболу, не говоря уже о средней школе. И точно, как MEND финансово независимы, фермеры, у которых бизнес основывается на траве, могут получить прибыли в первый год такой деятельности. Так что соберите своих друзей, свое глубокое экологическое видение и поезжайте. Тысячи людей сделали это в 1854 году. Еще тысячи сделали это вместе с Хеленой и Скоттом Ниринг в Вермонт. Идите за сон-травой, которая первой раскрывает свои цветы весной, идите за зубром. Их красота и суровое изящество могут позвать за собой целое поколение. Индейцы Дакоты поют, когда цветет сон-трава, чтобы расцветало и все остальное. Пусть твой первый гектар степей станет первым цветком, пусть твоя сильная песнь станет его пробуждением.

За последние два поколения наблюдался отток населения из сел в города, как в США так по всему миру. За этим переселением, вызванным экономическим прессингом, в конце концов стоит применение горючих ископаемых в рамках цивилизации. Эти переселения – реки слез в волнах человеческих культур и сердец. Когда век нефти содрогнется и угаснет, эти переселения обратятся вспять, если это будет возможно. Люди идут туда, где надежда, особенно, если это надежда на самое необходимое для выживания. Но я говорю «если это будет возможно», потому что во многих ими оставленных местах земля превратилась в соляные пустыни и песок. Но нет ничего, что нельзя восстановить. Жизнь хочет жить, и их восстановление может потребовать ресурсов и времени, которых у голодающих людей нет, наряду с демократическим самоуправлением в коррумпированных селах. Легко догадаться, что из этого выйдет: ужасающая гонка между силами, борющимися за жизнь и накопленной властью привилегий. Зеленый Пояс Кении – это сила 45 миллионов деревьев и одной Нобелевской премии. И опирается она на демократию и феминизм, поскольку она – во вновь зеленеющих склонах гор. «Бездействие сейчас обернется катастрофой. Это значит, что мы единственное поколение людей способных эффективно справиться с брошенным нам вызовом», говорит Нобелевский лауреат, основатель Вангари Маатаи. 40 А между тем пылевые бури из Китая повлияли на качество воздуха в Колорадо, 94% земли в Иране деградированы, треть земель в Пакистане рискуют стать пустыней. 41 Все это показывает насколько совершенно необходимы друг другу открытые активисты и подпольные бойцы. Одна только РЭВ не способна остановить процессы

опустынивания, а все самые преданные усилия активистов борющихся за права человека и демократию не могут реализовать существенные перемены в отмеренные нашей планете сроки.

Обрушение глобальной экономики могло бы легко означать, что в мире бедного большинства деревенские бедняки смогут остаться дома, а городские бедняки смогут вернуться домой. Что касается мира меньшинства, где живут богатые и властные, Европа находится в совершенно иной ситуации чем США и Канада, потому что Европа создала свое пространство задолго до века автомобиля, создала его пропорционально самому человеку, в его масштабе. И они очень хорошо потрудились, защищая фермерские угодья за чертой городов. Например, в Швеции торговые центры запрещены. Любая, кто предложит подобное в США будет или предан суду за госизмену или сожжен как еретик. Каждая порция еды в США проделывает путь равный в среднем 3 000 км, отчасти потому, что земля вокруг городов разорена асфальтом – жертвоприношением Богу Нефти. Как выразился неповторимый Говард Кунстлер, пригороды – «способ организации жизни, у которого нет будущего». Это будущее уже почти пришло, и горожане США и Канады должны признать это сейчас, до того, как законы поставят их перед фактом. И это так, независимо от того, последуют ли серьезные действия бойцов ГЭС или нет.

Грядущее снижение энергетики и обрушение биоты, какими бы ни были масштабы, не обязательно должны означать массовый голод. Выражаясь очень просто, будем ли мы голодать или есть – зависит от нас самих. Будет ли оставшаяся нашему обществу энергия истрачена на еще большее количество бесполезного хлама для богатых или на перевозку простых продуктов питания (от фермеров) на фоне того как локальные экономики пытаются закрепиться в объективной реальности? Готовы ли мы сказать богачам, что они не имеют права на горы электронного мусора, при том что мы не имеем еды? Сегодня, субсидии зерновым картелям делают товары агропрома самыми дешевыми калориями на рынке. Предложение в сфере продуктов питания структурировано в пользу прибылей корпораций. Так устраните эту структуру. Мы все вместе будем виноваты, если мы останемся голодными, если не отберем у них нашу власть. Наше отрицание⁶³, словами Кюнстлера, «полностью несовместим с чем-то подобным коллективной ответственности перед будущим». 42

Эта ответственность подразумевает последнюю цель – корпоративный капитал. Всего 1400 человек контролируют экономику всего мира. Тут все просто: у них богатство, и мы хотим его отобрать. Опять-таки, тут требуются преданность делу как легальных активистов, так и вооруженных бойцов. Разрушение физической инфраструктуры капитализма – это только временная полумера, которая будет работать до тех пор, пока законодательные структуры не организуют кражу повторно, а эта кража опирается на силовую поддержку. А активизм и инициативы, направленные на переориентацию экономики на человеческие потребности, терпят поражение. Такие инициативы требуют поддержки. Создание угрозы инфраструктуре мирового капитализма требует небольшого риска для человеческой жизни. Существует всего 20 самых больших фондовых биржи. Все они тотально зависят от электричества. Все они закрываются на ночь. Все они находятся в больших городах требующих перевозки миллионов приезжих из пригородов. И опять-таки: без интернета глобализация была бы невозможна. Вера в то, что бедные зависят от богатых, – это лишь свежая версия «Бремени Белого Человека» Редьярда Киплинга. Им не нужно американское зерно, ГМО, технологии или корпорации. Им точно не нужно, чтобы богатые основу их жизни – землю, реки, деревья, рыбу, нефть, солнечный свет или труд – в богатство и затем одалживали им это богатство. Чем эффективнее нашим бойцам удастся прервать поток капитала, тем больше останется места для дыхания хрупких корешков справедливости.

И вот в нашей истории наступил момент эмоционального напряжения. Нашим бойцам нужно идти вперед, не сходя с тонкой грани между необходимостью действовать и необходимой подготовкой. Привлекательность критически важных целей противопоставлена нравственному грузу возможных жертв. Отчаянная необходимость в серьезных ударах ведет к моральной дилемме, заложенной в неопределенных последствиях. А ведь будет еще так много дилемм, причем некоторые из них будут требовать решений и не давать времени ни на что, кроме сожалений.

РЭВ требует жертв, и некоторые из них будут неприятным и необратимыми. Наши бойцы могут предпочесть эту работу любви, семье, друзьям. Им придется подойти к вербовке серьезно, а к нарушениям культуры безопасности – еще серьезней. Им, возможно, придется провести полжизни в тюрьме, чтобы не выдать товарищей. Им придется рисковать своими жизнями и, что еще труднее, жизнями других. Не будет чествования героев, ни для кого, кроме выходцев из коренных народов. Будет секретность, травмы и предательства, и все это доведет их до изнеможения.

Но раз это наша лучшая надежда, есть и возможность победы. Забастовки будут решающими, а победа будет больше похожа на медленное блуждание корней в почве. С поверхности кажется, будто со вчера ничего не изменилось, но корни не сдаются, ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Пока нежные волокна не найдут воду, и тогда многое становится возможным. Если ответ «да», то вода найдется. Будет еще больше воды, если будет еще шесть раз «да», которые соберутся, чтобы нарисовать карту возможного, список задач – стрелу, нацеленную в сердце ада. Сила – лишь только часть натяжения. Успокой свои руки, когда целишься. На выстрел уйдет несколько месяцев. Но первая стрела будет оперена крыльями странствующих голубей и бескрылой гагарки, и все летающее захочет вернуться домой.

Через шесть месяцев вас будет больше, и кто-то уйдет, но вы будете готовы к большей численности. Больше значит, что ваш успех стал сделкой на вербовку и небольшая сеть уже существует. Через девять месяцев они уже натренированы. Через десять поступает сухой приказ, детали которого знают только те, кто должен знать. Через два дня отключается электросеть, рушится мост, тонет или сгорает во тьме ночной какое-то оборудование. Вы выиграли для жизни на этой планете – от постоянства крошечной зеленой точки планктона до терпеливой грации зубра – еще несколько часов, а может, и день.

⁶³ Отрицание – способ психологической защиты, при котором применяющий его человек отрицает события или информацию, которую не может принять.

И неожиданно – радость: по всему континенту, или где-то за океаном, кто-то еще тоже отвечает «да» на понятном языке сопротивления. Люди, которых ты никогда не повстречаешь, гасят свет Берлина и Бангкока, зажигают ночные огни в Форт Мюррее, рубят компьютеры на Бомбейской фондовой бирже. Война началась!

Вы дважды «положили» энергосети. Лесные Бригады уничтожили оборудование и дороги, две фабрики и добрый кусок корпоративной штаб-квартиры Plum Creek's. А команда Защита Рыб сняла Лебединый Водопад и дамбу Миндока: 12 погибли, трое схвачены. И ответ власть имущих был скорым, жестоким и глушили они людей без разбора. Двести человек исчезли без вести, выкраденные полицией или головорезами корпораций. Некоторые из них, возможно, были бойцами, некоторые – легальными активистами. А некоторые вообще не имели к сопротивлению никакого отношения. Трое схваченных молчат и приходит весточка, что они уже не заговорят. Остается лишь скорбеть в минуты между сном и движением. Придет день, и ты сможешь сломаться, и тогда потекут слезы. Но пока рано. Сейчас все внимание на будущем.

Пройдет еще три месяца, и вдруг по всем каналам новость – три драглайна в Западной Вирджинии сгорели дотла. «Оставьте наши горы или умрите в них» – единственное коммюнике. Ты не знаешь этих активистов, но ты чувствуешь ритм их сердец. Бригада Нефти уехала в Луизиану, вознамерившись взяться за буровые – ядовитое подобие леса, вздымающегося над морем, загаженным нефтью вот уже двадцать лет. Дамбы на Миссисипи подвергаются атакам, одна за другой. Затем целую ячейку арестовывают на Среднем Западе: восемь человек попали в облаву. Паранойя распространяется как чума – слухи, чистки. Твоя сеть держится, потому что ты построил ее именно для этого. Только преданных пригласили, и они были научены. И они принесли клятву все, что считают священным, хранить дисциплину и действовать достойно.

В открытом обществе, Главные Экологические Организации и публичные деятели экологического движения не могут сказать ничего хорошего ни о вас, ни о ваших товарищах, с которыми вы не знакомы. Но это неважно. Под поверхностью, люди говорят, а молодые и всегда бесстрашные хотят присоединиться. И это не важно, потому что важна цель, стратегия, и поражаемые цели. Переубеждение читателей журнала Yes! в план никогда не входило.

К концу второго года на сеть уже никто не полагается. Экономика трещит по швам, а американская публика готова пить вашу кровь. Но где-то черная крачка выкармливает свое потомство, а когда они оперятся, то понесут надежду всего своего вида на своих маленьких крыльях. В Бирме и в Амазонке лишь несколько старейшин говорят на своем языке, полном слов, описывающих растения, дождь и духов. Сразу за пределами города Боулдер, Линкольн и Де-Муан, снова появляется бизон и несколько смелых гектаров многолетних трав. Подземный туннель на трассе I-70 украшен надписью: «Вы в свободном городе Лоуренс! Берегите природу или умрите!» Тоненький ручеек восстановителей добрался сюда из Балтимора, Сиэтла и Окленда, наполняя дикой природой не только свои умы, но и мир. Первые учат сажать, бережно расходовать воду методом Йеомана, пока принимается трава, как уважительно присматривать за самкой бизона, пока она вынашивает свое потомство. И они обучают эволюции, контролю рождаемости, демократии в своей альтернативной школе.

На третий год, нефть доходит до 200 долларов за баррель, затем 210, 220. Еще немного выше и система начинает рушиться под собственным весом. Углерод – на отметке 400 и растет. Сеть сопротивления с востока шлет партии материалов домашнего изготовления на юг. У людей теперь на вооружении больше чем стрелы и копья. Дамба Бело Монте больше не существует: 20 000 людей и лес могут оставаться у себя дома.

Народная милиция в сельских районах Висконсина и Мейна налаживает доставку хвороста для пожилых людей зимой. Вермонт становится независимым после голосования с перевесом лишь в 2%. В разговор вступает движение за политическую защиту биорегионов Каскадия. Фермеры в Бенгале устраивают Бенгальское чаепитие, выбрасывая дешевые товары из США в залив, а затем блокируя дороги к портам. Ненасильственные активисты полностью блокируют встречу Большой Двадцатки этого года. Различные штаты в Америке принимают поправку к Конституции устраняя понятие индивидуальной корпорации (corporate personhood). Угощение из сои на обедах вскладчину вызывает удивление и снисходительные улыбки. Лас Вегас меркнет, и даже те, кто тебя ненавидят, вынуждены улыбаться. В Нью Йорке, Атланте и Вашингтоне нет кондиционирования воздуха, деревьев давно нет, а лето стало самым горячим в истории планеты. Слабые и престарелые под ударом. На полках супермаркетов все больше становятся просветы пустых полок.

Но разведение кур в городах облегчило приход туда коз и свиней. Лужайки становятся пастбищами; люди учатся вычислять поглощение углерода на своих маленьких участках многолетних культур. Движение Переходных Городов переписывают свою платформу, третье поколение манифеста Переходных Городов, на основании прямой демократии, правах человека, феминизма, стабильной локальной экономики. Некоторые выдвигают свои кандидатуры на должности в местных властях и некоторые побеждают. А Юджине, Медисоне и Питтсбурге делаются колоссальные усилия по повышению гражданской грамотности, а затем по установлению демократии прямого участия. В Беркли, корпорации становятся незаконными. Женское движение сопротивления против бытового насилия Гулаби Генгс возникает в Бостоне, Итаке, а затем в Лондоне, Амстердаме и Мехико. Генгс рассылает книги в школы для девушек в Пакистане и Судане, а противозачаточные таблетки выдают за детский аспирин. Ходят слухи, что они также отправляют пистолеты.

Восстановители дикой природы выкупают все больше урожайных равнин реки Миссисипи, гектар за гектаром. И раз ее нынешнее население больше не получает страховку на случай катаклизмов, некоторые из них продают землю. Другие заинтригованы, анализируют свою бухгалтерию и записываются на летние стажировки. Команда юниорской лиги «Пеория Чифс» («Главари» г. Пеория) становятся «Степные Собаки Пеории». Зубров видят вдоль транс-Канадской трассы I-90.

Твоя команда освоила скоростные лодки и расположение океанских нефтедобывающих платформ, инфраструктуру нефтепроводов и вы легко изъясняетесь на языке мегаваттов. Целые участки девственного леса все еще

стоят, но удобренные кровью твоих друзей. В Лиме и Ченнаи и также в пригороде Миннеаполиса есть шестнадцатилетние подростки, отчаянно жаждущие сказать «да». Ваша численность растёт, но растёт и концентрация углерода. Это печальная гонка до самого конца.

С этого момента история размыта. Я не могу ее завершить. Только ты. Каким бы ни было твоё призвание, мир не может больше ждать. Власть, во всех своих тупых, глупых и садистических обликах занесла топор над всеми оставшимися живыми существами. Если мы дрогнем – они победят. Собери все твоё мужество и сердце в кулак, сотвори из любви нестигаемую стрелу и прицелься.

Присоединишься ли ты ко мне? Станешь ли со мной рядом? Отсчет времени пошел. Как только ты выпустишь эту книгу из рук и задумаешься серьезней чем когда-либо: «кого я могу попросить присоединиться ко мне?» Наши часы отсчитывают не секунды, а виды живых существ и углерод. Сколько ушло с тех пор как ты начал читать? Станешь ли ты со мной?

За время, которое требуется, чтобы написать этот вопрос, еще одно земноводное упало в пропасть небытия, еще один цветок согнулся и увял навсегда, еще один старейшина племени забрал с собой в мир иной язык природы. А пока ты будешь произносить твоё «да», все еще остается время сделать возможное реальным. Все еще есть время для амфибий как класса, осталось время чтобы справедливость победила власть и ее прогорклое удовольствие доминирования. Встанешь ли ты рядом со мной?

Пусть этот вопрос переходит не из уст в уши, а из сердца в сердце. Его придется шептать, но он может гореть. K'widzawidzi nia? Te joindras-tu a moi? Ndicele undincede? Apni ki amar sathey jog deben? Пусть он идет по миру, пока не вернется назад: ты встанешь со мной?

Да, это все еще возможно. Но «да», как слово «любовь», должно быть глаголом, нашей лучшей и единственной надеждой. Пусть «да» ведет тебя. Затем отпусти его на волю.

Эпилог

Начало

Секрет нашего успеха в том, что мы никогда, никогда не сдаемся.

--- Вильма Манкиллер, вождь Чироки

Говорят, путешествие в тысячу миль начинается с одного шага. Иногда, самое трудное – начать. Чем более амбициозное и бросающее вызов путешествие, тем более первый шаг внушает страх, а свержение цивилизации – это очень амбициозное предприятие.

Писатель, посвятивший себя персональной эффективности, Дэвид Аллен, часто просит людей написать на бумаге две вещи: конечную цель проекта и один ближайший шаг, необходимый для прогресса в реализации проекта. Мы определили цель. Для большинства людей, проблема – тот самый первый шаг. Тысячи людей спрашивали у нас на выступлениях и конференциях: «Что мне делать теперь?». Надеюсь, дочитав до этих строк у вас сложилось определенное представление об этом. Однако небольшой список не помешает.

С этой целью даем далеко-далеко не исчерпывающий список некоторых (почти безрисковых) способов стать частью Большой стратегии, несколько способов начать или расширить деятельность сопротивления, из тысяч или сотен тысяч доступных способов. Мы разделили их на открытую и подпольную деятельность, однако списки не взаимоисключающие.

Начальные действия и варианты вхождения в сопротивление

Открытая деятельность:

Читайте или смотрите вдохновляющие и информативные книги и фильмы о сопротивлении. Организуйте вечер или серию вечеров для просмотра и обсуждения фильмов, обсудите то, как можно применить их уроки к нынешней действительности.

Напишите список навыков, которые ты хотел бы освоить. Как только у Вас будет готов список, составь план их освоения и источники навыков. Подготовьте расписание и выделите время для каждого из них каждую неделю или каждый день. Учитесь и практикуйте.

Включайтесь в работу по поддержке заключенных и общую работу солидарности. Написание писем политзаключенным – это хороший способ начать, а их точно хватает. Общие задачи по солидарной поддержке различных направлений борьбы – это способ получить опыт, построить связи и узнать о различных взглядах на борьбу и ее методы.

Станьте распространителем пропаганды. Давайте восприимчивым друзьям и знакомым твои любимые политические книги, фильмы и другие носители информации.

Станьте основателем своей собственной группы или присоединитесь к радикальной группе в своем регионе.

Создай или присоединись к группе, интересующейся и занимающейся политическими акциями, и взаимной поддержкой. Регулярно встречайтесь, чтобы оценить политический активизм в вашем регионе, определить возможные варианты действий для улучшения ситуации, разработайте долгосрочные цели и стратегии. Такая группа единомышленников должна концентрировать внимание на результате и нести ответственность за продвижение к нему.

(Маленькое предупреждение из опыта: не обязательно жить вместе и/или поддерживать любовно-романтические отношения со всеми членами группы.)

Практикуйте допросы. Играйте по очереди в «полицейского» и «активиста» в ситуации ареста или задержания. Помните, что полиция угрожает, манипулирует и лжет.

Разыгрывайте ситуации с нарушениями культуры сопротивления. Притворитесь, что кто-то в вашем окружении имеет плохие для безопасности привычки, и спрашивает, не является ли Джейн внедренным агентом или не участвует ли Джордж в подполье. Как вы будете воспитывать такого человека?

Вернитесь к списку легальных тактических приемов в предыдущей главе. Выберите что-то, запланируйте и сделайте.

Подготовьте свою семью и жилище к отключению энергии.

Познакомьтесь с экосистемой в округе и с другими существами, которые в ней живут. Один из самых простых способов — это сделать — это положить в рюкзак справочник по съедобным растениям, бинокль и бутылку воды, а затем просто отправиться в относительно дикую зону неподалеку.

Стройте самодостаточность сообществ (общин) в своем регионе.

Мобилизуйте людей на акции гражданского неповиновения или подобные акции для поддержания борьбы в актуальных в регионе направлениях. Это помогает строить движения сопротивления и тренировать людей тому, как нужно бороться со властью.

Подполье:

Читайте истории успешных и провальных подпольных групп прошедшего столетия, включая Подземку (Underground Railroad), АНК, сети оккупированной Европы, группы диссидентов в странах Балтии и странах, оккупированных СССР, студенческое движение, приведшее к событиям на площади Тяньаньмэнь. Подумайте, почему они победили или проиграли и чему у них можно поучиться.

Как часть вышеизложенного, изучите трудности жизни членов ячейки в подполье сопротивления (что зачастую может быть изматывающей, тревожной и опасной работой) и оцените насколько Вы расположены и способны на это.

Старайтесь вести себя самым обычным образом и предпримите меры к тому, чтобы Вас было невозможно подозревать в подпольной деятельности. Это также может означать работу под псевдонимом или вообще неиспользование соцсетей: Фейсбука, ВКонтакте и т.д.

Прочитайте раздел по вербовке и фильтрации в первой части книги. Продумайте способы фильтрации других людей и практикуйте взаимный рекрутинг в реальной жизни. Обдумайте (но не записывайте), кто в вашей жизни мог бы быть кандидатом на формирование подпольной ячейки и как вы могли бы найти к этому человеку подход. Если у Вас недостаточно кандидатов, то подумайте, где Вы могли бы их обнаружить.

Сформируйте «предварительную группу», группу доверенных друзей без названия и без миссии, которая будет незаметно встречаться и обсуждать в общих чертах все «за» и «против» потенциальных подпольных акций. Эта группа не должна существовать, чтобы осуществлять акции, однако может стать безопасным местом для обсуждения, однако она должна соблюдать правила безопасности и четко ограничивать то, что (если такое вообще будет) группа может упоминать в общении с теми, кто не является ее членами.

Изучайте навыки, которые имеют отношение к подпольной деятельности, которые при этом являются абсолютно нормальными и легальными в окружающем вас обществе. Это может включать в себя компьютерное шифрование и коды, механику, неотложную помощь и безопасное обращение с оружием.

Практикуйте допросы. Играйте по очереди «полицейского» и «активиста» в ситуации ареста или задержания. Помните, что полиция угрожает, манипулирует и лжет.

Разыгрывайте ситуации с нарушениями культуры сопротивления. Притворитесь, что кто-то в вашем окружении имеет плохие для безопасности привычки, и спрашивает, не является ли Джейн внедренным агентом или не участвует ли Джордж в подполье. Как вы будете воспитывать такого человека?

Практикуйте самодисциплину в целом. Подпольные кадры и бойцы должны обладать высоким уровнем самодисциплины и самообладания. Регулярные занятия для физподготовки и общей тренировки могут быть частью подобных усилий, даже обычные пробежки трусцой. Воздержание от употребления алкоголя и наркотиков может быть еще одним методом практики самодисциплины. Иные акты уклонения — тоже в списке кандидатов.

Осваивайте основные навыки выживания, учитесь справляться с трудностями, импровизировать в трудных обстоятельствах. Вот пример: запланируйте поездку на выходные в кемпинг, упакуйте все необходимое (но только его) в две сумки. За минуту до выхода подбросьте монетку и оставьте одну из сумок дома.